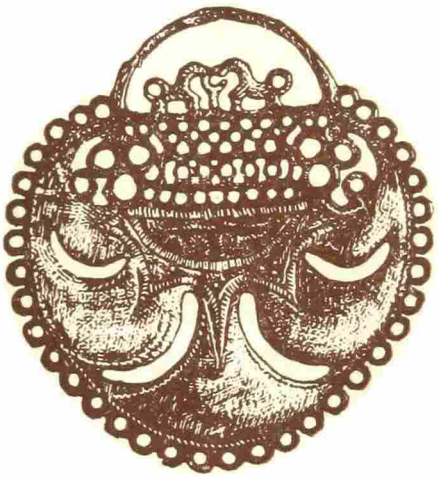
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1982

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р. М. (Москва). Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики КПСС . . 5
Черных Е. Н. (Москва). Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) 8
Третьяков В. П. (Ленинград). О неолите Верхнего Подонья 21
Коль Филип Л., Гескель Денис Л. (США, г. Бостон). Археологические памятники равнины Дарре Газ (распространение системы хронологии Намазга на материалы Иранского Хорасана) 33
Сулейман А. (Сирия, г. Алеппо). Цивилизация Эбла и культура сирийских кубков 48
Ольховский В. С. (Москва). О населении Крыма в скифское время . . . 61
Цолль-Адамикова Е. (Польша, г. Краков). Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян 82
Макарова Т. И. (Москва). Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи 91
Риер Я. Г. (Могилев). Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X—XIII вв. 107

Публикации

Астахов С. Н. (Ленинград). Голубая I — позднепалеолитическая стоянка на Енисее 119
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. (Москва). Поселение убейдской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии 133
Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы 150
Ильюков Л. С., Ларенок П. А. (Ростов-на-Дону). Сухо-Чалтырские курганы бронзового века 157
Кудрявцев А. А. (Махачкала). О новой хронологии древнего Дербента . 165
Патрушев В. С. (Йошкар-Ола). Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника 186

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1982 г.

Паньков С. В. (Киев). О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. 201

Заметки

Морозов Ю. А. (Уфа). Клад каменных орудий на р. Уршак 214
Журавлев А. П. (Петрозаводск). Глиняная фигурка водоплавающей птицы на стоянке Илекса I 216
Кияшко А. В., Мамонтов В. И. (Ростов-на-Дону, Волгоград). Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника . . . 216
Семенов Вл. А. (Ленинград). Памятники афанасьевской культуры в Саянах 219
Гришин Ю. С. (Москва). Дуройская стоянка эпохи раннего металла в юго-восточном Забайкалье 222
Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л. (Киев). Об одной категории костяных изделий срубной культуры 228
Бабаев А. Д. (Душанбе). Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан) 232
Охонько Н. А., Отюцкий И. В. (Ставрополь). Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска 235
Фехнер М. В. (Москва). Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня 243
Коваленко В. П. (Чернигов). Новый вариант печати Великого князя Всеволода Ярославича 245
Левушкина С. В. (Ташкент). Средневековый кувшин для нефти с городища Будрач 246

Критика и библиография

Онайко Н. А. (Москва). [Рец.] О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья 248
Ерофеев Ю. Н. (Москва). О некоторых неточностях в изложении истории исследований Ярополча Залесского (Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978) 260
Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. (Москва). О некоторых новых публикациях по искусству Гандхары 264
Краснов Ю. А. (Москва). [Рец.] Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры (Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 63. Саранск, 1979) 274
Семенов А. И. (Ленинград). [Рец.] Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества. Новочеркасск, 1979 278
Ларенок П. А. (Ростов-на-Дону). О Каталоге археологических коллекций музея истории Донского казачества (письмо в редакцию) 284
Андреева Ж. В. (Владивосток). Ответ Д. Л. Бродянскому 284

Хроника

Козенкова В. И. (Москва) X Крупновские чтения (Москва, 1980 г.) 287
Масленников А. А. (Москва). Чтения памяти Владимира Дмитриевича Блаватского 291
Памяти Евгения Алексеевича Горюнова 294
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1982 год 298

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1982

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Munchaev R. M. (Moscow). The Formation of the Union of Soviet Socialist Republics — the Triumph of the Leninist Nationalities Policy of the CPSU . . 5
Chernykh E. N. (Moscow). The Rational and the Irrational in the Archaeological Culture 8
Tretyakov V. P. (Leningrad). The Neolithic of the Upper Don Basin . . . 21
Kohl Philip L., Heskel Dennis L. (the USA, Boston). Archaeological Sites in the Darreh Gaz Plain: the Extention of the Namazga Sequence into Iranian Horassan 33
Suleiman A. (Syria, Aleppo). The Culture of the Syrian Beakers and the Ebla Civilisation 48
Olkhovsky V. S. (Moscow). On the Crimean Population in the Scythian Times 61
Zoll-Adamikowa H. (Poland, Cracow). Wooden Constructions in Cremation Mounds of the Eastern and Western Slavs 82
Makarova T. I. (Moscow). Archaeological Dating of the John the Precursor Church in Kerch 91
Rier Ya. G. (Mogilev). Rural Population Pattern in the 10th-13th Centuries in the Region of Mogilev, DnieperBasin 107

Publications

Astakhov S. N. (Leningrad). Golubaya I-A Late Palaeolithic Site on the Enisei 119
Merpert N. Ya., Munchaev R. M. (Moscov). Yarim-Tepe III Settlement of the Ubaid Culture in Northern Mesopotamia 133
Mikhailov B. D. (Melitopol). A Bronze-Age Mound Near Kamennaya Mogila 150
Ilyukov L. S., Larenok P. A. (Rostov-on-Don). Bronze-Age Sukho-Chaltyrskie Mounds 157
Kudryavtsev A. A. (Makhachkala). On a New Chronology of Ancient Derbent 165
Patrushev V. S. (Yoshkar-Ola). Forehead Ornaments from the Older Akhmylovo Burial Ground 186
Pankov S. V. (Kiev). On the Development of Ferrous Metallurgy in the Ukraine at the End of the 1st Millennium B. C.-First Half of the A. D. 1st Millennium 201

Notes

Morozov Yu. A. (Ufa). A Hoard of Stone Implements on the Urshak River . . 214
Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). A Clay Fugurine of a Waterfowl from the Ileksa I Site 216
Kiyashko A. V., Mamontov V. I. (Rostov-on-Don, Volgograd). A Catacomb-Grave Culture Burial of the Berezovsky Mound Burial Ground 216
Semenov Vl. A. (Leningrad). Afanasyevsky Culture Monuments in the Sayan Mountains 219
Grishin Yu. S. (Moscow). A Duroi Site of the Early Metal Age in the South-Eastern Transbaikalia 222
Gershkovich Ya. P., Evdokimov G. L. (Kiev). On One Type of the Timber-Grave Culture Bone Artifacts 228
Babayev A. D. (Dushanbe). Chim-Kurgan Coroplastae (Northern Tadjikistan) 232
Okhonko N. A., Otyutsky I. V. (Stavropol). A Rich Burial of the Hun Period at Zelenokumsk 235
Fekhner M. V. (Moscow). A Sheath-Protector of the Sword from a Mound at Korosten 243

Kovalenko V. P. (Chernigov). A Novel Variant of Grand Prince Vsevolod Yaroslavich's Stamp 245
Levushkina S. V. (Tashkent). A Mediaeval Jug for Mineral Oil from the Budrach Fortified Settlement 246

Book Reviews and Bibliography

Onaiko N. A. (Moscow). [Rev.] On New Publications of the Antique Toreutics from the Scythian Mounds of the Dnieper Basin 248
Erofeyev Yu. N. (Moscow) On Some Inaccuracies in the History of the Investigations of Yaropolch Zalessky (Sedova M. V. Yaropolch Zalessky, Moscow, 1978) 260
Serditykh Z. V., Koshelenko G. A. (Moscow). On Some New Publications on the Gandhara Art 264
Krasnov Yu. A. (Moscow). [Rev.] The 1st Millennium A. D. Archaeological Monuments of the Mordva (Transactions of the Institute of the Language, Literature, History and Economics at the Council of Ministers of the Mordovian ASSR. Issue 63, Saransk, 1979) 274
Semenov A. I. (Leningrad). [Rev.] Catalogue of Archaeological Collections. The Museum of the History of the Don Cossaks. Novocherkassk, 1979 . . . 278
Larenok P. A. (Rostov-on-Don). On Catalogue of Archaeological Collections of the Museum of the History of the Don Cossaks (letter to the Editors) . . 284
Andreyeva J. V. (Vladivostok). A Reply to D. L. Brodyansky 284

Chronicle

Kozenkova V. I. (Moscow). The Tenth Krupnov Readings (Moscow, 1980) . . 287
Maslennikov A. A. (Moscow). The V. D. Blavatsky Readings 291
In Memory of E. A. Goryunov 294

МУНЧАЕВ Р. М.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК — ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС

Победа Великой Октябрьской Социалистической революции положила начало новой эры в истории человечества — эры крушения капитализма и перехода к коммунизму. Она ознаменовала коренной перелом в исторических судьбах народов нашей многонациональной страны. Под знаменем пролетарского интернационализма коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, приступила к созиданию нового общества, основанного на союзе рабочих и крестьян и братстве всех народов, построению первого в истории многонационального социалистического общенародного государства.

Советский народ и все прогрессивное человечество отмечают сейчас 60-летие СССР. Рождение Союза ССР, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», является результатом победы Великой Октябрьской Социалистической революции, разбившей цепи социального и национального гнета и поднявшей к самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны[1]. Образование СССР, провозглашенное 30 декабря 1922 г., означало создание принципиально нового государственного образования и блестящее торжество ленинских принципов национальной политики.

Решающую роль в создании единого союзного государства сыграла РСФСР, вокруг которой на добровольных началах сплотились все советские республики. Как первое многонациональное Советское государство, РСФСР явилась прообразом Союза ССР. Первоначально в состав СССР кроме РСФСР входила Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская союзная федеративная социалистическая республика. В 1925 г. в его состав вошли Узбекская ССР и Туркменская ССР, а в 1929 г.— Таджикская ССР. В 1936 г. СССР объединял уже 11 союзных республик, а к началу Великой Отечественной войны в него вошли еще четыре республики — Латвийская, Литовская, Эстонская и Молдавская ССР. СССР — добровольное объединение 15 равноправных союзных социалистических республик — прошел через серьезные испытания и доказал великую жизнестойкость на всех этапах своего развития и особенно в грозные годы Великой Отечественной войны.

В СССР в братской семье проживает более 100 наций и народностей, объединенных в новую историческую общность — советский народ. Победа Великого Октября, позволившая воплотить в жизнь разработанную основателем партии и Советского государства В. И. Лениным национальную политику КПСС, открыла всем народам СССР, многие из которых до революции пребывали в отсталости и были лишены даже своей письменности, невиданные перспективы развития. При братской помощи русского народа они встали на широкий путь экономического, социального и культурного прогресса. От родового и феодального строя, минуя капитализм, ряд народов СССР вступил в социализм и вместе со всем

[1] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М.: Политиздат, 1982, с. 4.

советским народом построил в нашей стране развитое социалистическое общество. Во всех республиках страны Советов развиваются передовые отрасли современной экономики, получила расцвет культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Именно расцвет культуры народов СССР, в том числе советской науки, является одним из ярких примеров впечатляющих успехов развития нашей Родины за минувшие 60 лет. С точки зрения истории — срок весьма короткий, но как велики и масштабны достижения народов СССР, достигнутые за это время!

КПСС и Советское правительство постоянно уделяли и уделяют большое внимание развитию науки в нашей стране. Уже в 20-х годах было начато создание академий наук в союзных республиках. Ныне академия наук активно функционирует в каждой республике, способствуя своими исследованиями общему научно-техническому прогрессу страны. Огромную роль и громадную помощь в организации республиканских академий наук и крупных научных центров в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале и в ряде автономных областей РСФСР оказала Академия наук СССР. Советская многонациональная наука, развиваемая трудами всех советских ученых, находится на передовых рубежах современной науки. Ее выдающимися достижениями, получившими мировое признание, гордятся все народы СССР.

Вместе с другими отраслями научных знаний широкое развитие в СССР получила советская историческая наука и ее неотъемлемая часть — археология. Опираясь на принципиальные положения исторического материализма, труды классиков марксизма — ленинизма, советские археологи достигли огромных успехов в изучении древней и средневековой истории и культуры народов СССР.

Широко и на высоком методическом уровне ведутся археологические исследования в нашей стране. Их координацией занимается Институт археологии АН СССР, наследник Российской Академии истории материальной культуры, созданной в апреле 1919 г. декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина. Одной из важнейших заслуг ИА АН СССР является подготовка высококвалифицированных специалистов по всем отраслям археологической науки, благодаря чему стало возможным организовать повсеместно в нашей стране соответствующие научные центры и университетские кафедры. В настоящее время специальные научные подразделения, занимающиеся археологией, созданы во всех союзных и автономных республиках. В ряде республиканских академий наук, в частности в академии наук Армении, Украины и Узбекистана имеются свои институты археологии. Крупные центры археологических исследований функционируют при институтах истории, археологии и этнографии Академий наук Грузии и Казахстана и соответствующих институтах академий наук остальных республик. Большие коллективы специалистов-археологов плодотворно трудятся в Сибирском отделении и Дальневосточном центре, Дагестанском, Казанском и других филиалах АН СССР.

Значительную работу как с точки зрения подготовки специалистов, так и организации археологических исследований в стране проводит и наша высшая школа. Курсы по археологии читаются на исторических факультетах всех университетов и подавляющего большинства педагогических институтов. С большим удовлетворением мы отмечаем, что в настоящее время кафедры археологии имеются в университетах Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Еревана, Ташкента, Воронежа, Кемерово и других городов.

Огромная работа по сбору, систематизации и популяризации археологических материалов ведется в нашей стране многочисленными историческими и краеведческими музеями, созданными во всех областных и краевых центрах РСФСР, столицах всех союзных и автономных республик и областей. Многие из этих музеев, такие как Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, Одесский археологический музей и др., являются обладателями богатейших археологических коллекций и ведут активную научно-исследовательскую деятельность.

За годы существования СССР в нашей стране вырос большой многонациональный отряд высококвалифицированных специалистов в различных отраслях археологической науки. Благодаря их поискам и творческим усилиям во всех областях нашей Родины открыты и исследованы сотни и тысячи разновременных археологических памятников, начиная от палеолита и до позднего средневековья, выявлены десятки археологических культур, отражающих древние этнические и племенные общности и позволяющие решать сложные этногенетические проблемы и многие другие вопросы культурно-исторического развития народов СССР в древности и средневековье.

Одним из важнейших достижений советской исторической науки является, бесспорно, то, что к настоящему времени написаны и изданы не только общие курсы по истории СССР, 10-томная «История СССР» и огромное количество трудов, в том числе фундаментальных, по разным периодам истории нашей Родины, но и истории почти всех народов СССР начиная с глубочайшей древности. И в этом большая заслуга советских археологов. Их открытия и капитальные исследования вошли в золотой фонд советской науки и заслужили всеобщее признание. И подтверждением этому служит тот факт, что целая группа советских археологов за их выдающиеся труды удостоена Ленинской и Государственной премий СССР.

Большие и важные задачи выполняет многонациональный отряд советских археологов. Вошедший в силу 1 апреля 1977 г. Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, закрепленный в статье 68 новой Конституции СССР[2], расширил права ученых по защите всех историко-археологических памятников нашей страны. Многочисленные экспедиции и отряды Института археологии АН СССР и других археологических учреждений страны проводят обширные работы по спасению и изучению археологических памятников в зонах народнохозяйственного строительства. Своевременно выполнить археологические исследования в районах сооружения того или иного объекта и способствовать таким образом строительству каждой новостройки коммунизма в срок — почетный долг археологов СССР.

Институт археологии АН СССР, как головное археологическое учреждение страны, организует и координирует крупнейшие археологические исследования в СССР, проводит систематически совместно с другими организациями региональные совещания и конференции и через каждые два года всесоюзные археологические сессии, на которых подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований археологов СССР.

Археологи принимают активное участие в развернутой в нашей стране чрезвычайно важной работе по созданию республиканских и областных Сводов истории и культуры. Результатом их плодотворной деятельности является и подготавливаемый Институтом археологии АН СССР «Свод археологических источников СССР». Издано уже около 70 выпусков САИ.

Успехи и достижения советской археологии позволили приступить к созданию фундаментального труда — 20-томной «Археологии СССР». В этом капитальном издании, рассчитанном на археологов, историков, антропологов, этнографов и широкий круг научной общественности, в свете новейших данных обобщается весь накопленный археологический материал, охватывающий огромный период в истории СССР — от нижнего палеолита до развитого средневековья. Работа над ним ведется Институтом археологии АН СССР с привлечением ученых из союзных и автономных республик. Вышли в свет уже первые тома «Археологии СССР» — издания, впервые осуществляемого в практике мировой науки.

Археологи СССР, как и все наши ученые, весь советский народ с большой радостью и гордостью отмечают 60-летний юбилей образования Союза Советских Социалистических Республик.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977, с. 25.

ЧЕРНЫХ Е. Н.

ПРОЯВЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ *

(к постановке проблемы)

Археологическая культура, выделяемая обычно специалистами по максимуму доступных им материалов, лишь в некоторой — и чаще всего достаточно неопределенной — степени отражает целый ряд черт общей культуры [1]. Под общей культурой здесь понимается в с е, что созидается определенным человеческим обществом в материальной и духовной сферах, в области социальных институтов и правовых взаимоотношений [2]. Культура проявляется на конкретной территории и в определенный отрезок времени в виде комплекса разнообразных динамических стереотипов.

Смена археологической культуры прежде всего знаменует отказ от определенного количества или же — в экстремальном случае — от всех прежних стереотипов общей культуры и замену их новым комплексом. Принципиально этот процесс носит скачкообразный характер. Результаты скачка могут быть как прогрессивными — когда усложняются многие из стереотипов, так и регрессивными — когда происходит отказ от достижений предшествующего периода.

Можно ли говорить, что смена археологической культуры обозначает для нас параллельную смену общей культуры? Если следовать определению культуры как уникального в своей неповторимости комплекса всех стереотипов, то на вопрос следует ответить положительно. Вместе с тем смена археологических культур может и не отражать таких важных черт общей культуры, как язык. Или же, например, археологические источники настолько скупы и ограничены, что реконструкция многих, даже основных деталей культуры не представляется возможной. Смена одних материально выраженных стереотипов другими, безусловно, связана и в какой-то мере отражает кардинальные и глубинные процессы трансформации структур не только материального производства конкретного общества, но и структур социальных, идеологических, правовых, демографических и прочих.

Предполагается, что любой культуре в той или иной степени присущи три основные тенденции. Первая из них отражается в стремлении к воспроизводству самой себя во всех своих проявлениях. Эта тенденция, по существу, и позволяет нам выделять археологические культуры как постоянное и ритмичное воспроизведение людьми комплексов материально выраженных стереотипов.

---

* В основу статьи положен переработанный текст доклада, прочитанный на конференции «Идеологические представления древнейших обществ» в декабре 1980 г. [1, с. 40—45].

[1] Здесь не ставится цель продолжить дискуссию по археологической культуре, проводившуюся в свое время на страницах археологической литературы (см., например [2—4]).

[2] Данное определение, на мой взгляд, в целом близко тому пониманию культуры, которое развивает Э. С. Маркарян [5, с. 27—31].

Вторая тенденция заключается в качественном развитии, различного рода инновациях и усовершенствовании структур любого из факторов общественного бытия. Однако в отличие от вышеназванной данная тенденция внутренне противоречива. Любое качественное развитие связано в обществе с отказом от устоявшегося, традиционного, прочно вошедшего в быт. Поэтому осуществление ее почти всегда связано с внутренней борьбой, принимавшей зачастую весьма острые формы. Конечный результат подобной борьбы далеко не всегда приводил к преобладанию прогрессивных начинаний.

И наконец, третья тенденция — это стремление любой культуры к безграничному расширению за счет ассимиляции других. Подобная тенденция могла проявляться либо агрессивно, либо скрытно, внешне вяло. Она обусловливала конкуренцию множества культур, носившую как мирный, так и немирный характер. Формулируя данное заключение, мы опять-таки оставляем за пределами настоящей дискуссии возможности каждой культуры осуществить такую тенденцию. Совершенно очевидно, что возможности реализовать подобные стремления — биологические, материальные и духовные — у каждой культуры различались чрезвычайно сильно.

Однако история и археология показывают нам, что реализация данных тенденций зачастую оказывалась невыполнимой: гибли общества, исчезала их культура. Наиболее ярко и очевидно это проявлялось при внешних воздействиях, когда конкурирующая культура подрывала основы другой, чуждой ей. Гораздо более скрытыми, неочевидными и потому особенно загадочными для исследователей являлись причины внутренние. Общество как бы внезапно ослабевало, наступал его кризис, грозивший застоем культуры или даже утратой ее основных черт. Думается, что отражение подобного кризиса можно наблюдать в так называемых рациональных и иррациональных проявлениях культуры.

Отношение любого общества к окружающему его миру строится на рациональных и иррациональных основах. Этот общий взгляд уже давно в той или иной степени, в той или иной форме, в различных направлениях находил свое отражение на страницах философской литературы[3]. Ф. Энгельс, например, считал, что: «Низкое экономическое развитие предысторического периода имеет в качестве дополнения, а порой в качестве условия и даже в качестве **причины** (разрядка моя.— *Е. Ч.*) ложные представления о природе» [7, с. 419][4]. Рациональное и иррациональное являются непременными компонентами любой человеческой культуры, мышления коллективного или же индивидуального[5]. Однако различить рациональное и иррациональное в культуре бывает порой необычайно трудно, и вопрос этот является, пожалуй, одним из самых кардинальных и сложнейших.

Начнем с того, что понятие рационального и иррационального по отношению к проявлениям общественной жизни является относительным. Каждое общество полагает,— и мы назовем это оценкой изнутри,— что все или практически все основные проявления его собственной социальной

---

[3] Видимо, принцип «рационализма» в философии возник еще со времен Декарта и был позднее развит французскими энциклопедистами. Фрагментарный разбор философских аспектов рационального и иррационального проведен, к примеру, Ж. Политцером [6 с. 72, 79, 94 сл.], показавшим, что высшей формой рациональной философии является марксистское учение.

[4] Сходную мысль выражал Д. Фрэзер при обсуждении так называемой «первобытной» философии: «Фатальный порок всей системы скрывается не в характерном для нее способе рассуждения, а в ее посылках, т. е. в неверном представлении о природе вещей» [8, с. 297].

[5] Л. Леви-Брюль, например, писал: «Наша умственная деятельность является одновременно рациональной и иррациональной» [9, с. 320]. См. также обсуждение лингвистических и искусствоведческих аспектов данной проблемы у Вяч. Вс. Иванова [10, с. 37, 38, 69] в связи с исследованиями Ф. Боаса [11], С. Н. Давиденкова [12], К. Леви-Стросса [13], С. Эйзенштейна и др. Дискуссия в этом русле ведется также среди историков при оценках ими ряда философских аспектов исторической науки [14, с. 41 сл.; 15, с. 83—93]. Проблему рационального и иррационального затрагивали и правоведы [16, с. 19, 44, 49].

жизни рациональны в принципе. Эти проявления отвечают разуму и соответствуют неким уже познанным или же не вполне понятым высшим законам строения мира, в котором и существует данное общество. Обществу присущи свои идеалы и объекты для поклонения. Оно должно быть уверенным в великолепии и справедливости созидаемого в духовной сфере — своеобразный «синдром Нарцисса». Противоположный же случай,— когда начинают отвергаться былые идеалы,— чреват для общества серьезным кризисом.

Однако целый ряд тех же самых проявлений, но в глазах иного общества — назовем это оценкой извне — выглядит иррациональным, противоречащим разуму. Последнее представляется вполне естественным, поскольку при взгляде извне оценка преломляется призмой собственных идеалов, которые в большей или меньшей степени, а иногда и кардинально отличаются от представлений о мире либо у соседей, либо у давно исчезнувших цивилизаций и культур. Именно поэтому все современные оценки культуры древних обществ являются, конечно же, оценками извне.

Современные оценки рационального и иррационального в древней культуре достаточно произвольны и в значительной мере субъективны. Поэтому постараемся ввести некоторые объективные критерии при дифференциации рационального и иррационального. Наиболее общая формулировка данной проблемы может, вероятно, сводиться к следующему. Поскольку человек и его сообщества являются лишь одним из элементов системы «природа», то рациональность культуры того или иного социального организма будет определяться тем, насколько адекватным является способ существования конкретного общества — интуитивный или сознательный — законам развития природы[6]. Принципиально это определение соответствует одному из фундаментальных положений диалектического материализма: «Природа является пробным камнем диалектики» [18, с. 205; 19, с. 22]. Само собой разумеется, что данная формулировка чересчур суммарна для целей нашего исследования. Она может послужить лишь базой, отправной точкой для дальнейших рассуждений и более детальных, конкретных определений. Отталкиваясь от нее, можно, например, предположить, что к рациональным в древней культуре следует относить прежде всего такие проявления, которые способствуют осуществлению тенденций культуры и воспроизводству, расширению и развитию, а также успешной конкуренции с прочими культурами. В противоположность этому иррациональными проявлениями в культуре следовало бы считать те из них, которые либо не способствуют, либо даже препятствуют указанным выше тенденциям.

Однако и эта формулировка достаточно расплывчата. С помощью данного определения вряд ли мы сможем надежно различать обе интересующие нас стороны культуры. Последнее вытекает из того, что на практике любые проявления культуры — общие и частные — заключают в себе как иррациональное, так и рациональное. Эти черты зачастую настолько тесно переплетены, что расчленить их крайне сложно.

Обратимся к примеру иррационального в рациональном. Образцом крайне рациональных проявлений любой культуры является производство орудий труда и оружия, а также технология самого производства. Известно, сколь часто, а иногда и постоянно украшались орудия различными орнаментами, сложнейшей резьбой, драгоценными аппликациями. Причем иррациональность здесь заключалась даже не в самой орнаментации, но в том, что в целом ряде случаев нанесение последнего требовало гораздо больше общественного труда, нежели выделка самих орудий. С другой стороны, процесс изготовления орудий, представляющий собой технологию, облекался зачастую столь сложными ритуалами, обязательными священнодействами и табу, не имевшими в технологическом

[6] Природа понимается здесь как всеохватывающая космическая система, в которой определенное место занимает и все живое. По выражению В. И. Вернадского: «Твари земные являются созданием сложного космического механизма» [17, с. 11].

смысле к самому процессу ни малейшего отношения, что порой это решительно тормозило развитие самой технологии. Подобные явления были особенно заметны, например, в металлургическом и металлообрабатывающем производствах [20, 21].

Обратимся теперь к проявлениям рационального в иррациональном. Крайне иррациональные астральные культы, например, в конечном итоге породили астрономию. Иррациональное в своей основе стремление алхимиков получить доступными им методами из широко распространенных дешевых металлов золото привело к ряду важнейших открытий и в немалой степени способствовало созданию химии как науки. Мы ни в коем случае не должны упускать из виду и так называемых рефлекторных воздействий обрядовых акций, выполняемых либо жрецами, либо всем коллективом. Подобные акции, как глубоко верили, способны были обеспечить успех в каком-то крупном деле, например в сражении. И наоборот, несоблюдение обязательных ритуалов могло губительно сказаться на задуманном. Чисто психологическое воздействие этих — в основе иррациональных — ритуалов на эмоциональное настроение коллективов было порой настолько мощным, что помогало преодолевать, казалось бы, неодолимые препятствия.

Общеизвестно также, что множество религий или же религиозных воззрений включало в свои системы немало элементов реальной оценки окружающего мира, как природного, так и социального. Следует, конечно же, специально подчеркнуть и такую непременную функцию религии, как консолидация населения, без которой не мыслится существование многих обществ и их внутреннего единства.

Следовательно, при изучении рационального и иррационального в любом проявлении культуры — духовном либо материальном, крупном или же мелком — совершенно обязательной является их поэлементная оценка в каждом явлении. Однако и это дополнение лишь в некоторой степени приближает нас к пониманию интересующей нас проблемы. Выше мы уже говорили, что смена одних культур другими, динамика их развития могут быть выражены путем описания разнообразных и тесно взаимосвязанных между собой структур — демографических, экономических и прочих. Мысль о глубинной взаимосвязи различных структур может стать более понятной при обращении к так называемым факторам социального существования общества, факторам, значимым для крупных человеческих коллективов независимо от уровня их социального развития.

Думается, что факторы социального существования распадаются на две основные категории: эндогенные и экзогенные (рис. 1). Эндогенные факторы определяют внутреннее состояние общества, экзогенные — взаимодействие общества с природной средой и другими социальными организмами. Представляется возможным говорить о семи эндогенных факторах: 1 — биолого-антропологический, 2 — социально-психологический, 3 — сознания (тесно переплетающийся с предыдущим), 4 — материального производства, 5 — социально-экономической, функциональной дифференциации, 6 — нормативно-правовой, 7 — социальных организаций.

Каждый из эндогенных факторов характеризуется особой структурой (рис. 2) [7]. Структуры с некоторой ступени развития становятся неповторимыми в любом обществе. Неповторимость структур в деталях вовсе не означает принципиальной невозможности их типологизации: такая работа, конечно же, вполне реальна. Если структура биолого-антропологического фактора характеризует совокупность людей, составляющих общество,— носителей и созидателей его культуры, то все иные факторы очерчивают нам в деталях уже культуру данного общества. Под этим углом

[7] Сложнейшая тема факторов социального существования совершенно особая. Автор намерен посвятить обоснованию и классификации этих категорий, а также структуре последних ряд статей. В настоящей публикации, по существу, дано лишь краткое их перечисление. В целом же я рассматриваю систему факторов существования древних обществ как определенную программу социологического и культурологического анализа археологических источников. На рис. 2 представлены лишь базовые детали структур некоторых эндогенных факторов. Обсуждение более частных элементов данных структур выходит за рамки настоящей статьи.

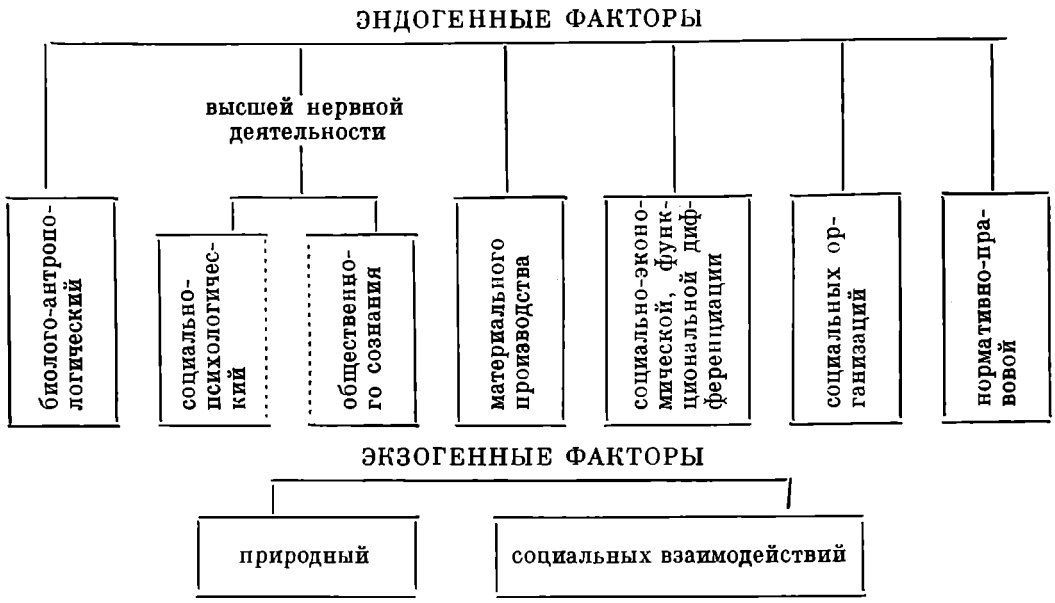


Рис. 1. Эндогенные и экзогенные факторы существования общества

зрения биолого-антропологический фактор необходимо рассматривать достаточно обособленно от прочих, хотя его весьма тесная связь с ними не вызывает сомнения [22, с. 9, 43—55; 23, с. 158, 159; 24, с. 77— 82].

Укажем кратко и еще на один важный момент: структура любого эндогенного фактора (даже биолого-антропологического) формируется не сама по себе, но в теснейшей взаимосвязи с другими. Отдельные элементы структур, как, впрочем, и общий их характер, вне всякого сомнения, взаимообусловлены. Комплекс эндогенных факторов представляется мне своеобразным костяком или фундаментом общества, сложенным как бы из одинакового материала и однородных элементов. Однако связаны они между собой своеобразно — вот почему непохожими оказываются сами постройки — общества. От того, насколько прочно и целесообразно сочленяются детали фундамента, какие элементы — рациональные или иррациональные — преобладают в их структуре, зависит в огромной степени устойчивость фундамента общественного «здания» и его способность противостоять напору внешних сил.

Внешними же силами и являются по существу экзогенные факторы. Первый из них — природный фактор. Обсуждение его роли в жизни общества имеет весьма длительную историю [25, с. 245—248]. Многие исследователи сейчас склонны преуменьшать его роль в социальном развитии. Вместе с тем именно его основа — экологическая система — обусловливает множество важнейших элементов структур практически всех эндогенных факторов [26, с. 332 сл.]. В каждом конкретном месте, для каждого конкретного общества структура природного фактора неповторима. Чем более благоприятна она для общества, тем большие у него потенции к ускоренному развитию. Вопрос, однако, заключается в том, с какими умением и энергией сможет общество извлекать из природы необходимые жизненные блага [27, с. 20, 21].

Второй экзогенный фактор — фактор социальных взаимодействий. Взаимодействия эти постоянны и носят как мирный, так и немирный характер. Чем более плотным было социальное окружение, тем более мощным оказывалось воздействие фактора. Крайним результатом немирных отношений могло стать уничтожение побежденного общества. Во всяком другом случае искажение структур едва ли не всех его эндогенных факторов было достаточно существенным. Примечательно, что и само общество-победитель практически всегда испытывало заметную, порой необратимую деформацию структур тех же факторов. Может быть, одним из самых ярких примеров тому является Древний Рим, особенно в период Империи.

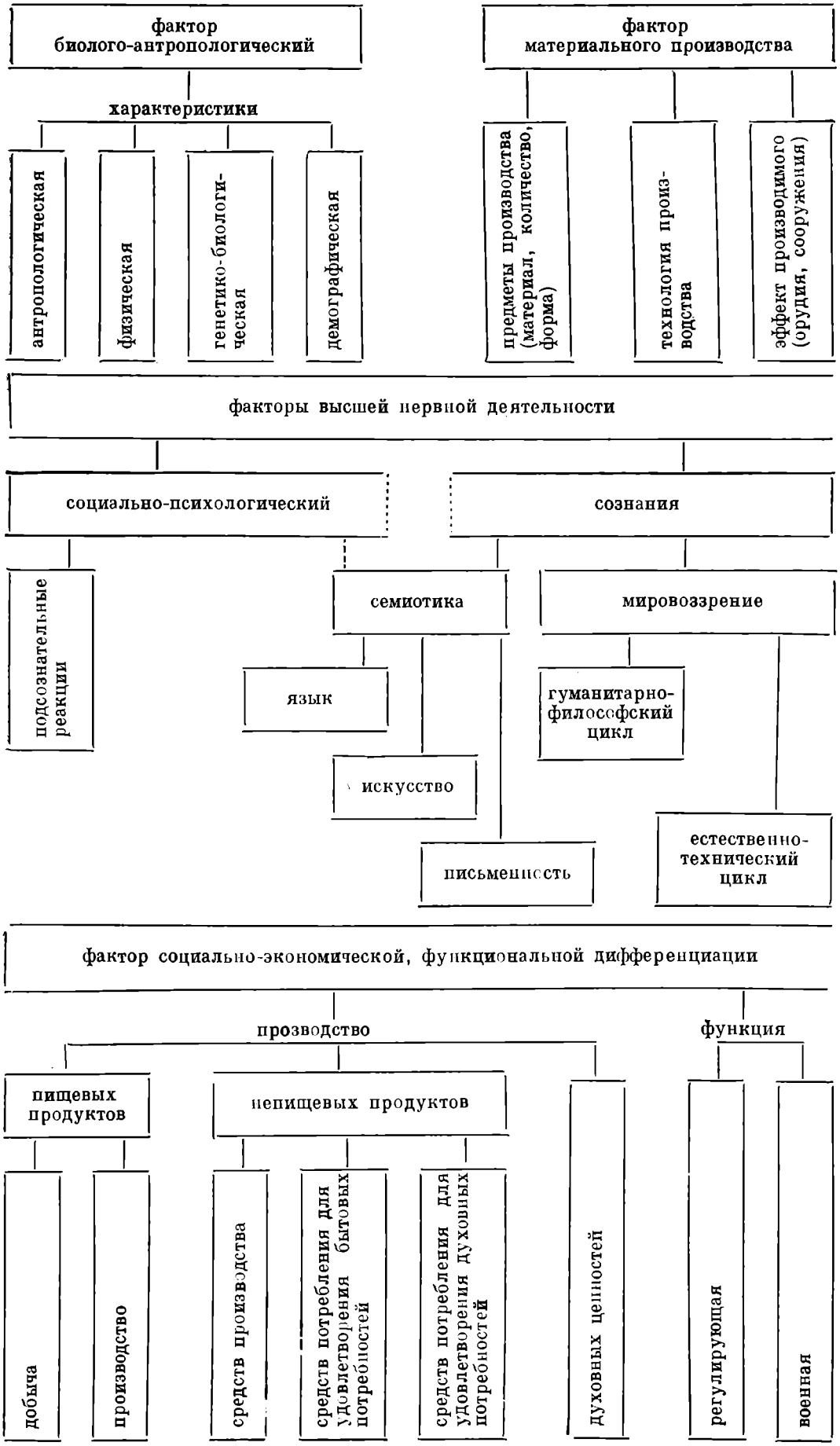


Рис. 2. Базовые детали структур эндогенных факторов существования общества

Я не предполагаю в настоящей статье обосновывать изложенную систему всех эндогенных и экзогенных факторов. Кроме самой общей и лаконичной характеристики мы иллюстративно (рис. 2) остановимся здесь на структурах или, вернее, на базовых деталях структур тех из них, в которых наиболее выпукло проявились соотношения рационального и иррационального.

Кажется, что основные импульсы для проявления прежде всего иррациональных черт культуры возникают в определенных сферах факторов высшей нервной деятельности — этом своеобразном центре, организующем общественную жизнь. В значительной мере эти импульсы порождались подсознательными психическими реакциями. Проходя затем через призму организованного сознания, эти импульсы отражались на структурах практически всех прочих факторов [8].

Обратимся к примерам. Человеческие популяции — их численность и половозрастной состав — подчиняются изначально определенным биологическим закономерностям. Социальные условия существования, и прежде всего материальное производство, весьма существенно корректируют эти характеристики биолого-антропологического фактора. Общеизвестно, как иррациональные в своей основе общественные верования, приводившие к массовым человеческим жертвам [8, с. 729] или физическим увечьям, либо, скажем, обычай принесения в жертву младенцев способны были в той или иной степени исказить указанные сферы структуры биолого-антропологического фактора. Воздействия такого рода особенно сильно сказывались на малочисленных популяциях. В свою очередь изменения в численности населения и его половозрастных пропорциях влияли на структуры всех прочих факторов.

Уже говорилось о чрезвычайно сильном воздействии идеологических воззрений на структуру фактора материального производства. В частности, могла быть резко искажена пропорция между областями производства предметов удовлетворения бытовых потребностей и предметов чисто культового назначения. Общество в согласии с идеологическими установками могло тратить непропорционально много времени на созидание ценностей такого рода. Это отражалось, например, на пышной орнаментации керамики, орудий труда и оружия, архитектурных сооружений, в широчайшем производстве предметов роскоши и прочем. Может быть, одним из самых ярких проявлений несбалансированной структуры общества и его материального производства являлась «работа» самого общества на культ мертвых. Именно здесь иррациональное чрезвычайно мощно трансформировало структуру базового фактора. В экстремальных случаях эти искажения могли поставить под угрозу существование всего общественного здания. История знает социальные объединения, в которых, например, функция служения культу являлась чрезвычайно гипертрофированной: Тибет и Монголия начала XX в., где большинство мужского дееспособного населения участвовало только в отправлении ламаистских культов. В результате совершенно непомерно разрастались отдельные ячейки структуры фактора социально-экономической, функциональной дифференциации, а дисбаланс между ними становился угрожающим. Последнее сильнейшим образом сказывалось даже на биологическом воспроизводстве народов [28, с. 103—107; 29, с. 164, 198].

Мы ограничимся лишь упомянутыми примерами, хотя, в сущности, их бесконечно много. Здесь следует еще раз оттенить тот момент, который уже подчеркивался ранее: структуры всех эндогенных факторов формируются не сами по себе, но в теснейшей взаимосвязи друг с другом. Структура одного из них прямо или хотя бы косвенно влияет на

---

[8] В 1890 г. Ф. Энгельс писал: «Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе,— религия, философия и т. д., то у них имеется предысторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом, — содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, о волшебных силах и т. д. имеют по большей части экономическую основу лишь в отрицательном смысле...» [7, с. 419].

структуру другого. Иррациональные искажения структуры одного из них влекут немедленную цепную реакцию в структурах иных факторов.

Не менее существенным оказывалось влияние рациональных и иррациональных проявлений культуры в ее внешних взаимодействиях с природой и иными окружающими социальными организмами. Обратимся к природному фактору. Уже говорилось, что чем более благоприятным для общества являлся этот фактор, тем большими были и потенции общества к ускоренному развитию. Все дело, однако, состояло в том, насколько умело и с какой энергией общество извлекало из природы необходимые ему жизненные блага. Здесь ясный, рационалистический подход к природе, четкое осознание целого ряда ее основных закономерностей, умение использовать их в своих интересах неизменно соседствовали с представлениями иррациональными. Проявления этого выражались в неумении понять или нежелании принять необходимые для развития общества условия взаимодействия с природой [25, с. 248—250]. Огромное большинство кочевых скотоводческих обществ, например, в принципе отвергали для себя оседлость и допускали ее в качестве исключения. Члены этих сообществ зачастую презирали связанные с оседлостью земледелие и ремесленные производства. Они предпочитали, чтобы ремесленное производство сосредоточивалось в иных, в частности в подчиненных им, социальных объединениях. Все это в немалой степени способствовало росту трудно преодолимых барьеров для успешного развития чисто скотоводческих обществ выше определенного социального и технического уровней.

Далее, при внешних социальных взаимодействиях уверенность в превосходстве собственных духовных ценностей, о чем уже шла речь в начале статьи,— уверенность, являвшаяся одним из необходимых условий идеологической консолидации общества,— могла приводить к знакомым всем нам вплоть до самого последнего времени националистическим, трибалистским, расистским настроениям. Следствием этого являлись социальная и биологическая изоляция, неприятие «чуждого» мира[9], Феномен подобного рода явно способствовал возникновению условий для искаженного восприятия идей, бытовавших в иных социальных средах. В существенной мере он обусловливал стагнацию структур не только факторов высшей нервной деятельности [30, с. 26], но и прочих.

Рассмотрение примеров ряда факторных структур дает нам возможность развить формулировку иррационального. Иррациональное лишь тогда приводит к торможению в развитии общества[10], когда его проявления накапливаются до известной «критической» массы, приводившей к диспропорциональному искажению структур как в основных эндогенных факторах, так и во внешних взаимоотношениях конкретного общества — природных и социальных. В сущности, именно тогда проявления культуры и могут признаваться иррациональными.

Следовательно, рациональное и иррациональное в культуре не есть некий абсолют. Нельзя, к примеру, утверждать, что производство всегда рационально, а искусство иррационально и т. п. Оценки могут быть и противоположными. Определение зависит от целей, которые преследуются людьми в процессе творчества, а также от воздействий конкретных проявлений культуры на характер факторных структур. Материальное производство, направленное в основном на оформление культа мертвых, носит по преимуществу иррациональный характер. Иррационально и

---

[9] «... и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам...» [Второзаконие, 7].

[10] Ф. Боас писал: «Совершенно очевидно, что история индустриального развития почти на всем своем протяжении демонстрирует постоянно возрастающую сложность. Однако человеческая деятельность, не подчиненная рациональному моменту, не обнаруживает подобного типа эволюцию» [31, с. 159]. В том же ключе можно объяснить и так называемый «неолитический парадокс», подмеченный К. Леви-Строссом: разрыв между огромной потенцией к быстрому развитию свершивших «неолитическую революцию» обществ и последующим многотысячелетним фактическим застоем в развитии мировоззрения и технологии [13, с. 18].

искусство, если оно в основном также «обслуживает» заупокойный культ либо способствует застойности мировоззрения, упрочению систем табу или кровавых обрядов. И наоборот, рационально искусство, разрушающее самоизоляцию общества, отвергающее все заблуждения и нелепости прежних идеологических представлений.

Иррациональное нередко предстает перед нами в облике уродливом, отталкивающем, но несравненно чаще — в прекрасном. Изумителен мир искусства, он захватывает и вдохновляет. Даже не всегда доступный нашему пониманию, этот мир доставляет нам своими фантазиями ни с чем не сравнимое наслаждение. Бесконечны галереи древних росписей, тысячи и тысячи каменных гробниц, величественные пирамиды, храмы, скульптурные аллеи, высокохудожественные золотые изделия из могил, извлеченные археологами. Миллионы древних творили их, вкладывая в свое творчество бесконечные труд, терпение, талант. Но не встает ли зачастую за этим, как призрак, неимоверное напряжение производительных сил общества, когда, например, в «угоду» мертвым созидаются сотни тысяч орудий, украшений, сосудов? Ради этих призрачных целей в шахтах задыхаются горняки, а металлурги разжигают свои горны; художники высекают на каменных стенах склепов изображения, а чеканщики украшают могильный инвентарь драгоценными аппликациями... Выдержат ли это напряжение базисные факторы общества, его фундамент? Не является ли это лишь своеобразной и блистательной ширмой, скрывающей от наших глаз болезненную слабость общества, скованного цепями собственных ложных представлений о мире и об условиях существования в нем? Вспомним хотя бы пример майкопской культуры III тысячелетия до н. э. с ее богатейшими подкурганными захоронениями. По всей вероятности, можно хотя бы приблизительно подсчитать те затраты, которые вкладывал этот народ в подобный обряд,— и они будут колоссальны. Иногда говорят, что многие из этих помещенных в гробницы драгоценных вещей производились не местными мастерами, но были захвачены в грабительских набегах. Однако тогда общество оплачивало свои заблуждения собственной кровью. Долго ли могло продолжаться подобное «безумие» культуры? Не является ли намного более скромный обряд погребения у наследников майкопских племен во II тысячелетии до н. э. рационализацией этой грани общественной жизни,— рационализацией сознательной либо вынужденной?

Остановимся еще на одном существенном пункте. В ряде случаев кажущиеся нам иррациональными проявления культуры, прежде всего в области сознания, зачастую являлись теми необходимыми импульсами, которые приводили к возникновению как бы свободного научного поиска, к зарождению своеобразных научных гипотез[11]. Ряд из них способствовал в конечном итоге воссозданию и оформлению естественных наук и философии.

Видимо, для успешного развития конкретной культуры необходим определенный, присущий только ей и только для нее приемлемый баланс в соотношении рационального и иррационального. Культура с резким преобладанием рациональных черт иногда и не без оснований считается примитивной, бездуховной.

Соотношение между рациональным и иррациональным в конкретных культурах всегда отличалось противоречивостью и сложностью своих проявлений. По меткой мысли М. А. Лифшица: «...так называемые символические формы всегда содержат в себе мудрость и безумие в разных пропорциях, иногда более оптимальных, иногда, напротив, более парадоксальных, болезненных. Все человеческое зыбко, и все проведенные нами

[11] Д. Фрэзер, например, полагал, что: «Ошибки последних (т. е. «первобытных» людей.— *Е. Ч.*) были не какими-то преднамеренными нелепостями или приступами безумия — они были гипотезами, которые в свое время подкреплялись данными опыта, но не выдержали испытания временем» [8, с. 298]. Размышляя в том же направлении, М. А. Лифшиц пишет, что «...в живой истории темная и ограниченная сторона может способствовать яркости света, подъему неограниченной силы творчества. Иной предрассудок выше иного рассудка и превосходно служит прозрачной формой для глубокого рационального содержания» [32, с. 27].

разграничительные линии легко стираются, но, если они хотя бы приблизительно верны, это уже внушает надежду» [32, с. 21]. Продолжим эту мысль: даже зыбкость разграничительных линий и пропорций не лишает нас возможности наблюдать за динамикой процесса развития культур. Не исключено, что в качестве генеральной тенденции динамики этого процесса можно видеть следующую закономерность: «молодые», только что сформировавшиеся культуры отличаются более сбалансированными структурами всех факторов, тогда как «старые» — структурами несбалансированными, «парадоксальными». В последних иррациональные моменты иногда могли играть решающую роль. По всей вероятности, тогда общество видело своей главной задачей именно сохранение и развитие иррациональных черт своей культуры и добивалось при этом поразительных результатов.

И наконец, подводя определенный итог обсуждению этого центрального для нашей статьи вопроса, скажем, что одним из важнейших критериев оценки соотношения рационального и иррационального может быть объем или, точнее, пропорция затраченного общественного труда и времени на созидание и выражение обеих интересующих нас сторон культуры [12].

Уже в ходе предыдущего обсуждения я пытался показать, как нарастание иррациональных черт приводило общество к кризисному состоянию. Выход из этой ситуации мог заключаться либо в отказе общества от прежней идеологии в принципе, либо от каких-то основных ее элементов или же от ее крайностей. Примеры подобной борьбы хорошо известны: это различные законы в греческих полисах VI—IV вв. до н. э. против роскоши (Солон) или же против излишеств в погребальных ритуалах — законы Клисфена и Деметрия Фалерского [33, с. 7, 56]. В других случаях, когда мы не знаем конкретных законодательных актов, о такой внутренней борьбе можно догадываться: отказ от строительства гигантских пирамид в периоды Среднего и Нового царств в Древнем Египте и т. д.

Кризис общества почти всегда является провозвестником новой культуры. Общество либо изыщет собственные, внутренние резервы и силы для отказа от прежних идеологических представлений — и тогда изменения в структурах факторов высшей нервной деятельности приведут к цепной реакции трансформаций иных структур. Либо внешние воздействия на общество будут столь мощными и неотвратимыми, что это приведет к распаду социального организма и к утрате самой культуры как комплекса ритмично повторяющихся материальных и духовных стереотипов.

Сформулированные здесь выводы имеют, как мне кажется, самое непосредственное отношение к археологическим культурам и к исследованию процессов их смены и трансформации. Мы уже говорили, что археологическая культура отражает «живую», общую культуру реального, но давно исчезнувшего общества весьма фрагментарно и искаженно, как бы в «кривом зеркале». Для правильной реконструкции исходной общей культуры необходима разработка четких критериев дешифровки археологических источников, что само по себе является чрезвычайно сложной задачей.

Следует определенно сказать, что на сегодняшний день полная реконструкция структур всех факторов является, конечно, недостижимой задачей. Вряд ли мы можем рассчитывать на это даже в качестве достаточно отдаленного идеала. Однако уже сегодня наиболее успешно археологи-

[12] Примечательной в этом отношении выглядит попытка А. О. Добролюбского [34, с. 134—137] вывести в экономике особую формулу соотношения между необходимыми трудовыми затратами общества, с одной стороны, и так называемыми дополнительными или же оформительскими — с другой (ср.: рациональными и иррациональными). По мысли автора, гипертрофированная доля дополнительных трудовых затрат и перевес последней над долей необходимых затрат порождает крайнее несоответствие «уровня развития производительных сил традиционно сложившимся производственным отношениям, которое в обществе может разрешиться лишь путем социального конфликта — коренной перестройки» [34, с. 138].

ческие материалы позволяют расшифровывать структуры фактора материального производства и технологии. Менее эффективны, но во многом удачны подобные исследования в области фактора социально-экономической, функциональной дифференциации, а также отдельных сфер фактора социальных организаций. Гораздо более трудной задачей является дешифровка структур факторов высшей нервной деятельности и правового. Однако и на нынешнем уровне знаний мы в состоянии успешно реконструировать отдельные звенья даже этих структур, свидетельством чего являются многие работы (см., например, сборник [1]).

Естественно, что без представлений о полной характеристике структур очень сложно судить о точном балансе рациональных и иррациональных проявлений культуры в археологических обществах. Мы можем в основном рассчитывать лишь на их поэлементную оценку в тех фрагментах, которые донесли до нас археологические материалы. И тем не менее множество археологических памятников позволяет нам с большой долей надежности судить о некоторых из важнейших — рациональных и иррациональных — проявлений в древней культуре.

В археологической культуре рациональное и иррациональное, а также их приблизительное соотношение наиболее ярко и контрастно проявляются по крайней мере в двух важнейших сферах: отношение к заупокойному культу и влияние идеологических представлений на материальное производство, хотя ограничиться лишь сказанным здесь мы, безусловно, не можем. Вряд ли в ближайшем будущем мы будем способны определить точную количественную меру общественного труда и времени, затраченных на заупокойные ритуалы. В настоящее время эти исследования наиболее эффективны лишь в компаративном, сравнительном плане.

Археологические культуры представляют нам бесчисленные примеры чрезвычайного разнообразия проявлений загробного культа: от полного отсутствия кладбищ до всем известных некрополей поразительного богатства, особенно курганных могильников эпохи бронзы и раннего железа. Иррациональность проявлений культуры в последних представлена особенно ярко — настолько велики были затраты общественного труда и времени на отправление заупокойного культа.

В обсуждаемом здесь аспекте археологические культуры никогда обычно не рассматриваются. Археологи изучают погребальный инвентарь в основном с количественной (число орудий и украшений и т. п.) и качественной (технология, стиль и т. п.) сторон. Практически всегда мы признаем вещи из захоронений в качестве изделий для удовлетворения бытовых потребностей и по ним реконструируем (зачастую без поправок) многие стороны общественной жизни. Эти предметы, однако, служили прежде всего для удовлетворения духовных потребностей людей, во всяком случае в момент их помещения в гробницу. Только очень редко ставится вопрос: не был ли этот инвентарь специально произведен для погребальных целей? Без признания и учета этого факта все культурологические, социальные и технологические реконструкции чреваты ошибками.

Аналогичным является и положение с культурами, в которых материальные предметы — металлические орудия и оружие, керамика, жилища и т. д.— несут на себе явные следы иррациональных проявлений культуры. Для древней металлообработки, например, была характерна различная направленность: так называемый «рациональный» тип — преимущественная выработка орудий, «иррациональный» тип — ориентированный на выделку украшений[13]. Сходное положение наблюдалось в керамическом производстве, строительстве и т. п.

---

[13] В этом отношении особо контрастной выглядит металлообработка: так в юго-восточной зоне Европейской металлургической провинции поздней бронзы около 90% всех изделий были орудиями [35, с. 64, 125; 36, с. 185 табл. IV, 7], а в синхронной ей северной периферии Ирано-Афганской провинции орудий изготовлялось не более 10—15% [37, с. 78].

Археологи почти всегда уделяют так называемым иррациональным культурам гораздо больше внимания, награждая их эпитетами «богатейшая», «великолепная» и т. п. Вместе с тем здесь, особенно при оценке археологической культуры в основном на базе заупокойных материалов [14], мог проявляться лишь контрастный иррационализм самой культуры. И в этом «великолепии» археологической культуры мог отражаться явный кризис общей культуры и самого общества. Более «рациональная», но не менее развитая технически и интеллектуально культура отражалась в погребальном инвентаре намного скромнее и незаметнее. Подобное общество в экстремальных условиях оказывалась более устойчивым к внешним воздействиям.

Археология знает целые периоды расцвета культур с ярко выраженными иррациональными проявлениями. Одним из таких примеров может служить зона так называемых раннеземледельческих культур, датируемых с VII—VI по начало IV тысячелетия до н. э., раскинувшихся от Балкано-Карпатья до Иранского плато и характеризующихся пышной моно- или полихромной расписной керамикой, многообразной пластикой [38—41], иногда чрезвычайно развитым производством золотых украшений, находимых в некрополях [42], и т. д. Проблема заключается в более или менее внезапном исчезновении большинства этих культур во второй половине IV тысячелетия до н. э. [15] По всей вероятности, в ряде областей этой зоны (Иран, юг Средней Азии, Месопотамия) культуры могли пойти по пути внутренней «рационализации» своих проявлений. В некоторых регионах (Юго-Восточная Европа) эта культура могла и не выдержать столкновения с менее развитыми, но более «рациональными» культурами, либо повсеместно вытеснившими их, либо заставившими аборигенов отказаться от основных стереотипов прежней культуры (см., например [43, с. 520—523; 44, с. 66—69]). Подчеркнем при этом, что здесь предложен лишь один из возможных вариантов данного сложного исторического процесса. Можно полагать, что изучение рационального и иррационального, отраженных в археологических культурах, приблизит нас к пониманию причин формирования и распада самих культур, позволит наметить циклы в динамике нарастания иррациональных явлений в культурно-исторических общностях на достаточно обширных пространствах, будет способствовать выявлению скрытых механизмов жизнедеятельности древнейших обществ. Однако следует иметь в виду, что соотношение рационального и иррационального является лишь одним из целого ряда таких механизмов, регулирующих социальную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Е. Н.* Отражение рационального и иррационального в археологической культуре.— В кн.: Конференция «Идеологические представления древнейших обществ». М., 1980.
2. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.
3. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
4. *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры.— СА, 1970, № 2.
5. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
6. *Политцер Ж.* Избранные философские и психологические труды. М.: Прогресс. 1980.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37.
8. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит., 1980.
9. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
10. *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
11. *Boas F.* Race, language and culture. N. Y., 1940.

[14] Настоящая, вечная жизнь, в представлении многих обществ, начиналась лишь после смерти, на «том свете». Явить погребенного «тому миру» в виде достойном, с бесчисленными драгоценностями и оружием, под гигантскими курганными насыпями — это не только поднять его персональный статус, но и возвысить статус общества, переправившего его в «вечную жизнь», представить само общество изобильным и могучим. Интересный парадокс: именно в глазах археологов прежде всего и добиваются древние желаемого впечатления. Однако за «великолепными» картинами кладбищ стояла земная жизнь, с той, что рисуется по гробницам, совершенно не сходная.

[15] Здесь преимущественно используются радиоуглеродные калиброванные даты.

12. *Давиденков С. П.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.
13. *Levi-Strauss C.* La pensée sauvage. P., 1962.
14. *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке.— В кн.: Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977.
15. *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении.— Там же.
16. *Хатунцев Б. Н.* О природе власти. Опыт исследования социально-психологических основ власти. Саратов, 1925.
17. *Вернадский В. И.* Избр. соч. Т. 5. М.: Наука, 1967.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.
20. *Forbes J.* Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
21. *Cline W.* Mining and Metallurgy in Negro Africa. Menasha, 1937.
22. *Корсаевская Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970.
23. *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976.
24. *Гибш Г., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972.
25. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.
26. *Vallée L.* On approaches to social ecology.— In: Current Anthropology, 1976, v. 17, № 2.
27. *Sahlins M. D.* Evolution: specific and general.— In: Evolution and culture. Ann Arbor, 1960.
28. *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Избр. тр. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1981.
29. История Монгольской Народной Республики. М.: 1954.
30. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история.— В кн.: Психология и история. М.: Наука, 1971.
31. *Boas F.* The Mind of Primitive Man. Revised ed. N. Y.: Free Press, 1965.
32. *Лифшиц М.* Мифология древняя и современная. М., 1980.
33. *Diepolder H.* Die attischen Crabreliefs des 5. und 4. Iht. Weimar, 1969.
34. *Добролюбский А. О.* О структуре объекта археологической науки.— В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наукова думка, 1980.
35. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
36. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН, 1978.
37. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
38. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л.: Наука, 1964.
39. *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. L., 1975.
40. Praistorija Jugoslavenskih zemalja. Saraevo, 1979, t. II, III.
41. *Тодорова Х.* Енеолит Болгарии. София: София-пресс, 1979.
42. *Иванов И.* Съкровищата на Варненския енеолитен некропол. София: Септември, 1978.
43. Езеро. Раннобронзовото селище / Ред. Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я. и др. / София: Изд-во БАН, 1979.
44. *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации.— Природа, 1976, № 2.

E. N. Chernykh

THE RATIONAL AND THE IRRATIONAL IN THE ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Summary

The correlation between the rational and irrational cultural features was a mechanism regulating reproduction processes and the society's cultural development, nature-society and society-other social organisms interaction. When the irrational phenomena reach some «critical point», the basic structures of the inner social factors become disproportionate leading the society and its culture to a deep crisis menacing with destruction. Archaeological cultures, especially burial rites and the material production, influenced by ideology, most adequately reflecting the interplay of the rational and the irrational in cultures, provide certain possibilities for its study.

ТРЕТЬЯКОВ В. П.

О НЕОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

Археологические исследования 1960—1970 гг. в бассейне верхнего Дона позволили выявить на этой территории целый ряд поселений эпохи неолита. Если до того времени здесь была известна главным образом одна стоянка этого периода — Отрожки близ г. Воронежа [1—5], то благодаря работам В. П. Левенка в Липецкой обл. и А. Т. Синюка — в Воронежской мы можем назвать более десятка новых поселений, датируемых периодом нового каменного века. Так, В. П. Левенком опубликованы материалы поселений Долгое, Ярлуковская Протока, Поздорово, Рыбное озеро I и II, Савицкое и т. д. [6—12]. А. Т. Синюк раскопал стоянки Университетская I и III, Дрониху, Копанище, Чертовицкую и ряд других [13, 14].

Анализ древностей, полученных в результате изучения перечисленных выше памятников, позволил выявить две основные этнокультурные группировки эпохи неолита в верхнем Подонье: с керамикой, украшенной оттисками штампа, наколами и нарезками, и с ямочно-гребенчатой орнаментацией.

В отношении первой из них мнения исследователей существенным образом разошлись. Одни исследователи считают эти поселения вариантом днепро-донецких [10, с. 108—114; 11, с. 193—195; 12, с. 18, 19], другие рассматривают их в качестве местной, среднедонской археологической культуры, хотя и родственной днепро-донецкой [13, с. 16; 14, с. 141]. Кроме того, высказана точка зрения об их принадлежности к так называемой лисогубовской культуре, выявляемой в последние годы в северной Украине [15, с. 131—134].

Появление в Подонье стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой также трактуется по-разному. Одни исследователи полагают, что их появление здесь есть результат сдвига в южном направлении волго-окского населения [11, с. 195—197; 12, с. 18; 14, с. 142—146), другие считают это итогом трансформации местных племен, изготавливающих керамику с гребенчато-накольчатой орнаментацией [15, с. 123—138].

Решение перечисленных выше спорных проблем неолита верхнего подонья будет иметь серьезное значение для воссоздания не только древней истории этого региона, но и более обширной территории, включающей лесостепную Украину, бассейны рек Суры и Мокши, частично среднее Поволжье и т. д., т. е. все те районы, где исследователями выявляются неолитические памятники с керамикой, украшенной наколами, нарезками, ямками и оттисками штампа.

Каковы же материалы неолитических памятников в верхнем Подонье? Как установлено на основе стратиграфических наблюдений В. П. Левенка и А. Т. Синюка, наиболее ранние комплексы эпохи нового каменного века представлены фрагментами сосудов с гребенчато-прочерченно-накольчатой орнаментацией и сопутствующими им орудиями труда, изготовленными главным образом из кремня [12, с. 11—13; 13, с. 11, 12].

Сосуды имели прямые и отогнутые наружу венчики, прямые или слегка выпуклые стенки, конические, а также плоские днища. Они изготавливались из глины, в составе которой прослежены песок и растительные волокна. На поселениях Воронежской области встречена, кроме того, керамика с примесью толченой раковины. Поверхность сосудов украшалась всевозможными узорами. Всего нами выделено 24 основных типа[1] орна-

[1] В статье не учитываются вариации одной и той же композиции.

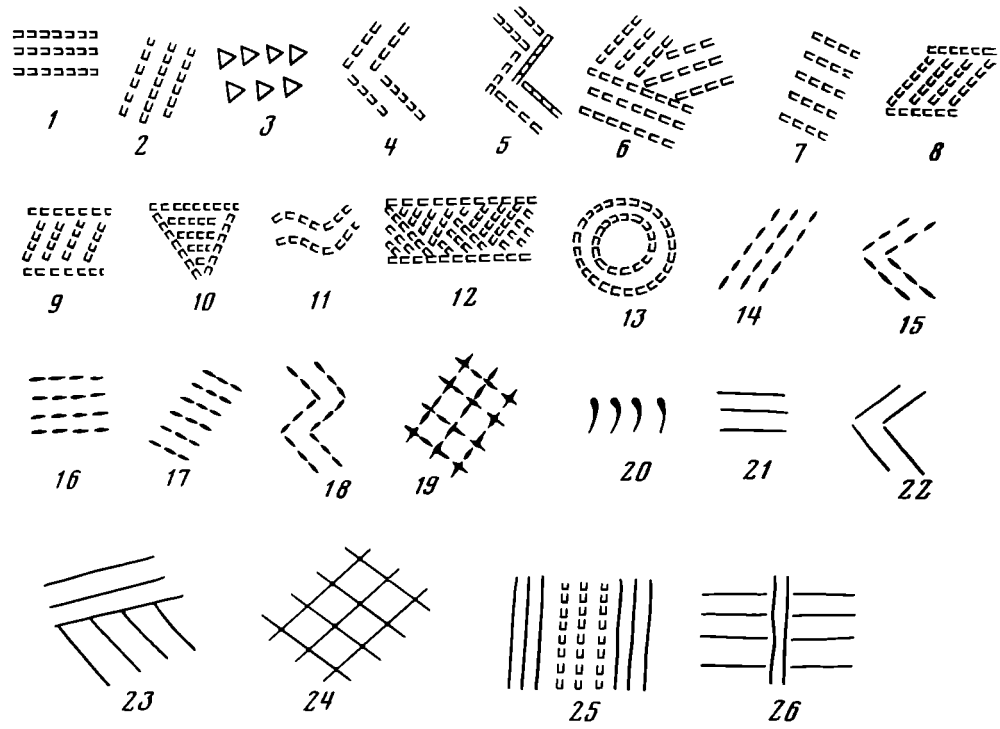


Рис. 1. Орнаментальные мотивы на неолитической керамике стоянок Верхнего Подонья и Черкасщины. Цифры на рисунке соответствуют цифровым обозначениям на табл. 1

ментальных мотивов на ранненеолитической керамике верхнего Подонья (табл. 1, рис. 1). Сразу же оговоримся, что в силу фрагментарности, отсутствия целых или поддающихся склейке горшков мы можем говорить не о целостных композициях, а лишь об их составных частях[2]. Это определенным образом обедняет наше представление об украшении древней посуды, но по сути дела только так и приходится работать с керамикой подавляющего большинства неолитических поселений лесной и лесостепной полосы европейской части СССР.

Среди выделенных нами композиций 13 выполнены наколами (рис. 1, *1—13*), шесть — оттисками гребенчатого штампа (рис. 1, *14—19*) и пять — нарезками (рис. 1, *20—24*). Узоры из наколов представляют собой всевозможные сочетания из нанесенных параллельно друг другу горизонтальных или наклонных линий; елочку, зигзаги, ромбы, ряды треугольников, в частности взаимопроникающих; волнистые линии, концентрические окружности (на днищах сосудов), ряды наклонно нанесенных линий, заключенных между горизонтальными полосами.

Узоры, выполненные оттисками штампа и нарезками, менее разнообразны, но примечательно, что они повторяют композиции, выполненные техникой накола. Мы видим наклонные и горизонтальные линии (или их сочетание), елочку, зигзаги. Новым здесь являются узоры в виде сетки из пересекающихся друг с другом полос.

Из перечисленных выше узоров чаще всего на керамике отдельных стоянок употреблялись более простые: горизонтальные или наклонно нанесенные линии (или их сочетание), елочка, зигзаги из наколов и оттисков штампа. Эти узоры отмечены на фрагментах сосудов большинства стоянок Верхнего Подонья. Реже встречаются усложненные рисунки в виде ромбов, рядов наклонных полос, заключенных между горизонталь-

[2] В. П. Левенок и А. Т. Синюк предложили реконструкции некоторых сосудов с целостными орнаментальными композициями. Но следует учитывать, что это лишь графические, т. е. приблизительные, не точные, реконструкции, не всегда должным образом обоснованные.

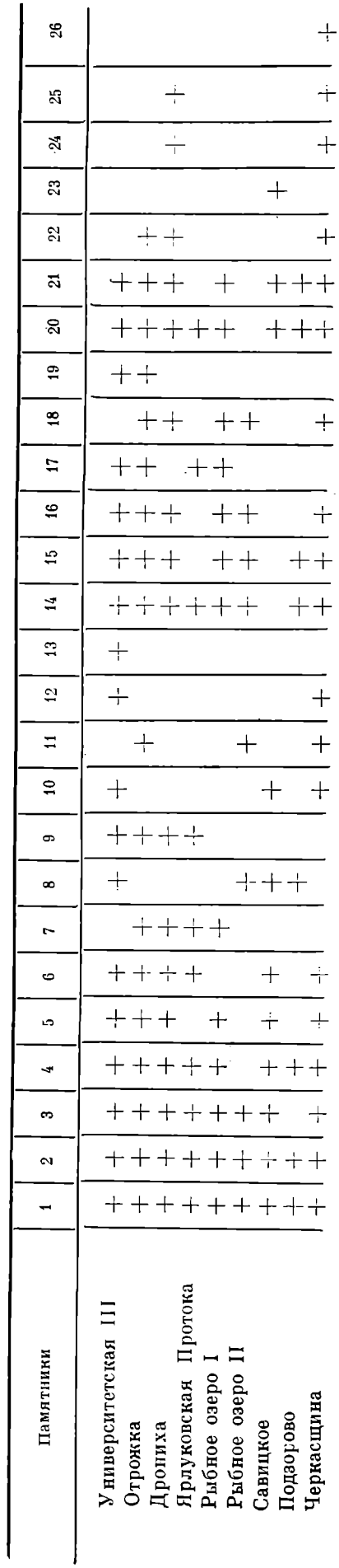
ными линиями, зигзаги из оттисков штампа и некоторые другие. Наименьшее распространение имели орнаменты в виде треугольников, волнистых линий, концентрических окружностей, выполненных наколами, пересекающихся линий из оттисков штампа и нарезок, а также елочка из нарезок и т. п. Такова орнаментация керамики с накольчато-гребенчато-нарезными композициями на верхнедонских неолитических стоянках.

Следует отметить, что керамика с выделенными выше орнаментальными мотивами представлена сериями фрагментов на различных памятниках. Следовательно, они были в достаточной степени характерны для неолита Верхнего Подонья. То обстоятельство, что одни из перечисленных выше узоров встречены при исследовании большего числа стоянок, другие — меньшего, может объясняться не только тем, что первые более традиционны, чем вторые. Не следует забывать, что простые узоры на небольших фрагментах могут быть на самом деле частью более сложных на обломках сосудов большей величины (например, узоры 1 и 2 — частью 6; узор 4 — частью 5; узор 15 — частью 18 и т. д., рис. 1). Крупные же фрагменты посуды встречаются реже, чем мелкие: они встречаются чаще там, где представлены количественно большие керамические серии. Не случайно, по-видимому, на таких памятниках, как Рыбное Озеро I и II, Ярлуковская Протока и некоторые другие, где керамика с накольчато-гребенчато-нарезным орнаментом представлена тремя-четырьмя сотнями экземпляров [9, с. 119], орнаментация керамики включает меньшее количество композиций, чем, скажем, на Университетской III стоянке, при раскопках которой были собраны тысячи фрагментов посуды аналогичного типа [13, с. 7].

Выделение комплекса орудий труда, соответствующих керамике с накольчато-гребенчатой орнаментацией, в Подонье сопряжено с определенными трудностями, поскольку здесь отсутствуют неолитические памятники с чистым комплексом сосудов с упомянутой выше орнаментацией. Все они содержат примесь ямочно-гребенчатой и в ряде случаев других типов керамики. Следует принять

Таблица 1

Орнаментальные мотивы на неолитической керамике поселений Верхнего Подонья и Черкасщины



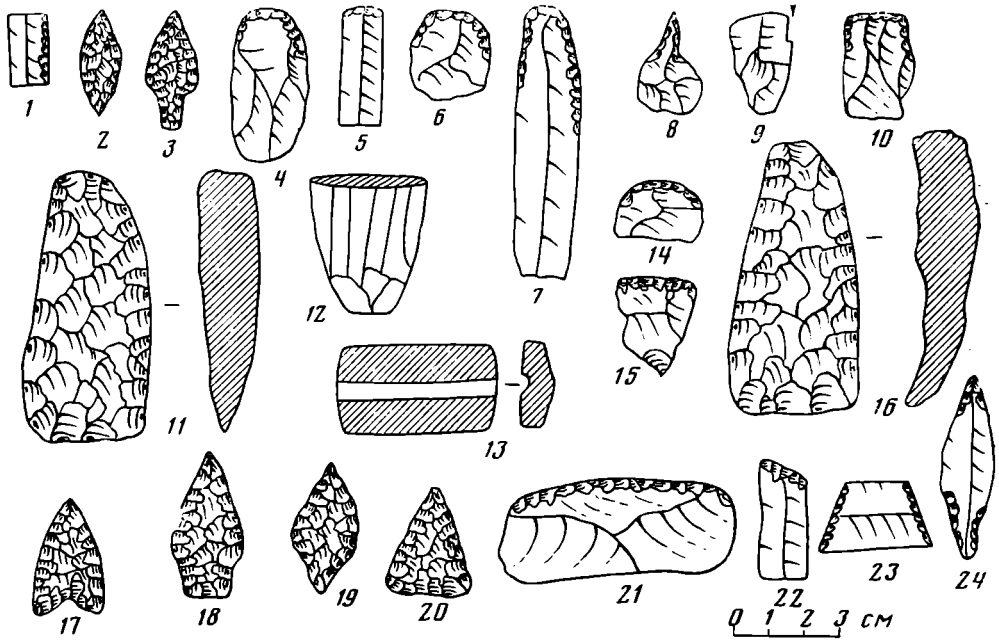


Рис. 2. Изделия из камня с неолитических стоянок Верхнего Подонья и Поднепровья. Цифры на рисунке соответствуют цифровым обозначениям на табл. 2.

во внимание также то обстоятельство, что коллекции орудий труда, находимые при исследовании поселений, не всегда соответствуют наборам изделий, находящихся в быту у обитателей того или иного поселка. Этого соответствия можно ожидать лишь в том случае, если стоянка была покинута внезапно, под влиянием стихийных бедствий или же в результате набега враждебного племени. При этом жизнь здесь больше не возобновлялась. В этих случаях находят большие серии каменных орудий (Волосовская стоянка).

Но гораздо чаще древние поселения покидались в спокойной обстановке: сезонные перекочевки, поиски новых охотничьих и рыболовческих угодий и т. п. В этом случае обитатели поселка забирали с собой все, что им могло пригодиться на новом месте жительства. И на стоянках оставались лишь утерянные или выброшенные сломанные изделия. Следует учитывать и то, что в пределах поселка терялись чаще мелкие предметы домашнего обихода (скребки, ножи, проколки и т. п.), чем крупные (топоры, долота) или орудия охоты — наконечники стрел (последние могли часто теряться вне пределов поселений).

Сказанное выше вовсе не означает, что в настоящее время невозможно выявить комплексы орудий труда, свойственных для той или иной группы неолитических поселений. Повторяемость типов орудий труда на ряде памятников, по-видимому, дает право говорить о наиболее характерных изделиях в обиходе неолитических обитателей Верхнего Подонья. То, что поселения этого региона характеризуются разнокультурными керамическими комплексами, также не составляет в этой работе непреодолимой задачи. Известно, что, переселяясь в новые районы, пришельцы часто начинали пользоваться новыми типами орудий труда, свойственными аборигенам, на землях которых они поселились. Подобная картина была отмечена М. Е. Фосс по материалам Каргополья и Беломорья [16, с. 78—137], Н. Н. Гуриной — в Карелии [17, с. 47—49]. То же самое можно отметить и для неолита Волго-Окского междуречья [18, с. 91—99]. Во всех перечисленных регионах пришельцы воспринимали местную технику изготовления орудий труда (и их типы), приспосабливаясь к местным естественногеографическим условиям.

Таким образом, нам представляется, что изделия повторяющихся типов, найденные на различных поселениях Верхнего Подонья, могут дать представление (хотя, возможно, и не точное) о комплексе орудий труда,

соответствующих керамике с накольчато-гребенчато-прочерченной орнаментацией в Верхнем Подонье.

По материалам семи поселений этого региона (Университетская III, Дрониха, Отрожки, Ярлуковская Протока, Рыбное озеро I и II, Савицкое) выделяются орудия труда 24 основных типов. Среди них ретушированные вкладыши из ножевидных пластин, наконечники стрел и копий — листовидные, с прямым основанием, треугольно-черешковые, с вогнутым основанием и ромбические, скребки-округлые, концевые, с подчетырехугольным рабочим краем, овальные, подтреугольные, со скошенным рабочим краем, полукруглые; ножи из крупных ножевидных пластин; проколки из отщепов, одноплощадочные нуклеусы; топоры и тесла, изделия с желобком (выпрямитель стрел?); резцы из кусков кремня, скребла (табл. 2, рис. 2).

Как видно из рис. 2 и табл. 2, на верхнедонских поселениях наиболее часто встречаются вкладыши, наконечники стрел листовидной и треугольно-черешковой форм, концевые и овальные скребки. Их находили почти на всех стоянках. Встречены округлые и подчетырехугольные скребки, ножи из ножевидных пластин, проколки, топоры и резцы (на пяти памятниках из семи). Реже встречались одноплощадочные нуклеусы; полукруглые, со скошенным рабочим краем и треугольные скребки; долота, изделия с желобком и наконечники стрел — треугольные, ромбические и с прямым и вогнутым основанием.

Таковы орудия труда на стоянках с накольчато-гребенчато-прочерченной керамикой в Верхнем Подонье. Заметим, что при исследовании Университетской III стоянки найдены плоские ножи из кремневых плиток и желобчатые долота. Остается неясным, с какими типами керамики связывать эти изделия. Данных об их стратиграфическом положении нет. При раскопках других неолитических памятников Верхнего Подонья эти орудия не найдены, скорее всего можно предположить связь их с иными представленными на данном памятнике типами керамики.

Как отмечает А. Т. Синюк, на Университетской III стоянке в нижних слоях культурного слоя были найдены трапеции, а также наконеч-

Таблица 2

Изделия из камня с неолитических стоянок Верхнего Подонья и Поднепровья

Памятники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Университетская III	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дрониха	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Отрожка	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ярлуковская Протока	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рыбное озеро I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рыбное озеро II	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Савицкое	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Поднепровье	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

ники стрел из ножевидных пластин с частичной обработкой. По его мнению, эти изделия в силу их стратиграфического положения следует связывать с накольчато-гребенчато-нарезной керамикой [13, с. 12, 13]. Заметим, что на остальных неолитических стоянках Верхнего Подонья эти типы орудий пока неизвестны, но четкое указание на их положение в нижнем горизонте культурного слоя на Университетской III стоянке дает возможность согласиться с мнением А. Т. Синюка.

Каков же этнокультурный облик верхнедонского неолита? Выше мы уже отмечали, что на этот счет высказаны различные точки зрения. По нашему мнению, верхнедонские материалы наиболее близки древностям левобережной Украины, где в новом каменном веке, в IV—III тысячелетии до н. э., были известны памятники днепро-донецкой археологической культуры, подробно описанной в работах украинских исследователей. Большое количество публикаций материалов этой культуры принадлежит Д. Я. Телегину. Днепро-донецкая культура подразделяется Д. Я. Телегиным на несколько вариантов (надпорожский, черкасский, киевский, донецкий и т. д.), среди которых, как нам кажется, при определении облика верхнедонских древностей наибольшее значение имеют материалы Черкасщины (поселения Бузьки и др.) и Надпорожья (поселения Собачки, Вовнижское Правобережное, Лысогорский и Никольский могильники и т. д.) [19—22].

Так, на днепро-донецких поселениях Черкасщины были найдены керамические комплексы, представляющие собой серии фрагментов от плоскодонных и остродонных горшков, изготовленных из глины, к которой примешивались песок, растительные волокна. Они имеют прямые или выпуклые стенки, прямые или слегка отогнутые наружу венчики. Вся поверхность сосудов покрывалась орнаментом, выполненным наколами, гребенчатым штампом и нарезками. Среди композиций горизонтальные или наклонные линии, ряды треугольных оттисков, елочка, зигзаги, треугольники, волнистые линии, пересекающиеся полосы, зоны из параллельных друг другу линий, размещенные под углом друг к другу, и некоторые более сложные композиции (табл. 1, рис. 1).

Нетрудно заметить, что почти все перечисленные узоры были свойственны и керамике неолитических стоянок верхнего Подонья. На табл. 1 и рис. 1 отмечены 26 основных орнаментальных мотивов, присущих керамике упомянутых регионов (Черкасщина и Подонье) [3]. Если эту цифру принять за 100%, а число тождественных узоров, встречающихся на керамике обоих регионов, за x%, то мы можем судить о степени сходства орнаментации керамики сравниваемых групп памятников. Общими являются 18 узоров, что соответствует сходству (индексу родственности) на 69,2%.

В опубликованной в 1975 г. книге И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера, посвященной различным способам обработки археологического материала, предложен иной способ определения индекса родственности (показателя сходства) сравниваемых коллекций — по формуле $f=s^2/kl$, где f — индекс родственности, s — количество общих типов, k — количество типов в первой коллекции, l — количество типов во второй коллекции [23, с. 50].

Заменив по этой формуле буквенные значения имеющимися в нашем распоряжении числовыми данными, мы получим индекс родственности, равный $18^2/24\times20=0{,}675=67{,}5\%$ (18 — количество общих типов орнамента, 24 — количество типов орнамента на верхнедонской керамике, 20 — количество типов орнамента на керамике Черкасщины), т. е. величину, чрезвычайно близкую упомянутой выше.

Приведенные подсчеты не являются безусловно точными, поскольку мы не учитывали количества фрагментов, украшенных тем или иным типом орнамента. Нам кажется, что при данной системе сравнения это

---

[3] Не учитывались вариации отмеченных на рис. 1 композиций, а также единичные узоры.

и не нужно, так как мы имеем дело не с целыми сосудами, а с их обломками, часто не поддающимися склейке. Склеенный сосуд со стоянки Оса состоит приблизительно из 30 фрагментов, половина сосуда из Борани склеена из 40 черепков, из 70—80 фрагментов состоят сосуды со стоянки Усть-Рыбежная I, из 60—70 фрагментов — половина сосуда из Балахны, из 316 фрагментов — сосуд с поселения Нарва I, из 500 фрагментов — сосуды с поселений Карелии и т. д. При этом следует учитывать, что, как правило, сосуды украшались каким-либо одним видом орнамента (сосуды из Осы, Борани, Балахны и т. п., а также частично реставрированные сосуды из Бузьков, Лысогорского и Никольского могильников и других памятников лесостепи).

Таким нам представляется решение вопроса о сходстве верхнедонской неолитической посуды и керамики черкасского Поднепровья. Близость форм сосудов, технологии приготовления глиняного теста, сходство орнаментации позволяют сблизить материалы этих регионов. Следует добавить, что в пользу единства верхнедонских и днепро-донецких материалов свидетельствует и то обстоятельство, что к югу от Черкасщины, в Надпорожье, исследован ряд памятников (упоминавшиеся выше Никольский и Лысогорский могильники и т. п.) с керамикой, орнаментированной теми же мотивами, которые не были известны на сосудах стоянок типа Бузьков, но украшали верхнедонскую посуду. Это всевозможные четырехугольники, окружности, волнистые линии, сочетания горизонтальных и наклонных линий и т. п.

О близости верхнедонских и поднепровских керамических комплексов мы можем судить, используя и иной способ сопоставления приемов орнаментаций. Он описан В. Робинсоном и Д. Брейнердом, а несколько позже Б. И. Маршаком, Д. Я. Телегиным и другими исследователями. Способ состоит в подсчетах процентного содержания групп керамики, украшенной тем или иным способом, с последующим сопоставлением между собой полученных величин из сравниваемых комплексов [24—28].

В нашем распоряжении данные о процентном содержании групп керамики, украшенных наколами, гребенкой, нарезками и т. п., на таких памятниках, как Собачки, Вовнижская правобережная стоянка, Бузьки в Поднепровье [19, с. 61], Дрониха[4], Отрожки[5] на верхнем Дону (табл. 1)[6].

Пользуясь методом Робинсона—Брейнерда, мы можем получить индекс родственности (степень сходства) в орнаментации керамики отмеченных памятников: Дрониха—Отрожки — 85% (42+34+9); Собачки—Вовнижская — 83% (35+28+17+3); Собачки — Бузьки — 74% (29+25++17+3); Вовнижская — Бузьки — 82% (29+25+20+8).

Эти подсчеты показывают, что индекс родственности в орнаментации неолитической керамики сравниваемых памятников Верхнего Подонья составляет 85%, а в Поднепровье — от 74 до 83%, в среднем — 79%.

Сопоставим теперь тем же способом керамику верхнедонских и поднепровских поселений: Дрониха—Собачки — 81% (35+34+12); Дрониха — Вовнижская — 82% (42+28+12); Дрониха—Бузьки — 66% (29+25+12); Отрожки— Вовнижская — 80% (42+28+9+1); Отрожки — Собачки — 82% (29+25+9+1); Отрожки — Бузьки — 64% (29+25+9+1).

Эти подсчеты показывают, что индекс родственности (степень сходства) в орнаментации верхнедонской и поднепровской гребенчато-накольчато-прочерченной керамики колеблется от 64 до 82%, составляя в среднем 76%, т. е. величину, близкую индексу родственности в орнаментации керамики только лишь поднепровских стоянок (79%).

---

[4] Подсчеты А. Т. Синюка. Отчет о раскопках поселения Дрониха хранится в Кабинете археологии Воронежского пединститута.

[5] Подсчеты автора по коллекциям МАЭ в Ленинграде и Воронежского областного краеведческого музея.

[6] Судя по диссертационной работе А. Т. Синюка, остальные верхнедонские неолитические памятники характеризуются керамикой, группировка которой по типам орнамента соответствует (по процентному соотношению) сериям фрагментов на перечисленных выше стоянках.

Таким образом, сравнение в самых различных аспектах керамического производства анализируемых в статье верхнедонских и поднепровских поселений свидетельствует об их этнокультурной близости[7]. Хочется подчеркнуть, что мы не говорим о полной идентичности верхнедонской и поднепровской керамики с гребенчато-накольчато-прочерченным орнаментом. Но ведь этой идентичности не наблюдается и при сравнении керамических комплексов различных вариантов собственно днепро-донецкой культуры, что можно заключить путем соответствующих подсчетов способов орнаментации по таблице, опубликованной в книге Д. Я. Телегина [19, с. 61], а также исходя из факта деления днепро-донецкой культуры на несколько вариантов.

Таблица 3

Стоянки	Элементы орнаментов, %				
	наколы	гребенка	прочерты	без орнамента, %	другие виды орнамента, * %
Дрониха	42	34	12	–	12
Отрожки	45	37	9	1	8
Собачки	35	44	17	3	1
Вовнижская правобережная	42	28	20	8	2
Бузьки	29	25	29	15	2

* В расчетах не учитывались.

Об общности донского и днепро-донецкого неолита свидетельствует и сходство комплексов орудий труда, свойственных для памятников этих регионов. Выше мы говорили о том, что неолитические материалы Верхнего Подонья характеризуют изделия 24 основных типов. Знакомство с древностями Поднепровья приводит к мысли, что большинство из них было свойственно и днепро-донецким комплексам. Как отмечает Д. Я. Телегин [19, с. 131—149; 20, с. 35], носители днепро-донецкой культуры изготавливали наконечники стрел треугольно-черешковые, с выемкой в основании, треугольные, из ножевидных пластин, скребки со скошенным рабочим краем, овальные, округлые, из ножевидных пластин, ретушированные вкладыши, резцы, проколки, топоры, тесла, выпрямители стрел, трапеции, одноплощадочные нуклеусы, ножи из крупных кремневых пластин и т. п. (табл. 2, рис. 2). По характеру изготовления, способам обработки все эти изделия близко напоминают предметы быта верхнедонского неолитического населения.

Попробуем сопоставить коллекции изделий из камня памятников Поднепровья и Верхнего Подонья. На табл. 1 и рис. 1 нами приводятся 24 основных типа изделий, встреченных при исследовании поселений упомянутых регионов. Если мы эту цифру примем за 100%, а число типов изделий, общих для этого региона, за x%, то, выяснив значение x, мы сможем говорить о степени сходства обоих комплексов. Пользуясь табл. 1 и рис. 1, можно выделить 17 типов изделий, встречающихся в Поднепровье и Подонье. Это соответствует 71% сходства между сравниваемыми сериями.

Аналогичный индекс родственности мы получаем и при использовании способа, предложенного И. С. Каменецким, И. Б. Маршаком и Я. А. Шером. По формуле $f=s^2/kl$ получаем: (ИР) $=17^2/24\times17=0{,}708=70{,}8\%$ (17 — количество общих типов орудий, 24 — количество типов на стоянках Верхнего Дона, 17 — количество типов на стоянках Поднепровья — см. табл. 2).

Указанная величина является приблизительной, поскольку мы не учитывали процентного соотношения различных типов орудий в обеих коллекциях. Возможные упреки здесь уместны. Но выше мы отмечали трудности, с которыми сталкивается исследователь при выявлении набора

[7] Было бы интересно сопоставить верхнедонские материалы с донецким вариантом днепро-донецкой культуры. Но древности Донетчины представлены слишком малым количеством материала для всестороннего сравнения.

орудий труда, которыми пользовались обитатели верхнедонских неолитических поселений. Не перечисляя их вновь, отметим, что именно эти трудности (в первую очередь смешенность керамических комплексов) и усложняют выявление точного соотношения (в количественном выражении) различных типов орудий труда на верхнедонских стоянках, заставляет нас с известной осторожностью относиться к подсчетам изделий, находимых на стоянках,— это «открытые», а не «закрытые» комплексы поселений, не всегда отражающие объективную реальность[8].

Таким образом, анализ керамики (формы сосудов, технология изготовления, орнаментация) и орудий труда верхнедонских неолитических стоянок свидетельствует об их близости древностям Поднепровья, что дает возможность рассматривать верхнедонские материалы в качестве варианта днепро-донецкой культуры.

Тем самым, как нам кажется, снимается и вопрос о возможности выделения неолитических памятников Подонья в особую культуру, и гипотеза об их отнесении к древностям лисогубовского типа. О последних можно сказать, что они представлены на севере Украины рядом поселений, характеризуемых керамикой, где численно преобладают фрагменты «из глины с примесью песка и кровавика с заглаженной зубчатым штампом поверхностью. Сосуды глубокие, слабо профилированные, с гофрированными венчиками. У края нарезки, жемчужины. Орнамент чаще всего гребенчатый, располагающийся обычно в верхней части сосуда в виде нескольких опоясывающих рядов вертикально поставленных отпечатков штампа и опускающихся от них вертикальных полос того же узора, часто такие полосы обрамлены ямками или очерчены линией. Иногда гребенчатый штамп располагается в скорописной манере в виде волнистых шевронов, обрамленных ямками на плечиках сосудов» [29, с. 152]. Гребенчатые узоры лишь дополняются накольчатыми мотивами, не имеющими геометрических очертаний.

Не трудно заметить разницу верхнедонской и лисогубовской неолитической керамики. Ведь на Дону сосуды в первую очередь украшались наколами, причем орнамент состоял, как отмечалось, из геометрических мотивов. Он не дополнялся жемчужинами. Венчики сосудов не были гофрированными. В противоположность лисогубовским древностям на донской керамике гребенчатые узоры играли подчиненную роль, кроме того, здесь известны нарезные орнаменты, которых не было на посуде лисогубовских стоянок.

Орудия труда верхнедонских поселений также значительно отличаются от наборов изделий с лисогубовских стоянок. На последних найдены всевозможные резцы, округлые скребки, резчики, ножи, ретушированные пластины, клиновидные, призматические и дисковидные нуклеусы [29, с. 146]. Верхнедонские наборы орудий труда гораздо разнообразнее, содержат много иных типов изделий. По словам В. И. Неприной, лисогубовские изделия напоминают лишь серии орудий со стоянок с гребенчато-прочерченной керамикой (первый этап днепро-донецкой культуры по Д. Я. Телегину) и с ямочно-гребенчатой керамикой в левобережной Украине [15, с. 130, 131]. По-видимому, это справедливо.

Финал днепро-донецкой культуры в бассейне верхнего Дона связан с целым рядом факторов, многие из которых подробно проанализированы А. Т. Синюком. Нас в данном случае интересует лишь вопрос о появлении здесь населения, изготовлявшего ямочно-гребенчатую керамику.

Как отмечалось в начале статьи, на этот счет высказаны две точки зрения. Согласно первой, ямочно-гребенчатая керамика — модификация гребенчато-накольчатой и родиной ее является лесостепная зона европейской части СССР. Другие исследователи полагают, что ямочно-гребенчатая керамика появилась на Дону в итоге расселения обитателей Волго-Окского междуречья в южном направлении, в результате чего появилась

[8] Мы подчеркиваем, что говорим не о тождестве, а о сходстве верхнедонских и поднепровских материалов. На Дону не известны днепро-донецкие могильники, наборы украшений и т. п. Но ведь и варианты собственно днепро-донецкой культуры в пределах Украины не однозначны друг другу.

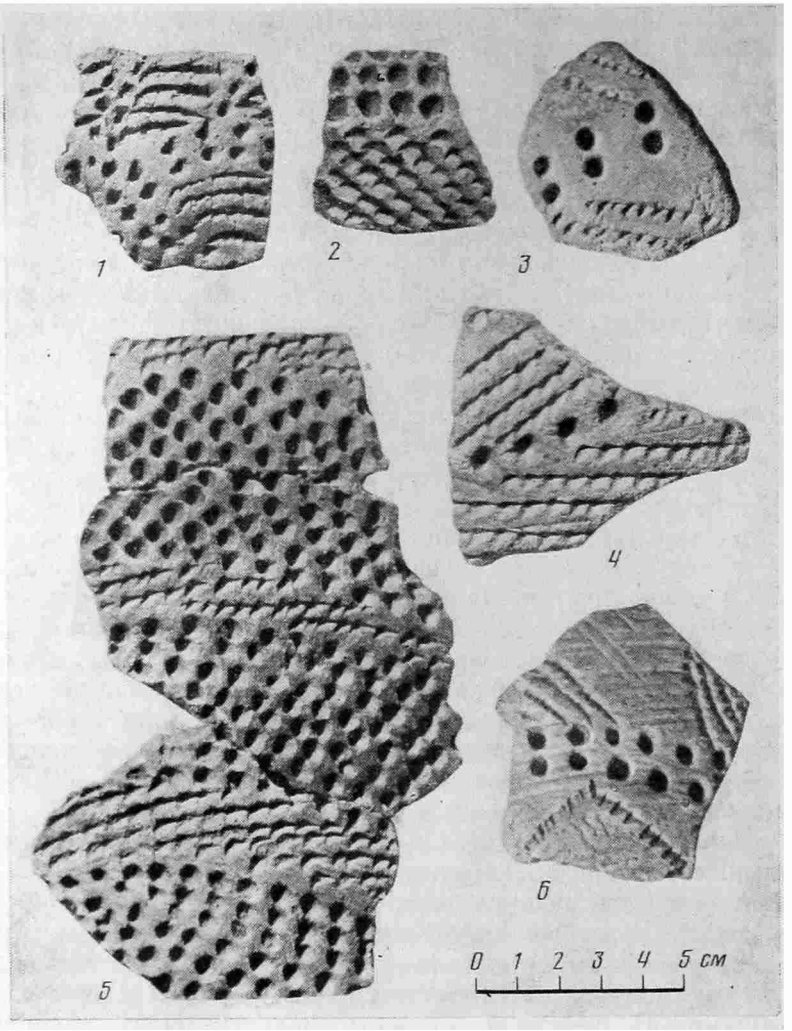


Рис. 3. Стоянка Университетская III, керамика с ямочно-накольчатым орнаментом.

гибридная накольчато-ямочная керамика (рис. 3, 1—6). Мы защищаем вторую гипотезу и уже имели возможность писать об этом, указывая, в частности, на бесперспективность попыток «вывести» ямочно-гребенчатую керамику из гребенчато-накольчатых комплексов левобережной Украины [18, с. 121—123; 30, с. 282—289]. Материалы верхнего Дона играют в этом вопросе определенное значение.

Ниже речь пойдет лишь об одном примечательном факте, до сих пор ускользавшем от внимания исследователей. Имеется в виду стоянка Долгое в Данковском районе Липецкой области [6, 7], два нижних культурных горизонта которой дали в руки исследователей коллекции раннеолитической ямочно-гребенчатой керамики в сопровождении двусторонне обработанных наконечников стрел, скребков из отщепов, отбойников, а также многозубчатых костяных гарпунов, ножевидных пластин и их сечений, резцов, ретушированных вкладышей, миниатюрных скребков, в частности, из пластин с двумя рабочими краями, проколок из ножевидных пластинок и т. п., т. е. изделий, ранний возраст которых справедливо подчеркивал В. П. Левенок.

Исследования нижнего горизонта дали возможность впоследствии реставрировать четыре сосуда, три из которых были полностью украшены ямками. По их венчикам нанесен ряд оттисков штампа. На четвертом сосуде двойные ряды ямок чередуются с линиями оттисков гребенки по всему полю.

В среднем горизонте Долговской стоянки найдено четыре сосуда с ямочным орнаментом, три сосуда с узорами из ямок и одним рядом гребенчатых оттисков, сосуд с рядами ямок, чередующимися с рядами отпечатков штампа, сосуд с узором из оттисков гребенки (все сосуды склеены). Интересно, что именно в среднем горизонте найдены фрагменты керамики с ямочно-накольчатым орнаментом.

Если бы ямочно-гребенчатая керамика развивалась на основе накольчатой, упомянутые сосуды должны были бы залегать в нижнем культурном слое. Это лишний раз свидетельствует о независимом от днепродонецкой развитии ямочно-гребенчатой керамики и о формировании посуды с накольчато-ямочным орнаментом лишь в результате контактов волго-окского и лесостепного населения. При этом Дон, по-видимому, играл роль одного из водных путей, по которому двигались в лесостепь обитатели Волго-Окского междуречья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонов Д. Д.* Доисторические времена.— В кн.: По нашему краю. Воронеж: Воронежское изд-во, 1928.
2. *Валукинский Н. В.* Разведки в Воронеже.— СА, 1937, IV.
3. *Валукинский Н. В.* По следам древних предков. Воронеж: Воронежское изд-во, 1940.
4. *Валукинский Н. В.* Материалы к археологической карте территории г. Воронежа.— СА, 1948, т. X.
5. *Синюк А. Т.* Поселение эпохи неолита у станции Отрожка.— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1966.
6. *Левенок В. П.* Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на верхнем Дону.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 92.
7. *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на верхнем Дону.— МИА, 1965, № 131.
8. *Левенок В. П.* К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в воронежском Подонье.— Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1964, т. 45.
9. *Левенок В. П.* Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком.— КСИА АН СССР, 1968, вып. 117.
10. *Левенок В. П.* Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР.— КСИА АН СССР, 1971, вып. 126.
11. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР.— МИА, 1973, № 172.
12. *Левенок В. П.* Неолит Верхнего Подонья и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1969.
13. *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на среднем Дону. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
14. *Синюк А. Т.* Некоторые вопросы истории среднего Дона в IV—II тыс. до н. э. В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1975.
15. *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев: Наукова думка, 1976.
16. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
17. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
18. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
19. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ. Наукова думка, 1968.
20. *Телегин Д. Я.* К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре.— СА, 1961, № 4.
21. *Телегин Д. Я.* Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье.— КСИА АН УССР, 1961, № 11.
22. *Бодянский А. В.* Лысогорский неолитический могильник.— КСИА АН УССР, 1961, № 11.
23. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
24. *Robinson W.* A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits.— Am. A, v. XVI, № 4, 1961.
25. *Brainard G.* The Place for Chronological Ordering in Archaeological Analysis.— Am. A, 1961, v. XVI, № 4.
26. *Маршак Б. И.* К разработке критериев сходства и различий керамических комплексов.— МИА, 1965, № 129.
27. *Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погожева А. П.* Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала.— СА, 1970, № 3.

28. *Телегин Д. Я.* Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
29. *Неприна В. И., Беляев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на северной Украине.— СА, 1974, № 2.
30. *Третьяков В. П.*— СА, 1978, № 3.— Рец. на кн.: *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев: Наукова думка, 1976.

V. P. Tretyakov

THE NEOLITHIC OF THE UPPER DON BASIN

Summary

Some Neolithic materials from the upper reaches of the Don are analysed. According to the author they are close to the materials from the middle reaches of the Dnieper and represent a variant of the Dnieper-Don archaeological culture. In the period of the Neolithic its pattern became more complicated due to infiltration, from the forest zone, of the pit-comb-ware culture which affected pottery ornamentation.

КОЛЬ ФИЛИП Л., ГЕСКЕЛЬ ДЕНИС Л.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РАВНИНЫ ДАРРЕ ГАЗ

(распространение системы хронологии Намазга на материалы Иранского Хорасана)

В 1978 г. авторы статьи дважды проводили короткие обследования равнины Дарре Газ к северо-западу от Кучана в Иранском Хорасане с целью выявления и предварительной датировки ее основных археологических памятников. Кроме того, в их задачу входило составление подробных карт крупнейших доисторических поселений, подъемный материал с которых может быть соотнесен с материалами энеолита и бронзового века южного Туркменистана. Эта работа проводилась с разрешения и при любезной помощи Иранского центра археологических исследований Министерства культуры и искусства и Музея Иран-и Бастан в Тегеране.

Равнина Дарре Газ, или «Долина тамарисков», простирается примерно на 50—55 км с запада на восток и на 30—35 км с севера на юг. Она отделена от предгорий северного Копетдага и от просторов Каракумской пустыни низкой горной грядой, оканчивающейся в Зарин-Ку. Таким образом, равнина находится к северу от главного хребта Копетдага и связана с предгорной зоной южного Туркменистана. Равнина омывается непересыхающей р. Дорунгер и заселена в основном курдами, которые были выселены в этот район шахом Аббасом в конце XVI — начале XVII в. [1, с. 97—99; 2; 3]. Равнина Дарре Газ издавна считалась плодородной и процветающей, она и сейчас славится своими обширными фруктовыми садами. Здесь также выращивается большое количество дынь, пшеницы, риса и хлопка.

Современный округ Дарре Газ может быть разделен на три географические зоны. Первая, южная или предгорная часть равнины, простирается от главного перевала Аллаху Акбар через Копетдаг на север к низкой гряде холмов, идущих с северо-запада к юго-востоку двумятремя параллельными рядами в центре равнины. Сейчас, как и в прошлом, заселена в основном ее юго-восточная часть, около современной дер. Чапишлу. В этой зоне было отмечено восемь теллей (таблица, ДГ 18—21 и ДГ 24—27), включая энеолитический и, возможно, более ранний памятник, обозначенный ДГ 19. Кроме того, было выявлено четыре памятника (ДГ 14—17) за пределами холмов, к северо-востоку, около дер. Садерабад (рис. 1). Напье [2] говорит о том, что часть Руд-и Кибкан или речка, которая первоначально текла через Абиверт в предгорной зоне и далее к северо-востоку, была разобрана на орошение деревень в этой части равнины. Современные данные не подтверждают этого, но свидетельствуют о наличии небольшой речки, текущей на юг через холмы и впадающей в Руд- и Дорунгер около главного города Дарре Газ. Основная и наиболее населенная часть равнины начинается непосредственно к северу от низких холмов, отделяющих Чапишлу от города Дарре Газ. Здесь и локализуются упомянутые выше памятники.

Остальная часть района Дарре Газа состоит из двух узких долин, которые идут вниз по течению Дорунгера, по мере того как река прорезает Зарин-Ку и течет на север к пустыне Каракум. Эти долины расположены под углом друг к другу: сначала они идут на запад, затем резко поворачивают на северо-восток и проходят через сухие и менее возделанные равнины. Три маленьких телля около дер. Гюлхалдан в начале второй, более длинной долины не были обследованы. Маленький, более поздний

Таблица

Перечень основных археологических памятников в долине Дарре Газ (Иранский Хорасан)

Памятник	Период	Размер	Описание
ДГ 1	Исламский	Большой	Круглый холм, видны небольшие помещения, склон крутой, залегание глубокое.
ДГ 2	Энеолит, бронза, ахемениды – сасаниды (?)	»	В форме креста, глубокое залегание, крутые склоны, преобладает расписная керамика периода бронзы.
ДГ 3	Исламский	»	Круглый, глазурованная керамика, средняя глубина.
ДГ 4	Ахемениды – сасаниды	Маленький	Круглый, склоны пологие, небольшая глубина.
ДГ 5	»	Средний	Круглый, склоны пологие, средняя глубина.
ДГ 6	Исламский	»	Низкий, продолговатый холм, небольшая глубина
ДГ 7	Ахемениды – сасаниды, исламский	»	Круглый, склоны пологие, глубина средняя.
ДГ 8	»	»	Круглый, средняя глубина.
ДГ 9	Ахемениды – сасаниды	»	Овальный, небольшая глубина.
ДГ 10	Исламский	Средний	Круглый, склоны пологие, небольшая глубина
ДГ 11	Ахемениды – сасаниды	Большой	Круглый, средняя глубина
ДГ 12	Ахемениды – сасаниды, исламский	»	»
ДГ 13	»	Средний	Круглый, пологие склоны, глубина большая, мало черепков
ДГ 14	Энеолит, ахемениды – сасаниды, исламский	Большой	Овальный, видны стены, большая глубина, сильно разрыт
ДГ 15	Исламский	Средний	Круглый, на месте исламского могильника, небольшая глубина
ДГ 16	Ахемениды – сасаниды, исламский	Большой	Круглый, большая глубина
ДГ 17	Исламский	Маленький	Четыре отдельных овальных холма, небольшая глубина
ДГ 18	»	Средний	Круглый, небольшая глубина
ДГ 19	Энеолит. бронза	»	Круглый, средняя глубина, сильно разрушен
ДГ 20	Исламский	»	Круглый, в настоящее время обитаем, средняя глубина, разрытый
ДГ 21	Исламский	Маленький	Круглый, сильно разрыт и разрушен
ДГ 22	Ахемениды – сасаниды	Большой	Круглый, с плоской верхушкой, большая глубина
ДГ 23	Исламский	Маленький	Два круглых холма, склоны пологие, западный холм-могильник
ДГ 24	»	Большой	Два круглых холма, большая глубина, крутые склоны
ДГ 25	»	»	Круглый, разрытый, небольшая глубина
ДГ 26	Ахемениды – сасаниды	Средний	Круглый, сильно разрыт, видны стены
ДГ 27	»	Большой	Круглый, средняя глубина, около высохшей реки
ДГ 28	Бронза, ахемениды – сасаниды, исламский	»	Круглый, видны стены, крутые склоны, большая глубина

Таблица (продолжение)

Памятник	Период	Размер	Описание
ДГ 29	Исламский	Средний	Круглый, с плоской вершиной, крутыми склонами, средняя глубина
ДГ 30	Ахемениды – сасаниды, исламский	»	Овальный, около исламских памятников, небольшая глубина
ДГ 32	»	»	Круглый, средняя глубина, крутые склоны

Примечание. Размеры: маленький — менее чем 200 м²; средний — менее чем 600 м²; большой — более чем 600 м².

телль, около 6 м высоты,— Тепе Морд примыкает к границе к северу от Лютфабада. Отметим, что не существует естественных препятствий, которые разделяли бы равнину и предгорья южного Туркменистана. Другими словами, равнина Дарре Газ представляет собой возвышенное продолжение плодородной предгорной зоны северного Копетдага. Эта зона также может быть разделена на три части с исторической точки зрения [2; 4, с. 56]: Атак- и Келат, восточная зона,— простирается от Аб- и Хур или речки, которая орошает район Чаача, к западу от Душака; центральная зона — от Аб-и и Арчигар и района Каакхи к западу от Гаварза; западная зона, Ахал атак,— от Анау до Кызыл Арвата. Дарре Газ, или центральная часть,— это единственный район с обширной возвышенной равниной. Параллелограмм, который получается, если соединить западную и восточную часть равнины Дарре Газ с Артыком и Каакхой, включает в себя некоторые из самых больших доисторических теллей Средней Азии, в том числе Намазга-депе и Кара-депе. Необходимо также отметить, что нижние культурные слои самых больших памятников в центральной зоне перекрыты значительными аллювиальными отложениями[1]. Очевидно, в древности с Копетдага в центральную зону стекало больше воды.

Эти экологические и геоморфологические наблюдения с полной очевидностью показывают, что материалы с памятников Дарре Газа должны быть близки к материалам из южной Туркмении. Такое заключение подтверждается недавними археологическими исследованиями в северном и северно-восточном Иране. Работы на равнине Горгана и на плато около Шахруда с неопровержимостью показали, что в течение неолитического джейтунского периода существовали связи между Ираном и южным Туркменистаном[2]. Единообразие этого горизонта, простирающегося от Мазандаранской провинции на западе до района Меана—Чаача в юго-восточном Туркменистане на востоке, все еще ждет своего объяснения. Различные экологические зоны, включая и аллювиальные долины рек Мургаб и Теджен, и сезонный сток с Копетдага, а также засушливые высокогорные иранские плато, использовались создателями этой высокоразвитой неолитической культуры. Степень взаимодействия, а также возможные сезонные или пастушеские кочевки между высокогорными и равнинными зонами — проблемы будущих исследований. Во всяком случае, это единообразие нарушается в позднем энеолите и бронзовом веке в

[1] Южная траншея Намазга-депе (№ 2), раскопанная Б. А. Куфтиным в 1952 г., имеет общую глубину 11,5 м: слой Намазга IV — 3 м, Намазга III — 8,5 м [5, с. 279]. Значение столь существенного подъема уровня современной равнины обсуждается Б. А. Куфтиным в указанной работе. Фотографии, полученные при помощи спутников, подтверждают наличие значительных аллювиальных наносов в широком поясе от Абиверда и Каакха к западу от Артыка. Здесь отмечены такыры и глинистые отложения, принесенные р. Дорунгер.

[2] Керамика джейтунского типа была найдена в нижних слоях Туренг-Тепе [6, с. 123—131], а также в Ярым-Тепе около Гунбад-и Квибис [7, 272—273]. Недавно джейтунские и доджейтунские слои были обнаружены в нижних слоях Тепе Санд-и Каксман на Иранском плато в 80 км к северо-востоку от Шахруда. Полученная радиокарбонная дата, около 7800 лет до наших дней, относится к третьему из пяти слоев западного холма [8, с. 222—223; 9, с. 67—70].

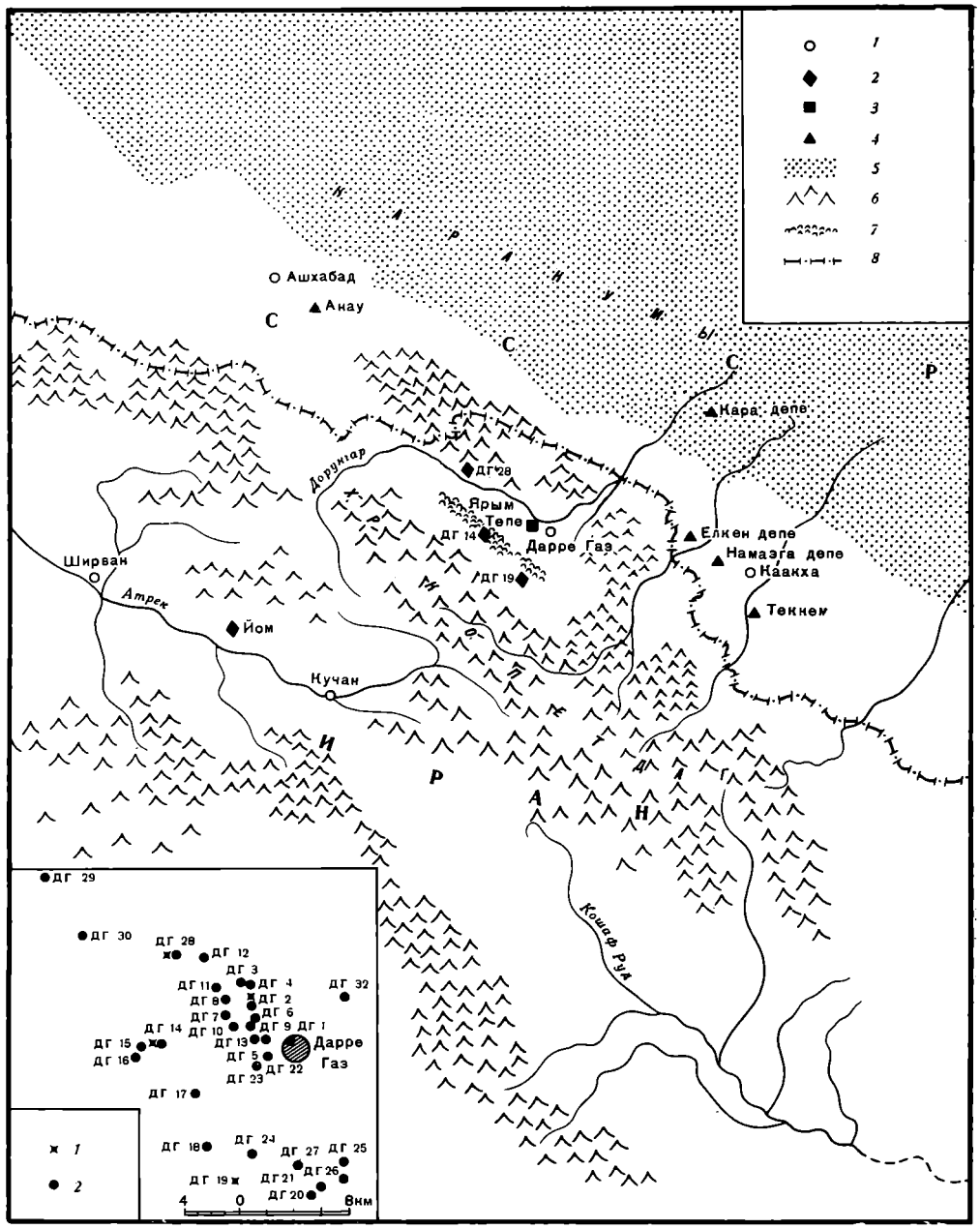


Рис. 1. Общий вид севера Иранского Хорасана и южного Туркменистана. На врезке — поселения в долине Дарре Газ. *1* — современный город; *2* — археологический памятник; *3* — центральное поселение; *4* — памятник на советской стороне; *5* — пустыня; *6* — горы; *7* — холмы; *8* — современные государственные границы.
На врезке: *1* — памятники: энеолит — бронза — железо; *2* — ахеменидские, сасанидские, исламские

силу как географических, так и культурно-исторических причин. Несколько лет назад Т. Д. Арне документально подтвердил существование десятков памятников с серой горганской керамикой, относящихся к бронзовому веку. Это же подтверждено последними исследованиями японской экспедиции, зафиксировавшей более 100 памятников в западной части равнины [10—12] с лощеными серыми и темно-серыми черепками. Описание поселений в восточной части Горганской равнины было сделано д-ром Я. Хиани из Иранского центра археологических исследований, который также отметил большое число крупных памятников поздней бронзы[3]. Материальная культура Тепе Гиссара II—III периодов тесно свя-

[3] Мы благодарны за эту информацию Майклу Ингрэму, который работал с д-ром Хиани летом 1978 г.

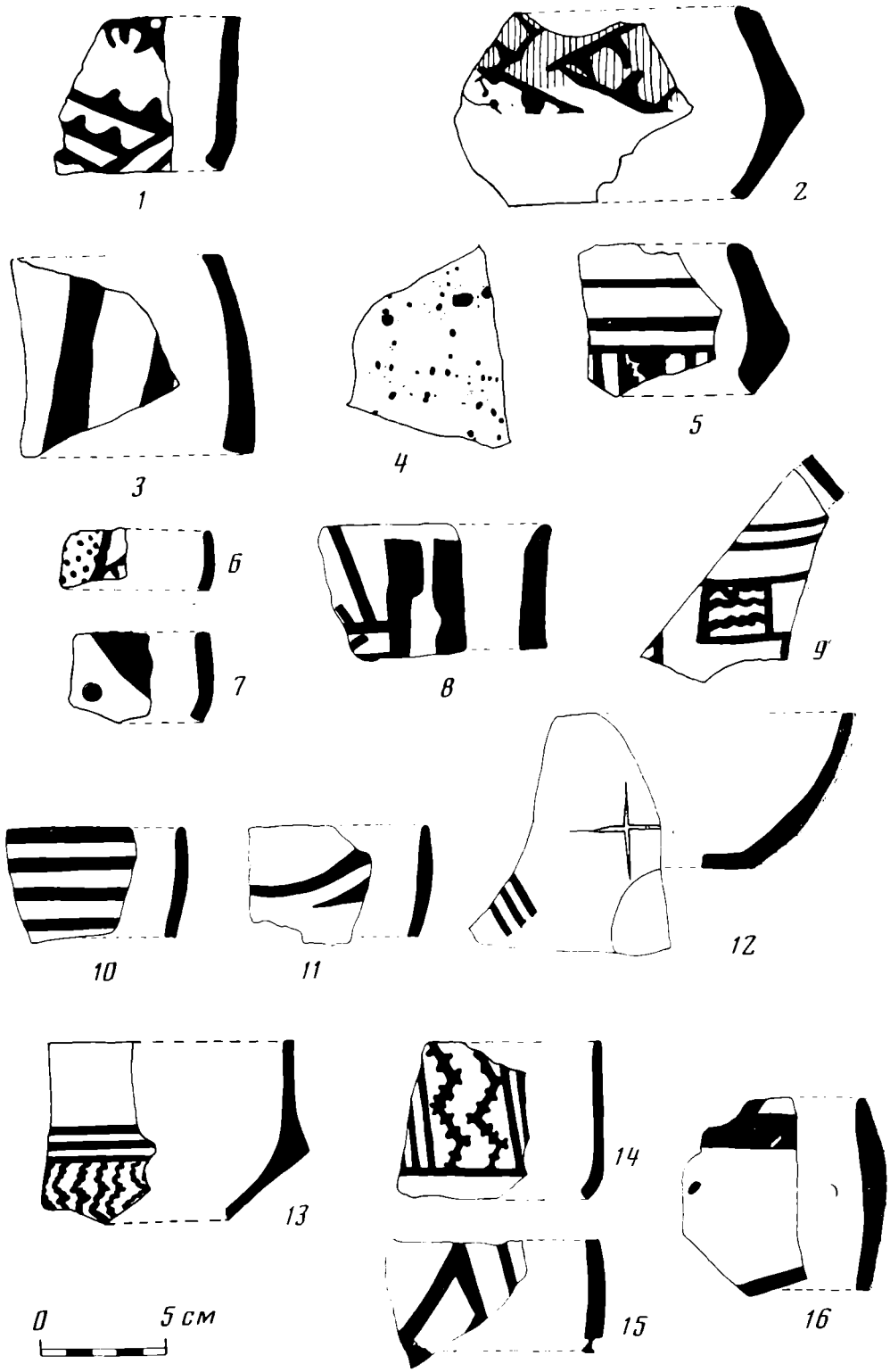


Рис. 2. Расписная керамика Дарре Газа и долины верховьев Атрека (*13*, *14*), включая грубую расписную (Д 19).
1, *2* — ДГ 14; *3*, *6*, *9* — ДГ 28; *4*, *5*, *7*, *8*, *10—12*, *15*, *16* — ДГ 19; *13*, *14* — Йом-Тепе

зана с культурой горганских поселений и дает возможность предварительно определить район этой культуры. Он простирается от севера Центрально-Иранского плато через Горганскую равнину в юго-западный Туркменистан по крайней мере до Ак-депе [13, с. 82—111]. Необходимо также отметить, что новые раскопки Тепе Гиссара в 1976 г. уточнили и увеличили хронологический период существования этого памятника и дали возможность соотнести развитие северного Ирана и южной Средней

Азии с недавно полученными материалами южного и восточного Ирана [14] [4].

Теперь появилась возможность очертить определенную культурную зону от верховьев Атрека к востоку от Ширвана, через равнину Дарре Газ к южной части центрального и юго-восточного Туркменистана. Последние исследования, проведенные в долине верховьев Атрека между Кучаном и Ширваном д-ром Р. Инвернизи и экспедицией Туринского университета, неопровержимо свидетельствуют о том, что в энеолитическое время и в период раннего железа существовали связи между межгорными долинами Иранского Хорасана и южным Туркменистаном [5]. Их исследования с особой четкостью показали, что в течение всего доисторического периода долина верховьев Атрека была гораздо более тесно связана с предгорной зоной южного Туркменистана и восточными равнинами дельты Мургаба и Бактрийской равниной, чем с Иранским плато и равнинами Горгана и Мистрианы, т. е. было установлено близкое сходство между керамикой (рис. 2, *13*, *14*) из долины верховьев Атрека и юга центрального и юго-восточного Туркменистана, в то время как параллели с западом и югом случайны и незначительны. Небольшие работы на Йом-Тепе, примерно в 25 км к западу от Кучана и к северу от Фаруджа, открыли насыщенные слои Яз I и Намазга VI. Отдельные находки расписных черепков периодов Анау IA и Намазга I, III и V были обнаружены при глубокой шурфовке памятника, что свидетельствовало о том, что даже в самые ранние периоды население этого района поддерживало тесные контакты с предгорным поясом юга центрального и юго-восточного Туркменистана. К сожалению, не были предприняты раскопки в межгорной долине Кашаф Руд, но вполне вероятно, что и там можно обнаружить такую же картину. Далее к югу, на самом Иранском плато, разведками было обнаружено лишь незначительное число доисторических памятников. Этот факт можно объяснить отсутствием здесь достаточно развитой системы орошения. Мы надеялись обнаружить в этом районе свидетельства таких же тесных контактов с Намазга-депе и подобными ему поселениями на равнине Дарре Газ.

Археологический материал из Мохаммедабада (нынешний Дарре Газ, крупнейший город на равнине) впервые был опубликован в 1924 г. Г. Франкфортом, который сравнил роспись местной керамики с росписью керамики Анау и предположил наличие единого керамического стиля [15, с. 83—84, рис. VII, *2*; 16, рис. 15*a*]. В 1966 г. д-р Е. Негабан посетил Дарре Газ и собрал черепки из Ярым-Тепе, крупнейшего доисторического памятника на равнине; однако эти находки не были опубликованы. Таким образом, мы знаем, что в долине есть доисторические памятники, похожие по своим материалам на памятники, близкие к Намазга в южном Туркменистане, и на памятник в верховьях Атрека. Основываясь на этой предшествующей работе, мы хотели зафиксировать и предварительно датировать все крупнейшие памятники и телли на равнине, и в особенности определить местонахождение доисторических поселений.

При первом обследовании было обнаружено 40 памятников. На 31 из них были проведены предварительные обмеры и сбор подъемного материала (см. рис. 1 и таблицу). В силу ряда условий нам не удалось об-

[4] Вопросы хронологии Гиссара пересматриваются С. Ховард, которая в личном разговоре с одним из авторов сообщила, что, по ее мнению, развитие Гиссара от IIB до периода IIIB представляет собой единое культурное целое; она датирует сгоревшее строение периодом Гиссар IIIC и считает, что в течение этого периода произошел некий перерыв, связывающийся ею с развитием экономических отношений с другими культурами, которые объединили многие районы западной Азии в конце III тысячелетия до н. э. Последовательная серия калиброванных дат по C^{14} по раскопкам 1976 г. дает следующие результаты, сообщенные Дайсоном в личной беседе: Гиссар IIB — около 3200—2900 гг. до н. э.; Гиссар IIIB — около 2500—2400 до н. э.; Гиссар IIIC — около 2100 до н. э.

[5] Авторы хотели бы поблагодарить археологов из Туринского университета, особенно Р. Бисчине и Р. Риккорди, за то, что они показали им свои в основном неопубликованные коллекции, и за их помощь в определении поздних ахеменидских и сасанидских материалов.

следовать небольшие памятники, расположенные в малолюдных местах, но в принципе была обследована вся равнина. Все памятники были нанесены на карту 1 : 100 000, а подъемный материал соответствующим образом зафиксирован. Памятники были предварительно классифицированы по характеру слоя и его хронологии, но более полная история поселений и культурной области в целом, включая историю земледелия в этом районе, требует дополнительной, более углубленной работы.

Собранный разведками материал свидетельствует о том, что этот район был заселен начиная по крайней мере с V тысячелетия до н. э. Наибольшая его заселенность приходится на сасанидский период, когда здесь в разное время существовало 25 населенных пунктов. Значительная группа материалов относится к исламскому периоду — это полихромная глазурованная керамика, близкая керамике из Нишапура и более поздней.

Было открыто только четыре памятника (ДГ 2, 14, 19 и 28), содержащих доисторические материалы. Цифра эта, безусловно, занижена в силу, как уже указывалось, поверхностного обследования, а также и потому, что на многих памятниках ранние слои перекрыты более поздними. Необходимо отметить, что эти четыре памятника зафиксированы в разных районах равнины, что позволяет предположить относительно широкое ее заселение в течение энеолита и бронзового века. Несколько черепков из грубой глины с примесью соломы, с широкими черными полосами орнамента были найдены на небольшом доисторическом памятнике около Чапишлу (ДГ 19), в южной или возвышенной части равнины. Эти черепки напоминают джейтунские материалы из южного Туркменистана и неолитическую керамику из Ярым-Тепе равнины Горгана. Возможно, что этот памятник даст наиболее ранние слои на равнине. Проведенное нами исследование его разрушенной восточной части не выявило ни керамики, ни построек в двух нижних метрах его культурного слоя. Безусловно, подтвердить наличие слоев, относящихся к VI тысячелетию до н. э. или даже к более раннему времени, на равнине Дарре Газ можно будет только после раскопок на этом памятнике. Далее к западу находятся два памятника — Кара Куджлу (ДГ 14) и Наукхандан (ДГ 28), которые содержат доисторические материалы. В обоих памятниках есть материалы периода Намазга II—III, но они сильно повреждены и перекрыты мощным слоем, относящимся к сасанидскому периоду.

Наиболее значительный доисторический памятник на равнине — Ярым-Тепе (ДГ 2) находится в 4 км к северо-западу от Дарре Газа, на правом берегу Руд- и Артиана, главного притока р. Дорунгер. Ярым-Тепе возвышается более чем на 35 м над равниной: исследование обнажений вдоль южного края этой части памятника показало, что культурный слой уходит в глубину по крайней мере еще на 3 м; это говорит о том, что общая мощность культурного слоя достигает 40 м. Как указывает его название, осталась только одна половина холма (около 8 га), остальная часть памятника, примерно такая же по площади, либо подверглась эрозии, либо была срыта крестьянами. Обследованная половина памятника продолжается от холма к северу и северо-востоку к реке и на юг, за крутой южный склон холма, еще на 100—150 м (рис. 3). Сам холм вытянут с северо-запада на юго-восток. Он настолько сильно разрушен эрозией с южной стороны, что фактически распался на две части: западную, или более низкий холм, и восточную «цитадель». Соединяющий их перешеек в некоторых местах имеет не более 1 м в ширину. Северный склон сохранился гораздо лучше и образует две большие равные площадки.

На поверхности холма собран значительный керамический материал, представляющий все периоды хронологической колонки Намазги, а также, весьма вероятно, свидетельствующий о существовании поселения меньших размеров ахеменидского и парфяно-сасанидского времени. Вопрос о том, кому принадлежит последнее поселение на холме, можно решить только после раскопок восточной «цитадели». Свидетельствами непрерывности обитания на памятнике с начала V и до конца IV тысячелетия до н. э. являются несколько черепков расписной керамики, отно-

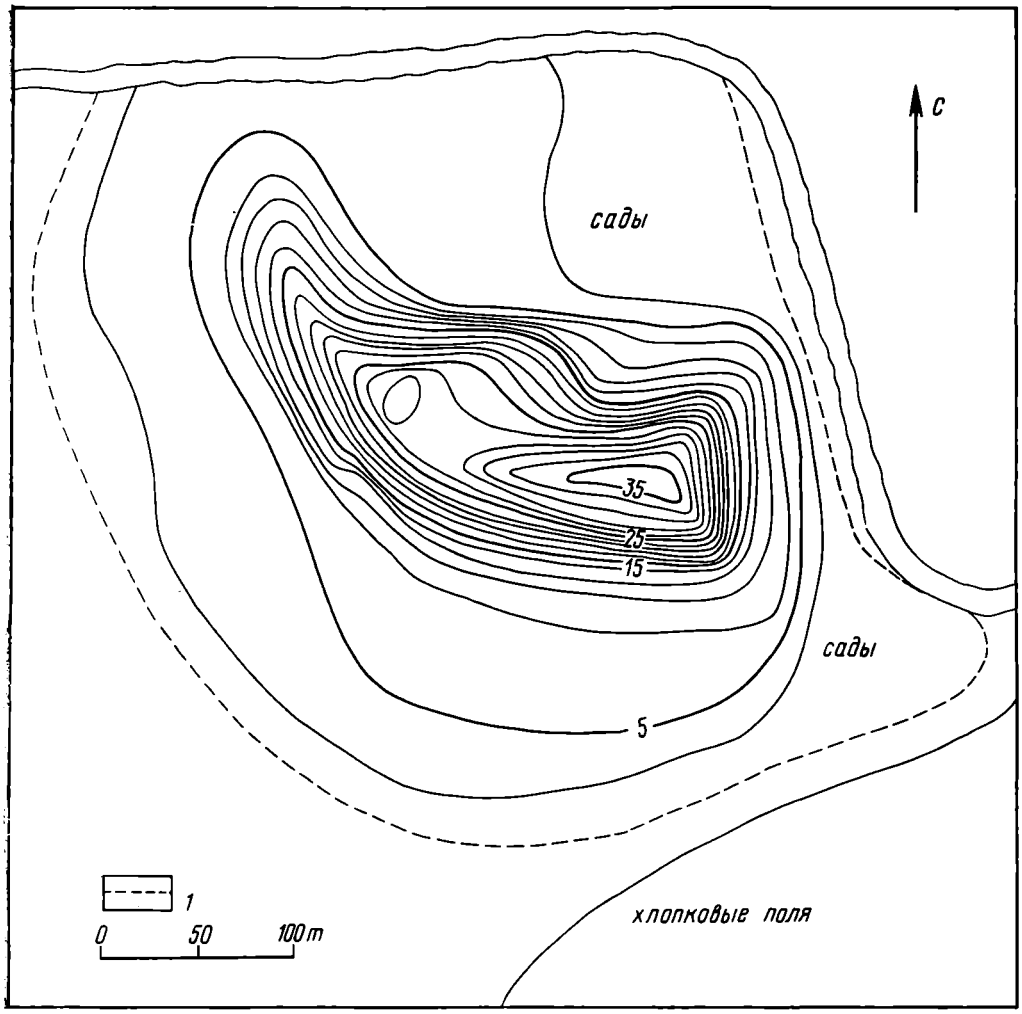


Рис. 3. Ярым-Тепе — топографическая схема (интервалы между горизонталями 1 м); *1* — максимальный размер телля

сящиеся к периоду Намазга I и II (рис. 4), и полихромная керамика геоксюрского стиля периода Намазга II и начала Намазга III (рис. 5). Однако не подлежит сомнению тот факт, что основное заселение холма относится к позднему энеолиту и раннему бронзовому веку (рис. 6 и 7). Расписная керамика периода Намазга III—IV разбросана и у подножья холма, и на уничтоженной вспашкой его части до половины высоты холма. Большинство собранных черепков в точности повторяет формы и рисунки расписной керамики периода Намазга IV, найденной в Ак-депе, Намазга-депе, Улуг-депе, Алтын-депе и Хапуз-депе. Этот факт чрезвычайно важен, так как наши представления об этом важном периоде начала «городской революции» в южном Туркменистане очень ограничены, поскольку в Намазга-депе и Алтын-депе, крупных городских памятниках, эти слои перекрываются слоями Намазга V и VI. Мы располагаем лишь очень небольшой информацией о структуре и планировке городов южного Туркменистана в эпоху ранней бронзы [13, с. 84], а также о социальной структуре в период Намазга IV. Открытие большого количества керамики, относящейся к периоду Намазга IV, в Ярым-Тепе также очень важно, так как Кара-депе, типичный энеолитический памятник, был навсегда покинут в конце IV или начале III тысячелетия до н. э. и археологические раскопки не фиксируют перехода к периоду Намазга IV. Во время будущих раскопок можно будет сравнительно легко достичь слоев Намазга III и IV на северном склоне Ярым-Тепе.

На этом памятнике была найдена неорнаментированная керамика, относящаяся к периодам Намазга V и VI. Среди находок были фрагменты

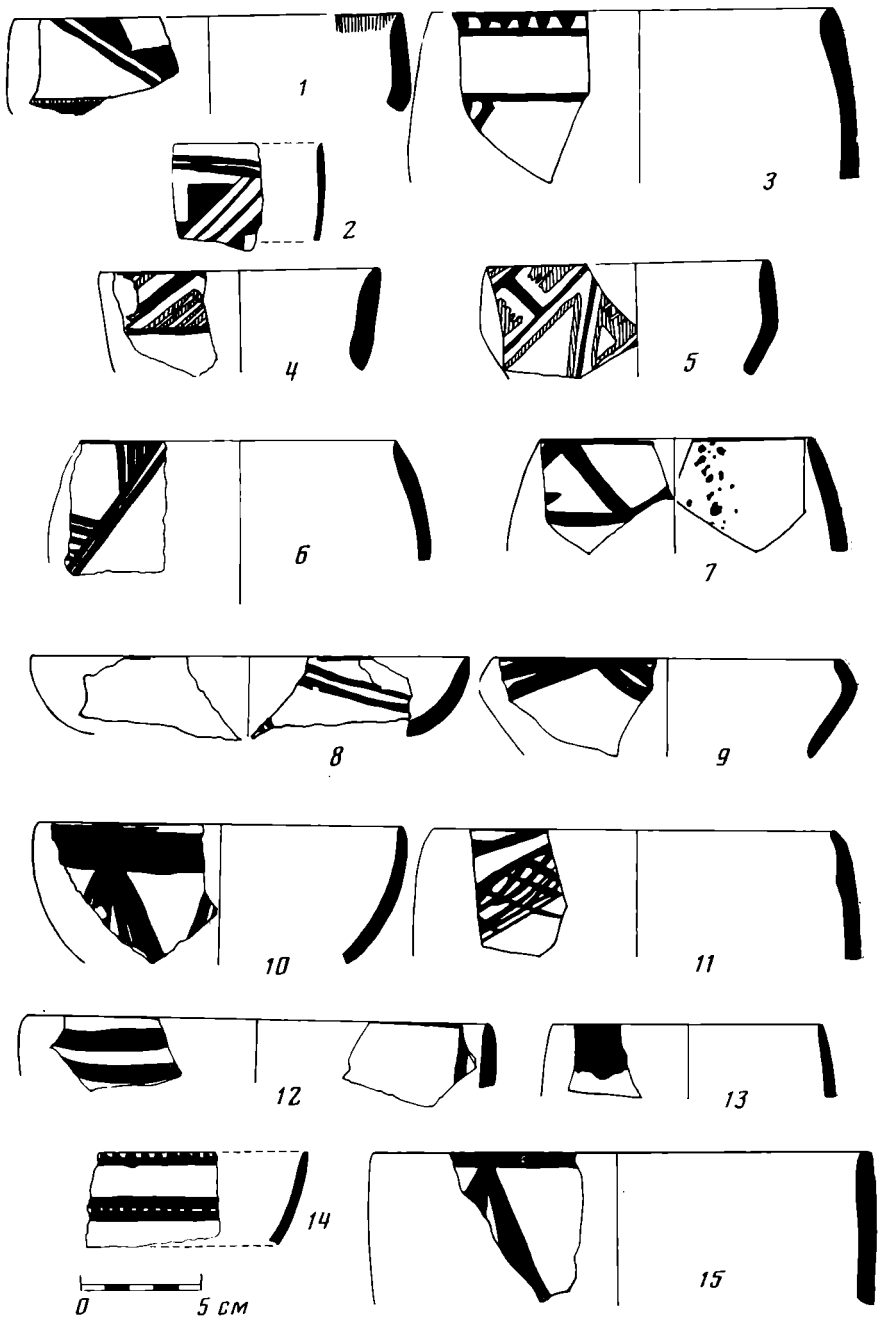


Рис. 4. Ярым-Тепе, подъемный материал, керамика раннего энеолита

изящных кубков на подставках (рис. 8, *13*) и небольшое количество изящной лощеной серой керамики (рис. 8, *1—11*). В основном это были толстые чаши с выгнутыми круглыми венчиками, точные аналогии которым можно найти среди материалов Намазга VI. Были найдены также толстостенные кувшины для хранения продуктов с процарапанными волнистыми линиями и глубокие чаши с процарапанным орнаментом. Эта керамика характерна для последней стадии Намазга-депе периода поздней бронзы, она ставит под сомнение наше определение более позднего поселения в Ярым-Тепе концом I тысячелетия до н. э. или началом нашей эры. Среди подъемного материала интересна мужская фигурка без головы (рис. 8, *12*), похожая на статуэтки периода Намазга III из Кара-депе [4, рис. 30], и пятнистая фигурка животного (рис. 8, *14*).

Наше обследование, как и работа Туринского университета, безусловно показало, что все памятники, культурно близкие к Намазге, находятся к югу от предгорий Копетдага на высокогорных долинах и равнинах

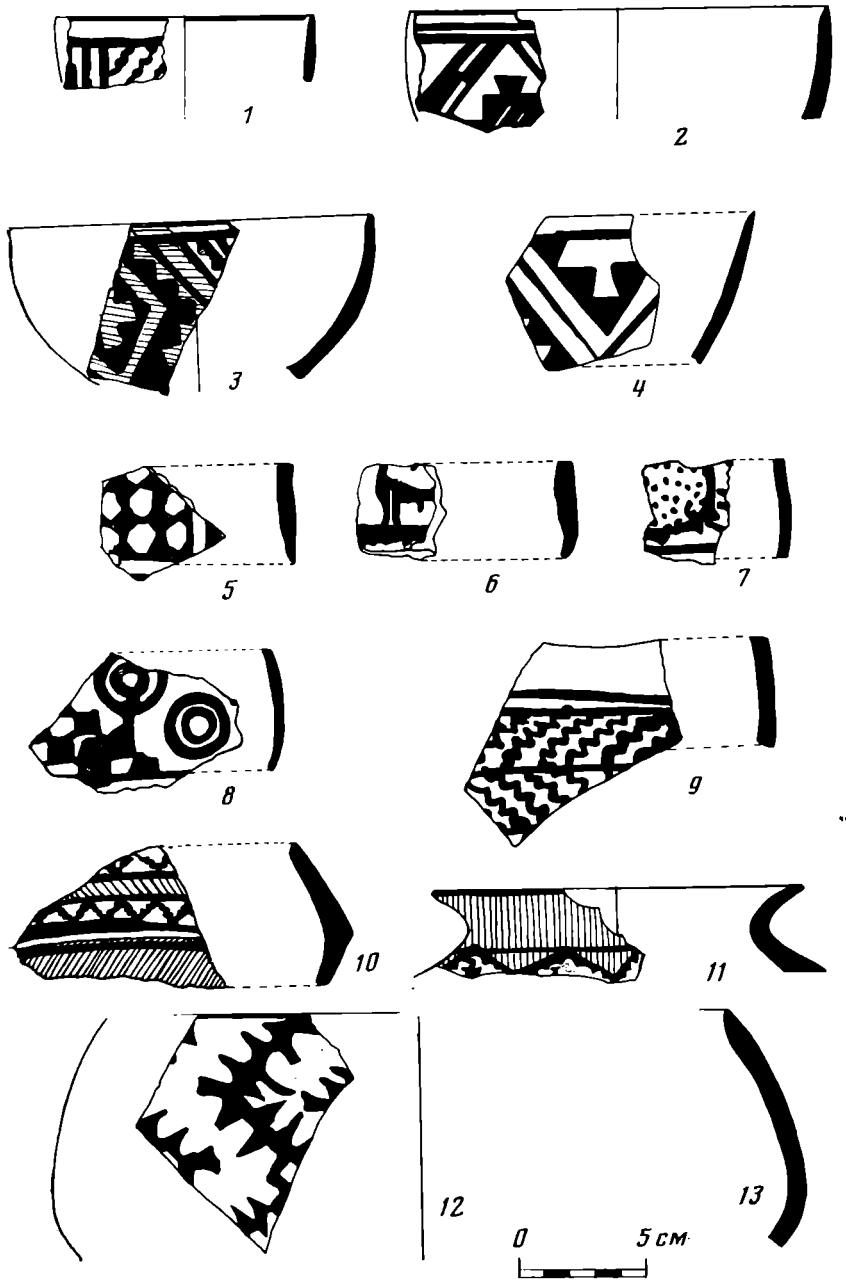


Рис. 5. Ярым-Тепе, расписная керамика геоксюрского стиля и периодов Намазга II — начала Намазга III

Ирана. Уже один этот факт достаточно важен сам по себе, поскольку предполагает, что в доисторическое время поселения хотя бы северного Хорасана [17, с. 99] [6] имели интенсивные связи с поселениями южного Туркменистана. Надо полагать, что будущие раскопки вдоль Кашаф Руд, притока Теджена, подтвердят эту гипотезу. Другими словами, эти два больших культурных района, протянувшихся с севера на юг, можно считать определенным образом культурно связанными. Первый объединяет памятники на равнине Горгана с Гиссаром и родственными поселениями

[6] Б. Спунер [17, с. 99] сообщает о холме Тепе Пахлаван [9], в котором была найдена расписная керамика периода халколита, датируемая IV тысячелетием до н. э. Не сказано, относится ли эта керамика к типу Намазги или к керамике типа Гиссар—Сиалк севера и центра Иранского плато. Другой памятник — Тепе Ксуран расположен в 10 км к югу от Шахруда. О нем сообщает С. Масуда [9]. По его сообщению, там была найдена доисторическая расписная керамика, она, вероятно, ближе к керамике, найденной в Гиссаре.

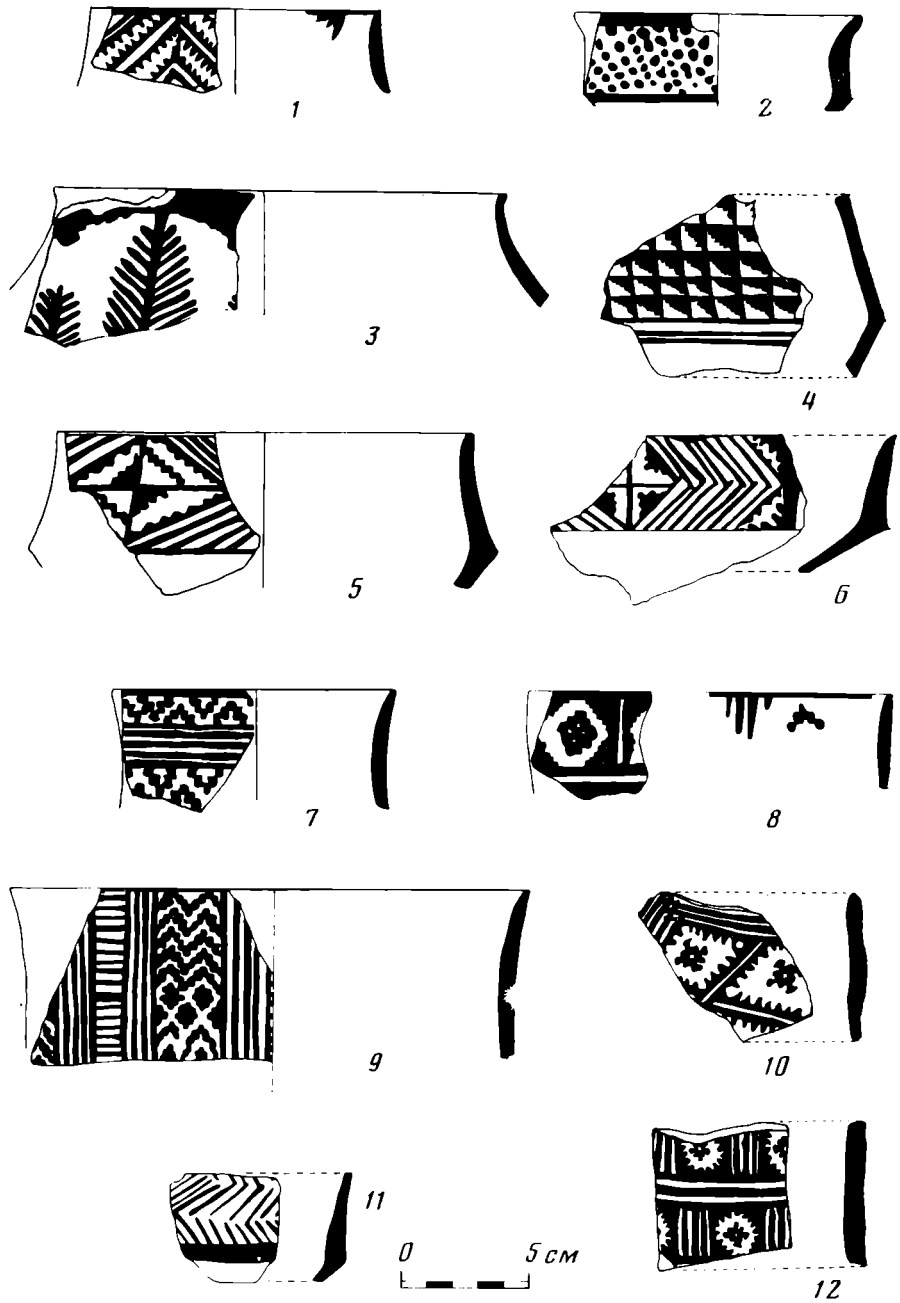


Рис. 6. Расписная керамика из Ярым-Тепе. Подъемный материал — поздний энеолит, ранняя бронза

и простирается на запад до тегеранского оазиса [18, с. 323]. Этот район включает также древний Дахистан, долину Сумбара[7] и памятники к востоку вплоть до Ашхабада. Вторая большая зона, которая может быть в свою очередь разделена на западную и восточную части, соединяет веерообразные долины Мургаба и Теджена, плодородный предгорный пояс северного Копетдага, равнину Дарре Газ, межгорную долину Атрек и, вероятно, долину Кашаф Руда. Все это подчеркивает единство и степень развития Хорасана в период энеолита и бронзы, а также позволяет предположить, что более позднее заселение Бактрии в начале II тысячелетия до н. э. не должно рассматриваться как результат переселения из южного Туркменистана или из северо-восточного Ирана[8], так как эти

[7] Серые керамические сосуды с резко очерченным ребром, найденные в могильнике периода ранней бронзы Пархай II в среднем течении р. Сумбар, идентичны хорошо известной керамике из равнины Горгана.

[8] Сравните, например, заключение А. А. Аскарова [19, с. 109] с выводами В. И. Сарианиди [20, с. 145—147].

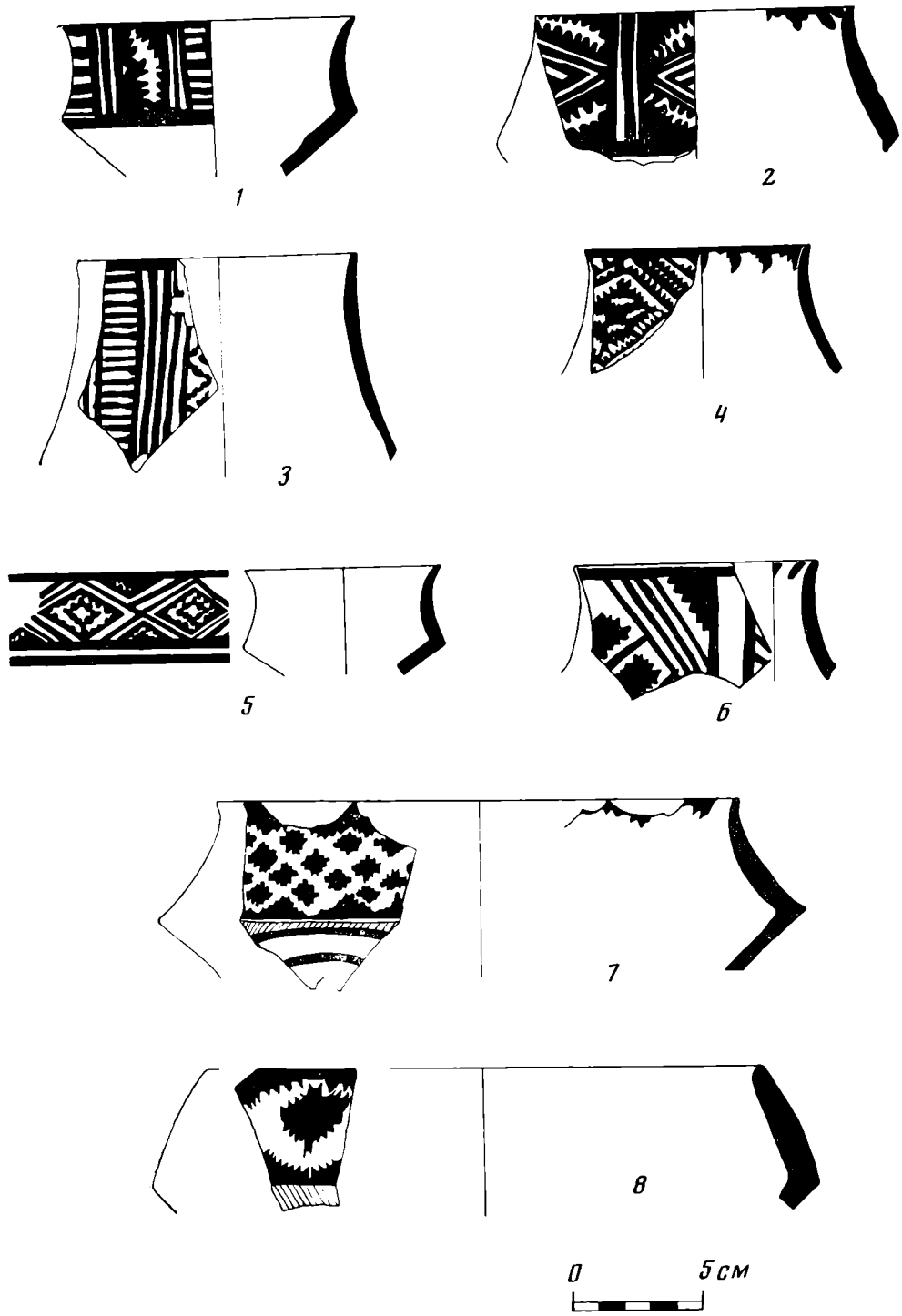


Рис. 7. Ярым-Тепе, расписная керамика периода Намазга IV (подъемный материал)

районы были связаны между собой еще в течение IV и III тысячелетий до н. э.

Нам до сих пор неизвестны характер и степень распространенности доисторических поселений в южном Хорасане или в районах, граничащих с Дашт- и Кавиром. Тем не менее можно сказать, что памятники долины верховьев Атрека, равнины Дарре Газ и Кашаф Руд имеют много общего в своей материальной культуре. Открытие большого поселения Яз I, относящегося к периоду раннего железа, в Йом-Тепе, а также отсутствие древних дахистанских материалов в долине верховьев Атрека заставляет предполагать то же направление связей и в более поздние периоды. Не-

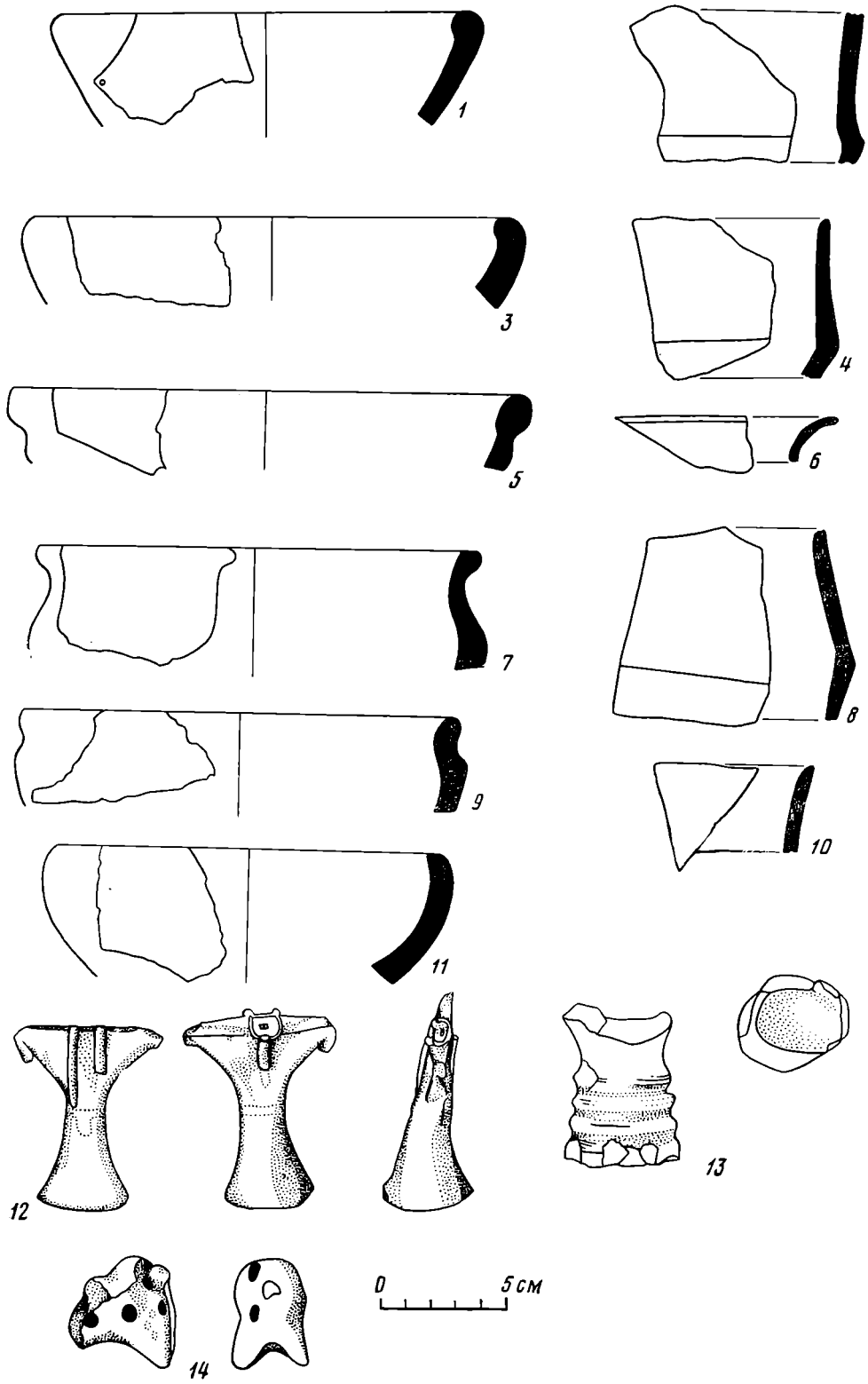


Рис. 8. Серая керамика из подъемного материала Ярым-Тепе (*1—11*); *12* — мужская фигурка; *13* — фрагмент подставки кубка; *14* — пятнистая фигурка животного

давние находки десятков поселений поздней бронзы в Маргиане или древней веерообразной дельте р. Мургаб [21] вместе с ранними геоксюрскими поселениями, расположенными вдоль концевых русел Теджена, убедительно продемонстрировали умение земледельцев культуры, родственной Намазге, приспосабливаться к ведению хозяйства в этих природных условиях. Действительно, вероятно, именно в зоне бывших дельт Теджена и Мургаба, т. е. в районах, которые сейчас находятся в пустыне

Каракум, было наибольшее скопление поселений по сравнению с тем, что нам сейчас известно на равнине Горгана [9]. Таким образом, мы можем говорить о межгорных долинах, высокогорных равнинах и предгорном поясе, а также о низменных дельтах как отдельных районах распространения культуры Намазги. При дальнейших исследованиях важными и интересными будут вопросы, как эти общества были связаны между собой, каким образом их экономика приспосабливалась к различным экологическим условиям, каковы были их отношения с западными соседями, представителями культуры серой иранской керамики.

На основании данных, имеющихся в нашем распоряжении, мы можем высказать лишь предварительные предположения. Необходимо прежде всего уточнить хронологическую колонку Ярым-Тепе и получить серию дат по C^{14} с тем, чтобы сравнить их с материалом, который мы имеем по южному Туркменистану. Раскопки переходных слоев Намазга III и IV на этом памятнике безусловно обогатят наше представление о процессах возникновения классовых городских обществ на юге Средней Азии. На имеющихся у нас материалах пока нельзя конкретизировать характер связей, которые объединяли высокогорные, предгорные и равнинные компоненты поселений культуры Намазга. Предварительно можно предположить, что полудрагоценные камни и металл из предгорьев Копетдага обменивались на готовые изделия у населения равнинных районов. Участие этой «культуры» или «протоцивилизации» в широком движении на запад из северо-восточного Афганистана или характер связей этой культуры с хараппской цивилизацией долины Инда [22, с. 59—63; 23, с. 147—156] — вопросы, на которые пока нельзя ответить удовлетворительно. Наличие обширного «предгорного», преимущественно иранского, компонента в культуре Намазга поднимает многочисленные вопросы, важные для понимания развития древних обществ на Иранском плато в более позднее время. Наше краткое знакомство с памятниками равнины Дарре Газ позволило нам написать лишь этот небольшой очерк о доисторическом периоде Иранского Хорасана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Curzon G. N.* Persia and the Persian Question. London, 1892.
2. *Napier G. C.* Extracts froma Diary of a Tour in Khorassan and Notes on the Eastern Alborz Tract.— Journal of the Royal Geographical Society, 1876, v. XLVI.
3. *Stewart C. E.* The Country of the Tekke Turkomans and the Tejend and Murghab Rivers.— In: The Country of the Turkomans. Chap XI. Oguz Press and The Royal Geographical Society, 1977.
4. *Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia: Turkmenia Before the Achaemenids. London, 1972.
5. *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.
6. *Deshayes J.* Ceramique peintes de Tureng Tepe.— Iran, 1967, v. V.
7. *Crawford V.* Beside the Kara Su.— Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, 1964, v. 22.
8. *Masuda S.* Tepe Sang-e Caxmag.— Iran. 1974, v. XII.
9. *Masuda S.* Report of the Archaeological Investigations at Shahrud 1975.— Proceedings of the IVth Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Tehran, 1976.
10. *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran.— Sino-Swedish Expedition Publication 27. Stockholm, 1945.
11. *Shiomi H.* Archaeological Map of the Gorgan Plain.— Iran, № 1. Hiroshima, 1976.
12. *Shiomi H.* Archaeological Map of the Gorgan Plain.— Iran, № 2. Hiroshima, 1978.

[9] В настоящее время М. Тоси и Ф. Л. Коль работают над проблемой «Земли доисторической Туркмении», при этом более подробно обсуждаются различные экологические и географические зоны, населенные в период энеолита и ранней бронзы народами, создавшими «культуру Намазги». Изучение фотографий, полученных со спутника, и опубликованных советских геоморфологических карт ясно показало наличие больших лёссовых отложений, принесенных бывшей рекой Теджен, к западу, почти около Геок-Тепе. Зоны больших дельт, или концевых вееров, образованных двумя крупными реками «маленькой среднеазиатской Месопотамии», находятся к северу от предгорного пояса Копетдага. Этот район, должно быть, очень богат археологическими памятниками.

13. *Сариниди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы.— В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976.
14. *Dyson R. H.* Tepe Hissar, Iran Revisited.— Archaeology, 1977, № 6.
15. *Frankfort H.* Early Studies of the Pottery of the Near East. 1924.
16. *Vanden Berghe L.* Archeologie de l'Iran Ancien. Paris, 1959.
17. *Spooner B.* Arghiyan: The Area of Jajarm in Western Khorassan.— Iran, 1965, v. III.
18. *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar. Damghan, 1937.
19. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
20. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1974 гг. М.: Наука, 1977.
21. *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба.— СА, 1979, № 1.
22. *Щетенко А. Я.* О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-харапских параллелей.— КСИА АН СССР, 1970, № 122.
23. *Массон В. М.* Печати протоиндийского типа из Алтын-депе.— ВДИ, 1977, № 4.

Philip L. Kohl, Dennis L. Heskel

ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE DARREH GAZ PLAIN: THE EXTENTION OF THE NAMAZGA SEQUENCE INTO IRANIAN HORASSAN

Summary

In 1978 the authors conducted a survey of the Darreh Gaz Plain in Iranian Horassan with the aim of locating and mapping prehistoric archaeological monuments and comparing materials found during this work with Eneolithic and Bronze Age materials from the Southern Turkmenistan which is very close to Iranian Horassan in geomorphic and ecological conditions. Research data from the Northern and North-Eastern Iran also testified to the ties with the Southern Turkmenistan in the period of the Neolithic Djetun culture, while materials from the upper reaches of the Atrek River indicate that such ties existed in the later periods beginning with the Eneolithic. Most ancient materials from the Darreh Gaz Plain are represented by pottery similar to that of the Djetun culture. Two monuments yielded materials of the Namazga-II and III periods. The most important monument — Yarim Tepe — with a cultural layer of about 40 m yielded ceramic collection representing the whole Namazga sequence from Nomazga-I through Namazga-IV. All this supports the hypothesis of the cultural ties between Northern Horassan and Southern Turkmenistan spanning the period from the 5th to the 2nd millennium B. C.

СУЛЕЙМАН А.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭБЛА И КУЛЬТУРА СИРИЙСКИХ КУБКОВ

Вплоть до последнего времени культурному развитию Сирии эпохи бронзы не придавалось особого значения, и обычно оно ставилось в зависимость от ранее известных центров древних цивилизаций, в частности Месопотамии. Однако ряд новых открытий заставляет археологов по-новому взглянуть на развитие древнесирийской культуры. В настоящее время некоторыми учеными предложена историческая периодизация культуры Сирии по типу древнеегипетской и месопотамской. Так, для эпохи древней бронзы Сирии используется термин «протосирийский период». Он подразделяется на три этапа — ранний, средний и поздний — и соответствует промежутку времени от 2900 до 2000 г. до н. э. Следующий период — древнесирийский, соответствующий эпохе средней бронзы (от 2000 до 1600 г. до н. э.), разделяется на два этапа: архаический и поздний [1, с. 45, табл. 9].

Особый интерес археологов вызывает протосирийский период, и прежде всего средний и поздний его этапы. Это время появления и распространения в Сирии своеобразной, ранее нигде не отмеченной культуры кубков, для которой характерна специфическая керамика в форме кубков — сосудов в виде усеченного конуса или удлиненно-овальной формы. Высота их колеблется от 6 до 15 см.

По форме и характеру орнаментации кубки делятся на два основных типа — нерасписные и расписные. Нерасписные кубки часто имеют орнамент из углубленных линий. Кубки этого типа относятся к раннему периоду культуры. Кубки второго типа имеют более удлиненную форму и покрыты в верхней части расписным орнаментом.

Впервые следы этой культуры были обнаружены в результате раскопок, проведенных в 20—30-х годах нашего века на севере Сирии в долине р. Оронт французской и датской экспедициями. Раскопки проводились в г. Хама [2, с. 49—85], Мишрифе-Катна [3, с. 1—173], Хан-Шейхун [4, с. 171—185], Телль Ас [5, с. 185—188], Телль Мазин [6, с. 124—134]. В то время культура кубков рассматривалась как локальный вариант культуры аморитов — племен, известных из древних источников и обитавших некогда на территории Сирии, Ирака и Палестины. Вавилонский царь Хаммураби происходил из династии аморитов [7, с. 47].

Толчком к пересмотру взглядов на историческое развитие Сирии в период раннего бронзового века стали открытия в Телль Мардих, сделанные в 60—70-х годах итальянской экспедицией [1, с. 39—44]. Здесь были обнаружены остатки известного по письменным источникам города Эбла, центра могущественного государства. Цари Эблы распространяли свое влияние на всю Северную Сирию. Им платили дань правители Мари, Арми. Своего расцвета Эбла достигла в период от 2400 до 2250 г. до н. э., но затем погибла под натиском войск аккадского царя Нарам-Сина.

Благодаря этим исследованиям совершенно иное освещение получила и сама культура кубков. Судя по всему, она являлась совершенно самостоятельной, самобытной культурой, центром развития которой стала Северная Сирия, и в частности течение р. Оронт.

Ареал ее совпадает с территорией, входившей во владения города-государства Эбла, и поэтому следовало бы говорить скорее о культуре Эбла, чем о культуре кубков. Однако остающийся до сих пор не решенным вопрос происхождения самого народа — носителя этой культуры не позво-

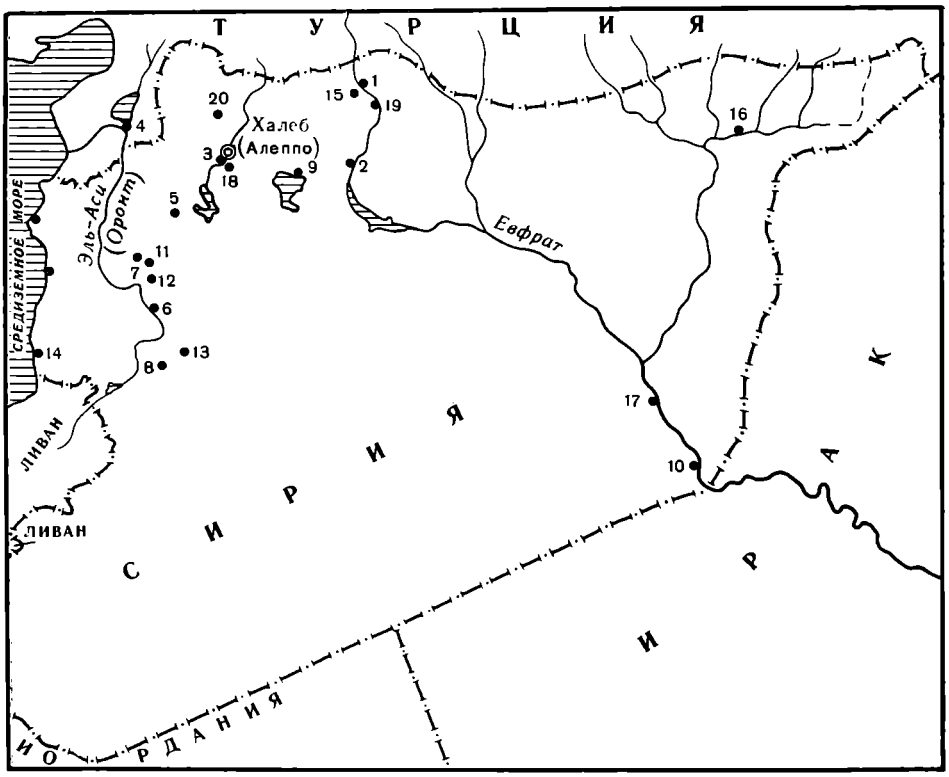


Рис. 1. Археологические памятники бронзового века в Северной Сирии. *1* — Тиль Барзиб, *2* — Саланкахие, *3* — Анссари, *4* — Телль Туайнат, *5* — Телль Мардих, *6* — Хама, *7* — Телль Асс, *8* — Мишрифе-Катна, *9* — Ум-эль-Марра, *10* — Мари, *11* — Хан-Шейхун, *12* — Телль Мазин, *13* — Днеби, *14* — Телль Симириан, *15* — Телль Амарна, *16* — Телль Брак, *17* — Телль Терка, *18* — Айн-Хассан, *19* — Телль Хаммам, *20* — Телль Рифа'ат

ляет принять подобную формулировку. Кроме того, очерчивая ареал культуры кубков, следует отметить, что, хотя она входила в состав единого центра, она не была полностью идентична на всей территории своего распространения. Так, можно выделить три центра локальных вариантов культуры кубков. Это прежде всего сама Эбла и Хама на юге, район Алеппо, Телль Туайнат и Тиль Барзиб на севере и Саланкахие на востоке (рис. 1).

При этом заметно большее сходство между кубками в районе к северу от Эбла, в то время как южнее они тяготеют к типам кубков из Хама. Все это относится к культуре кубков раннего периода, до разрушения Эблы, т. е. до 2250 г. до н. э. Что же касается второго периода существования культуры, характеризующегося появлением расписных кубков, то здесь заметно гораздо большее единство формы и стиля керамики, причем бросается в глаза явное преобладание расписных кубков в количественном отношении на юге, в районе г. Хама, тогда как на севере, в частности в Тиль Барзибе они не встречаются совсем, а в Телль Рифа'ат [8, с. 119—162], Ум аль-Марра [9, с. 71—94] — в очень незначительном количестве.

Именно в этот период возникает ряд поселений на юге, относящихся ко второму периоду культуры кубков. Это Хан-Шейхун [4, с. 171—185]. Днеби [10, с. 157] и ряд прилегающих к этому району теллей. Раскопки там не производились, но собранный на поверхности материал позволяет предположительно отнести их ко второму периоду культуры, т. е. расписным кубкам. Прослеживается как бы движение культуры с севера на юг, причем исторически оно связано с периодом упадка могущества г. Эбла. Можно предположить, что, потерпев поражение в войне с Аккадом, часть населения, объединенного под эгидой Эблы, вынуждена была покинуть места своего обитания, главным образом на севере.

В общем же к культуре кубков нужно отнести следующие памятники (с севера на юг): Тиль Барзиб, Амарна, Хаммам, Саланкахие, Ум эль-

Марра, Анссари (Алеппо), Айн-Ассан, Телль Туайнат, Телль Рифа'ат, Телль Мардих, Телль Ас, Хан-Шейхун, Телль Мазин, Хама, Днеби, Мишрифе.

Раскопки, произведенные на всех этих теллях, показали, что культурные слои принадлежат лишь культуре кубков, за исключением Хама и Телля Мардих. Не обнаружено никаких следов предшествующих культур, свидетельствующих о пребывании в этом районе населения с древних времен. Лишь в Телль Мардих и Хама самые ранние слои относятся к периоду халколита. На Телле Мардих серьезных раскопок раннего культурного слоя не было. Однако собранные в отдельных местах фрагменты керамики позволяют отнести первые поселения на Телле Мардих к 2700—2400 гг. до н. э.

Для Хамы начало поселения относится к урукскому периоду. Непосредственно предшествующие культуре кубков слои в Эбле и Хама относятся к культуре хирбет-керак. Однако нет никакой очевидной связи и преемственности этих культур. Более того, в Хаме слои, более ранние по времени, отделены следами пожара от слоев культуры кубков.

Своеобразно обстоит дело в Телль Туайнате, который входит в район, известный под названием Амука [11, с. 396—428], где население обитало со времен неолита. Здесь на многих теллях встречаются следы хирбет-керакской культуры. Но когда мы обращаемся непосредственно к Теллю Туайнат, то здесь нам открывается та же картина, что и в случаях с другими теллями культуры кубков: полное отсутствие слоев предшествующих культур.

Складывается впечатление, что народ — носитель культуры кубков был пришлым в районе Северной Сирии и поселился в местах, ранее никем еще не освоенных. Нет никаких оснований связывать культуру хирбет-керак с культурой кубков и считать ее предшествующим этапом эволюции культуры кубков.

Последние исследования, сделанные в Телль Мардихе, не оставляют почти никаких сомнений в том, что народ — носитель культуры кубков подвинулся в район Северной Сирии извне и не был связан с предшествующими обитателями этого района ни в культурном, ни, возможно, в этническом отношении.

Начало появления культуры кубков принято относить к 2400 г. до н. э. В этот период в Телль Мардихе уже существовал большой культурно-политический центр. Сам г. Эбла был обнесен оборонительной стеной. В центре его находился акрополь, на юго-западном склоне которого был построен царский дворец [1, с. 63, рис. 11]. П. Матье показал, что на этом месте не было никаких ранних построек, относящихся к предшествующим культурам.

К настоящему времени конструкцию дворца можно представить следующим образом: так называемый Двор Аудиенций, состоящий из двух частей — северной и восточной; северо-западное крыло к северу от северной стороны двора, башня с центральной лестницей в промежутке между двумя секциями двора; монументальный портал, который открывается на восточную сторону Двора; небольшая насыпь квартала Гвардии на севере от портала и короткий сектор административного квартала на юг от него (рис. 2).

Центральной частью дворца является Двор Аудиенций. Находясь внутри дворцовых строений, он по сути представляет собой городскую площадь. С северной и западной сторон его расположены портики с колоннами, что тоже придает Двору особый архитектурный стиль. Во Двор выходят различные двери: с северной стороны расположена маленькая дверь, ведущая в подсобные посещения. На краю восточного портика другая дверь, высокая и узкая, выходит на церемониальную лестницу, внутрь угловой башни; на восточной стороне монументальный портал пересекается обширной лестницей, позволяющей войти во дворец, спускаясь с акрополя. На восточной стороне, но ближе к югу четвертая дверь ведет внутрь административного квартала.

Под северным портиком находилось возвышение. К нему вели три

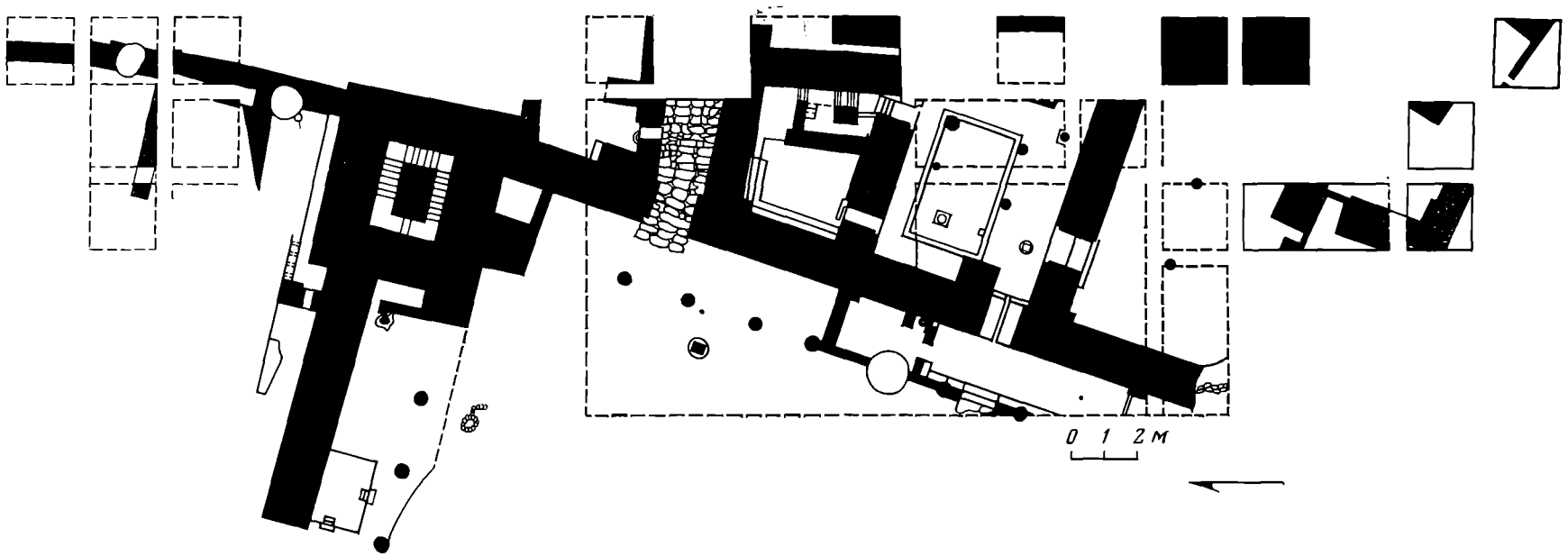


Рис. 2. План дворца на Телле Мардих (IIB_1), по П. Маттье

ступени. По всей вероятности, здесь находился царский трон и Церемониальная лестница служила для того, чтобы царь мог попасть в свои личные апартаменты. Стены дворца, сооруженные на каменном фундаменте, были сделаны из глины и покрыты белой известью. На внутренней лестнице, ведущей во второй этаж, на ступенях сохранились следы орнамента из звезд.

В самом дворце были найдены остатки различных фигур, сделанных из базальта и дерева. Интересна находка фигурки быка с человеческой головой, однако назначение ее неясно. Возможно, что она находилась у дверей в качестве мифического стража. Среди других скульптур найдены женские статуэтки, а также части скульптур, возможно изображающих царей. Среди подобных находок интересен парик, сделанный из черно-серого камня.

В целом архитектура дворца и остатки скульптур, барельефов, фрагменты изобразительного искусства говорят о высоком уровне развития культуры, и прежде всего о ее самобытном характере. Несомненно, в искусстве Эбла сказалось влияние Месопотамии, мощного центра цивилизации на всем Ближнем Востоке. Однако смело можно утверждать, что культура протосирийского периода имела свою самостоятельную линию развития. Так, архитектура дворца в Эбле не находит аналогий ни в Месопотамии, ни в более поздние периоды в Мари или Аккаде, где также были обнаружены царские дворцы. Обширный Двор Аудиенций, портики с колоннами, церемониальная лестница с башней и наличие второго этажа — все это элементы, присущие лишь данному дворцу.

В административной части дворца при раскопках был обнаружен государственный архив. Сотни глиняных табличек располагались на специальных стеллажах. Во время пожара эти полки обрушились и архив оказался погребенным под развалинами дворца. Всего было обнаружено около 15 тыс. табличек (целых экземпляров и обломков).

Подобный архив, относящийся к 2400 г. до н. э.,— совершенно уникальная находка. До этого периода были обнаружены лишь отдельные клинописные таблички в Месопотамии; архивы Ура, Аккада и Алалаха более позднего происхождения.

По форме таблички из архива Эбла разделяются на три группы [12, с. 80, табл. 43—51]. Первые, с толстыми краями и прямыми углами, имеют квадратную форму или же их ширина превышает высоту. Оборотная сторона их выпуклая, тогда как лицевая — плоская. Знаки глубоко врезаны в глину, и табличка содержит не более двух колонок текста. Подобные таблички соответствуют известным уже табличкам из архива Фары. Вторую группу составляют таблички малого размера, менее толстые, с округлыми углами. Эта группа также соответствует табличкам из Фары. Таблички же третьей группы совершенно оригинальны. Они гораздо большего размера, чем таблички двух первых групп, с очень тонким начертанием знаков. На табличках этого типа был найден двуязычный текст — своего рода лингвистический словарь.

Письменность Эблы представляет собой месопотамскую клинопись классического периода, известную с конца IV тысячелетия до н. э. Манера написания знаков, однако, несколько отлична от каллиграфии архива в Фара. Морфологически и палеографически таблички и письменность архива в Эбле аналогичны известным текстам времени Лугальзагиси из Урука, Саргона Аккадского, а также времени Урукагины из Лагаша. Нововведения в типологии табличек и в эволюции знаков письма, которые характеризуют месопотамские документы периода Нарам-Сина, для архива Эблы абсолютно чужды. Очевидно, что нововведения, заметные в канцелярии Аккада, не повлияли на канцелярию Эблы, сохранившей свою самостоятельность. Возможно, замкнутость школы письменности Эблы объясняется ее удаленностью от центров интенсивного культурного развития — от Шумера и Аккада.

Тексты на табличках из архива Эблы написаны с использованием довольно большого количества шумерских слов, но язык Эблы, несомненно, относится к иной лингвистической группе, чем шумерский, и пред-

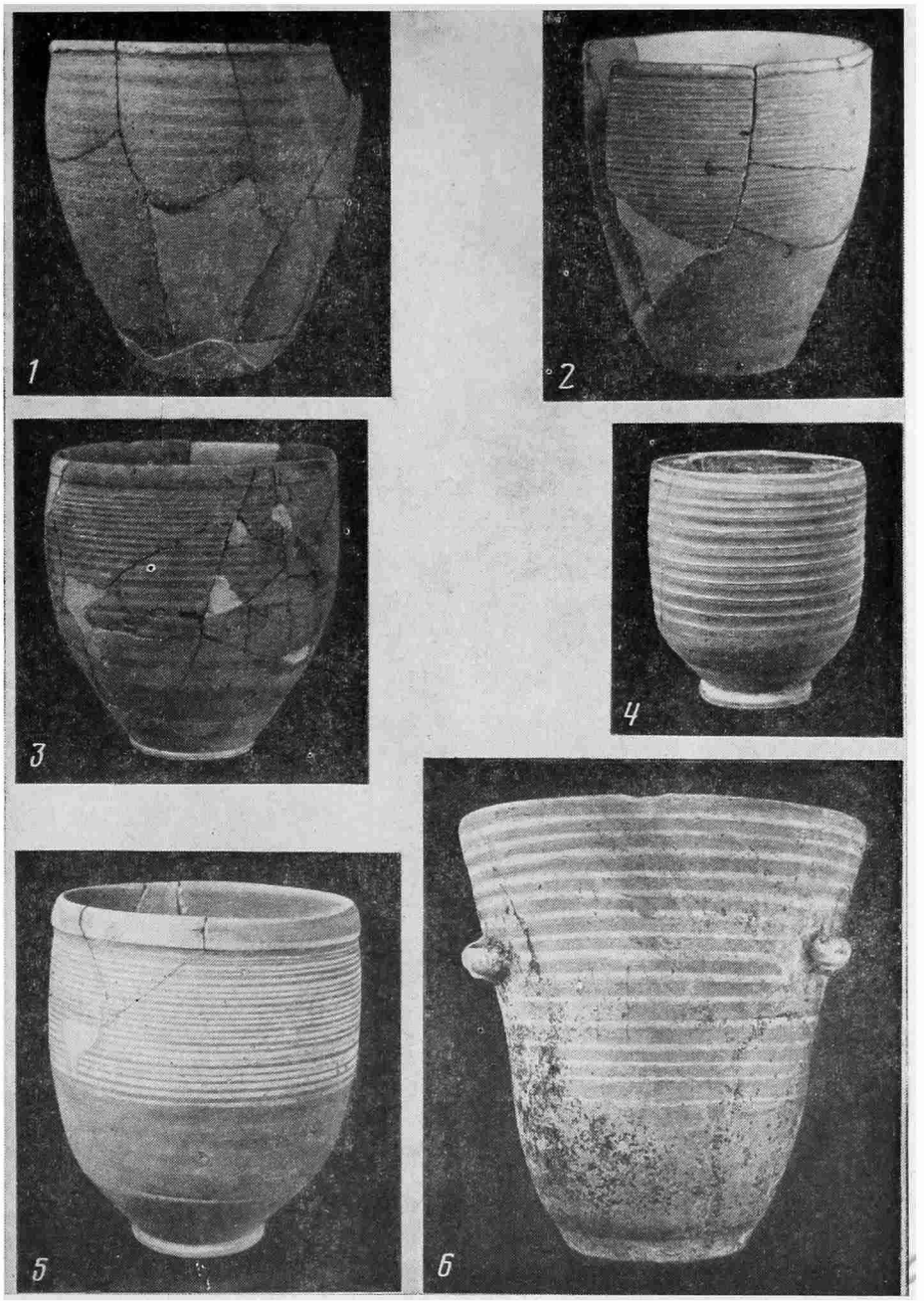


Рис. 3. Кубки из Хамы J (*1—5*) и из Мишрифе-Катна (*6*)

ставляет собой древнесемитский. Этот язык является разновидностью северо-западного семитского языка, как и язык Аккада, но в совершенно локальном варианте, так что можно говорить о самостоятельном языке государства Эбла и народа — носителя культуры кубков.

Недавно аналогичные таблички были обнаружены в Мари. Возможно, что попали они туда в качестве посланий, направленных правителям Мари, так как из документов известно, что в период расцвета государства Эбла Мари находилось в зависимости от него, как и ряд других государств, например Арми, Элам.

Несомненно, находка царского дворца и государственного архива г. Эблы дает представление о ее политическом и культурном значении. Однако, характеризуя всю культуру кубков в целом, следует иметь в виду находки, происходящие из всех памятников, относящихся к этой культуре. И здесь в первую очередь обращает на себя внимание керамика.

По типу и характеру изготовления керамики можно говорить о различных центрах ремесленного производства, об их взаимовлиянии,

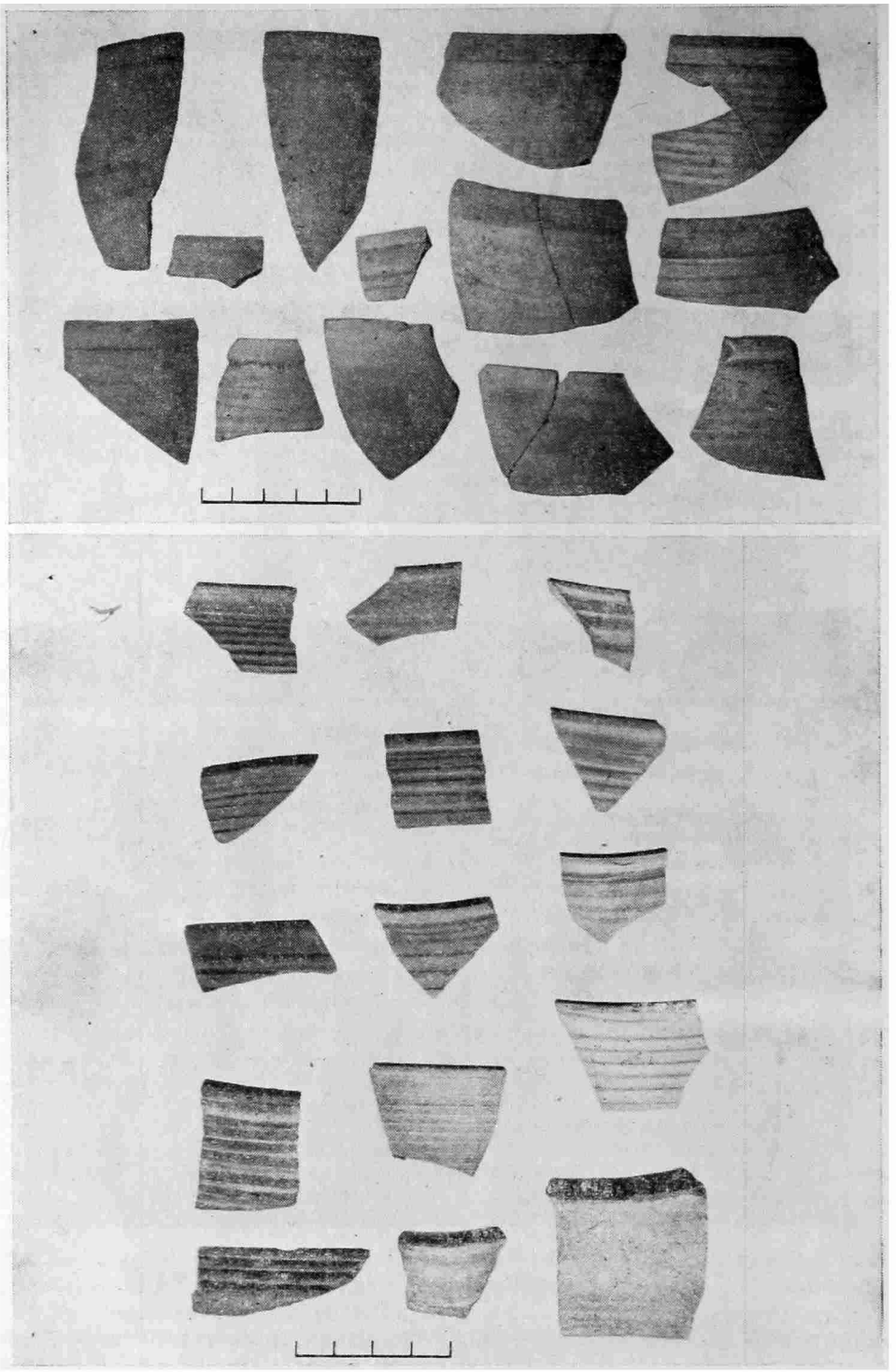


Рис. 4. Керамика из Анссари

об уровне развития всей культуры в целом. Если мы обратимся к керамическому материалу культуры кубков, то здесь обращает на себя внимание тот факт, что вся керамика, даже самая ранняя, сделана на гончарном круге. Особенно интересны находки, хронологически соответствующие кубкам первого типа, т. е. времени расцвета государства Эбла (рис. 3, 4).

Эта керамика изготовлена на гончарном круге из глины высокого качества, очень тонкой работы, показывающая высокий уровень ремесленного производства. Кубки этого времени имеют овоидную форму и орнаментированы рядом прочерченных горизонтальных линий в верхней части.

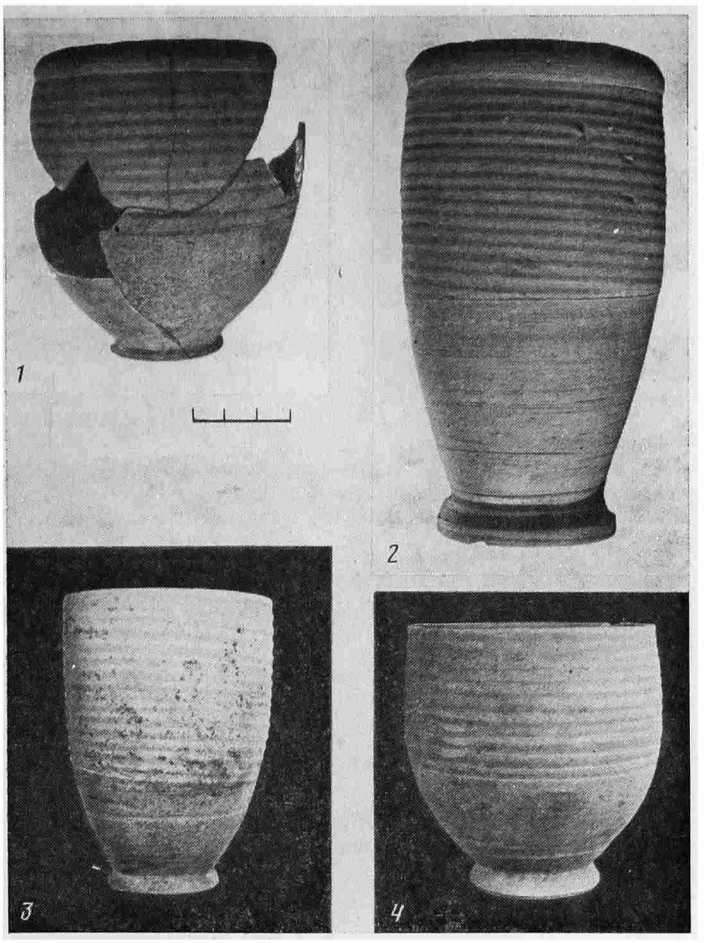


Рис. 5. Кубки из Ум эль-Марра — *1*, *2* и из Тиль Барзиба — *3*, *4*

Этот ребристый орнамент придает всему сосуду оригинальную форму, отличающуюся большим вкусом и изяществом. Иногда сосуды снабжены валиком в верхней части. Дно сосудов плоское, без поддона, иногда вогнутое. Эти детали позволяют выделить несколько центров керамического производства. Хотя форма сосудов оставалась на всей территории распространения культуры кубков сравнительно единой, в разных районах наблюдается свой способ производства керамики (рис. 3—6).

Так, кубки из Телль Мардих [1, с. 95, рис. 15] чаще имеют плоское дно, в то время как кубки из Анссари (Музей Алеппо) почти всегда имеют вогнутое дно. Это значит, что центр производства керамики не был единым и в каждом районе существовали свои гончарные мастерские со своими особенностями технологии. Однако повсеместно керамика этого периода отличается хорошим качеством, что свидетельствует о высоком уровне ремесла даже в периферийных районах.

Период упадка могущества государства Эбла после разрушения города войсками Нарам-Сина совпадает с появлением новых типов керамики, с изменением их основных форм. На смену нерасписных ребристых кубков приходят кубки несколько иного типа. Они имеют более удлиненную форму, орнамент из прямых и волнистых линий нанесен красками, ухудшается их качество. Заметен вообще некоторый упадок ремесленного мастерства, проявляющийся прежде всего в изменении самого материала — глины. До некоторой степени кубки второго типа проигрывают в сравнении с кубками первого типа в чисто художественном отношении. Однако в целом следует заметить, что, несмотря на серьезные внешнеполитические потрясения, народ — носитель культуры кубков сохранил традиции своего ремесла и мастерство. Вся керамика второго периода свидетельствует не о запустении и упадке, а об эволюции и дальнейшем развитии материальной культуры (рис. 7, 8).

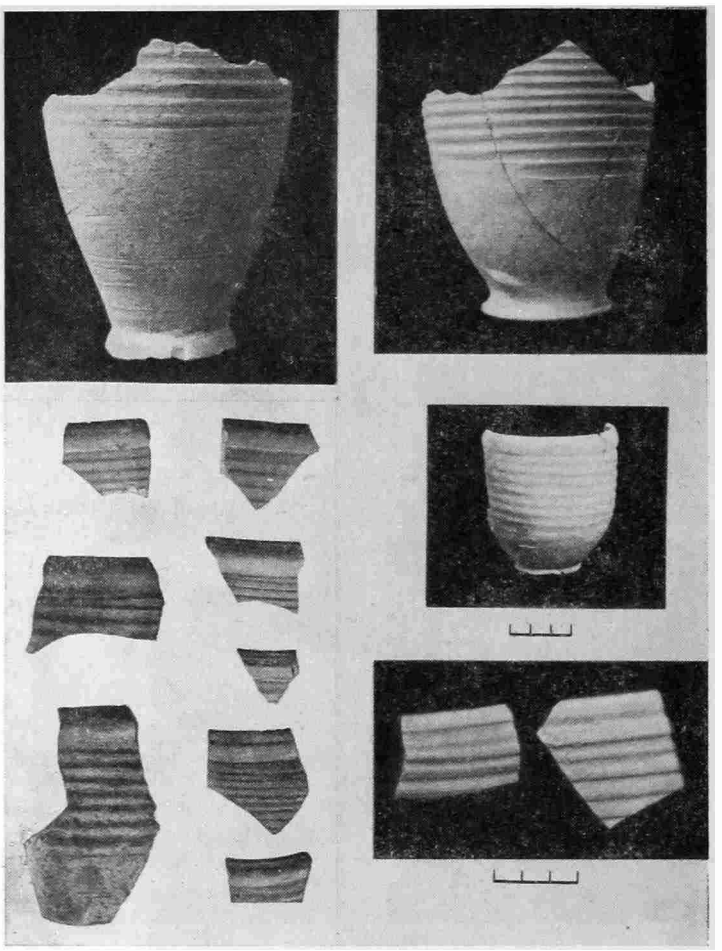


Рис. 6. Керамика из Анссари

Не менее важным элементом для характеристики уровня развития культуры, для уточнения ее хронологии и связей с другими культурными центрами является глиптика, в частности цилиндрические печати и штампы. Цилиндры и печати-штампы использовались в древнюю эпоху для нанесения на сосуд орнамента религиозно-мистического содержания. Позднее они стали применяться для запечатывания сосудов и писем, договоров и других документов. Распространены они были по всей территории Ближнего Востока и являются хорошим датирующим материалом. Большое количество оттисков подобных печатей найдено в Телль Мардих периода расцвета государства Эбла [1, с. 81—86, рис. 14], в Хаме J [13, с. 40—42, табл. XIII—XV], в Телль Мазин [6, табл. XVI, № 25]. В Хаме и Телле Мардих найдены и сами цилиндры, служившие печатями. Один цилиндр найден в Анссари.

Как правило, печати имеют художественные изображения птиц, людей, животных, соединенных орнаментально. Для характеристики культуры кубков в первую очередь следует обратить внимание на мастерство исполнения рельефа на цилиндрах, а также на сюжет изображения. Именно цилиндры дают нам возможность более четко наметить различие отдельных районов ремесленного производства. Те различия, что прослеживаются в производстве керамики и позволяют выделить Хаму и Телль-Мардих в отдельные, более или менее самостоятельные центры ремесленного производства культуры кубков, находят подтверждение и в глиптике.

Так, для цилиндров, происходящих из Хамы J, характерен рельеф с изображением идущих животных или барок с тремя гребцами в каждой. Подобный сюжет распространен не только в Сирии, но и в Ираке и в Палестине (Иерихон) [14, табл. 97, № 66], Мегиддо [15, с. 146], Сузах, Телле Асмар [16, с. 234, табл. XIX, *e*, *f*], Тепе Гавра [17, с. 123,

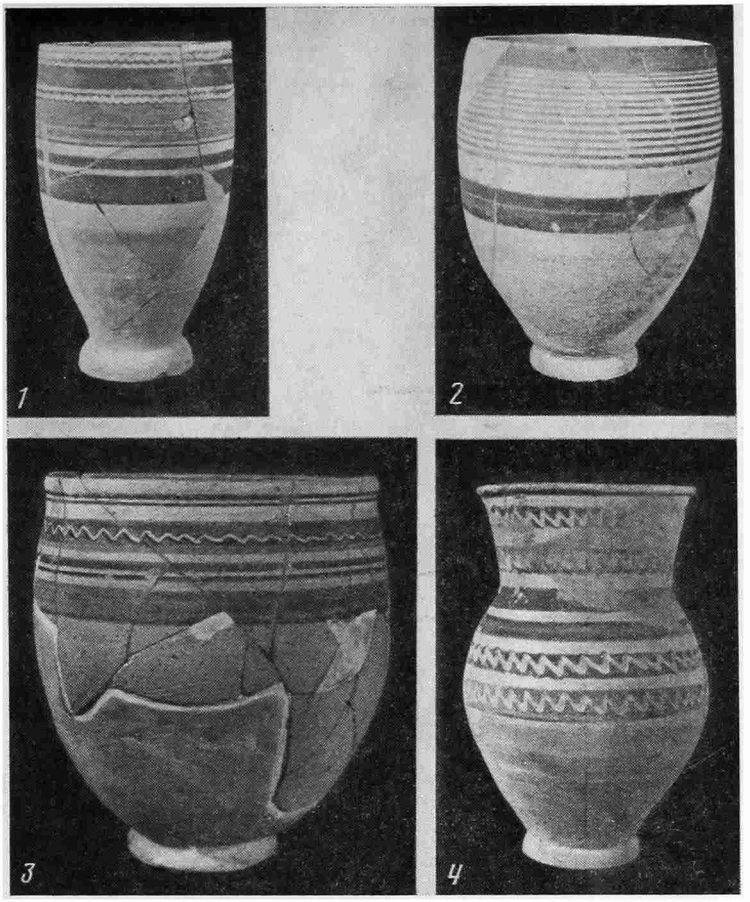


Рис. 7. Расписная керамика из Хамы J

табл. XII, *26—28*]. Цилиндры, найденные в Эбле, имеют иную композицию и отличаются от цилиндров Хамы. Как правило, на них изображены мифические персонажи, обычно четыре — шесть фигур, расположенных чаще всего вертикально и соединенных в одну орнаментальную цепь.

Стиль цилиндров Эблы отличается высоким пластическим и композиционным вкусом. Однако несмотря на отдельные черты художественной самостоятельности, глиптика Эблы носит следы месопотамского влияния, поскольку в ту эпоху Месопотамия являлась доминирующим культурным центром для всего района Ближнего Востока (рис. 9).

Несомненно, культура кубков в Северной Сирии является совершенно самостоятельной, свидетельствующей о важной роли этого района для всего Ближнего Востока в период раннего бронзового века.

Согласно выдвинутому Маттье делению, культуру кубков можно считать протосирийской. Но, очевидно, здесь в выборе термина сыграл роль всего лишь территориальный фактор, так как говорить о связи этого народа с последующими культурами еще довольно рано.

Вопрос этнической принадлежности народа — носителя культуры кубков до сих пор абсолютно неясен. До настоящего времени некоторые ученые пытались отнести его к племенам аморитов, известных по письменным источникам и распространившихся по всей территории Палестины и Сирии. Кроме того, в табличках, найденных в Ираке, говорится о том, что Нарам-Син хотел проложить себе путь к районам, богатым лесом и камнем. И на этом пути ему мешали государства Эбла, Арми и Амурру. Иными словами, амориты проживали на территории Сирии в период раннего бронзового века, и ряд ученых отождествляют термин «амурру» с аморитами. Но последние исследования показали, что государство Амурру следует локализовать в районе побережья, по течению р. Нахр-эль-Кабир [18, с. 47—55]. С другой стороны, открытия, сделан-

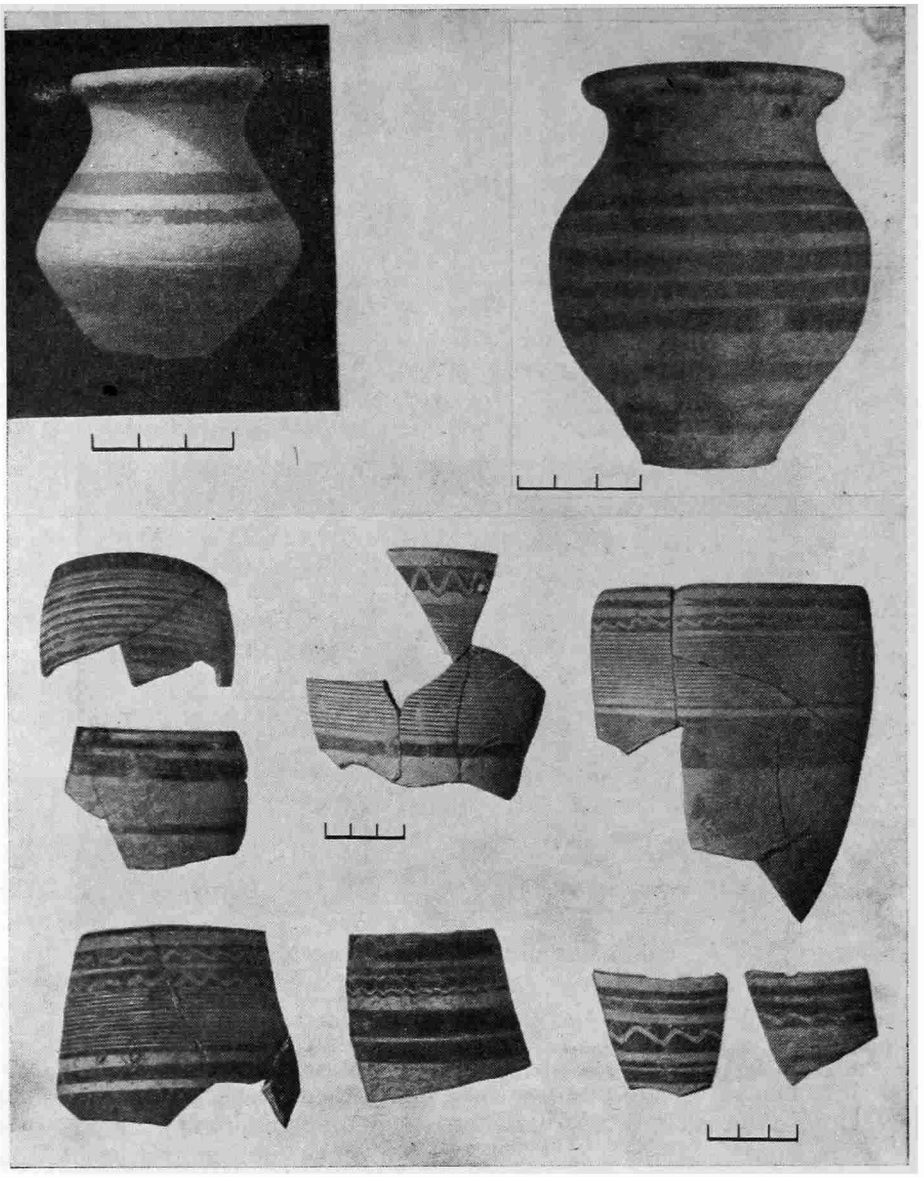


Рис. 8. Расписная керамика из Анссари

ные в Телль Мардих, также говорят против отнесения этого народа к аморитам.

Во-первых, культура кубков не имеет прямой связи ни с одной культурой, связанной с аморитами. Сами кубки, совершенно уникальный элемент этой культуры, не встречаются нигде, кроме течения р. Оронт и двух-трех теллей близ Евфрата. Кубки же, найденные в Мегиддо [19, с. 27—35, рис. 18] и на побережье Средиземного моря в Телль Сукас [20, с. 500] и Телль Симириан [21, с. 183—226], несомненно, являются предметами импорта и попали туда в результате торговли.

Несомненно, что этот народ относился к ветви западных семитов, если судить по языку табличек, происходящих из Эбла. Но откуда он прибыл, какую связь культурную и этническую имел с предшествующими народами, сказать трудно. Влияние Месопотамии, прослеживающееся во многих чертах культуры, и прежде всего в искусстве, несомненно, но оно не имеет определяющего значения в вопросе этнической принадлежности народа культуры кубков. Судя по раскопкам, проведенным до настоящего времени, этот народ практически внезапно появился в районе Северной Сирии, в местах, ранее никем не заселенных, если не принимать во внимание случай с Хамой. Никаких следов предшествующей ему культуры не обнаружено. Однако к моменту своего появления народ этот

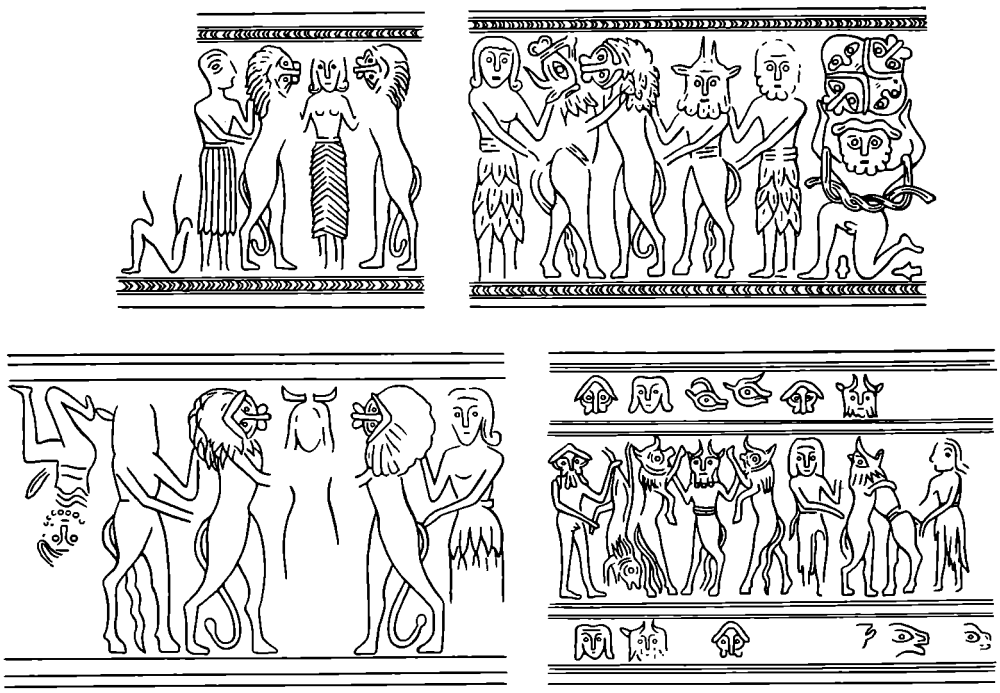


Рис. 9. Оттиски печатей из Царского дворца на Телле Мардих (IIB_1)

стоял уже на довольно высокой ступени развития, т. е. первые следы культуры кубков относятся к 2400 г. до н. э. и именно в это время в Телль Мардих строится ранний дворец G.

Иными словами, этот народ уже располагал сложной социальной структурой общества и царской властью (дворец — материальное тому подтверждение).

Кроме того, ранние кубки уже носят следы далеко не примитивной техники изготовления керамики. Период от появления в Сирии культуры кубков до 2250 г. до н. э. (до захвата города Эбла аккадским царем Нарам-Сином) является периодом расцвета этой культуры. В область ее распространения входит практически почти вся Северная Сирия. Политическое влияние ее основного центра распространяется на Мари, Арми, Элам, которые были подвластны царям Эблы и платили им дань. После разгрома Эблы могущество ее не восстанавливается. Это время упадка. Но в то же время очевидным остается факт, что этот народ не был ни уничтожен, ни ассимилирован завоевателями. Продолжают развиваться прежние традиции ремесла, сохраняются прежние обычаи. Утверждать это, не располагая письменными источниками, конечно, рискованно, но мы можем опираться на материальные свидетельства, и в частности на тот факт, что повсеместно, где встречались ранние кубки, связанные с периодом могущества Эблы, керамика продолжает развиваться и сохраняет свои основные формы. Так, мы вновь встречаем кубки и в Хама, и в Мишрифе, и в Телль Мардих, и в ряде других теллей. Более того, возникают новые поселения, где найдена керамика, относящаяся к культуре кубков. И лишь в 2000 г. до н. э., после новых потрясений, связанных с приходом в Северную Сирию инородных племен, культура кубков перестает существовать. Кубки исчезают повсеместно, и на смену им приходят новые формы керамики, позволяющие предполагать, что народ-завоеватель не был связан с носителями культуры кубков. Впрочем, исчезновение кубков еще не означает, что эта культура была уничтожена бесследно.

Следует отметить, что определенные реминисценции культуры кубков отражены и в некоторых керамических формах более позднего периода. Возможно, что народ протосирийского периода не был уничтожен полностью и, будучи на более высоком уровне развития, оказал культурное

влияние на новых пришельцев. В этом сказывается преемственность культур, их взаимовлияние, не устраняемое ни войнами, ни переселениями, ни политическими потрясениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mattiae P.* Ebla, un impero ritrovato. Torino, 1977.
2. *Fugmann E.* Hama II. Architecture de period prehellenistiques. København, 1958.
3. *Mesnil du Buisson R. du.* Le site archeologique de Mishrifé-Qatna. Paris, 1935.
4. *Mesnil du Buisson R. du.* Une campagne de fouilles a Khan-Sheikhoun.— Syria, 1932, t. XIII.
5. *Mesnil du Buisson R. du.* Une campagne de fouilles a Khan-Sheikhoun.— Syria, 1932, t. XIII.
6. *Mesnil du Buisson R. du.* Souran et tell Masin.— Berytus. 1935, v. II.
7. *Gelb I. L.* The early history of the West Semitic Peoples.— J. of cuneiform studies. Chicago. 1964, v. 15.
8. *Matthers I.* Tell Rifa'at 1977. A preliminary report of an archaeological survey.— Iraq, 1978, t. XL, № 2.
9. *Tefnin R.* Sondages sur le site d'Oum-el-Marra, 1978.— Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles, 1979, t. 23.
10. *Mesnil du Buisson R. du.* Compte rendu de la quatrieme campagne de fouilles a Mishrifé-Qatna.— Syria, 1930, t. XI.
11. *Braidwood R. J. and Braidwood L.* Excavations in the plain of Antioch. 1. The earlier assemblages.— Chicago: Oriental Inst. Univ. Chicago Publications, 1960, t. LXI.
12. *Archi A.* Les textes lexicaux bilingues d'Ebla.— In: Studi Eblaiti, 1980, II/6.
13. *Ingholt H.* Rapport preliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie (1932—1938). København, 1940.
14. *Sellin L. und Watzinger T.* Denkmäler Palästinas. Leipzig, 1933.
15. *Guy P. L. O., Engberg R.* Megiddo Tombs. Chicago: Oriental Inst. Univ. Chicago Publications. 1938, N 33.
16. *Frankfort H.* Cylinder Seals. L.: Macmillan and Co., 1939.
17. *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gaura. Philadelphia, 1935, v. 1.
18. *Kestemont V.* Le Nahr El.— Kebir et les pays d'Amurru. Archaeological Studies.— Berytus, 1977, v. XX.
19. *Kenyon K. M.* Amorites and Canaanites. L. 1966.
20. *McEwan C. W.* The Syrien expedition or the Oriental Institute of the University of Chicago.— AJA, 1937, v. XLI.
21. *Braidwood R. J.* Report on two sondages on the coast of Syria, south of Tartous.— Syria, 1940, t. XXI, № 2.

A. Suleiman

THE CULTURE OF THE SYRIAN BEAKERS AND THE EBLA CIVILISATION

Summary

The author takes as his subject major problems connected with the so-called Syrian Beakers culture of the mid-Bronze Age. It is associated with the infiltration of the Near East by Semitic tribes at the end of the Uruk Period. It was the time of improved ceramic production and the emergence of original cultures in this region. The Syrian Beakers culture occupied mainly the north of Syria, along the Oront river, though its traces may be found in the Euphrates Valley. Discoveries made by an Italian expedition at Tell Mardikh showed that the Ebla city-state may be considered the political centre of this culture, as its area coincided with the territory controlled by the Ebla polis at the height of its power. As a rule the Syrian Beakers culture settlements sprang on unoccupied territories which prompts the conclusion that it was an alien element which appeared in the region at about 2400 B. C. By that moment Tell Mardikh royal palace — an interesting architectural monument — had already existed. The culture of that people was rather high which is testified by wheeled ceramics, the glyptography and sculpture. The archive found in the palace in also dated to 2400 B. C. It is written in Sumerian cuneiform, the language belonging to the North-Western variant of the Semitic language group. Ethnic affiliation of the people of the Beakers culture remains unclear. The culture itself seased to exist at about 2000 B. C. which was connected with the infiltration of the region by the Amorites.

ОЛЬХОВСКИЙ В. С.

О НАСЕЛЕНИИ КРЫМА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Проблема этнического состава древнего населения Крыма издавна привлекает внимание исследователей, однако мнения их относительно этнической интерпретации ряда захоронений и целых могильников VII—III вв. до н. э. значительно расходятся. Это позволяет еще раз, с привлечением нового материала, рассмотреть вопрос этноистории Крыма.

В 1976—1979 гг. к северу от г. Евпатории, между селами Колоски и Великое, было исследовано несколько курганов, содержавших погребения эпохи бронзы и раннего железа. Среди последних интересны следующие.

В кургане 1 находилось два одновременных захоронения в ямах — главное (№ 2) и сопровождающее (№ 1). Погребение 2, совершенное в прямоугольной яме 2,7x1,76 м, было почти полностью разрушено средневековым захоронением, в свою очередь уничтоженным современной военной траншеей. К погр. 2 относятся две пастовые бусины и невыразительные фрагменты амфор. Мужской скелет в погр. 1 лежал головой на запад, с небольшим поворотом на правый бок; ноги подогнуты в коленях, кисть левой руки в области таза (рис. 1, *а*). У ног скелета, на уровне погребенной почвы, находились обломки чернолощеного лепного сосуда с резным (гребенчатым?) орнаментом (рис. 2, *а*). Обе могильные ямы перекрывались двумя общими соприкасающимися каменными выкладками (рис. 3) длиной до 5 и высотой до 0,6 м, дневная поверхность вокруг которых была грубо вымощена плитняком. Курган окружало каменное кольцо — крепида шириной до 2,8 м; среди камней попадались обломки амфор — следы погребального пира. В северной части крепиды было обнаружено известняковое антропоморфное изваяние скифского типа, без сомнения относящееся к погр. 2 [1, с. 395]. Захоронения точной датировке не поддаются: лощеный сосуд относится к VI—V вв. до н. э., обломки амфор и бусы — к V—III вв. до н. э. Вероятная дата захоронений — конец V—IV в. до н. э.

Под насыпью кургана 2 находился каменный ящик из четырех (сохранилось три) массивных плит, установленных в неглубоких канавках с наклоном внутрь (рис. 4). В ящике лежала разбитая плита перекрытия. Вокруг ящика, ориентированного широтно, сохранились остатки оградки из плит, поставленных на ребро и уложенных плашмя; пространство между стенками ящика и оградкой забутовано камнями. Погребение, содержавшее остатки скелетов четырех человек, почти полностью разрушено средневековым захоронением. Из инвентаря сохранились три пастовые бусины, костяной наконечник стрелы, две кремневые поделки, немногочисленные обломки амфор (следы тризны). Датируется погребение в пределах V—III вв. до н. э. [1, с. 395].

Впускное в курган 4 погр. 10, совершенное в яме, оказалось полностью разрушенным. К нему относились найденные в грабительской яме железные панцирные пластинки, обломки амфор и чернолакового сосуда. Здесь же обнаружен фрагмент лепного лощеного сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 2, *д*). При исследовании ровика кургана найдены многочисленные обломки эллинистических амфор и верхняя часть крупного лепного горшка с вдавлениями по венчику (рис. 2, *г*). К этому же погребению относятся обломки антропоморфного изваяния и плиты-постамента. Дата захоронения — IV в. до н. э. [2, с. 316].

Курган 5 (эпохи бронзы) был покрыт плотным каменным «панцирем». Среди впускных захоронений кургана примечательны следующие. Погре-

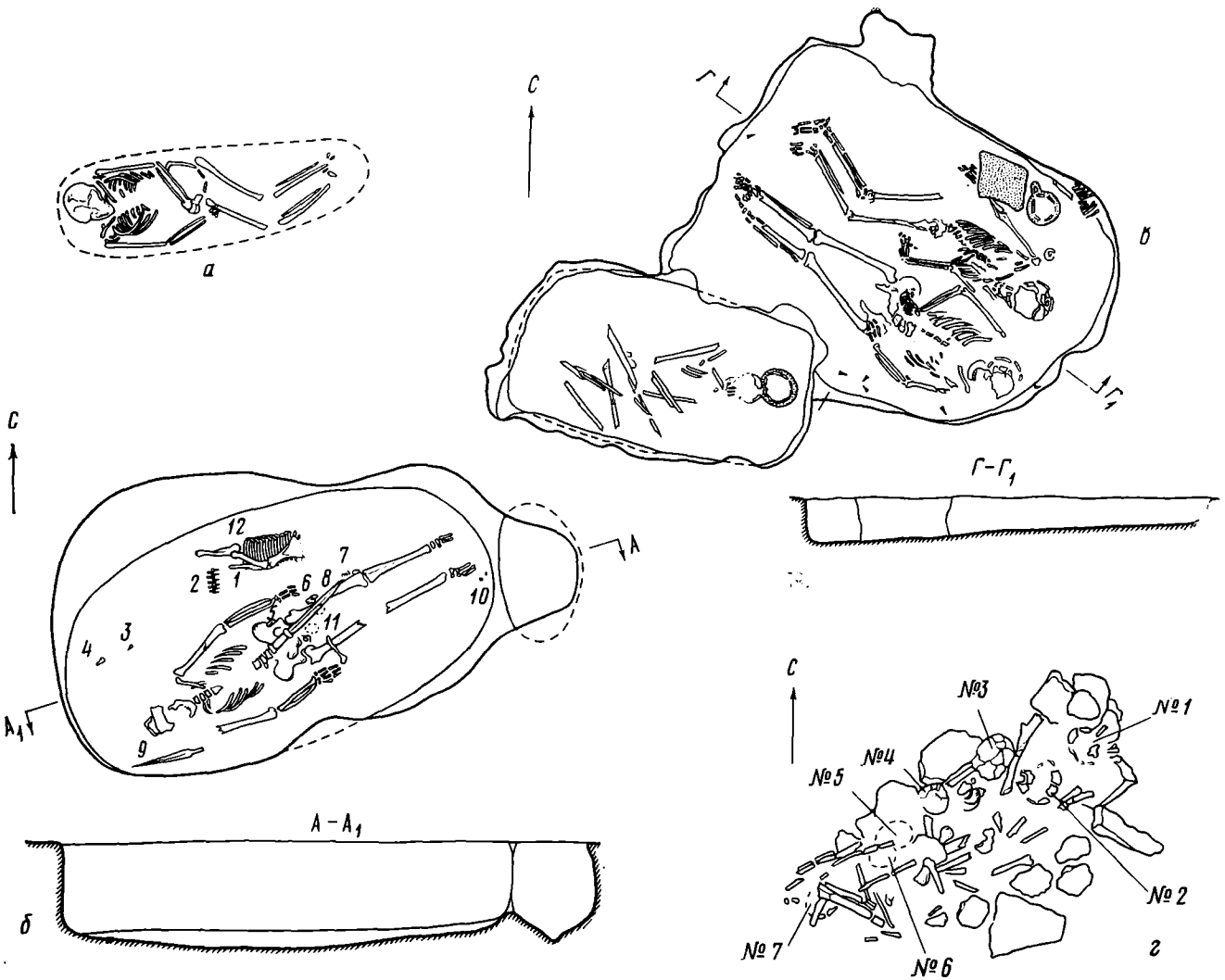


Рис. 1. Погребения в курганах у с. Колоски: *а* — кург. 1, погр. 1; *б* — кург. 7, погр. 3; *в* — кург. 5, погр. 5; *г* — кург. 5, погр. 3: *1—7* черепа

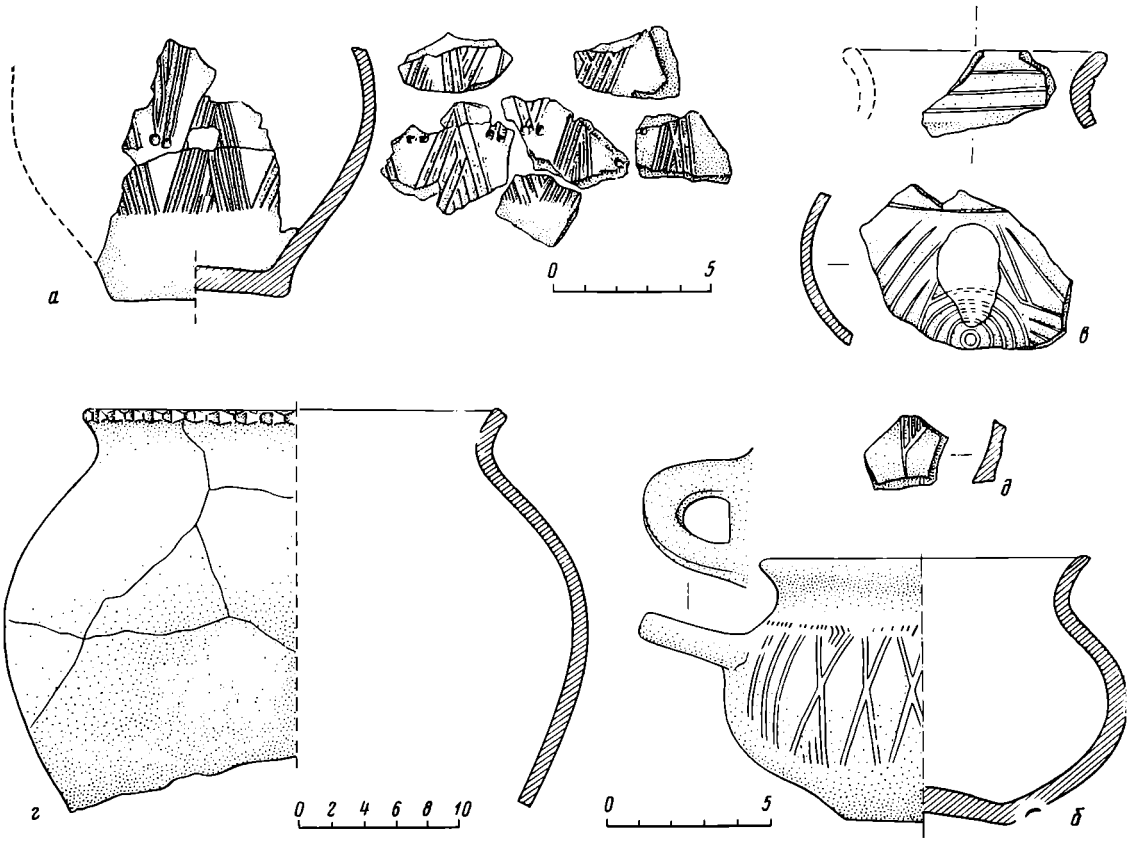


Рис. 2. Лепная керамика из курганов у с. Колоски: *а* — кург. 1, погр. 1; *б* — кург. 5, погр. 5; *в* — кург. 5, погр. 3; *г* — кург. 4 (из ровика); *д* — кург. 4 (из грабительской ямы)

бение 3 (рис. 1, *г*), заваленное камнями, представляло собой скопление человеческих костей (в их числе семь черепов), лежащих плотной массой 1,9х0,6х0,16 м по оси св—юз. Среди костей найдены: костяная ворворка, бронзовые перстень, браслет, серьга из проволоки с надетой бусиной, 31 пастовая бусинка (рис. 5, *а*), фрагменты лепного сосуда, черную подлощенную поверхность которого украшал резной орнамент (рис. 2, *в*). Захоронение, очевидно, неодновременное (повторное), датируется IV—III вв. до н. э., возможно, и несколько позже [3, с. 365].

В 0,2 м ниже погр. 3 находилось погр. 4 — неполный человеческий скелет (отсутствовал череп, левая рука, бедро), ориентированный на ЗСЗ. Непосредственно над скелетом обнаружены два фрагмента горла амфоры с крашеным венчиком VI в. до н. э.

Точно под погр. 4 (0,2 м ниже) находилось погр. 5. Яма 1,9х1,4 м, ориентированная по оси сз—юв, содержала парное захоронение (рис. 1, *в*). Мужской скелет лежал на спине, кисти рук на тазе, женский — на левом боку со слегка подогнутыми ногами. Погребенные ориентированы на ЮВ. Возле женского скелета находились: лепной лощеный сосуд с прочерченным двузубой гребенкой орнаментом (рис. 2, *б*), жертвенная пища, песчаниковая плитка, бронзовый браслет, подвеска из раковины, глиняное и свинцовое пряслица, две бусины; вокруг мужского скелета лежало 10 бронзовых наконечников стрел (рис. 5, *б*). Обломками амфоры с крашеным венчиком из засыпи (той же, что и над погр. 4) захоронение датируется временем не позднее второй половины VI в. до н. э.

Погребальное сооружение кургана 6, окруженного каменным кольцом, оказалось разрушенным. Судя по наличию каменных плит значительных размеров, оно представляло собой каменный ящик, сооруженный на древнем горизонте или чуть ниже и содержавший останки трех погребенных. Обломками амфор из тризны захоронение датируется IV—III вв. до н. э. [2, с. 316].

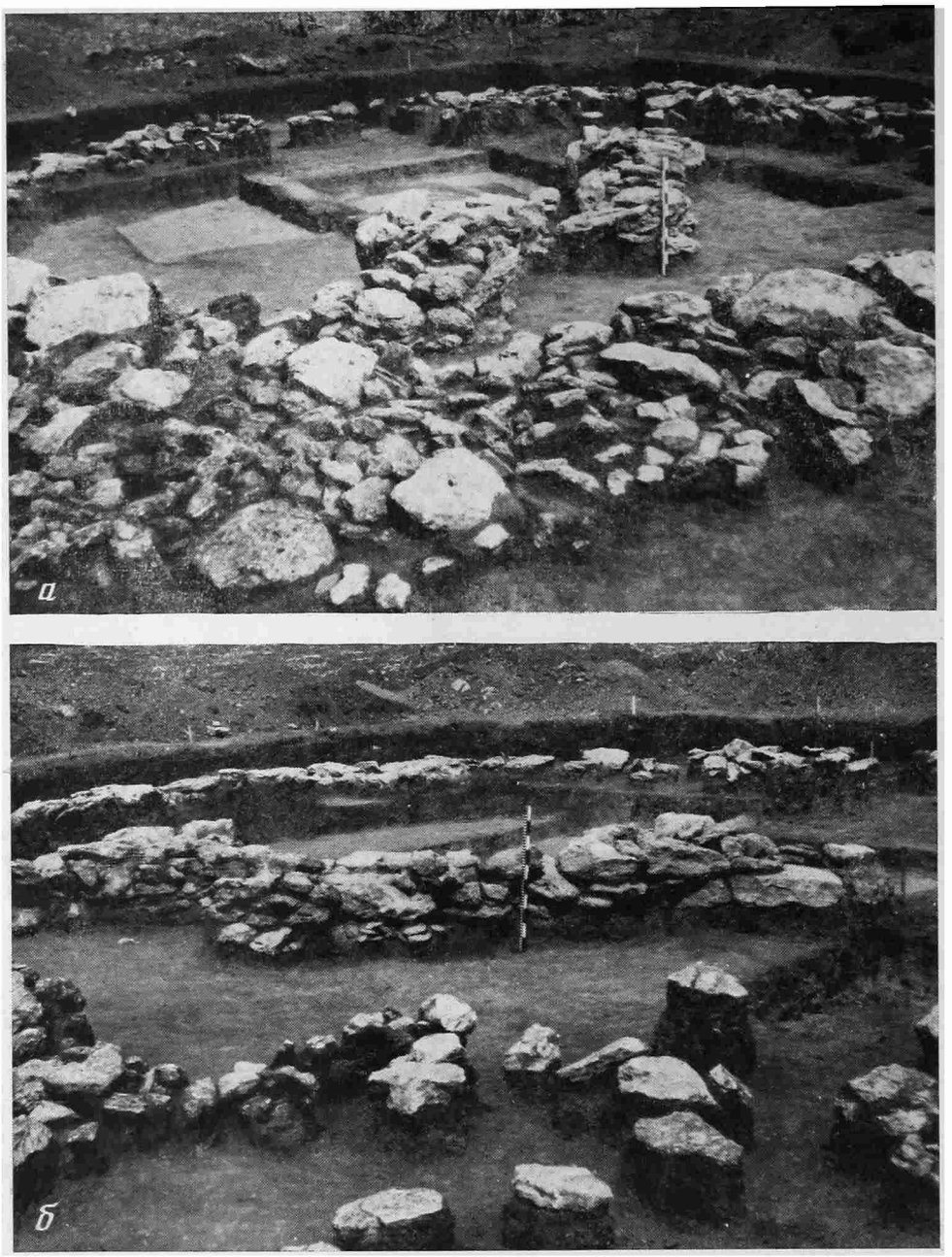


Рис. 3. Колоски, курган 1 после снятия насыпи: *а* — вид с юз; *б* — вид с юв

Насыпь кургана 7 также окружало кольцо из мелких камней [2, с. 316]. Основное захоронение (№ 3) было совершено в яме 2,22××1,18 м, к которой примыкала овальная ниша (результат деятельности землероек?). Погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ (рис. 1, *б*). Среди инвентаря— акинак, наконечник копья, 63 бронзовых наконечника стрел, ворворка, бронзовая бляха — голова оленя, трензель ремня (рис. 6), железный нож, лежавший на жертвенной пище. Комплекс относится ко второй половине V в. до н. э.

Погребальное сооружение впускного захоронения (№ 1) представляло собой площадку 3×1—1,2 м, мощенную известняковыми плитками; рядом находилось несколько более крупных плит. Очевидно, сооружение являлось ямой (или каменным ящиком) с каменной вымосткой дна. Здесь же обнаружены фрагменты костей трех индивидуумов Обломками амфор из насыпи погребение датируется IV—III вв. до н. э.

Возникает закономерный вопрос об этнокультурной принадлежности создателей колосковского могильника. Рассмотрим основные черты погре-

Рис. 4. Колоски, кург. 2. Каменный ящик (вид с З)

бальных обрядов этих курганов подробнее. Большинство погребальных сооружений колосковских курганов — ямы (7 шт.), пять из них завалены камнями или перекрыты каменными выкладками. Подобные каменные завалы встречаются в степных скифских захоронениях V—III вв. до н. э., но сравнительно редко [4, с. 6]. В Крыму они известны на Керченском полуострове [5, с. 116], обычны в степных и предгорных захоронениях VII—V вв. до н. э., содержащих лощеную керамику с резным орнаментом (Дружное, Фронтовое-I, Марьино, Лозовое [6; 7, с. 42; 8, с. 59, 61, 62]), и в захоронениях, близких этой группе. Так, впускное погр. 1 в кургане 3 у дер. Бахчи-Эли [9, с. 227; 10 с. 92] находилось в каменной засыпке основного погр. 2 (VI в. до н. э.) аналогично погр. 4 и 5 кургана 5 у с. Колоски, причем в обоих случаях ориентировка погребенного верхнего захоронения была противоположна ориентировке погребенных нижнего. Кроме того, необычная форма ямы захоронения 2 кургана 3 у дер. Бахчи-Эли (рис. 7, *а*) соответствует форме ямы погр. 5 кургана 5 у с. Колоски (рис. 1, *в*). Каменные выкладки кургана 1 состоят из трех-четырех рядов уплощенных камней в высоту, часть их фасадов облицована плитами, поставленными на ребро. Они представляют собой имитацию каменного ящика и прямых аналогий не находят. Еще одна деталь — грубая вымостка вокруг выкладок — отмечена в крымских предгорных могильниках Джапалах и Карлы-Кая, причем в первом обнаружена лощеная керамика с резным орнаментом, а во втором — без орнамента [11, с. 110; 12, с. 85].

В двух курганах у с. Колоски основные захоронения были совершены в каменных ящиках. Каменные ящики и склепы обычны для скифов Крыма с V в. до н. э.; позже они были распространены в Крыму значительно шире [4, с. 7]. Вне Крыма скифские каменные гробницы встречаются редко. Особенности конструкции ящика кургана 2 у с. Колоски находят аналогии прежде всего в каменных ящиках горного и предгорного Крыма. Так, установка плит в канавках отмечена в могильниках Карлы-Кая, Таш-Джарган, Уркуста и, вероятно, Чуюнча [12, с. 52, 56, 81; 11, с. 105, 110], наклон плит внутрь — в Уркусте и Черкес-Кермене, оградки — в Уркусте, Биюк-Янкое, Капак-Таше и т. д., забутовка между ящиком и оградкой — в Черкес-Кермене, Уркусте и др. [12, с. 52, 58, 67, 73, 81]. Но рассматриваемый ящик отличался от «классических» горных ящиков тем, что не имел пазов в длинных стенках, оградка его почти вплотную примыкала к стенкам и была овальной, а не подпрямоугольной [13, с. 67—70]. Ящики с круглыми и овальными оградками,

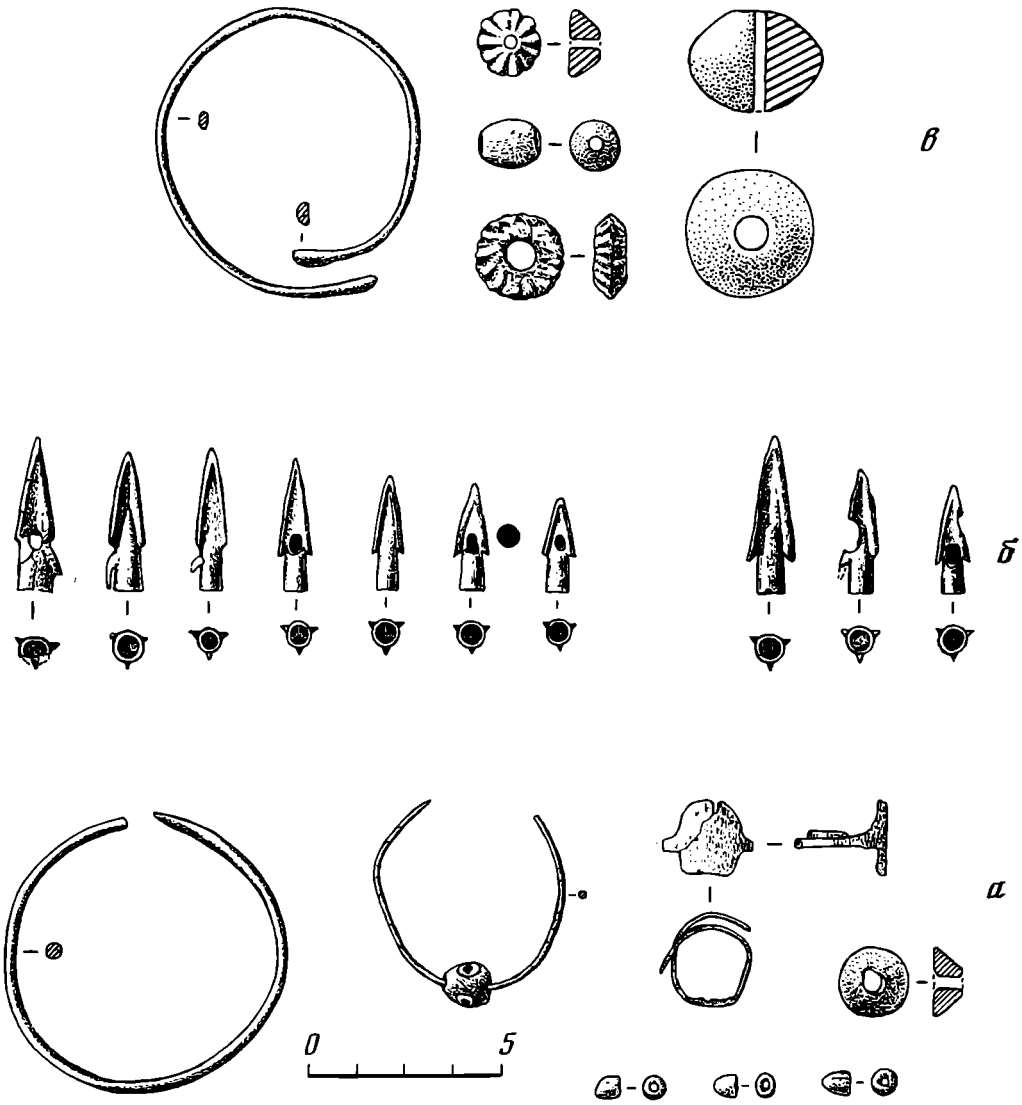


Рис. 5. Колоски. Находки из кург. 5: *а* — из погр. 3; *б*, *в* — из погр. 5.

с забутовкой между ящиком и оградкой отмечены и на Керченском полуострове [14—17], при этом в двух ящиках у с. Золотое находились фрагменты лощеных сосудов с резным орнаментом [14, с. 70; 18]. Некоторое сходство с перечисленными восточнокрымскими ящиками имеют погребальные сооружения могильников Азиатского Боспора (хут. Рассвет, Красная Скала), генетически связанные с местными каменными гробницами эпохи поздней бронзы [19, с. 56; 20; 21].

Оба варианта реконструкции погр. 1 кургана 7 у с. Колоски имеют аналогии в Крыму. Так, каменные гробницы IV—III вв. до н. э. с дном из плитняка отмечены в Восточном Крыму [22, с. 168, рис. 21] и в предгорьях [23, с. 10]; яма с частично мощенным дном известна в предгорьях (рис. 7, *б*).

Перейдем к рассмотрению характера захоронений, позы и ориентировки погребенных. Из колосковских захоронений безусловно повторным (неодновременным) являлось погр. № 3 кургана 5. Очевидно, такими же являлись погребения курганов 2 и 6 и погр. № 1 кургана 7. В Крыму, а также остальном степном Причерноморье повторные захоронения для скифов ранее начала IV в. до н. э. не характерны. В IV—III вв. до н. э. уже не менее четверти скифских захоронений Крыма являются повторными [4, с. 11], отражая не только процесс перехода значительной части скифов к оседлости, но и, возможно, взаимовлияния погребальных обрядов скифов и крымских аборигенов [24, с. 15; 25, с. 250];

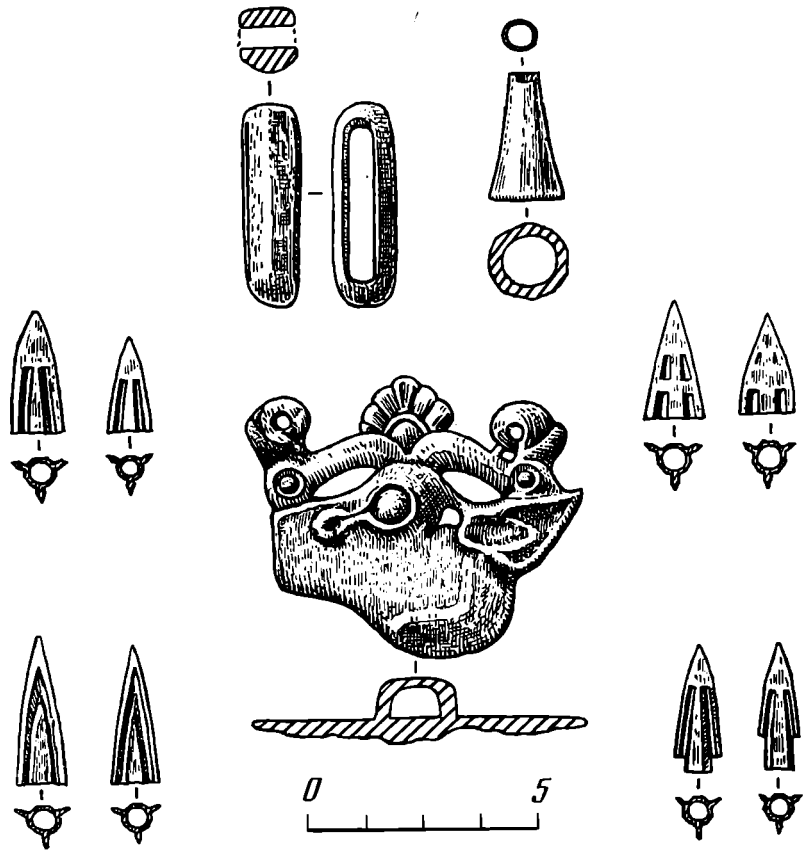


Рис. 6. Инвентарь погр. 3 кург. 7 у с. Колоски

существуют они и позже. Повторные захоронения господствуют у населения горного Крыма эпохи раннего железа [12, с. 90]. Известны они и в бескурганных могильниках типа Золотое и Фронтовое-I [7; 14; 15]. Скорченность или полускорченность погребенного — пережиток погребальных обрядов более древних эпох — в могильнике у с. Колоски отмечена дважды, причем оба раза эти погребения сопровождались лощеной керамикой, украшенной геометрическим орнаментом. В бесспорно скифских погребениях VII—V вв. до н. э. в Крыму скорченных погребений нет, в степном Причерноморье их очень мало [4, с. 8]. В крымских скифских захоронениях, датируемых V—IV, IV—III, III—I вв. до н. э., отмечено семь случаев скорченности, в том числе три — «сидя». В каменных ящиках Горного Крыма скорченность господствует [12, с. 90]. Обычай помещения кистей рук в область таза в колосковских курганах отмечен дважды. Он известен как в скифских погребениях IV—III вв. до н. э. [4, с. 8], так и в крымских захоронениях с лощеной керамикой VII—V вв. до н. э. [26, с. 255].

Большинство погребений в колосковском могильнике ограблено, что мешает установить точную их ориентировку. Судя по ориентировке погребальных сооружений, она была широтной с отклонениями. Подобная ориентировка с явным преобладанием западной характерна не только для скифских погребений VII—III вв. до н. э. [4, с. 11], но и для захоронений крымских предгорий и степей, содержащих лощеную керамику с геометрическим орнаментом [7; 14].

Перейдем к погребальному инвентарю. В четырех из десяти колосковских погребений найдено оружие. Оно обычных скифских типов V—III вв. до н. э. Украшения из стекла и раковин, импортная керамика (кроме амфор) встречаются редко. Украшения из бронзы отмечены только в двух погребениях кургана 5 (вместе с лощеной керамикой). Подобные украшения, особенно браслеты с утолщениями на концах, известны в причерноморских и крымских скифских захоронениях IV—

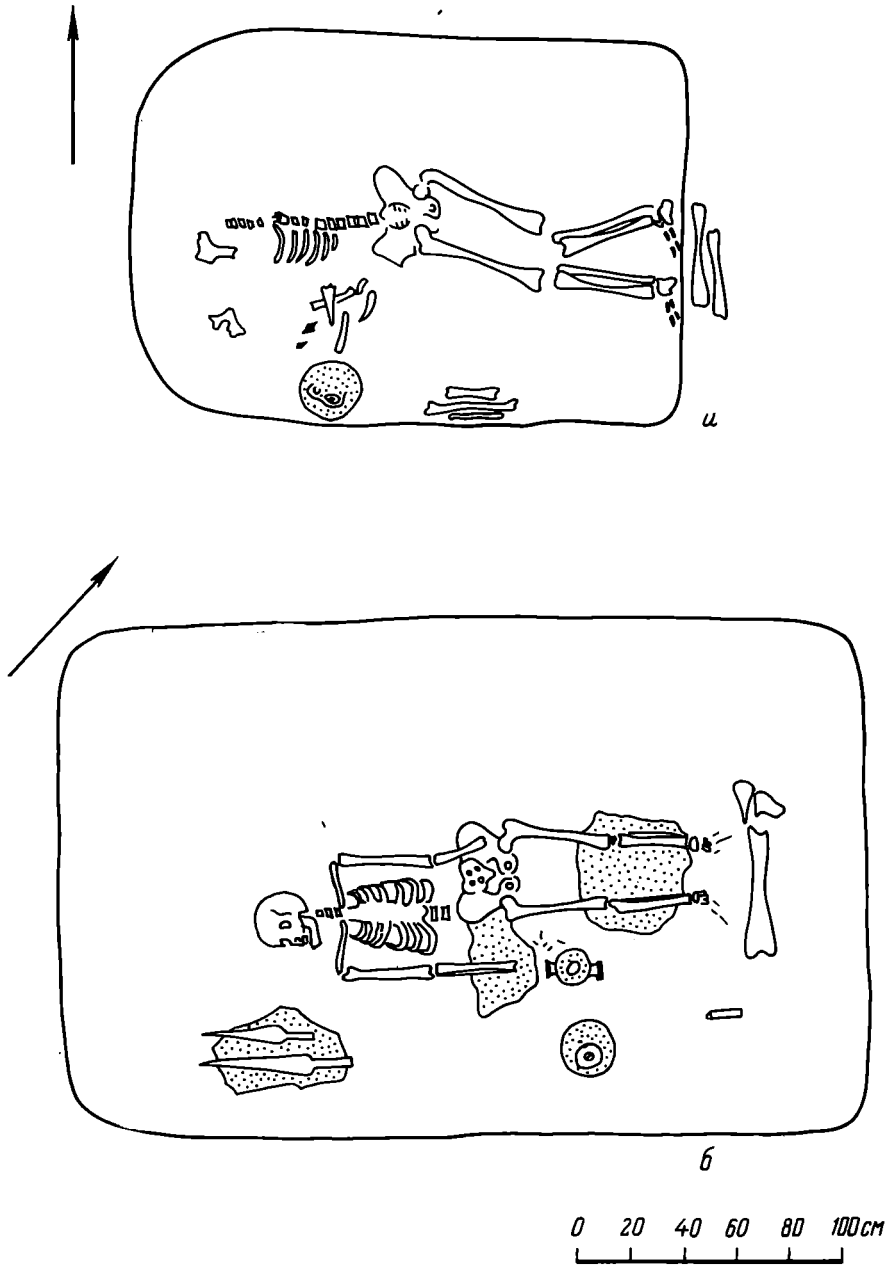


Рис. 7. Погребения в курганах у бывшей дер. Бахчи-Эли (ныне г. Симферополь): *а* — кург. 3, погр. 2; *б* — кург. 2, основное погребение

III вв. до н. э. [27, табл. 38, 41, 42], а также в каменных ящиках горного и предгорного Крыма VII—IV вв. до н. э. [13, с. 57, 62] и Керченского полуострова [28, с. 85, 86; 15, с. 163—165; 22, с. 165, 166; и др.]. В трех погребениях у с. Колоски обнаружена лощеная керамика. Сосуд со слаболощеным черным покрытием (рис. 2, *в*) близких аналогий своему орнаменту среди опубликованных материалов не имеет. Некоторое сходство с ним имеет орнамент лепных курильниц III—I вв. до н. э. скифов Крыма [29]. Кубок из кургана 1 (рис. *2*, *а*) по форме близок сосуду из погребения 3 кургана 1/1895 г. у с. Фруктовое [9, с. 230, рис. 5, *1*], а орнамент его — орнаменту на фрагментах кубков из Инкерманского поселения [13, с. 96, табл. 16, *7*] и Тиритаки [30, с. 13, рис. 1, *5*]. Кубок из погр. 5 кургана 5 формой и орнаментом близок сосуду из погребения на земле совхоза им. Калинина [31, с. 188, рис. 1], орнаментом — сосудам из кургана *14* в районе Симферопольского водохранилища [8, с. 55, рис. 13, *16*], поселения в Холодной балке [32,

с. 237, рис. 2, 7] и в Инкермане [13, с. 110, табл. 30, 5]. Фрагмент лощеного сосуда из кургана 4 (рис. 2, *д*) по орнаменту напоминает обломок кубка из ящика 5/1973 г. у с. Золотое [14, с. 69, рис. 3, *10*] и имеет еще ряд аналогий. Перечисленные аналогии датируются VII—V вв. до н. э. и происходят преимущественно из предгорных районов, входя в группу лощеной керамики, широко представленную в погребениях и особенно на поселениях Крыма эпохи раннего железа. В период поздней бронзы — раннего железа лощеная керамика с геометрическим орнаментом была распространена у населения значительной части степного и отчасти лесостепного пояса Евразии [30, с. 22—28]. Проблема генезиса крымской лощеной керамики пока не решена. Высказывались предположения о связи ее с крымской керамикой эпохи поздней бронзы, с киммерийской, жаботинской, чернолесской керамикой [33, с. 53; 34, с. 117; 16, с. 265]; весьма часто прототипы ее видят в лощеной керамике эпохи поздней бронзы Кавказа [12, с. 156; 35, с. 60].

Неясность генезиса данной группы керамики обусловила пестроту мнений об этносе ее носителей. М. Эберт, В. Н. Дьяков, С. А. Жебелев, А. М. Лесков, П. Н. Шульц, Т. Н. Троицкая и другие связывают ее с таврами, обитавшими в горной части полуострова [30, с. 18; 9; 36]. Тавры же, по мнению М. Эберта, В. Н. Дьякова, С. А. Жебелева, П. Н. Шульца,— это вытесненные в горы киммерийцы [30, с. 20; 13, с. 34]. Таврам принадлежит, как считают П. Н. Шульц, О. Д. Дашевская, А. М. Лесков, И. Т. Кругликова, А. Н. Щеглов и др. кизил-кобинская культура Крыма [13, с. 6, 7; 30, с. 17, 18]. Е. Г. Кастанаян допускает, что лощеную керамику использовали и тавры, и киммерийцы; подобная керамика из степного Крыма связывается ею с потомками киммерийцев [30, с. 21, 28]. Сходной точки зрения придерживается А. А. Масленников [37. с. 39]. В. М. Скуднова, М. М. Худяк, Э. В. Яковенко, А. С. Голенцов, Н. Л. Грач считают лощеную керамику из степного Крыма скифской [38; 39; 40]. А. Н. Щеглов признает ее таврской [41, с. 30] и допускает связь ее с сатархами [42, с. 149]. В своих последних работах А. А. Шепинский и Х. И. Крис сочли возможным не идентифицировать понятия «таврская» и «кизил-кобинская» культура. А. А. Шепинский считает лощеную керамику с резным орнаментом принадлежащей кизил-кобинцам — поздним киммерийцам; керамика тавров, по его мнению, резным орнаментом не украшалась [43, с. 132—134]. Х. И. Крис лощеную керамику считает кизил-кобинской, отрицая наличие ее у тавров; резной орнамент, по ее мнению, был принесен в Крым скифами [44, с. 241]. Отметим однако, что в Крыму резной орнамент известен с эпохи поздней бронзы [30, с. 15]; он широко распространяется с VI в. до н. э. и постепенно вытесняется гребенчатым орнаментом [30, с. 15; 36, с. 205].

Естественно, такое разнообразие мнений отразилось и на этнической трактовке крымских степных и предгорных погребений, содержащих лощеную керамику (Фронтовое-I, Марьино, Лозовое, Золотое и др.). Их считают таврскими, кизил-кобинскими, скифскими, позднекиммерийскими, а также принадлежащими населению, родственному синдам. Примечательно, что А. А. Шепинский, Х. И. Крис, Е. Г. Кастанаян [43; 13; 30, с. 28], А. А. Масленников [37, с. 28], А. Н. Щеглов [45, с. 208], В. Н. Корпусова и Р. С. Орлов [14, с. 75], опираясь на анализ погребальных обрядов и наличие лощеной керамики с орнаментом, фактически признают наличие в Крыму культуры (или этнической группы), отличной как от скифской, так и от «крымской мегалитической» (таврской). Однако их выводы относительно генезиса, основных черт и этноса «третьей культуры» значительно расходятся. Все вышесказанное затрудняет определение этнической принадлежности колосковских погребений, в которых встречается и лощеная керамика.

Попытаемся проверить гипотезу «третьей культуры», использовав в качестве этнического индикатора лощеную керамику с резным и гребенчатым орнаментом, при этом будут учитываться и другие элементы погребальной обрядности. В опубликованных работах подробные карты, учитывающие распространение лощеной керамики в Крыму, отсутству-

а
б
в
г
д
е

Рис. 8. Ареал крымской лощеной керамики IX—VIII—III вв. до н. э. *а* — погребение (лощеная керамика, резного орнамента нет); *б* — погребение (керамика, орнамент резной); *в* — погребение (керамика, характер орнамента неясен); *г* — поселение, святилище, случайная находка (керамика, резного орнамента нет); *д* — поселение, святилище, случайная находка (керамика, орнамент резной); *е* — поселение, святилище, случайная находка (керамика, характер орнамента неясен). *1* — д. Абрикосовка; *2* — с. Айвазовское (бывш. Шейх-Мамай); *3* — Альма-I; *4* — Альма-II; *5* — с. Заветное (Альма-Кермен); *6* — Ашлама-Дере; *7* — Балаклавское поселение; *8* — Балта-Чокрак; *9* — Белогорское поселение; *10* — Бельбекское поселение; *11* — Бинбаш-Коба; *12* — с. Дровянка (Бешуй); *13* — Ени-Сала — II (у с. Чайковское); *14* — с. Жуковка (Кучук-Исар); *15* — селище у Змеиного городища; *16* — с. Гвардейское (Сарабуз); *17* — Инкерманское поселение (у Аварийного селища); *18* — Караул-Оба; *19* — Кизил-Коба (у с. Краснопещерное); *20* — Кошка; *21* — Кош-Коба; *22* — с. Красногорское (Нейзац); *23* — Чоротайская балка; *24* — д. Куликовка; *25* — Кызык-Кулак-Кая; *26* — район с. Лозовое; *27* — с. Лесное (Тау-Кипчак); *28* — с. Малиновка (Кабази); *29* — урочище Малоба (у с. Розовое); *30* — пещера МАН; *31* — с. Обрыв (Чума-Кары); *32* — с. Оползневое; *33* — Осипова балка; *34* — Симферопольская стоянка; *35* — Симферопольское поселение; *36* — г. Старый Крым; *37* — с. Строгановка (Мамак); *38* — Таш-Джарган; *39* — Таш-Аир; *40* — с. Терек-Эли; *41* — с. Украинка (Курцы); *42* — Уч-Баш; *43* — Холодная балка; *44* — с. Чистенькая; *45* — Шан-Коба; *46* — с. Нижние Фонтаны (Ниж. Ягмурцы); *47* — с. Верхние Фонтаны (Верхн. Ягмурцы); *48* — п. Снежное (?); *49* — с. Северное; *50* — Неаполь скифский; *51* — Джапалах (у с. Красногорское); *52* — Капак-Таш; *53* — Карлы-Кая; *54* — Мал-Муз (у дер. Ново-Бобровка); *55* — с. Никита; *56* — с. Понизовка; *57* — с. Озерное; *58* — убежище между с. Партизанское и с. Константиновка; *59* — Чуюнча; *60* — Южно-Донузлавское городище; *61* — Отар-Алан; *62* — с. Крепкое (Черкес-Кермен); *63* — с. Передовое (Уркуста); *64* — с. Водопойное; *65* — район сел Марьино и Лозовое (Симферопольское водохранилище); *66* — с. Кольчугино; *67* — с. Дружное; *68* — пос. Кирпичный; *69* — с. Белоглинка; *70* — с. Аркадьевка (Такиль); *71* — совхоз им. Калинина; *72* — с. Фруктовое (бывш. имение Талаевой); *73* — бывш. имение Бобовича; *74* — с. Колоски; *75* — с. Березовка (Тавкель-Найман); *76* — с. Каштановка (Кара-Меркит); *77* — с. Фронтовое; *78* — пос. Аршинцево; *79* — с. Золотое; *80* — г. Симферополь (Бахчи-Эли); *81* — Киммерик; *82* — Порфмий; *83* — Чайка; *84* — Тиритака; *85* — Пантикапей; *86* — Нимфей; *87* — Мирмекий; *88* — Херсонес; *89* — Гераклейский полуостров (клеры); *90* — Керкинитида; *91* — усадьба «Маяк»; *92* — с. Марфовка; 93 — с. Владимировка; *94* — Сахарная Головка (у д. Новый Шули); *95—97* — Балаклавский р-н г. Севастополя; пос. Оборонное; Безымянная высота; *98* — Сапун-гора, восточный склон; *99* — Замиль-Коба; *100* — пос. Планерское; *101* — мыс Такиль; *102* — Акташский могильник; *103* — с. Астанино; *104* — с. Чернореченское (бывш. Чоргунь); *106* — мыс между Цыганской и Мартыновской балками; *105* — с. Хмельницкое; *107* — южная окраина с. Инкерман-2

ют. Составление такой карты (по опубликованным данным) [1] показало следующее (рис. 8). Лощеная керамика с резным и гребенчатым орнаментом встречается на значительной части территории Крыма, но особенно часто — в предгорьях. Обычна она на поселениях, при этом изредка встречается и на тех, где решительно преобладает лощеная рельефная керамика. В погребениях она встречается реже, но в еще большей степени это касается лощеной керамики без резного орнамента. Из 29 исследованных могильников горного и предгорного Крыма с каменными ящиками лощеная керамика без резного орнамента встречена в пяти, с резным орнаментом — в семи (Джапалах, Капак-Таш, Мал-Муз, Уркуста, Таш-Джарган, Черкес-Кермен, Отар-Алан); еще в семи могильниках упоминаются находки лепной керамики без уточнения ее характера (подсчет по А. М. Лескову [12]). В целом же ареал лощеной керамики с резным и гребенчатым орнаментом не совпадает с ареалом «крымских мегалитов» [13, с. 8, рис. 1], которые считаются погребальными памятниками тавров. Это свидетельствует в пользу гипотезы о неидентичности таврской и кизил-кобинской культур. Вместе с тем подобная керамика распространена значительно шире предполагаемого ареала кизил-кобинской культуры. Возможны два объяснения этому факту: либо кизил-кобинские племена действительно занимали большую часть Крыма, либо керамика кизил-кобинского типа использовалась и другими этнокультурными группами.

Переходя к анализу погребальной обрядности, разделим известные нам крымские захоронения VII—III вв. до н. э. на четыре группы (табл. 1 и 2).

[1] Подобная керамика обнаружена и на многих позднескифских городищах Крыма, но из-за отсутствия публикаций большинство этих пунктов на карте не отражено.

Таблица 1

№	Погребальные памятники Крыма (группы)	Район	Века до н. э.	Количество	Намогильные сооружения				
					насыпь	бескурганное	кромлех	оградка	тризна
1	Идентичные скифским погребениям степного Северного Причерноморья [1]	Степь, предгорья	VII–V	29	28	1	5		5
1а	То же [2]	То же	V–III, III–I	131	131		29		27
1б	»	с. Колоски	V–III	3	3		3		3
2	Мегалитические [3]	Горы	IX–IV	183		++	?	36	?
3	Кизил-кобинские [4]	Предгорья	VIII–V	25	+	+	+	+	?
4	Содержащие лощеную керамику с резным орнаментом [5]	Степь, предгорья	VII–V, V–IV	23	21	2	4	1	1
4а	Близкие группе 4 [6]	То же	VII–III	101	13	88	4	16	?
4б	То же	с. Колоски	VI–III	7	7		1	1	6

№	Погребальные памятники Крыма (группы)	Погребальные сооружения								
		характер			вид					
		основное	впускное	неясно	яма	каменная гробница	сырцовая гробница	катакомба	неясно	деревянная гробница
1	Идентичные скифским погребениям степного Северного Причерноморья [1]	9	16	4	14	10	1	1	2	1
1а	То же [2]	66	63	2	48	72		8	2	1
1б	»	2	1		3					
2	Мегалитические [3]	183			36	147				
3	Кизил-кобинские [4]	25			5	20				
4	Содержащие лощеную керамику с резным орнаментом [5]	7	14	2	18	3			2	
4а	Близкие группе 4 [6]	93	8		73	25		3		
4б	То же	3	4		4	2			1	

№	Погребальные памятники Крыма (группы)	Характер захоронения, поза, ориентировка										
		повторное	(полу)-скорченное	руки на тазу	з	сз	юз	в	св	юв	с	ю
1	Идентичные скифским погребениям степного Северного Причерноморья [1]				7	1	1	4	2			
1а	То же [2]	40	7	6	33	4	4	6	4	1	2	4
1б	»						1					
2	Мегалитические [3]	++	++					+	+		+	+
3	Кизил-кобинские [4]	++	++				+	+		+		+
4	Содержащие лощеную керамику с резным орнаментом [5]	1	3	4	7	1	2	1	1			
4а	Близкие группе 4 [6]	35	4	9	74		6	4		1	1	1
4б	То же	1?	2	2	3					1		

Примечания к табл. 1 и 2

[1] Входят: Ильичево, к. 1, п. 6 и к. 4, п. 1; Золотой кург., п. 1; имение Талаевой, к. 3/1892 г., п. 1; имение Бобовича, к. 3/1895 г., основное и впускное погребения; Долинное, к. 2/1895 г., п. 3 и 6, к. 4/1895 г., п. 5; курган в Нижнегорском р-не; Изюмовка, кург.; Надежда, кург.; Мартыновка, к. 4, п. 5 и к. 5, п. 1; Танковое, к. 12, п. 1; Каштановка, к. 1, п. 1; пос. Кирово, погр.; Темир-гора, п. 81 и 83; 8 погребений некрополя Нимфея; 5-й Ак-Бурунский курган; Филатовка, к. 11, п. 1.

[2] Входят: 58 погребений Керченского полуострова [22]; ряд захоронений в бывш.

Группа 1 включает захоронения, по обряду идентичные скифским погребениям степного Северного Причерноморья, практически всеми исследователями определяемые как скифские. Группу 2 составляют «мегалиты» Южного берега и Горного Крыма, единодушно рассматриваемые как памятники тавров. В группу 3 попадет ряд предгорных могильников, содержавших керамику с резным орнаментом и отнесенных Х. И. Крис к числу памятников кизил-кобинской культуры [13, с. 42, 43]; предлагаемый в литературе их этнос — кизил-кобинцы, тавры. В группу 4 включим предгорные (в ямах) и все степные захоронения, содержащие лощеную керамику с резным или гребенчатым орнаментом; этнос данной группы определяется по-разному — скифы, тавры, поздние киммерийцы и т. д. Сопоставим колосковские захоронения с погребениями выделенных груп и попытаемся определить их этнокультурную принадлежность.

Скифские захоронения Крыма VII—V вв. до н. э. (табл. 1, гр. 1) преимущественно впускные, характеризуются разнообразием погребальных сооружений с преобладанием ям, отсутствием повторных (неодновременных) захоронений и элементов скорченности погребенных, преобладанием западной ориентировки при существенной доле восточной. Среди погребального инвентаря (табл. 2) примечательны изделия в зверином стиле, отмеченные более чем в 50% погребений. Кроме этого, почти обязательно присутствует оружие, сбруя, нередка импортная керамика. Реже встречается жертвенная пища, оселки. Украшения из бронзы, лепная керамика редки, причем лощеная керамика не встречается вовсе. В IV—III вв. до н. э. картина меняется (табл. 1, 2, гр. 1*а*). Количество основных захоронений уже превышает 50%, среди погребальных сооружений преобладают каменные гробницы. Повторные захоронения составляют около трети общего числа, появляется обычай скорченности и помещения кистей рук на таз. Западная ориентировка господствует по-прежнему. В погребальном инвентаре резко снижается количество изделий в зверином стиле, оселков, сбруи и возрастает число импортной керамики и украшений, железных ножей, лепной керамики. Отмеченные в нескольких захоронениях лощеные сосуды в большинстве своем (4 шт.) — курильницы. Краска в погребениях данной группы редка, дважды отмечена окрашенность скелета. В погребальном обряде скифов Крыма известно и применение антропоморфных изваяний [46, с. 224]. Изваяния наряду с изделиями в зверином стиле являются надежным этническим индикатором скифских погребений. Исходя из этого и учитывая весь комплекс, скифскими можно признать как минимум три погребения колосковского могильника (табл. 1, 2, гр. 1*б*): погр. 2 кургана 1; погр. 10 кургана 4 (антропоморфные изваяния) и погр. 3 кургана 7 (бляха в зверином стиле).

Памятники группы 2 — погребения Горного Крыма — включают около 200 захоронений, в основном в каменных ящиках, установленных на уровне древнего горизонта, иногда — в неглубокой яме. Они часто имеют

имениях Тавель, Черкеса, Крыма, Бобовича, Пастака, Талаевой, Чотты; в р-не Долинного, Симферополя, пос. Мамай, Калос-Лимена, Верх. Кульчука, Апан-Сарчи, Славного, Партизанского, Мартыновки, Танкового, Рисового, Кураевки, Зыбино, Камкалы, Виноградного, Марфовки, Лугового, Белогорска, горы Опук, а также пять погребений в Темир-горе, в группе «Три брата», курганах Куль-Оба, Ак-Бурунском 1875 г., Кекуватского, 2-м Змеином, Джург-Оба, Баксинском, Патиниотти, Ашика.

[3] По [13, прил. 2].

[4] По [13, прил. 3, табл. IV]; в последней графе табл. 2 – общее количество (22) погребений с лепной керамикой.

[5] Входят: Марьино и Лозовое, к. 2, п. 1; к. 3, п. 1; к. 4, п. 2; к. 5; к. 6, впускное; к. 7, п. 1; к. 8, п. 7; к. 11, п. 8; к. 12, впускное; к. 14; Аршинцево, кург.; совхоз им. Калинина, кург.; Белоглинка, кург.; имение Талаевой, к. 1/1895 г., п. 3; имение Бобовича, к. 1/1895 г., п. 1; Аркадьевка, кург., п. 3; Березовка, к. 1; Каштановка, к. 1, п. 2 и 3; Золотое, п. 5/1973 г., п. 4/1977 г., Астанино, к. 9, п. 1; Акташский могильник, к. 31.

[6] Входят: Золотое – 15 погр., Рыбное – 5 погр.; Фронтовое-I – 67 погр.; Марьино-Лозовое – 4 погр.; Бахчи-Эли –3 погр.; отдельные погребения в бывш. имениях Талаевой, Бобовича, у горы Опук, мыса Такиль, Березовки.

[7] По [13, прил. 3, табл. I–III]; в последней графе– общее количество (20) погребений с лепной керамикой.

Таблица 2

№	Погребальные памятники Крыма (группы)	Район	Века до н. э.	Количество	Изделия в зверином стиле	Изделия из кремня	Оружие	Импортная керамика	Зеркала	Украшения из стекла, золота и т. д.	Украшения из бронзы	Гривны	Оселки	Железные ножи	Краска	Жертвенная пища	Сбруя	Кони	Лепная керамика		
																			нелощеная	лощеная без резного орнамента	лощеная с резным или гребенчатым орнаментом
1	Идентичные скифским погребениям степного Северного Причерноморья	Степь, предгорья	VII–V	29			23		4	5	2	5	4	3	1	6	9	5	3		
1*а*	То же	То же	V–III, III–I	131	7–11	1	69	53–58	19	47	28	4	7	33	4	28	6	3–4	24	5	
1*б*	»	с. Колоски	V–III	3	1		2	1		1				1		2					
2	Мегалитические [7]	Горы	IX–IV	81		+	33	4?		50	71	6	6		?		23		+	+	+ (20)
3	Кизил-кобинские [4]	Предгорья	VIII–V	25		?	2	?		6	8	13	1		?		1		+	+	++ (22)
4	Содержащие лощеную керамику с резным орнаментом	Степь, предгорья	VII–V, V–IV	23		2	9	3	1	3	4		1	2	2	6	1	?		2	23
4*а*	Близкие группе 4	То же	VII–III	101		1	18	20	2	13	8		3	5	13	6	1?		7	1	1–4
4*б*	То же	с. Колоски	VI–III	7		2	2	1		3	2					2			1		3

оградки прямоугольной или квадратной формы из плит на ребре. Положение скелетов скорченное, ориентировка неустойчивая с преобладанием меридиональной. Отмечены случаи трупосожжений на стороне. Захоронения неодновременные (повторные — до 68 погребенных в гробнице). Среди инвентаря обычны украшения из бронзы, оружие скифских типов. Иногда встречаются изделия из кремня, детали сбруи, оселки, лощеная посуда с резным орнаментом или без него. Сведений о применении краски в погребениях нет, но наличие ее вероятно [47, с. 80, погр. 35]. Примечательно, что в некоторых горных ящиках обнаружены фрагменты типично скифской посуды [12, с. 70]. По совокупности признаков ни одно из колосковских погребений к этой группе отнести нельзя.

Погребальные сооружения захоронений группы 3 — преимущественно каменные ящики, нередко в оградках, иногда перекрытые курганной насыпью (табл. 1). Имеются также ямы, засыпанные камнями и окруженные кромлехом диаметром до 5 м. Захоронения не только повторные, но и одиночные; обычна скорченность, ориентировка неустойчива. Среди погребального инвентаря часто встречается лощеная и нелощеная керамика с резным орнаментом, иногда — украшения из бронзы. Оружия и сбруи почти нет. Некоторые элементы погребальной обрядности колосковских захоронений близки обряду данной группы, но комплекса они не образуют.

Группа 4 состоит из степных и предгорных захоронений VII—V вв. до н. э., содержащих лощеную керамику с геометрическим орнаментом. Здесь [2] преобладают впускные захоронения в ямах, но встречаются и в каменных ящиках. В одном случае имеется кольцевая оградка диаметром до 4,6 м. Господствуют вытянутые трупоположения головой на запад; отмечены полускорченность и положение кистей рук на таз, есть и повторное захоронение [14, с. 70]. В инвентаре, помимо лощеной керамики, обычно оружие скифских типов, встречаются бронзовые украшения, остатки жертвенной пищи, изредка железные ножи, куски краски, изделия из кремня. К данной группе можно отнести еще целый ряд аналогичных погребений без лощеной керамики (табл. 1, 2, гр. 4*а*). Некоторые из них входят в те же могильники, что и захоронения группы 4, при этом конструктивно ничем от них не отличаясь.

В трех предгорных захоронениях упоминаются находки «горшков черной глины» [51, с. 146, 148, 149]. Так как подобным же образом характеризуется лощеная керамика с резным орнаментом [51, с. 147], есть основания отнести эти погребения к группе 4*а*. Захоронения этой группы датируются VII—II вв. до н. э. В целом они очень близки группе 4, но в большинстве своем — основные (Фронтовое-I, Золотое, Рыбное — могильники бескурганные). Каменные ящики нередко имеют кольцевые оградки, при этом пространство между оградкой и стенками ящика забутовывалось. Помимо обычая посыпания умершего краской, отмечено помещение в могилу краски куском [7]. Из колосковских захоронений три идентичны погребениям группы 4 (табл. 1, 2, гр. 4*б*): погр. 1 кургана 1, погр. 3 и 5 кургана 5 (остальные четыре погребения с меньшей долей вероятности соответствуют группе 4*а*). Так, ближайшей аналогией погр. 5 кургана 5 является захоронение в кургане у с. Белоглинка [9]. Обряд погр. № 1 кургана 1 близок обряду захоронения в кургане у Черкес-Кермена, в урочище Шуланда [52, с. 131]. Хотя это погребение территориально входит в группу 2, для нее оно не типично и значительно ближе захоронениям групп 3 и 4.

Сопоставление погребальных обрядов выделенных групп показывает следующее. 1. Обряды захоронений группы 2 (мегалитической) и группы 3 (кизил-кобинской) в целом сходны, но различаются рядом элементов: деталями устройства каменных ящиков, наличием и отсутствием намогильных сооружений и кремации, отчасти ориентировкой погребенных, набором погребального инвентаря. Есть основания рассматривать

[2] Помимо перечисленных (табл. 1), есть сведения о наличии подобной керамики в погребениях у с. Дружное [6, с. 25], с. Кольчугино, пос. Кирпичный [48; 49], на Тарханкутском полуострове [50].

данные группы памятников как самостоятельные, сохранив за предгорной группой условное название кизил-кобинской. 2. Кизил-кобинская группа отличается от синхронных скифских захоронений Крыма (гр. 1); в последних погребальные сооружения разнообразней, нет скорченников и повторных захоронений; характерны изделия в зверином стиле, гривны, жертвенная пища, нет лощеной керамики и т. д. 3. Кизил-кобинская группа целым рядом элементов обрядности сближается с захоронениями группы 4 (погребальные и намогильные сооружения, инвентарь, отчасти ориентировка погребенных). 4. Захоронения группы 4 сближаются со скифскими погребениями (гр. 1) преобладанием среди погребальных сооружений ям, вытянутыми трупоположениями с широтной ориентировкой, наличием жертвенной пищи, и т. д.

Таким образом, погребальные обряды группы 1 (скифской) и группы 2 (мегалитической) весьма ярки и самостоятельны, сходства между ними почти нет. Обряд же группы 3 (кизил-кобинской) синкретичен, занимает промежуточное положение между обрядами групп 2 и 4. Обряд группы 4 также синкретичен, сходен с кизил-кобинским (гр. 3) и скифским (гр. 1). Несомненен факт: по мере удаления от гор доля скифского элемента в погребальных обрядах крымского населения неуклонно возрастает.

Этническая привязка первых двух групп памятников трудностей не вызывает: это скифы и тавры. Характер памятников группы 3 позволяет допустить определенное родство кизил-кобинцев с таврами. Вместе с тем в памятниках кизил-кобинской группы с раннего этапа чувствуется еще одна культурная струя, связанная с позднесрубным (киммерийским?) или другим этническим элементом и объясняющая синкретизм группы в целом. Этому не противоречит допускаемое различие антропологического типа населения гор и предгорий [13, с. 55] и многообразие и разнотипность всего краниологического материала из этих районов [53, с. 68—74]. Итак, по данным погребального обряда можно предполагать почти изначально смешанный этнос значительной части носителей кизил-кобинской культуры крымских предгорий. Одним из компонентов этого этноса следует признать таврский (или — в более широком смысле — кавказоидный); другой идентифицировать пока трудно. Еще более определенно можно говорить о смешанном этносе населения, оставившего памятники группы 4. По данным обряда, в своем большинстве это смешанное скифо-кизил-кобинское население.

Процесс этнического смешения — явление длительное и многогранное. Попытаемся выявить его следы не только в погребальной обрядности, но и в других элементах культурного комплекса, письменных источниках.

Скифы появляются в степях Крыма не позже середины — третьей четверти VII в. до н. э. (Темир-гора). О знакомстве скифов с Крымом в весьма ранний период говорят и их легенды (Her., IV, 3). Проникновение скифов в предгорья и установление контакта с кизил-кобинцами следует датировать не позднее первой половины VI в. до н. э., так как ко времени похода Дария скифы были уже неплохо осведомлены о горцах-таврах. К тому же самые ранние скифские погребения в предгорьях относятся к VI в. до н. э. Небольшое их количество позволяет предположить, что скифы появлялись в предгорьях периодически (для сбора дани?), кочуя в основном севернее, в степях юга современной Украины. Свидетельством этого, возможно, является лощеная керамика кизил-кобинского типа, изредка находимая в раннескифских погребениях севернее Перекопа [3].

В V в. до н. э. обстановка меняется. Число скифских погребений в Крыму увеличивается. В это время устанавливаются широкие и прочные связи скифов с аборигенами. Скифы, обладая военным превосходством, вероятно, без особой борьбы подчинили себе жителей предгорий и части

[3] По публикации известно одно погребение VI в. до н. э. с юга Херсонщины [54, с. 112]. Другие, сосредоточенные преимущественно в Крыму [55], очевидно, являются погребениями, выделенными нами в группу 4.

побережья (следов внезапной гибели предгорных кизил-кобинских поселений нет; большинство их, как и прежде, не имеет искусственных укреплений [12, с. 48]). О подчиненном положении кизил-кобинцев, очевидно, свидетельствует почти полное отсутствие в их могильниках оружия.

В IV—III вв. до н. э. происходит массовое переселение в Крым скифов, сопровождавшееся переходом значительной части их к оседлости. Как следствие этого, в Крыму, прежде всего в предгорьях, возникает целая сеть скифских городищ. Примечательно, что подавляющее большинство их (включая столицу — Неаполь) расположено на территории, занимаемой прежде поселениями и могильниками носителей кизил-кобинской культуры [56, с. 4]. Как же складывались отношения между скифами и кизил-кобинцами в этот период? Многие исследователи считают, что экспансия скифов к югу привела к истреблению ими части местного населения и вытеснению оставшихся аборигенов в горные районы [25, с. 247; 56, с. 4]. В таком случае следовало бы ожидать заметного увеличения числа кизил-кобинских поселений и могильников IV—III вв. до н. э. в горах. Однако этого не наблюдается [12, с. 178]. Очевидно, вытеснение кизил-кобинцев, если и имело место, не было массовым. Нет и прямых доказательств истребления скифами местного населения. Скифские поселения возникали, как правило, по соседству с кизил-кобинскими, а иногда и на их территории. При этом интересно присутствие на большинстве скифских поселений значительного количества лощеной керамики, в том числе с геометрическим орнаментом [56, с. 10; 12, с. 175, 178]. Так как степняками-скифами в VII—III вв. до н. э. подобная керамика почти не употреблялась, естественно предположить заимствование ее у кизил-кобинцев (это касается не только самого приема лощения, но и некоторых керамических форм [57, с. 78; 25, с. 250]). При этом вполне допустимо присутствие на скифских городищах и некоторого количества кизил-кобинцев, с которыми в первую очередь и следует связывать лощеную керамику [36, с. 209]; начали использовать ее и скифы. Все это позволяет предположить, что если не все, то большая часть кизил-кобинского населения в IV—III вв. до н. э. продолжала поддерживать мирные отношения со скифами, обитая на незащищенных селищах, число которых к IV в. до н. э. заметно сокращается. Обычно этот процесс связывается с появлением в данном районе скифов. Отмеченный в ряде случаев хронологический разрыв между временем существования кизил-кобинских и соседствующих с ними скифских поселений—явление, по-видимому, не всеобщее. Возможно, запустение некоторых поселений объясняется переселением их жителей на скифские городища. Данное обстоятельство в еще большей степени способствовало сближению обеих культур, что нашло отражение и в погребальном обряде. Вместо катакомб скифы Крыма начали широко использовать каменные ящики, выложенные из плитняка либо цельных плит, изредка с пазами [22, с. 169, рис. 22]. Возможно, известный в более ранний период обычай повторных и скорченных захоронений кизил-кобинцев оказал определенное влияние на развитие подобного обычая у скифов Крыма [24, с. 15; 12, с. 85, 180; 25, с. 250].

Все сказанное выше не противоречит выводу, что на территории предгорного и части степного Крыма в эпоху раннего железа существовала значительная группа смешанного скифо-кизил-кобинского населения, с которой следует связывать большинство захоронений выделенной группы 4. Начало формирования этой группы относится к VII—VI вв. до н. э. Так, военные действия между возвратившимися из передневазиатского похода скифами и потомками слепых рабов происходили, очевидно, в западной части Керченского полуострова, где локализуется «ров слепых» [58, с. 61]. Потомки слепых рабов, происшедшие от браков скифянок с рабами (Her., IV, 1—3),— результат этнического смешения скифов с аборигенами, кизил-кобинцами предгорий (ср: [45, с. 208]). Можно предположить, что после возвращения скифов из Азии браки их с аборигенками не были редкостью. Так, в парных погре-

бениях 5 кургана 5 у с. Колоски и у с. Белоглинка мужские скелеты вытянуты, а женские — полускорчены, причем в первом случае лощеная керамика с гребенчатым орнаментом помещена рядом с женщиной (во втором случае ее положение неясно).

В IV—III вв. до н. э. (и позже) процесс этнического слияния продолжался; наблюдается нивелировка погребального обряда почти на всей территории степного и предгорного Крыма. Почти полное исчезновение, в особенности из погребений, с IV в. до н. э. лощеной керамики с резным орнаментом значительно затрудняет этническую атрибуцию ряда захоронений, отнесение их к числу скифских или кизил-кобинских. Некоторые повторные захоронения с большим количеством погребенных из крымских предгорий III в. до н. э.— I в. н. э., считающиеся скифскими, по некоторым элементам обряда (каменные гробницы с наклоном стен внутрь — Краснолесье (Тавель), курган 1/1897 г.; сочетание вытянутых и скорченных трупоположений, разнообразная ориентировка погребенных в одном захоронении — бывш. имение Черкеса, курган 2/1895 г., курган у юго-восточной окраины Симферополя и т. д. [59, с. 36—38; 60, с. 9; 10, с. 97]) могут рассматриваться и как смешанные скифо-кизил-кобинские, и как позднекизил-кобинские. В скифских могильниках IV—III вв. до н. э. иногда встречаются погребения того же времени с лощеной керамикой, по совокупности черт обряда определяемые как скифские (бывш. имение Талаевой, курган 2/1890 г.; д. Бахчи-Эли, курган 2/1924 г. [10, с. 96, 90]). Возможно, они принадлежат ассимилированным скифами кизил-кобинцам. Косвенно о процессе ассимиляции свидетельствуют антропологические данные по восточнокрымским скифским погребениям IV—III вв. до н. э., а также по мавзолею и каменным склепам Неаполя скифского [61, с. 181; 62]. Следует отметить, что сходная точка зрения (о полной или частичной ассимиляции крымских аборигенов скифами) отражена в работах ряда авторов [9, с. 229, 232; 13, с. 56; 63, с. 67 и др.].

Согласуется ли предлагаемая схема этноистории Крыма с данными письменной традиции? Источники эпохи эллинизма не оставляют сомнений в полиэтничности населения полуострова последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры. В Крыму в этот период кроме эллинов жили скифы, тавры, тавро-скифы (скифо-тавры), сатархи, тафрии, «земледельцы» [58]. Наиболее вероятной кажется следующая схема согласования письменных [58] и археологических (табл. 1, 2) данных, учитывающая асинхронность их большинства.

Группа 1. Ареал — степной Крым, позже предгорья. Культура — скифская, этнос — скифы. Группа 2. Ареал — горы, Южный берег Крыма. Культура — крымская мегалитическая, этнос — тавры. Группа 3. Ареал — предгорья, часть степи и побережья. Культура — кизил-кобинская, родственная крымской мегалитической при наличии степных (позднесрубно-киммерийских), тамано-кавказских и, возможно, других элементов. В пользу последнего говорит определенное сходство кизил-кобинской керамики с лощеной посудой VII—V вв. до н. э. Березани, Ольвии, Ягорлыцкого и других поселений. Что это было за население, керамический комплекс которого включал местный позднесрубный, фракийский и лесостепной элементы[4], было ли оно генетически связано с населением крымских предгорий — еще предстоит выяснить. В Геродотово время на кизил-кобинцев почти наверняка распространялся этноним «тавры» ввиду сходства их культуры с таврской (поэтому-то тавры, по Страбону, «раньше» населяли наибольшую часть Крыма от перешейка (Акмонайского) до Каркинитского залива, т. е. жили и в предгорьях, и в части степи [58, с. 53, 62]). В IV—III вв. до н. э. кизил-кобинская культура в археологическом отношении угасает. Очевидно, основная причина этого — ассимиляция кизил-кобинцев скифами, приведшая к формированию новой этнической общности — тавро-скифов (скифо-тавров), известных

[4] Степной скифский элемент появился там лишь с рубежа VI—V вв. до н. э. вместе с исчезновением лесостепного и фракийского [64].

по письменным источникам с I в. н. э. Область обитания тавро-скифов [58, с. 64, рис. 1] практически совпадает с ареалом предшествующей кизил-кобинской культуры. Группа 4. Ареал — предгорный и степной Крым. Культура — скифоидная (смешанная скифо-кизил-кобинская). Этнос — преимущественно смешанный. Данная группа хорошо фиксируется в VII—V вв. до н. э., но нет сомнения, что население, оставившее захоронения данной группы, продолжало существовать и позже; об этом ясно свидетельствуют погребения IV—III вв. до н. э. (табл. 1, 2, гр. 4*а*) и более поздние. Но необходимо учитывать, что в данной группе (вследствие специфики выбранного этнического индикатора — лощеной керамики, имеющей широкий этнокультурный ареал) могут оказаться отдельные захоронения кизил-кобинцев и даже скифов. Четко выделить их (если они все-таки попали в группу 4) на данном уровне исследования трудно.

Итак, в IV—III вв. до н. э. этнические общности, оставившие памятники групп 3 и 4, практически сливаются, составив смешанный скифо-аборигенный этнос. Не исключена вероятность участия в этом процессе и других этнических групп — синдов, меотов, сарматов, но при этом доминирующим компонентом оставался скифский. Позже, в источниках II в. до н. э.—III в. н. э., в зависимости от района обитания и особенностей культуры смешанное скифо-аборигенное население упоминается под именами тавро-скифов (предгорья), сатархов — «земледельцев» (Северо-Западный Крым), тафриев (Присивашье, северное побережье Керченского полуострова) [58, с. 64, рис. 1]. Памятники, относящиеся конкретно к культуре тафриев, сатархов-«земледельцев», пока почти невыделимы. Возможно, таковыми являются, например, погребальные памятники у д. Ойбурчук (Буревестник), некрополь Панское-I (частично), отдельные поселения (Чоротай) и др. [41, с. 49, 50, 55]. Аргіорі можно предполагать определенную близость тафро-сатархских памятников памятникам прежде всего скифской и кизил-кобинской культур.

В эпоху позднего эллинизма смешанное население, очевидно, составляло значительную, если не большую, часть негреческого населения полуострова. В этой связи интересно отметить, что такие осведомленные авторы, как Плиний, Мела, Птолемей, о скифах как самостоятельном этносе в Крыму не говорят, упоминая сатархов, тафриев (?), тавриков. Процессу этнического слияния способствовал переход массы скифов к оседлости и также внутри- и внешнеполитическая обстановка — складывание Скифского царства в Крыму, борьба с Херсонесом и Боспором, и т. д.

Определенная часть горцев-тавров в рассматриваемый период избежала ассимиляции, сохранив свой этнический облик [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яценко И. В., Ольховский В. С.* Раскопки курганов у с. Колоски — АО — 1976. М., 1977.
2. *Ольховский В. С.* Исследования курганов у с. Колоски — АО — 1979. М., 1980.
3. *Ольховский В. С.* Раскопки у с. Колоски — АО — 1977. М., 1978.
4. *Ольховский В. С.* Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1978.
5. *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
6. *Домбровский О. И., Шепинский А. А.* Археологические загадки Красных пещер.— В кн.: Как раскрываются тайны. Симферополь: Крымиздат, 1962.
7. *Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, 1972, № 6.
8. *Шульц П. Н., Столяр А. Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.— КСИИМК, 1958, вып. 71.
9. *Троицкая Т. Н.* Погребение у села Белоглинки.— СА, 1957, XXVII.
10. *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, вып. 1.
11. *Лесков А. М.* Раннетаврские могильники горного Крыма.— АСб. ГЭ, 1961, вып. 2.
12. *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965.
13. *Крис Х. П.* Кизил-кобинская культура и тавры.— САИ, вып. Д1-7. М., 1981.

[5] Так, автор VI в. н. э. Прокопий знает в Крыму одновременно и тавров, и тавро-скифов [65, с. 249].

14. *Корпусова В. М., Орлов Р. С.* Могильник VI—IV ст. до н. е. на Керченському півострові.— Археологія, 1978, № 28.
15. *Кругликова И. Т.* Каменные ящики у д. Рыбное.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
16. *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, 1961, № 1.
17. *Дирин А. А.* Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки.— ЗООИД, 1896, т. XIX.
18. *Масленников А. А.* Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове.— КСИА АН СССР, 1980, вып. 162.
19. *Крушкол Ю. С.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской.— УЗ МОПИ, 1963, т. CXV, всеобщая история, вып. 4.
20. *Карасев В. Н., Сопова Н. К., Ульянченко С. М.* Раскопки на хут. Рассвет.— АО — 1976. М., 1977.
21. *Алексеева Е. М., Десятчиков Ю. М., Масленников А. А.* Исследование Горгиппии и ее хоры.— АО — 1974. М., 1975.
22. *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
23. ОАК за 1892 г. Спб., 1894.
24. *Троицкая Т. Н.* Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. канд. дис. Симферополь: ИИМК АН СССР, 1954.
25. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
26. *Шепинский А. А.* Марьинские курганы эпохи бронзы.— ЗОАО, 1960, т. I.
27. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д4—5. М., 1978.
28. *Масленников А. А.* Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое.— КСИА АН СССР, 1978, вып. 156.
29. *Яковенко Е. В.* Про кулясті курильниці IV—I ст. до н. е.— Археологія, 1971, № 2.
30. *Костанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981.
31. *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3.
32. *Колотухин В. А.* Поселение кизил-кобинской культуры в Холодной балке у Симферополя.— СА, 1979, № 3.
33. *Крайнов Д. А.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма.— МИА, 1960, № 91.
34. *Кругликова И. Т.* Памятники эпохи бронзы из Киммерика.— КСИИМК, 1952, вып. XLIII.
35. *Бобин В. В.* Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
36. *Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом.— СА, 1963. № 4.
37. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981.
38. *Яковенко Е. В.* Ліпна кераміка VI—V ст. до н. е. з Німфея.— Археологія, 1978, № 27.
39. *Голенцов А. С.* К вопросу о существовании догреческого поселения на территории Керкинитиды.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
40. *Грач Н. Л.* К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI—V вв. до н. э.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
41. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
42. *Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 1966, № 4.
43. *Щепинский А. А.* Во тьме веков. Симферополь: Крым, 1966.
44. *Крис Х. И.* О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира.— СА, 1976, № 2.
45. *Щеглов А. Н.* Тавры и греческие колонии в Таврике.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
46. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
47. *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году.— ИАК, 1904, вып. 4.
48. *Щепинский А. А.* Крымская охранно-археологическая экспедиция.— АО — 1968. М., 1969.
49. *Щепинский А. А.* Работы Северо-Крымской и Крымской охранно-археологической экспедиции.— АО — 1970. М., 1971.
50. *Щепинский А. А.* Северо-Крымская экспедиция.— АО — 1972. М., 1973.
51. *Кашпар А.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским летом 1895 года.— ИТУАК, 1896, № 24.
52. *Репников Н. И.* О новейших раскопках крымских «дольменов».— ИГАИМК, 1935, вып. 117.

53. *Соколова К. Ф.* Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным).— ВА, 1960, вып. 3.
54. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
55. *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика степных раннескифских погребений.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
56. *Дашевская О. Д.* Скифские городища Крыма. Автореф. канд. дис. М.: ИИМК АН СССР, 1954.
57. *Висотська Т. М.* Ліпний посуд Неаполя Скіфського.— Археологія, 1979, № 32.
58. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов.— СА, 1981, № 3.
59. ОАК за 1897 г. Спб., 1900.
60. ОАК за 1895 г. Спб., 1897.
61. *Жиляева-Круц С. И.* Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964—1967 гг.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
62. *Кондукторова Т. С.* Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними.— МАУ, 1964, вип. 3.
63. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
64. *Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К.* Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, ольвийская округа).— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
65. *Прокопий.* О постройках.— ВДИ, 1939, № 4.

V. S. Olkhovsky

ON THE CRIMEAN POPULATION IN THE SCYTHIAN TIMES

Summary

In the introductory part of the article the author analyses materials from six mounds at the Koloski village in the North-West of the Crimea. Ten burials discovered in them are dated to the 6th-3rd centuries B. C. Some of them contained geometrically ornamented burnished ceramics. For the purposes of establishing ethnic affiliation of the buried the author compares the Koloski burials with other Crimean burials of the 8th-3rd centuries B. C. which he arranges into four groups: 1) burials identical to the Scythian burials of the steppe Circumpontic area, of the Scythian ethnic affiliation; 2) megalithic tombs of the mountainous part on the Crimea, of the Tawrian ethnic affiliation; 3) piedmont burials characterised by burnished ceramics with carved ornaments, of the Kizil-Kobynian ethnic affiliation, and 4) piedmont ground and all steppe burials characterised by burnished ceramics, of unidentified ethnic affiliation. The author relates the Koloski burials to the 1st and 4th groups and proposes mixed Scythian-Kizil-Kobynian ethnic affiliation of the buried of the 4th group. He traces the process of assimilation of the Crimean aborigenes by the Scythians. Mixed Crimean population in the epoch of the Late Hellenism, according to the author, was referred to as Tawro-Scythians (in the peidmont region), Satarkhians and agriculturalists (north-western Crimea), Tafrians (the Sivash region and part of the Kerch Peninsula).

ЦОЛЛЬ-АДАМИКОВА Е.

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КУРГАНАХ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Благодаря исследованиям на современном методическом уровне раннесредневековых могильников с трупосожжением в настоящее время обнаруживаются следы разного типа неизвестных или слабо изученных до сих пор особенностей обряда. В последнее время получено много новых данных для реконструкции сооружений и в курганах с трупосожжением. В настоящей работе мы рассмотрим только деревянные конструкции, вполне отдавая себе отчет в необходимости изучения всех других сооружений (каменных, земляных и т. п.), известных в раннесредневековых курганах.

Работу над данной темой значительно облегчило появление тщательного исследования З. Д. Бессарабовой [1, с. 65—82] о курганах с трупосожжением и деревянными сооружениями у восточных славян, а также свода сведений о похожих конструкциях на территории западного славянства [2, с. 73—119] [1]. В этих двух работах содержатся подробные данные и библиография, относящаяся к 153 курганам из 54 могильников [2] (см. рис. 1). Здесь мы ограничимся только сжатой характеристикой отдельных типов конструкций, а также подведением итогов, вытекающих из анализа их связи с типом погребения и их распространения.

При типологической классификации нами приняты несколько иные, чем у З. Д. Бессарабовой, критерии. Главной чертой признано место конструкции в кургане, а затем ее форма и способ соединения и установки (горизонтально или вертикально) конструктивных элементов [3].

Величину же всего сооружения, размеры его составных частей, направление по сторонам света, а также обожжена древесина или нет — все эти признаки отнесены нами к второстепенным. По этому принципу, кроме типологически неясных объектов, выделено три основных типа деревянных конструкций в славянских курганах с трупосожжением [4].

[1] К учтенным в этой статье материалам из западнославянских могильников надо добавить недавно открытые оградки в курганах на территории ГДР в Гахро [3, с. 129—158].

[2] Состав памятников в обеих указанных выше работах основан, однако, на несколько иных принципах подбора источников. В моей работе отобраны только объекты, где бесспорно констатированы элементы деревянных конструкций или столбовые ямы, притом в явно неслучайной расстановке. Я не принимала во внимание, например, четырехугольные площадки пережженной глины, канавки или земляные насыпи, если в них не сохранились следы древесины, а также неопределенные остатки древесины с неясным расположением. С другой стороны, я включила в состав источников несколько курганов из северной пограничной полосы славянства, этническая принадлежность которых дискуссионна.

[3] В статье сохранена номенклатура типов, уже принятая в литературе, хотя она и не отражает главного различия между типами, которое заключается в разном положении конструкций в кургане. Она указывает только на функциональное отличие. Однако это взаимосвязанные явления, так как от ритуальной функции конструкции зависело ее место в кургане.

[4] В предыдущей статье автора на эту тему выделены четыре типа конструкций: I — кострище, II — камеры, III — оградки, IV — внекурганные конструкции. В предлагаемой теперь схеме как тип I классифицируются внекурганные конструкции, а не кострища, так как они являются остатками не погребальных конструкций в точном значении этого слова, а устройств, связанных с другим этапом похорон. Остатки кострищ в курганах часто встречаются не только на кладбищах смешанных славяно-скандинавско-финских (или только славяно-скандинавских) типа Шестовицы, Гнездово, Тимерево или Ральских (на о. Рюген). Из бесспорно славянских погребений заслуживает внимания часть кострища, открытая в кург. 3 в Корнатке. Это были

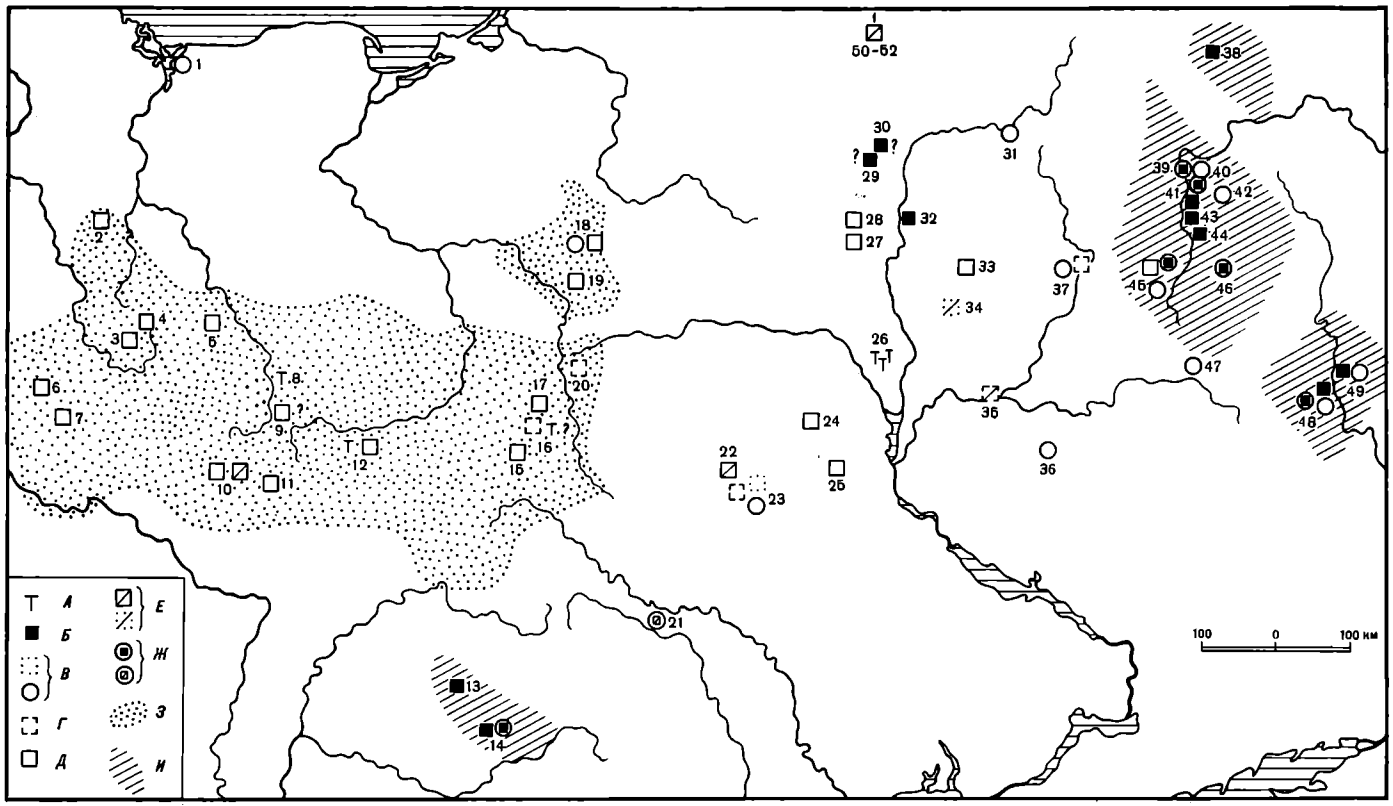


Рис. 1. Типы деревянных конструкций из славянских курганов с трупосожжением:

А — тип I, надкурганные конструкции; Б — тип II, камеры; В—Д — тип III, оградки (В — из вертикальных элементов, кольцевые и четырехугольные, Г — из вертикально-горизонтальных элементов, Д — из горизонтальных элементов); Е — неопределенные четырехугольные конструкции из элементов горизонтальных, горизонтально-вертикальных и вертикальных; Ж — камеры и неопределенные четырехугольные конструкции вместе с вертикальной оградкой кольцевой или четырехугольной; З — предполагаемая область западно-центральной зоны; И — предполагаемая область восточной зоны; *1* — Волин, *2* — Гахро, *3* — Надслав, *4* — Праховске Скалы, *5* — Бендковице, *6* — Пиёвице, *7* — Вшехляпы, *8* — Избицко, *9* — Рацибож-Обора, *10* — Бойковице, *11* — Битарова, *12* — Корнатка, *13* — Нушфалэу, *14* — Сомешени, *15* — Дахнов, *16* — Гуциов, *17* — Липско, *18* — Беловежская пуща, *19* — Радость, *20* — Головно, *21* — Чепоносы, *22* — Большие Горбаши, *23* — Мирополь, *24* — Межирички, *25* — Нежиловичи, 26 — Пожарки, Малейки, Пашковка, *27* — Большая Ольса, *28* — Красный Берег, *29* — Арава, *30* — Синчуки, *31* — Дубосище, *32* — Воронино, *33* — Красная (Попова) Гора, *34* — Демьянки, *35* — Сосница, *36* — Малые Будки, *37* — Полужье, *38* — Горышкино, *39* — Доброе, *40* — Западная, *41* — Черепеть, *42* — Тризново, *43* — Песковатое, *44* — Воронец, *45* — Лебедка, *46* — Воротынцево, *47* — Шуклинка, *48* — Боршево, *49* — Воронеж, *50* — Ерусалимская, *51* — Ерошиха, *52* — Октябрьское

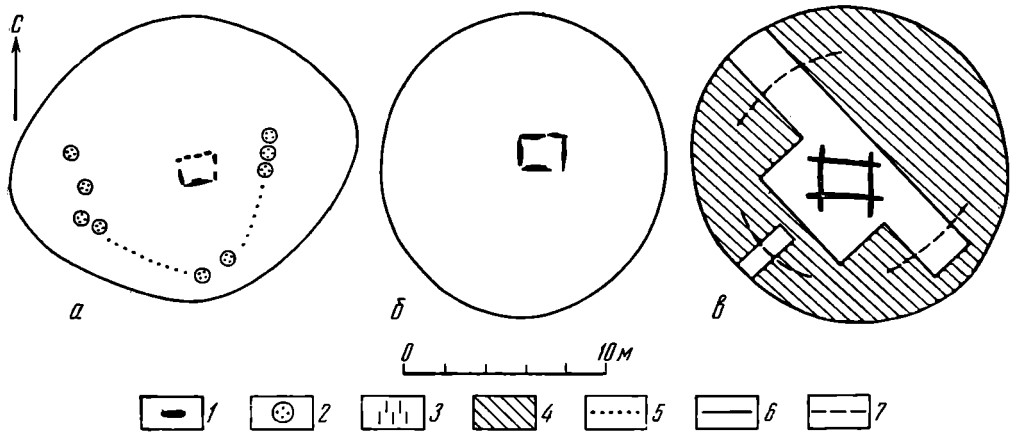


Рис. 2. Конструкции типа II (*а—в*) и IIIA (*а*): *а*, *б* – Сомешени, *в* – Нушфалэу, *1* – древесина, *2* — столбовые ямы, *3* — прокаленная почва, *4* — неисследованная часть кургана, *5* — реконструированные части конструкции, *6* — современная окружность кургана, *7* — древняя окружность кургана

Тип I — это открытые пока в шести систематически исследованных курганах на трех могильниках и в восьми из старых раскопок в бассейне р. Брагинки остатки каких-то неопределенных конструкций, сооруженных на вершине или у подножия насыпи кургана, возможно, на столбах. В непосредственной близости к остаткам этих «построек», тоже исключительно в так называемом внешнем слое насыпи, находилась основная масса обломков костей и фрагменты урн. Тип II — это камеры, выявленные в 60 курганах на 16 могильниках (рис. 2; 3, *а*, *в*, *д—ж*). Это сооружения, относительно небольшие по сравнению с величиной кургана, как правило, расположенные у его края, в виде ящиков, построенных из одного или нескольких венцов толстых плах, бревен, иногда вертикальных и горизонтальных элементов. Почти половина камер имела плоскую крышу и пол из досок, или только крышу, или только пол (деревянный, иногда глиняный). В большинстве камер не было одной стены со стороны края насыпи; часто выступающие вместе с камерами вертикальные оградки (тип IIIA) тоже были в этом месте прерваны [1, с. 73]. Тип III— это оградки, расположенные по краю курганов; по строительному материалу они разделены на три подтипа (А, Б, В). IIIA — оградка из вертикальных столбов, столбиков, иногда толстых плах. Обнаружены они в 50 курганах на 16 могильниках (рис. 2, *а*; 3, *а*, *б*, *г—ж*). Преобладающая часть этих частоколов расположена по кругу, в четырех случаях — четырехугольником. IIIБ — обычно четырехугольные оградки из одного венца горизонтально лежащих бревен и соединявших (?) их столбов, поставленных обычно в углах или посередине стен (открыты в 5 курганах на 4 могильниках) (рис. 4, *а*). IIIВ — четырехугольные оградки из одного (редко больше) венцов горизонтальных бревен, иногда кольев или плах, соединенных, вероятно, в виде сруба. Обнаружены в 44 курганах на 20 могильниках (рис. 4, *а—д*, *ж—о*). Эти четырехугольники строились чаще всего с некоторыми отклонениями от главного направления запад — восток, т. е. на ЮЗЗ — СВВ или на СЗЗ — ЮВВ. Реже углы или стены были направлены точно по сторонам света. Существенно, что в пределах одного могильника оградки типа IIIВ ориентированы обычно

остатки конструкции (сохранившиеся только под слоем больших камней) в виде одного яруса бревен, поперечных по отношению к более длинной оси штабеля и столбиков, вбитых между бревнами. Целая постройка, размерами в 2×1,2 м, находилась на сильно пережженной почве; в ее пределах лежали кости двух-трех погребенных. В кург. 24 у дер. Пересаж [4, с. 101] найдено даже два слоя решетки из бревен размерами 2×1 м. Кострища на других могильниках не могут быть признаны остатками настоящих кремационных устройств, так как везде не хватает какого-либо из четырех необходимых элементов: деревянной конструкции в виде решетки, либо подходящей величины всего сооружения, необходимой для сожжения человеческих останков, либо обожженной почвы или остатков пережженных костей.

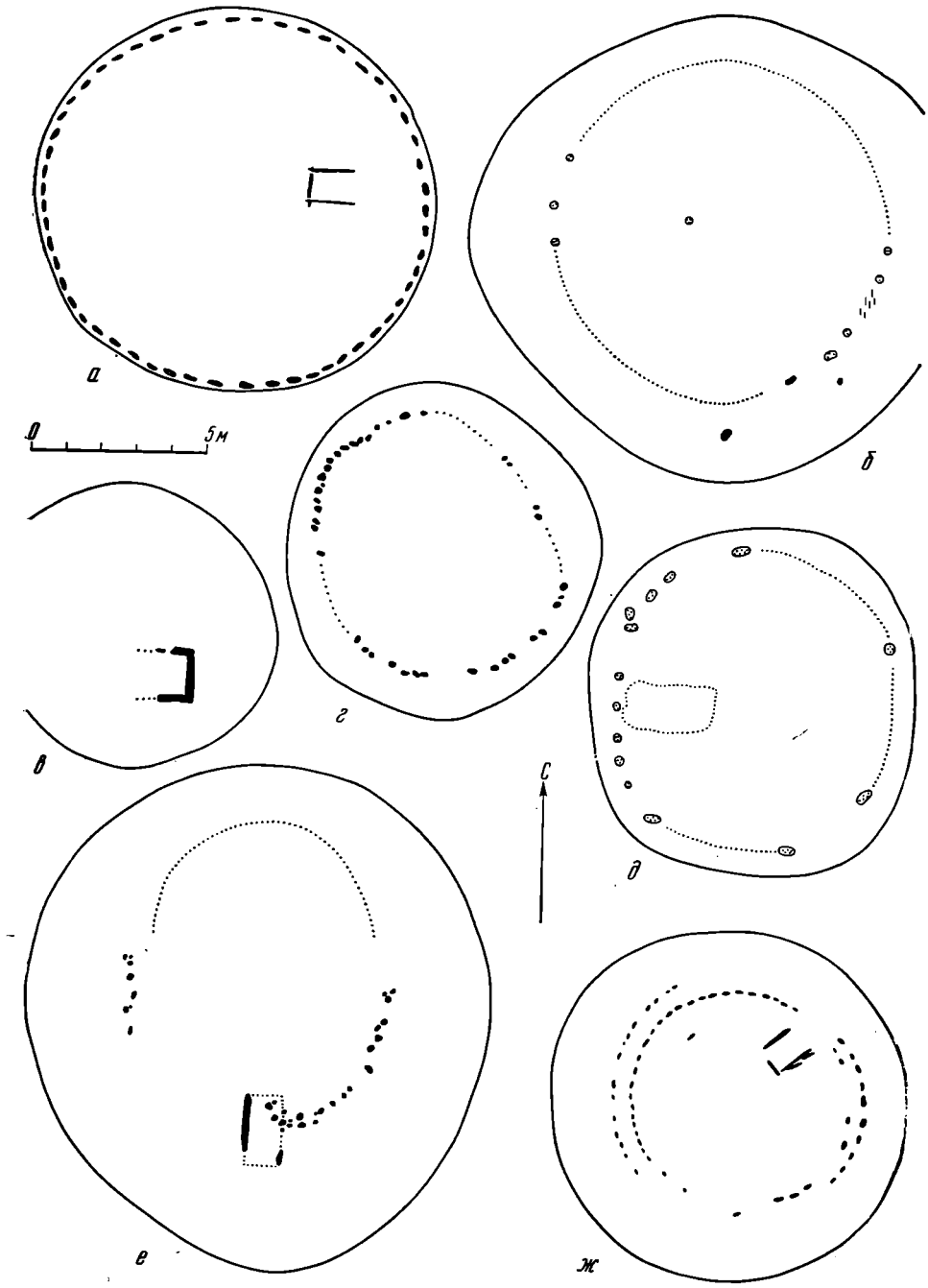


Рис. 3. Конструкция типа II (*а, в, д—ж*) и IIIа (*а, б, г—ж*): *а, ж* – Боршево, *б* — Тризново, *в* — Горышкино, *г* — Дубосище, *д* — Доброе, *е* — Воротынцево. Условные обозначения, как на рис. 2

одинаково; разницу составляет отклонение буквально в несколько градусов.

Самые четкие связи с видом погребения прослеживаются для конструкций типа II. Здесь все без исключения камеры содержали погребения урновые или безурновые, уложенные прямо на пол камер. В них заключались остатки нескольких погребенных, похороненных скорее всего не одновременно. Как считается в литературе [1, с. 73], для облегчения многократного доступа внутрь камер их специально сооружали на краю кургана, оставляя их как бы открытыми и перерывая в этом месте плотный ряд вертикальной оградки или размещая здесь иногда отдельные валуны и ориентировочные столбики.

Немногочисленные обнаруженные до сих пор конструкции типа I — надкурганные (если мы правильно реконструируем их) — представляют

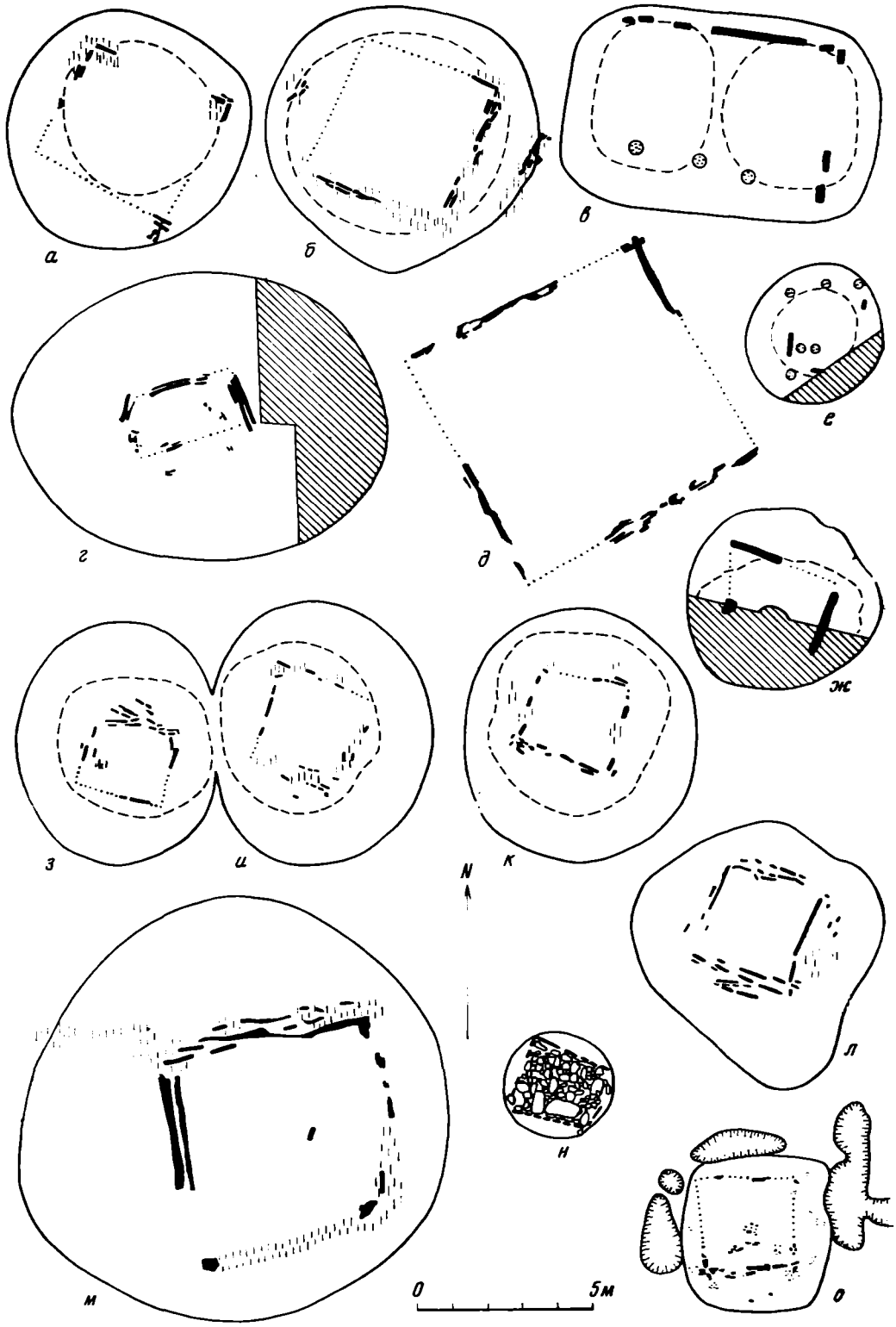


Рис. 4. Конструкции типа IIIБ (*е*) и IIIВ (*а—д*, *ж—о*): *а*, *б* — Корнатка, *в* — Вшехляпы, *г* — Дахнов, *д* — Липско, *е* — Мирополь, *ж* — Межирички, *з—л* — Праховске Скалы, *м* — Битарова, *н* — Бендковице, *о* — Гахро. Условные обозначения те же, что на рис. 2, 3

собой также урновые погребения, но не в насыпи, а на ее поверхности [5, с. 126—132]. В свете антропологических анализов видно, что и здесь отдельные курганы были общей могилой многих погребенных, похороненных, по всей вероятности, не одновременно. Именно погребальные конструкции I типа в виде «домиков умерших», установленных на верхушке кургана, делали возможными неоднократные урновые подзахоронения.

Конструкции типа I и II мы могли бы, таким образом, причислить к одной функциональной группе погребальных сооружений, являющихся по существу коллективными (семейными?) деревянными усыпальницами.

Оградки же как специальное устройство, окружающее весь могильный комплекс, а не только погребение, принадлежат уже ко второй функциональной группе. Они известны с погребениями как *надкурганными* (преобладающая часть оградок типа IIIВ и по одному из типов IIIА и IIIБ), *насыпными* (две оградки типа IIIА), так и подкурганными: с камерами (почти все оградки типа IIIА) или на уровне слоя с трупосожжением (пять оградок типа IIIА, две — типа IIIБ и пять типа IIIВ). Было выдвинуто уже много предположений о назначении оградок. Наиболее вероятной мне представляется гипотеза о их магической функции — ритуальной изоляции могилы, а тем самым изоляции умершего от мира живых [6, с. 13; 7, с. 153]. Это единственная концепция, способная объяснить все типы оградок, причем довольно вероятная с точки зрения данных письменных источников и этнографических аналогий. Не исключено, что оградки типа IIIА служили вначале прежде всего для укрепления насыпи [8, с. 210], но потом этот обычай, вызванный вначале практическими потребностями, мог найти себе другое, магически-культовое обоснование. Оградки типа IIIБ и IIIВ принято объяснять как символ дома, предназначенного для умерших [7, с. 101, 152; 8, с. 210; 1, с. 75]. Однако возможно, что подлинными домами умерших были «постройки» типа I, а четырехугольники из бревен исполняли главным образом роль магической границы, отделяющей два мира — жизни и смерти.

Конечно, окончательное решение всех поставленных выше вопросов пока невозможно. Такими же чисто теоретическими остаются пока рассуждения о причинах, обусловивших наличие деревянных конструкций только в некоторых курганах и отсутствие их в преобладающем большинстве курганов (мотивы исключительно культово-магического характера, имущественное или социальное расслоение?).

Основная масса деревянных конструкций, кроме сооружений, датированных широко всем ранним средневековьем, может быть отнесена к одной хронологической стадии — к середине (концу) VII в. и до X в. (на юге от Судетов и Карпат — до IX в.). Только пять курганов относятся к VI—VII вв. Среди них оградки из вертикальных элементов в кургане у с. Дубосища (середина I тысячелетия н. э.) надо признать или древнейшим звеном оградок типа IIIА (принимая раннюю точку зрения В. В. Седова) [9, с. 12], или их прототипом среди древней, дославянской культуры (следуя новым взглядам этого и других исследователей [10, с. 10, 11]) [5]. Остальные четыре ранних кургана имели неопределенные конструкции или конструкции типа IIIА и IIIБ, но в не очень типичной форме. Затем, не находя и в этих древнейших, уже без сомнения славянских объектах, прототипов большинству выделенных типов конструкции, мы должны констатировать, что их происхождение пока не объяснено [16, с. 8—12].

На карте (рис. 1) достаточно выразительно вырисовываются две основные зоны распространения деревянных конструкций: восточная (на верхней Оке и среднем Дону) и западноцентральная (от верхней Лабы до бассейна Буга). Первая из них заселена племенами роменско-боршевской культуры, вторую можно определить как территорию, являющуюся южной культурной провинцией западного славянства. Общие черты обеих зон: I — появление во многих курганах погребений нескольких человек; 2 — сосуществование в некоторых могилах конструкций одной

---

[5] Не вступая во все еще незаконченную дискуссию об этнической принадлежности культур V—VII вв. н. э. в бассейне верхнего Днепра и Оки, стоит только отметить, что именно в их пределах были зарегистрированы как будто прототипы оградок типа IIIА в виде столбового круга (Дубосище) или в виде кольцевых и четырехугольных канавок (Почепок, Шаньково, Беседы, Кветунь, Семурадцы [11, с. 294—297; 12, с. 102—105; 13, с. 91, 92; 14, с. 97, 98; 15, с. 65—67; 121, 122].

или обеих функциональных групп, т. е. помещений для погребения и оградок. Элементами, различающими обе зоны, являются: 1 — тип конструкций; 2 — вид погребения. В восточной зоне господствуют подкурганные погребения исключительно с конструкцией типа II и с оградкой в преобладающем большинстве конструкции типа IIIA. Есть основание считать, что в западноцентральной зоне надкурганные погребения совершались в конструкциях типа I, а в оградках — исключительно конструкции типа IIIB.

Эти две области с определенным видом погребения и типом конструкции разделяет огромное пространство право- и левобережного Днепра, где деревянные конструкции встречаются как будто реже и не имеют однородного характера. Здесь обнаружены немногочисленные деревянные сооружения, представляющие все главные типы конструкций: надкурганные конструкции (I), камеры (II), оградки типа IIIA, Б, В, а также неясные конструкции с остатками древесины. Знаменательно, что именно на этой промежуточной территории сосредоточиваются немногочисленные в общем оградки типа IIIБ. Конечно, на основе этих немногих пока находок невозможно с уверенностью говорить, в какой степени они являются отражением действительных закономерностей ритуала, а в какой степени результатом состояния исследований (относительная трудность обнаружения, особенно при старых, недостаточно тщательных исследованиях остатков древесины в сооружениях типа I или IIIB, расположенных во внешнем, более разрушаемом слое, по сравнению, например, с легко заметными, покрытыми насыпью камерами-ящиками). Пока также нельзя объяснить появление оградки типа IIIA в единственном из 77 исследованных курганов в Волине, расположенном в зоне, связь которой со славянским населением проблематична [5, S. 227—230].

Особенного внимания заслуживают курганные могильники (два достоверных — Нушфалэу, Сомешени и сомнительные — Апахида) [17, p. 722] VIII — начала IX в. в северной Трансильвании. Вид погребения и тип деревянных конструкций в них поразительно похож на те, которые характерны для восточной зоны. Хотя можно отметить отличие (румынские камеры расположены скорее в центре насыпи, имеют обычно все четыре стены и часть из них (Сомешени) уходит в материк), однако основные их черты одинаковы: коллективные погребения в деревянных ящиках, относительно небольших по сравнению с величиной кургана, с полом, выложенным плахами, иногда прикрытых крышей и окруженных в ряде случаев вертикальной оградкой (Сомешени). Учитывая это типологическое и хронологическое сходство обеих отдаленных друг от друга групп могильников и факт позднего (вторая половина VII в.) заселения Трансильвании славянами, можно попытаться объяснить их как результат переселения с Дона в Карпатскую котловину группы населения, которая какое-то время соблюдала свой прежний погребальный обряд, приняв, однако, местную материальную культуру.

На восточнославянский генезис деревянных конструкций в румынских курганах обратили внимание в последнее время З. Курнатовская [18, с. 184] и М. Комша [19, с. 96—100]. В статье М. Комши верно подчеркнуто большое сходство камер из Нушфалэу и вертикальных оградок из Сомешени с конструкциями в боршевских курганах, а тем самым возможность восточнославянского происхождения населения, захороненного в Румынии. Однако трудно согласиться с мнением о сходстве вышеупомянутых сооружений с горизонтальными оградками, наличие которых в бассейнах Вислы, Одера и Лабы якобы свидетельствует о проникновении славянских племен из левобережья Днепра в Трансильванию через территории Польши и Чехии. Выше были указаны основные отличия как в конструкции, так и в функциях между четырехугольными оградками из горизонтальных элементов (тип IIIB) и камерами (тип II), характерными для восточной зоны и для курганов северной Румынии. Поэтому оградки типа IIIB ни в коем случае не могут быть признаны звеном, связывающим два изолированных ареала, ни тем самым доказательством переселения восточнославянского населения в Трансиль-

ванию через земли по Висле и Лабе. Я склонна реконструировать сооружения в курганах из Сомешени иначе, чем М. Комша: не как деревянные площадки над ямами, а как типичные деревянные срубы с полом из досок, которые в отличие от камер боршевских курганов были углублены в ямы. Кроме того, кажется, что хронологию румынских могил можно расширить на целый так называемый позднеаварский период, т. е. на VII/VIII—VIII/IX вв.

Часть упомянутых наблюдений о функции отдельных типов конструкций, их хронологических и территориальных пределах была уже проделана раньше [1]. Новым в настоящей работе является прежде всего трактовка конструкции всех погребальных сооружений и установление связи их с видом погребения. На этом основании можно считать, что в двух достаточно отдаленных друг от друга районах славянства принципиальные основы культовых представлений были сходны, отличаясь больше внешними формами их проявления (разные конструкции устройств, исполняющих ту же функцию, другое размещение погребений) чем их основным содержанием. Не считая эти выводы окончательными, а лишь очередным этапом исследования, основанным на подведении итогов изучения источников, от дальнейших исследований надо ожидать уточнения, а также более точного определения погребальных конструкций на территории, разделяющей обе отчетливо намеченные зоны. Новые материалы могут улучшить или дополнить применяемую сейчас типологическую классификацию конструкций (например, открытие еще неизвестных устройств), а также уточнить карту их распространения, базирующуюся пока на достаточно ограниченном количестве пунктов на огромной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессарабова З. Д.* Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы.– АСб. ГЭ, 1973, № 15.
2. *Zoll-Adamikoma H.* Typy konstrukji drewnianych w słowiańsnich kurhanach ciałopalnych.– AAC, 1977/79, t. 17.
3. *Wetz el G.* Slawische Hügelgräber bei Gahro. Kr. Finsterwalde.– In: Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam, 1979, B. 12.
4. *Ширинский С. С.* Курганы X в. у дер. Пересаж.– КСИА АН СССР, 1969, № 120.
5. *Zoll-Adamikowa H.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski, cz. 11 Analiza, wnioski. Wrocław, 1979.
6. *Kostrzewski J.* Obrządek ciałopalny u plemion polskich i Słowian północno-zachodnich. Warszawa, 1960.
7. *Zoll-Adamikowa H.* Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kornatki, pow. Myślenice.– AAC, 1968, t. 10.
8. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.– МИА, 1961, № 94.
9. *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов.– КСИА АН СССР, 1960, № 81.
10. *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей.– КСИА АН СССР, 1973, № 135.
11. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.— Л.: Наука, 1966.
12. *Арциховский А. В.* Большой беседский курган.– МИА, 1970, № 176.
13. *Артишевская Л. В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне.– МИА. 1963, № 108.
14. *Падин В. А.* Ранние курганы Кветунского могильника.– МИА, 1970, № 176.
15. *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины. Минск: Изд-во Ин-та истории АН БССР, 1969.
16. *Носов Е. Н.* К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры.– КСИА АН СССР, 1974, № 139.
17. *Rusu M.* Note asupra relaţiilor culturale dintre Slavi şi populaţiă romanică din Transilvania (sec. VI—X).– Apulum, 1971, t. 9.
18. *Kurnatowska Z.* Słowiańszczyzna południowa. Wrocław, 1977.
19. *Комша М.* Восточные элементы в погребальном обряде курганных могильников у с. Нушфалэу и Сомешени (Северо-Западная Румыния).– В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

H. Zoll-Adamikowa

WOODEN CONSTRUCTIONS IN CREMATION MOUNDS OF THE EASTERN AND WESTERN SLAVS

Summary

The Slavonic mounds dated to the end of the 7th-10th centuries contain wooden constructions of three types: Type I—a construction on the top or at the foot of a mound; Type II—a chamber inside the mound; Type III—circular or rectangular walls inside the mound which, in turn, can be divided into a number of sub-types: IIIa—walls of vertically placed pillars; IIIb—walls of horizontally placed pillars; IIIc—framework structures. The constructions of the first two types contained collective burials, the constructions of the third type performed ritual function of isolating the living from the dead. The author singles out two basic zones identical in cult and rituals but differing in the character of constructions: in the eastern zone inhabited by the tribes of the Romny-Borshevo culture in the upper reaches of the Oka and the middle Don constructions of the II and IIIa types predominated while in the western zone (from the upper reaches of the Labe to the Bug river) constructions of the I and IIIb type predominated. On the territory between these two zones there was found a number of mounds containing constructions of different patterns. The mounds in Transilvania contained constructions typical of the eastern zone.

МАКАРОВА Т. И.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ

Для датировки памятника архитектуры в тех случаях, когда о времени его сооружения нет письменных свидетельств, пользуются обычно методом аналогий. Он состоит в том, что для ряда характерных особенностей памятника (планировка, пропорции, характер кладки, декор фасадов и т. д.) находят параллели в других постройках. Даты последних служат отправным пунктом для определения времени строительства исследуемого здания.

Однако каждому конкретному памятнику архитектуры присущи свои особенности; одни из них без изменения унаследованы от предшествующей эпохи, другие претерпели определенную трансформацию, третьи представляют собой бесспорное новшество. Отдельные особенности могут оказаться специфическими для узкого отрезка времени и определенного региона. Естественно, что значимость их для датировки различна. Дополнительную сложность для датировки древнего здания создают различные ремонты и перестройки, оставляющие на нем следы, характерные для своего времени и часто сильно искажающие его первоначальный облик. Поэтому совершенно необходимым оказывается строгий анализ тех признаков, по которым предполагается проводить сравнение с другими памятниками. Как правило, такого источниковедческого анализа в работах историков архитектуры не содержится. Вместо этого мы находим в этих работах указания на отдельные черты, общие для исследуемого здания и зданий, привлекаемых в качестве аналогий.

Можно сказать, что метод датировки архитектурного объекта по аналогиям еще ждет своей разработки, а пока оставляет обширное поле для субъективных и разноречивых суждений.

Далеко не единственный пример подобного положения дел демонстрирует ситуация, с которой мы сталкиваемся при попытках датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Этот уникальный памятник средневековой архитектуры в Восточной Европе датируется разными исследователями широким временем — от VIII до XIV в. Каждый из них находит подтверждение своей точки зрения на дату в многочисленных разновременных постройках, разбросанных на громадной территории от Ближнего Востока до Балкан.

Попытаемся проследить ход мыслей этих исследователей. Первое обследование храма произвел в 1884 г. А. А. Авдеев [1, с. 382, 383, 386]. Он пришел к выводу, что храм представляет собой «памятник византийской архитектуры VIII века», а датировку его связывал с обликом коринфских капителей колонн храма и надписью на одной из них. Эта надпись, опубликованная В. В. Латышевым в 1896 г., сохранилась на восточной стороне северо-западной колонны. Она станет и в дальнейшем важнейшим, а иногда и основным аргументом для датировки храма, заменяя анализ архитектурных форм или уводя исследователя для поисков аналогий в мир архитектуры близкого ей времени.

Приведем эту надпись полностью по публикации В. В. Латышева: «Здесь покоится раб божий Кириак, сын Георгия... преставился месяца пуния 3 (дня) часа 10 (в лето) от Адама 6260» [2, с. 93—94]. Эта дата соответствует 752 г. по современному летоисчислению.

А. Л. Бертье-Делагард, по сообщению В. В. Латышева, первым усомнился в правомерности датировки храма по надписи. Он установил, что сами колонны — сборные, так как капители по диаметру не соответствуют колоннам. Он полагал, что храм построен не ранее XIII в. [3, с. 157, 158].

Следующее суждение о памятнике принадлежит крупнейшему знатоку средневековой культуры Н. П. Кондакову. В 1889 г. он был привлечен в качестве эксперта при решении вопроса о консервации церкви путем включения ее в новую пристройку. Н. П. Кондаков установил, что древний пол церкви находится на 0,74 м ниже современного, который А. А. Авдеев принял ошибочно за древний. Он высказал мнение, что церкви предшествовала базилика, части которой были использованы в храме Иоанна Предтечи, в частности колонны. Так решался вопрос с надписью 752 г. Н. П. Кондаков датировал храм IX—X вв. [4, с. 69, 70].

Почти 20 лет спустя на памятнике были произведены архитектурные исследования командированным в Керчь П. П. Покрышкиным. Он разобрал в ряде мест забутовку и выявил первоначальную кладку стен из белого камня и рядов плинфы на известковом растворе. Им же были сделаны важные наблюдения о декоре фасадов и первоначальном облике барабана [4, с. 69—77]. Эти впервые проведенные архитектурные обследования не привели П. П. Покрышкина к самостоятельным выводам о дате храма [1].

Первая специальная работа, посвященная храму Иоанна Предтечи, вышла только в 1927 г. Автор ее, историк архитектуры Н. И. Брунов, анализируя композицию керченского храма, приходит к выводу о том, что его можно считать греко-восточным предшественником архитектуры средневизантийского периода. Пропорции храма, по его мнению, указывают на VIII—IX вв. Аналогии кладке он находит в архитектуре Сирии середины VI в. и Константинополя VII в. [5, с. 87—105]. Приведенные Н. И. Бруновым аналогии дают значительный разброс в датах — от VI до IX в. Он останавливается на узкой дате — первая половина VIII в. — не из соображений анализа архитектурных форм, а основываясь все на той же надписи Кириака 752 г. При этом он не отрицает того, что сами капители относятся к более раннему сооружению. По датировке М. А. Тихановой-Клименко они относятся к V—VII вв. [6, с. 5].

Дата постройки храма Иоанна Предтечи, предложенная Н. И. Бруновым, держится в литературе почти четверть века. Только в 1951 г. Ю. С. Асеев предлагает новое решение этой проблемы. Он считает возможным отнести храм к памятникам тмутараканской архитектуры, построенным после X в. [7, с. 27, 28]. Эта датировка недолго остается неоспоренной. В 1958 г. А. Л. Якобсон выступает с поддержкой точки зрения Н. И. Брунова, отведя несколько страниц церкви Ионна Предтечи в своей большой работе о раннесредневековых поселениях Восточного Крыма [8, с. 494—497]. Он повторяет приведенные Н. И. Бруновым аналогии и дополняет их, указывая на малоазийские черты в архитектурном облике храма. Однако приведенные им параллели образуют тоже большой хронологический разрыв: от V в. (мавзолей Галлы Плацидии в Равенне) до VIII в. (церковь Евгении в Трапезунде и церковь Успения в Никее). Дата, которой придерживается А. Л. Якобсон,— VIII в.— в конечном счете и в этом случае опирается все на ту же надпись 752 г., так как ни один из приведенных аргументов не подтверждает ее безусловно.

В дальнейшем усиливается тенденция к поздней датировке храма Иоанна Предтечи, существовавшая, как уже говорилось, и ранее (А. Л. Бертье-Делагард, Н. И. Репников). Первым о ней определенно заявил Ю. С. Асеев, расширивший свою первоначальную датировку храма до XIII в. (X—XIII вв.) [9, с. 18; 10, с. 514].

---

[1] Н. И. Репников полагал, что обследования П. П. Покрышкина подтверждают позднюю дату постройки церкви.— XIII в. (Архив ЛОИА, ф. 10, оп. 1, д. 3, с. 45).

Почти одновременно О. И. Домбровский пришел к выводу о еще более поздней дате храма. Он опирался при этом на остатки фресок на юго-восточном и северо-восточном столбах, выполненных в стиле школы Феофана Грека. Фрески нанесены на первый слой штукатурки, следовательно, по мнению О. И. Домбровского, сразу после постройки здания, в начале XIV в. [11, с. 70].

Итак, спору о дате церкви Иоанна Предтечи в Керчи теперь уже 100 лет, а разрыв в датировках, предлагаемых исследователями, достигает семи столетий — от VIII до XIV в.

В этой ситуации особенно важным может оказаться разработка другого источника — археологического. Археологические раскопки, как правило, дают исследователю новый и важный фактический материал. Однако сами раскопки должны при этом отвечать ряду обязательных методических требований. Совершенно непригодны раскопки небольшими участками рядом с древним зданием или внутри его, в непосредственном соприкосновении со стенами или в отдалении от них. Подобные столь частые при реставрационных работах «раскопки» ведут к нарушению бесценного культурного слоя, связанного с древним сооружением. А между тем именно этот нетронутый слой и является предметом поиска археолога и главным условием успешного решения поставленных задач.

Известно, что постройка любого здания связана с большими земляными работами. Прежде всего, это рвы для фундамента, нарушающие культурные напластования на большую глубину. Если речь идет о строительстве церкви с сильным членением ее внутреннего пространства, то такое нарушение касается почти всей занимаемой ею площади. Многократные вторжения в культурный слой в этом случае неизбежны и далее, при разновременных захоронениях как в самой церкви, так и около ее стен. В результате древнее здание оказывается обкопанным со всех сторон, т. е. оторванным от возникших одновременно с ним культурных напластований. И все же, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, где-то, хотя бы и на небольшом пространстве, может сохраниться участок нетронутого слоя, примыкающего к зданию и синхронного с ним. Этот участок, собственно, является частью строительной площадки, неизбежно возникающей в процессе длительного сооружения фундаментальной постройки. Естественно, что на ней скапливается разнообразный строительный мусор: обломки плинфы, черепицы, камней, раствора. В сочетании с обычными находками керамики и бытовыми предметами этот слой составляет непременные последствия всякого строительства и неопровержимые его следы. Добавим, что подобные следы оставляют в культурном слое и всякие ремонтные работы.

Первая задача археолога, исследующего участок около древнего здания, состоит в поисках строительного мусора времени его сооружения. Второе условие полноценного археологического исследования — четкое представление о стратиграфии всей толщи культурного слоя поблизости от архитектурного объекта. Только тогда строительный мусор займет конкретное место в свите культурных напластований, отложившихся за весь период жизни и строительства на данном участке, а археологический материал, добытый в нем, найдет аналогии в стратиграфически датированных находках, т. е. даст основание для твердой датировки.

Третьим непременным условием для археологической датировки здания является сам характер раскопок: они должны непременно проводиться широкими площадями. Только в этом случае древнее здание получит определенное место в пространстве. А это даст дополнительные и важные свидетельства о времени его сооружения. Последний аспект исследования связан с тем, что такая постройка, как церковь, не могла возникнуть в изоляции: она всегда являлась частью либо городского квартала, либо монастырского или дворцового комплекса. Естественно, что только при раскопках широкими площадями можно раскрыть их остатки в земле и взглянуть на предмет нашего исследования уже не изолированно, в том виде, в котором сохранило его время, а в комплексе с теми постройками, с которыми его намеренно увязывали древние строители.

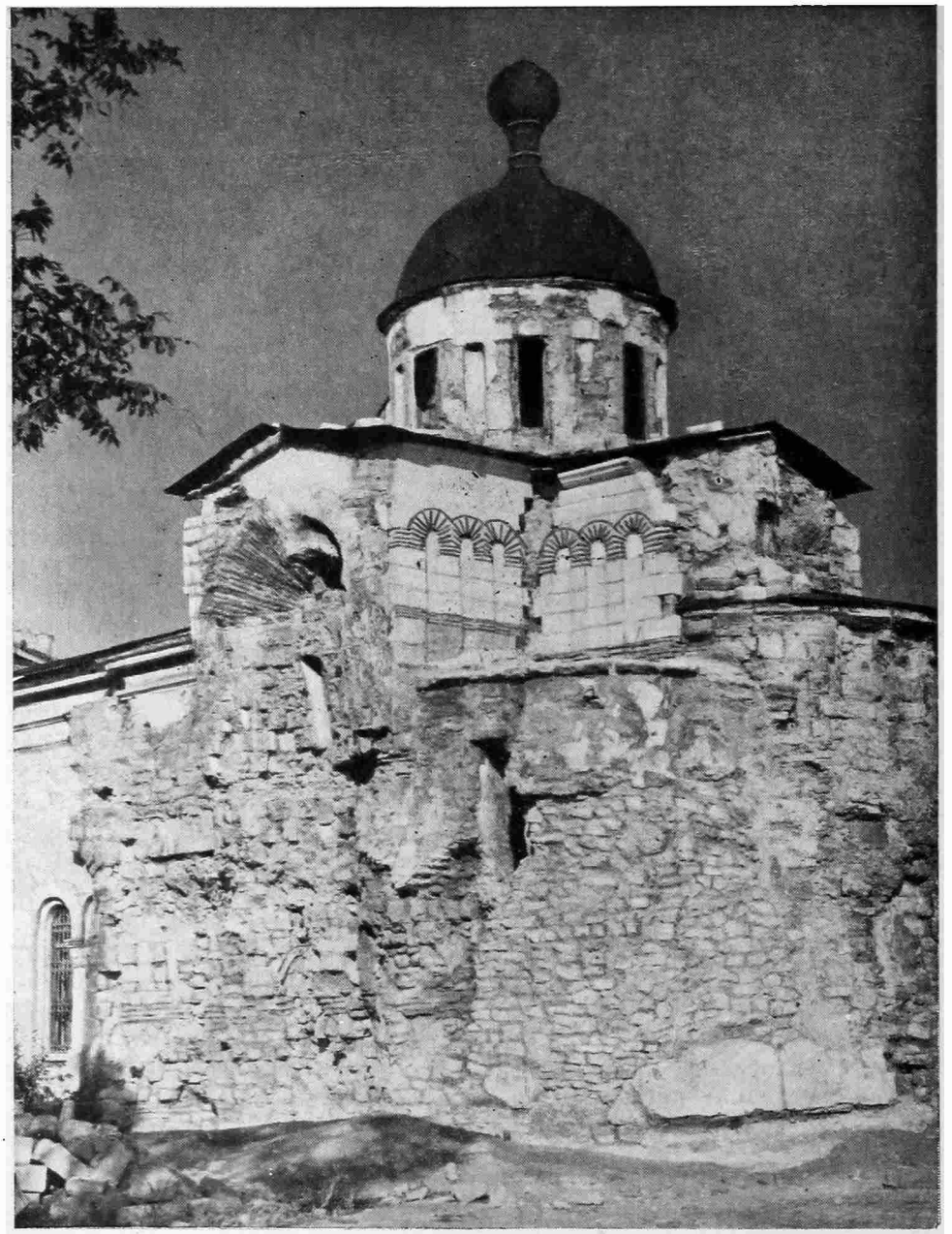


Рис. 1. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи в процессе реставрации

Рассмотрим все возможности археологической датировки архитектурного объекта на примере храма Иоанна Предтечи в Керчи (рис. 1). Археологические исследования поблизости от церкви Иоанна Предтечи велись ИА АН СССР в течение пяти сезонов. Они были начаты И. Б. Зеест и А. Л. Якобсоном и продолжены автором настоящей статьи в 1963 г., охватив значительную площадь в 40—60 м к северу от древних стен церкви и узкую полосу, примыкающую к ее южной стене и апсидам (рис. 2). Сама возможность их была связана с реставрационными работами, проводившимися Киевской научно-реставрационной мастерской (автор проекта реставрации Е. И. Лопушинская) [2]. Результаты этих исследований частично опубликованы [14, с. 62—68; 15, с. 70—76; 16, с. 264, 265; 17, с. 373—377; 18, с. 250—254].

[2] Небольшие раскопки проводились и в интерьере храма. Они были начаты в 1957 г. Ю. С. Асеевым, Е. В. Веймарном и М. А. Фронджуло [12] и продолжены автором в 1976 и 1980 гг. [13]. В настоящее время они приостановлены до необходимого для раскопок широкой площадью снятия строительных лесов.

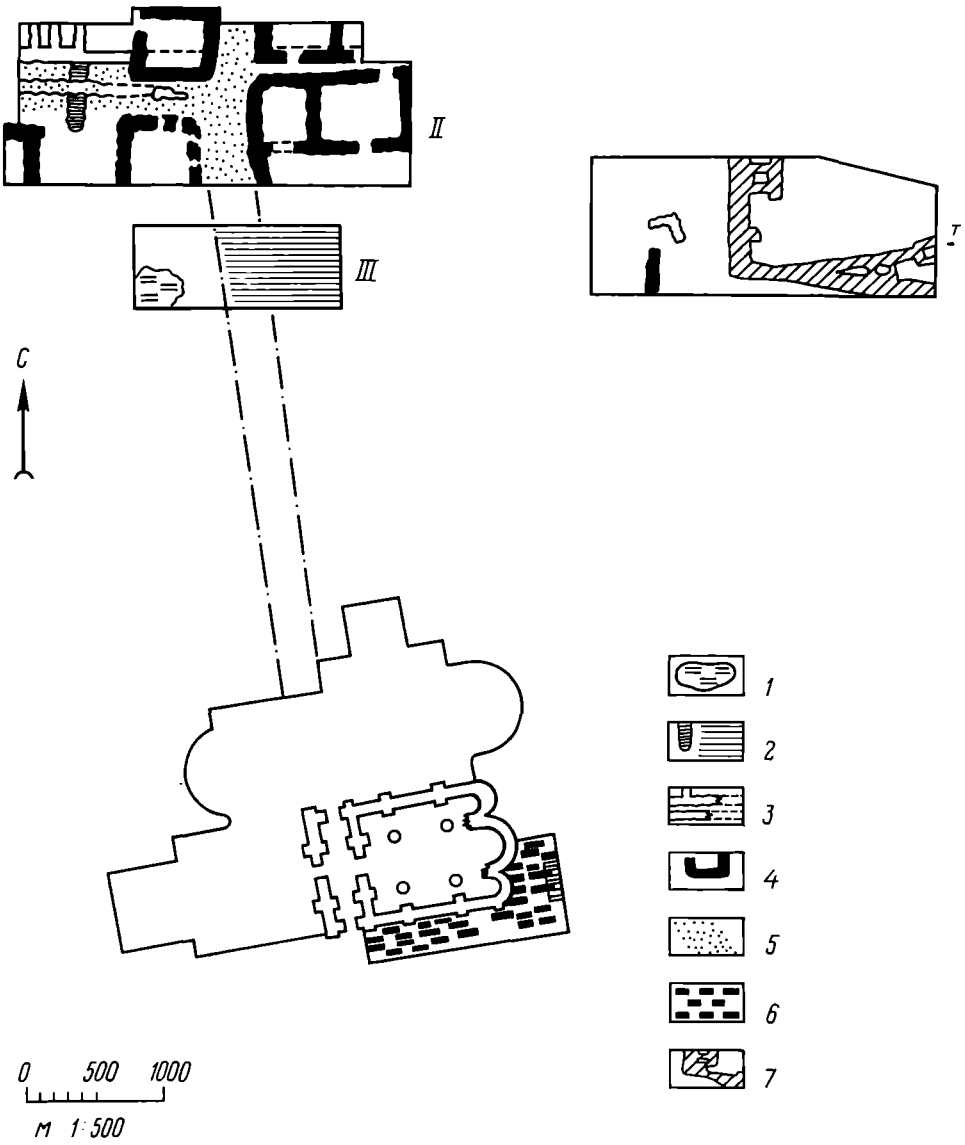


Рис. 2. Схема расположения раскопов около ц. Иоанна Предтечи в Керчи: I—III — раскопы; *1* — сооружения I строительного периода: печь с кладом монет III в. н. э.; *2* — сооружения II строительного периода: помещение с мраморным полом; *3* — сооружения III строительного периода: крепостные стены; *4* — сооружения IV строительного периода: стены домов городского квартала; *5* — улицы городского квартала IV строительного периода; *6* — могилы прицерковного кладбища IV и V строительных периодов; *7* — сооружение V строительного периода — баня

Важнейшей задачей раскопок в непосредственной близости от стен храма стали поиски строительного мусора времени его сооружения. Трудности, сопряженные с ее решением, усугублялись тем, что с внешней стороны можно было подойти к стенам храма только в двух местах — с южной и восточной сторон. Северная и западная стены древнего храма были включены в XIX в. в состав новой постройки. Кроме того, культурный слой вдоль северной стены внутри церкви уже нарушен про-

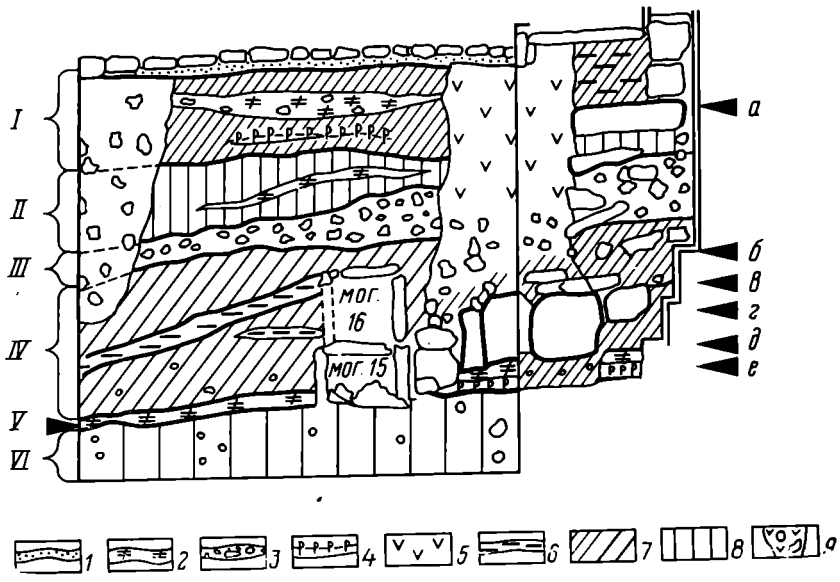


Рис. 3. Западный профиль раскопа. Условные обозначения: *1* — песок, *2* — строительный мусор: крошка плинфы и камня, *3* — камни, *4* — раствор, *5* — угли, *6* — глина, *7* — темный гумус, *8* — светлый гумус, *9* — ямы; I — слой строительства XIX в., II—III — слой ремонта XIV в., IV — слой прицерковного кладбища X—XIV вв., V — слой строительного мусора времени сооружения церкви, VI — слой, предшествующий постройке церкви; *а* — отмостка XIX в., *б* — первый ряд каменной кладки церкви, *в* — древняя отмостка церкви, *г* — цоколь церкви, *д* — верхние камни фундамента церкви, *е* — слой строительного мусора

водившимися здесь ранее раскопками. Судя по краткому отчету о них, хранящемуся в Керченском историко-археологическом музее, строительный мусор при этом обнаружен не был.

По плану реставрационных работ вдоль всей южной стены и апсид с внешней стороны храма на участке шириной 4 м было предусмотрено понижение культурного слоя до уровня его дневной поверхности. Именно на этом участке можно было найти остатки древнего строительного мусора. Однако этот участок был сильно перекопан: около южной стены закладывали шурфы в начале реставрационных работ, какие-то земляные работы могли производиться и во время древних ремонтов, следы которых сохранили неоднократные штукатурки апсид.

В этих условиях раскопки широкой площадью сразу на всей территории примыкающего к стенам участка не могли дать желаемого результата: значительной прослойки строительного мусора ожидать не приходилось, а небольшие его участки, не попавшие в профиль борта или бровки раскопа, могли остаться незамеченными. Поэтому вся небольшая площадка была разделена на 3-метровые отсеки, копавшиеся по очереди один за другим. При этом мы получали разрезы культурного слоя, перпендикулярные к стенам храма, в которых могли сохраниться слои строительного мусора. Он был действительно прослежен, но полностью, от стен церкви на всю ширину раскопа, его зафиксировал только западный профиль. В остальных контрольных разрезах как около южной стены, так и около апсид строительный мусор встречался только отдельными участками.

Свита напластований западного профиля очень выразительна (рис. 3). В ней запечатлены слои строительства XIX в. с отмосткой, нарушенной поздней ямой; слой ремонта XIV в., насыщенный камнем, употреблявшимся для укрепления обветшавших стен церкви Иоанна Предтечи; слой прицерковного кладбища, нарушивший какую-то древнюю, но не первоначальную отмостку, совпадающую по уровню залегания с верхней

Рис. 4. Слой строительного мусора около южной стены церкви Иоанна Предтечи

гранью цоколя, и, наконец, слой строительного мусора. Он начинается на уровне залегания верхних камней фундамента, прерываясь в одном месте большим камнем древней отмостки, в другом — могилой.

Останец строительного мусора сохранился на участке между первой и второй пилястрами южной стены (рис. 4). Он представлял собой узкую косу шириной от 0,25 до 0,5 и длиной до 2,5 м и состоял из двух прослоек: грунта, насыщенного крошкой плинфы, и раствора. Подчеркнем еще раз, что этот остаток древней строительной площадки залегал на уровне нижних камней цоколя и первых камней фундамента на глубине 2,10—2,20 м от современной поверхности.

Помимо белого раствора извести с морским песком и галькой, который и теперь строители в Керчи называют «греческим», слой мусора содержал крошку и мелкие обломки плинфы и черепицы, а также значительное количество керамики. Разборка этого материала показала, что плинфа по толщине и составу теста идентична применявшейся при возведении церкви. Керамика представлена обломками красноглиняных кувшинов, иногда со следами смоления, ручками и стенками амфор так называемого причерноморского типа и обломками белоглиняных византийских поливных сосудов, появившихся в Крыму не ранее второй половины IX в. Аналогичный набор находок дал горизонт, на котором лежала прослойка строительного мусора.

Следовало найти место слою с подобным сочетанием находок в стратиграфическом разрезе культурных напластований Керчи. Такой разрез не могли дать раскопки в непосредственной близости от стен древней церкви. В интересах безопасности раскопки здесь не были даже доведены до материка. Как было предусмотрено проектом реставрации, они были законсервированы на глубине 2,60—3 м от современной поверхности. Вся толща культурного городского слоя была исследована на площади к северу от церкви, в 40—60 м от ее древних стен (рис. 2).

Хорошая сохранность слоя позволила проследить остатки пяти сменяющих друг друга строительных периодов. Относительная датировка их подкреплялась абсолютной благодаря обильному и достаточно разработанному в литературе керамическому материалу. Самый ранний строительный период оказался точно датированным кладом монет в сгоревшей постройке. По определению К. В. Голенко, посвятившего ему специальную статью, клад относится к середине III в. н. э. [19, с. 94]. В 1934 г.

Рис. 5. Помещение с мраморным полом. Слева — кладка III (хазарского) строительного периода; на профиле показан слой белого мощения улицы IV (корчевского) периода, нарушенный поздней ямой

В. Д. Блаватский шурфовкой к югу от церкви Иоанна Предтечи выявил слой III—IV вв. [20, с. 251]. Этим временем он датировал начало застройки прибрежной части города. Клад монет позволил конкретизировать эту дату и несколько удревнить ее.

Вслед за первым строительным периодом застройки прибрежной полосы наступает продолжительная пауза. Гуннское вторжение в 370 г. привело к гибели Боспорского царства. Город до VI в. был под властью гуннов. Стены его, по словам Прокопия, находились в «совершенно разрушенном состоянии». Только по повелению Юстиниана они были отстроены и стали «замечательно красивыми и крепкими». Археологически это подтвердить еще не удалось. Но раскопки открыли другое направление в строительной деятельности Юстиниана — возобновление застройки портовой части города[3]. На глубине 2,80—3 м от современной поверхности были зафиксированы следы интенсивного строительства. К востоку от апсид церкви Иоанна Предтечи были обнаружены три рыбозасолочные цистерны. Севернее церкви — кладка постройки с водопроводом из керамических труб и остатки большого здания с мраморным полом. Вполне уверенно о назначении его судить трудно, но бесспорен его общественный характер. Об этом свидетельствуют такие факты, как два настила пола из каменных и мраморных плит большого размера (1×0,60×1,15 м; рис. 5), остатки фресок, могила в нижнем настиле пола, находки оконного стекла, мраморных лутериев, светильников. Находки фрагментов мрамора на разных глубинах говорят о длительной разборке помещения. Возможно, что это помещение могло входить в базиликальный комплекс, существование которого на Боспоре не может вызывать сомнений. В 325 г. на Первом вселенском соборе в Константинополе присутствует епископ

[3] Раскопками 1957 г. были открыты остатки интенсивной застройки порта датированные исследователями более широко— IV—VII вв. [12, с. 3—7].

Боспора Кадм, епископы Боспора принимали участие в соборах и позже: в 448 г.— в Эфесе и в 449 г.— в Константинополе [21, с. 92]. О базилике Боспора, построенной в это, а может быть, и в более раннее время, свидетельствуют упоминавшиеся выше колонны с капителями V—VI вв., использованные в церкви Иоанна Предтечи[4].

Наконец, о существовании на Боспоре в конце VIII — начале IX в. храма Святых апостолов говорится в Житии апостола Андрея, написанном монахом Епифанием [22, с. 266—270]. Помимо названия, он сообщает: это «очень большой храм», что может относиться и к базилике, и к комплексу зданий, с ней связанных.

Следующему, третьему строительному периоду предшествовало разрушение помещения с мраморным полом, погибшего в большом пожаре. На настилах каменного пола юстиниановской поры возникли новые дома со стенами, участки которых сложены в «елочку». Самая важная постройка этого времени — стена из двух рядов кладки от 1 до 1,1 м шириной. Панцири ее сложены в «елочку», с забутовкой между ними. Она сохранилась на пять камней в высоту и прослежена на протяжении 15,30 м в направлении запад — восток (рис. 2). Вероятнее всего, ее следует связывать с хазарской цитаделью, разместившейся на месте построек юстиниановского Боспора [15, с. 70—76][5].

Стратиграфически слой хазарского периода четко ограничен снизу горизонтом постройки с каменным полом, постепенно разбиравшейся и использовавшейся для других построек, сверху — строительством последующего времени. Слой этот имеет толщину менее 0,5 м. Основу находок составляли в нем типичные для салтовских памятников реберчатые амфоры и амфоры с зонами мелкого рифления, датирующиеся VIII—IX вв. А. Л. Якобсон называет их причерноморскими. Для нас особенно важна верхняя дата этих амфор, производившихся в Крыму, судя по гончарным центрам, исследованным А. Л. Якобсоном, до IX в. включительно [23, с. 39—41]. Специфику хазарского слоя Керчи составляют обломки красноглиняных амфор с бурым в изломе черепком, нередко покрытые изнутри смолением. Венчик их, диаметром 6—8 см, напоминает по форме венчики черносмоленых кувшинов, характерных для более поздних слоев. Эти амфоры представляют собой разновидность тарной посуды, знакомство с которой в Северном Причерноморье восходит к поздней античности [23, с. 82—83; 24, с. 121]. Они изготовлялись из местной глины флюидальной конструкции. Производство амфор из этой глины продолжалось на Таманском полуострове с V по IX в. [26, с. 50]. По находкам в Херсонесе в цистерне № 92 они датируются началом VII в. Исследователи Херсонеса указывают на генетическую связь их с черносмолеными кувшинами [25, с. 82—83 и 92, рис. 1—2]. В более общих чертах это явление прослеживалось и на таманских материалах [26, с. 54]. Раскопки в Керчи подтверждают эти выводы. Более того, непрерывность напластований городского слоя Керчи позволяет вещественно уловить этот переходный момент. Большинство переходных форм было найдено именно в нижнем горизонте хазарского слоя, что и позволяет нам датировать его VII в. Эта дата согласуется с письменными источниками. Уже в конце VI в. тюркюты становятся реальной силой на юге Европы. По сообщению Феофана, в конце VII в. Боспором правит хазарский архонт [21, с. 197].

Верхняя граница хазарского слоя — конец IX в. К этому времени относится разрушение хазарской цитадели в большом пожаре. Конец хазарского владычества на Боспоре логично связывать с печенежским вторжением в Крым. Именно с этим событием связывают и гибель многочисленных салтово-маяцких поселений в Крыму [27, с. 64] и Фанагории [28, с. 17].

[4] Обломок ствола мраморной колонны с частью вырезанного на ней креста был найден при раскопках В. Д. Блаватского [20, с. 251], который отмечает близость его с колоннами церкви Иоанна Предтечи.

[5] Возможно, именно здесь находился упоминаемый в письменных источниках «Самкерц». Мнения ученых на этот счет расходятся: В. А. Мошин считает, что это было предместье Керчи, М. И. Артамонов размещает Самкерц в станице Таманской [21, с. 373].

Рис. 6. Дома IV (корчевского) периода

За разрушением хазарской цитадели последовала полная перепланировка занимаемой ею площади. Над остатками стен цитадели возникли постройки IV строительного периода, имеющие совершенно другой характер. Раскопками открыта часть квартала, состоящая из пяти домов и двух улиц с четко видными двумя слоями мощения [15, с. 73, рис. 30, б]; (рис. 6).

Нижний слой состоял из мелкой крошки белого ракушечника и, достигая 0,10—0,15 м в толщину, хорошо прослеживался и в плане, и в профиле. Он лежал непосредственно на плотном каменистом грунте, представляющем собой снивелированную площадку, оставшуюся после разрушения хазарской цитадели. Верхний слой мощения представлял собой плотно утрамбованную розовую от мелких обломков черносмоленых кувшинов и амфор поверхность. Мощность этой вымостки достигала 0,50 м. На ее образование потребовалось довольно длительное время.

Таким образом, дневной поверхностью третьего строительного периода является слой белого мощения улиц, образованный крошкой ракушечника, оставшейся, вероятно, от его отески. Глубина ее залегания — 2,10 м от современной поверхности. Важно отметить, что слой строительного мусора около церкви был открыт на той же глубине (2,10—2,20 м), а материал из него аналогичен материалу нижнего слоя мощения улицы. Дневной поверхностью времени гибели открытого раскопками квартала является второе мощение улицы обломками красноглиняной керамики, залегающей на глубине 1,60 м от современной поверхности.

Полуметровый слой, отделяющий горизонты этих двух поверхностей, содержал значительный материал — более 3000 обломков амфор и кувшинов, подавляющее большинство найденных во время раскопок стеклянных браслетов, стеклянных сосудов, византийской поливной керамики. По существу, культурный слой, образовавшийся между двумя мощениями улиц, представляет собой закрытый комплекс, дающий все возможности для датировки. И действительно, он содержал довольно однородный материал. Самой характерной его категорией оказались обломки черносмоленых красноглиняных кувшинов. Судя по прослеженной С. А. Плетневой эволюции в изменении диаметра их венчика [26, с. 54], это были кувшины, характерные для X—XI вв. Эта дата подтверждается византийскими стеклянными браслетами с росписью, находящими аналогии в слоях второй половины IX—XI в. в Тмутаракани и Саркеле [29, с. 103; 30, с. 323], и византийской белоглиняной поливной керамикой, типичной для слоев того же времени как в Тмутаракани, так и в Херсонесе [31, с. 78; 32, с. 333].

Таким образом, концом IX—XI в. и следует датировать тот период жизни города, когда его улицы мостились обломками красноглиняной тарной керамики. В это время город появился на исторической арене под новым именем — Корчев, запечатленном в Житии Стефана Сурожского и на Тмутараканском камне [33, с. 95; 34, с. 11; 35, с. 9, 44].

Отметим еще один важный момент в планировке открытого раскопками квартала: главная его улица идет к северному входу в нартекс церкви Иоанна Предтечи. Итак, сооружения IV строительного периода дают некоторые данные о принадлежности к нему и церкви.

Горизонт верхнего мощения сохранил картину внезапного разрушения: почти до этого уровня были разрушены стены домов, завалы камней от них перекрывали мостовую и уцелевшие в земле части домов. Этот горизонт содержал материал другого облика: обломки амфор с высокими ручками, византийскую красноглиняную поливную керамику с врезным орнаментом, стеклянные круглые в сечении браслеты, витые и гладкие. Все это позволяет отнести время разрушения исследованного участка к началу XII в.

V строительный период на исследованном участке сохранился плохо. Причиной этого были фундаментальные постройки, возникшие в связи с располагавшейся в прибрежной части турецкой крепостью и позже, после ее разборки, городским рынком. Все же остатки кладок позволяют утверждать, что строительство было возобновлено в XII—XIII вв. с сохранением прежней планировки. К востоку от них И. Б. Зеест и А. Л. Якобсоном были раскопаны развалины бани XIV—XV вв. [14, с. 62—68].

Стратиграфические наблюдения для датировки ц. Иоанна Предтечи дает также могильник, раскопанный вдоль южной и восточной ее стен[6]. Здесь было исследовано более 50 каменных ящиков, состоящих из поставленных на ребро плит белого камня. Ящики эти, располагающиеся ярусами так, что перекрытие нижнего служило дном верхнего, содержали от 2 до 6 последовательных захоронений. По существу, они служили долговременными семейными склепами. Погребенные лежали в них на спине, головой на запад, с руками, сложенными на груди. Часто в могилах использовалась камка — сухие водоросли, перекрывавшие погребения. Почти все могилы оказались ограбленными в древности. Судя по находкам в их заполнении обломков поливной керамики XIV—XV вв., ограбления их происходили чаще всего в татаро-турецкое время. Отдельные находки золотых и серебряных украшений объясняют так долго сохраняющийся к ним интерес грабителей. Самые поздние погребения залегали на глубине 0,75—0,80 м, самые ранние — на глубине 2,60 м от современной поверхности[7]. Это значит, что почти 2 м культурного слоя около церкви занято кладбищем. По уровню залегания оно образует три горизонта (рис. 7, 8).

К первому, нижнему, горизонту относятся ящики, опущенные ниже слоя строительного мусора, т. е. располагающиеся от 2 до 3 м от современной поверхности. Самые глубокие из них врезались в слой с находками хазарского времени. Одно было грунтовым (могила 18). В ряде случаев удалось зафиксировать стратиграфически, что могилы нижнего горизонта перерезают остатки прицерковной строительной площадки (могилы 9, 10). Ясно, что захоронения эти сделаны вскоре после строительства церкви. В большинстве случаев они оказались перекрытыми захоронениями второго горизонта (могилы 12 и 19, 9, 10, 49). Инвентарь из могил нижнего горизонта кладбища около церкви Иоанна Предтечи находит аналогии в средневековых плитовых могилах Крыма [36, с. 4—35; 37, с. 155—168; 38, с. 50] и в могильнике Белой Вежи. Последний

---

[6] Прицерковное древнее кладбище занимало значительную территорию. Погребения встречались в 20 м к востоку от нее при планировке сквера. Отдельные погребения зафиксированы и к северу от церкви (сведения Керченского историко-археологического музея).

[7] Отсчет ведется от верхних камней перекрытия ящика или, если оно не сохранилось, от верхних граней его стенок.

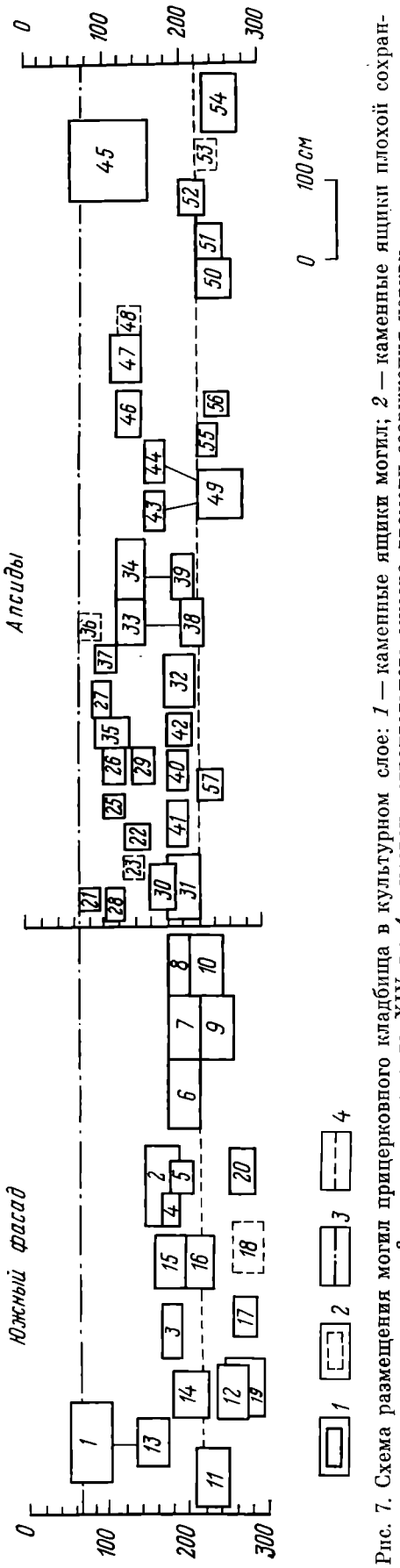


Рис. 7. Схема размещения могил прицерковного кладбища в культурном слое: *1* — каменные ящики могил; *2* — каменные ящики плохой сохранности, *3* — уровень ремонта XIV в.; *4* — уровень строительного мусора времени сооружения церкви

для нас особенно важен: подавляющее большинство его погребений датируется временем от 965 до 1117 г. [39, с. 103], т. е. от завоевания Саркела Святославом до переселения беловежцев на Русь, отмеченного летописью [21, с. 152]. Аналогии с вещами беловежского могильника дают нам возможность установить начало активного функционирования городского кладбища Керчи.

В одной из могил первого горизонта была найдена монета Олега-Михаила, чеканенная во время первого пребывания его в Тмутаракани около 1078 г. (рис. 9, *12*). Самые нижние могилы оказались безынвентарными, но стратиграфически они предшествуют могилам с материалом XI—XII вв. и могут быть отнесены к более раннему времени.

Ко второму горизонту относятся ящики, размещающиеся в культурном слое между слоем строительного мусора и прослойкой древней штукатурки, оставшейся на апсидах на глубине 0,60—0,80 м. Прослойка древней штукатурки соответствует напластованиям с выразительным материалом XIII—XIV вв. На этом уровне прослойки ремонта были прослежены и около южного фасада церкви. Именно при этом ремонте первоначальная граненая форма апсид была совершенно скрыта под доходящей местами до 1 м обкладкой из разномерного камня. В результате ящики детских могил второго горизонта, поставленные ранее впритык к южной апсиде, оказались почти целиком перекрытыми камнями этой обкладки (рис. 8).

Погребения второго горизонта характеризуются находками фаянсовых бус, пуговиц и пронизок-уточек с голубой поливой XII—XIII вв. (рис. 9), совершенно не встречавшихся в погребениях первого горизонта.

В одном из погребений второго горизонта найден серебряный пластинчатый браслет с гравированными львиными личинами на концах. Такие браслеты производились в золотоордынских городах, в частности в Новом Сарае, где найдена литейная форма для их отливки [40, с. 49].

К третьему горизонту захоронений относятся большие ящики (могилы 1, 45); они перерезают слой

Рис. 8. Детские погребения около южной апсиды. Справа — обкладка апсиды (ремонт XIV в.), ниже — остатки древней отмостки

ремонта XIV в. Камни их перекрытий открыты на глубине 0,50—0,60 м от современной поверхности [8]. Одно из них было ограблено, другое содержало погребение XIX в.

Итак, около стен храма Иоанна Предтечи хоронили без перерыва 1000 лет. Погребения X—XIV вв. сохранились относительно хорошо. Судя по начавшимся исследованиям в интерьере церкви, в ней хоронили и в XV—XVII вв. От этого времени в прицерковном кладбище остались только следы разграбления древних могил — отдельные монеты и обломки керамики в их заполнении. Сами же могилы XV—XVII вв., по всей вероятности, были уничтожены при нивелировке прицерковной площадки во время реставрационных работ XIX в. От более позднего времени остались только редкие захоронения, глубоко опущенные в грунт. Очевидно, что прицерковное кладбище возникло сразу или вскоре после постройки церкви, т. е. в X в. или на рубеже IX и X вв. Это было время активизации политической и религиозной экспансии Византии, охватившей не только Крым, но и страны Балканского полуострова и Закавказья [41, с. 16, 17].

Таким образом, археологические исследования подтверждают и уточняют датировку церкви, предложенную Н. П. Кондаковым (IX—X вв.). Но они же дают объяснение тому упорству, с которым ученые с первых шагов постановки вопроса о времени постройки храма выдвигали тезис о более поздней ее дате [9]. Ведь археологические доказательства, по существу, относятся к той части древней постройки, которая оказалась в земле, т. е. к фундаменту. Возведенное на нем здание могло претерпеть ряд перестроек, не задевших фундамента. Поэтому тот облик, который получил храм в настоящее время, после реставрации может сохранить и более поздние черты [10].

Так, мы видели, что археологически засвидетельствовано разрушение близлежащего городского квартала в начале XII в. Оно, возможно, коснулось и самой церкви. Об этом говорят остатки древней отмостки, про-

[8] Исключением является большой ящик могилы 2, опущенной на значительную глубину.

[9] С аргументацией поздней датировки церкви Иоанна Предтечи (вторая половина XIV в.) выступил А. И. Комич в докладе на заседании в Институте искусствознания Министерства культуры СССР 21 апреля 1981 г.

[10] Эта мысль принадлежит архитектору-реставратору Института археологии БАН Дафине Василевой Христовой, которой я благодарна за дружескую помощь.

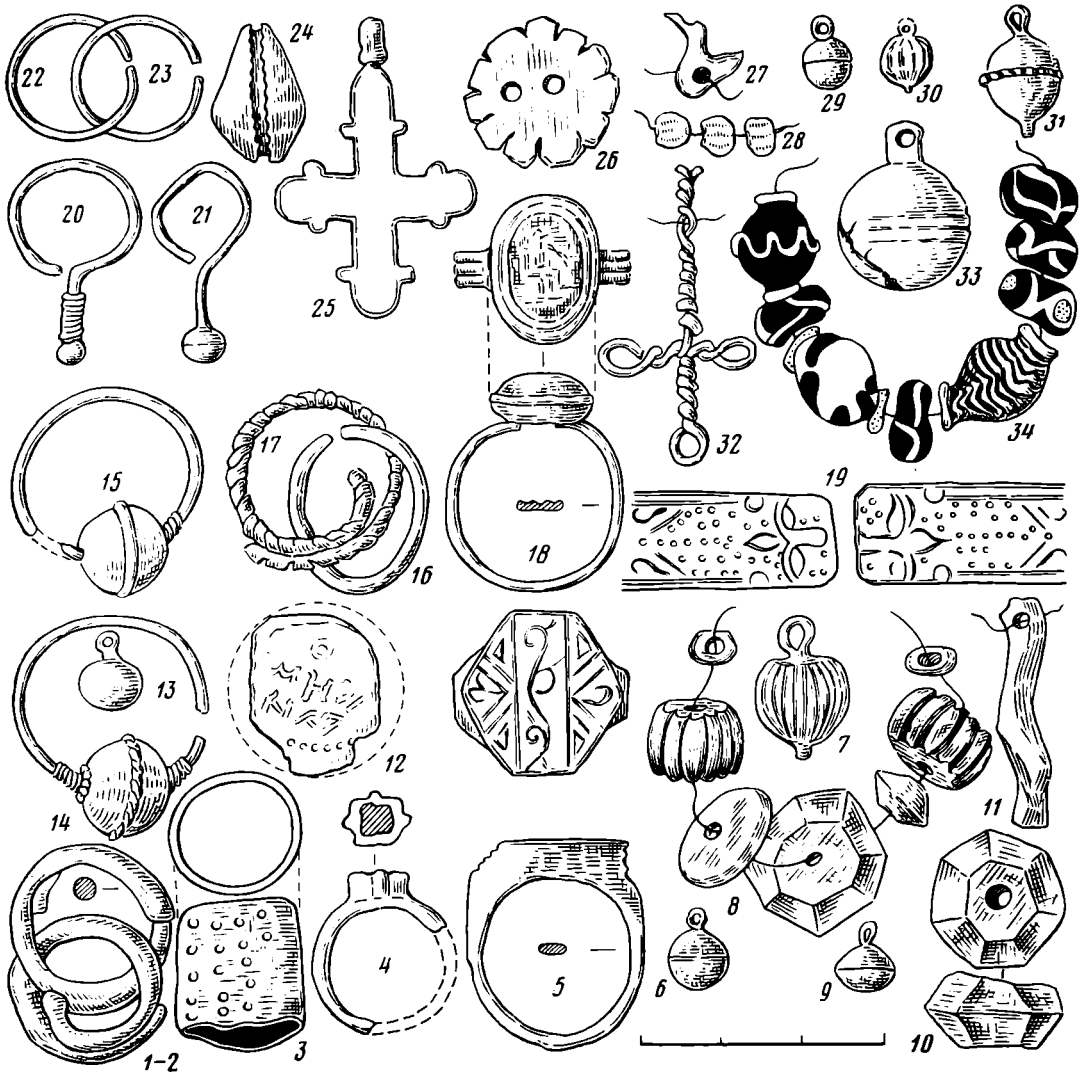


Рис. 9. Вещи из погребений прицерковного кладбища. I — горизонт могил (*1—14*): *1*, *2* — серебряные височные кольца, мог. 12; *3* — наперсток бронзовый, мог. 51; *4* — перстень бронзовый с утраченной вставкой, мог. 57; *5* — перстень бронзовый с гравировкой, мог. 12; *6*, *7* — бубенчики бронзовые и *8* — бусы (стеклянные, перламутровая, сердоликовая), мог. 50; *9* — бубенчик бронзовый; *10* — бусина сердоликовая; мог. 49; *11* — подвеска коралловая, мог. 18; *12* — монета Олега-Михаила, мог. 11; *13* — бубенчик бронзовый, мог. 9; *14* — височное кольцо золотое, мог. 10; II горизонт могил (15—34); *15* — височное кольцо серебряное, мог. 7; *16* — височное кольцо золотое, мог. 40; *17* — височное кольцо серебряное, мог. 41; *18* — перстень золотой с античной интальей на аметисте и *19* — браслет пластинчатый серебряный с гравировкой, мог. 38; *20* — серьга серебряная, мог. 29; *21* — серьга серебряная, мог. 39; *22—25* — височные кольца золотые, раковина каури, крест бронзовый литой, мог. 28; *26—28* — пуговица, пронизка-уточка и бусы белоглиняные с голубой поливой, мог. 37; *29*, *30* — бубенчики бронзовые, мог. 29; *31* — бубенчик серебряный, мог. 33; *32* — крест серебряный, мог. 36; *33*, *34* — бубенчик бронзовый, бусы стеклянные черные с желтыми и белыми нитями и глазками, мог. 3

слеженной не только в западном профиле, но и около центральной апсиды на глубине 1,60—1,80 м (рис. 8). Этот уровень соответствует горизонту верхнего мощения улицы Корчева времени его разрушения в начале XII в. Дважды зафиксированные отмостки можно истолковать как показатель ремонтных работ, связанных с церковью. Масштабы их пока не ясны, время вряд ли выходит за рамки XII в. Совершенно несомненны большой ремонт и укрепление стен церкви, очевидно очень ветхих, предпринятые в XIV в., что также археологически документировано.

Эти две вехи в жизни церкви Иоанна Предтечи будут проверены и уточнены после завершения исследований в интерьере храма. Восстановление всех событий долгой жизни знаменитого памятника средневекового зодчества в Керчи возможно только при комплексном исследовании его

строительной техники, архитектурных форм, остатков фресок и тех следов первоначального строительства и дальнейших перестроек, которые можно уловить с помощью археологических раскопок. Все это потребует совместных усилий разных специалистов — архитекторов-реставраторов, историков архитектуры, искусствоведов и археологов. Такая работа еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев А. А.* Церковь святого Иоанна Предтечи в Керчи.— Тр. VI АС. Одесса, 1887, т. III.
2. *Латышев В. В.* Сборник греческих и христианских надписей юга России. Спб., 1896.
3. *Латышев В. В.* Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда).— ЗООИД, 1897, т. XX.
4. Протоколы реставрационных заседаний.— ИАК, 1909, № 32.
5. *Брунов Н. И.* Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи.— ВВ, 1925, т. XXV.
6. *Тиханова-Клименко М. А.* Мраморы церкви Иоанна Предтечи в Керчи. (К вопросу о типах византийской капители). Тезисы доклада.— Бюл. конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926, № 3.
7. *Асеев Ю. С.* Архітектурно-археологічні дослідження в Криму.— Вісник Академії Архітектури УРСР, 1951, № 3.
8. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма.— МИА, 1958, № 85.
9. *Асеев Ю. С., Лебедев Г. А.* Архитектура Крыма. Киев: Госстройиздат УССР, 1961.
10. *Асеев Ю. С.* Архитектура Северного Причерноморья.— В кн.: Всеобщая история архитектуры. В 12-ти т. Т. III. М.— Л.: Стройиздат, 1966.
11. *Домбровский О. И.* Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966.
12. *Веймарн Е. В.* Исследование церкви Иоанна Предтечи в Керчи.— Архив Керченского историко-археологического музея.
13. *Макарова Т. И.* Отчет о раскопках в церкви Иоанна Предтечи в Керчи в 1976, 1980 гг.— Архив ИА АН СССР, р — 1, № 6256; р — 1, № 7622.
14. *Зеест И. Б., Якобсон А. Л.* Раскопки в Керчи в 1963 г.— КСИА АН СССР. 1965, № 104.
15. *Макарова Т. И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи).— КСИА АН СССР, 1965, № 104.
16. *Макарова Т. И.* Новые данные о датировке церкви Иоанна Предтечи в Керчи.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
17. *Макарова Т. И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи.— АО — 1971. М., 1972.
18. *Кропоткин В. В., Макарова Т. И.* Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве.— СА, 1973, № 2.
19. *Голенко К. В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г.— ВДИ, 1970, № 2.
20. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г.— МИА, 1957, № 56.
21. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
22. *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки.— Труды. Спб., 1900, т. 2 вып. 1.
23. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения юго-западной Таврики.— МИА, 1970, № 168.
24. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
25. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. Н., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса.— Уч. зап. УрГУ, 1971, № 112. Сер. истор., вып. 22. Античная древность и средние века. Сб. 7.
26. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
27. *Гадло А. В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье. VIII—X вв.— Вестн. ЛГУ, 1968, № 14.
28. *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья.— Плиска-Преслав. София, 1981, № 2.
29. *Шапова Ю. Л.* Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
30. *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
31. *Макарова Т. И.* Поливная керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
32. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
33. *Васильевский В. Г.* Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.— Труды. Спб., 1915, т. 3.
34. *Оленин А.* Письма к графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани, в 1792-м году. Спб., 1806.
35. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979.
36. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов.— ИАК, 1906, вып. 19.

37. *Махнева О. А.* О плитовых могилах средневекового Крыма.— В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968.
38. *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского побережья.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974.
39. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
40. *Крамаровский М.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация.— СГЭ, 1978, т. XLIII.
41. *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха.— В кн.: Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981.

T. I. Makarova

ARCHAEOLOGICAL DATING OF THE JONH THE PRECURSOR CHURCH IN KERCH

Summary

The author takes as her subject the dating of the Kerch John the Precursor Church established through archaeological investigations. Various researchers referred this unique mediaeval architectural monument to the wide time-span of from the 8th to the 19th century. The 1963-1964 diggings revealed 3rd-19th-century remains of dwelling houses at a distance of 40-60 m to the north from the ancient walls of the church. Five consequtive construction periods were stratigraphically established in the 5 m-thick cultural layer: the first period dating to the 3rd-4th centuries, the second (Bosporan) period — from the 5th to the 6th century, the third (Khazar) period — from the 7th to the end of the 9th century, the fourth (Korchev) period — from the 10th to early 12th centuries, and the fifth period — from the 12th to the 14th century. The church is stratigraphically connected with the city dwelling quarter of the fourth construction period when a street leading to the narthex appeared (Fig. 2). Archaeologically this period is dated to the late 9th-early 10th centuries when Byzantine Empire became more active, religiously and politically, in the south of Europe. A 10th-14th-century city cemetery discovered in 1970-1971 at the south facade and the apses of the church also date it within this period. The archaeological investigations point to a large repair works in the 14th century, the possibility of major earlier rebuilding is not excluded.

РИЕР Я. Г.

ХАРАКТЕР РАЗМЕЩЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МОГИЛЕВСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ В X — XIII ВВ.

Становление и развитие феодального общества в значительной степени определялось отношениями, складывавшимися в деревне, где проживала основная масса населения. Одним из наименее изученных аспектов аграрной истории Древней Руси остается проблема размещения сельского населения, региональные особенности заселенности, знание которых позволяет наполнить наши представления о ходе феодализации более конкретным содержанием. Поскольку сведения письменных источников по этой проблеме, за редким исключением, явно недостаточны, первейшее значение приобретают археологические данные, позволяющие к тому же привязать письменные свидетельства к конкретным местам.

Первым обобщением материалов о размещении сельского населения лесной полосы Восточной Европы явилась работа А. В. Успенской и М. В. Фехнер [1], в которой прослеживались размещение поселений, связь их с географическими условиями, размеры селищ. В частности, они первыми обратили внимание на то, что «белые пятна» при картографировании сельских поселений отражают не только слабую изученность отдельных районов, но и незаселенные, лесистые и заболоченные участки [1, с. 51]. Однако из-за недостатка данных и большого территориального охвата отдельные положения работы в ходе дальнейших исследований не подтвердились. В первую очередь это относится к выводам о связи сельских поселений исключительно с крупными реками и о малодворности деревни X—XIII вв. [2, с. 289—291]. Последующие изыскания В. В. Седова в Смоленской земле показали, что решение основных вопросов, связанных с сельскими поселениями Древней Руси, надо начинать не с таких обширных территорий, как лесная полоса Восточной Европы, а с отдельных областей. Ибо каждая древнерусская область имела свои специфические физико-географические и исторические особенности [2, с. 192]. Кроме того, изучение небольшой территории повышает точность карт и других данных, позволяет выявить детали, теряющиеся при общем взгляде «сверху». Поэтому обобщающим работам должны предшествовать региональные исследования древнерусской деревни. Таким исследованием и стало предпринятое В. В. Седовым изучение сельских поселений в Смоленской земле [3]. В ходе этих изысканий была разработана методика археологического изучения древнерусских селищ, отражающая их специфику и позволяющая превратить часто фрагментированный материал из них в полноценный источник. Затем подобная работа была завершена Т. Н. Никольской в земле вятичей [4]. Владельческие поселения Московской земли изучает А. А. Юшко [5, 6]. Другие районы Древней Руси пока еще не подвергнуты такого рода исследованиям. Это относится и к территории современной Белоруссии, где сельские поселения до последнего времени археологически специально не изучались [7, с. 35, 53—55, 59; 8, с. 11].

Однако селища как на территории Древней Руси в целом, так и в Могилевском Поднепровье сохранились неудовлетворительно. Поэтому для решения вопросов заселенности в домонгольское время особое значение приобретают более многочисленные и лучше изученные курганные могильники [9, с. 179]. Эта категория памятников впервые была привлечена для решения демографических задач Л. В. Алексеевым, в ходе ис-

следований Полоцкой и Смоленской земель разработавшим и обосновавшим методику обработки материала и его исторической интерпретации [10, с. 70—73; 11—13; 14, с. 34, 35].

Заселенность. Основные особенности заселенности Могилевского Поднепровья, в рассматриваемое время включавшего южные волости Полоцкой земли и юго-восточные — Смоленской, рассмотрены на основе картографирования курганных групп Л. В. Алексеевым. Наша задача — дальнейшая разработка проблем расселения сельского населения в небольшом регионе путем комплексного анализа материала как из курганов, так и с поселений, в сочетании с особенностями природной среды и топонимикой. Для этого мы располагаем сведениями о 533 курганных группах и 111 поселениях[1].

Указанные памятники размещались отдельными массивами, довольно четко очерченными (рис. 1)[2]. Вне этих скоплений памятников оказались лишь единичные объекты (35 из 644). Наличие и очертания выделенных скоплений далеко не случайны. Они обусловлены природными условиями региона. А. Н. Насонов отмечал, что физико-географические условия косвенно влияли на распространение феодального способа производства и прямо — на распределение населения [16, с. 217]. Основными факторами, влиявшими на заселенность, были рельеф местности, характер почв, водный бассейн и распределение растительности.

Каковы физико-географические особенности Могилевского Поднепровья? Рельеф региона в основном равнинный. Речные долины имеют глубину 15—25 м, поймы довольно широкие (до 6 км), часто заболоченные. Почвы дерново-подзолистые, среди которых наиболее плодородные (на моренных и лёссовых суглинках) расположены в верховьях рек Друти — Прони и далее на восток, а также местами в междуречье Друти и Днепра [17, с. 259—272]. Как видно при взгляде на карту (рис. 1), население концентрировалось по бассейнам рек. Однако прямой связи расположения памятников с плодородностью почв не наблюдается, ибо такие почвы занимали, естественно, и леса [18, с. 35], мешавшие расселению[3]. По данным палеогеографов, с середины I тысячелетия н. э. и до XIII в. для климата Европы характерно потепление, вызывавшее понижение уровня грунтовых вод и, как следствие, уменьшение размеров озер, пересыхание болот и увеличение площади лесов [19, с. 191]. Поэтому для выяснения особенностей размеров и очертаний выделенных мест концентрации населения необходимо определить хотя бы приблизительно границы лесных массивов начала II тысячелетия н. э., так как нынешние леса на востоке Белоруссии [20, карта] — это лишь скромные остатки огромных лесных массивов древности, поражавших заезжих путешественников[4]. Однако древнейшая история русского леса почти не изучена [28, с. 207; 29, с. 52]. Есть сообщения об уменьшении размеров лесов в населенных местах Московии уже в XVI в.[5], но, по-видимому, до XVII—XVIII вв. большие порубки не осуществлялись [18, с. 36, 37] и поселения лесной полосы Восточной Европы с прилегавшими пашнями представляли собой оазисы, окруженные дремучими лесами [28, с. 207—211].

---

[1] Аналогичное соотношение между поселениями и могильниками XII—XIV вв. зафиксировала в Московском княжестве А. А. Юшко (известно более 600 курганных групп и около 113 поселений) [5, с. 5; 6, с. 250, 251].

[2] Включение в карту неисследованных курганных групп основывается на том, что курганы предшествующего времени здесь крайне редки [15, с. 186; 13; с. 23].

[3] Значение лесов в размещении населения показал на курганном материале Полоцкой и Смоленской земель Л. В. Алексеев [10, с. 71—73; 14, с. 36].

[4] См. сообщение Ибн-Даста (первая половина X в.) [21, с. 264], а также более поздние описания путешественников XV — начала XVI в.— Рагнети, А. Контарини, Матвея из Мехова, С. Герберштейна [22, с. 131; 23, с. 117, 118; 24, с. 111; 25, с. 172, 223, 244, 284, 285] и XVII в.— А. Лизека и Б. Таннера [26, с. 392; 27, с. 25].

[5] Об этом со слов толмача русского посольства в Риме Дм. Герасимова писал в начале XVI в. Павел Иовий (Паоло Джовио) [25, с. 257]. О пнях — следах вырубаемых лесов — тогда же сообщал С. Герберштейн [25, с. 133].

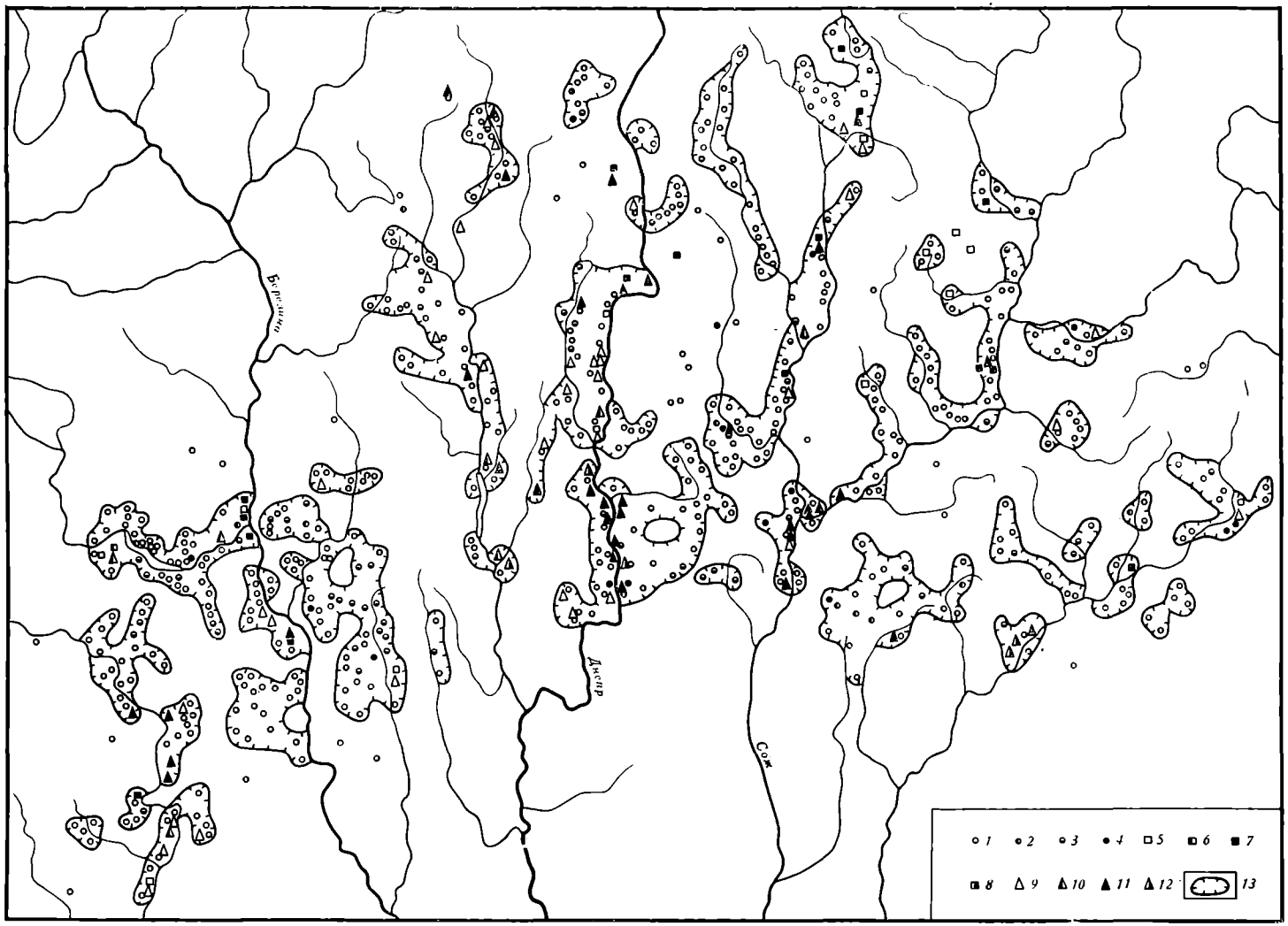


Рис. 1. Археологические памятники X—XIII вв. в Могилевском Поднепровье. Курганные могильники: *1* — неисследованные, *2* — с кремацией, *3* — с ингумацией, *4* — с кремацией и ингумацией; городища: *5* — даты неизвестны, *6* — существовавшие в IX—X вв., *7* — возникшие в XI—XIII вв., *8* — возникшие во второй половине XIII в.; селища: *9* — даты неизвестны, *10* — возникшие в конце IX—X в., *11* — возникшие в XI—XIII вв., *12* — возникшие во второй половине XIII в.; *13* — границы скоплений памятников

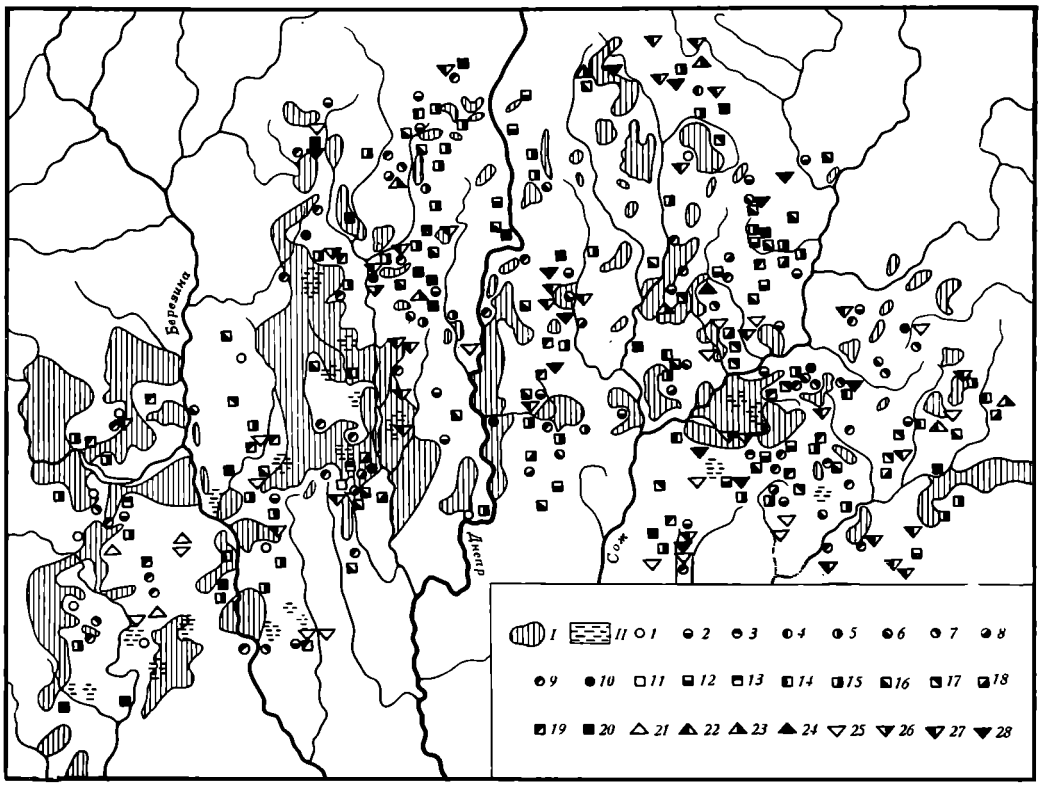


Рис. 2. Распространение лесов в Могилевском Поднепровье. I — современные леса, II — крупные болота; топонимы: *1* — Красный (Зеленый, Ясный, Темный, Толстый, Долгий) Лес; *2* — Лесная, Лесовой, Лесище, Прилесье, Залесье, Подлесье, Полесье, Залесовичи, Лесань, Темнолесье, Трилесино; *3* — Вётухна (старолесье), Вётухновка; *4* — Пневщина; *5* — Пуща; *6* — Остров, Островок, Островец, Островщина; *7* — Поляна, Ясная Поляна, Заполянье; *8* — Роща, Зеленая Роща; *9* — Бор, Великий (Малиновый, Красный, Высокий, Мурин) Бор, Борок, Боровка, Боровая, Борки, Боровище; *10* — Прибор, Уборок, Подборье; *11* — Хвойница; *12* — Черная Сосна, Сосновка, Сосновец, Сосновица, Сосновщина, Сосновский; *13* — Подъелье, Заельник; *14* — Еловка, Еловец, Ельня, Ельковщина; *15* — Дуброва, Дуброво, Дубровка, Дубровица, Дубровенский, Дубрава, Поддубье; *16* — Зеленый Дуб, Дубки, Дубцы, Дубинка, Дубинец, Дубовое, Дубовский, Дубово, Дубовый угол, Дубовый Лог, Дубейково, Дубно, Дубасно, Дубасник; *17* — Осиновка, Осинник, Осиновый; *18* — Липки, Липовка, Подлипки; *19* — Осов, Осово, Осовец; *20* — Береза, Березка, Березовка, Березетня, Березяки, Березовичи, Подберезье; *21* — Ясень, Ясены, Подъясенка; *22* — Кленовка; *23* — Ольховка, Ольховец, Ольшово; *24* — Белица (верховое болото); *25* — Ляда, Лядной, Лядешня, Подлядье, Подлядки, Новина; *26* — Пильня, Пиленка, Пильшичи, Секерка; *27* — Буда, Будочка, Будище, Смолки, Лубянка, Лубнище; *28* — Волковцы, Волковичи, Волковщина, Лосинка, Медведовка, Турья, Туровка, Лисичник, Зубры

Реконструировать эти дремучие леса можно с помощью картографирования сохранившихся старых лесов и топонимов, связанных с лесом (рис. 2) [6]. Из карты видно, что ряд таких топонимов располагается по границам современных лесов. В ныне безлесой местности названия, связанные с лесами, в основном расположены цепочками. Очевидно, эти поселения были основаны у краев не существующих ныне крупных лесных массивов [7] или располагались вдоль дорог, проложенных через леса [8]. Следовательно, указанные топонимы могут обозначать очертания старых, ныне вырубленных лесов. При наложении «лесных» топонимов на карту

[6] На карту нанесены названия населенных пунктов, отражавшие наличие в их окрестностях лесов (Темный лес, Залесье, Пуща, Прибор, Дубрава и др.), остатков лесов (Пневщина), а также указывающие на способы сведения лесов (Ляда, Новина, Пильня, Буда, Поташня, Гута и т. п.). О значении ряда топонимов см. [18, с. 32; 30; 31, с. 12—15; 32, с. 41, 42].

[7] О расположении деревень в Литве и Московии по окраинам лесов сообщал М. Меховский [24, с. 111].

[8] Так же, как, по наблюдению Л. В. Алексеева, цепочки курганных кладбищ обозначали древние поселения, возникшие у дорог [11, с. 104].

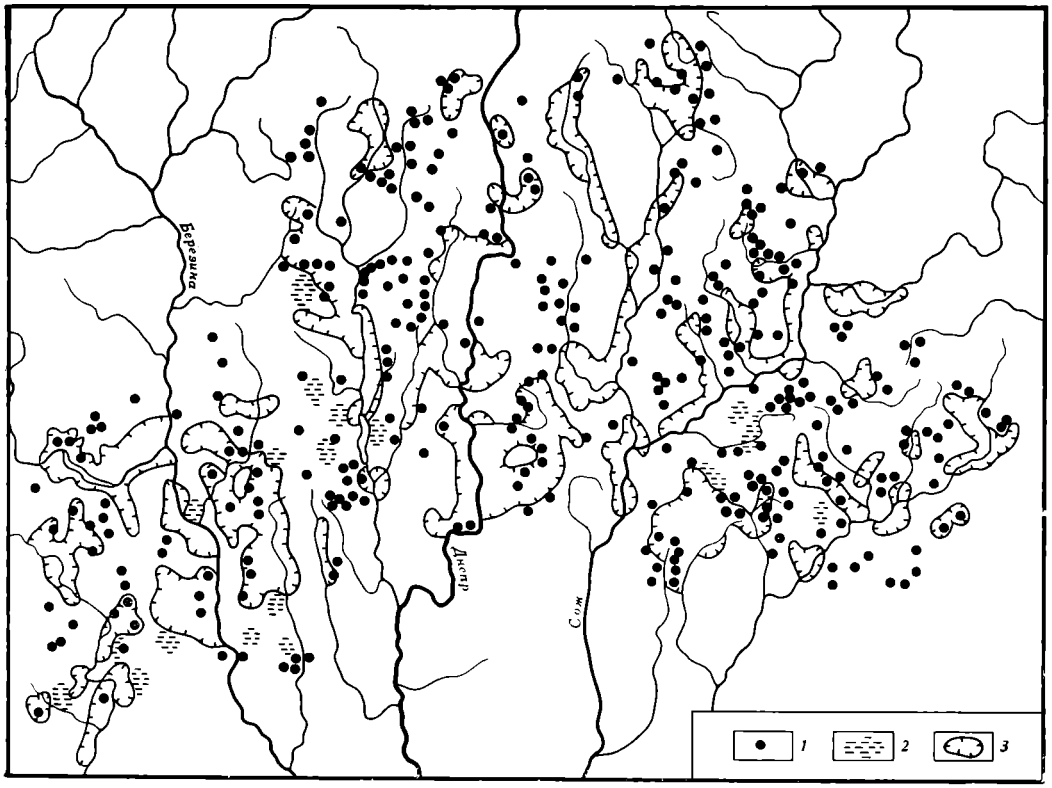


Рис. 3. Старые леса и скопления памятников X—XIII вв. в Могилевском Поднепровье. *1* — топонимы, связанные с лесом (ср. рис. 2); *2* — современные крупные болота; *3* — скопления памятников

скоплений археологических памятников (рис. 3) видно, что большинство их расположено или по краям скоплений (где поселения размещались на опушках), или за их пределами, что отражает направления освоения крестьянами лесных массивов после «курганного времени» (середина XIII в. и позднее). Немногочисленные «флористические» топонимы внутри скоплений, вероятно, древнее остальных и отражают, видимо, пути расселения в курганную эпоху. Показательно, что почти все топонимы, отражающие наступление на лес (Ляда, Поташня, Смолка и т. п.), расположены за пределами расселения в X—XIII вв., что подтверждает приведенные выше свидетельства об интенсивном вырубании лесов в более поздний период[9].

Таким образом, в рассматриваемое время население концентрировалось на свободных или отнятых у лесов участках, причем размеры и очертания этих участков определялись границами лесных массивов[10].

Ранее других, уже к X в., были, вероятно, заселены участки на Нижней Свислочи, в левобережье Березины, на Друти, в междуречье Верхней Друти и Днепра, на Днепре севернее и южнее Быхова, на Средней Проне, в окрестностях Славгорода, в междуречье Сожа и Беседи, в районе Хотимска и на Нижней Ипути, а также в окрестностях Мстиславля. Об этом свидетельствуют известные там курганы с трупосожжениями и поселения, возникшие в X в. Отдельные скопления поселений на Птичи, Верхней Друти, Беседи появились в XI—XII вв., что связано с освоением новых земель в процессе разложения общины и феодализации. В этот период выделенные участки уже представляли собой волости (территории определенного княжеского удела), которые включали города, погосты, обложенные данью села [33, с. 164]. Отдельные такие волости, входившие

[9] Цепочки таких топонимов могут указывать на формирование местных путей сообщений после XIII в.

[10] По-видимому, такое размещение населения вообще характерно для лесной полосы до начала широкого наступления на лес.

в состав Полоцкой и Смоленской земель, были выделены в Могилевском Поднепровье Л. В. Алексеевым. К Полоцкому княжеству относятся Свислочская волость на Нижней Свислочи и прилегающих районах Березины и Друцкая волость, включавшая скопления по Друти, Лахве и правому берегу Днепра к югу от Могилева [10, с. 75, 76, рис. 12; 28, с. 211, 224—230, рис. 2]. Ряд скоплений левобережья Днепра составили юго-западные волости Смоленской земли. Это волости Басея (в верхнем и среднем течении Баси), Мирятичи (верховья Прони), а также скопления у Кричева (Кречюта) и Славгорода (Прупоя, Пропошеска) [14, с. 63].

Интересно отметить, что размеры даней, взимавшихся с указанных территорий смоленским княжеским двором во второй половине XI — первой половине XII в., не соответствовали плотности заселения этих территорий. Так, малонаселенная волость Мирятичи, в которой известно всего 28 курганов в 13 могильниках, платила 15 гривен дани, а остальные — по 10 гривен [34, с. 142—143] [11], хотя в Бассе 19 могильников насчитывали 262 кургана, в Кречютской округе известно 354 кургана в 24 группах. Наиболее же плотно были заселены окрестности Прупоя, 8 могильников которого насчитывали 643 насыпи. Это самая густо населенная округа в Могилевском Поднепровье. Среди других крупных скоплений, также, вероятно, связанных с волостями, округами или вотчинами местных феодалов, довольно плотно были заселены: Друцкая волость (1124 кургана в 31 могильнике), скопление в среднем течении Прони (1017 курганов в 31 могильнике), левобережье Березины (1573 кургана в 51 могильнике). Редким населением отличались участки на Птичи, а также в Кричевской округе, Басее, Мирятичах.

Следует также отметить, что крупные могильники, насчитывающие свыше 40 курганов (16% от общего числа курганных групп), в подавляющем большинстве располагались по берегам малых рек. И если считать, что размеру могильника в определенной мере соответствовал размер поселения или что крупный могильник был общинным кладбищем нескольких соседних поселений [3, с. 17; 36, с. 119], то напрашивается вывод о концентрации сельского населения в некотором отдалении от крупных водных магистралей [12]. При этом крупные могильники, особенно те, в которых более 90 курганов, чаще располагались по периферии, у лесных опушек.

Таким образом, особенности заселенности края в изучаемое время связаны прежде всего с распространением лесов и рек. Леса изолировали заселенные участки, реки их связывали. Не случайно все скопления памятников приурочены к большим или малым рекам, являвшимся путями сообщений и имевшим обычно удобные для земледелия и скотоводства плодородные долины. В процессе формирования феодального землевладения границы заселенных участков становились зачастую границами уделов. В целом рассмотренный тип расселения можно отнести к скученно-гнездовому, характерному для средней полосы [38, с. 37].

Топография памятников. Сельское население рассматриваемого времени проживало, как известно, в селищах и городищах. К сожалению, эти поселения в регионе изучены еще недостаточно, и мы можем опираться лишь на раскопки отдельных из них и на подъемный материал.

Всего городищ, связанных с древнерусским сельским населением, в Могилевском Поднепровье известно 34. Одно из них — Елизово (Березина) — относится к типу округлых [39, с. 93], остальные — мысовые. Подавляющее большинство из них (32) возникло на городищах предшествующего времени. При восьми городищах выявлены совпадающие по времени селища, расположенные в удобных для земледелия местах. Основная масса указанных городищ характеризуется подъемным материалом.

[11] О времени подчинения указанных территорий Смоленску писал Л. В. Алексеев [35, с. 96, 97, табл. I].

[12] Эта особенность была отмечена Б. А. Рыбаковым у радимичей, живших на берегах Днепра и Сожа, а также В. В. Седовым на Смоленщине [36, с. 113; 37, с. 106].

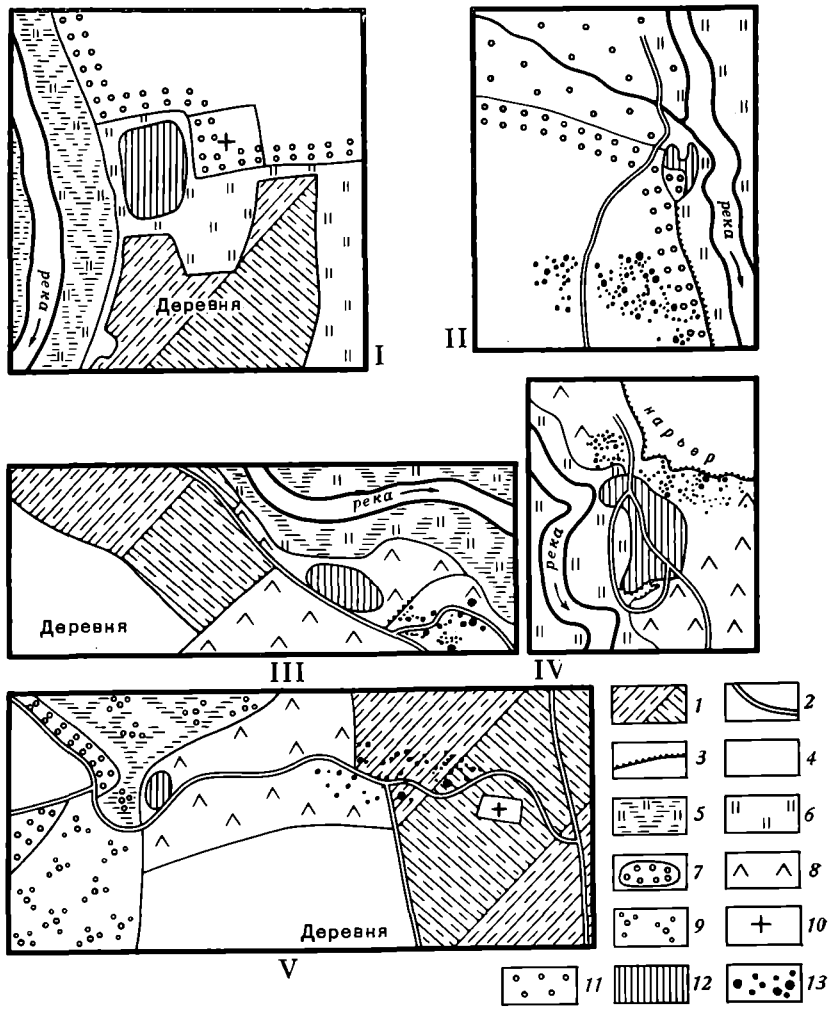


Рис. 4. Планы селищ. I — Заречье, II — Угольщина, III — Девошничи, IV — Чаусы, V — Заполье. *1* — деревни, *2* — дороги, *3* — обрывы, *4* — пашни, *5* — заболоченные луга, *6* — луга, *7* — леса, *8* — выгоны, *9* — кустарники, *10* — кладбища, *11* — лесопосадки, *12* — территории селищ, *13* — курганные группы

Лишь шесть городищ подвергались стационарным раскопкам[13], но и раскопки часто не дают оснований для определения социального облика укрепленных поселений [39, с. 186]. Поэтому к убежищам можно с уверенностью отнести лишь городище Жужлянка (р. Свислочь), жители которого в начале X в. переселились на селище [40, с. 422—431]. К феодальным замкам относятся, судя по находкам стеклянных браслетов и украшений из серебра, четыре укрепленных поселения[14]. К ним же предположительно относятся и городища, возникшие, судя по типу укреплений (Елизово)[15] и находкам, в XI в. и позднее[16]. Безусловно, без проведения раскопок последнее предположение сугубо предварительное.

Среди поселений в изучаемом регионе выявлено 77 селищ[17]. Распо-

[13] Щатково (Березина), Яново (Днепр), Горы (бассейн Прони), Свислочь, Жужлянка (р. Свислочь), Старый Шклов (исследования Л. Д. Поболя, М. А. Ткачева, Э. М. Загорульского, Ю. И. Драгуна, Г. В. Штыхова).

[14] Ленино (Романово — верховья Прони; существует мнение, что поселение названо по имени княжившего рядом в 1165 г. Романа — «Вячеславля внука» [14, с. 131]), Горы, Свислочь, Старый Шклов.

[15] Округлые городища в Смоленской и Полоцкой землях начали сооружать во второй половине XI—XII в. [39, с. 202].

[16] Щатково, Глуск, Каничи (Беседь), Фойно (Агеевщина — левобережье Днепра), Могилев («Змеевка» или Пелагеевское городище), Новоселки (Березина), Черенки (Реста) (исследования А. Н. Лявданского, В. Р. Тарасенко, Л. Д. Поболя и автора).

[17] В нашем распоряжении есть планы или описания конфигурации 51 селища, из которых 37 были обследованы автором.

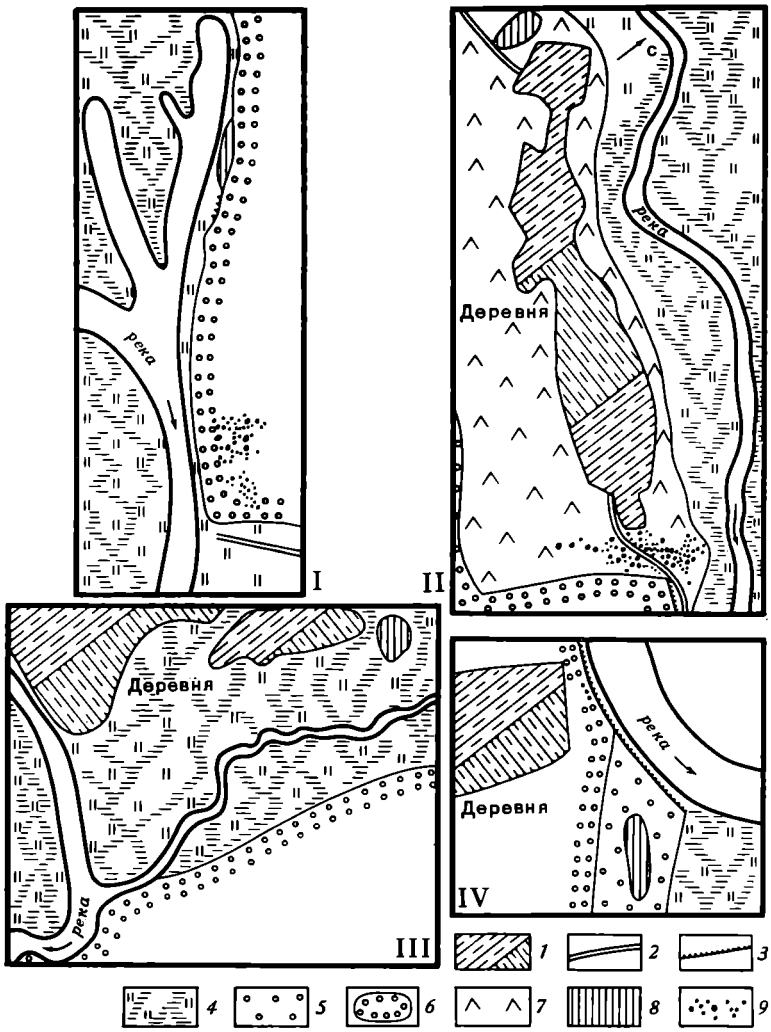


Рис. 5. Планы селищ. I — Селец, II — Досова Селиба, III — Вязьма, IV — Стайки. *1* — деревни, *2* — дороги, *3* — обрывы, *4* — заболоченные луга, *5* — лесопосадки, *6* — леса, *7* — выгоны, *8* — территории селищ, *9* — курганные группы

ложены они обычно вдоль уступов береговых террас, а также в поймах на дюнных всхолмлениях или эрозионных останцах. Площадь селищ и особенно их конфигурация, а также, возможно, планировка зависели от рельефа и очертания этих террас и останцов (рис. 4—6) [18]. Как и на Смоленщине, удаленность селищ от воды редко превышает 100 м [3, с. 9]. Размеры их от 25×100 до 200×700 м. Преобладают селища, относящиеся к приречному типу [19]. Они расположены по берегам рек (рис. 4, I, III, IV; 5, I, II, IV; 6, I, II, IV), иногда у пересохших или ручьев (рис. 4, V; 6, III). К данному типу относятся и селища, расположенные на всхолмлениях и грядах, частов поймах рек (рис. 5, III). Селища, расположенные на мысах при впадении ручьев в реки (рис. 4, II; 6, V), относятся к мысовому типу. Они встречаются реже. Подобное расположение селищ вообще характерно для средней полосы лесной зоны Восточной Европы [1, с. 15; 3, с. 12, 13; 4, с. 3—9; 41, с. 277, 278; 42, с. 49].

Данные о границах селищ, полученные на основе наблюдений за распространением подъемного материала и культурного слоя, как было показано В. В. Седовым, могут служить источниками для изучения типов

[18] Границы селищ определялись по распространению подъемного материала и шурфовкой. Возможность и продуктивность такого метода доказана В. В. Седовым [3, с. 22].

[19] О топографических типах селищ писала Т. Н. Никольская [4].

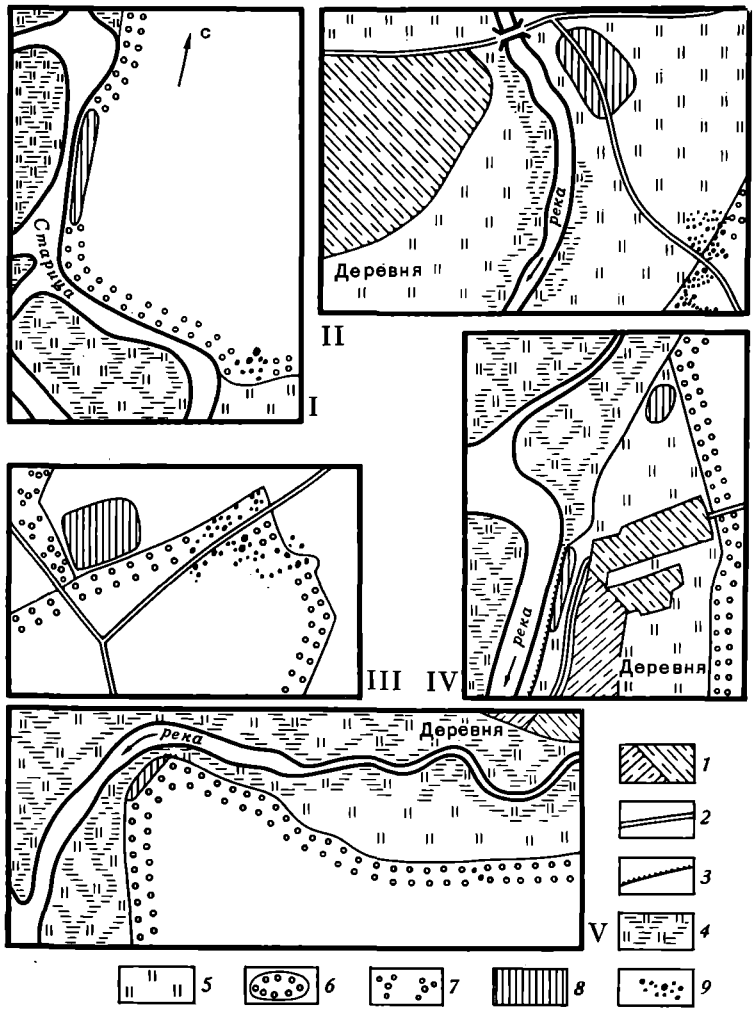


Рис. 6. I — Веть, II — Добросневичи, III — Студенка, IV — Прибор, V — Селец. *1* — деревни, *2* — дороги, *3* — обрывы, *4* — заболоченные луга, *5* — луга, *6* — леса, *7* — кустарники, *8* — территории селищ, *9* — курганные группы

застройки этих поселений [3, с. 25]. Чаще всего селища были вытянуты вдоль берегов рек и ручьев (рис. 4, III; 5; 6, I, IV, V). Такие селища относятся к типу с прибрежно-рядовой застройкой [38, с. 27—37]. Их известно 21. Применив наблюдение В. В. Седова о связи ширины поселений с числом рядов построек [3, с. 26], можно выделить одно- и двухрядные селища. Преобладает однорядная застройка (14 селищ, шириной до 50 м). Известно всего шесть более крупных селищ с двухрядной застройкой (шириной до 100 м). Селищ, отличающихся овальными или подпрямоугольными очертаниями, что характерно для кучевой застройки [3, с. 26], выявлено 16 (рис. 4, I, II, IV, V; 6, II, III). Селища Яново и Липень (р. Свислочь), крупные по размерам, сильно вытянутые вдоль берегов рек, имевшие в ширину 150 м и более, могли иметь прибрежно-многорядную застройку. Но поселения с такими очертаниями бывали и кучевыми [3, с. 26].

Для изучения хронологии типов застройки селищ Могилевского Поднепровья материалов пока недостаточно. Более подробно рассмотреть вопросы, связанные с планировкой селищ, позволит изучение эталонного памятника — селища Чаусы (р. Бася) [20].

[20] Это селище выбрано для стационарных раскопок, поскольку это единственное пока в Могилевском Поднепровье известное неукрепленное сельское поселение феодального времени с хорошо сохранившимся культурным слоем. Площадь его около 2,5 га, датируется оно IX—XVI вв. [43—47].

В ходе разведок 51 поселение удалось связать в единые комплексы с находящимися поблизости курганными кладбищами[21]. Последние расположены на расстоянии 0,3—2 км от поселений (рис. 4, II—V; 5, I, II, IV; 6, I—III, V)[22], чаще всего на более высоких местах[23]. Правда, отдельные кладбища зафиксированы и в заболоченных низинах (например, Грязивец — р. Реста). Известны и селища, окруженные пойменными болотами (например, Вязьма — р. Друть, рис. 5, III). Подобные исключения вызваны, вероятно, происходящими в отдельных местах Белоруссии тектоническими процессами: поднятием и опусканием участков земной коры [54, с. 11, 12].

В пределах могильников определенной системы в расположении курганов не прослежено. Конфигурация курганных кладбищ, как и селищ, определялась рельефом местности. Иногда курганы вытянуты в цепочки (например, у дер. Запаточье, где могильник расположен на гребне дюны). Но чаще всего курганные кладбища представляют собой компактные группы. Курганы обычно расположены близко друг к другу (до 10 м), иногда даже соприкасаются полами[24]. Крупные насыпи разбросаны в основном по всей площади могильников и находятся среди более мелких. Следует заметить, что при изучении планов курганных групп не наблюдается концентрации мелких насыпей вокруг крупных (см. рис. 4, II—V; 5, I, II; 6, I—III).

К настоящему времени значительное число могильников, учтенных ранее, полностью разрушено. Исследования совместной экспедиции Могилевского музея и пединститута, начатые в 1970 г., показали, что сохранилось лишь чуть более половины известных курганных кладбищ.

В большинстве случаев значительным по размерам селищам соответствуют и более крупные могильники (например, Чаусы: селище в 2,5 га и могильник в 130 курганов). В то же время надо отметить, что при отдельных крупных курганных группах выявлены небольшие селища. Это подтверждает мнение о том, что курганные могильники могли быть не только кладбищами одного поселка, но и нескольких соседних, объединенных в общину. Такими поселками являются, вероятно, два селища на правом берегу Днепра южнее Быхова — Нераж и Лудчицы, расположенные вблизи кладбища из 70 курганов [9, с. 187].

Итак, анализ территориального размещения сельского населения Могилевского Поднепровья в X—XIII вв. показал:

1. Непосредственную связь заселенности с природными условиями региона, прежде всего с распространением лесов и рек. Картографирование курганных могильников и поселений указанного времени позволило выделить ряд скоплений этих памятников в определенных местах региона. Предпринятая попытка реконструировать древние лесные массивы показала, что население концентрировалось на не занятых лесами пригодных для земледелия участках, обычно вдоль речных долин. Эти земли стали основой для складывавшихся в процессе феодализации волостей.

2. Основная масса сельского населения размещалась в некотором отдалении от крупных водных магистралей региона, по берегам малых рек. Определены сильно и слабо заселенные территории.

3. Топография поселений соответствовала распространенной в других исследованных регионах лесной полосы. Очертания селищ определялись условиями рельефа местности.

4. Расстояние от поселений до могильников составляло 0,3—2 км, и располагались последние обычно на более высоких местах. Других за-

---

[21] Неисследованные могильники увязывались с селищами по топографической близости. Такой метод применяется и на соседних территориях [48, с. 68; 49, с. 105].

[22] Аналогичное расстояние отмечается и в других местах [50, с. 400; 51, с. 97; 52, с. 56].

[23] Определенных закономерностей в расположении кладбищ около поселений не наблюдается, так же как и в размещении древнерусских городских некрополей [53, с. 154].

[24] Такое расположение насыпей В. В. Седов считает характерным для древнерусских курганных кладбищ [3, с. 36].

кономерностей в расположении кладбищ относительно поселений не прослежено.

5. Изучение заселенности Могилевского Поднепровья по археологическим памятникам, исследование характера расположения этих памятников на местности и определение их внешнего вида выявили общие черты с другими территориями средней полосы лесной зоны Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения Древней Руси.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
2. *Седов В. В.*— СА, 1958, № 1.— Рец. на кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
3. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 92.
4. *Никольская Т. Н.* Сельские поселения земли вятичей.— КСИА АН СССР, 1977, № 150.
5. *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
6. *Юшко А. А.* Археологические источники и проблемы землевладения Московской земли.— В кн.: Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев: Штиинца, 1978.
7. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II. Минск: Наука и техника, 1972.
8. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978.
9. *Риер Я. Г.* Изучение курганов в Могилевском Поднепровье.— СА, 1976, № 2.
10. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
11. *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974.
12. *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
13. *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
14. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
15. *Алексеев Л. В.* Грамота Ростислава Смоленского в свете данных археологии.— В кн.: Беларускія старажытнасці. Мінск; Выдавецтва АН БССР, 1972.
16. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
17. *Дзяменцьеў В. А., Шкляр А. Х., Якушка О. Ф.* Прырода Беларусі. Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1959.
18. *Холев С. Б.* Физико-географические условия Верхнего Понеманья в прошлом по данным топонимики.— Вопр. географии, 1979, вып. 110.
19. *Синицын В. М.* Введение в палеоклиматологию. М.: Высшая школа, 1967.
20. Растительный покров Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1969.
21. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870.
22. *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. Krakow, 1882.
23. Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Спб., 1836.
24. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
25. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. Спб, 1908.
26. Сказания Адольфа Лизека о посольстве в Россию.— ЖМНП, 1837, № XI.
27. *Таннер Б.* Описание польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.
28. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
29. *Кизилов Ю. А.* Географические факторы средневековой Руси.— ВИ, 1973, № 3.
30. *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974.
31. *Мурзаев Э. М.* Топонимика и ландшафты прошлого.— Вопр. географии, 1979, вып. 110.
32. *Трубе Л. Л.* Топонимика и историческая экономическая география.— Вопр. географии, 1979, вып. 110.
33. *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972.
34. Уставная и жалованная грамота князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске.— В кн.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.: Наука, 1976.
35. *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.
36. *Рыбакоў Б. А.* Радзімічны.— Працы. Т. 3, 1932.
37. *Седов В. В.* Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области.— КСИИМК, 1959, № 68.
38. *Витов М. В.* О классификации поселений.— СЭ, 1953, № 3.
39. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель.— МИА, 1967, № 140.
40. *Драгун Ю. И.* Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь.— В кн.: Белорусские древности. Минск: Изд-во АН БССР, 1967.

41. *Фехнер М. В.* Деревня северо-западной и северо-восточной Руси по археологическим данным.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
42. *Глазов В. П.* Разведки во Владимирской области — АО — 1979. М., 1980.
43. *Риер Я. Г.* Исследования у г. Чаусы Могилевской области.— АО — 1976. М., 1977.
44. *Риер Я. Г.* Исследования у г. Чаусы.— АО — 1977. М., 1978.
45. *Риер Я. Г.* Изучение феодальной деревни в Могилевском Поднепровье.— АО — 1978. М., 1979.
46. *Рыер Я. Р.* Помнікі феадальнай вескі.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1978, № 3.
47. *Риер Я. Г.* Феодальное поселение X—XVI вв. у г. Чаусы в Могилевском Поднепровье.— В кн.: Вопросы истории. Минск: Изд-во БГУ, 1981.
48. *Ширинский С. С.* Разведки в Курской области.— АО — 1968. М., 1969.
49. *Юшко А. А.* Работы в Подмосковье и Смоленской области.— АО — 1972. М., 1973.
50. *Богомольников В. В.* Продолжение раскопок у дер. Курганье.— АО — 1976. М., 1977.
51. *Узянов А. А., Кашкин А. В., Смирнов Ю. А.* Работы Брянского отряда.— АО — 1971. М., 1972.
52. *Кашкин А. В., Кулаков В. И.* Разведки в Брянской области.— АО — 1973. М., 1974.
53. *Рабинович М. Г.* Очерки этнография русского феодального города. М.: Наука, 1978.
54. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1974.

Ya. G. Rier

RURAL POPULATION PATTERN IN THE 10th-13th CENTURIES IN THE REGION OF MOGILEV, DNIEPER BASIN

Summary

Regional peculiarities of the rural population pattern in the region of Mogilev, the Dnieper basin, are studied on the basis of an analysis of the distribution of 533 burial mounds and 111 settlements in the 10th-13th centuries, and of natural environment and floral toponimics. It permitted to correlate the population pattern with the geographical complex, primarily with rivers and forests, and identify individual groups of mounds and settlements, while toponimics served to reconstruct the location of ancient forests. The conclusion was that the ancient population preferred river valleys suitable for agriculture to forests. These territories later became cores of *volosts* (territorial units emerging in the process of feudalisation). The bulk of the rural population lived along smaller rivers avoiding big ones. The relief-depended topography of the settlements, observed on the materials pertaining to 51 settlements, was typical of the forest zone. Burial mounds, usually located at a distance of 0.3 to 2 km from settlements, were situated on elevated places.

Публикации

АСТАХОВ С. Н.

ГОЛУБАЯ I — ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА ЕНИСЕЕ

Трехслойная стоянка Голубая I была открыта автором в 1971 г. и исследовалась в 1972—1973 гг. Она находится на правом берегу р. Голубая, в 1,3 км от ее впадения в р. Енисей, напротив пос. Майна. Расположена на древнем мысу террасы высотой 10—12 м. Терраса сложена сверху супесью толщиной до 2 м, ниже переслаивание песков с супесями мощностью до 2 м, затем переслаивание тонких, до 2 см, прослоек песка с более мощными, до 10 см, прослоями супесей, переходящими книзу в суглинки общей мощностью до 1 м. С глубины 4,5 м начинается галечник.

В разрезе обращает на себя внимание переслаивание лёссовидной породы (суглинков и супесей) с песками и супесями без следов облёссования. Мощность лёссовидных прослоев в верхней части разреза больше, а в нижней содержание пылеватого материала меньше, меньше и облёссованность. А. Ф. Ямских, обследовавший разрез террасы, предполагает, что нижняя часть разреза отлагалась более стабильным и мощным потоком, чем верхняя часть разреза. Климатические условия во время формирования низов разреза были значительно более мягкими (выше температура воздуха, больше увлажнение), чем при формировании верхних горизонтов. Разрез отражает время одного из последних похолоданий конца плейстоцена — вторая половина сартанского оледенения.

С этим заключением согласуется и фауна, определенная Н. М. Ермоловой. Основная масса костей происходила из слоя с глубины 3,4—3,5 м относительно описанного обнажения. Было найдено более 800 костей, но из них лишь 27 определимых. Список фауны включает: бык (зубр?) — 1 особь, благородный олень — 2, кулан — 1, сибирский козерог — 1, заяц — 1, птицы — 1 особь. В настоящее время бык и кулан исчезли, а сибирский козерог обитает южнее. Состав фауны отражает ландшафты с меньшей, чем в настоящее время, лесной растительностью. Выводы и предположительная датировка отложений террасы и основного, нижнего слоя стоянки подтвердились радиокарбоновой датой, полученной по образцу угля из очага нижнего слоя: 13 050±90 лет (Ле-1101) — и тремя датами, полученными по образцам кости этого же слоя, обработанными тремя разными методами: 12 900±150, 12 380±140, 13 650±180.

В зачистке выемки дороги было обнаружено пятно культурного слоя, и именно там в 1972 г. был заложен раскоп длиной 10 м вдоль обрыва и шириной до 4 м. Северо-восточная, длинная сторона его получила нумерацию квадраты с 10-го по 20-й, а юго-восточная — буквенную от Б до Д. Стратиграфия северо-восточной стенки раскопа на квадрате 11:

1. Гумусный слой	0—0,1 м
2. Серая тонкозернистая косослоистая супесь	0,1—0,8
3. Светло-серая неслоистая супесь	0,8—1,05
4. Серый тонкозернистый песок	1,05—1,50
5. Светло-серый тонкозернистый пылеватый песок	1,50—1,55
6. Коричневый песок книзу более серый, с дресвой	1,55—1,85

7. Светло-серый тонкозернистый песок с тонкими прослоями более светлой супеси. В средней части – изделия первого культурного горизонта 1,85–2,22
8. Светло-серая пылеватая супесь с прослойками светло-коричневого песка. Прослойки чередуются через 10–15 см, их толщина 2–5 см. На глубине 3 м прослеживается слабо окрашенная линза второго культурного слоя, на глубине 4 м – третий культурный слой 2,22–4,10

Ниже начинается галечник террасы, его мощность до уреза воды около 7,5 м.

Верхние культурные слои в обнажении не прослеживались. Первый культурный слой был обнаружен сначала в северо-восточном углу раскопа на глубине 2,2 м в тонкой прослойке светлой супеси, наклоненной к северо-западу под углом до 12°, глубина залегания первого слоя в северо-западном углу достигает 3,5 м. Изделия приурочены к упомянутой прослойке, хотя встречались и на 8–10 см выше. Окрашенности слоя не было замечено; это, по сути дела, горизонт залегания небольшого количества (до 3 шт. на 1 м²) кремня и костей. Заметных скоплений нет, находок больше в восточной и западной частях раскопа. Каменный инвентарь первого слоя насчитывает 28 предметов. Костей животных мало – несколько обломков трубчатых, позвонок и обломок челюсти (козерог?). Характер первого культурного слоя не исключает возможность его переотложения или размыва. Второй культурный слой залегает на 50–80 см ниже первого. Он тоже приурочен к прослою светло-серой супеси, но простирающейся более горизонтально, чем вышележащие, переходящей в северо-западной части раскопа в песок. Культурный слой толщиной всего 1,5–4 см, лишь в северо-восточном углу раскопа выделяется слабой розоватой окраской и углистыми пятнами. Видимо раскопом затронута часть стоянки, центр которой расположен к северо-востоку. Костные остатки представлены десятками обломков трубчатых костей, каменный инвентарь – 22 предметами.

Третий культурный слой лежит на 70–80 см ниже второго, на глубине около 4 м. В промежутке между вторым и третьим слоями никаких находок не было. Слой включен в тонкую прослойку светло-серой супеси, наклоненной к северо-западу, но в значительно меньшей степени, чем второй. Слой почти горизонтален, он приподнят на квадратах линий 11, 12 и понижен на квадратах линий 19 и 20. Культурный слой хорошо выделяется благодаря тому, что окрашен угольками, охрой и содержит много дробленых костей и изделий из кремня. Культурные остатки занимают почти всю площадь раскопа, кроме квадратов у северо-западной и юго-восточной стенок. Толщина слоя неодинакова: на центральных квадратах доходит до 8 см, а у очага – до 15 см. Овальное в плане пятно культурного слоя с очагом в центре было срезано дорогой, попортившей и край очага. Основной деталью скопления, его естественным центром был очаг. Вместе с выкладкой из плоских или уплощенных валунчиков размером до 20×40 см он достигал 2 м в диаметре. Выкладка по краю очага сделана из семи сохранившихся плоских валунов и нескольких обломков. Обычно они углублены ниже пола на 3–5 см, а дно очага – соответственно до 7 см. Некоторые камни положены после того, как очаг уже какое-то время использовался. Среди выкладки лежала галька со следами растирания на ней охры. Судя по расположению камней, выкладка была ограждением очага для предохранения от разваливания дров, лучшего горения и сохранения тепла. Сооружалась она не сразу, а подновлялась по крайней мере еще раз. Внутренняя часть очага размером до 1,3 м углублена ниже пола на 5–7 см. Дно очага довольно плоское, с небольшими неровностями и углублениями. Толщина заполнения до 8 см, состоит из пятнистой темно-серой супеси с прослоями золы и древесного угля. Пятно культурного слоя утончается от очага к краям раскопа. Его окрашенность также изменяется плавно, лишь насыщенность изделиями и отбросами резко обрывается у краев овальной площадки размером 6×7 м. Вероятно, это граница какого-то ограждения либо жилища. С юго-вос-

точной стороны очага скопление остатков непосредственно примыкает к выкладке очага, с противоположной стороны на некотором расстоянии виден разрыв в скоплении около 1 м величиной.

Орудия, найденные в слое, также располагались в пределах линзы культурного слоя, повторяя очертания скоплений. Наиболее многочисленная группа — скребки преобладали в западной левой половине площадки, если смотреть от реки (31 экз. из 50). Ножи, определенные функционально, обнаружены слева (9 экз.) и справа (12 экз.). Резцы — примерно поровну. Краскотерки — справа близко от очага; терочник — справа, немного дальше; кусок охры — слева близ очага, т. е. все основные орудия были вокруг очага.

Таким образом, раскоп охватил жилой комплекс, где проходила домашне-хозяйственная деятельность,— жилую площадку или временное жилище типа чума. Его площадь могла достигать 30 м^2, если бы использовались жерди высотой до 7 м.

Из особенностей положения изделий в слое можно отметить следующее. Так, иногда небольшие кремни и кости были в вертикальном положении; кроме того, в северо-восточной части раскопа наблюдались небольшие выемки и западины с находками, перекрытые песком, хотя культурный слой здесь сохраняет обычную толщину. Но поскольку уголь в очаге сохранился, имеются мелкие обломки костей, чешуйки, кремни не окатаны, можно говорить лишь о небольшом размыве при паводке и последующем накоплении аллювия. Подавляющее количество изделий лежало на глубине около 5 см от верха окрашенного культурного слоя, хотя единичные находки были на 2—3 см ниже. При разборке слоя не было отмечено ни прослоек, ни группировки материала по горизонтали. Но при снятии выкладки очага под камнями отмечены тонкие, до 1 см, стерильные прослойки супеси, а ниже угольки очага, существовавшего здесь же до того, как была сделана выкладка. Результат ли это одного паводка или сильного сноса со склона, сказать невозможно. Судя по суглинку, это скорее всего отложение паводка. Возможно, что был небольшой перерыв в обитании и люди вернулись на старое место через некоторое время (сезон?).

Инвентарь стоянки.

Слой 1. В слое найдено 28 предметов: сколы, нуклевидные сколы и нуклеус, крупные обломки грубозернистых галек, гальки разного размера без следов обработки. Исходное сырье морфологически выраженной части коллекции — светло-серые кварциты и черный мелкозернистый кварцит. Все предметы не окатаны, имеют острые грани, патина незаметна. Впрочем, подобные породы патинизируются очень медленно. Следует отметить необычное состояние поверхности двух предметов. Это обломок полосатого серо-белого кварцита (или метаморфизированного мрамора), поверхность которого как будто растворена — грани мягкие, заглаженные, несколько плоскостей слегка блестят, остальные матовые. Второй предмет — гранитная галечка размером 4,5 см. Одна ее половина выветрена и блестяща, как будто обработана ветровой эрозией, вторая — матовая. Возможно, она лежала на поверхности. Остальные предметы хорошей сохранности. Очевидно, раскоп захватил самый край стоянки. Возможно, она была размыта, так как очень мала концентрация изделий и они залегают наклонно.

Техника расщепления. Судить о ней трудно, ибо имеется только один целый скол — полукраевой пластинчатый, треугольный в сечении отщеп размером 8,5×4×1,7 см. Площадка гладкая, на спинке короткий негатив заломившегося скола (рис. 1, *9*). Имеется еще обломок отщепа размером, судя по сохранившейся части, не более 4 см, площадка его гладкая. Негативы на сколах показывают, что отщепы близки по пропорциям к удлиненным, с наибольшей длиной 4,5 см.

Нуклеусы. Лишь один экземпляр относительно неповрежденный — двуплощадочный, одна площадка для плоского, другая для торцового скалывания. Рабочие плоскости перпендикулярны друг другу: торцовая расположена на конце нуклеуса, противоположном площадке плоского скалывания (рис. 1, *1*). Размер нуклеуса 3×3,5×1,7 см. Длина сколов до 2 см, ширина от 0,4 до 1 см. Видимо, техника снятия микропластинок

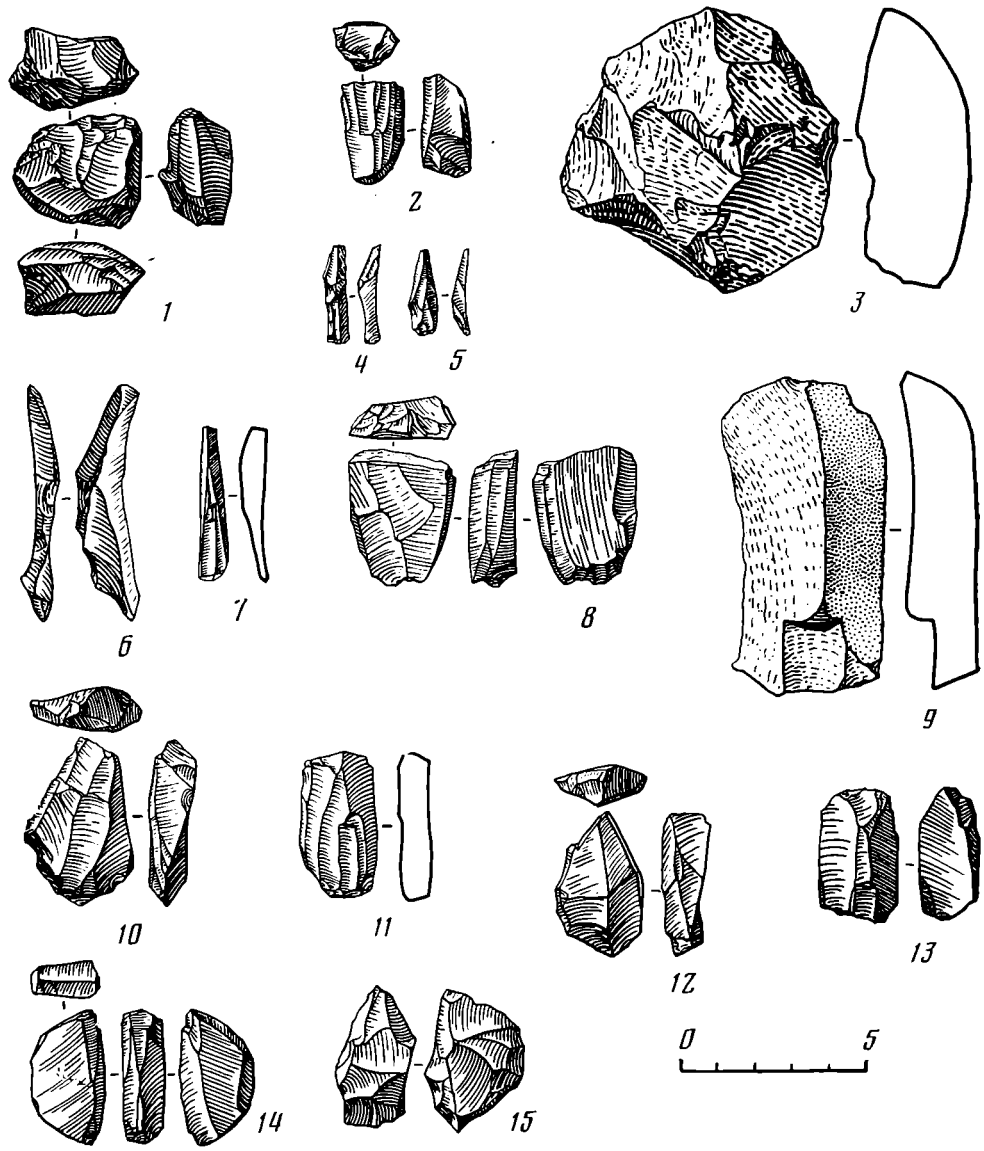


Рис. 1. Инвентарь стоянки Голубая I. *1, 9* — первый культурный слой; *2* — второй культурный слой; *3—8, 10—15* — третий культурный слой

применялась, но ни одной пластинки не найдено. Остальные предметы — нуклевидные обломки (5 экз.) и два обломка. Нуклевидные обломки показывают, что площадки специально не подправлялись, использовалась плоскость раскола. Кроме нескольких грубых обломков галек с остатками корки имеется четыре небольших гальки, видимо, принесенные специально.

Инвентарь недостаточен для каких-либо выводов. Его палеолитический возраст определятся стратиграфией.

Слой 2. Найдено 22 предмета. Среди них призматический двухплощадочный нуклеус для микропластинок. Рабочая сторона каждой площадки представляет полуцилиндр, хорды площадок развернуты друг относительно друга на 90° (рис. 1, *2*). Площадки скошены под углом около 40—60°, подправлены неглубокими плоскими фасетками. Высота нуклеуса 27 мм, хорды площадок 17 и 13 мм. Ширина негативов сколов от 7 до 2,5 мм, средняя 5 мм. Остальная часть представлена слабо удлиненными отщепами длиной до 4 см, площадки их гладкие; двумя обломками микропластинок (размер более крупного 2×0,7×0,2 см); тремя продольными сколами с торцового или клиновидного нуклеуса и двумя обломками. Судя по всему, техника изготовления микропластинок была известна, остальные заготовки — на отщепах, как и в слое 1. Возраст изделий определяется лишь стратиграфически как позднепалеолитический.

Слой 3. Коллекция из этого слоя пока и определяет характер индустрии памятника — она насчитывает более 2000 предметов. Основное исходное сырье — черный кремень с прожилками кварца, красные и зеленоватые яшмовидные породы. Сохранность хорошая, грани острые, неокатанные, за исключением двух сильно окатанных отщепов и двух скребков, но они подновлены и, возможно, представляют найденные в древности и вторично использованные изделия. Патины, как это бывает на кварцитах и яшмах, нет, но у реутилизированных предметов поверхность залощена, грани заглажены. Перенос и переотложение комплекса исключается, возможно, были замывы паводковыми водами, но разрушения слоя не наблюдалось. Поэтому коллекция рассматривается как единый комплекс. В комплексе преобладают отщепы — 229 экз., меньше пластин — 186 экз., микропластинок — 52 экз., нуклеусов и их обломков — 11 экз., орудий из галек — 4 экз., орудий на пластинах и отщепах — 140 экз.

Техника расщепления. О ней можно судить главным образом по сколам, так как крупных нуклеусов, отвечающих имеющимся сколам, нет (кроме чоппера). Фасетированные площадки составляют 13,6%, пластины — 43,2% всех заготовок, удлиненные отщепы — 44,8% и укороченные отщепы — 12% (здесь и далее удлиненные отщепы — это отщепы, у которых длина больше ширины, у укороченных длина равна и менее ширины).

Средние размеры целых заготовок, см

	Длина	Ширина	Толщина	Угол скалывания
Пластины целые	4,9	1,8	0,5	106°
Удлиненные отщепы	4,3	3,1	0,7	99,5°
Укороченные отщепы	3,4	4,0	0,7	115°

Просмотр сколов и сколов оживления площадок нуклеусов (4 экз.) показывает, что применялся призматический нуклеус; площадки в основном гладкие, без подправки; преобладали нуклеусы одноплощадочные. Видимо, на место стоянки приносились уже заготовки, а чаще средняя часть пластин. Система рассечения была одна — поперечный слом, изредка видна точка удара с брюшка — именно удара, а не случайного повреждения.

Другая группа заготовок — микропластинки. Целых всего 6 экз., остальные найдены в обломках, преобладают проксимальные части микропластинок.

Средние размеры микропластинок, мм

	Длина	Ширина	Толщина
Целые (6 экз.)	21	7	**2**
Проксимальные части (27 экз.)	18	6	**2**
Дистальные части (6 экз.)	16	8	**3**
Средние части (13 экз.)	17	8	**3**

Как видим, размеры и обломков, и целых (кроме длины) достаточно близкие. Наиболее важны длина и толщина, поскольку длина вкладышей может варьировать в большей степени и зависит от прямизны пластинки. К микропластинкам примыкают укороченные, похожие на них, обычно трехгранные в сечении, более массивные, чем микропластинки, сколы (10 экз.). Некоторые из них, видимо, брак при отщеплении пластинок; некоторые, видимо, являются резцовыми сколами. В целом пластинки без ретуши не отличаются правильностью огранки спинки и краев, характерных для индустрий с хорошо развитой вкладышевой техникой.

В коллекции имеется серия вторичных ядрищ для снятия микропластинок. Они разных вариантов — и торцовые, и со снятием по плоской боковой стороне, и подпризматические, но нет типичных клиновидных микронуклеусов, характерных для других культур. Отметим двуплощадочные торцовые (3 экз., рис. 1, *14*) со снятием по одному узкому краю, площадки скошены под углом 40—60°, противоположный рабочей стороне край овальный; двуплощадочный со снятием по боковой слегка выпуклой

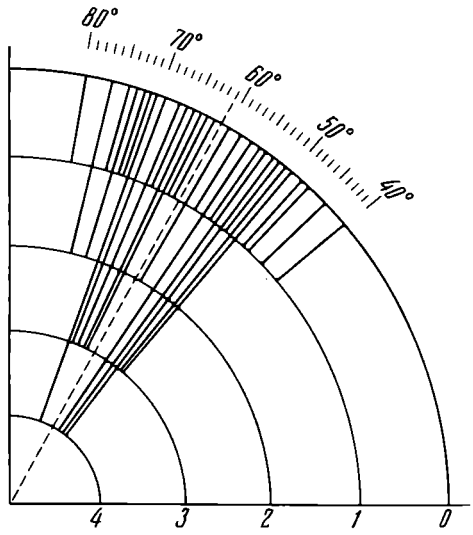


Рис. 2

Рис. 2. Распределение крутизны ретуши лезвий скребков в градусах; по оси абсцисс — количество экземпляров

Рис. 3. Распределение показателя кривизны лезвий скребков. По обе стороны от оси ординат — количество в экземплярах

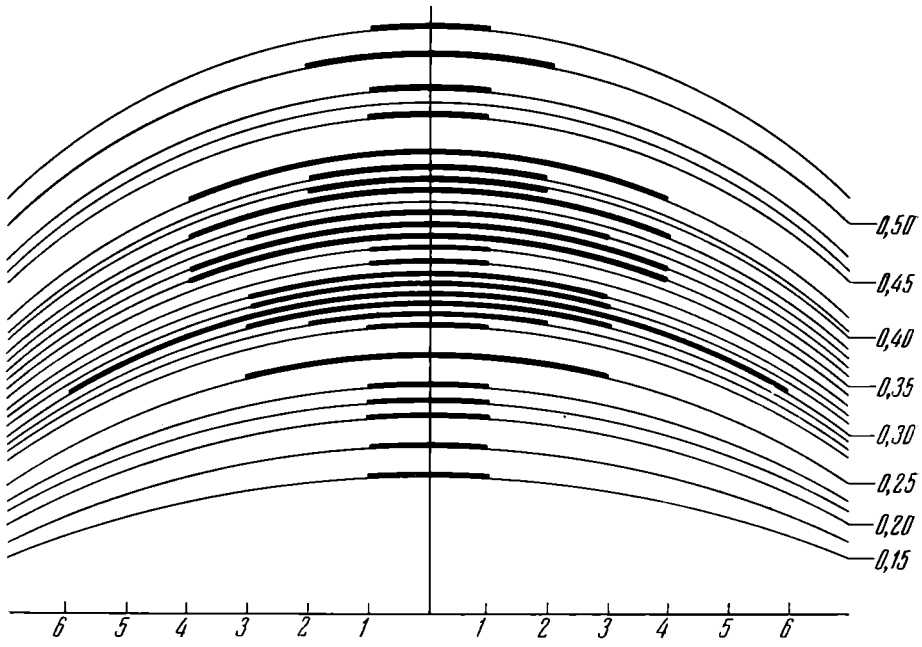


Рис. 3

стороне (рис. 1, *13*); двуплощадочный со снятием по торцу и по уплощенной боковой стороне с другой площадки (рис. 1, *12*). Имеются и иные комбинации: снятие по одному торцу с одной площадки, по другому — с двух (рис. 1, *8*). Есть атипичные вторичные ядрища. Размер рабочей стороны нуклеусов 45—34 мм. Видимо, подобным и несколько большим нуклеусам соответствуют реберчатые сколы (6 экз., рис. 1, *4*, *5*) от 27 до 18 мм и неудачные снятия микропластин, представляющие продольные толстые сколы вдоль рабочего края торцовых нуклеусов (16 экз., рис. 1, *7*); возможно, что часть из них является резцовыми сколами полиэдрических резцов.

Орудия. Наиболее выразительна серия скребков (53 экз.). Преобладают скребки на пластинах и обломках пластин (31 экз.). Скребки на пластинах все концевые, с выпуклыми лезвиями (функционально Н. Н. Скакун на многих при просмотре под микроскопом определила и боковые скребущие лезвия). Скребки на отщепах имеются округлые. Крутизна ретуши всех скребков колеблется от 40 до 80°, но выделяются две группы по этому показателю: с углом от 50 до 57° (19 экз.) и от 60 до 71° (20 экз.). Распределение по крутизне лезвия см. на рис. 2.

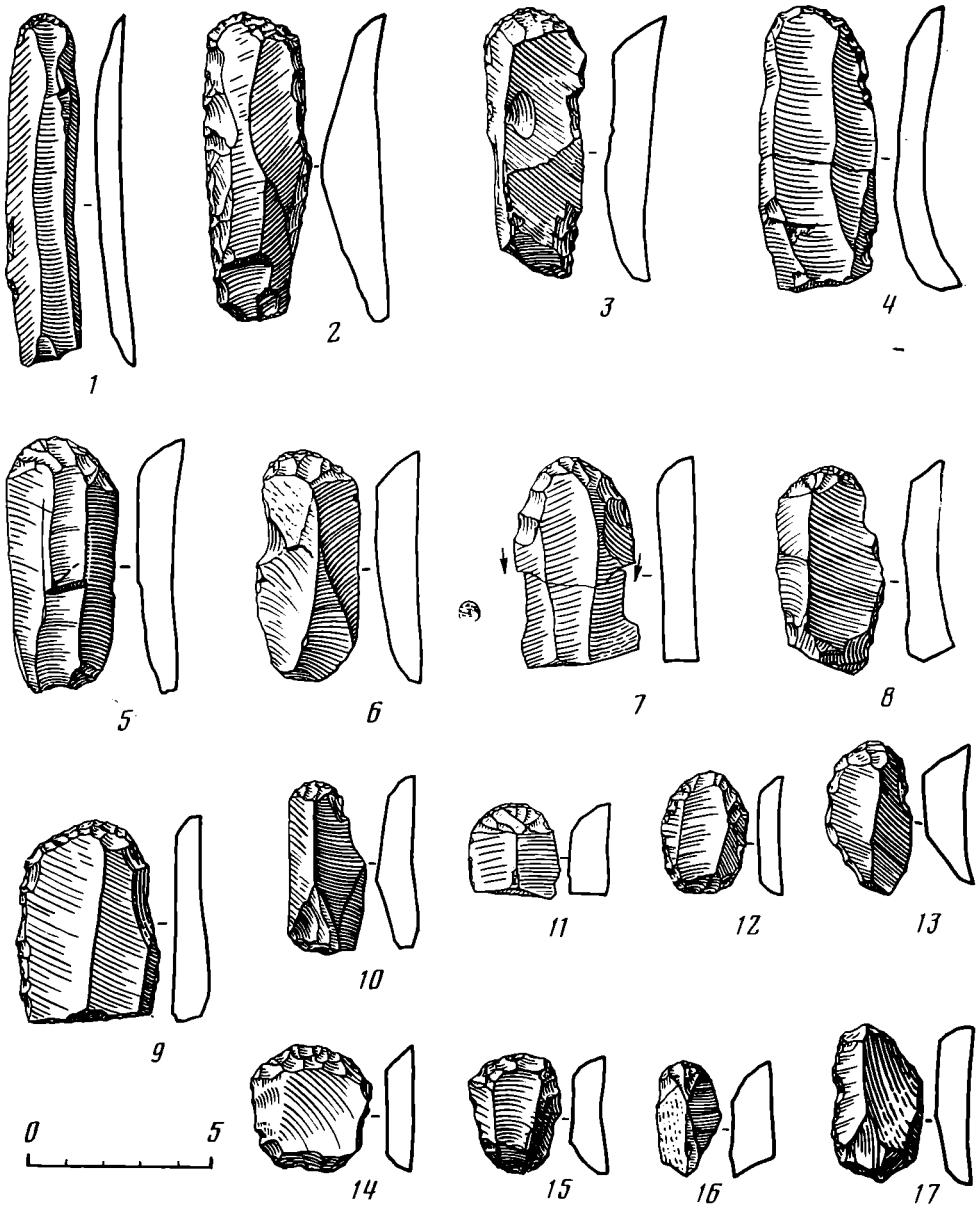


Рис. 4. Инвентарь стоянки Голубая I

Показатель кривизны [1, с. 43—49], который достаточно хорошо характеризует выпуклость лезвия, колеблется от 0,15 (уплощенное) до 0,52 (выпуклое или полукруглое). В основном показатель кривизны колеблется от 0,27 до 0,47 (44 экз.), внутри подразделяясь на две группы: 0,27—0,33 (19 экз.) и 0,35—0,42 (24 экз.). Распределение лезвий скребков по показателю кривизны видно на рис. 3. Преобладает симметричное лезвие скребка (20 экз.), но есть и скошенное (11 экз.). Ширина лезвия в среднем 22 мм — от 10 до 33 мм. Сечение, т. е. отношение толщины к ширине лезвия, в среднем 0,37 — от 0,2 до 1,0. Оно отражает в основном пропорции заготовки. Связи между углом ретуши и толщиной скребка, между углом и сечением, углом и кривизной, углом и отношением высоты лезвия к толщине заготовки установить не удалось — возможно, из-за малого количества орудий. Наиболее выразительным вариантом концевых скребков являются скребки на пластинах с параллельными краями и дополнительной ретушью краев (рис. 4, *2*, *3*, *9*). Ретушь, как правило, крутая, затупливающая по двум краям (6 экз.), либо легкая по одному краю (6 экз.). Опишем один из скребков этой группы (рис. 4, *2*). Его размер 85×28×8 мм (толщина и ширина берутся у лезвия). Он разбит в древности на три части — лезвие и средняя часть

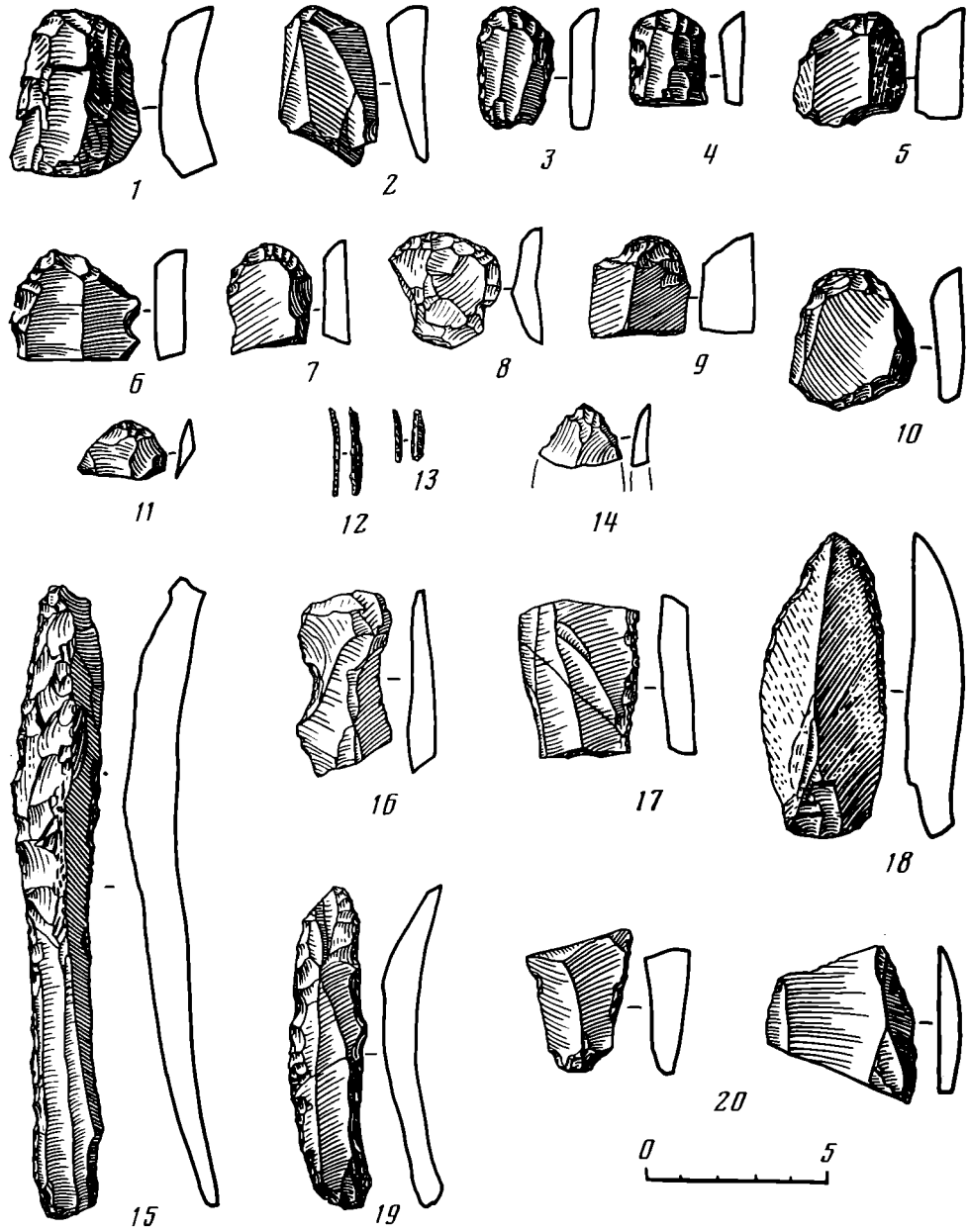


Рис. 5. Инвентарь стоянки Голубая I

были найдены на квадрате Г18, а проксимальная часть — на квадрате Д17. Лезвие выпуклое, слегка скошенное вправо, резко смыкается с краями. Ретушь средней крутизны, фасетки мелкие, короткие, с заломами, в несколько рядов. Края обработаны крутой притупливающей ретушью, видимо, с целью удобства держания. Другой вариант иных пропорций (98×16×4 мм), не имеет ретуши краев, хотя они довольно острые (рис. 4, *1*). Лезвие его изящное и не очень крепкое. Возможно, им делали не такую грубую работу, как вышеописанным, и не было надобности ретушировать края либо он вставлялся в ручку, так как проксимальная часть отломана нажимом в направлении на лезвие, как при скоблении. Очень показательны в этом смысле еще два скребка. Лезвие одного (рис. 4, *4*) сделано на проксимальной части, орудие было сломано, его куски лежали на квадратах В13 и Г13. Второй скребок тоже был сломан, и обломившаяся часть была доработана и использовалась как двойной угловой резец. Куски были найдены на квадратах Д13 и В14 (рис. 4, 7). Нельзя не указать еще на два скребка, которые тоже разломаны в древности. Оба на обломках пластин, средняя оставшаяся часть

которых потом использовалась, по определению Н. Н. Скакун, как ножи. Куски одного найдены на квадратах В12 и Г13, второй — на В18 и Г18. Следует отметить два комбинированных скребка. Один из них (рис. 4, *3*), кроме скребкового лезвия, подправлен наискось на другом конце крутой затупливающей ретушью, а на получившемся углу — фасетками длинной мелкой ретуши выделен режущий элемент на углу заготовки. На втором скребке у проксимальной части сделано небольшое лезвие скобеля или узкого высокой формы скребочка. Вторую группу скребков составляют скребки на отщепах. Два из них двойные (рис. 5, *10*). В отличие от двойных скребков на обломках пластин лезвия данных экземпляров неравны, ретушь стремится охватить весь отщеп, но все же это не округлые скребки. Два лезвия на каждом явно преобладают. Лезвия выпуклые, ретушь мелкая, двурядная, средней крутизны. Остальные скребки на отщепах однолезвийные. Они в основном отличаются сечением и степенью кривизны лезвия. Среди овальных, в общем уплощенных в сечении (от 0,2 до 0,33) имеется один скребок довольно высокой формы (сечение 0,67, рис. 4, *13*), который заслуживает особого описания. Он сделан на окатанном в древности отщепе, его грани, за исключением фасеток ретуши, совершенно заглажены. Видимо, это подобранный еще в палеолите и заново оформленный скребок. Подобный же скребок имеется и среди выпуклых (рис. 4, *14*), но сделан он на плоском отщепе. По левому краю сохранилась древняя заглаженная ретушь, лезвие оформлено заново, по правому краю — притупливающая ретушь и имеется выемка на нижнем, противоположном лезвию конце. Еще один скребок — с выпуклым лезвием — сделан на отщепе так, что ретушью снята проксимальная часть. Боковые края обработаны мелкой притупливающей ретушью, которая создала широкие неглубокие выемки; этим он напоминает скребки на пластинах с ретушью краев и выемками у лезвия, но у последних выемки не были столь велики и симметричны. Особо отметим скребок со слабо выпуклым, почти прямым лезвием. Ретушь мелкими длинными фасетками, средней крутизны, сечение 0,4. Примечательно, что ретушь, но более крутая и короткая, заходит на боковые края, в данном случае явно не для предохранения рук от пореза (рис. 5, *8*). Имеется также довольно крупный скребок с плечиком (лезвие 35 мм, сечение 0,37), лезвие его сделано на проксимальной части. Ретушь крутая у кромки и становится далее более пологой за счет двухрядности. Плечико справа образовано выемкой, между выемкой и выпуклой частью над кромкой выступает острый шип. Остальные скребки на отщепах атипичны, из них два, видимо, поломанные. Примечательно, что в комплексе совершенно нет скребел на отщепах, столь характерных для многих енисейских памятников. К скреблам можно отнести обломки пластин и отщепы с ретушированными краями — простые боковые прямые скребла (3 экз.— рис. 5, *17*, *20*, *21*) и одно атипичное.

Вторая выразительная группа орудий — пластины с ретушью краев (12 экз.), из них целых — две. Одна реберчатая, если не считать двух негативов предшествующих сколов, наиболее крупная: длина — 179, ширина — 17, толщина — 12 мм. Левый край ретуширован неровной мелкой короткой ретушью, правый — лишь частично (рис. 5, *15*). Другая, тоже массивная и искривленная, по краям ретуширована средней короткой крутой ретушью с легкой подправкой, лишь острие выделено мелкой удлиненной ретушью (рис. 5, *19*). Особо выделяется укороченная атипичная пластина с двумя широкими выемками по краям, одна является изгибом края с мелкой ретушью, другая сделана затупляющей мелкой ретушью (рис. 5, *16*). Имеются обломки пластин с ретушью по краю, один из них, с ретушью по правому краю, отнесен к скреблам (рис. 5, *17*). Остальные обломки пластин ретушированы по двум или одному краю. Средние и проксимальные части пластин — возможно, части поломанных орудий, скорее всего скребков. Один обломок склеен из двух кусков, найденных на одном квадрате Г18, другой — на соседних квадратах В14 и Б14. Кроме крупных пластин имеется серия (13 экз., рис. 5, *12*, *13*) очень маленьких, но довольно массивных микропластинок с ретушью од-

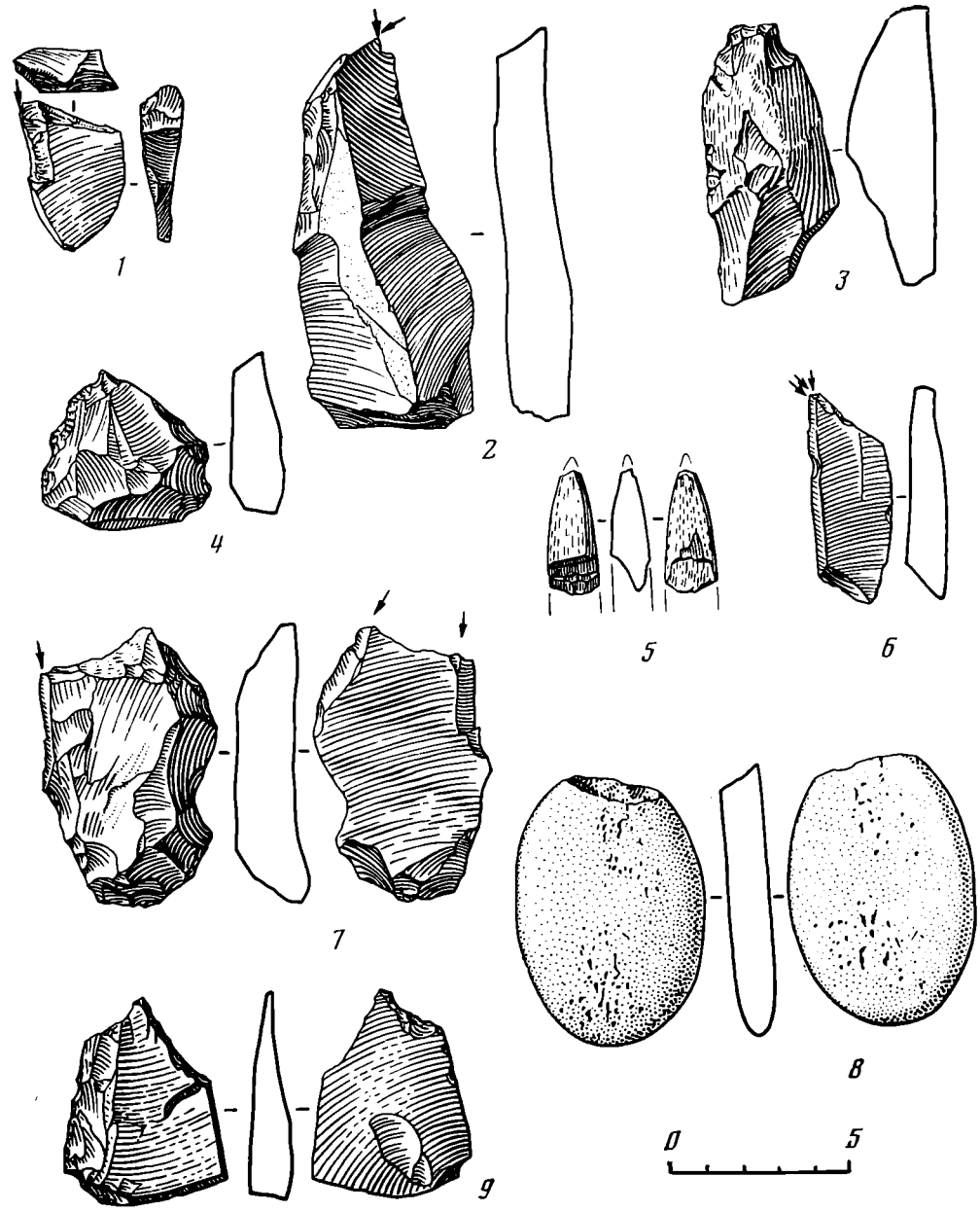


Рис. 6. Инвентарь стоянки Голубая I

ного края, в трех случаях — двух, но второй край ретуширован в таком случае только у одного из концов либо противолежащей ретушью. По краю ретушь крутая, на кончике она несколько более пологая и образует острие (4 экз.). Средняя длина этих микропластинок 15,8 мм, единственный целый экземпляр имеет длину 18,9 мм. Средняя ширина 3,7 мм при наибольшей 4 и наименьшей 2 мм, средняя толщина 1,8 при наибольшей 2,3 и наименьшей 1,5 мм. Определить их назначение не удалось, можно предполагать применение их как микроострий.

Острия — имеется одно на массивной трехгранной в сечении пластине. Ретушь правого края мелкая, чешуйчатая, пологая; левого — менее равномерная (рис. 5, *18*). Есть еще обломок, по-видимому, острия, но с лучше обработанным клювовидным кончиком. Как и скребла, острия не характерны для индустрии стоянки Голубая I.

Резцы. Эти орудия разнотипны и в большинстве не очень выразительны, их всего 20 экземпляров вместе с атипичными. Многофасеточные резцы (3 экз.) сделаны на обломках пластин и на отщепе. Один из них срединный, два угловые. Резцы напоминают торцовые нуклеусы для микропластин, но углы между площадкой и плоскостью снятия резцовых

сколов типа микропластин острее, до 40°, у одного больше — до 60°. Имеется многофасеточный резец на удлиненном обломке отщепа (рис. 6, *6*). Один двойной угловой резец сделан из обломка скребка на конце пластины (рис. 4, 7). Имеется комбинированное орудие — двойной угловой резец на отщепе с ретушью по краю — скребловидное лезвие с выемкой (рис. 6, 7). Менее выразительны резец на углу массивного отщепа и на углу массивной неправильной пластины (рис. 6, 2), остальные изделия имеют резцовые сколы и отнесены к атипичным. Большое количество резцовых сколов трудно отличить от неудачных микропластин, поскольку резцы в рассматриваемом комплексе иногда делались скошенным широким резцовым сколом. Все же имеются и типичные резцовые сколы, но их немного.

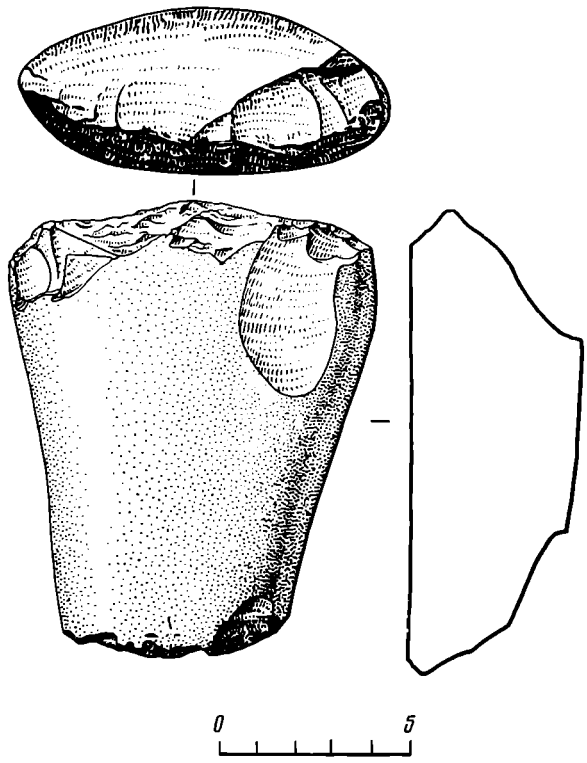


Рис. 7. Инвентарь стоянки Голубая I

Резчики и клювовидные орудия (4 экз.). Два сделаны на пластинах, два — на отщепах. Их объединяет специально подготовленное мелкой ретушью небольшое лезвие на углу пластины или отщепа, в одном случае оно выделено выемкой (рис. 6, 9).

Выемчатые орудия (5 экз.). Кроме одного, сделаны на массивных отщепах. Наиболее выразительно одно (рис. 6, *4*). По левому краю отщепа мелкой короткой ретушью сделаны три выемки, между ними выступают выпуклые лезвия. Выемки шириной 5—7, глубиной 1,5—2 мм, все лезвия размером 45 мм. Такого же типа небольшое орудие размером 1,5×2 см, где выемками выделено лезвие. Имеется один отщеп с резцовым сколом на одном конце, ретушью на другом и выемкой на правом краю, сделанной сильным ударом с дополнительной ретушью. Четвертое атипичное орудие — массивный укороченный отщеп, по краям которого сделаны выемки. Последнее из выемчатых орудий комбинированное (рис. 6, *3*). Это массивный первичный подтреугольный в сечении отщеп, края которого использовались как ретушеры, один косо обломанный конец имеет подправку сколами, образуя как бы узкий скребок высокой формы, а на другом тремя выемками крутой ретушью сделаны два массивных жальца.

Ножей с обушком 2 экз.

Обломки орудий (9 экз.) представляют сколы обновления скребущих или режущих лезвий (5 экз.) либо обломки лезвий, видимо, таких же орудий (4 экз., рис .5, *11*, *14*). Особо следует отметить обломок, видимо, какого-то инструмента для наскребания охры, судя по ясным следам краски в негативах ретуши. Последняя группа обломков отщепов, осколков с ретушью насчитывает 21 предмет. Они совершенно различны по форме, способу ретуши — от систематической правильной до ретуши утилизации, но все, видимо, использовались в работе.

Следует указать на обработанные гальки (4 экз.). Одна из них близка к чоппингу (рис. 7), хотя, вероятно, просто использовалась как нуклеус. Вторая, представляющая разбитую поперек гальку с одним сколом сбоку, использовалась вначале как отбойник, о чем говорит забитость по узким краям и на конце, а также, судя по следам, для растирания краски. Наиболее интересна третья, крупная галька размером 24,5×8,5×3,5 см.

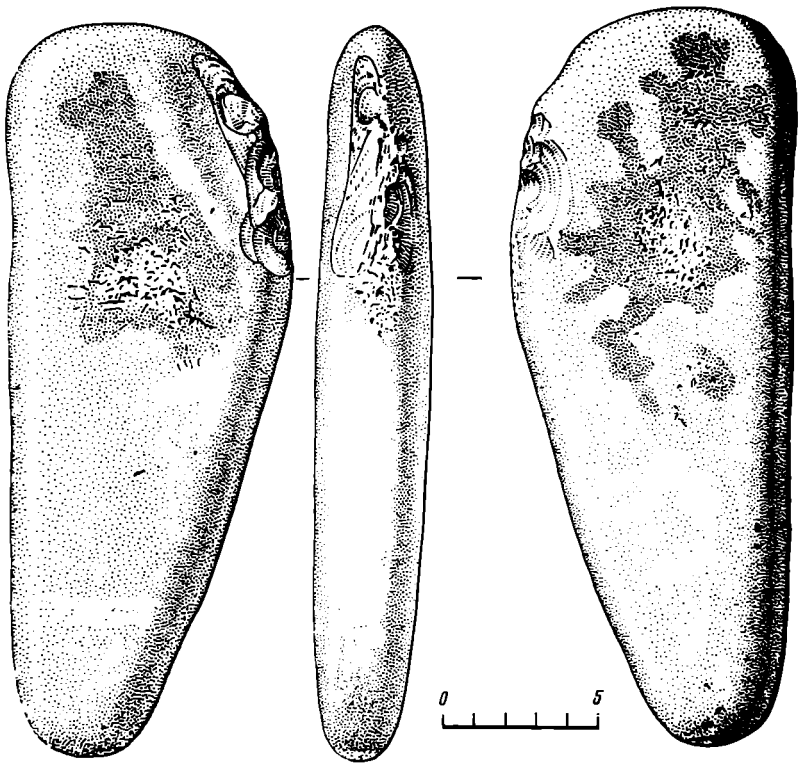


Рис. 8. Инвентарь стоянки Голубая I. Жирными точками выделены следы охры

Один выпуклый край имеет забитость от сильных ударов, концы ее — забитость от использования в качестве отбойника, плоские поверхности сначала использовались для растирания краски (краска изображена густыми точками на рис. 8), а затем как наковальня. Еще одна небольшая, размером 7,8×5,3×1,2 см, очень плоская галька с отбитым концом использовалась для растирания краски и как ретушер (рис. 6, *8*). Кроме того, в коллекции имеется еще 11 небольших, от 2 до 5 см, галечек из цветных пород, которые были в слое стоянки и могли попасть туда, только если были принесены человеком. Назначение их неясно.

Костяные орудия — всего один обломок наконечника; неясно — был ли он с пазом или нет. Сечение его, видимо, было овальным (рис. 6, *5*). Интересно, что он сделан из мамонтового бивня, возможно подобранного обитателями стоянки.

Весь инвентарь стоянки был просмотрен Н. Н. Скакун под микроскопом[1]. Она определила гальки для растирания красок, гальки-наковальни, ножи на пластинах и отщепах (24 экз.), ножи на обломках пластин, на конце которых были скребковые лезвия, боковые скребки на пластинах и обломках пластин без ретуши (24 экз.), острия (4 экз.), вкладыши из микропластинок.

Таким образом, основные черты индустрии стоянки Голубая I сводятся к следующему. Техника первичной обработки характеризуется призматическими ядрищами, преобладанием параллельного скалывания, а также применением вторичных торцовых и плоскопризматических ядрищ для микропластин.

Вторичная обработка — применение крутой и полукрутой, ступенчатой и плоской ретуши, резцовых сколов, клектонских анкошей.

До 40% орудий изготовлены на пластинах. Преобладают (до трети всех орудий) разнообразные скребки, резцы многофасеточные и угловые, пластины с ретушью, микропластины с ретушью и микроострия. Мало

[1] Автор искренне признателен Н. Н. Скакун за помощь при изучении материала стоянки.

скребел, почти нет острий, долотовидных орудий, резцы в общем разнотипные и невыразительные. Нет типичных клиновидных нуклеусов. Все эти черты резко отличают комплекс стоянки Голубая I от тех стоянок, которые были известны к моменту ее открытия.

Геологические данные, фауна, радиокарбоновые даты и развитой облик культуры позволяют уверенно говорить о развитом позднем палеолите.

Характер памятника. Напомним, что, судя по набору изделий и отходов, первичное расщепление производилось где-то вне раскопанной площадки. На месте у очага производилось изготовление орудий и главным образом подправка изготовленных и сломанных орудий. Об этом свидетельствует большое число чешуек и мелких сколов и значительная степень использования заготовок. Если учесть отщепы и пластины, пригодные для изготовления, то орудий будет около 9%. Характер применения орудий — скобление, резание шкур и мяса, резание и скобление твердых предметов, подправка и изготовление орудий, приготовление красок — также указывает на то, что здесь было постоянное обитаемое место, где производилось разделывание добычи и обработка шкур. Учитывая, что комплекс довольно кратковремен и сконцентрирован на небольшой площади у очага, достаточно резко ограниченной, можно предположить, что здесь было жилище, где обитали члены охотничьей общины, главным образом женщины и дети. Это был коллектив по использованию добычи, приносимой охотниками.

Генезис индустрии стоянки Голубая I. До недавних пор этот вопрос был совершенно неясен [2]. Голубая I демонстрирует весьма специфичный комплекс орудий, связанных с домашним хозяйством. Это своеобразие можно объяснить указанной причиной. Но трудно при этом объяснить отсутствие таких характерных для Енисея форм, как выпуклые скребла, которые, как и скребки Голубой I, пригодны для обработки шкур, или применение пластин как основы заготовок для орудий, притупливание краев пластин со скребками на концах, рассечение пластин.

Эти специфические черты настолько обособляют памятник, что нельзя найти даже отдаленных аналогий ему в Сибири. В последнее время были сделаны открытия, которые позволяют по-новому взглянуть на стоянку Голубая I. Это открытие таких памятников, как мустьерской с леваллуазской техникой пещеры Двуглазка [3, с. 211, 212], стоянки Малая Сыя [4, с. 14—26], Тарачиха [5, с. 19—30], Афанасьева Гора [6, с. 184, 185]. Пещера Двуглазка указывает на раннее заселение бассейна Енисея и, таким образом, на возможность местного происхождения позднего палеолита Енисея.

Мнение Н. Ф. Лисицына об отсутствии связи «между мустьерскими и верхнепалеолитическими комплексами по археологическим данным» [7, с. 14] отражает состояние изученности палеолита Сибири, но не возможность найти такую связь в дальнейшем. Косвенно на такую возможность указывает индустрия Малой Сыи, для которой характерно широкое использование пластины как заготовки, серии концевых скребков на пластинах с притупливающей ретушью краев — прием, известный в Голубой, так же как и отсутствие скребел и галечных орудий. Интересно и мнение В. Е. Ларичева о том, что сыйская культура находит дальнейшее развитие в мальтийской и афонтовской культурах [4, с. 18]. Не обязательно прямо связывать индустрию Сыи, имеющую радиокарбоновую дату 33 и 34 тысячи лет, со значительно более молодой афонтовской (не говоря о типологических различиях), но можно наметить гипотетическую линию развития от находок в Сые к другим индустриям, основанным на пластинчатой технике. Существенно, что стоянки Тарачиха и Афанасьева Гора, относимые Н. Ф. Лисицыным к периоду 22—16 тысяч лет (датировка еще недостаточно обоснована), демонстрируют развитую пластинчатую технику. Для Афанасьевой Горы отмечаются пластинки с выемкой, угловые и боковые резцы, округлые и концевые скребки, мелкие острия, пластинки и микропластинки с ретушью, галечные орудия. Совершенно нет скребел, долотовидных орудий, клиновидных и

крупных призматических ядрищ [7, с. 25]. Судя по всему, близка к Афанасьевой Горе и Тарачиха — «здесь обнаружен каменный инвентарь, включающий мелкие призматические нуклеусы и орудия, изготовленные из пластинок и отщепов небольших размеров: резцы, в том числе многофасеточные; скребки, в том числе двойные, и, что особенно интересно, мелкие пластинки неправильных очертаний с крутой ретушью по краю» [5, с. 18]. Нет скребел и чопперов, нет типичных клиновидных нуклеусов.

Несомненно, нет оснований прямо связывать стоянки Тарачиха и Афанасьева Гора с Голубой I, но наблюдается сходство в технике и явное отличие от афонтовской и кокоревской культур. Можно предположить, таким образом, проявление иной культуры, очень ярким представителем которой является стоянка Голубая I. Дальнейшие работы решат окончательно вопрос, насколько широко эта культура была представлена на Енисее. Среди кокоревских и афонтовских по облику культуры памятников в ближайшем районе только стоянка Означенное I [8, с 238—239], возможно, была близкой к стоянке Голубая I, но она, если судить по радиокарбоновой дате, полученной по костному образцу, древнее. Дальнейшее развитие индустрии стоянки Голубая I еще неясно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лежненко И. Л.* Опыт выделения конструктивных элементов модели скребка, их терминология и метрика.— В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск: Иркутский университет, 1975.
2. *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея и происхождение так называемого эпиграветта Северной Америки.— В кн.: Берингия в Кайнозое. Материалы Всесоюзного симпозиума Берингийская суша и ее значение для развития голарктической флоры и фауны в кайнозое. Хабаровск, 1973. Владивосток, 1976.
3. *Абрамова З. А., Ерицян Б. Г., Ермолова Н. М.* Новый мустьерский памятник Южной Сибири.— АО — 1975. М., 1976.
4. *Ларичев В. Е.* У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири.— В кн.: Рериховские чтения. Новосибирск: Ротапринт ГПНТБ, 1976.
5. *Абрамова З. А.* Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Ротапринт ГПНТБ СО АН СССР, 1975.
6. *Абрамова З. А., Лисицын Н. Ф.* Исследование памятников эпохи камня на побережье Красноярского моря.— АО — 1976. М., 1977.
7. *Лисицын Н. Ф.* Каменный век Минусинской котловины. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
8. *Астахов С. Н.* Работы палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции.— АО — 1971. М., 1972.

S. N. Astakhov

GOLUBAYA I-A LATE PALAEOLITHIC SITE ON THE ENISEI

Summary

The author dwells in detail on the materials obtained in the course of diggings of a three-layer Palaeolithic site not far from the Golubaya river, a right tributary of Enisei. Geological data relate the two upper layers to the end of the Palaeolithic, but scantiness of materials prevents from identifying their cultural affiliation. The lower layer is rich in cultural remains which are mainly found around a hearth surroundede by boulders. The hearth is sutiated in the centre of a clearly defined area, probably traces of a round dwelling. Flake industry (scrapers, retouched blades, burins) indicates that we are dealing with a new, previously unknown in Siberia, Palaeolithic culture. The functions of the implements were determined through trace element analysis and their distribution over the whole area of the dwelling was determined. C_{14} dating gives the age of the lower layer as 13050±90 years B. P., which is in accord with geological dating. The author gives a list of plants which suggests that the forest area has shrinked during the Quarternary.

МЕРПЕРТ Н. Я., МУНЧАЕВ Р. М.

ПОСЕЛЕНИЕ УБЕЙДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯРЫМ-ТЕПЕ III В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

(из итогов работ Советской экспедиции в Ираке)

Археологическая экспедиция АН СССР провела 12 полевых сезонов (1969—1980 гг.) в Северной Месопотамии. Все эти годы работы экспедиции были сосредоточены в Синджарской долине, в районе г. Телафара Ниневийской области Ирака [1]. Широким исследованиям подверглись памятники от VIII до IV тысячелетия до н. э. Наиболее ранний из них — поселение докерамического неолита Телль Магзалия, расположенное на грани предгорий и Месопотамской равнины и связанное еще с процессом неолитической революции [2]. Следующая хронологическая группа представлена поселениями Телль Сотто и Кюльтепе, относящимися к концу VII — началу VI тысячелетия до н. э. и знаменующими начало заселения Эль Джезиры [3]. Большие по масштабам раскопки были проведены на памятниках хассунской и халафской культур VI—V тысячелетий до н. э.— Ярым-Тепе I и II [1]. Материалы отмеченных памятников, в особенности поселений Ярым-Тепе I и II, уже в значительной мере опубликованы и получили известность. Но, кроме них, экспедиция исследовала еще один крупный объект — поселение Ярым-Тепе III, материалы которого в научный оборот еще не введены. Поселение это двухслойное. Верхняя его часть принадлежит убейдской культуре Месопотамии конца V — первой половины IV тысячелетия до н. э., а нижняя — халафской культуре. Возможно, на отдельных участках имеется и более ранний слой, связанный с хассунской культурой.

Настоящая статья посвящена результатам раскопок верхних слоев Ярым-Тепе III, т. е. остаткам поселения убейдской культуры. Эта культура непосредственно предшествует началу собственно шумерской цивилизации, становлению древнейших городов и государственных образований Месопотамии. Поэтому ее иногда называют «протошумерской». В отличие от всех предшествующих культур она охватила всю территорию Месопотамии. При этом в северных районах развитие ее приняло особые формы, что позволило некоторым исследователям говорить о специфической североубейдской культуре. Вопросы ее формирования, выработки отмеченной специфики, соотношение убейдской культуры с предшествующей халафской, характер перехода между ними представляют одну из важных проблем культурно-исторического развития дописьменной Месопотамии. Учитывая, что на севере Месопотамии широким исследованиям подверглись убейдские слои лишь двух памятников — Тепе Гавры и Телль Арпачии, следует с особым вниманием отнестись к раскопкам подобных слоев на Ярым-Тепе III.

Ярым-Тепе III — наиболее крупный телль в группе из шести холмов того же названия, расположенный примерно в 7—8 км к западу от Телафара. Он находится на правом берегу ручья Джубарадяряси, около 250 м, отделяет его от находящегося на поле к востоку от ручья поселения Ярым-Тепе I. Южная пола холма почти сливается с северо-западной полой холма Ярым-Тепе II. С севера, юга и запада к Ярым-Тепе III примыкают регулярно обрабатываемые поля, однако основная его часть запашке не подвергалась. Поверхность холма задернована.

Диаметр холма достигает в среднем 225 м. Восточная и южная полы заметно круче прочих. Наивысшая точка сдвинута к юго-востоку, высота

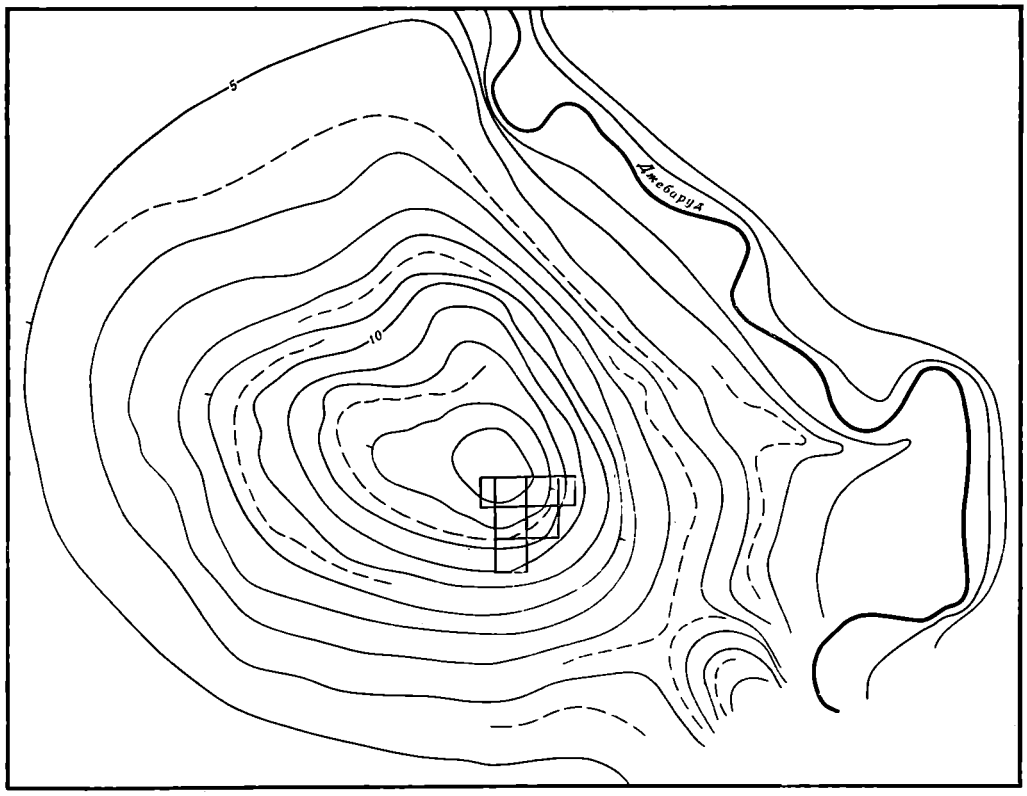


Рис. 1. План поселения Ярым-Тепе III

ее над уровнем поля в среднем 10 м, а над уровнем ручья свыше 12 м (рис. 1). Это, так же как и деформация ряда участков, следы нивелировки и прочие нарушения поверхности, связано с существованием на холме в 30-е годы нашего века поселка жителей Синджарской долины.

Материал, собранный на поверхности холма, обилен и включает типичные образцы североубейдской и халафской керамики, а также единичные фрагменты более поздней, в том числе поливной, посуды. В значительном числе отмечены осколки кремня и обсидиановые и кремневые пластины.

Раскопки поселения Ярым-Тепе III проведены экспедицией в 1977—1980 гг.[1] На южном, более сохранившемся склоне, непосредственно примыкающем к центральной части холма, заложен раскоп полощадью свыше 500 м². Кроме того, у подошвы холма с северной, южной и западной сторон вскрыты шурфы площадью 25 м² каждый. Основной раскоп доведен до глубины 7 м, а шурфы до материка. В результате установлено, что общая мощность культурного слоя холма составляет в среднем 12 м. При этом нижние 8 м отложений относятся в основном к халафской культуре, а верхние 4 м — к убейдской.

Регулярный убейдский слой начинается фактически с самой поверхности холма. К сожалению, верхняя часть слоя нарушена многочисленными погребениями. Раскопано, в частности, 19 захоронений. Некоторые из них были совершены в массивных каменных склепах. Ряд погребений, судя по немногочисленному инвентарю, относится, видимо, к эллинистической эпохе, большинство же датируется исламским периодом.

В убейдских слоях исследованного участка поселения вскрыто восемь больших домов, относящихся к нескольким последовательным строительным горизонтам. Они объединяют свыше 90 помещений (рис. 2—5). Наиболее ранние из них стоят непосредственно на строительных остатках финального горизонта халафского слоя. В восточной части раскопа,

[1] В раскопках поселения Ярым-Тепе III помимо авторов принимали участие Н. О. Бадер, О. Г. Большаков, В. И. Гуляев, И. Г. Нариманов и С. С. Ширинский.

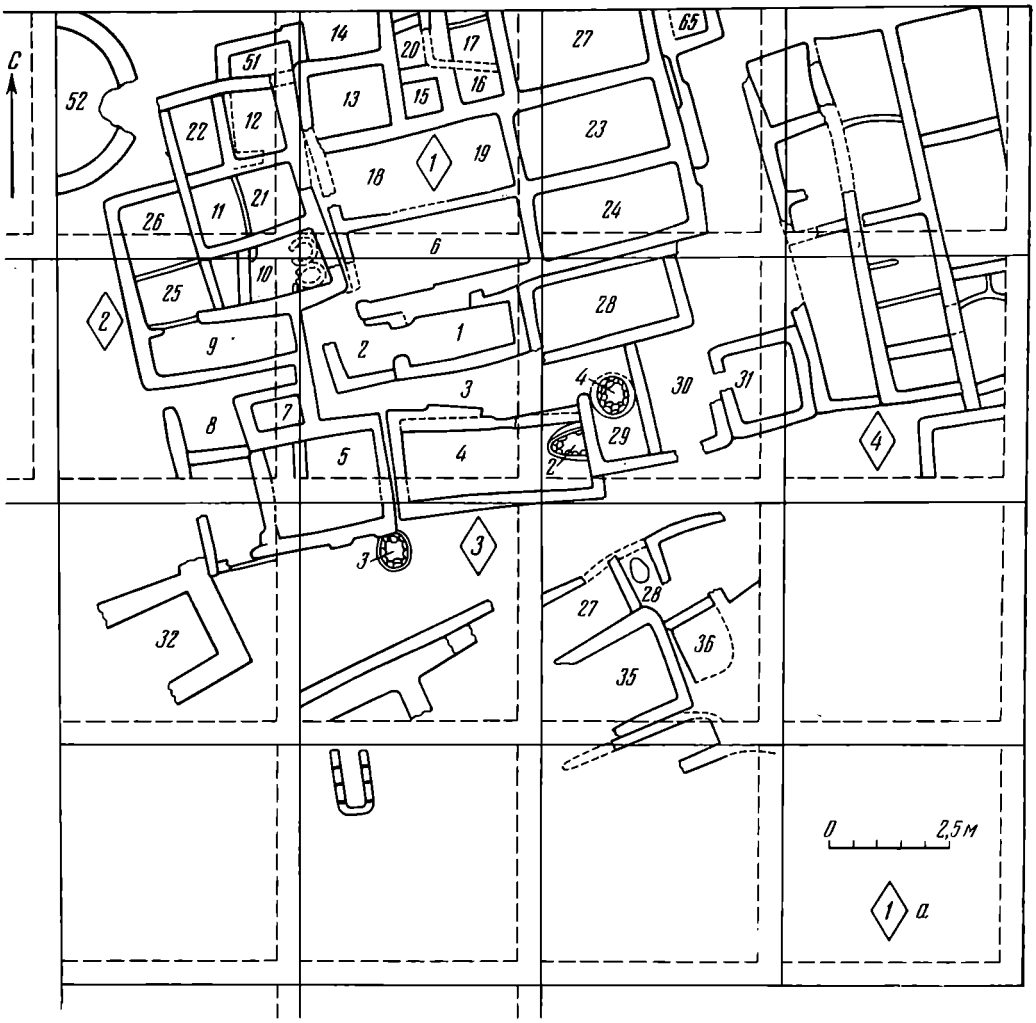


Рис. 2. Ярым-Тепе III. План сооружения верхних (I—II) горизонтов *1—65* — номера помещений, *а* — номера строительных комплексов

где уровни полов их колеблются от 3,65 до 4,20 м, они условно отнесены к IV горизонту. Это прежде всего строительные комплексы, отмеченные под № 8 и 4. Рассмотрим их.

Первоначальную основу комплекса 8 составляли пять прямоугольных помещений (рис. 3) площадью от 1,50×0,70 до 3,90×2,25 м. В самом крупном из них (помещение 88), в его юго-западном углу, находилась прямоугольная (1,15×0,70 м) глиняная печь. Далее к этой основе пристроены с севера небольшие вспомогательные помещения— 81, 82, 86 и 91 (1,50×1,10; 1,25×1,25; 1,10×1,10 м). Ряд помещений в северной и северо-западной частях комплекса разрушен поздними ямами, так же как и вся его южная часть. В целом это была большая и массивная постройка (стены ее сохранились на высоту более 1 м), включавшая более 10 помещений и подвергавшаяся неоднократным достройкам и ремонтам. О последних свидетельствуют двойные и даже тройные стены ряда помещений. Наибольшие комнаты соединены дверями со смежными помещениями. В них же найдены крупные зернотерки. Насыщенность находками во вспомогательных помещениях незначительна.

Комплекс 4 находился несколько севернее описанного (рис. 3). Основу его составляли девять одновременно сооруженных прямоугольных помещений, вытянутых с севера на юг (рис. 4, *б*). Размеры их: 3,40×1,25; 3,50×1,25; 3,50×1,25; 2,25×1,50; 2,50×1,60; 2,85×1,25 м и т. д. Стены их сохранились на высоту 1,5 м и более. Несколько позднее к основному ядру было пристроено небольшое квадратное помещение 1,25×1,25 м). Вполне вероятно, что постройка имела продолжение как

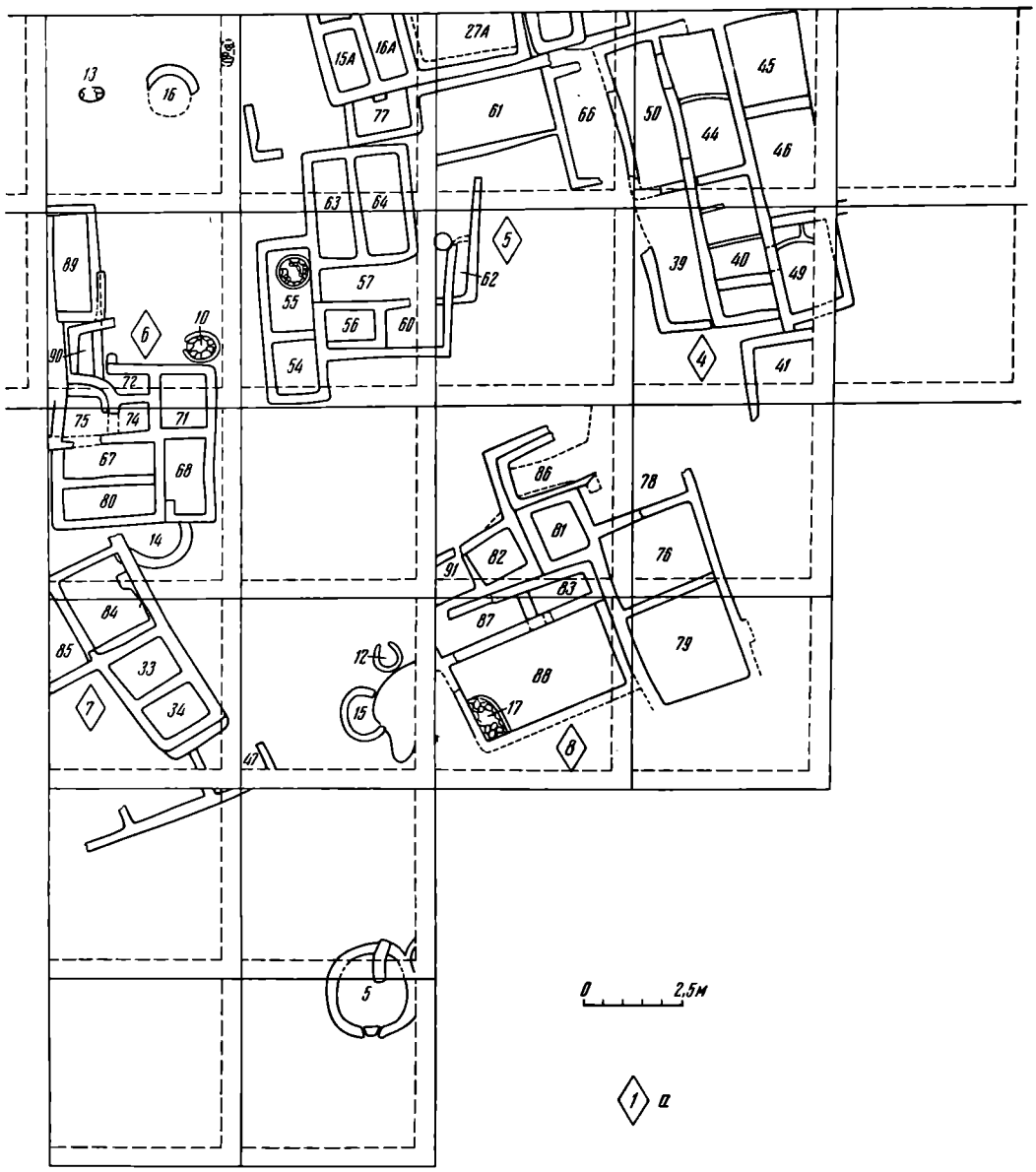


Рис. 3. Ярым-Тепе III. План сооружений III—IV горизонтов. *1—91* — номера помещений; *а* — номера строительных комплексов

к югу, так и к востоку. Дверные проемы прослежены в трех помещениях. Но ни одно из помещений не имело печи и едва ли было жилым. Скорее всего весь комплекс носил хозяйственный характер. Насыщенность слоя здесь значительна, но главным образом у самых полов. Находки представлены исключительно керамикой. В одном помещении (45) найдена зернотерка, а в заполнении другого вскрыты два впущенных сюда убейдских погребения.

Немногочисленные следы построек следующего строительного уровня на данном участке поселения, которые условно могут быть отнесены к III горизонту, в значительной мере повторяют план описанных комплексов и включают отдельные их детали.

Основные же сооружения условно выделенного III горизонта стоят на уровне 3,20—2,80 м, подчинены уже собственному плану и являются, очевидно, результатом распространения застройки поселения на более западные участки. Наиболее значительное сооружение здесь комплекс 5 (рис. 4, *4*, *5*). Он состоял из трех групп помещений, расположенных по западную, северную и восточную стороны большого (8×4 м) открытого двора (рис. 3). Четко установлена последовательность постройки отдель-

ных помещений в каждой группе. Так, в западной группе первоначально были сооружены помещения 56 (1,25×1,10 м) и 60 (1,60×1,10 м), а затем остальные; в северной же — помещения 15а (1,65×0,80 м), 16а (1,80×0,86 м) и 27а (длина 2,65 м). Последние составляли единую постройку, которую не удалось полностью вскрыть, поскольку один край ее уходит под борт раскопа. Это было массивное сооружение, стены которого неоднократно надстраивались и прослежены от основания фактически до поверхности холма, т. е. на высоту около 3 м (рис. 4, *4*). При закладке стен по периметру здания была вырыта специальная канава глубиной 20 см. Пристроенное к нему с юга помещение (77) связано с определенной реконструкцией сооружения. Это новое помещение соединило северную часть комплекса с западной. Восточную же часть составили реконструированные помещения раннего комплекса 4.

При дальнейших перестройках этого участка застройки открытый двор был перегорожен стеной и к западной части комплекса были пристроены три помещения — 54, 55 и 62. В помещении 55 (2,25×1,10 м) открыта круглая печь, а в другом (62) прослежено значительное скопление остатков зерна, что, вероятно, и определяет его назначение.

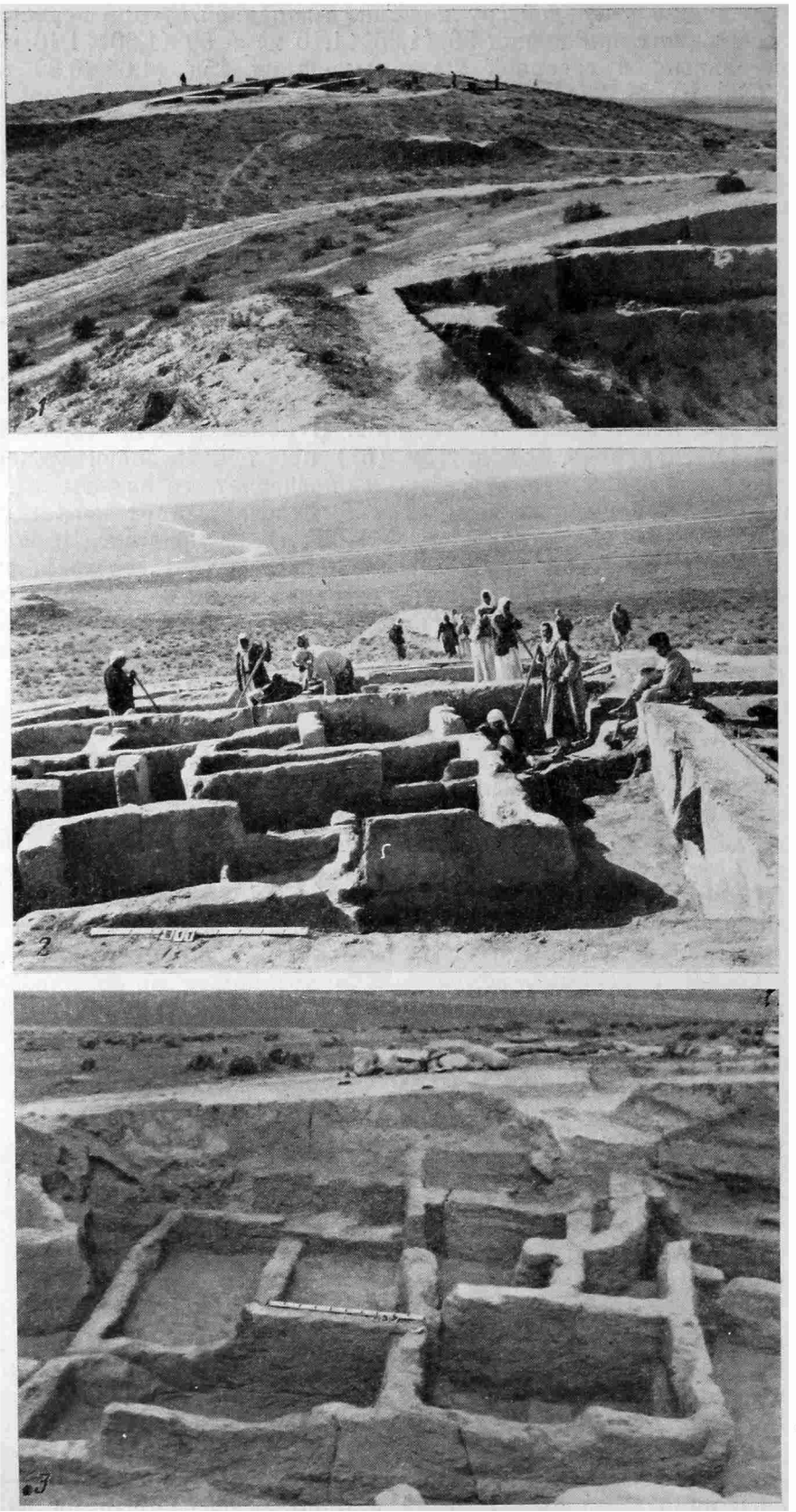
Западнее, параллельно комплексу 5, отделенный от него переходом шириной 1,30 м (а первоначально 2,65 м) располагался комплекс 6 (рис. 3; 4, *3*). Наиболее древнее его помещение (89) соответствует первоначальным постройкам западной и северной групп комплекса 5. В дальнейшем при реконструкции это помещение перестало функционировать, его северная и южная стены были срезаны. Еще один отдельный комплекс (7) располагался к югу от комплекса 6. Вскрытая часть его состояла из четырех помещений (33, 34, 84 и 85). Три из них составляли один ряд (с юго-востока на северо-запад). Две комнаты (33 и 34) носили вспомогательный характер, третья же (84), имевшая дверной проем и следы очага и более насыщенная культурными остатками, могла быть жилым помещением.

Комплексы 6 и 7 близки по времени и перекрывают остатки круглой печи диаметром 1,20 м. Следует отметить отсутствие печей в помещениях данных комплексов (за исключением очага в помещении 84). Печи располагались на открытых площадках к востоку от домов.

К строительному горизонту III относится и помещение 47, находившееся южнее описанных комплексов и возникшее после одной из их перестроек. Северо-западный угол раскопа в период III горизонта оставался свободным от построек, там располагались лишь печи и очаги. Свободное пространство сохранялось здесь и позднее: печи перекрыты слоем забутовки (толщиной 30 см), которая в свою очередь перекрыта слоем утрамбованных сероглиняных полов (толщиной 50 см), подстилающих уже сооружения следующего, II горизонта. При этом плотность застройки здесь и на основном, нижнем уровне этого нового горизонта заметно уступала застройке других участков.

II горизонт представлен прежде всего комплексом 1 (рис. 2; 4, *2*; 5. *1*). Здесь также надо отметить как черты преемственности с предшествующим горизонтом, так и новое строительство.

К первым следует отнести подвергшиеся серьезной реконструкции помещения 15а и 16а: они были перепланированы и разделены перегородками. То же следует сказать и о помещении 27, разделенном ныне на комнаты 15, 16, 17 и 20. Таким образом, часть северной группы помещений комплекса 5 горизонта III была включена в комплекс 1 горизонта II. Другая же часть ее, как и прочие группы раннего комплекса, подвергнута коренной перестройке. Так, стены построек восточной группы сооружений комплекса 5 были разобраны, созданные на их месте новые стены (близкие по плану, но сдвинутые к югу и западу) ограничили помещение 23. Южнее его, на месте открытого двора, было построено помещение 24. Оба они стояли на поверхности — 2,30—2,20 м. Практически одновременно с ними на месте западной группы комплекса 5 были заново построены помещения 6, 18, 19, а несколько позже — 13 и 14. Все они составили основу комплекса 1, которая в дальнейшем



была значительно расширена за счет последовательных пристроек. Крайним западным было здесь помещение 51; с южной стороны к комплексу пристроены помещения 1, 2 и 28, основания стен которых отмечены уже на поверхности — 2,15—2,12 м. Весь комплекс включал 15 помещений. Все они невелики, размеры их от 3,50×1,40 до 0,80×0,80 м стены сохранились в высоту до 1,30 м.

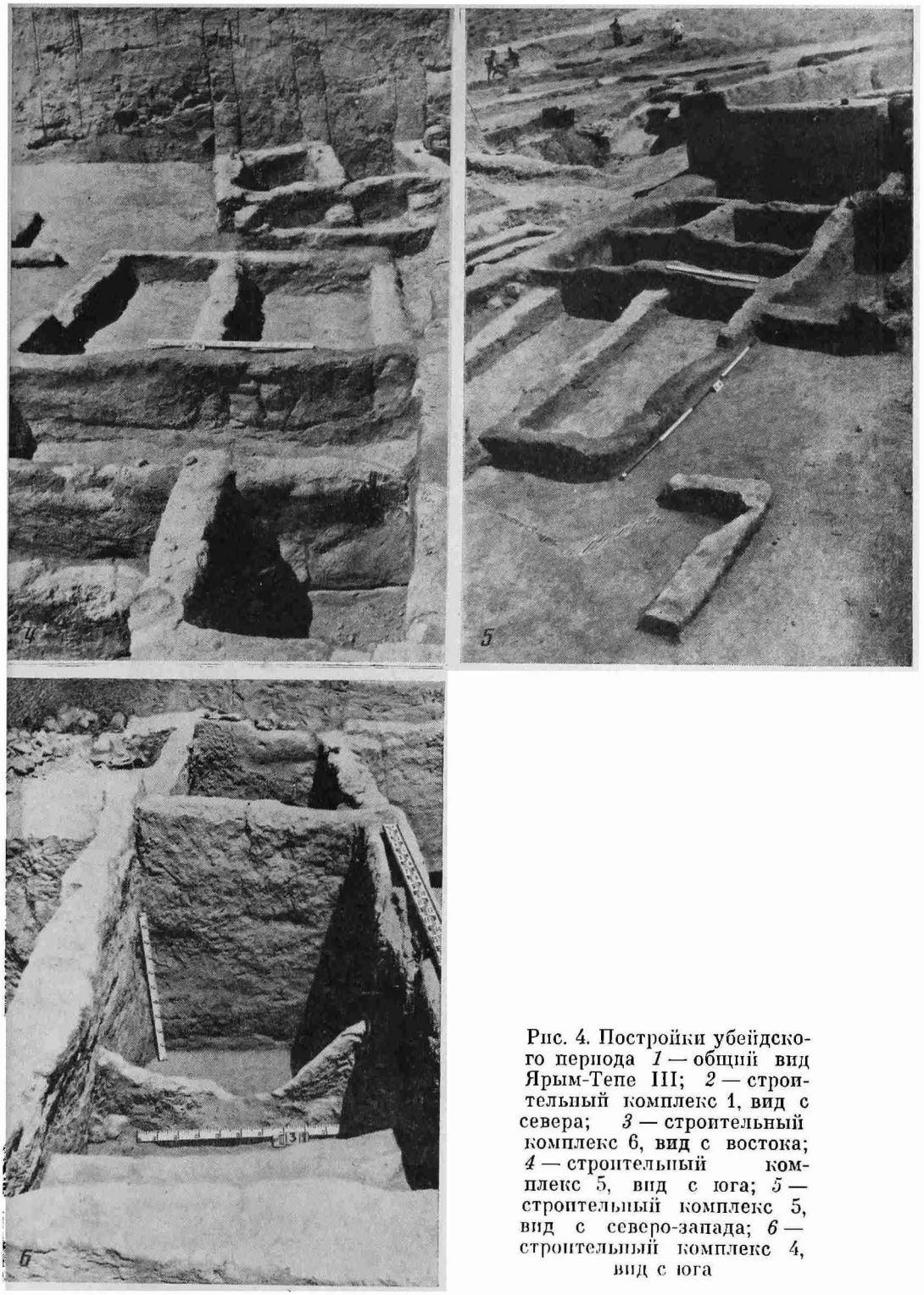


Рис. 4. Постройки убейдского периода *1* — общий вид Ярым-Тепе III; *2* — строительный комплекс 1, вид с севера; *3* — строительный комплекс 6, вид с востока; *4* — строительный комплекс 5, вид с юга; *5* — строительный комплекс 5, вид с северо-запада; *6* — строительный комплекс 4, вид с юга

Еще раз подчеркнем, что северный дом (помещения 15, 16, 17, 20 и др.) сохранил основные очертания и соответственно внешние стены ранней постройки, стены эти были лишь укреплены и значительно надстроены. Дверные проемы отмечены в стенах помещений 1 (рис. 5, *3*), 2, 6, 18. Высота их от 0,70 до 0,90 м, ширина — от 0,60 до 0,80 м.

Печей внутри помещений комплекса 1 не было, с ним, очевидно, связаны печи в открытом дворе к югу от помещения 28; двор этот узким коленчатым проходом 3 был соединен с помещением 1. Печи круглые, диаметром до 1 м, располагались они на разных глубинах: как на основном, раннем уровне комплекса 1, так и выше — на уровнях поздних пристроек к нему.

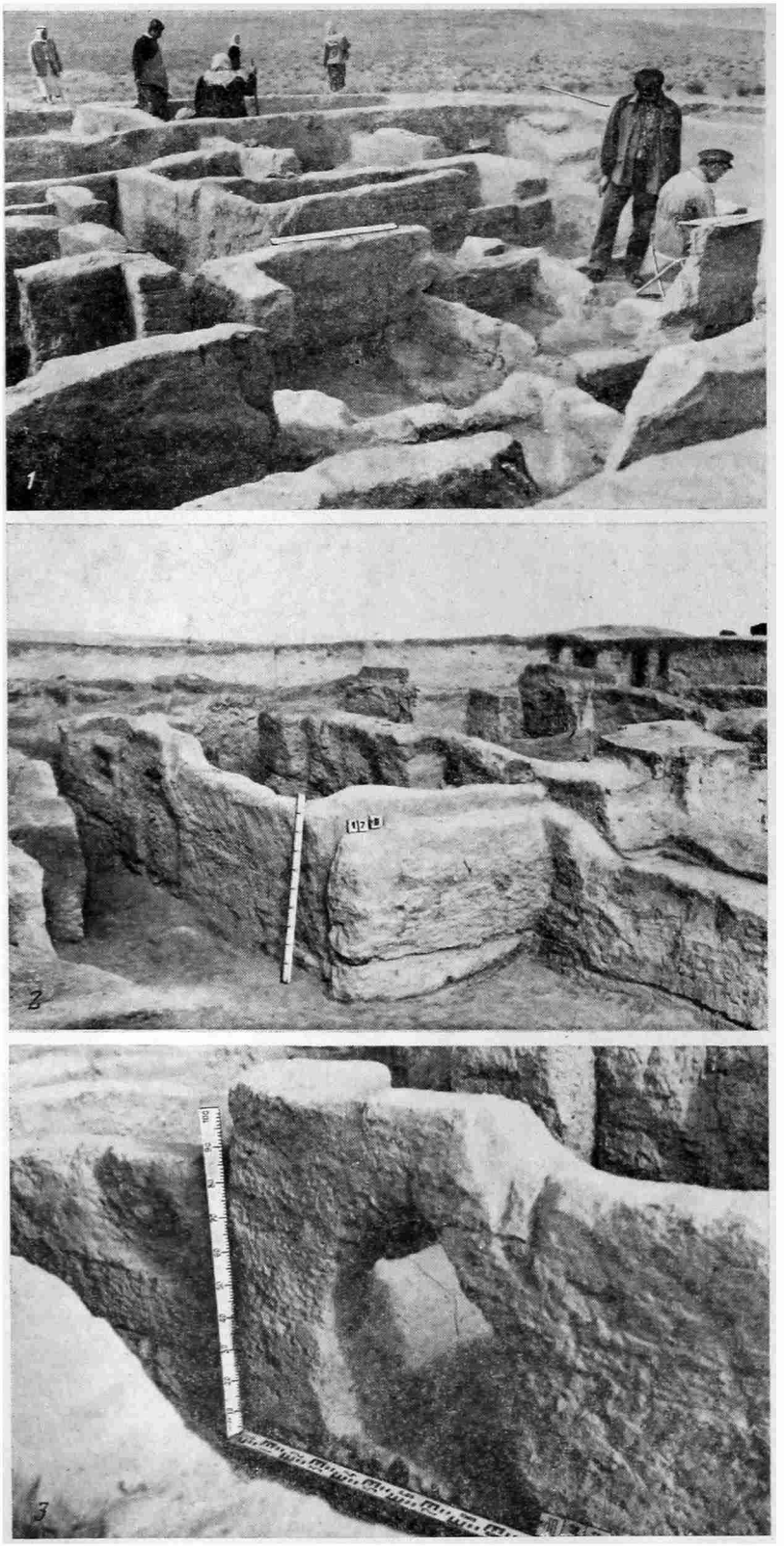
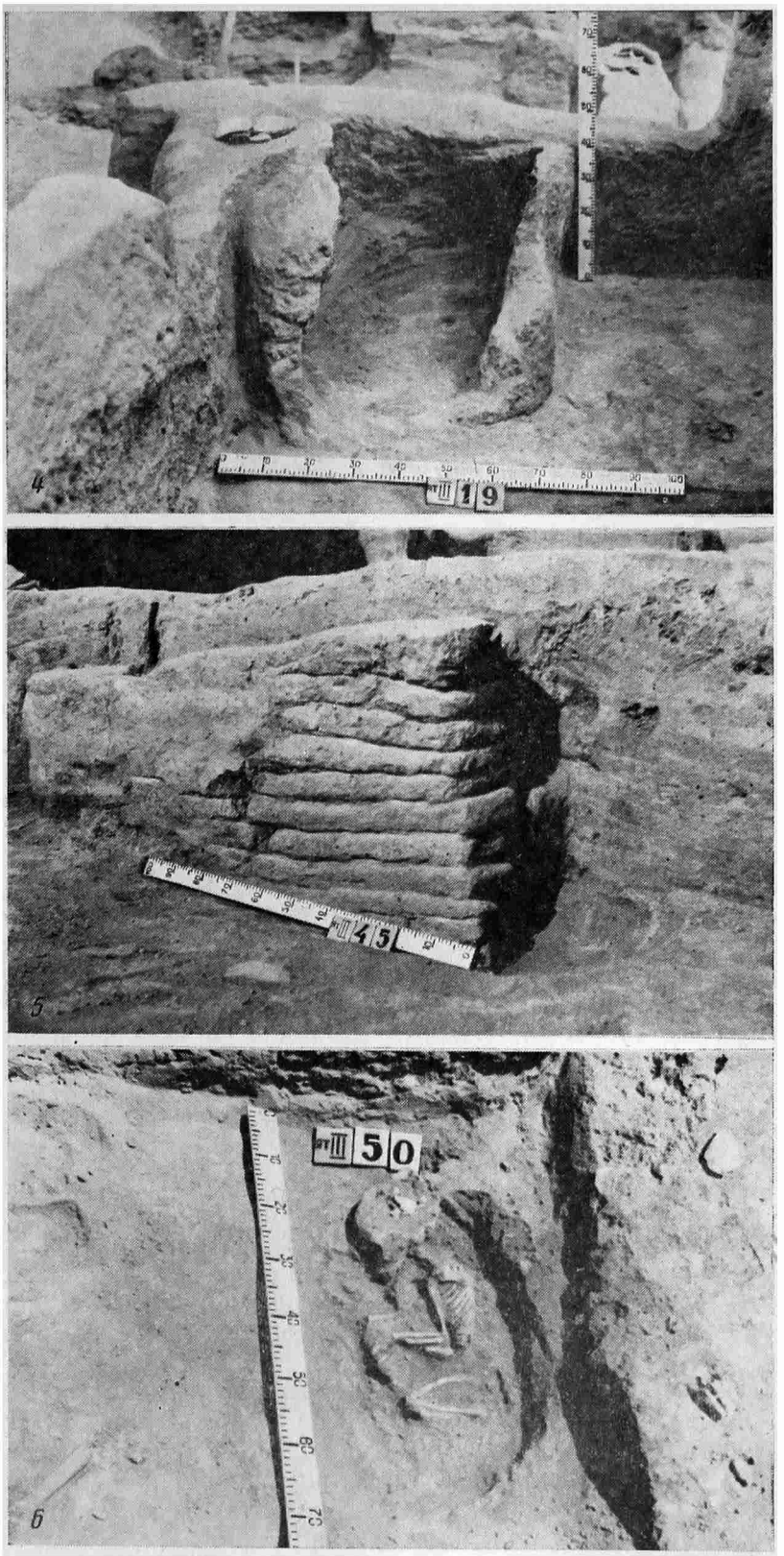


Рис. 5. Постройки убейдского периода и их детали *1* — комплекс 1, вид с северо-востока; *2* — проход между комплексами 1 и 3; *3* — проем в стене помещения 1, вид с востока; *4* — печь в помещении комплекса 3, вид с запада; *5* — стена помещений 63—64 комплекса 5, вид с востока; *6* — погребение 23, вид с запада

Вторая группа печей располагалась в открытом дворе к югу от помещения 51. С запада и юга двор этот (шириной свыше 3 м) был огражден специальными стенами, с востока его ограничивали помещения 5 и 18. В нем на одной поверхности (около 2,0 м) стояли две круглые



печи таких же размеров. Западнее огороженного двора на открытой площадке стояло круглое сооружение 52 (диаметр 3,0 м, толщина стены 26 см, в высоту сохранилась до 40 см). Стены и пол были прокалены, пол подстилался слоем утрамбованной серой глины и был перекрыт зольно-угольными скоплениями. Постройка стояла на основном уровне II горизонта, на глубине 2,0 м. О назначении ее судить трудно, большие размеры не позволяют рассматривать ее как обычную печь, хотя определенным образом с печами она связана.

Отмеченный выше узкий проход отделял комплекс 1 от располагавшегося южнее комплекса 3 (рис. 5, *2*). Последний сохранился значительно слабее и был представлен рядом вытянутых с запада на восток прямоугольных помещений: 5 (2,25×2,0 м), 4 (3,75×1,40 м), и 31 (1,45× ×1,45 м). В помещении 4 сохранилась овальная печь (рис. 5, *4*); слой заполнения этой комнаты носил явно жилой характер.

Южнее сохранились лишь отдельные части конструкций II горизонта. Это прежде всего остатки помещения 32 с необычно толстыми (до 45 см) стенами и массивная двойная стена, прослеженная на протяжении свыше 5 м, а также остатки примыкавших к ней с юга построек (рис. 2). Все эти остатки относятся к близким строительным уровням в пределах строительного горизонта II.

Следующая заметная перестройка, которой подвергся исследуемый участок, привела к созданию наиболее поздних из вскрытых здесь сооружений. Они условно выделены в строительный горизонт I. Эти сооружения прослежены лишь в квадрате I, на прочих участках следы их уничтожены эрозией. При этом комплекс 1 продолжал существовать, во всяком случае частично (помещения 13, 15—20, 6, 1). Некоторые его постройки подверглись полной реконструкции: на месте помещения 51 было построено помещение 12, несколько сдвинутое к югу; в углу между помещениями 18 и 15 было встроено новое помещение 13 (1,70×1,30 м). Другие же сооружения были возведены заново. Они заняли западные участки квадрата I, ранее свободные от фундаментальных построек. Эти сооружения объединены в комплекс 2 и включают помещения: 22, 12, 21, 26, 25, 10, 9. Размеры последних: 1,35×0,80; 1,25×0,95; 1,45×1,30; 1,10×1,40; 1,0×2,90 м и т. д. Южнее располагались еще два маленьких помещения (7 и 8). На квадрате II данный комплекс представлен лишь отдельными следами стен. Размеры помещений, отсутствие печей и характер культурного слоя позволяют полагать, что комплекс имел хозяйственное назначение.

Таковы остатки сооружений убейдского слоя на исследованном участке поселения Ярым-Тепе III. Мы видим, что данный участок поселения был густо застроен на всем протяжении существования убейдского поселка. Дома имели согласованную ориентировку и группировались по сторонам открытых площадей. Каждый из домов состоял из значительного числа больших и малых помещений. Все они отличались прямоугольным планом и были разделены между собой узкими проходами.

Стены сооружений были сложены из крупных сырцовых кирпичей прямоугольной формы (размеры в среднем 65×25×8 см) и с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой (рис. 5, *5*). Полы построек представляли собой утрамбованные площадки, обмазанные глиной. Жилые помещения отличаются более значительными размерами и наличием печей (помещения 4, 55, 88 и др.) Большинство же помещений может рассматриваться как хозяйственные, что документируется скоплениями в них зерна и орудий, связанных с его обработкой, прежде всего зернотерок, терочников и ступок.

Как известно, наиболее исследованными памятниками культуры Северного Убейда являются поселения Тепе Гавра (слои XVIII—XII) и Телль Арпачия (слои ТТ1—4), расположенные в районе Мосула. Строительные остатки на этих памятниках чрезвычайно близки архитектуре Ярым-Тепе III. В Тепе Гавре во всех горизонтах убейдского слоя встречены многокомнатные прямоугольные сооружения. Их планы, строительная техника, размеры и ориентировка отдельных помещений аналогичны соответствующим материалам Ярым-Тепе III [4, с. 25—44]. Это прежде всего относится к ранним убейдским горизонтам Тепе Гавры [4; табл. XVI—XIX].

Близкую картину дают и горизонты убейдского слоя Телль Арпачии, достигавшие мощности 2,5 м. Авторы раскопок подчеркивают бедность этого поселка, состоявшего из небольших прямоугольных домов, стены которых были сложены из сырцового кирпича (в один ряд) и обмазаны глиняной штукатуркой, полы покрыты утрамбованной глиной, а крыши

Рис. 6. Ярым-Тепе III. Глиняные сосуды

сооружались из тростника и циновок [5, с. 11—13]. Сложность и массивность ряда сооружений Ярым-Тепе III сближают их в большей мере с поселками Тепе Гавры, нежели Телль Арпачии.

Особо следует подчеркнуть резкие отличия форм архитектуры убейдского периода от строительных традиций предшествующей халафской культуры. Во всех трех многослойных поселениях (Тепе Гавре, Телль Арпачии и Ярым-Тепе III) в подстилающих убейдский слой халафских горизонтах характерной формой жилого сооружения является круглый дом с плоской или куполовидной крышей [1, с. 186—197].

Прежде чем перейти к характеристике находок, отметим, что на исследованном участке убейдского слоя Ярым-Тепе III вскрыто шесть синхронных ему и принадлежавших, очевидно, его жителям погребений. Четыре из них находились в помещениях — на полу, под полом и в засыпи. Два других погребения открыты во дворах. Четыре погребения являлись детскими, два принадлежали взрослым. Погребения совершены в скорченном положении, в одном случае на спине, в остальных на правом боку, головой преимущественно на север и восток (рис. 5, *6*). В двух детских погребениях костяки перекрыты крупными обломками сосудов, а в одном под костяком прослежены следы циновки. Инвентарь обнаружен при двух захоронениях: в одном найдены три типичных убейдских сосуда, в другом — три цилиндрических бусины из раковины (у кисти правой руки) и восемь плоских кольцевидных бус из черного камня (у ступни правой ноги).

Находки в Ярым-Тепе III представлены прежде всего многочисленными образцами убейдской керамики, в целом единообразной во всех

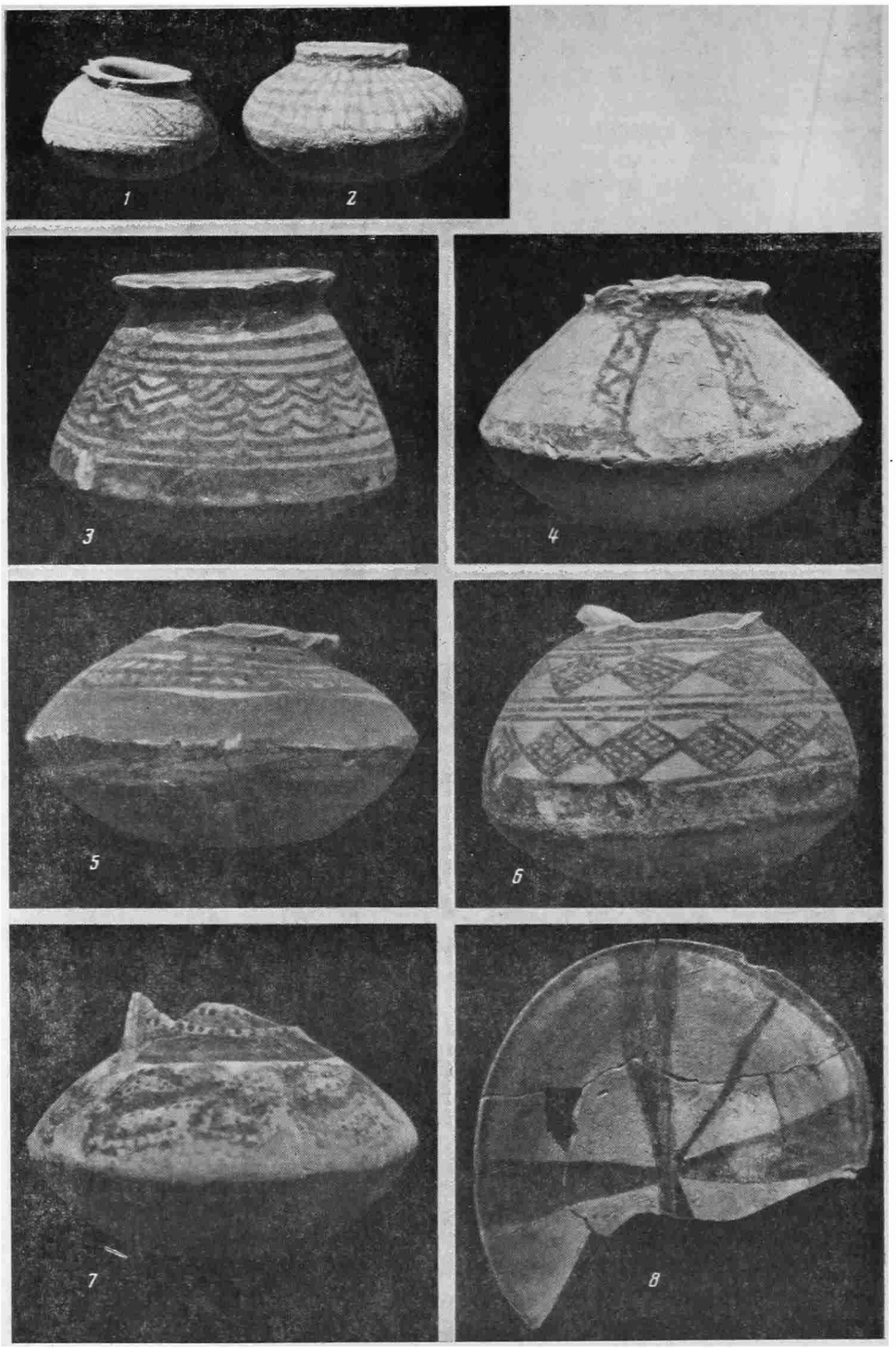


Рис. 7. Ярым-Тепе III. Глиняные сосуды

горизонтах и по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам полностью идентичной керамике убейдских слоев Тепе Гавры (главным образом из слоев XVIII—XVII) и Телль Арпачии. Характеризуя керамику Тепе Гавры, А. Перкинс подчеркивала, что эта монохромно-расписная посуда по всем признакам заметно уступает халафской керамике. Глина грубее, с примесями белого толченого камня, цвет ее бурый, светло-коричневый, зеленый, зеленовато-серый. Обжиг хороший, но слабее, чем у халафских сосудов. Краска черная, коричневая и красная, тусклая и отслаивающаяся. Мотивы росписи примитивны, варианты их немногочисленны — это шевроны, волнистые линии, ряды треугольников, лестница, вертикальный зигзаг, ленты, пересекающаяся штрихов-

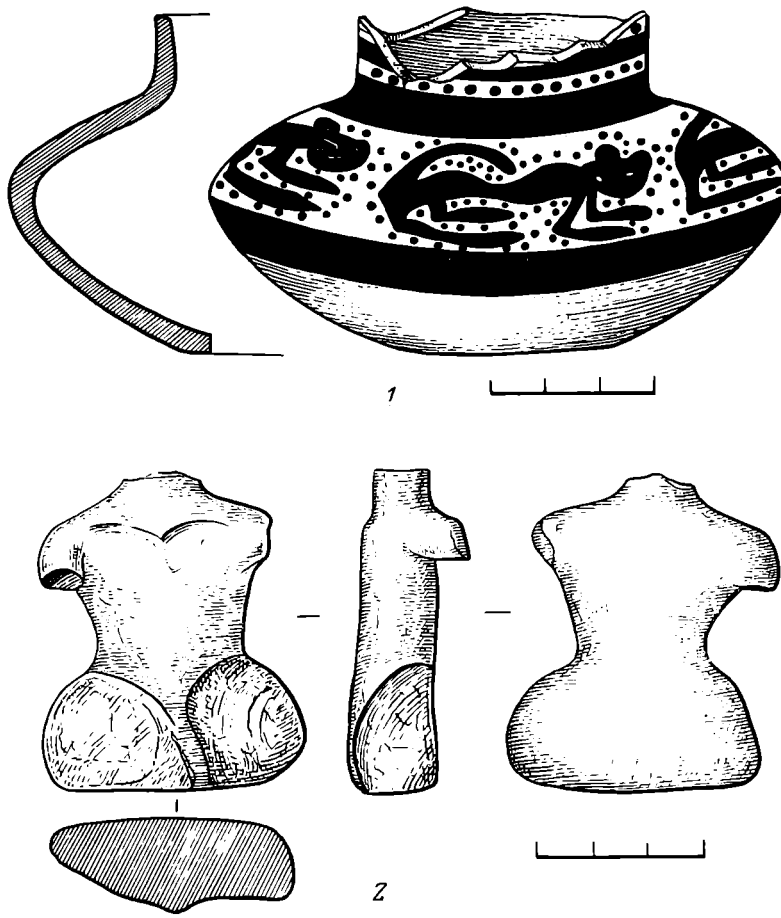


Рис. 8. Сосуд с зооморфным орнаментом (*1*) и антропоморфная статуэтка (*2*)

ка и пр. Некоторые халафские мотивы — клетка, «рыбья чешуя», мальтийский крест, розетка, букрании — сохраняются, но встречаются чрезвычайно редко [6, с. 46—47].

Эта характеристика полностью может быть применена к убейдской керамике Ярым-Тепе III. Представленные здесь формы немногочисленны и просты. Среди них отметим основные.

Горшки сферические или реповидные, круглодонные, с прямым или отогнутым — раструбовидным горлом (рис. 6, *1—5*). Некоторые венчики толстостенных крупных сосудов имеют внутренний выступ. Подобные же сосуды широко распространены в Телль Арпачии и Тепе Гавре [4, табл. CXXII, 107; 5, рис. 35; 6, с. 48].

Встречены в немалом количестве горшки с двумя петлевидными ручками (рис. 6, *7—9*). Орнамент зональный, геометрический, в одном случае сильно стилизованная букрания. Очень близки к этим горшкам небольшие круглодонные сосуды в виде флаконов.

Значительную серию составляют приплюснутые остроребериые горшки с округлым или уплощенным дном и росписью в верхней части тулова (рис. 7, *1—7*). Наряду с геометрическими мотивами встречаются изобразительные: вереница кошачьих хищников, расположенная по кругу (рис. 7, *7*; 8, *1*). В Тепе Гавре эта форма характерна для слоев XVIII—XVII [6, с. 47]. Она широко представлена и в керамическом комплексе Телль Арпачии [5, рис. 34; 37 и др.].

Обращают на себя внимание колоколовидные круглодонные сосуды с геометрическим орнаментом, расположенным вертикальными и горизонтальными зонами, разделенными свободными от росписи интервалами (рис. 6, *6*). Такие сосуды с аналогичной и близкой орнаментальной композицией довольно характерны для североубейдских памятников Месопотамии.

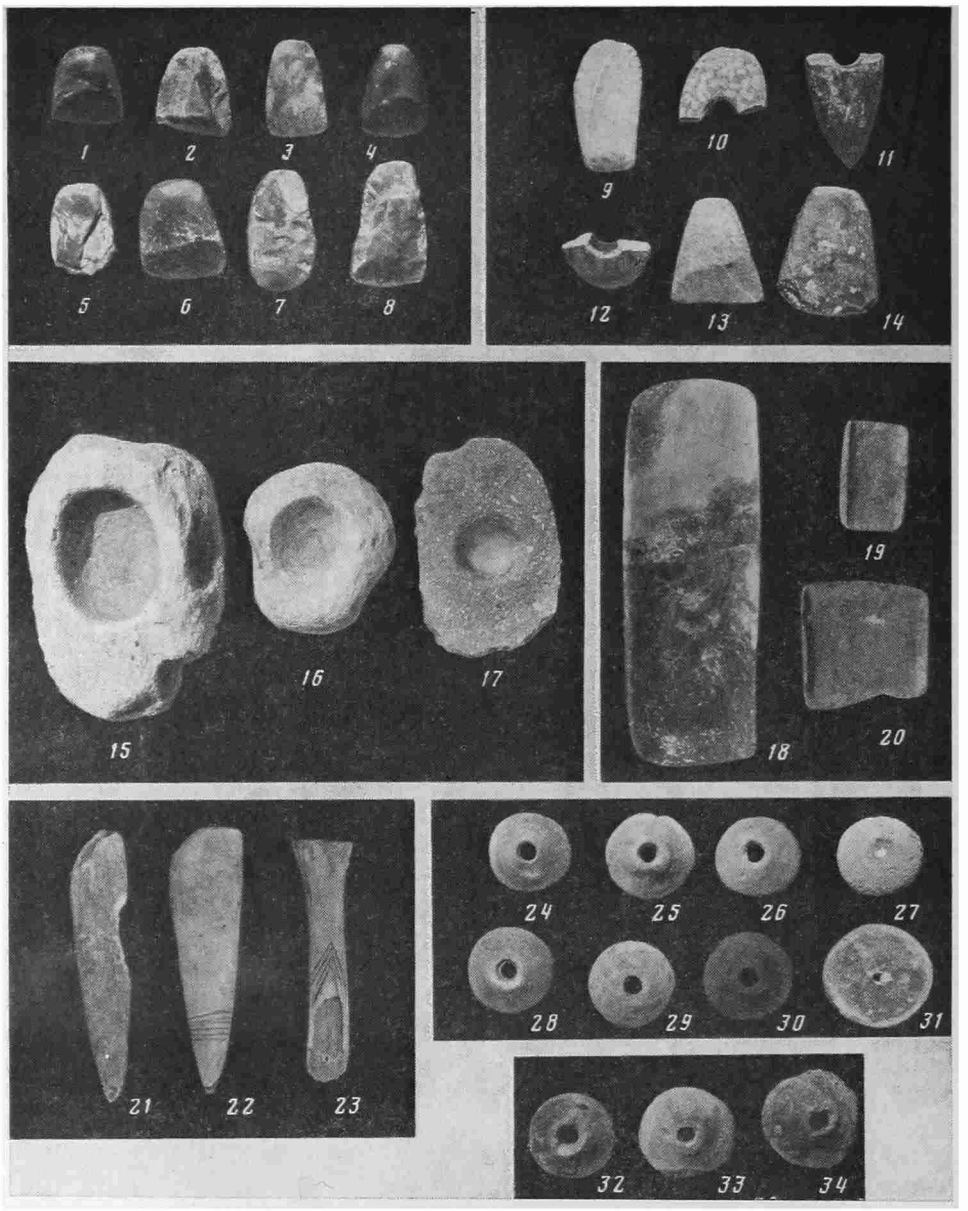


Рис. 9. Ярым-Тепе III. Каменные, костяные и глиняные орудия. *1—9, 13, 14* — тесловидные орудия; *10—12* — проушные топоры; *15—17* — ступки; *18—20* — палетки; *21—23* — костяные орудия; *24—34* — глиняные пряслица

Интересны и полусферические чашп, обычно с горизонтальной зоной простого геометрического орнамента. На дне одной из них отмечен мальтийский крест (рис. 7, *8*), как на керамике Тепе Гавры XV [4, табл. CXXV, 148].

Еще одну форму посуды убейдского слоя Ярым-Тепе III представляют плоскодонные горшки с округлыми боками, четко выраженной шейкой и отогнутым венчиком. Они не расписаны, имеют иногда на плечиках налепы. В Тепе Гавре аналогичные сосуды представлены ниже слоя XVII [4, табл. CXXII, 118].

Все отмеченные формы представлены в Ярым-Тепе III массовым материалом. Наряду с ними встречены в единичных экземплярах и особые формы. Это «меховидный» сосуд с широким низким горлом сбоку (рис. 6, *10*) и двойные «бинокловидные» небольшие сосудики (рис. 6, *11, 12*). Найдены такие обломки крупных двугорлых сосудов. Абсолютные аналогии отмеченным формам керамики нам не известны в других убейдских памятниках Северной Месопотамии. Но традиция подобных форм там существовала: в Телль Арпачии обнаружены грубые двугор-

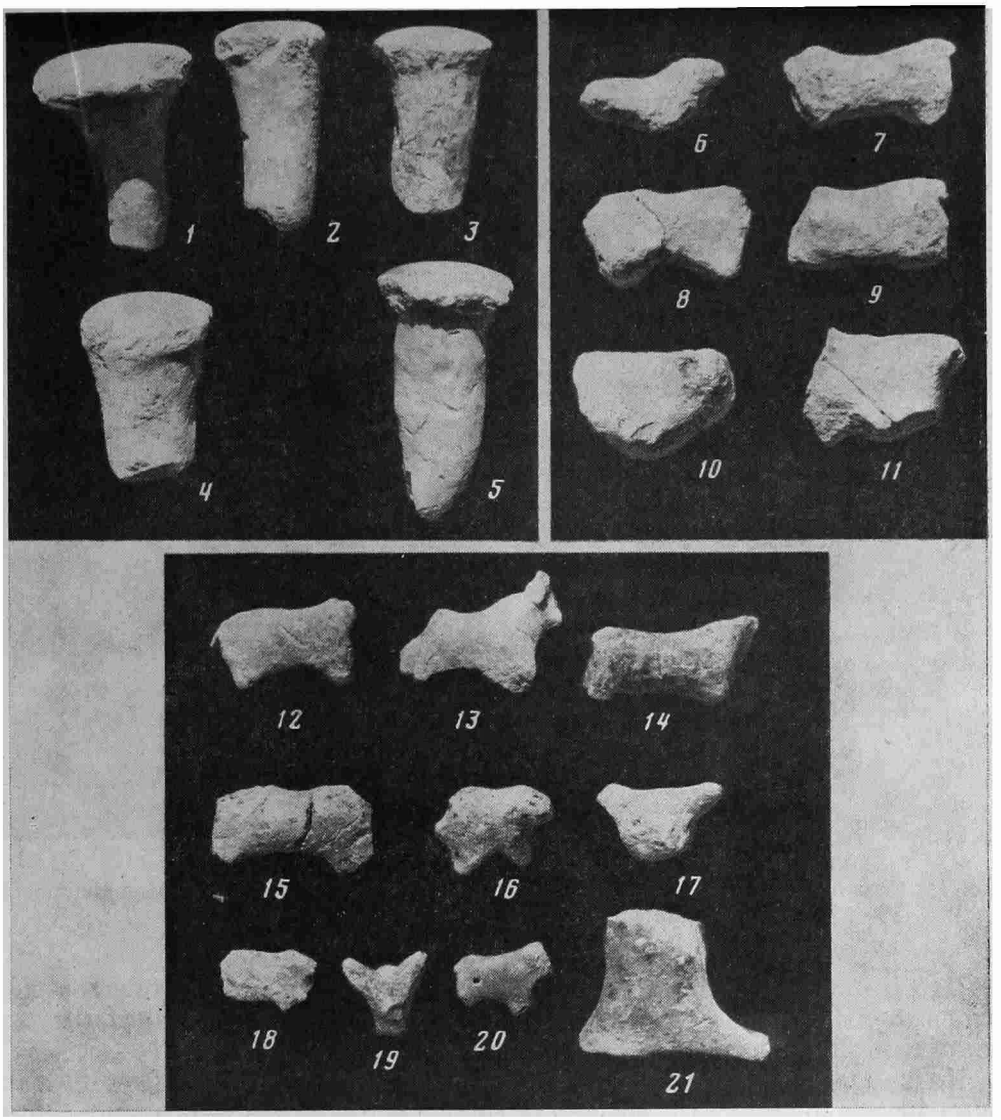


Рис. 10. Ярым-Тепе III. Глиняные изделия. *1—5* гвоздевидные предметы; *6—21* — зооморфные фигурки

лые горшки [5, рис. 41, 18], а в Тепе Гавре — каменный двойной сосуд [4, табл. CIV, 15]. Такие сосуды найдены и на юге Месопотамии, в том числе в самом Телль Убейде [6, с. 71].

В коллекции посуды из убейдского слоя Ярым-Тепе III представлены в незначительном количестве и каменные (алебастровые и мраморные) сосуды. Последние повторяют в миниатюре формы глиняных чаш и остроребериых горшков.

Следующую группу массового материала составляют каменные орудия. Укажем прежде всего на находки кремневых и обсидиановых ножевидных пластин и лезвий составных серпов. В одном случае найдена целая серия серповых вкладышей со следами битума, закреплявшего их в деревянной или костяной основе серпа. Неоднократно встречены каменные тесловидные орудия разных размеров (рис. 9, *1—9*, *13*, *14*) и мотыги, навершия — утяжелители для палок-копалок, мраморные и гематитовые булавы, обломки проушных полированных топоров-молотов (рис. 9, *10—12*). Многие из указанных предметов совершенно аналогичны обнаруженным в Тепе Гавре [4, табл. XCV-c, 2, 3, 5; табл. XCVII-a, 4, 5; и др.].

Следует отметить поразительное обилие в убейдском слое Ярым-Тепе III зернотерок, ступок (рис. 9, *15—17*) и пестов. В общей сложности их найдено не менее 150. Зернотерки отличаются характерной ладьевидной формой и довольно крупными размерами (в среднем 65×20×6 см).

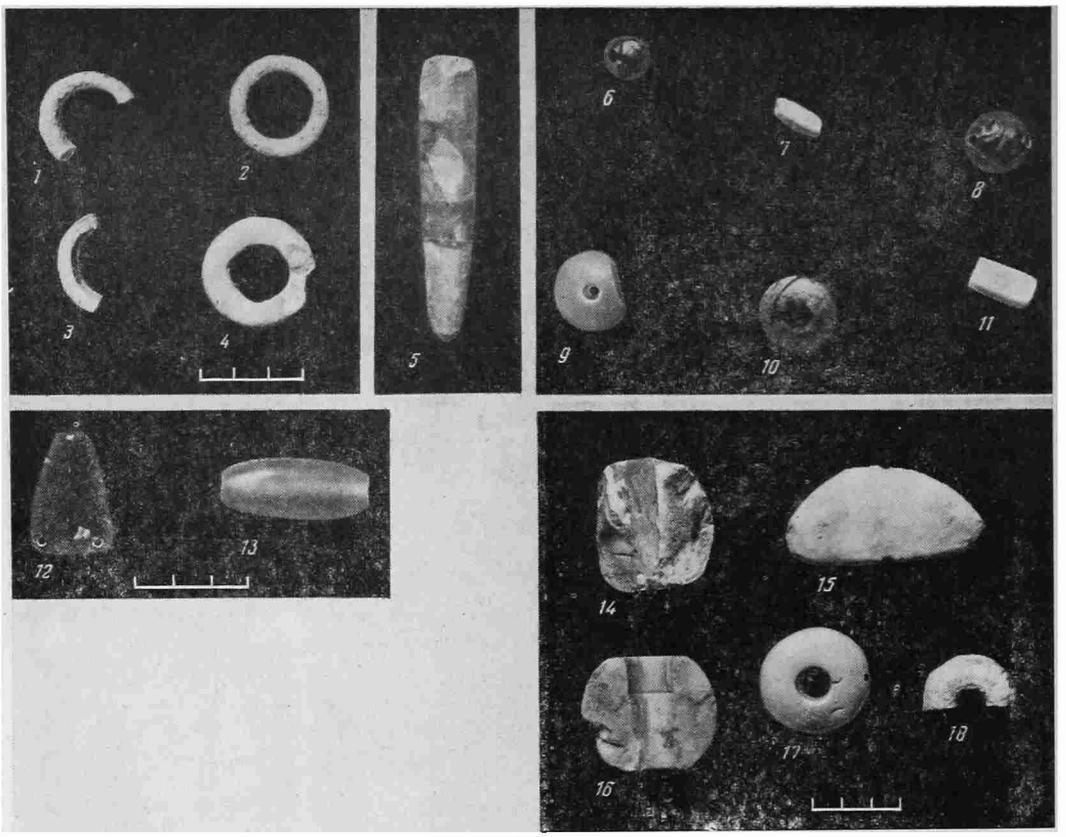


Рис. 11. Ярым-Тепе III. Украшения и мелкие изделия *1—4* — глиняные кольца; *5* — гвоздевидный предмет; *6—18* — бусы и подвески

Что же касается костяных орудий, то они редки и представлены лишь шильями из трубчатых костей и лощилами, некоторые из которых украшены нарезкой (рис. 9, *21—23*).

Из глиняных изделий могут быть отмечены гвоздевидные предметы (рис. 10, *1—5*), иногда с росписью (рис. 11, *5*), «пули для пращи», биконические и конические пряслица (рис. 9, *24—34*) и кольца (рис. 11, *1—4*). Эти находки аналогичны соответствующим предметам из халафских и убейдских комплексов Месопотамии, в частности Телль Арпачии и Тепе Гавры.

Особого внимания заслуживают глиняные статуэтки. Большинство их зооморфны (рис. 10, *6—21*). Точное их определение затруднительно; можно предполагать, что они изображают мелких рогатых животных (овец, коз) и собак. Подобные глиняные фигурки происходят из слоев XVIII—XIII Тепе Гавры [4, табл. CLIV, 15], а также из Телль Арпачии [5, рис. 48].

Среди статуэток убейдского слоя из Ярым-Тепе III лишь одна антропоморфна (рис. 8, *2*). Фигурка женская, сидячая; туловище уплощено, ноги были вылеплены отдельно и прикреплены с помощью битума.

Коллекция мелкой терракотовой пластики из североубейдских памятников в целом незначительна и плохо изучена. Находки фигурок, сделанные на Ярым-Тепе III, не выпадают из этой коллекции.

В убейдском слое Ярым-Тепе III обнаружены, наконец, плоские прямоугольные мраморные палетки с выделенными бортиками (рис. 9, *18—20*) и немногочисленные украшения. Среди последних обсидиановая треугольная подвеска (рис. 11, *12*), биконические, овальные и круглые бусы из обсидиана и различных пород камня — мрамора, халцедона, гематита и др. (рис. 11, *6, 8—11, 14—18*) и цилиндрические раковинные бусы (рис. 11, *7, 11*). Все отмеченные предметы, включая каменные палетки, представлены в памятниках Месопотамии V—IV тысячелетий до н. э.

Материалы убейдского слоя Ярым-Тепе III, их сравнительный анализ со всей очевидностью показывают культурную и хронологическую связь рассмотренного памятника с соответствующими слоями таких хорошо известных североубейдских поселений Месопотамии, как Телль Арпачия и особенно Тепе Гавра. На всех этих памятниках убейдские слои подстилаются финальными горизонтами халафской культуры и знаменуют начало развития сменившей ее убейдской культуры в северном варианте последней. Учитывая наличие в настоящее время значительной серии радиокарбонных дат для халафской культуры, в частности для поселения Ярым-Тепе II [1, с. 266], заключительный этап этой культуры, непосредственно смыкающийся с началом Северного Убейда, может быть отнесен к последней четверти V тысячелетия до н. э. Исходя из этого, убейдский слой Ярым-Тепе III следует датировать в пределах конца V — начала IV тысячелетия до н. э.

Поселение Ярым-Тепе III свидетельствует о том, что Синджарская долина входила в основную территорию развития североубейдской культуры и являлась важнейшим путем распространения ее на запад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
2. *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотами.— Вестн. АН СССР, 1979, № 2.
3. *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто.— СА, 1975, № 4.
4. *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra, V. II. Philadelphia, 1950.
5. *Mallowan M. E. L., Cruikshank R.* Excavations at Tell Arpachiyah.— Iraq, 1935, v. 11, pt I.
6. *Perkins A. L.* Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949.

N. Ya. Merpert, R. M. Munchaev

YARIM-TEPE III SETTLEMENT OF THE UBAID CULTURE IN NORTHERN MESOPOTAMIA

(some results of the work of the Soviet Expedition in Iraq)

The authors discuss the 1977-1978 diggings at Yarim Tepe III, the largest tell (225 m in diametre and 10 m high) in the group of six mounds situated 7-8 km to the west of Telafar (north-western Iraq) on the right bank of the Jubaradyaryasi stream. The average thickness of the cultural layer is 12 m, the lower 8 m being connected with the Halaf culture while the upper 4 m — with the Ubaid culture. The article deals with the Ubaid level 500 sq. m of which were dug, where remains of eight big houses, consisting of more than 90 rooms built of rectangular (65 by 25 by 8 cm on the average) air bricks were discovered in four horisontal construction layers. The houses' layout, construction techniques, sizes and orientation of individual rooms are similar to those of the Ubaid horizons of Tepe-Gawra and Tell Arpachiya.

Among the finds there were typical northern Ubaid ceramics, alabaster and marble vessels, stone implements, particularly stone grinders, pestles and mortars, rare bone artifacts and ornaments.

The Ubaid level of Yarim-Tepe III is dated to the end of the 5th-early 4th millennia B. C.

МИХАЙЛОВ Б. Д.

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ ВБЛИЗИ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ

В 1975 г. на северной окраине с. Вознесенка Мелитопольского р-на Запорожской обл. автором раскопан кург. 2 эпохи бронзы [1, с. 363, 364].

Курган был расположен на левом берегу р. Молочной, в 5—6 км к югу от Каменной Могилы, и входил в группу из шести курганов (высота 1,4, ширина с запада на восток 34, с юга на север — 26 м). Насыпь состояла из двойной подсыпки однородного чернозема, которая почти не отличалась от погребенного грунта. Вокруг первичного холма (диаметр 11×14 м) в древности сооружен небольшой ров (ширина 40—50, глубина 30—40 см). В кургане исследовано 11 погребений — 4 ямных, 7 катакомбных (рис. 1). Ниже приведено их описание.

Погребение 1 (катакомбное) располагалось с восточной стороны у основания вторичной подсыпки. Могильная яма сооружена в виде небольшого продолговатого катакомбного подбоя и ориентирована по линии юг — север (высота 0,8, длина 1,1, ширина 0,8 м). Костяк подростка лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг. У ног стоял лепной сосуд округлой формы с плоским дном и прямым коротким венчиком (высота 14, ширина 17 см). На тулове сосуда расположен веревочный орнамент в виде вертикальных линий с вписанным круглым штампом (рис. 2, *5*).

Погребение 2 (катакомбное) выявлено рядом с погр. 1. Могильная яма представляла собой небольшой подбой во вторичной подсыпке кургана и ориентирована по линии северо-запад — юго-восток (высота 0,7, длина 1,5, ширина 1,2 м). В могиле в вытянутом положении на спине лежал костяк, головой на юго-восток, руки — вдоль туловища. Возле головы, справа, стоял лепной сосуд с округлым туловом плоским дном и прямым венчиком (рис. 2, *6*). На тулове сосуда с правой стороны имеется вертикальный линейно-веревочный орнамент, а с левой — в виде письмен (рис. 3). Возле погребенного на уровне груди лежала скорлупа шести куриных яиц.

Погребение 3 (позднеямное) найдено в южной части первичной насыпи кургана. Могила прямоугольной формы с овальными углами и рваными стенками, ориентирована по линии юг — север (длина 1,5, ширина 1,2 м). Костяк лежал на спине, головой на север, с сильно согнутыми в коленях ногами, которые завалились в правую сторону, руки вытянуты вдоль туловища, правая рука находилась под тазом. Рядом с погребенным, на уровне груди, стоял сосуд черного обжига с округлым дном и туловом (высота 17, ширина 16 см). На тулове сосуда с пяти сторон имеются вертикальные налепные валики с насечками (рис. 2, *7*).

Погребение 4 (позднеямное) расположено в центре кургана и впущено в первичную насыпь с ее вершины. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии восток — запад (длина 1,5, ширина 0,7 м). В могиле находились два костяка, которые лежали головами на восток, с сильно согнутыми в коленях ногами, руки вытянуты вдоль туловища. Инвентаря нет.

Погребение 5 (основное, древнеямное) сооружено в центре первичного кургана. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (длина 1,7, ширина 1,3, глубина 0,90 м). В южной стенке прослеживается небольшой уступ (глубина

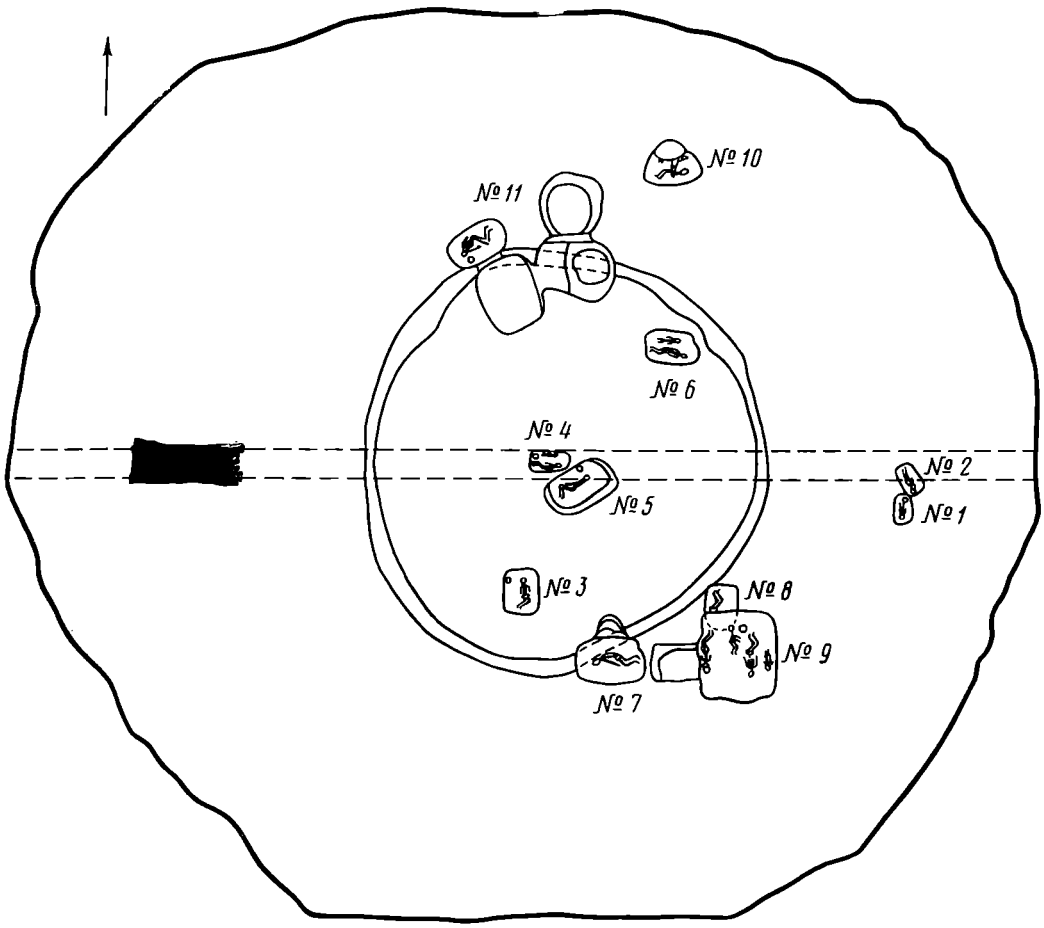


Рис. 1. План кург. 2 эпохи бронзы в с. Вознесенка на Мелитопольщине

0,20, ширина 0,15). Костяк лежал на правом боку, головой на восток, с сильно согнутыми в коленях ногами. Руки вытянуты, кисти положены на колени. Вблизи груди лежали куски ярко-красной охры, а рядом маленький лепной прямостенный сосуд (рис. 2, *4*) с овальным дном (высота 6,5, ширина 6,4 см).

Погребение 6 (позднеямное) находилось в северо-восточной части первичной насыпи кургана. Могила прямоугольной формы ориентирована по линии запад — восток (длина 1,8, ширина 1,2 м), в ней находилось два костяка, положенные головами на восток. Первый лежал на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, фаланги стоп скрещены. Правая рука — вдоль туловища, левая согнута в локте. Второй костяк (детский) лежал рядом (справа) на спине, руки разбросаны в стороны, фаланги стоп скрещены. Черепа костяков относятся к долихранному типу[1]. Возле головы детского костяка лежало медное плоское шило (длина 5 см) с ромбовидным утолщением в центре, с упором для деревянного держака (рис. 2, *2*). Рядом находилось большое ромбовидное шило квадратное в сечении, с острым игольчатым концом и коротким массивным тыльным концом с упором для крепления в деревянном держаке (длина 12 см), оно могло использоваться в виде копья (рис. 2, *1*).

Погребение 7 (катакомбное) выявлено в северной части кургана и впущено во вторичную насыпь. Вход в катакомбу представлял собой небольшую яму, которая расширялась при переходе в погребальную камеру (длина 1,9, ширина 1,3, высота 1,1 м). На камышевой подстилке лежал костяк на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на запад. Руки положены впереди туловища. Инвентаря не было.

---

[1] Антропологический анализ выполнен в Институте археологии АН УССР С. Н. Круц.

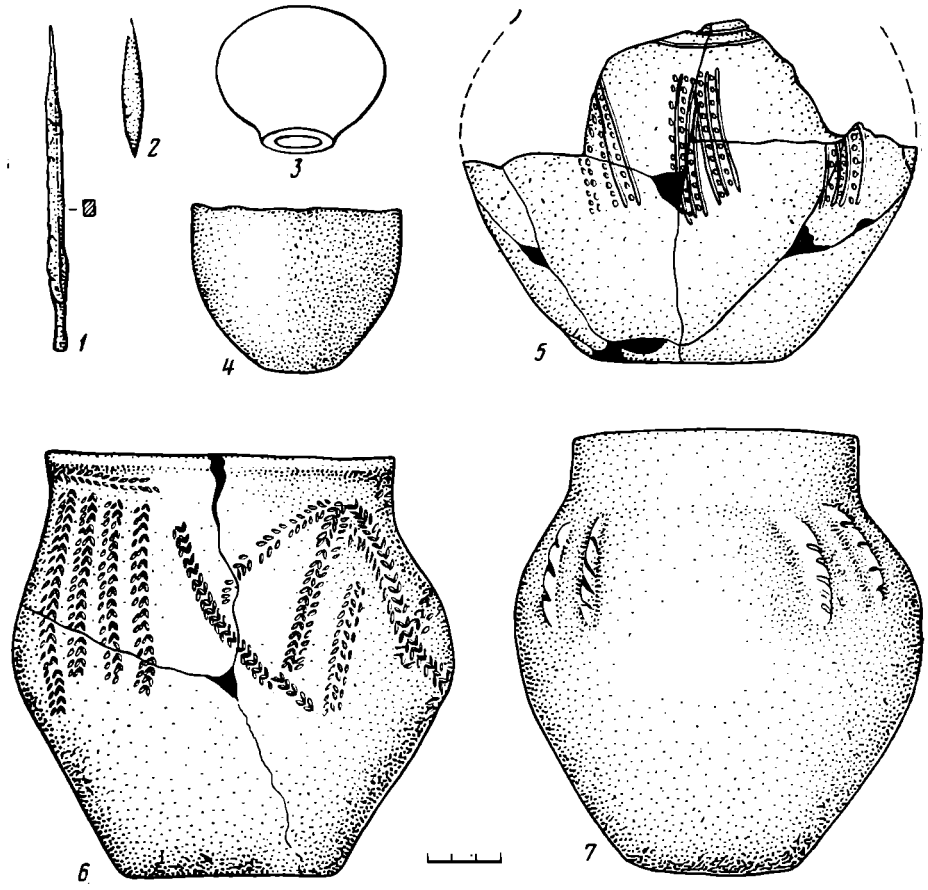


Рис. 2. Инвентарь из кург. 2 эпохи бронзы в с. Вознесенка на Мелитопольщине

Рис. 3. Разворот рисунка на сосуде из катакомбного погр. 2 в с. Вознесенка на Мелитопольщине

Погребение 8 (ямное) открыто в первичной насыпи кургана, однако позднее было разрушено впускным погр. 9 катакомбного времени. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии юг — север (длина 1,7, ширина 1,1 м). В могиле остались лишь согнутые в коленях ноги костяка. Инвентаря не было.

Погребение 9 (катакомбное) впущено во вторичную насыпь и состояло из входной ямы со ступенькой и катакомбы (длина входной ямы 1,4, ширина 1,2 м). В восточной стенке входной ямы находился овальный вход (высота 0,80, ширина 1,1 м) в катакомбу, которая ориентирована по линии юг — север. На дне катакомбы (длина 2,8, ширина 2,4, высота 1,1 м) на левом боку лежал костяк головой на юг, с согнутыми в коленях ногами, руки лежали впереди туловища. Костяк принадлежал мужчине 40—50 лет; череп долихранного типа. В центре могилы находился костяк ребенка на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на север, руки вытянуты и перед грудью. Третий костяк находился рядом, на правом боку, головой на юг, ноги в коленях согнуты, руки вытянуты вдоль туловища. Костяк принадлежал мужчине 25—30 лет, череп долихранного типа. Возле восточной стены на спине нахо-

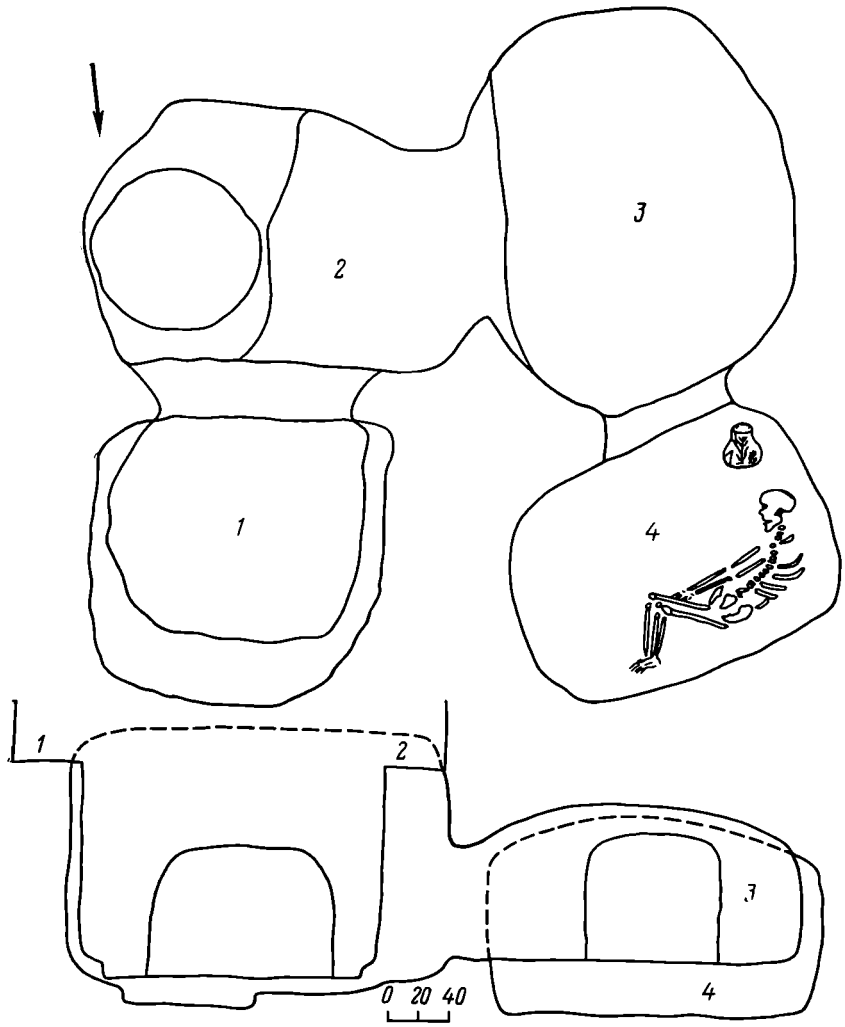


Рис. 4. План катакомбного погр. 11 кург. 2 в с. Вознесенка на Мелитопольщине

дился костяк ребенка 3—4 лет с согнутыми в коленях ногами, руки вытянуты вдоль туловища. Инвентаря нет.

Погребение 10 (катакомбное) открыто в северной части первичной насыпи кургана, над которым была совершена вторичная насыпь. Могила была сооружена в виде овальной входной ямы, переходящей в подбой — катакомбу и в плане образует своеобразный треугольник (длина 1,4, ширина 1,4, высота 0,80 м). В могиле на спине лежал костяк головой на восток, сильно окрашенный красной охрой, ноги согнуты в коленях. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая отсутствовала. Череп костяка принадлежит к брахикранному типу, на левой половине лобовой и теменной кости видны следы операционного вмешательства (трепанация?). Возраст определяется 25—30 годами. Возле левого плеча лежала нефритовая массивная булава округлой формы с нижним цилиндрическим выступом — отверстием для древка (рис. 2, *3*). Рядом находилась медная сферическая бусина с отверстием и фрагмент лепной керамики светло-серого цвета, с включением в тесте крупнозернистого песка.

Погребение 11 (катакомбное) впущено во вторичную насыпь кургана с северной стороны. Входная яма (рис. 4, *1*) — квадратной формы (размеры 2×1,9, глубина 1,4 м), в основании ее по линии запад — север — восток был небольшой уступ. В южной стенке ямы находился вход (высота 0,85, ширина 1,2 м) в могилу. Первая камера (длина 2,25, ширина 1,9, высота 1,6 м) овальная и ориентирована по линии запад — восток (рис. 4, *2*). На стенках хорошо видны следы ударов широкого инструмента (ширина 5—6 см). На дне катакомбы у восточной стенки

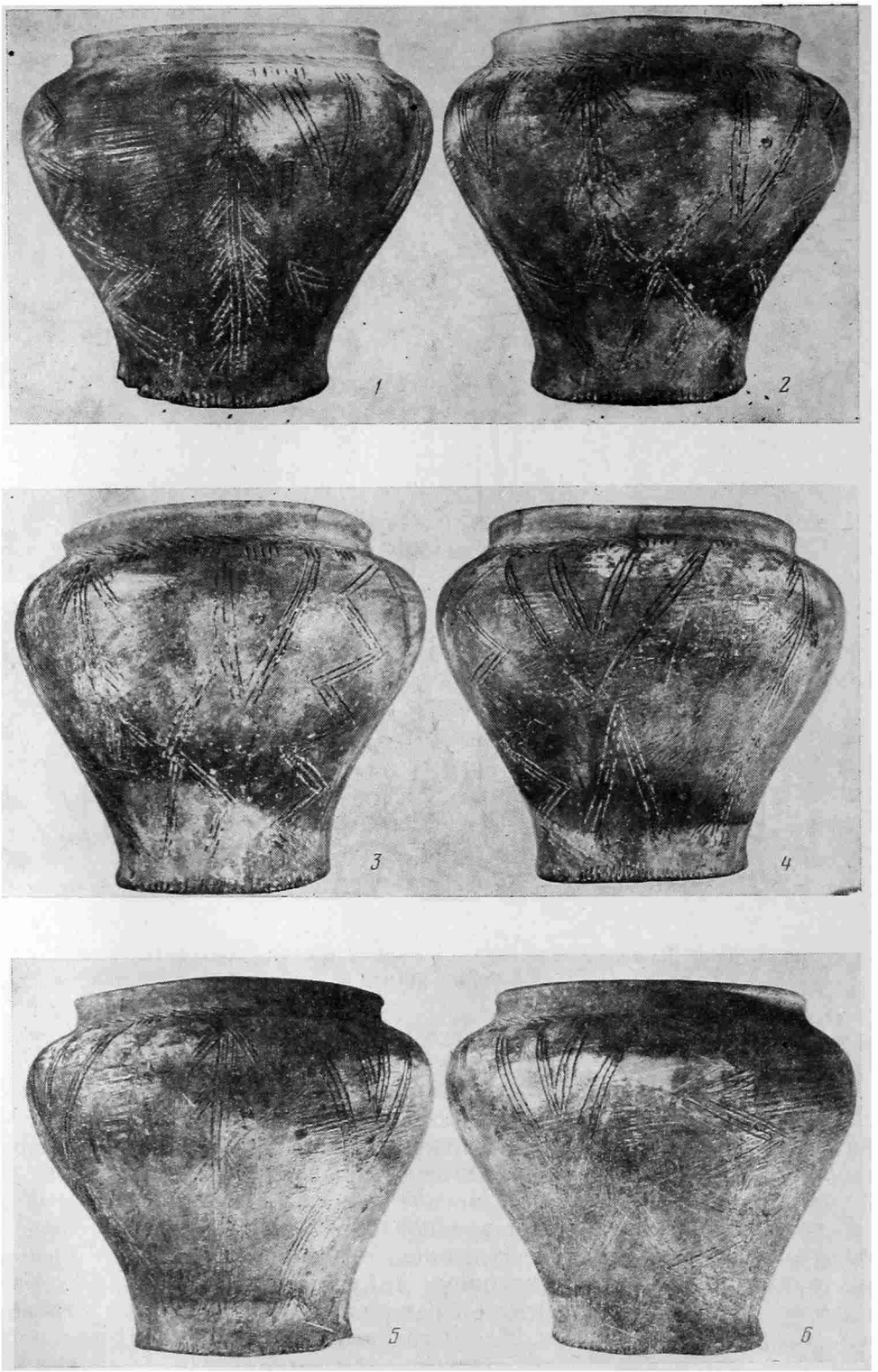


Рис. 5. *1—6* — сосуд с рисунками из погр. 11 кург. 2 в с. Вознесенка на Мелитопольщине

находилось углубление округлой формы (диаметр 1, глубина 0,30—0,35 м). Камера оказалась пустой. Однако в западной стенке был открыт новый вход (ширина 0,80, высота 0,90 м) в следующую камеру-катакомбу (рис. 4, *3*), ориентированную по линии юг — север (длина 2,35, ширина 1,9, высота 0,90 м). На стенках видны следы того же ударного инструмента, что в первой камере и входной яме. Камера оказалась пустой но в северной стене находился новый вход (ширина 0,90, высота 0,80 м), забитый черным илом из р. Молочной.

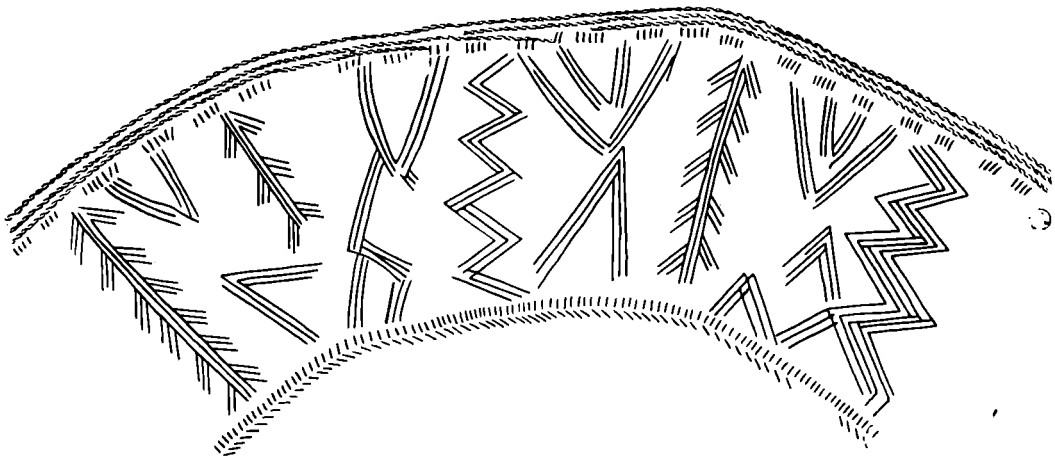


Рис. 6. Разворот рисунка на сосуде из катакомбного погр. 11 кург. 2 в с. Вознесенка на Мелитопольщине

Третья камера ориентирована по линии юго-запад — северо-восток (длина 2,1, ширина 1,6, высота 1,6 м). На стенках вновь были видны следы ударного орудия того же типа, что свидетельствует, по-видимому, об одновременности сооружения всего погребального комплекса (рис. 4, *4*).

В погребальной камере лежал костяк на правом боку, головой на юго-запад, лицом к юго-востоку (к выходу), со скорченными ногами. Руки вытянуты и положены на колени. Костяк принадлежал мужчине 25—30 лет, череп относится к умеренно-долихранному типу. Возле головы погребенного стоял вверх дном лепной сосуд с плоским дном (рис. 4, *4*), округлым туловом, с прямым коротким венчиком (высота 21, ширина по тулову 23 см). На тулове сосуда острым инструментом (нож, шило?) нанесены линейные рисунки. Под венчиком расположен веревочный круговой орнамент из трех линий, а ниже — вертикальные насечки, сгруппированные по 2, 3, 4, 5 и 7 штук, возможно, передающие календарный счет, общее количество их 103. По краю дна сосуда нанесены насечки (110 штук).

Сюжетная композиция на тулове сосуда имеет сложную символику с растительными зооморфными и антропоморфными элементами (рис. 5, *1—6*; 6).

Таким образом, погребения из кургана эпохи бронзы значительно различаются хронологически. Правда, ямные погребения типичны для этой эпохи; что касается катакомбных, то они имеют отличие в характере погребальных сооружений, что связано, по-видимому, с появлением моногамной семьи в эпоху раннего металла [2, с. 79]. В этой связи особое значение приобретает конструкция погр. 11, которая явно представляет собой гробницу жреца-вождя и свидетельствует о социальной дифференциации первобытного общества этноисторической катакомбной области.

Малочисленный инвентарь исследованных погребений в некоторой степени датируется. Так, например, маленький сосуд из основного погр. 5 находит аналогию в кург. 3 погр. 6 на р. Молочной вблизи совхоза «Аккермень» (ныне «Элита») и датируется древнеямным временем [3, с. 102, рис. 71, 5]. Остальные сосуды характерны для эпохи меди — бронзы. Найденное ромбовидное шило с острым игольчатым концом и плоское шило с ромбовидным расширением из погр. 6 известны из среднего и верхнего горизонтов ямного времени Михайловского поселения на Днепре [4, с. 148, табл. XXVI, *2—7*, *21*]. Нефритовая массивная булава округлой формы из погр. 10 широко известна в ямно-катакомбное время на территории Северного Приазовья [5, с. 66, рис. 4; 6, с. 81, 82, рис. 1, *3*; 7, с. 73, рис. 37, *2*]. Сосуды с крутыми плечиками и прямой шейкой из погр. 1 и 2 находят аналогии в катакомбных погребениях вблизи г. Большой Токмак (хут. Шевченково) [8, с. 166, 167, рис. 126, *5*],

а также из раскопок Н. Е. Бранденбурга у г. Славянска [9, с. 9, табл. 8, *2*]. В частности, рисунки (письмена?) на сосуде из погр. 2 находят себе параллели на некоторых плитах Каменной Могилы [10]. Яичная скорлупа была ранее найдена в погребениях катакомбной культуры вблизи совхоза Садовый и с. Константиновка [11, с. 138; 12, с. 308]. Уникальный сосуд с рисунками из погр. 11 своим типом напоминает керамику из курганов вблизи с. Кут на Днепре и степного Крыма, которую О. Г. Шапошникова отнесла к позднему (вторая группа) катакомбному времени. О. Г. Шапошникова указывает, что плоскодонная керамика с богатым орнаментом, как правило, встречается в катакомбах с погребенным в скорченном положении на боку [13, ч. 326, рис. 91, *19*, 92, *12*].

Стратиграфия могилы из с. Вознесенка (катакомба впущена во вторичную насыпь одной из последних), скорченное трупоположение и сосуд с округлым туловом, прямым венчиком и плоским дном позволяют датировать комплекс погр. 11 серединой II тысячелетия до н. э.

Особое значение имеет сосуд с рисунками, которые, возможно, связаны с астральными представлениями древнего человека. Автор считает возможным трактовать орнамент сосуда как изображение древа в окружении двух змей и антропоморфного существа. В таком случае орнамент находит определенные аналогии среди петроглифов в гроте № 22 Каменной Могилы [10, с. 57, 58, табл. XVI].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михайлов Б. Д.* Работы Мелитопольского краеведческого музея.— АО — 1975. М., 1976.
2. *Михайлов Б. Д.* Курган епохи бронзы в м. Приморське.— Археологія, 1977, № 20.
3. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, т. VIII.
4. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ: Изд-во АН УРСР, 1962.
5. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры.— Тр. ГИМ, 1965, вып. 24.
6. *Михайлов Б. Д.* Поховання доби бронзи в Північному Приазов'ї.— Археологія, 1972, № 6.
7. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху Средней бронзы. Київ: Наукова думка, 1976.
8. *Смирнов К. Ф.* Кургани біля м. Великого Токмака.— АП, 1960, т. VIII.
9. *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга.— САИ, вып. В-4-12. М., 1974.
10. *Рудинський М. Я.* Кам'яна Могила. Київ: Изд-во АН УРСР, 1961.
11. *Либеров П. Д.* Курганы у с. Константиновка.— КСИИМК, 1951, вып. XXVII.
12. *Михайлов Б. Д.* Раскопки на р. Молочной.— АО — 1973. М., 1974.
13. *Шапошникова О. Г.* Катакомбна культурна область.— В кн.: Археологія Української РСР. Т. І. Київ: Наукова думка, 1971.

B. D. Mikhailov

A BRONZE-AGE MOUND NEAR KAMENNAYA MOGILA

Summary

In 1975 the author investigated a mound No. 2 of the Bronze Age on the northern fringes of the Voznesenka village (Melitopol District, Zaporozhie Region), where eleven burials were studied (four pit burials and seven catacomb burials of different chronological periods) (Fig. 1). The pit burials were typical of the Bronze Age, they also differ in the character of structures, which were probably connected with the emergence of the monogamous family. Scarce burial goods are typical of the Bronze Age as well (Figs. 2-3).

Burial No. 11 is very interesting. It consists of three chambers and the entrance pit and, being a burial of a priest-chieftain, testifies to social differentiation among the tribes of the catacomb ethno-historical area (Fig. 4). An interesting engraved vessel found in this burial bears very complicated symbolics composed of floral, zoomorphic and anthropomorphic elements (Fig. 5, *1-6*).

ИЛЬЮКОВ Л. С., ЛАРЕНОК П. А.

СУХО-ЧАЛТЫРСКИЕ КУРГАНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Экспедиция Ростовского музея краеведения в 1978 г. исследовала три кургана на западной окраине г. Ростова-на-Дону, на правом берегу Сухо-Чалтырской балки, по дну которой течет ручеек, впадающий в р. Мертвый Донец.

В двух курганах, расположенных в 2,2 м от другого (рис. 1), содержались захоронения бронзового века, третий карган, стоявший в стороне, был насыпан над погребением XI—XII вв. Наибольший интерес представляют курганы бронзового века, в которых открыты разновременные погребальные комплексы.

Курган 1 (рис. 1, *1*). Современная высота 0,3 м, диаметр 13 м. В кургане обнаружено 21 погребение (эпохи ранней бронзы — 1, эпохи средней бронзы — 2, позднего бронзового века — 14, железного века — 1) и три разрушенные могилы (№ 12, 18, 20), хронологически неопределимые.

Первоначальная насыпь, укрепленная каменным кромлехом 1[1] (диаметр его около 6 м, ширина кольца 0,8—1,2 м), была воздвигнута над могилой 19, стенки которой были обложены плитами, поставленными на ребро. Погребение перекрыл каменный заклад, и, таким образом, конструкция превратилась в своеобразный «каменный ящик». Дно могилы было густо посыпано охрой. «Каменный ящик» и скелет человека оказались разрушенными. Погребение датируется ранним бронзовым веком.

Увеличение кургана произошло в эпоху средней бронзы, когда юго-западная часть кромлеха 1 была разрушена колодцем катакомбы 21, а центральная часть древнего кургана, в том числе и основное погребение, разрушены второй катакомбой (15), материковый выкид из которой перекрывал колодец погребения 21 (рис. 1, *1а*).

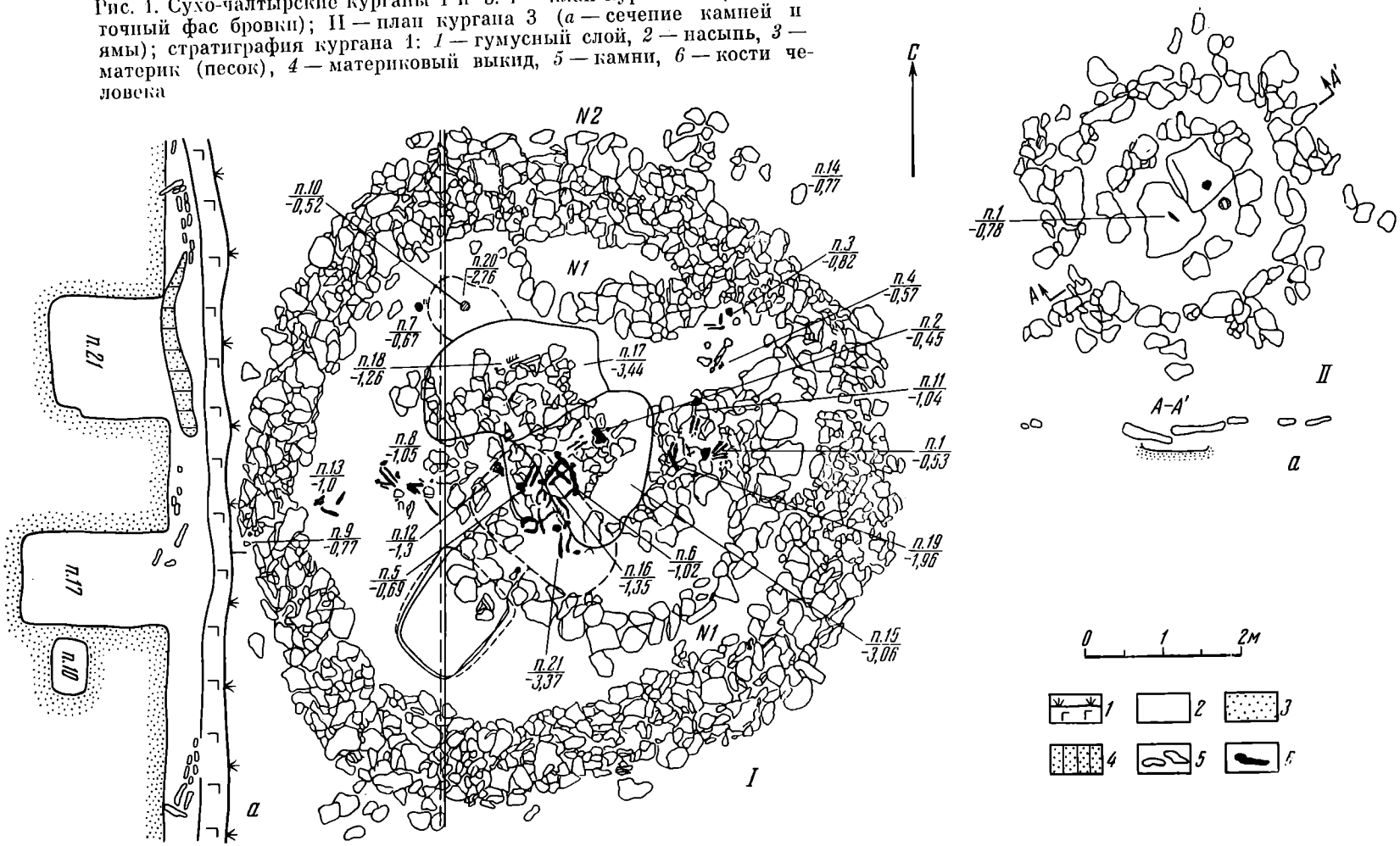
Погребение 21 представляло собой Т-образную катакомбную конструкцию, вход в камеру закрывался каменными плитами. Взрослый погребенный лежал на правом боку в скорченной позе, ориентирован головой на северо-северо-запад. По дну камеры прослеживались следы охры и коричневого тлена; костяк, особенно ноги был окрашен охрой, поверх которой зафиксирован коричневый тлен. В засыпи колодца встречались кости рыб. Инвентарь отсутствовал (рис. 2, *1*) [2].

Катакомбное погребение 15 было разрушено длинной ямой, ориентированной по линии В-З, заваленной камнями (погр. 17). Погребение 17 в свою очередь было разрушено грабительской воронкой. В засыпи могилы 17 собраны фрагменты сосуда катакомбного типа, по-видимому происходящего из погребения 15. Сосуд был украшен оттисками лопаточки (рис. 2, *2*). Здесь же найдены фрагменты горшка, богато орнаментированного налепными валиками (рис. 2, *3*). Он, вероятно, происходил из полностью разрушенной и незафиксированной нами могилы, относившейся к культуре многоваликовой керамики. Найдено также несколько обломков гончарной керамики, датирующих могилу 17 железным веком. В северной

[1] В кургане все кладки выполнены из рваного ракушечникового камня. Камни кромлеха 1 и заклада погр. 19, в отличие от остальных каменных конструкций, были сильно заизвесткованы. Грунт первой насыпи ничем не отличался от грунта последующих досыпок.

[2] По характеру могильной конструкции и погребального обряда погребение можно включить в группу памятников донецкого типа [1, рис. 11, с. 31—34]. Ближайшие аналогии имеются в курганных могильниках, исследованных на территории г. Ростова-на-Дону.

Рис. 1. Сухо-чалтырские курганы 1 и 3. I — план кургана 1 (*а* — восточный фас бровки); II — план кургана 3 (*а* — сечение камней и ямы); стратиграфия кургана 1: *1* — гумусный слой, *2* — насыпь, *3* — материк (песок), *4* — материковый выкид, *5* — камни, *6* — кости человека



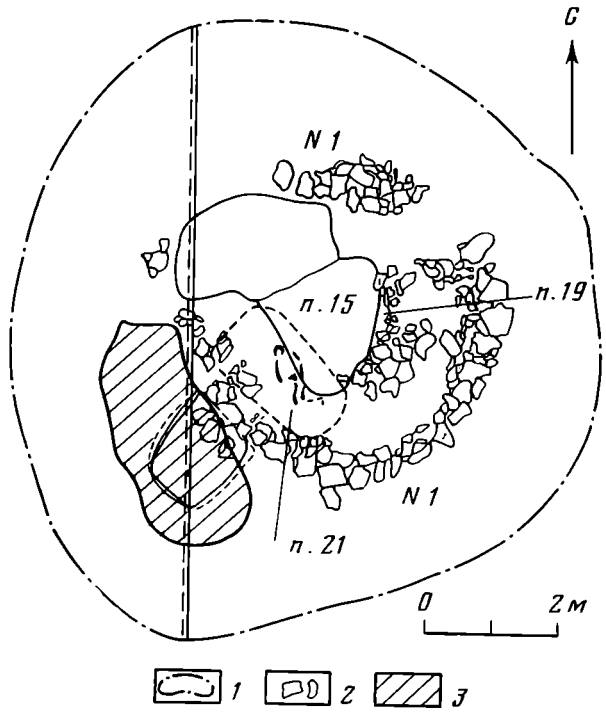


Рис. 1А. Сухо-чалтырский курган 1. Погребения раннего и среднего бронзового века. *1* — граница кургана, *2* — камни, *3* — материковый выкид из погр. 21

стенке погребения 17 выявлена ниша, в которой найдены кости животных и отдельные кости человека.

Третий этап курганного строительства приходился на эпоху поздней бронзы. Именно с этим периодом связано сооружение большого кромлеха 2, перекрывающего выкид из погребения 15. Под камнями кромлеха 2 найдены фрагменты керамики катакомбного времени, кости животных и рыб, на камнях встречены кусочки расколотого кремня, кости животных и зафиксированы остатки погребения 9, которое датируется по керамике эпохой поздней бронзы. Внешний край кромлеха 2 выполнен из плит, врытых наклонно от центра кургана; к ним примыкали плитчатые камни, положенные плашмя. Ширина кромлеха 1—1,5 м, внешний диаметр 10—11 м.

В кургане открыта группа погребений позднего бронзового века, из них четыре могилы (5, 6, 11, 16) имели каменные конструкции. В трех погребениях — это заклад из крупных камней; очертания ям не прослеживались, а ниже камней находились скелеты погребенных. Костяки плохой сохранности. Они имели скорченное положение на левом боку, ориентированы на северо-восток — восток (погр. 6), на запад (погр. 5) и на север (погр. 11). Могилы 5 и 6 были расположены над погребением 16, совершенном в плиточном ящике, который оказался наполовину разрушенным; поза погребенного в каменном ящике такая же, как и у покойников описанных выше, ориентировка на север — северо-восток. Инвентарь известен в двух могилах. В погребении 5 найден фрагментированный горшок черного цвета, его венчик украшен насечками, в тесте примесь песка и шамота (рис. 3, *4*). Из могилы 11 происходит костяная пряжка с двумя отверстиями, найденная около тазовых костей (рис. 3, *10*).

Остальные погребения позднебронзового века не имели каменных конструкций. Из них могилы 2, 4, 7, 9, 10, 14 разрушены настолько, что положения не восстанавливаются; все они сопровождались керамикой — баночными сосудами (рис. 3, *3*, *5*, *6*), а в погребении 2 был горшок с выделенными плечиками (рис. 3, *1*); тесто сосудов имеет примесь шамота. В могилах 3, 8, 13 погребенные лежали скорченно на левом боку, в по-

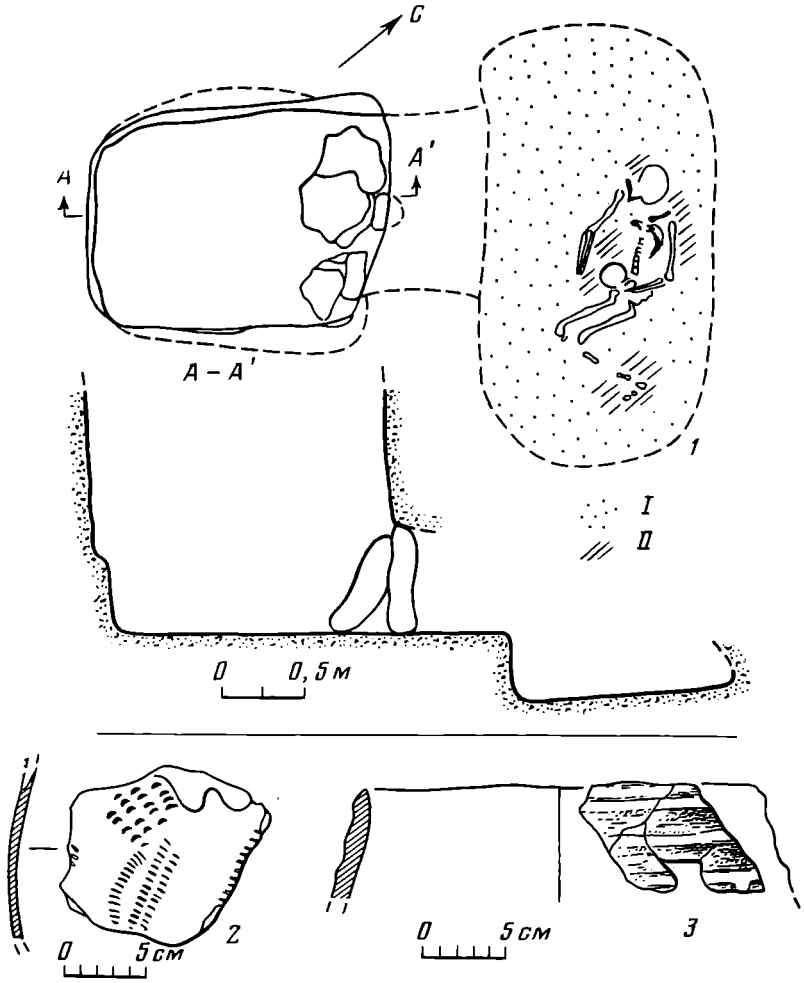


Рис. 2. Сухо-чалтырский курган 1. *1* — погр. 21 (I — охра; II — коричневый ил); *2* — керамика из погр. 15; *3* — керамика из засыпи погр. 17

гребении 1 — на правом боку; ориентированы на восток (рис. 3, *7*). В могиле 8 у лица погребенного стоял пятнистый сосуд, украшенный оттисками веревочки и прочерченными линиями, в тесто добавлена примесь шамота (рис. 3, *8*). Рядом с сосудом найдены челюсть и астрагал коровы. В могиле 3, тоже перед лицом погребенного, стоял неорнаментированный горшок, в тесте примесь шамота (рис. 3, *2*).

Отметим два стратиграфических узла: погребение 1 расположено поверх заклада 11; погребение 2 открыто на камнях заклада погребения 6, а последнее перекрывало могилу 16. Кроме того, погребение 5, расположенное рядом с погребением 6, тоже перекрывало могилу 16.

Второй курган (№ 3) имел высоту 0,1 м, диаметр 6,5 м (рис. 1, *II*). Насыпи как таковой не сохранилось. В нижней части гумусного слоя открыт мощный плиточный заклад, под которым находились останки одного погребенного. Очевидно, камни, выявленные на плитах заклада, являлись остатками разрушенной наброски. На уровне заклада вокруг могилы расчищены два кольца, каждое шириной в один камень. Диаметр внутреннего кольца 2,3 м, внешнего — 3,8 м. По-видимому, скопления камней, расположенные с внешней стороны большого кольца, представляли собой «лучеобразные» кладки. Под одной из них найдены фрагменты горла крупного сосуда, украшенного пальцевыми защипами (рис. 3, *12*). Погребенный (костяк плохо сохранился) лежал на левом боку в скорченной позе, ориентирован на восток. У лица стоял горшок, украшенный оттисками зубчатого штампа, в тесте примесь шамота (рис. 3, *11*).

В северо-восточном Приазовье каменные погребальные конструкции появляются одновременно с курганами в палеометаллическую эпоху. Они,

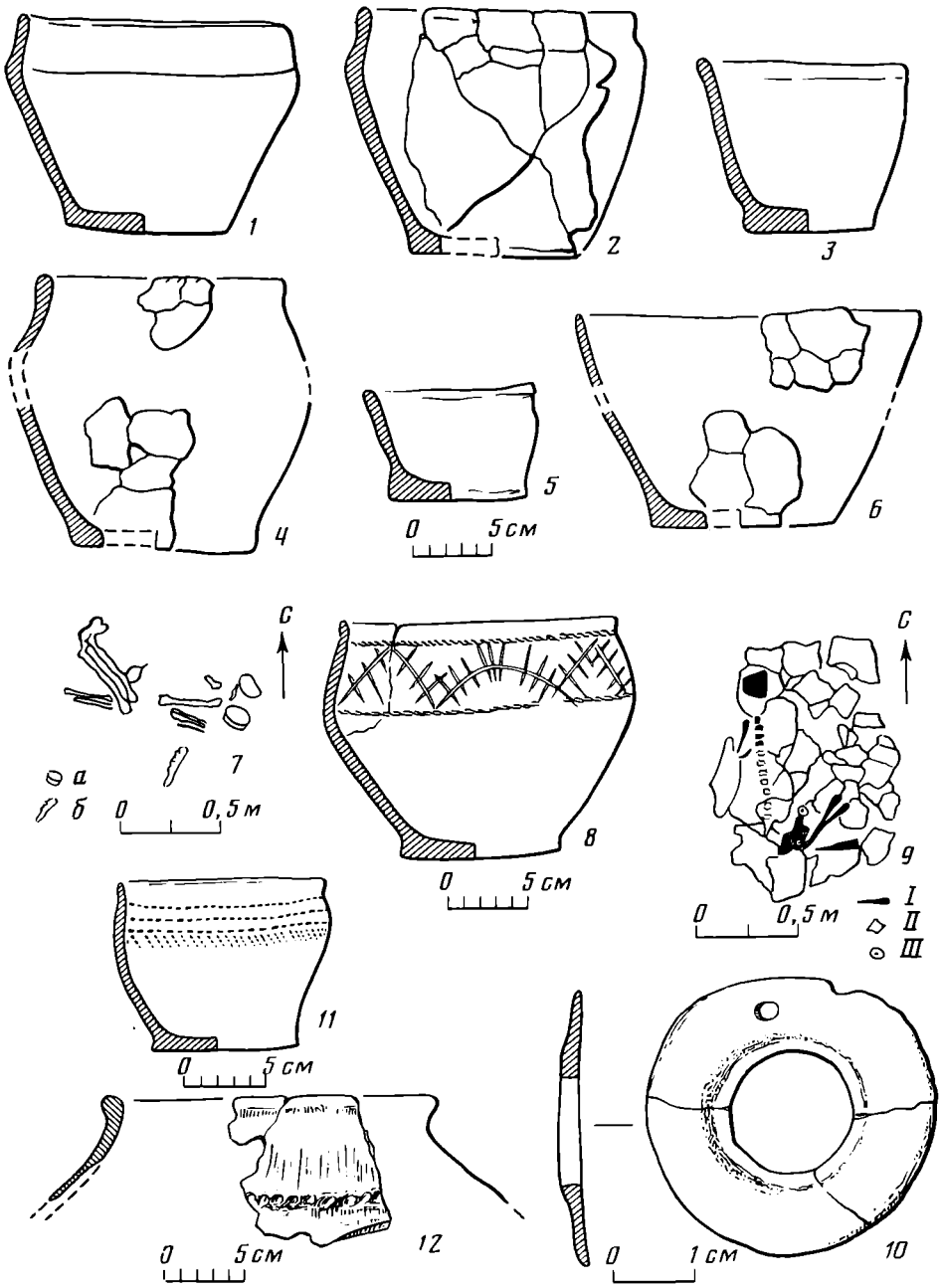


Рис. 3. Сухо-чалтырские курганы 1 и 3. *1—10* — курган 1: *1* — погр. 2; *2* — погр. 3; *3* — погр. 4; *4* — погр. 5; *5* — погр. 9; *6* — погр. 10; *7* — погр. 8 (*а* — сосуд, *б* — челюсть коровы); *8* — погр. 8; *9* — погр. 11 (I — кости человека; II — каменный заклад; *а* — костяная пряжка); *10* — погр. 11; *11*, *12* — курган 3; *11* — сосуд из погребения; *12* — керамика из оградки

как правило, разрушены впускными погребениями (хут. Мокрый Чалтырь, курган 2 [2]; Ливенцовка, курган 10 [3]). Такая же участь постигла древнейшее захоронение сухо-чалтырского кургана 1.

Кромлехи, известные в раннем бронзовом веке, в эпоху средней бронзы исчезают в северо-восточном Приазовье. Для этой территории нет достоверных сведений о сооружении ровиков вокруг погребений катакомбного времени, тогда как в эпоху ранней бронзы такие ровики хорошо известны [1; 4, с. 11, 12]. По-видимому, функционально ровик соответствовал кромлеху, выполняя роль ограды, имеющей множество семантических значений [5].

Исчезновение кромлеха-ровика в эпоху средней бронзы, видимо, было связано с изменением погребальной конструкции — с появлением катакомбы, состоявшей из шахты и камеры. Вход в камеру закрывался «зем-

ляной пробкой», заслоном из деревянных плашек или плитами и крупными камнями. Таким образом, как в ямной могиле эпохи ранней бронзы, так и в катакомбе эпохи средней бронзы покойник отгораживался от соприкосновения с землей, которой забрасывали могильную яму. В эпоху поздней бронзы эту функцию отчасти выполняли плиточные заклады, но большинство закладов, особенно сделанных из крупных камней, представляли собой не перекрытие, а вымостку — разновидность надмогильного памятника.

С. Н. Братченко отметил, что для правобережья Дона характерна тенденция роста катакомбного кладбища по окружности кургана, катакомбы устраивались по одной или нескольким дугам. Наличие подзахоронений, по-видимому, свидетельствовало о существовании внешних обозначений могил в кургане [1, с. 16—19].

Вероятно, прерывистая, «пунктирная» дуга, состоявшая из колодцев, обозначенных на поверхности кургана, не нуждалась в специальном ограждении, она сама имела семантические функции ограды, внутри которой находились погребальные камеры с покойниками. Отклонения в ориентировке катакомб — колодец от центра кургана — свидетельствуют о том, что «катакомбная дуга» структурно более сложное явление, чем простая ограда в виде кромлеха-ровика.

В эпоху поздней бронзы, когда катакомбные конструкции уступили место ямным могилам, в северо-восточном Приазовье появляются старые, «отжившие» формы могильных оград эпохи ранней бронзы — появляются каменные оградки. От предшествующих они отличались большим разнообразием. Правда, для эпохи поздней бронзы подкурганные ровики неизвестны.

Семантическая оградка не была замкнута историческими рамками бронзового века. Она сохранялась в северо-восточном Приазовье вплоть до позднего средневековья [6, с. 100].

У семантической погребальной оградки истоки были религиозными: являясь достоянием мировой первобытной религии, она не была связана с определенным этносом, и в зависимости от исторических и экологических особенностей того или иного региона изменялась форма оградки. Нами сделана попытка проследить линию развития форм семантической оградки в северо-восточном Приазовье.

Сухо-чалтырские каменные оградки эпохи поздней бронзы являются новыми вариантами оград, не известными в северо-восточном Приазовье. Приазовские ограды различались по технике исполнения и по форме.

Выделяются четыре технологических варианта: 1) ограда шириной в один или несколько камней, положенных плашмя; 2) ограда шириной в два или несколько камней, положенных внахлестку в виде ступеньки; 3) ступенчатая ограда, у основания которой расположены ограничительные крупные камни, поставленные на ребро; 4) ограда из крупных камней, поставленных на ребро. Первые два варианта широко распространены [7; 8, с. 132—139, рис. 1]. Вариант 3 известен только в сухо-чалтырском кургане 1[3].Вариант 4 представлен в кургане 4 у хут. Гаевка-Каймакчи на Миусском п-ове [9].

По форме выделяются шесть видов оград: 1) прямоугольная; 2) полукольцевидная (или в виде четверти кольца); 3) кольцевидная; 4) ограда, состоящая из двух колец разного диаметра; 5) ограда, состоящая из трех колец разного диаметра; 6) из двух колец разного диаметра и с так называемыми «лучами», отходящими от внешнего кольца. Второй и третий варианты оград распространены широко [7, 8]. Вариант 1 открыт в кургане 4 у хут. Гаевка-Каймакчи [9]. Вариант 4 и 5 известны в Ливенцовском могильнике VI [7]. Вариант 6 представлен в сухо-чалтырском кургане 3.

Несмотря на различия в конструкциях оград, остальной комплекс погребальных элементов (форма могильного сооружения, погребальный об-

[3] Аналогичные конструкции известны в курганах раннего бронзового века, например хут. Мокрый Чалтырь, курган 2 [2].

ряд и инвентарь) сухо-чалтырских курганов находит ближайшие аналогии в Ливенцовском могильнике IV; это позволяет синхронизировать оба могильника.

В сухо-чалтырском кургане 1 особый интерес представляют два стратиграфических узла. В обоих случаях в основании узлов находились погребения с северной ориентировкой (11 и 16); их перекрывали погребения, в которых покойники имели восточную ориентировку (1 и 6)[4] и западную (5). Могилы 5 и 6 были расположены рядом (погребенные обращены ногами друг к другу), перекрыты закладами (или общим закладом — точно не установлено). Видимо, здесь представлен так называемый единый комплекс. Аналогичный случай зафиксирован в кургане 1 у хутора Гаевка-Каймакчи[5]. Наиболее выразительные примеры противоположных ориентировок можно найти в погребальных памятниках более раннего времени, в эпохе средней бронзы,— в катакомбах с несколькими костяками или в катакомбах с подзахоронениями [1, приложение].

Только в одном погребении с северной ориентировкой (11) был инвентарь — костяная пряжка, имеющая многочисленные аналогии в памятниках южнорусских степей эпохи поздней бронзы[6]. На Миусском п-ове в могильнике у с. Русский колодец открыто аналогичное погребение, в котором обнаружена такая же пряжка; только погребенный имел не северную, а восточную ориентировку[7]. Это сопоставление заслуживает внимания. Вряд ли следует считать стратиграфическую последовательность, отмеченную в сухо-чалтырском кургане для погребения с костяной пряжкой (восточная ориентировка позже северной), единственно возможной. Погребенные с пряжками могли иметь как северную, так и восточную ориентировки. Видимо, такие хронологические узлы следует расшифровывать не как отражение смены культурных традиций, а как подзахоронения, как отражение представлений о «семейных усыпальницах». Особенно выразительные примеры известны в Ливенцовском могильнике IV, где многие хронологические узлы имеют именно такое содержание [7].

Различия в ориентировках, вероятно, отражали реальные различия (не только возрастные и половые)[8] между погребенными, тогда как сходные ориентировки указывали на близость между покойниками.

В сухо-чалтырском кургане большой каменной оградой было окружено кладбище относительно одновременных могил, каждая из которых не имела самостоятельной оградки. А в расположенном рядом кургане 3 одно погребение имело два каменных кольца. В первом случае кладбище выступало как «целостная система», как **одно** «родовое» погребение, нуждающееся в «родовой» ограде. Во втором случае это было **одно** «индивидуальное» погребение с «индивидуальной» оградой, сооруженное около родового кладбища. Внешнее кольцо с «лучами» в кургане 3 носило, вероятно, сакральный характер и, следовательно, особым образом подчеркивало индивидуальность погребенного здесь человека.

Большая ограда оформляла родовое кладбище, которое продолжало разрастаться, и поэтому появлялись погребения на камнях ограды. В результате роста кладбища погребения могли сооружаться за оградой. С другой стороны, в некоторых случаях погребения могли специально включаться в структуру ограды.

В эпоху поздней бронзы в Восточной Европе на огромной территории, совпадающей с зоной степи и лесостепи, было распространено несколько

---

[4] Остатки погребения 2, выявленные на камнях заклада погребения 6, не позволяют реконструировать позу погребенного.

[5] Погребения 8 и 11 [8, с. 132].

[6] Большая коллекция пряжек приводилась в докладе В. В. Отрощенко на совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности в г. Куйбышеве в феврале 1978 г.

[7] Группа II, курган 2, погребение 7 [10].

[8] Возможно, и семейные взаимоотношения: согласие и недоброе отношение между супругами, установившееся в мире живых, переносились в царство мертвых. Отголоски этого находили отражение в фольклоре, например в осетинской песне «Посвящение коня умершему» [11, с. 340—343].

форм, способов образования единого кладбища. Одну из этих форм мы рассмотрели на материале из северо-восточного Приазовья. Н. Я. Мерперт исследовал в Поволжье большие кладбища, формирование которых заканчивалось сооружением общей земляной насыпи [12, с. 146]. В. В. Отрощенко описал в Нижнем Поднепровье специфическую форму кладбища — «длинный курган» [13, с. 16—18]. В ранних курганах бронзового века нередко встречается по нескольку впускных погребений позднего бронзового века — тоже форма кладбища, которая нуждается в детальной разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
2. *Жибура В. М.* Отчет об археологических раскопках у хутора Мокрый Чалтырь в 1961 году.— Архив РОМК.
3. *Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции 1966 года.— Архив РОМК.
4. *Киящко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М., 1974.
5. *Мещанинов П. П.* Кромлехи.— ИГАИМК. 1930. т. VI. вып. 3.
6. *Ильюков Л. С., Прохорова Т. А.* Раскопки курганов на Миусском полуострове.— АО — 1976. М., 1977.
7. *Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Ливенцовской экспедиции 1964 г.— Архив РОМК.
8. *Ильюков Л. С.* Курган бронзового века на Миусском полуострове.— СА, 1979, № 1.
9. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследованиях курганов на территории строительства Миусской оросительной системы в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6979.
10. *Казакова Л. М.* Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Миусской оросительной системы в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5771.
11. Песни народов Северного Кавказа. Л.: Сов. писатель, 1976.
12. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61
13. *Отрощенко В. В.* Конструктивные особенности длинных курганов Нижнего Поднепровья.— Открытия молодых археологов Украины. Ч. I. Киев: Наукова думка, 1976.

L. S. Ilyukov, P. A. Larenok

BRONZE-AGE SUKHO-CHALTYRSKIE MOUNDS

Summary

In 1978 two Bronze Age mounds were studied in the western outskirts of Rostov-on-Don, at the Sukho-Chaltyrskaya balka. Most interesting features of the burial ground are the use of shell rock through the Bronze Age and a series of Late Bronze Age burials with low stone fences of two variants, previously unknown on the North-Eastern Azov coast. These burials are synchronous with those of the Liventsovsky IV burial ground on the lower Don.

КУДРЯВЦЕВ А. А.

О НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ДЕРБЕНТА

Дербент вошел в историю как самый значительный памятник фортификационного строительства на Кавказе и известный опорный пункт сасанидского Ирана и Арабского халифата в их борьбе с кочевниками. Здесь пролегла одна из наиболее грандиозных заградительных систем на северных границах переднеазиатско-закавказского земледельческого мира, отделявшая последний от мощных объединений степняков. Впечатляющая масштабность фортификационных сооружений Дербента, контролировавших в течение многих веков главные «ворота» из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию, монументальность его древних каменных стен и их уникальная сохранность ставят этот оборонительный комплекс в один ряд с самыми известными памятниками мировой фортификации. Слабая археологическая изученность города, несмотря на значительный интерес, проявленный к его истории крупными отечественными и зарубежными специалистами, привела к тому, что Дербент вошел в историческую литературу лишь как памятник сасанидского строительства, возникновение и начальные этапы существования которого связывались со строительной деятельностью известных иранских царей Кавада I (488—531) и Хосрова I Ануширвана (531—579).

Скупые сообщения отдельных античных авторов и весьма сомнительные данные средневековых исторических хроник, легенд и сказаний Востока, приписывающих основание города то древнеиранским эпическим героям, то легендарным царям Каянидской династии, то Александру Македонскому, хотя и позволили ряду исследователей[1] выдвинуть предположение о возможности досасанидского существования Дербента, не могли служить сколько-нибудь достоверным обоснованием последнего. Аргументированный ответ на этот важный вопрос дали только широкие археологические раскопки, впервые начатые здесь в 1971 г. Они открыли совершенно новые страницы истории Дербента, отодвинув начальные этапы его существования более чем на тысячу лет в глубь веков.

В результате широких археологических исследований на вершине Дербентского холма, значительная часть которого занята мощной цитаделью города сасанидской поры, под многометровыми культурными напластованиями средневекового периода были вскрыты остатки древнего укрепленного пункта, появившегося здесь задолго до распространения власти сасанидского Ирана на Дербентский проход.

Раскопы, заложенные в различных районах Дербента[2] (рис. 1), позволили выявить время возникновения и бытования этого пункта, а также проследить его территориальное развитие. Было установлено, что вершина дербентского холма обживалась уже с глубокой древности, о чем свидетельствуют находки здесь каменных [1, с. 206] и бронзовых [2, с. 81, рис. 3] топоров и определенного количества керамики эпохи бронзы [3, с. 48, 83, 85].

---

[1] Предположения о возможности обживания дербентского холма задолго до проникновения сюда сасанидов высказывались В. В. Бартольдом, В. Ф. Минорским, К. В. Тревер, Р. М. Магомедовым, Л. И. Лавровым.

[2] В самом городе (внутристенная территория более 150 га) и за пределами его стен было заложено: 24 небольших стратиграфических раскопа (№ 1—24) размерами 3×3 м, 2×4 м, 4×4 м; девять раскопов (PPI — IX) площадью от 45 до 400 м²; восемь разрезов (RR I—VIII) общей площадью около 700 м².

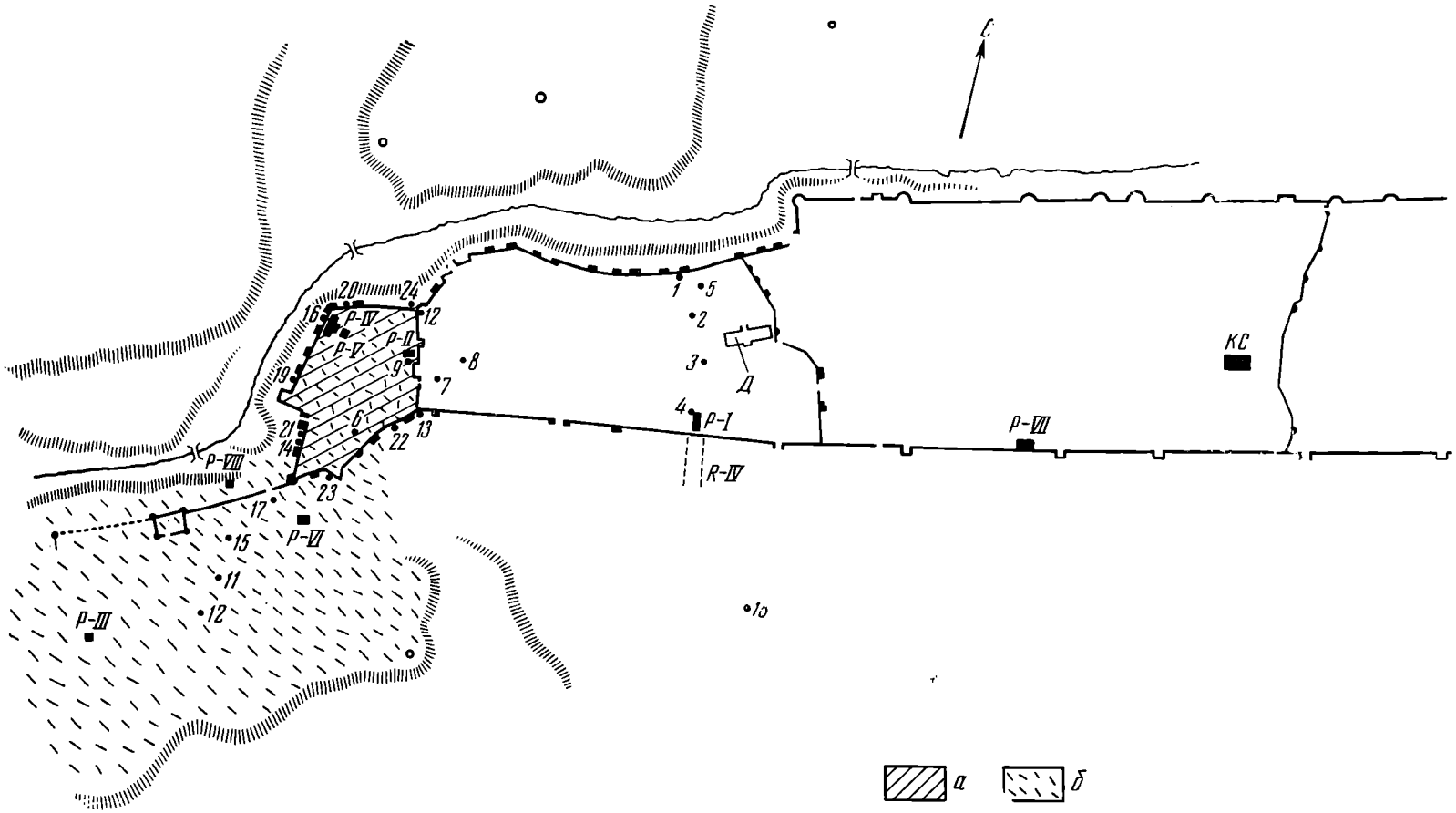


Рис. 1. План верхней части Дербента с указанием раскопов и древнейшей территории обживания (*1—24* — стратиграфические раскопы площадью от 7 до 16 м²; Р-I-XIII — раскопы площадью от 45 до 400 м²; Я-IV, разрез у южной стены; КС — котлован строителей у площади Свободы; Д — Джума-мечеть; *а* — территория древней крепости; *б* — территория поселения

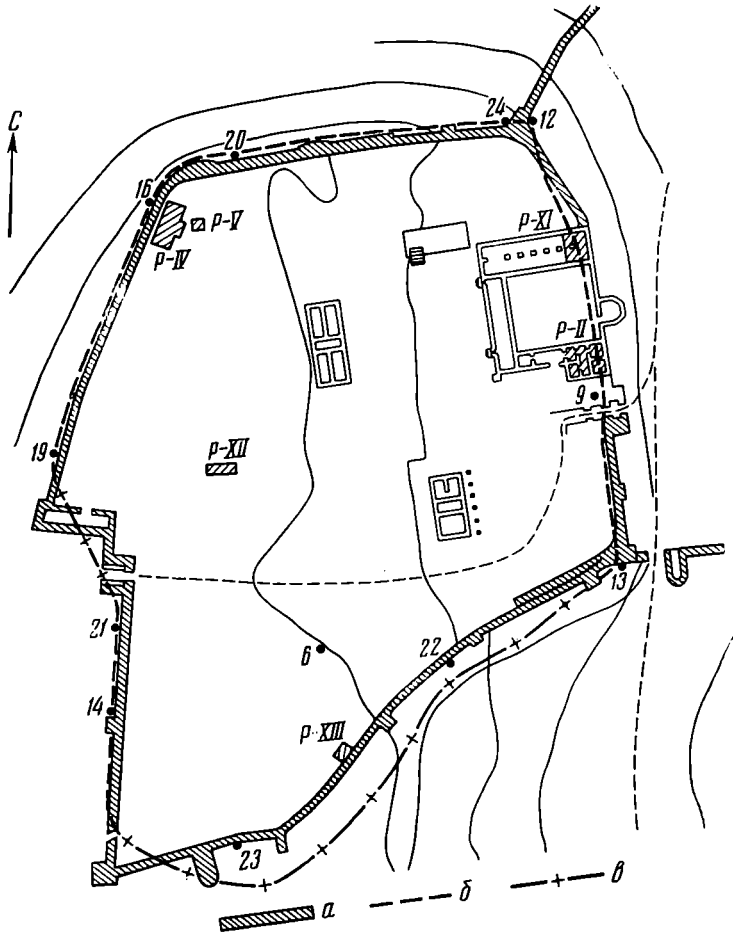


Рис. 2. План цитадели Дербента с указанием раскопов. древних и досасанидских стен (*а* — стены раннесредневековой цитадели, *б* — стены древней крепости, *в* — предполагаемая граница южной стены крепости)

Однако только в конце VIII — начале VII в. до н. э. здесь появляется мощный укрепленный пункт, который в силу целого ряда причин социально-экономического и военно-политического характера стал превращаться с рубежа нашей эры в один из древних городов Кавказской Албании. Древняя фортификация на вершине холма, господствуя над проходом, просуществовала вплоть до сасанидского проникновения и возведения иранцами тут нового типа оборонительных сооружений, воспринявших в значительной мере ее планировку (рис. 2).

Из трех этапов досасанидского обживания холма, первый из которых связан с существованием здесь поселения бронзового века, второй — с возникновением и развитием мощной крепости и поселения эпохи раннего железа, третий — с превращением этого опорного пункта в древнеалбанский город, в данной работе рассматриваются определенные итоги исследования двух первых.

В плане верхняя часть холма, занятая досасанидским поселением, имеет форму неправильной трапеции, обращенной узкой частью к морю, в сторону прохода, а более широкой на запад, к Джалганскому хребту, одним из отрогов которого и является дербентский холм, выступающий подобно мысу из основного горного массива. Расстояние между горами и морем здесь не превышает 3—3,5 км, что создает благоприятные условия для контроля над узкой прибрежной полосой Дербентского прохода — знаменитыми воротами Прикаспийского пути.

В досасанидский период обживалась лишь вершина холма, хорошо защищенная естественными преградами. Благодаря своеобразию рельефа дербентский холм защищен с севера и юга глубокими ущельями, с востока — крутизной холма, а с запада — скалистыми кручами Джалганско-

го хребта. Особенно внушительны почти отвесные склоны ущелья, огибающего холм с севера, вдоль которого позднее Сасанидами был возведен участок Горной стены (Даг-бары). Тот факт, что в досасанидское время обживалась лишь вершина холма, объясняется постоянной военной угрозой, существовавшей в прибрежной полосе «ворот» со стороны кочевников и уменьшившейся после появления «длинных стен» Дербента, сплошь перекрывших проход.

Северо-восточный угол вершины холма несколько больше выдвинут в сторону прохода, как бы нависая над ним, что давало дополнительные выгоды при обороне этого участка и сильно повышало его стратегическое значение. Именно этот район холма лучше всего был укреплен как в древности, так и в средневековое время (цитадель города Нарын-кала). Выгодное месторасположение холма, наличие многочисленных питьевых источников на его склонах и замечательное плодородие почв [4, с. 419] делало этот район местом, хорошо приспособленным для возникновения здесь поселения уже в глубокой древности, а стратегическая значимость Дербентского прохода способствовала весьма раннему укреплению этих главных ворот Кавказа. Благоприятный рельеф местности позволял укрепить его с минимальными затратами, используя и глубокие ущелья, и естественную крутизну холма.

Раскопками на дербентском холме была выявлена внушительная многослойность досасанидских культурных отложений Дербента, достигающих в северо-восточной части его 2,6—2,75 м толщины. Здесь, на территории цитадели Нарын-кала, древние слои перекрыты мощными культурными напластованиями последующих эпох — ранне- и средневековой. В остальных районах холма, почти не обживавшихся в эти периоды, толщина культурных отложений не превышает 1,5—2 м. Наименьшая толщина культурных напластований на вершине дербентского холма отмечена в ее южной и юго-западной частях, где она достигает всего 0,4—0,6 м.

В культурных наслоениях Дербента досасанидского времени удалось выделить шесть слоев, обильно насыщенных культурными остатками, и две прослойки без них (рис. 3).

Хронологически выделенные культурные слои относятся к трем историческим периодам, названным, согласно утвердившейся в дагестанской историографии терминологии, предскифским, скифским, албано-сарматским.

К предскифскому времени в культурных наслоениях Дербента относится один слой, в котором отмечена керамика бронзового века и древнейшего этапа эпохи раннего железа, стратифицировать которую по названным периодам внутри слоя пока не представляется возможным.

К скифскому времени относятся два слоя — ранний и поздний, которые в северо-восточной части холма лежат один над другим и перекрывают слой предскифского времени.

Три слоя албано-сарматского времени перекрывают культурные отложения скифского периода и отделяются друг от друга прослойками без культурных остатков.

Стратиграфические исследования, проводимые на дербентском холме, позволили установить, что северо-восточная часть его вершины, наиболее выгодная в стратегическом отношении и лучше всего защищенная естественными преградами, является и территорией древнейшего обживания Дербента. Раскопы, заложенные здесь (раскопы № 6, 9, 13, 14, 16, 19—24, Р-II, Р-IV), позволили установить, что в эпоху бронзы и раннего железа на данной территории существовало поселение, почти полностью совпадавшее по площади с территорией цитадели средневекового города, именуемой сейчас Нарын-калой. Естественные преграды, защищавшие это поселение глубокими ущельями и крутизной склонов холма, были дополнены работами по эскарпированию с северной [5, с. 106] и, видимо, с восточной сторон, подвергавшихся наибольшей опасности.

Раскопы, заложенные в южной (раскоп № 6), восточной (раскопы № 9 и Р-II), северной (раскоп Р-IV) частях поселения выявили здесь наличие древнейшего культурного слоя с материалами эпохи бронзы и

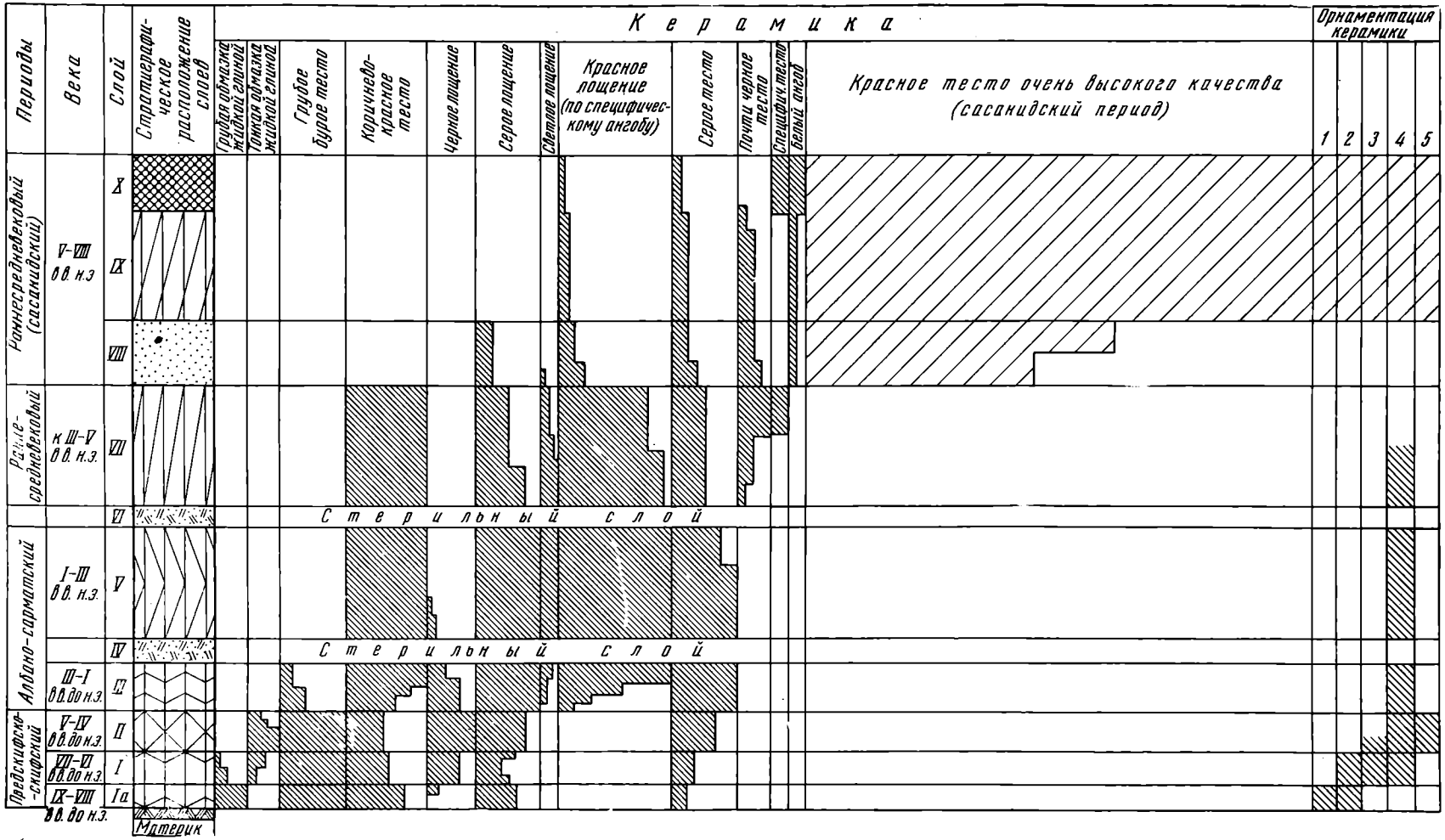


Рис. 3. Схема распределения керамики в древних слоях Дербента (крепость)

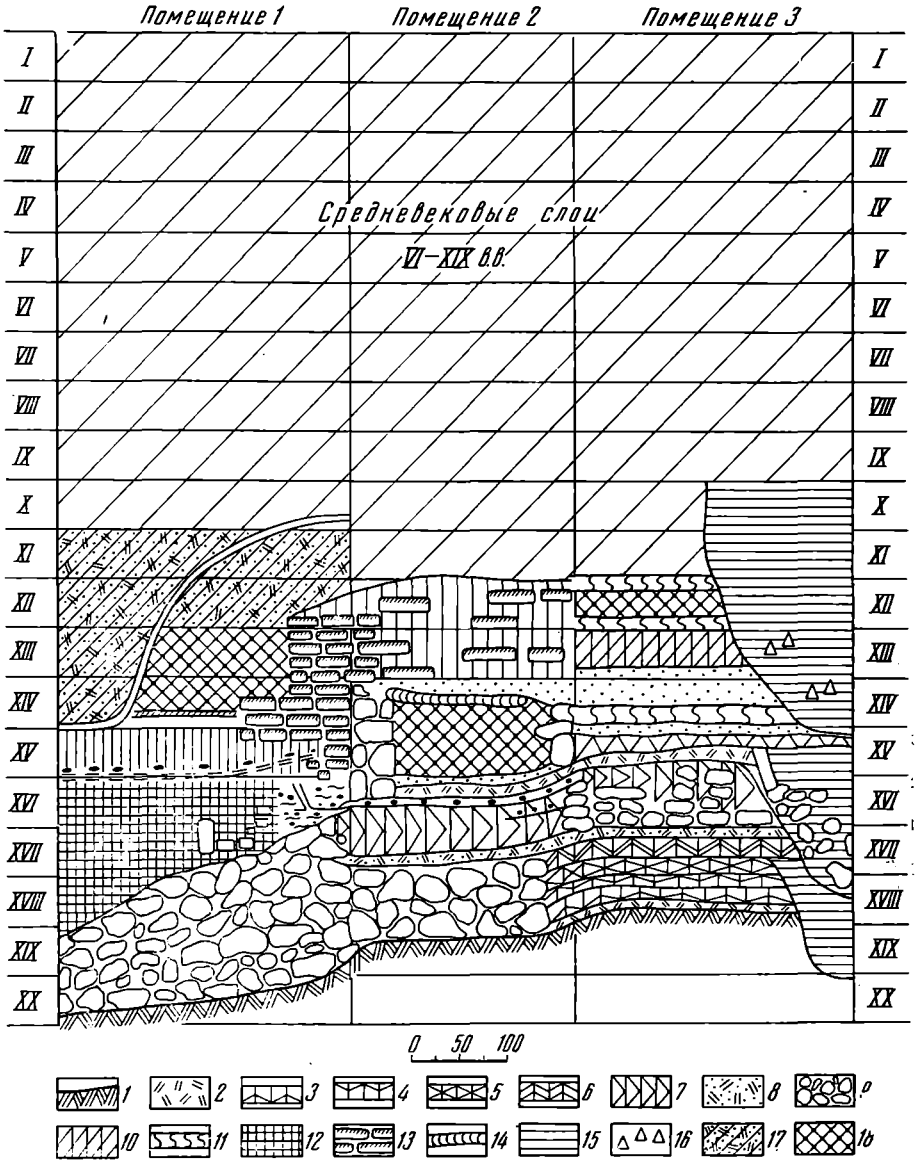


Рис. 4. Раскоп II. Разрез древней восточной стены цитадели Дербента с профилем культурных напластований на этом участке (до слоев сасанидского периода включительно). *1* — материк; *2* — предматериковый коричневато-желтый слой; *3* — желто-серый слой с углем и золой; *4* — темно-серый слой с углем и золой; *5* — серый слой средней плотности с большим включением угля и золы; *6* — рыхлый серый слой с большим включением угля и золы; *7* — плотный темно-серый слой; *8* — плотная желтая прослойка без керамики; *9* — кладка из бута; *10* — плотный желтый слой; *11* — известковый пол; *12* — уплотненный слой светлого цвета; *13* — кладка из сырцового кирпича; *14* — глинобитный пол; *15* — мусорные ямы; *16* — скопление керамики; *17* — плотный серо-желтый слой; *18* — рыхлый темно-серый слой

раннего железа (рис. 2). Этот, пока самый ранний в культурных напластованиях Дербента, слой назван условно слоем предскифского времени. Однако разделить этот слой стратиграфически на периоды бронзового и железного веков пока не представляется возможным.

Слой предскифского времени представлял собой по структуре довольно плотный желтовато-серый, на отдельных участках (юго-восточная часть, раскоп № 9) желтовато-коричневый грунт толщиной от 10—13 до 15—16 см, с включением незначительного количества архитектурных остатков плохой сохранности, керамики, костей животных, отдельных скоплений угля и золы. Он лежал непосредственно над материковой поверхностью из желтовато-белесой глины с включением мелкой щебенки. Керамика,

аналогичная материалам этого слоя, отмечена в культурных наслоениях раскопов № 13, 14, 16, 19—24, носящих в большинстве своем переотложенный характер. В восточной части холма (Р-II) слой предскифского времени вплотную подходит к внутренней грани основания мощной оборонительной стены из бутового камня. Однако проследить примыкание слоя к стене или нахождение его в основании стены не удалось из-за большого сходства цвета и структуры грунта предскифского слоя с земляной засыпью стены, использованной для скрепления каменной кладки в нижней части ее (рис. 4).

Архитектурные остатки этого слоя немногочисленны и представлены в основном глинобитными полами из хорошо уплотненной желтой и коричневой глины, с обмазанной более светлой поверхностью. Сохранились лишь небольшие участки полов площадью до 3—4 м^2, позволяющие предполагать прямоугольную планировку жилищ. Материал и конструкция жилищ не выявлены, но наличие кусков толстой глиняной обмазки со следами дерева и значительных по размерам фрагментов угля, обнаруженных на глинобитных полах, позволяет думать, что это могли быть каркасные строения с глиняной обмазкой (турлучного типа). В полах отмечены заглубленные в землю на 20—30 см очаги с прокаленными стенками, углем и золой внутри.

Керамика бронзового века, обнаруженная в слое (рис. 3), представлена фрагментами крупных буроглиняных сосудов, судя по всему, яйцевидной формы с грубым тестом; венчиками и донцами красноглиняных мисок и чаш; горловинами горшков и кувшинов. В орнаментации сосудов, выявленных в этом слое, отмечен ряд специфических черт (валики с округлыми вдавлениями, округлые и фигурные налепы, проколы, хорошее лощение, наружная обмазка жидкой глиной), типичных для керамики Дагестана эпохи ранней бронзы. Формы и орнаментация этой керамики находят себе аналогии в посуде Великентского, Башлыкентского, Каякентского, Мамайкутанского, Мамрашского поселений и ряда других памятников Дагестана и Северного Азербайджана III тысячелетия до н. э. К этому же времени относятся обнаруженные в Дербенте каменные топоры-молоты, медный топор-клевец, многочисленные ладьевидные каменные зернотерки [3].

Наряду с этим в слое предскифского времени обнаружено значительное количество керамики древнейшего этапа эпохи раннего железа, которая составляет около 77% всего керамического материала этого слоя. При исследовании ее следует отметить, что наряду с фрагментами посуды, выявленными в слое предскифского времени, в Дербенте был раскопан могильник предскифского, скифского, албано-сарматского и раннеарабского времени [6, с. 125], древнейшие захоронения которого дали большой керамический материал, полностью аналогичный керамике слоя, представленной в основном фрагментарно. Это позволяет более подробно анализировать выявленные в слое предскифского времени гончарные изделия эпохи раннего железа, опираясь на целые формы сосудов из могильника.

Керамику эпохи раннего железа из слоя предскифского времени можно разделить на две группы, синхронные по времени, но отличающиеся по качеству теста и обжига, что, вероятно, надо связывать с их различным бытовым назначением (рис. 3).

Одну группу, включающую около 60% керамики этой эпохи, составляет довольно толстостенная грубая буро- и сероглиняная посуда, в тесте которой много примесей шамота, морского песка, толченой ракушки, иногда кварца. Наиболее характерными для посуды этой группы являются разнообразные горшки, среди которых выделяются изделия баночной формы, сосуды с вытянутым туловом и слабовыпуклыми боками, горшки с отогнутым наружу нешироким венчиком, горшки с западающим внутрь устьем (рис. 5, *4—6*; 6, *21*). Изделия подобных форм находят себе широкие аналогии среди горшков Мугерганского могильника из захоронений

[3] Дербентский краеведческий музей, ф. 1, № 6, 7—9, 12.

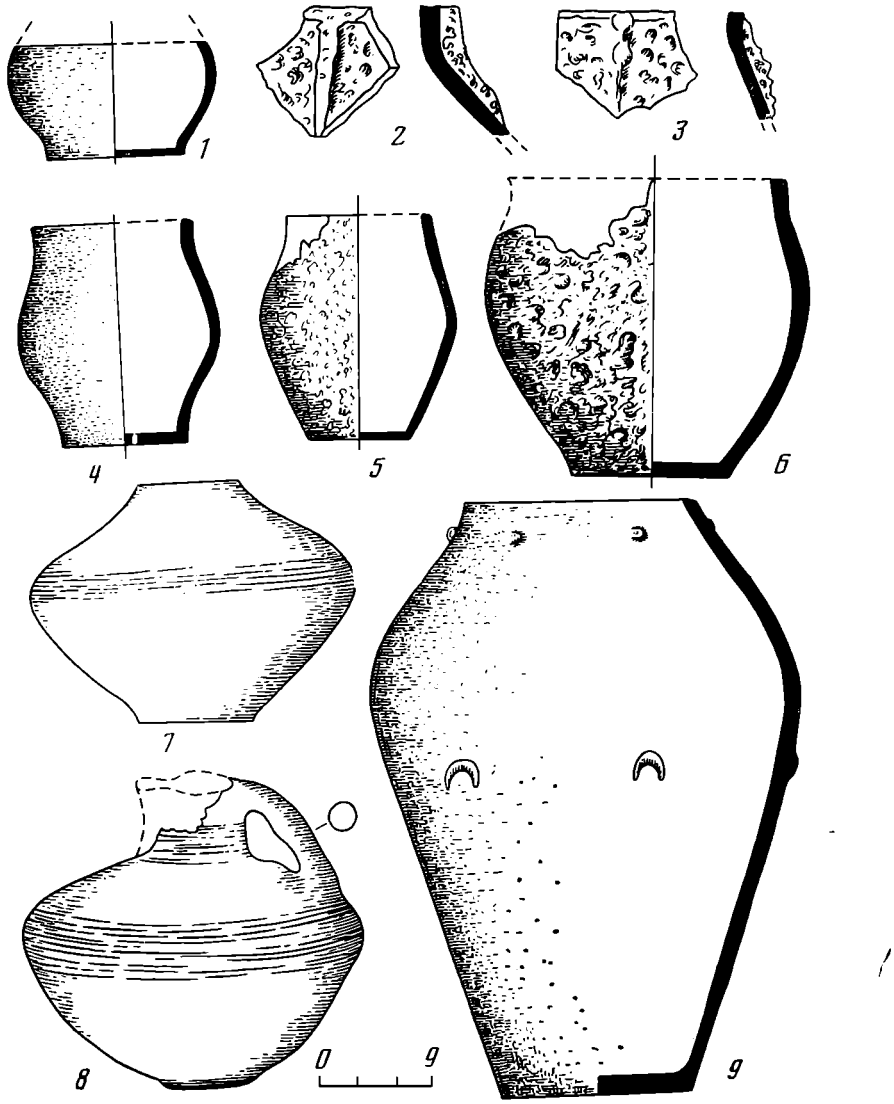


Рис. 5. Керамика Дербента предскифского времени (могильник)

IX—VIII вв. до н. э. [7, с. 27, 28, рис. 5] и поселения Уч-Тепе в Азербайджане, датируемого X—IX вв. до н. э. [8, с. 122—125, рис. 20, 21].

Тарная керамика этой группы представлена более крупными сосудами с вытянутым туловом, слегка выпуклыми боками и прямым или чуть отклоненным внутрь венчиком (рис. 5, *9*). Тулово этих сосудов зачастую орнаментировалось овальными или круглыми налепами типа ложных ручек или выступов, широко распространенных на керамике эпохи бронзы. Сосуды подобной формы, качества теста и орнаментации широко представлены в посуде памятников каякентско-хорочоевской культуры [9, с. 57—58, рис. 25] и в материалах Нижнесигитминского поселения [10, с. 176, табл. VI]. Другой тип тарной посуды представлен сосудами с округлым туловом и прямой, очень низкой горловиной, составляющей одно целое с венчиком (рис. 6, *20*). Подобные сосуды находят прямые аналогии в хозяйственной керамике Уч-Тепе X—IX вв. до н. э. [8, с. 125, рис. 21].

К посуде этой группы относится еще один тип изделий, представленный довольно крупными серо- и коричневоглиняными сосудами более высокого качества, со вздутым туловом и сильно отклоненным внутрь устьем, венчик которого чуть утолщен (рис. 6, *22*). Аналогичные сосуды широко встречаются среди посуды Мугерганского могильника, датируемого IX—VIII вв. до н. э. [7, с. 27, рис. 5], и в грубой хозяйственной кера-

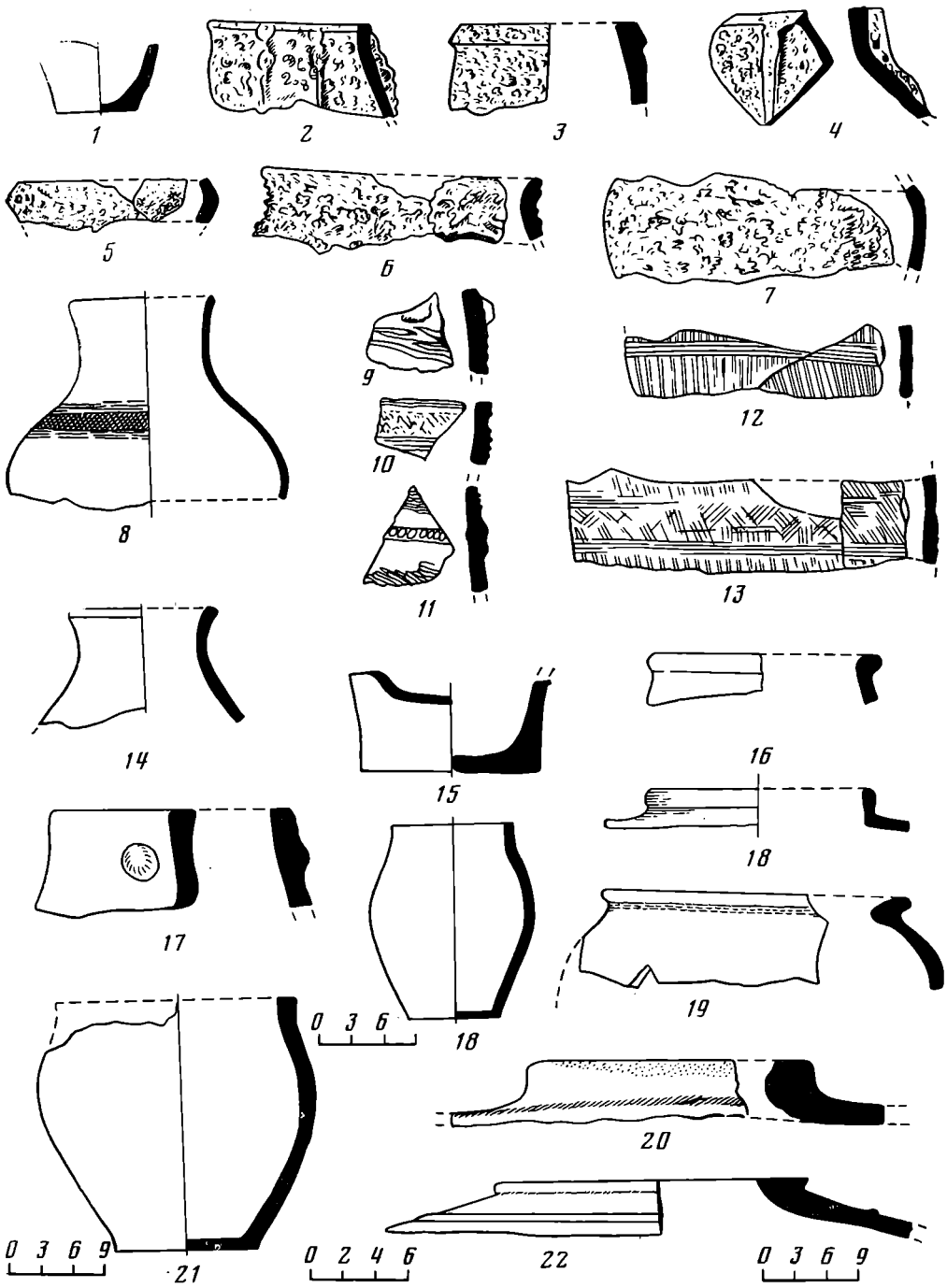


Рис. 6. Керамика Дербента предскифского времени (крепость)

мике поселения Уч-Тепе [8, с. 125, рис. 21], с которой подобная посуда Дербента этого слоя имеет большое сходство.

Отличительной чертой керамики этой группы является грубое тесто с значительным количеством примесей, не совсем качественный обжиг изделий и толстая наружная обмазка глиной. Подобная посуда типична для древнейшей хозяйственной керамики Мугерганского могильника [7, с. 26—31]. Хозяйственная керамика нередко орнаментировалась насечками, елочной штриховкой, врезными и вдавленными линиями, что было типично и для многих хозяйственных сосудов поселения Уч-Тепе [8, с. 122—125, рис. 20, 21] и Мугерганского могильника [7, с. 26—28, рис. 5]. В процентном соотношении наиболее грубая хозяйственная керамика с обмазкой составляла в слое около 10%, а на могильнике — около 40% общего количества посуды этой группы.

Вторая группа посуды этого слоя, составляющая около 40% всей керамики, представлена более высококачественными коричнево- и сероглиняными изделиями. В тесте этой керамики почти не встречаются грубые добавки, обжиг посуды довольно хороший, более 50% изделий покрыто лощением (рис. 3).

Наиболее типичны здесь небольшого и среднего размера плоскодонные кувшины с округлым вздутым или слегка вытянутым туловом. Одни из них имеют округлое тулово и довольно высокую, несколько расширяющуюся вверх горловину с прямым невыделенным венчиком (рис. 6, *8*).

Другой тип сосудов этой группы представлен плоскодонными кувшинами с округлым шаровидным туловом, резко переходящим в весьма невысокую, расширяющуюся кверху горловину с энохоевидным венчиком (рис. 5, *8*). Основание горловины кувшинов орнаментировалось налепным валиком с защипами или вдавленно-прочерченными параллельными линиями. Нередко поверхность сосуда ниже основания горловины, орнаментированной вдавленной линией или расчлененным валиком, покрывалась сплошной штриховкой (рис. 6, *8—13*). В отдельных случаях поверхность изделий украшалась глубоким нарезным орнаментом (рис. 6, *9*, *11*). Подобный прием орнаментации посуды широко применялся на лощеной учтепинской посуде X—IX вв. до н. э. [8, с. 119—121, рис. 16, 17] и керамике, обнаруженной в Мугерганском могильнике [7, с. 28].

Новый этап в обживании дербентского холма связан с появлением в северо-восточной части его, на территории древнего поселения, мощного укрепленного пункта, положившего начало формированию фортификации Дербента и его топографии. С возникновением и древнейшим этапом развития этого опорного пункта связаны культурные напластования двух исторических эпох, условно названные слоями скифского и албано-сарматского времени.

Слой скифского времени выявлен в раскопах № 6, 9, Р-II, Р-IV, заложенных, как уже отмечалось, на различных участках древнего поселения, а также в культурных напластованиях других мест вершины дербентского холма — в раскопах Р-III и № 11, заложенных в южной ее части, в раскопах Р-VI, Р-VII, № 15, 17, заложенных в западной части вершины. Однако толщина этого слоя не везде одинакова; наибольшей мощности (0,4—0,5 м) он достигает на участках заложения раскопов Р-II, № 6, 9, т. е. в восточной и южной частях территории опорного пункта. Здесь удалось стратиграфически выделить два слоя этого времени — ранний и поздний. В местах заложения остальных раскопов разделить этот слой не удалось, толщина его здесь в основном равна 0,2—0,3 м. Материалы скифского времени отмечены в нижней части культурных напластований раскопов № 13, 14, 16, 19—24, заложенных у наружной грани стен цитадели.

Ранний слой скифского времени лежал непосредственно над древнейшим предскифским слоем и отличался от него по цвету и структуре. Он представлял собой темно-серый (в раскопе № 9 коричневато-серый) слой грунта толщиной от 12—13 до 15—18 см, с значительным включением архитектурных остатков, керамики, костей, угля и золы, последние из которых порой составляли сплошные прослойки. В восточной части раскопа Р-II весь этот слой вплотную примыкал к внутренней грани мощной оборонительной стены из крупного бутового камня и несомненно связан со временем ее функционирования. Над ранним слоем лежал второй слой скифского времени, достигающий толщины от 20—25 до 28—30 см и отделенный от первого архитектурными остатками и прослойками угля и золы (рис. 4).

Поздний слой скифского времени по цвету и структуре отличался от нижнего и представлял собой довольно рыхлый серый слой грунта с включением большого количества архитектурных остатков, керамики, фрагментов обгоревших костей животных, скоплений угля и золы. Местами (раскопы Р-II, № 6) скопление угля и золы толщиной 3—5 см сплошь покрывали поверхность глинобитных полов, вскрытых здесь, а в юго-восточной части раскопа № 6 отмечен зольник, толщина которого дости-

гала 10—12 см. В восточной части раскопа Р-II этот слой также примыкал к внутренней грани мощной каменной стены; и здесь в нем вскрыты строительные остатки в виде глинобитного пола размером около 2,2×4 м с тщательной обмазкой (отметка его — 8,7 м), поверхность которого сплошь покрыта углем и золой толщиной до 7 см (рис. 4).

В остальных частях вершины холма слой скифского времени несколько отличается по структуре от описанного; в основном это довольно плотный грунт желтовато- или коричневато-серого цвета. Насыщенность его архитектурными остатками и керамикой здесь значительно уступает напластованиям северо-восточных районов. Наименьшая насыщенность и толщина культурного слоя отмечена в южной части вершины холма. Стратиграфические исследования и подъемный материал, собранный на поселении, позволяют говорить, что обживаемая территория дербентского холма в скифское время достигала 14—15 га. Культурные напластования, перекрывавшие слои скифского времени сверху, относятся хронологически уже к другому историческому периоду — албано-сарматскому. Они отмечены на всей территории холма, обживавшейся в скифское время, кроме южной части (раскоп Р-III), что может свидетельствовать о некотором сокращении обживаемой площади в этот период [12, с. 46]. В культурных наслоениях албано-сарматского времени, связанных с древнейшим этапом формирования исторической топографии Дербента, удалось выделить один слой, названный ранним слоем албано-сарматского времени. Он обнаружен непосредственно над слоями скифского времени во всех раскопах, заложенных на территории древней крепости (раскопы Р-II, IV, № 6, 9) (рис. 2).

Ранний слой албано-сарматского времени представлен довольно рыхлым по структуре грунтом светло-серого цвета, толщиной от 12—15 до 20—30 см. В южной и юго-восточной части крепости (раскопы № 6, 9) он отделен от слоя позднескифского времени тонкой прослойкой (0,5—0,7 см) морского песка [11, с. 132]. Уместно предположить, что эта прослойка искусственного характера: высота вершины холма 340 м над уровнем моря, он находится в 3,5 км от береговой линии,— т. е. исключены возможности ее ветрового или водного наноса. Видимо, эта своего рода посыпка использовалась для благоустройства этой наиболее обживаемой территории в свободных от застроек местах. Благоустройство территории около дома, несколько аналогичное по назначению песчаной посыпке, но выполненное из каменных плиток, отмечено на Макинском поселении VII—IV вв. до н. э. [7, с. 80, рис. 20].

На восточных участках, где вскрыты архитектурные остатки (Р-II), в основании слоя раннеалбанского времени лежала не песчаная прослойка, а глинобитные полы толщиной 7—12 см, с обмазанной глиной, сплошь обгоревшей поверхностью, покрытой скоплениями угля и золы, достигавшими толщины 5—6 см (рис. 4).

Ранний слой албано-сарматского времени вплотную примыкал к внутренней грани восточной оборонительной стены крепости (Р-II), свидетельствуя о функционировании ее на протяжении всего периода отложения слоя. Сверху этот ранний слой албано-сарматского времени перекрывала плотная прослойка светло-желтого грунта без культурных остатков, отмеченная на значительной территории крепости [11, с. 133; 13, с. 34, 43] в ее южной и восточной частях (раскопы Р-II, № 6, 9, 13). Эта прослойка толщиной до 10—15 см, перекрывавшая ранний слой албано-сарматского времени и отделявшая его от второго слоя этого периода, документирует, видимо, какое-то запустение в южных и восточных районах древней крепости, наиболее застроенных в досасанидскую эпоху. В восточной части крепости (раскоп Р-II) эта прослойка без культурных остатков подходила вплотную к оборонительной стене и перекрывала сверху ее внутреннюю часть на ширину до 2 м [11, с. 134] (рис. 4).

Архитектура, выявленная в слоях Дербента скифского и раннего слоя албано-сарматского времени, представлена остатками бытовых строений и мощными фортификационными сооружениями в северо-восточной части холма.

Планировка жилых построек этого периода изучена пока слабо. Остатки жилищ, выявленных в слоях скифского времени (раскопы Р-IV, Р-VII и № 15), представляли собой одно- и двухкамерные прямоугольные помещения размерами 2,2×3,8; 2,4×1,8; 2,4×4 м, возведенные из бутового, в основном довольно крупного, камня, скрепленного глиняным раствором.

В конструктивном отношении, планировке и строительном материале остатки жилищ, выявленные в раннем слое албано-сарматского времени, мало чем отличались от строений скифского времени.

Все бытовые постройки, выявленные в слоях скифского и раннеалбанского времени, имели глинобитные полы из хорошо уплотненной глины, толщиной от 7 до 12 см [11, с. 135—137]. Обычно поверхность подобных полов была тщательно обмазана более светлой глиной. Подобные глинобитные полы характерны для жилищ Дагестана еще с эпохи бронзы [13, с. 44, 56] и были широко распространены на бытовых постройках дагестанских поселений VII—IV вв. до н. э. [13, с. 95].

В конструкциях жилищ, видимо, широко применялось дерево. Судя по всему, деревянные жерди или бруски использовались для устройства перекрытия, о чем свидетельствуют находки значительных фрагментов обуглившегося дерева и крупных кусков угля на полах жилищ.

Интерес представляют находки пяточных камней, свидетельствующих о способах крепления дверных косяков домов. У одной из стен помещений, чаще всего западной, располагались заглубленные в землю очаги диаметром около 30—40 см, с обмазанной слоем глины, прокаленной внутренней поверхностью, иногда с каменной обкладкой по краям.

В северо-восточной части холма на территории древнего поселения, вдоль восточного, северного, северо-западного и западного краев вершины холма (раскопы № 12, 16, 19—20, 24, Р-II) выявлена фортификация из грубо обработанного камня, представляющая остатки стен мощной крепости, функционирование которой относится к периоду отложения культурных напластований скифского и албано-сарматского времени.

В основании и засыпе стен этой крепости выявлены фрагменты керамики предскифского времени. Изучение стратиграфии древних культурных отложений у внутренней грани оборонительных сооружений ее (восточная стена, раскоп Р-II) показало, что возникновение и древнейший этап функционирования крепости приходятся на скифское и раннеалбанское время. Ранний и поздний слои скифского времени, а также ранний слой албано-сарматского времени вплотную примыкают к стене; и никаких следов траншеи или перекопов, свидетельствующих бы о более позднем заглублении стены в существовавший уже культурный слой, не отмечено. Это позволяет относить время возникновения стен древней крепости к периоду не позднее начала отложения слоя раннескифского времени, появление которого связано, судя по всему, с началом функционирования древних оборонительных сооружений.

Веским аргументом, свидетельствующим о существовании данной фортификации на дербентском холме в скифское время, является находка в шве между камнями наружной грани стены древней крепости крупного железного черешкового наконечника [14, табл. XIVa, 20], плоской, треугольно вытянутой формы, с опущенными крыльями (рис. 7, *4*).

Данный тип наконечников из бронзы (а с VII в. до н. э. из железа) был широко распространен в Закавказье в эпоху поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа [15, с. 75, 76, рис. 85; 16, с. 30, табл. III]. Железные плоскочерешковые наконечники с опущенными крыльями, весьма близкие по форме дербентскому, были обнаружены на Урцекском и Сумбатлинском могильниках [10, с. 69], а также на Аркасском городище совместно с материалом скифского времени [9, с. 59—60, рис. 14]. М. И. Пикуль установила, что в Дагестане подобные «железные плоскочерешковые наконечники стрел имели распространение с VII по IV в. до н. э.» [7, с. 60]. К этому же периоду относится их распространение в Закавказье [15, с. 76; 16, с. 30], где они иногда встречаются совместно

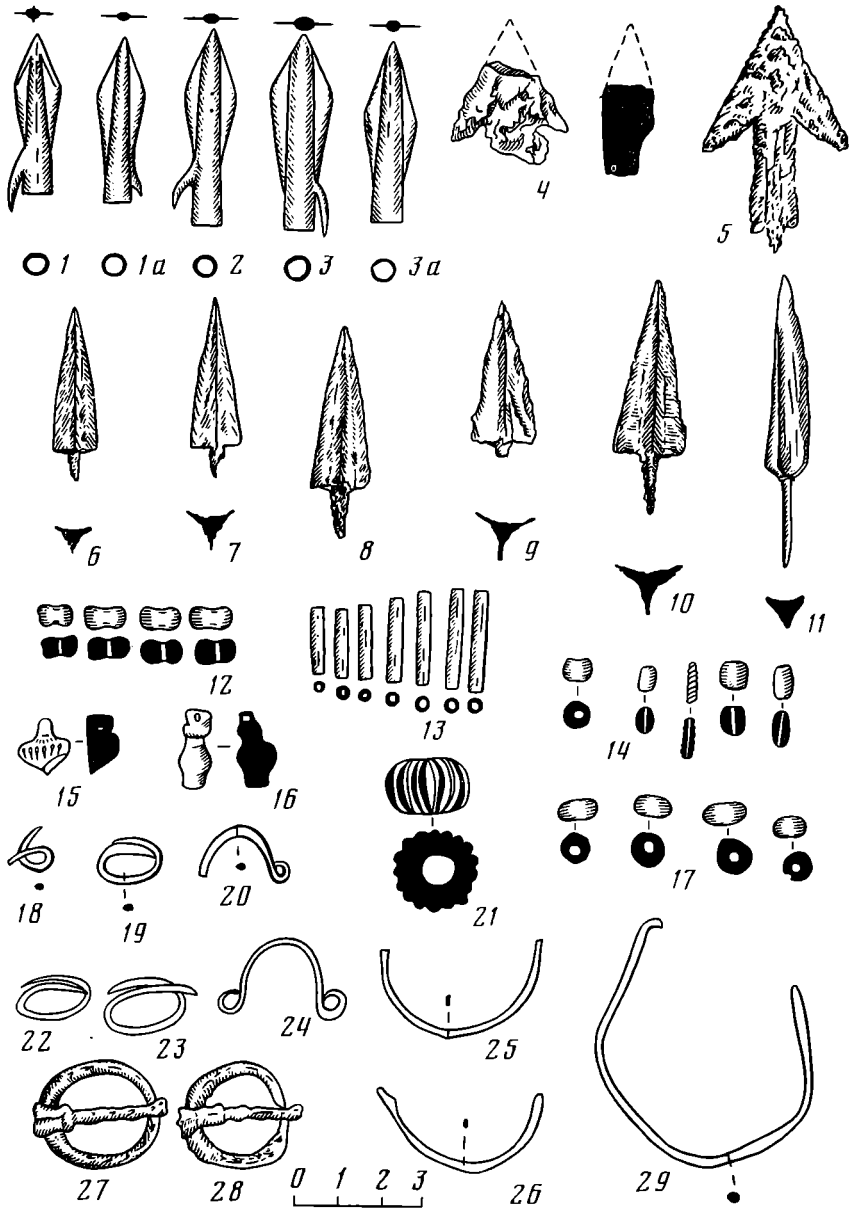


Рис. 7. Предметы вооружения и украшения скифского и албано-сарматского времени (крепость, могильник)

с бронзовыми наконечниками скифских стрел [18, с. 7, № 16, 9, 23]. В Шахсенгерском могильнике подобные бронзовые и железные наконечники найдены в одном комплексе, и О. М. Давудов датировал появление последних еще до середины VII в. до н. э. [10, с. 37].

Исследования древнейших оборонительных сооружений Дербента показали, что эти укрепления, лежащие в основном под стенами раннесредневековой цитадели города, именуемой сейчас Нарын-калой, представляли собой мощную крепость, почти полностью аналогичную по планировке цитадели города феодальной поры. На восточных, северных и северо-западных участках холма древние и сасанидские стены были возведены по верхнему краю крутых склонов холма, и направление их осей здесь в основном совпадает. С южной стороны, где рельеф пологий, древние стены были, видимо, несколько смещены по отношению к раннесредневековым, и обнаружить их пока не удалось (рис. 2).

Стены древней крепости сложены из рваного местного камня — ракушечника крупного и среднего, уложенного насухо с земляной засыпкой, выполненной на отдельных участках довольно небрежно. Кладка сохранилась в высоту до 1—2 м при ширине ее местами до 5—7 м. Правда,

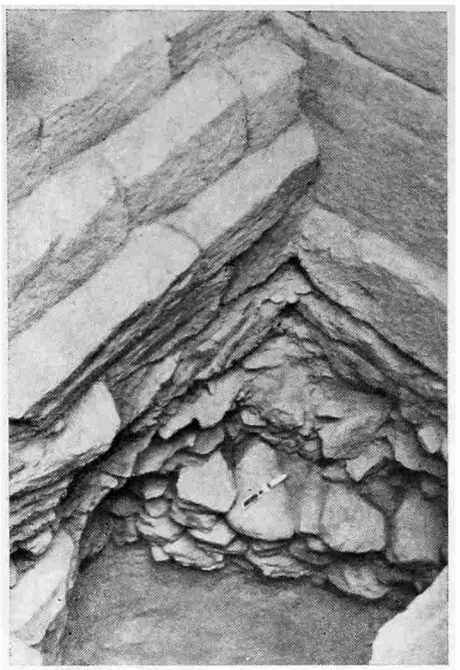


Рис. 8. Древняя и раннесредневековая стены цитадели Дербента (юго-восточный участок, раскоп 13)

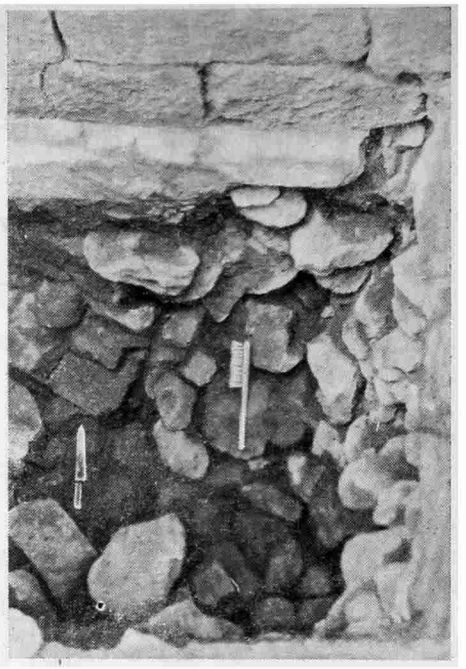


Рис. 9. Древняя и раннесредневековая стены цитадели Дербента (северо-западный участок, раскоп 19)

подобная ширина древней стены была зафиксирована лишь с восточной стороны холма [11, с. 134], но представляется вероятным, что и в других местах толщина ее отличалась незначительно и имела, по крайней мере на опасных северных и северо-западных участках, сходные размеры. Западные участки древних и раннесредневековых стен в основном имеют совпадение наружных граней, и древняя фортификация выступает за наружную плоскость сасанидской всего на 0,1—0,2 м. На этих участках древние стены лежат непосредственно в основании раннесредневековых. На северных и северо-западных участках наружные грани древних и раннесредневековых стен не совпадают, и древние укрепления выступают за сасанидские на 0,6—1,8 м. Иногда верх первых отделен от основания последних слоем натека (рис. 8).

Кладка древней фортификации Дербента сильно отличается от стен оборонительных сооружений сасанидского времени, построенных из хорошо обработанных плит, уложенных на известковом растворе с чередованием «ложков» и «тычков». В ней четко прослеживаются многовековые местные традиции строительства из рваного грубообработанного камня, уложенного насухо, с земляной засыпкой или на глиняном растворе (рис. 8, 9). Под южной стеной цитадели Нарын-кала древних стен нет, и основание ее заглублено до материка с помощью траншеи. Судя по направлению оси древней стены и микрорельефу этого участка холма, она проходила южнее сасанидской стены цитадели Нарын-кала (рис. 2). Однако это расстояние между древними и раннесредневековыми стенами не могло быть значительным и не превышало, видимо, 10—20 м.

Строительный материал, приемы возведения и конструктивные особенности древнейшей фортификации Дербента находят самые широкие аналогии в оборонительных сооружениях Дагестана [18, с. 7—13] этого времени, что позволяет, учитывая характерные особенности массового археологического материала, считать первые дербентские укрепления памятником местного, дагестанского строительства и связывать его основание не с именами эпических царей и прославленных завоевателей древнего Востока, а с местными обитателями этих районов Дагестана.

Убедительным доказательством этому служат исследования массового керамического материала из слоев Дербента скифского и албано-сарматского времени, свидетельствующие о его несомненном сходстве с подоб-

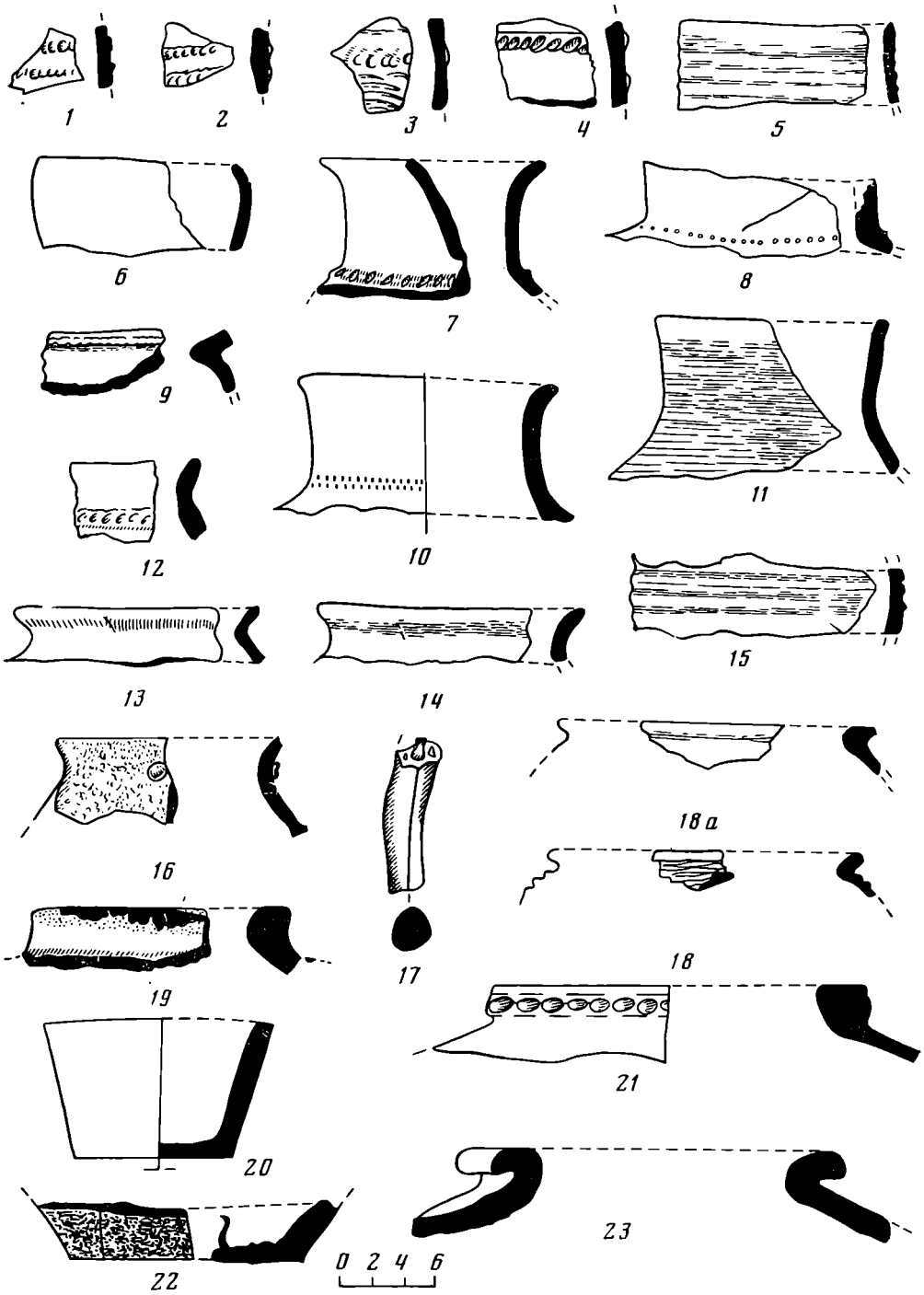


Рис. 10. Керамика Дербента скифского времени, VII—VI вв. до н. э. (крепость, поселения)

ными изделиями многих районов Дагестана, особенно южных, и Азербайджана (рис. 3).

Керамика из раннего слоя скифского времени представлена многочисленными фрагментами сосудов хозяйственного назначения и столовых. Для основной части гончарных изделий этого слоя становятся менее характерными грубая обмазка, глубокий врезной орнамент, мелкая сплошная штриховка поверхности сосуда. Наряду с этим появляются новые формы керамики и приемы ее орнаментации. Среди качественной тонкостенной керамики, которую можно считать столовой, появляются чернолощеные изделия.

Хозяйственная посуда раннего слоя скифского времени представлена в основном буро- и сероглиняными изделиями с довольно грубым тестом;

обжиг не всегда равномерный, но более качественный, чем у изделий предшествующего периода. Наиболее характерны здесь два типа сосудов.

Первый тип представлен буро- и реже сероглиняными плоскодонными горшками со слегка округлыми стенками и невыделенным, несколько отклоненным наружу венчиком (рис. 10, *13*, *14*). Зачастую горшки покрывались тонкой наружной обмазкой жидкой глиной, а в отдельных случаях орнаментировались круглыми «пуговичными» налепами по бокам (рис. 10, *16*). Подобный тип изделий характерен для посуды памятников каякентско-хорочоевской культуры и доживает до середины I тысячелетия до н. э. [7, с. 74, 76], однако если на ранних этапах они покрывались толстым слоем обмазки, то позднее — в VII—IV вв. до н. э.— она стала более тонкой [7, с. 76, 88; 10, с. 98].

Второй тип изделий представлен плоскодонными сосудами с вздутым округлым туловом и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 10, *18*, *23*). Подобные сосуды более характерны для древнего этапа эпохи раннего железа, а затем выходят из употребления [7, с. 105].

Характерной особенностью керамики этой группы является резкое уменьшение количества изделий с грубой глиняной обмазкой и распространение тонкообмазанных сосудов, более типичных для посуды памятников Южного Дагестана VII—IV вв. до н. э. [7, с. 76, 105]. Принято считать, что керамика с глиняной обмазкой встречается в посуде памятников Дагестана лишь до середины I тысячелетия до н. э. [7, с. 88].

Столовая посуда этого времени более разнообразна и представлена в основном серо- и чернолощеными изделиями, а также тонкостенной коричнево- и красноглиняной керамикой без лощения.

Основную массу изделий этой группы составляют кувшины и чаши. Среди кувшинов удалось выделить три основных типа изделий, во многом схожих по форме с сосудами предскифского времени и находящих широкие аналогии с лощеными кувшинами VII—VI вв. до н. э. ряда памятников Дагестана и Азербайджана [7, с. 27, рис. 5; 19, с. 208—211, рис. 11—13]. Это кувшины с округлым, вытянутым туловом и высокой цилиндрической горловиной, несколько расширенной в верхней части. Второй тип представлен кувшинами с энохоевидным, сдавленным с боков сливом; а третий — небольшими широкогорлыми кувшинчиками с округлым туловом и отклоненным наружу или прямым невыделенным венчиком.

Кувшины первых двух типов имели ручку, а у сосудов третьего типа она обычно отсутствует. Округлая ручка крепилась к верхнему краю венчика и тулову сосуда и держалась с помощью шипа, зачастую расплющенного с внутренней стороны стенки кувшина подобно заклепке (рис. 10, *17*). Подобный способ крепления ручек широко применялся в Дагестане в скифское время [7, с. 104]. Орнаментация кувшинов была обычно довольно проста; наиболее характерными в украшении посуды являлись налепные валики с защипами, насечками и вдавлениями (рис. 10, *1—4*), получившие в этот период широкое распространение.

Подобный прием орнаментации посуды наиболее типичен для керамики памятников Дагестана [7, с. 76, 88] и Восточного Кавказа [8, с. 119—122, рис. 16—18; 19, с. 210—211, рис. 12, 13] древнейшего этапа эпохи раннего железа. Посуда с налепным орнаментом исчезает на памятниках Дагестана в VI—V вв. до н. э. [7, с. 88].

Лощеная керамика в большинстве случаев не орнаментировалась, хотя нередко горловина сосудов украшалась типичными для закавказской посуды урартского времени вдавленными параллельными полосами или желобками, расположенными горизонтально (рис. 10, *5*, *11*), а также глубокими точечными проколами и вдавлениями по основанию горловины (рис. 10, *8*, *10*). Лощеные сосуды с горловинами, орнаментированными горизонтальными желобками и точечными вдавлениями, широко встречаются в материалах Мугерганского могильника [7, с. 24, 26]. Близкие аналогии подобная посуда находит в керамике нижнего слоя Кара-Тепе в Азербайджане, датируемого VII—VI вв. до н. э. [19, с. 208, 209, рис. 11].

Чаши представлены здесь в основном двумя типами: плоскодонные с округлыми стенками и прямым или чуть отклоненным внутрь венчиком; плоскодонные с прямыми стенками и невыделенным венчиком (типа «плошек») (рис. 10, *6*, *20*).

Однако, отмечая появление новых приемов орнаментации и форм посуды в слое раннескифского времени, не свойственных керамике эпохи раннего железа из предскифского слоя, надо указать и на определенное их сходство, а также на прямые аналогии отдельных типов изделий.

Формы керамики из слоя раннескифского времени и приемы ее орнаментации, а также приведенные аналогии и данные стратиграфии залегания слоев позволяют датировать посуду ранней группы VII—VI вв. до н. э.

Подобная датировка слоя подтверждается и другими материалами раскопок, в частности находками бус, среди которых наиболее характерны бусы из темно-красного сердолика, так называемого рубленого типа, с односторонним сверлением и углублением вокруг отверстия, наиболее распространенные на Кавказе в IX—VIII вв. до н. э. [7, с. 57; 20, с. 24], а также удлиненно-цилиндрические бусы из стеклянной пасты, отмеченные на памятниках Дагестана конца II — середины I тысячелетия до н. э. [7, с. 71; 9, с. 74, рис. 33; 21, с. 100, рис. 9].

Керамика позднего слоя скифского времени во многом сходна с посудой более раннего слоя скифского времени. Здесь в основном остаются те же формы хозяйственной и столовой красно- или сероглиняной керамики. Около 55% столовой посуды составляют черно- и серолощеные изделия; краснолощеная посуда среди изделий этой группы, как и в более ранних комплексах, отсутствует (рис. 3).

Характерная отличительная особенность керамики поздней группы — почти полное исчезновение орнаментации в виде налепных валиков с защипами, насечками вдавлениями. Лощеная посуда практически совсем не имеет орнамента. Почти полностью исчезают сосуды с обмазкой. Керамика с грубой обмазкой жидкой глиной совершенно отсутствует. Тонкой наружной обмазке подвергаются лишь единичные экземпляры хозяйственной посуды, обычно горшки. Тесто изделий в основном хорошего качества, обжиг равномерный. В то же время в орнаментации керамики поздней группы появляется ряд новых признаков. Так, здесь отмечены сосуды, орнаментированные насечками и вмятинами по верху (ребру) венчика (рис. 11, *1—3*). В украшении посуды широкое распространение получила орнаментация верхнего наружного края венчика изделия изгибами, валиком с вмятинами и защипами (рис. 11, *4—6*). Подобные приемы орнаментации керамики типичны для посуды памятников Дагестана VI—IV вв. до н. э. [7, с. 76, 77, рис. 18] и находят себе аналогии в скифских керамических материалах V—III вв. до н. э. [22, с. 71—73, табл. III, IV; 23, с. 214, 215, рис. 18, 19].

Керамика раннего слоя албано-сарматского времени представлена красно- и сероглиняными изделиями. Здесь как и в слое скифского времени, широко представлены серо- и черполощеные изделия (рис. 3), составляющие более 50% столовой посуды; получают дальнейшее распространение и становятся одной из ведущих форм столовой посуды кувшины со сдавленным с боков сливом (типа энохои); широко применяется в орнаментации сосудов круглый «пуговичный» налеп (рис. 12, *7*, *14*).

Однако керамика этого слоя имеет ряд существенных отличий от изделий предшествующего периода: полностью исчезают сосуды с обмазкой жидкой глиной, выходят из употребления расчлененные валики, насечки и изгибы по ребру венчика. Появляются новые формы кувшинов и чаш, в частности широкогорлые кувшины с цилиндрической горловиной и массивной ручкой с копическим шипом на торце для крепления, чаши с выраженным перегибом стенок; в украшении посуды получает распространение глубоко процарапанный и вдавленно-прочерченный орнамент, а также отмечены единичные находки сосудов, покрытых красным специфическим ангобом, получившим массовое распространение на памятниках Дагестана с рубежа нашей эры (рис. 12, *10*).

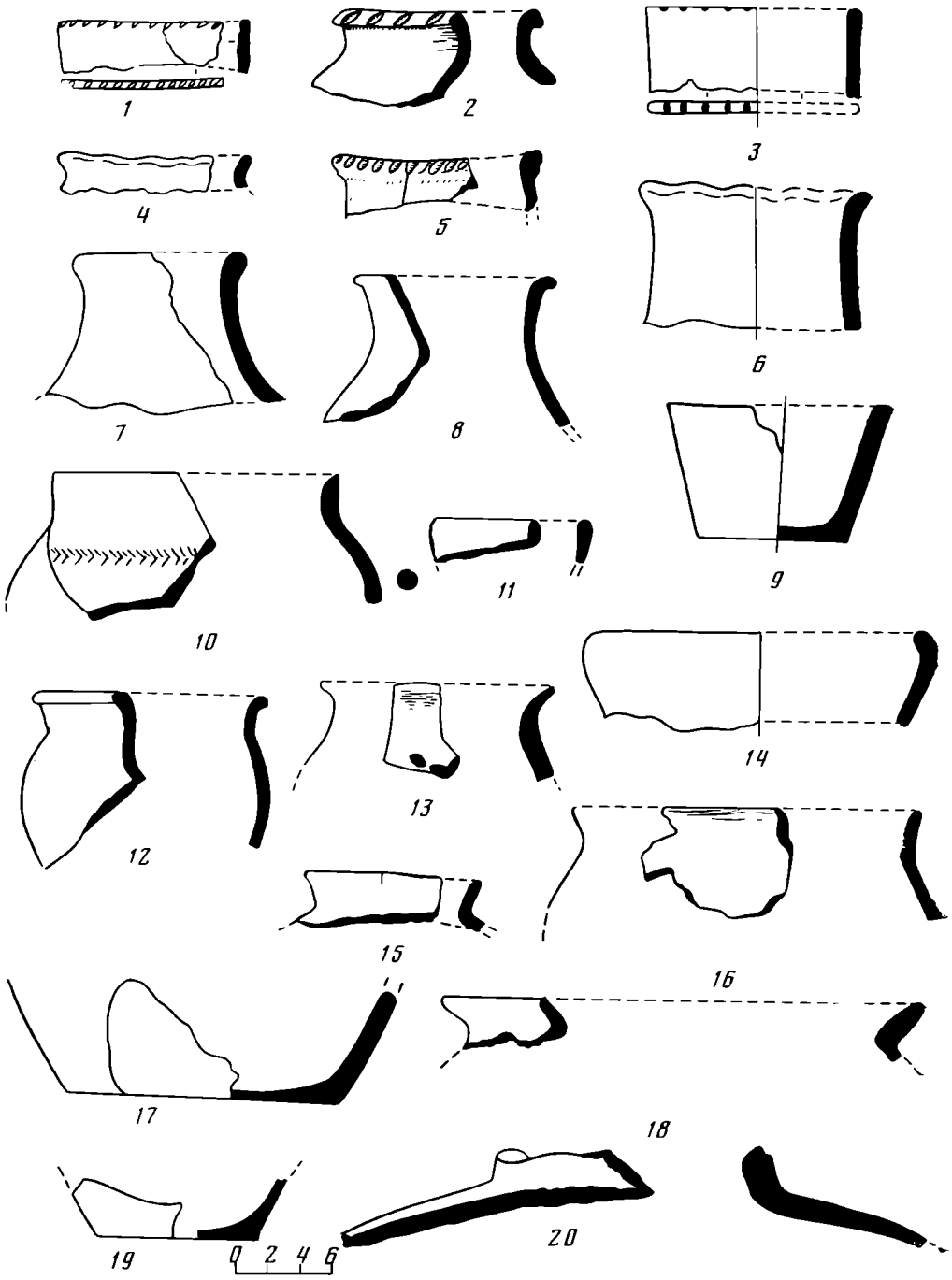


Рис. 11. Керамика Дербента скифского времени. V—IV вв. до н. э. (крепость, поселения)

К последним векам I тысячелетия до н. э. относятся обнаруженные в этом слое железные трехлопастные черешковые наконечники стрел сарматского типа; каменные, стеклянные и пастовые (египетские) бусы; бронзовые височные привески в полтора оборота и округлые с заостренными разомкнутыми концами; бронзовые проволочные браслеты; украшения из раковин каури. Это позволяет, учитывая стратиграфическое положение раннего слоя албано-сарматского времени, датировать период его отложения в пределах III—I вв. до н. э. (рис. 7, *6—29*).

Изучение массового керамического материала культурных напластований Дербента скифского и раннеалбанского времени убедительно показали, что вершина дербентского холма, и особенно ее северо-восточная часть, интенсивно обживались и застраивались в период VIII—I вв. до н. э. Большое сходство керамики Дербента этого времени с гончарной

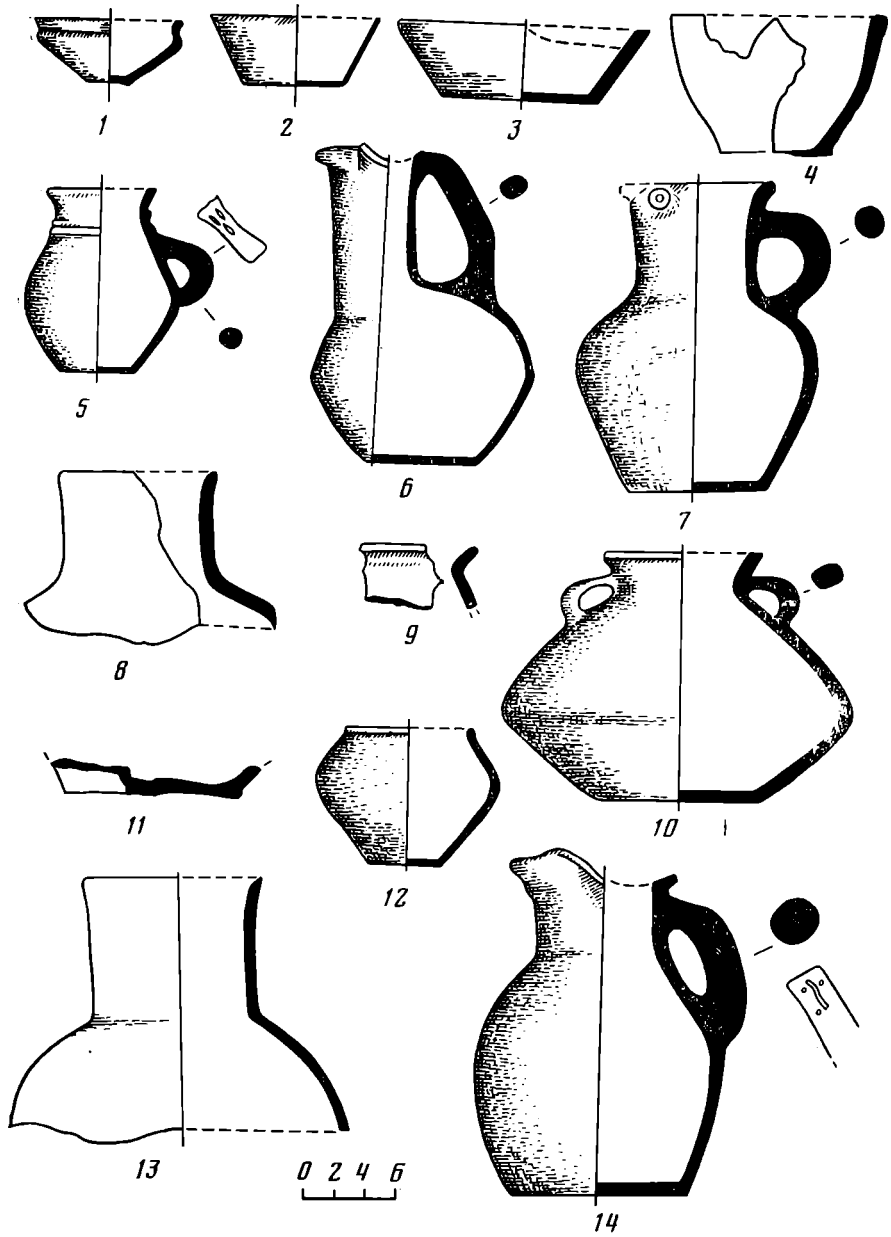


Рис. 12. Керамика раннеалбанского времени, III—I вв. до н. э. (Крепость, могильник, поселения)

посудой синхронных памятников Дагестана эпохи раннего железа не оставляет сомнений в принадлежности его населения к местным племенам этих районов Северо-Восточного Кавказа. Это позволяет признать первыми обитателями дербентского холма и древними строителями самых ранних укреплений Дербента местные дагестанские племена, связанные с коренными обитателями этих районов Северо-Восточного Кавказа едиными этнокультурными традициями. Появление мощной крепости на вершине дербентского холма, относящееся к периоду завершения отложения слоя предскифского — началу отложения слоя скифского времени, надо, вероятно, связывать с повышением активности кочевников в южно-русских степях в VIII — начале VII в. до н. э., в результате которого значительно усилилось их проникновение на Древний Восток. Это период борьбы киммерийцев и скифов за гегемонию в степях Предкавказья и Северного Причерноморья.

Геродот в связи с этим сообщал, что, преследуя киммерийцев, скифы вторглись на территорию Мидии «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы» [История, I, 103—196], т. е. пройдя по берегу Каспийского моря через Дербентский проход. Следы их пребывания здесь

отмечены на памятниках Прикаспийского Дагестана этого времени [13, с. 102]. Уже в 70-х годах VII в. до н. э. скифы зафиксированы в ассиро-вавилонских документах [24, № 65] как крупная военная сила в Передней Азии, игравшая большую роль в политической борьбе крупнейших государств этого региона за гегемонию на Древнем Востоке, а их появление у Дербента должно было, видимо, несколько предшествовать этой дате.

Большинство авторитетных специалистов относят известный поход скифов в Переднюю Азию через западный Прикаспий и Дербентский проход к началу VII в. до н. э. [25, с. 52; 26, с. 75], а А. А. Иессен, исследовавший памятники Азербайджана этого периода, писал о вторжении «в конце VIII или около рубежа VII в. до н. э. скифских орд с севера в Переднюю Азию через степи Азербайджана» [8, с. 126].

Подобная активизация кочевников и их поход или походы через Дербентские ворота не могли не сказываться на судьбах поселения на дербентском холме и его обитателей. Об этом свидетельствуют и находки на его вершине бронзовых двухлопастных наконечников стрел скифского типа с ромбической головкой и боковым шипом, типичных для раннескифского периода (рис. 7, *1—3а*).

Подобные наконечники стрел были найдены у стен Ашшура и Вавилона [27, с. 275], в слоях древних городов Урарту Тейшебаини [28, с. 86, рис. 55] и Аргиштихинили [29, с. 170, 173, рис. 108], павших в разгар активности скифов в Передней Азии, и многих других городов Древнего Востока, а также на памятниках Прикаспийского Дагестана вдоль пути продвижения кочевников в Переднюю Азию [13, с. 102].

Сопоставляя время предполагаемого скифского проникновения в Переднюю Азию через Дербентский проход с материалами раскопок на дербентском холме, можно опираться на этот хронологический рубеж как на период наиболее вероятного появления здесь мощной крепости, возникновение которой могло быть ответной мерой на повышение активности кочевников в степях Северного Причерноморья и Предкавказья.

Поход или походы скифов через Кавказ в Переднюю Азию оказали большое влияние на развитие народов Дагестана, на их политическую активность и наложили отпечаток на материальную культуру, что особенно хорошо прослеживается в предметах вооружения и конской сбруе, об этом свидетельствуют многочисленные материалы скифского облика, обнаруженные в различных районах Северо-Восточного Кавказа [13, с. 103]. В этот период, видимо, появляются укрепления на целом ряде поселений, расположенных в стратегически важных местах Прикаспийского Дагестана (Дербент, Шах-Сенгер), и возникают новые укрепленные поселения (урцеки), выполнявшие, вероятно, определенные функции по охране важных стратегических мест в Западном Прикаспии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана.— МАД, 1959, т. 1.
2. *Котович В. Г., Котович В. М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
3. *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентского археологического отряда в 1972 г. РФ ИИЯЛ ДФАН СССР. № 357; Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1976 г. РФ ИИЯЛ ДФАН СССР. № 477.
4. *Бартольд В. В.* Дербент.— Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.
5. *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции.— АО — 1976. М.: 1977.
6. *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др.* Исследования в Дербенте.— АО — 1977. М., 1978.
7. *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
8. *Иессен А. А.* Поселение Уч-Тепе.— МИА, 1965. № 125.
9. *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. М.: Наука, 1969.
10. *Давудов О. М.* Культуры Дагестана в эпоху раннего железа. Махачкала, 1974.
11. *Кудрявцев А. А.* Первые исследования досасанидского Дербента.— МАД, 1977, т. 6.
12. *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976.
13. История Дагестана. Т. 1. М.: Наука, 1967.
14. *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г. РФ ИИЯЛ ДФАН СССР. № 632.
15. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.

16. *Казиев С. М.* О некоторых типах оружия из Мингечаура.— МКА, 1951, т. II.
17. *Мартиросян А. А.* Раскопки в Головино. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954.
18. *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1970.
19. *Исмизаде О. Ш.* Раскопки холма Кара-Тепе в Мильской степи.— МИА, 1965, № 125.
20. *Лемлейн Г. Г.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII.
21. *Костюченко И. П.* Раскопки Мнатлинского курганного поля в 1955 г.— МАД, 1959, т. I.
22. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
23. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975.
24. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2—3.
25. *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
26. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
27. *Koldewey R.* Das Wieder erstehende Babilon. Leipzig, 1913.
28. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Т. I. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950.
29. *Мартиросян А. А.* Аргиштихинили.— Археологические памятники Армении. Т. 8. Урартские памятники. Вып. I. Ереван, 1974.

A. A. Kudryavtsev

ON A NEW CHRONOLOGY OF ANCIENT DERBENT

Summary

Derbent is considered to be the major Sassanian construction monument in the Caucasus and the main strongpoint on the northern borders of the early mediaeval Near and Mid-Eastern states in their struggle with powerful nomad conglomerations. Recent archeological investigations make the date of the emergence of the city more precise, pushing this date more than one thousand years back.

Large-scale archaeological diggings on the top of the Derbent Hill revealed Bronze Age and Early Iron Age settlements and an ancient stronghold with 5-7 metres-thick walls beneath the Sassanian and mediaeval cultural layers. Ancient defence constructions nearly coincided with the early meidaeval citadel which is now called Naryn Kaloi. Stratigraphic investigations and massive archaeological material of the ancient layers, connected with the earliest citadel on the Derbent Hill, relate it to the late 8th-early 7th centuries B. C. Its construction at one of the most important points of the Caspian route was probably a response to the activisation of the nomads of the Northern Circumpontic area and, perhaps, to the Scythian march to the Near East via Caucasus.

ПАТРУШЕВ В. С.

НАЛОБНЫЕ ВЕНЧИКИ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Одним из характерных женских украшений населения VIII—VI вв. до н. э., представленного на Старшем Ахмыловском могильнике в Горно-Марийском районе Марийской АССР [1, с. 30 сл.], были составные налобные венчики. Они представляли собой полоски кожи или шерстяной ткани с нашитыми медно-бронзовыми накладками, бляшками, пронизками, иногда это были шнурки с медными, костяными, пастовыми или стеклянными бусами, в двух случаях, кроме того, и с подвесками (рис. 1—4). В могилах налобные украшения, как правило, находились на черепе костяка; в частичных захоронениях вместе с другим сопровождающим погребальным инвентарем были положены в свернутом состоянии рядом с черепом или на черепе; в погребениях вещевых комплексов — в кожаном мешочке или берестяном коробе. Тщательная фиксация деталей венчиков в процессе раскопок облегчила автору реконструкцию важной части женского костюма древнего населения [1].

По форме, составу и количеству элементов среди венчиков выделяются многочисленные группы. Но несмотря на кажущееся разнообразие форм, они могут быть классифицированы.

Всего из погребения Старшего Ахмыловского могильника происходит 87 налобных составных венчиков. За редким исключением для них характерно горизонтальное расположение элементов. По наличию определенных составных частей они распределены по трем типам; по количеству различающихся по форме элементов выделены три разновидности (А — одинаковые; Б — два различных по форме элемента и В — три и в нескольких случаях больше), различные сочетания составных частей отражены в вариантах. Последние представляют конечный типологический ряд внутри каждой разновидности и не должны сопоставляться с другими разновидностями и типами. Здесь для более полной характеристики материала объединены традиционные типологические приемы и методы классификации Е. Н. Черных [2, с. 52—53].

Данная типология при огромном разнообразии материала оказалась наиболее целесообразной, поскольку позволяет выделить близкие по внешнему виду группы налобных украшений. Все попытки классификации по другим признакам (например, форм элементов), наоборот, приводили к разрыву близких форм венчиков. При классификации учитывалось, что исследования памятника полностью завершены и появление новых разновидностей составных налобных венчиков исключается. Известные в настоящее время подобные украшения из Акозинского и Пустоморквашинского могильников вполне укладываются в нашей классификации [2], а открытие новых памятников с близкими новыми формами венчиков позволит увеличить количество вариантов.

I тип включает налобные венчики, состоящие из накладок или в единичных случаях бляшек (39 экз.; рис. 1). 14 содержат одинаковые эле-

[1] Раскопки памятника проводились А. Х. Халиковым и В. С. Патрушевым с 1962 по 1977 г. с перерывами в 1964, 1970—1972 гг.

[2] Материалы Акозинского могильника из раскопок А. Х. Халикова в 1956, 1958 гг. опубликованы [3, с. 26—91]. Результаты раскопок 1971—1972 гг. данного памятника сданы в печать. Автор считает возможным не привлекать их в настоящей работе. Новые материалы исследований Пустоморквашинского могильника не опубликованы.

менты (разновидность А). Среди них выделено пять вариантов, состоящих из элементов: 1 — трех круглых накладок с точечными узорами по краю (погр. 182); 2 — двух с выпуклинами или шести с гладкой сферической поверхностью бляшек (погр. 5); 3 — шести или 12 полуовальных накладок (погр. 123, 322); 4 — от трех до 19 накладок с парными выпуклинами (погр. 101, 137, 158, 189, 224, 355, 432) или таких же бляшек (погр. 640); 5 — трех накладок прямоугольных очертаний с выпуклинами (погр. 907) и без узоров (погр. 626).

Разновидность Б включает венчики, состоящие из накладок двух различных форм: 1 — круглых и с парными или в одном случае с четырьмя выпуклинами (погр. 8, 170, 174, 188, 193, 201, 209, 292, 305 — 2 экз., 418); 2 — круглой и полуовальных с узорами (погр. 741) или без них (погр. 239); 3 — четырехугольных и круглых накладок с гофрированной поверхностью или блях (погр. 139, 523); 4 — квадратной и парных, нашитых на окрашенную в красный цвет кожаную полоску шириной 2,2 см (погр. 281); 5 — прямоугольных и квадратных (погр. 203, 311, 314).

Разновидность В объединяет венчики, состоящие из трех и в двух случаях из четырех различных по форме составных элементов: 1 — круглой в центре, чередующихся парных и полуовальных накладок (погр. 73); 2 — такой же в центре, подпрямоугольных и полуовальных (погр. 445); 3 — треугольной в центре, круглых и парных (погр. 225); 4 — в центре или на одном конце круглой, парных, по бокам прямоугольных (погр. 283, 492); 5 — круглых, овальных, прямоугольных и треугольной накладок (погр. 991).

II тип включает венчики, основным элементом которых являются трубчатые пронизки (27 экз.; рис. 1—2). Налобным повязкам они придают весьма своеобразный вид, выделяя их от остальных венчиков. Обычно они располагаются на концах. Однако иногда встречаются и в средней части. При этом они образуют особые сочетания благодаря неизвестным во всех других налобных украшениях концевым крупным полуовальным накладкам. Такие украшения, как мы увидим далее, составляют особую группу. Поэтому в данном типе по расположению трубчатых пронизок выделено два подтипа.

Первый подтип объединяет венчики с трубчатыми пронизками на концах (16 экз.). По составу они подразделяются на две разновидности. Повязки разновидности Б кроме трубчатых пронизок содержат круглые накладку или бляшку (погр. 1, 182, 341, 398 и находка из квадрата Ч/7 раскопа 1965 г.), парные (погр. 295) и четырехугольные (погр. 66, 361) накладки.

Разновидность В включает венчики, где с концевыми пронизками сочетаются накладки: 1 — круглая с парными (погр. 67, 69, 204); 2 — круглая с прямоугольниками (погр. 481); 3— круглые, прямоугольная, овальная, полуовальная (погр. 182); 4 — прямоугольная деформированная с изображением приготовившегося к прыжку хищника и узорами вокруг него и парные накладки (погр. 272, 362); 5 — квадратная, прямоугольные и парные (погр. 455).

Второй подтип I типа в большинстве случаев включает изделия разновидности В. Два различных элемента сочетаются только на одном украшении (погр. 800; рис. 1, II, 2 Б-1). Концевые накладки украшены чеканно-резными изображениями крылатых львов и символов священного дерева (рис. 4, *1*, *2*). Трубчатые пронизки расположены в центре двумя группами по 3 экз.

Изделия разновидности В подразделяются на пять вариантов. Кроме полуовальных (реже подтреугольных) накладок на концах, нередко украшенных различными узорами и изображениями, и двух групп трубчатых пронизок по 2—5 экз., в центре они имеют накладки следующих форм: 1 — круглую (погр. 658); 2 — прямоугольные (погр. 218, 357, 419, 663, 840). На одной центральной и концевых одного венчика имеются оригинальные изображения крупа лошади, ног какого-то животного, мохнатых хвостиков и спиральных узоров (рис. 4, *4*, *5*). Накладки другого венчика украшены резными линиями и пуансонными узорами (рис. 5, *5*).

Вариант
Тип
Л/Т
Р/В
1
2
3
4
5
I
II
III
А
Б
В
1
2
0 5 см

На накладках венчика из погребения 218 изображены рыбы, рачьевидные существа и узоры (рис. 4, *3*); 3 — круглая и трапециевидные или прямоугольные (погр. 150, 357); 4 — между двумя подквадратными накладками находится массивная пронизь-подвеска с вогнутыми боковыми краями (погр. 149); 5 — в центре полукруглая, а над нею и группами трубчатых пронизок располагалась массивная прямоугольная пластина с рядами выпуклин (погр. 200).

III тип венчиков выделен по наличию в их составе бисера, бус или им подобных мелких металлических пронизок (13 экз.). Включает две разновидности: А — только из одинаковых пастовых (погр. 968), стеклянных (погр. 837) бус или округлых пронизок (погр. 335) и мелких пронизок из узких пластинок (погр. 608); Б — указанные элементы сочетаются с круглыми накладками (погр. 121, 194, 493), бляхой с выпуклой центральной частью (погр. 871), парными (погр. 114, 229), прямоугольными (погр. 426, 597, 675) накладками.

Ряд составных налобных украшений не может быть причислен к отмеченным трем типам или выделены в особый тип. Это венчики с нехарактерными элементами или их необычными единичными сочетаниями, а также изделия, трудно поддающиеся реконструкции и во избежание ошибок выделенные в данную группу. Все эти украшения составляют группу венчиков индивидуальных форм: 1 — венчики из пяти или шести трубчатых пронизок, продетых на кожаный шнурок (погр. 37, 55). Данные украшения в целом относятся ко II типу, но их нельзя отнести ни к одному из подтипов; 2 — изделие с двумя парами трубчатых пронизок в центре и с колокольчиковидными полыми подвесками по концам (погр. 762; рис. 5, *3*); 3 — состоит из пяти бляшек в центре, двух подпрямоугольных накладок с двумя рядами выпуклин и из круглых проволочных колец на конце цепочки (погр. 449). В целом венчик близок к украшениям I типа. Однако наличие цепочки заставляет его включить в данную группу: 4 — необычное сочетание мелких бус в один ряд и трубчатых пронизок на концах (погр. 756). Указанные элементы характерны для изделий II и III типов; 5 — венчик, включающий близкие ко II типу элементы (прямоугольные и парные накладки, бляшки), но имеющий на концах составные подвески из мелких пронизок и конусовидных изделий (погр. 57; рис. 5, *8*); 6 — центральная часть налобной повязки украшена овальными, мелкими парными в два ряда накладками, двумя прерывистыми рядами бисера из пасты. По бокам от них по три трубчатые пронизки и на концах по одной парной накладке (погр. 151— № 2; рис. 5, *9*); 7 — венчик, близкий ко второму подтипу II типа по наличию полуовальных накладок и трубчатых пронизок, но содержащий в центре и на одном конце ряды бисера и мелкие пронизки (погр. 260).

Таким образом, для населения, оставившего могильник, наиболее характерны украшения I типа. Они составляют 44,9% общего количества венчиков. Количественно второе место занимают изделия II типа (31%). Украшения III типа малочисленны (14,9%). Из элементов предпочтение отдавалось накладкам разнообразных форм (772 экз. из 1096, использованных при изготовлении всех венчиков) — круглых, прямоугольных, подквадратных, полуовальных или восьмеркообразных с парными выпуклинами. На втором месте по частоте встречаемости — трубчатые пронизки (124 экз. на 33 венчиках). Реже встречены более массивные по сравнению с накладками бляшки с задней петлей для крепления, бусы и еди-

---

Рис. 1. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника. Типологическая таблица (I тип, разновидность А: *1* — п. 182; *2* — п. 322; *3* — п. 224; *4* — п. 907; разновидность Б: *1* — п. 170; *2* — п. 741; *3* — п. 523; *4* — п. 281; *5* — п. 203; разновидность В: *1* — п. 73; *2* — п. 445; *3* — п. 225; *4* — п. 492; *5* — п. 991. II тип, подтип 1, разновидность Б: *1* — п. 398; *2* — п. 295; *3* — п. 66; разновидность В: *1* — п. 204; *2* — п. 481; *3* — п. 182; *4* — п. 362; *5* — п. 455. II тип, подтип 2, разновидность Б: *1* — п. 800; разновидность В: *1* — п. 658; *2*, *3* — п. 357; *4* — п. 149; *5* — п. 200. III тип, разновидность А: *1* — п. 837; *2* — п. 355; *3* — п. 608; разновидность Б: *1* — п. 493; *2* — п. 871; *3* — п. 229; *4* — п. 597

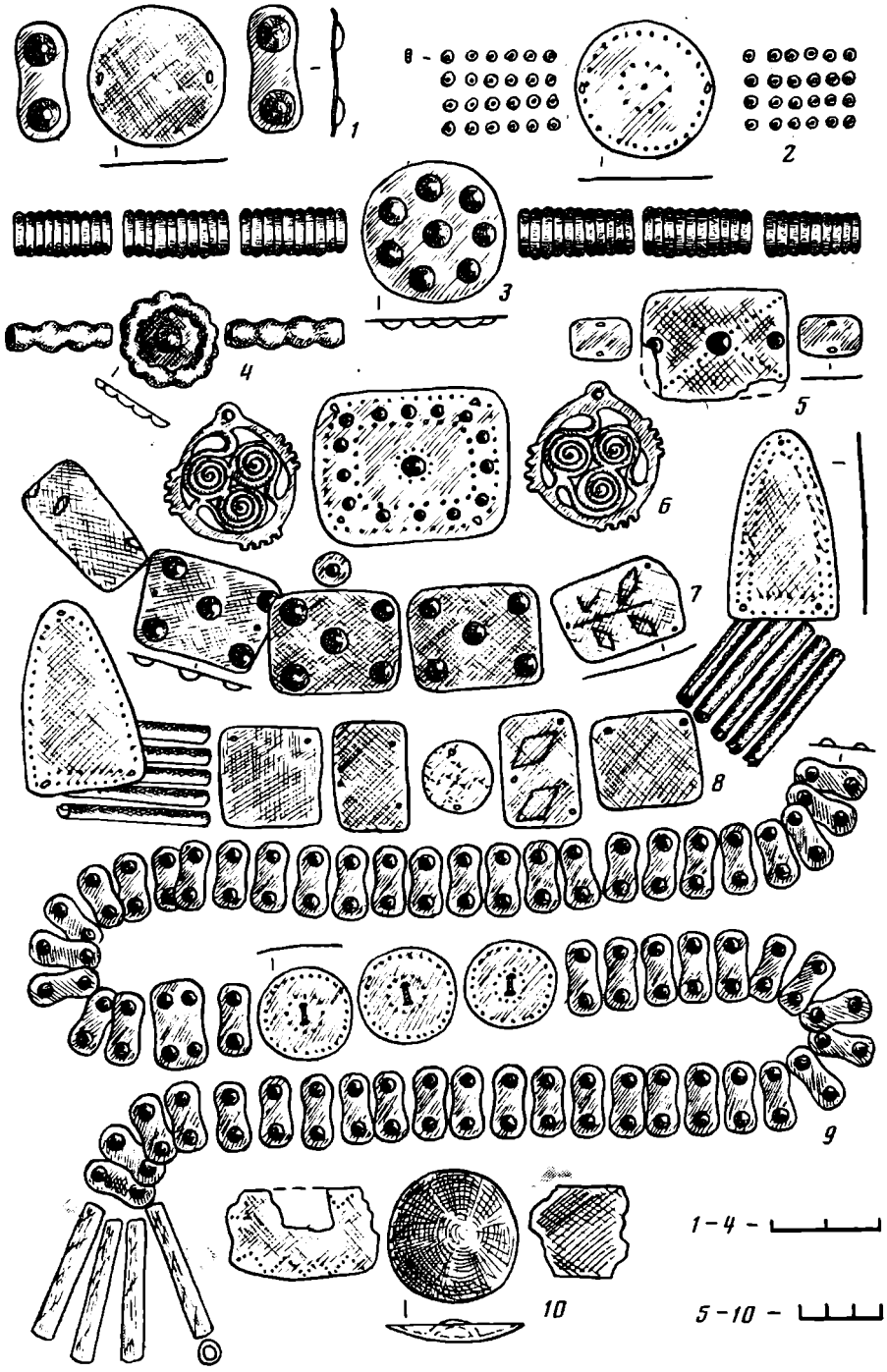


Рис. 2. Старший Ахмыловский могильник. Налобные венчики (*1* — п. 8; *2* — п. 194; *3* — п. 1; *4* — п. 158; *5* — п. 311; *6* — п. 139; *7* — п. 314; *8* — п. 150; *9* — п. 241; *10* — п. 17). *1*, *3*—*8*, *10* — медь и бронза; *2* — медь и паста; *9* — медь и кость

ничны колокольчиковидные подвески, цепочка. Указанные элементы обычно представлены в различных сочетаниях.

Многие элементы налобных венчиков встречены в западных и южных от Среднего Поволжья областях. Данный факт сам по себе представляет значительный интерес как иллюстрация широких культурных связей в начале эпохи раннего железа. Вместе с тем многочисленные аналогии существенно уточняют даты комплексов погребений с налобными венчиками.

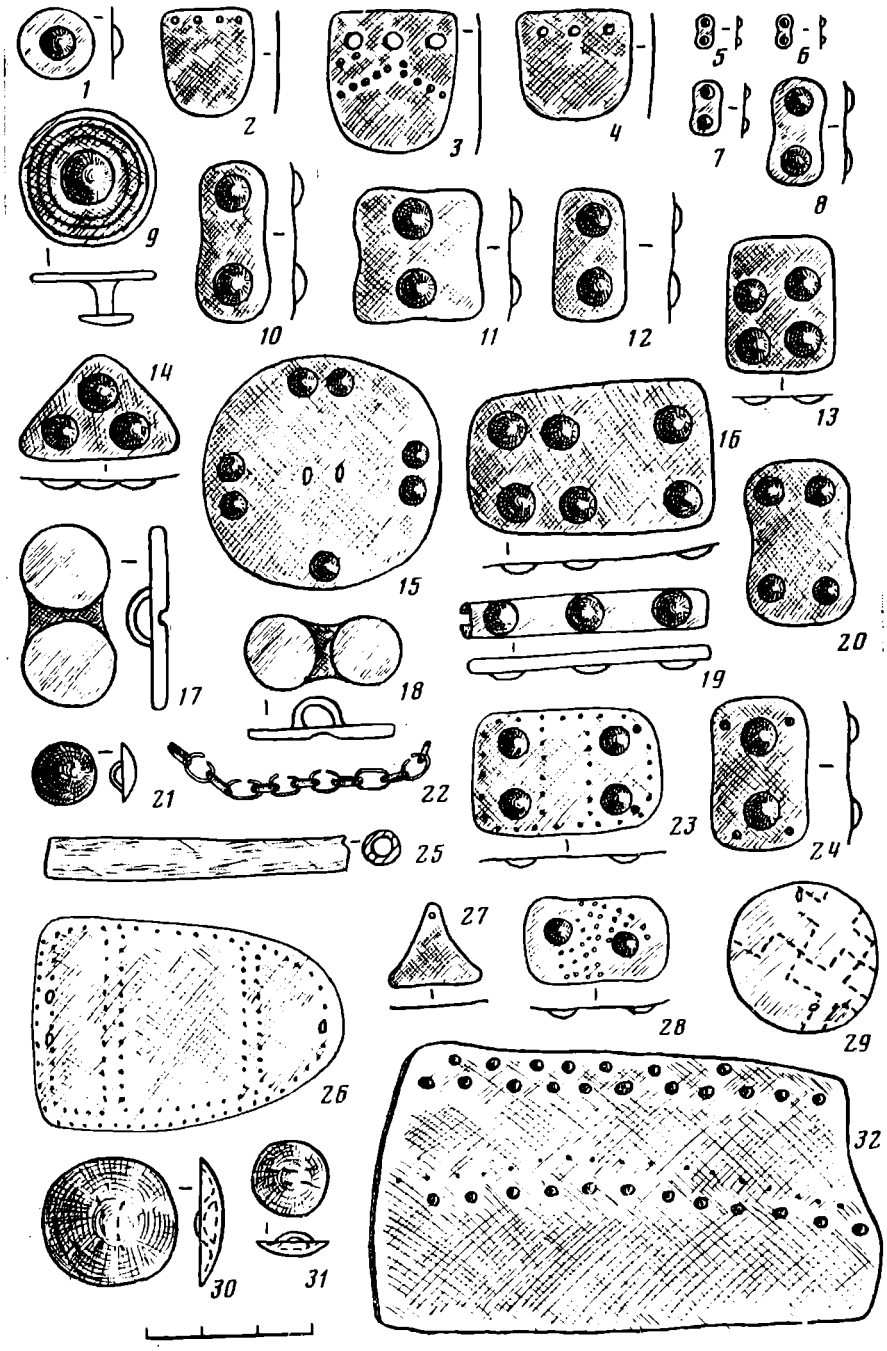


Рис. 3. Старший Ахмыловский могильник. Элементы налобных венчиков. *1* — п. 314; *2* — п. 322; *3—4* — п. 123; *5—8* — п. 151; *9* — п. 69; *10—11* — п. 158; *12—13* — п. 455; *14—15* — п. 225; *16* — п. 283; *17—18* — п. 640; *19—20*, *28* — п. 114; *21—22* — п. 449; *23*, *24* — п. 20; *25* — п. 241; *26*, *27* — п. 260; *29* — п. 150; *30*, *31* — п. 5; *32* — п. 729. *25* — кость, остальные — медь и бронза

Парные накладки, входящие в состав украшений всех типов, известны в комплексах клада 1955 г. из Субботовского городища [4, с. 176], датируемого А. И. Тереножкиным последними десятилетиями VIII в. до н. э., среди находок в Молдавии (Сахарны, Алчедар), относящихся к середине VIII — середине VII вв. до н. э., а также в материалах кизилкобинской культуры в Крыму, кладе гальштатской поры из с. Голиград на Верхнем Днестре [4, рис. 57, *1—10*; 61, *7*; 62, *8*, *9*]. Широко распространены и трубчатые пронизки (Субботовское городище, с. Сахарны, с. Залевок Смелянского р-на Черкасской обл. [5, рис. 62, *10*], Нестеров-

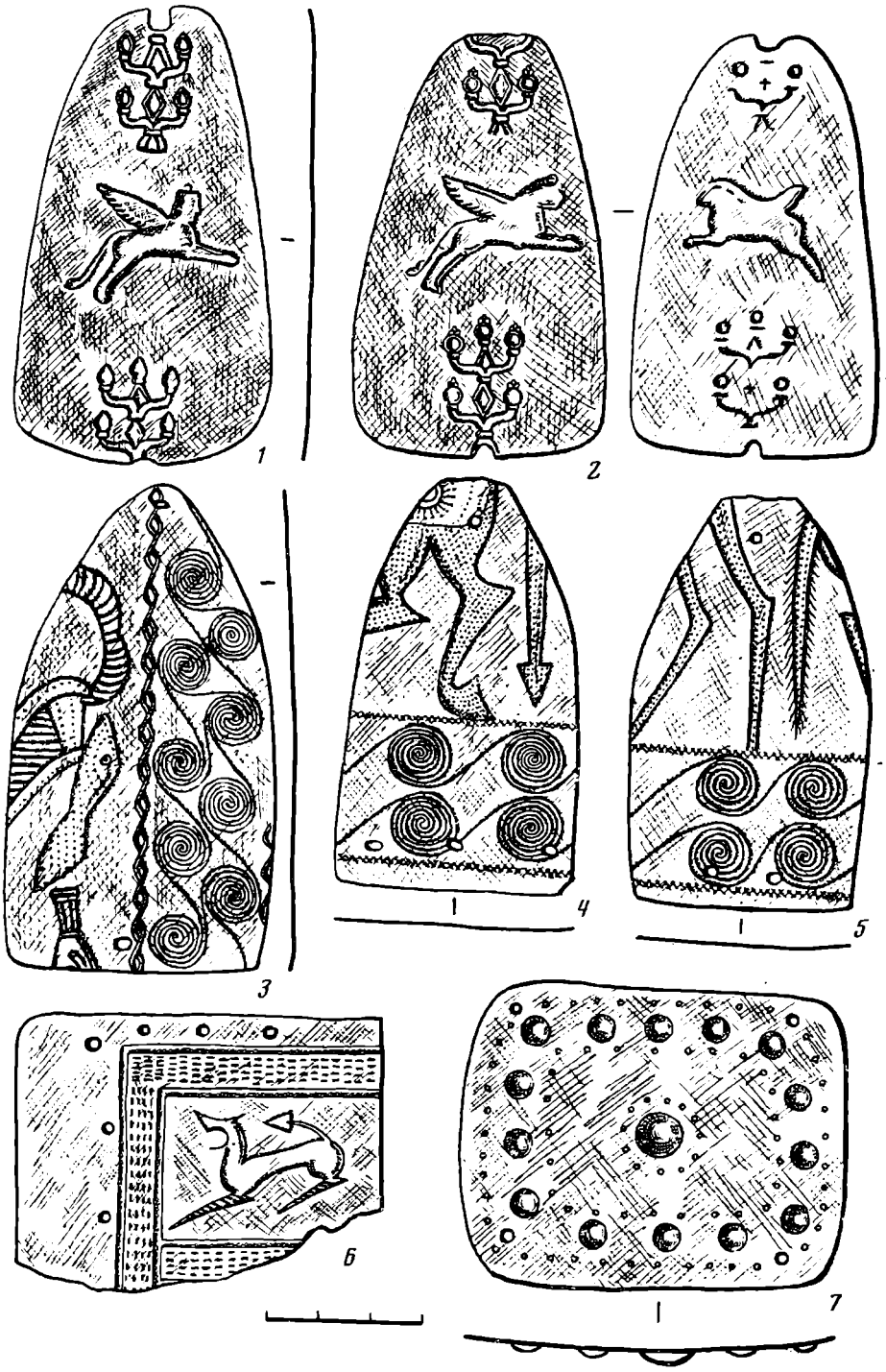


Рис. 4. Старший Ахмыловский могильник. Детали налобных венчиков. *1*, *2* — п. 800; *3* — п. 218; *4*, *5* — п. 840; *6* — п. 362; *7* — п. 139; *1*—*7* — бронза

ский могильник и т. д. [5, рис. 62, *10*; 5, табл. XI, II]. Учитывая датировку Нестеровского могильника (VI в. до н. э. по Трашу [7, с. 77, 78]), они, очевидно, бытовали довольно долго — с конца VIII до VI в. до н. э. Пронизки из узких пластинок, встреченные в изделиях III типа, известны среди находок в Кобани [8, табл. XXXIV, *7*] и в уздечных наборах волго-донской группы савроматов VI—V вв. до н. э. [9, рис. 52, *2*]. На Тлийском могильнике (Центральный Кавказ) известны аналогии зооморфным изображениям, спиральным узорам, изображению солнца на крупе лошади (рис. 4, *4*, *5*); аналогичные последнему первоначально

были датированы VIII—VII вв. до н. э. [10, с. 162—178] [3], что соответствует датам сопровождающих комплексов Старшего Ахмыловского могильника. Весьма близки узоры из выпуклин и мелких вдавлений на изделиях I типа орнаменту подобной накладки из Стефан-Цминде у ст. Казбек [8, рис. 14, *б*]. Колокольчиковидные подвески и цепочка на украшениях индивидуальной группы (рис. 5, *3*, *8*) находят аналогии среди кавказских изделий (Красномаяцкий [7, табл. XXII, *1*, *3*] и Луговой [12, табл. XXIII, *36*] могильники, Далакгау [8, табл. IXXI, *9*]), древностей Луристана [13, табл. 7, *12*], а также на сакских памятниках VI в. до н. э. [14, с. 122; табл. XI, *2*]. Среди последних имеются и близкие средневолжским плоские бляшки с рельефными концентрическими кругами (Уйгарак, кург. 28; VII—VI вв. до н. э. [14, табл. X, *19*; с. 120]). Подобная бляшка найдена с одним из венчиков Старшего Ахмыловского могильника (рис. 5, *10*). Узоры из нескольких рельефных концентрических кругов, близких изображениям на накладках налобного украшения I типа (рис. 5, *4*), встречены среди изделий Михалковского комплекса в Тернопольской обл. [15, рис. 58]. Здесь найдена и накладка с точечными вдавлениями, образующими концентрические круги [15]. Указанные находки относятся ко второму хронологическому горизонту, датируемому от IX до середины VII в. до н. э. [15, с. 218]. В скифских древностях VI в. до н. э. [16, рис. 2, *2*; с. 73; 17, табл. 23, *19*, *22*; табл. 24, *19*, *60*; табл. 25, *7*] имеется аналогия подтреугольной накладке (рис. 1, *I*, *В-3*), бляшкам с петлей для крепления (рис. 1, *I*, *А-2*; II, *I*, *Б-1*), мелким накладкам со сферической поверхностью и крупным с выпуклой центральной частью (рис. 1, *II*, *I*, *В-3*; *III*, *Б-2*). Правда, последние на Кавказе встречены и в комплексе VII в. до н. э. [18, с. 114—116].

Особый интерес представляют накладки налобного венчика из погребения 800 (рис. 4, *1*, *2*). Как крылатые львы, так и символы древа жизни указывают на древневосточное происхождение изображений [19, рис. 90, *30*, *33*]. Их дата колеблется в пределах 800—600 гг. до н. э. [19, с. 88]. Символы священных деревьев встречены в различных пунктах на Кавказе (сел. Заким, ст. Ани-Пемза, с. Кушчи, Кармир-Блур), а также территории расселения скифов (Мельгуновский и Келермесский курганы [20; 21, рис. 38, с. 57, 89; 22, табл. 12—13]). Б. Б. Пиотровский отмечал любопытное явление «распадения священного дерева, превращающегося в орнамент» [21, с. 89]. При этом, как можно заметить, традиционное вертикальное положение деревьев в сопровождении фигуры царя или отождествляющего его льва начинает видоизменяться. Изображения на накладках из погребения 800 в этом отношении занимают среднее положение между древневосточными и более поздними скифскими находками. С одной стороны, здесь вместе даны образ льва и символы священного дерева. Однако они уже не составляют единого целого и налицо факт разрыва священного дерева на составные части. А на одном из изделий вместе с изображением льва с головой человека в короне имеются два различных приема передачи деталей священного дерева. Следует особо оговориться, что многочисленные аналогии элементам венчиков не говорят о привнесении данной группы украшений извне в районы расселения средневолжских племен. Все перечисленные детали во всех областях входят в состав совершенно других украшений — пояса или одежды, конской сбруи и т. д. Здесь мы видим общую картину культурных связей, установившихся вследствие развития металлургического производства: более развитые центры цветной металлургии Кавказа с эпохи бронзы поставляли широкий круг изделий в другие районы. В VIII—VII вв. до н. э. лишь несколько расширились границы этого влияния на север до современного Марийского Поволжья и значительно увеличилось количество привозных вещей. Правда, следует иметь в виду и возможность изготовления предметов на месте по при-

[3] В своей последней работе изделия с указанными изображениями исследователь датирует XII—X вв. до н. э. [11, отс. 67, 74, 99—101].

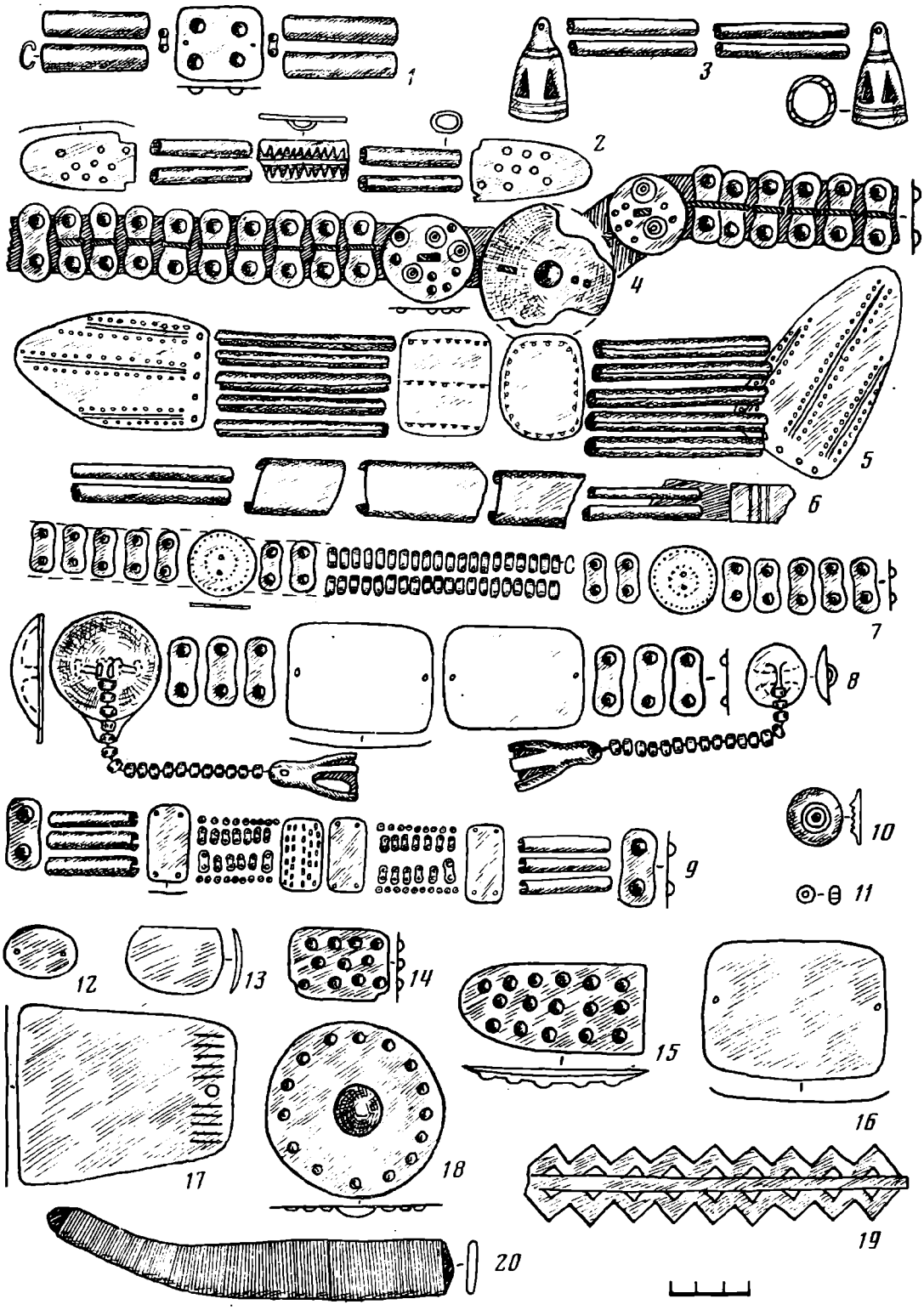


Рис. 5. Старший Ахмыловский могильник. Налобные венчики и одинарные украшения: *1* — п. 272; *2* — п. 663; *3* — п. 762; *4* — п. 188; *5* — п. 419; *6* — п. 66; *7* — п. 151; *8* — п. 57; *9* — п. 151 — № 2; *10* — п. 580; *11* — п. 755; *12* — п. 884; *13* — п. 384; *14* — п. 217; *15* — п. 55; *16* — п. 303; *17* — п. 557; *18* — п. 558; *19* — п. 2; *20* — п. 735. *1—19* — медь и бронза, *20* — кожа и медь

возным образцам. А такие многочисленные на Средней Волге изделия, как накладки с парными выпуклинами и трубчатые пронизки, встреченные на западе лишь в незначительном количестве, могли сами стать средневолжским экспортом [4].

Судя по аналогиям к элементам и сопровождающим налобные венчики комплексам находок, данная группа украшений бытовала весь период функционирования Старшего Ахмыловского могильника. Где же, в таком случае, искать ее истоки? Когда распространяется принцип ношения налобных венчиков? Считать ли данное явление только «ахмыловским» вариантом костюма ананьинцев или оно охватывает более широкие регионы? Каков его хронологический диапазон?

Самые ранние составные налобные украшения в Среднем Поволжье появляются в абашевских памятниках. Это налобные повязки с расшивкой из мелких трубчатых пронизок в виде навитых на шнурок проволочек, бляшек и подвесок двух типов — очковидных и лепестковидных бляшек-розеток [23, рис. 22, 27, 28, 70, 71; 24; 25, рис. 13, с. 64]. Из элементов отдаленное сходство с ахмыловскими имеют лишь трубчатые пронизки и мелкие бляшечки, напоминающие изделия с гофрированной поверхностью. Они многосоставные и сопоставимы с разновидностью В в нашей классификации. Использование приема расшивки мелких частей также отдаленно сближает их с ахмыловскими венчиками III типа.

Далее, как элемент украшения у пришлых племен-балановцев использовались трубчатые пронизки, свернутые из тонкого медного листа [26, рис. 123, *1*, *15—16*; с. 190—192; 27, табл. 50, *1*, *17*, *22*; с. 72]. Однако они составляли часть шейного ожерелья и встречались только в погребениях мальчиков [27, с. 72]. Любопытно отметить наличие подобных пронизок из трубчатых костей птиц в памятниках фатьяновской культуры [27, с. 72]. Такие же поделки находились на конце одного из ахмыловских венчиков. Поскольку балановские племена опосредствованно благодаря смешению с волосовским населением и участию в формировании чирковско-сейминской культуры принимали участие также в сложении западных вариантов ананьинской культуры [28, с. 200, 205], именно от них могла сохраниться традиция использования в украшениях трубчатых пронизок. Вместе с тем следует принять во внимание, что как абашевцы, так и балановцы были чужеродной массой в среде финно-угорского населения Среднего Поволжья.

У местных племен эпохи ранней бронзы принцип ношения венчиков не известен, но мы не можем отрицать их наличие. Они могли просто не сохраниться, если были из ткани или кожи.

В эпоху поздней бронзы налобный венчик был характерен для приказанского населения [28, рис. 55, *171*, *177*]. На атабаевском этапе (XII—XI вв. до н. э.) появляются повязки из кожаных полос с одной бляшкой, а на конечном маклашеевском этапе (X—IX вв. до н. э.) этой культуры оформились близкие к ахмыловским составные украшения из блях и накладок [28, рис. 55, *133*; с. 189 сл.]. Последние по форме ближе всего к некоторым венчикам I типа из одинаковых круглых накладок и бляшек. Указанные венчики могут быть самыми ранними на могильнике, затем оформились сначала венчики первых трех разновидностей с одинаковыми элементами, а потом следующие разновидности данного типа. На прикамских ананьинских могильниках, где более характерны одиночные налобные украшения, среди единичных составных венчиков также встречены только изделия из одинаковых накладок или бляшек (Уфимский, погр. 4; Луговской, погр. 19, 49; Зуевский, погр. 162 и 177; Котловский, погр. 4; [29, с. 79—80]). Лишь два венчика Ананьинского могильника из раскопок П. А. Пономарева могли включать, судя по словесному описанию, различные элементы (бляшки и накладки [29]).

---

[4] Указанные изделия входили также в число других украшений и помимо Старшего Ахмыловского могильника встречались на Акозинском и Пустоморквашинском могильниках.

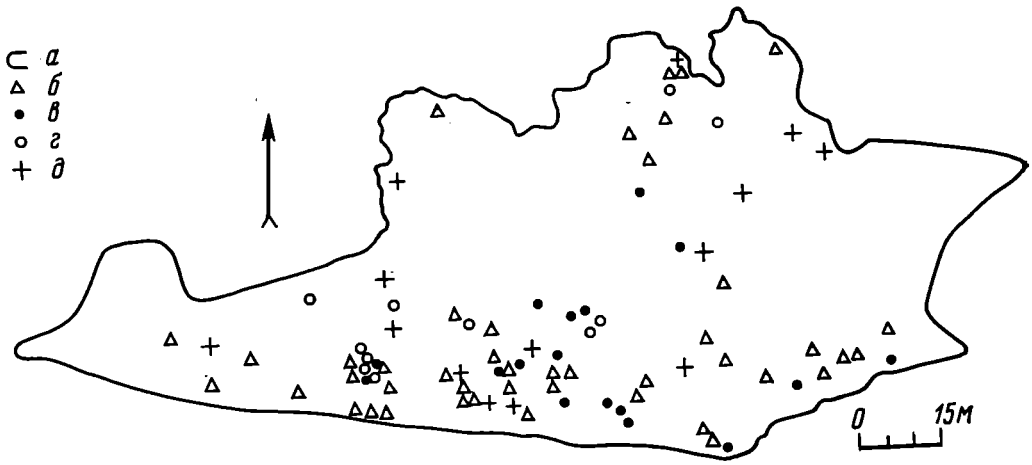


Рис. 6. Старший Ахмыловский могильник. Планография типов налобных венчиков (*а* — границы распространения погребений; *б* — венчики I типа, *в* — венчики II типа, подтип 1; *г* — венчики II типа, подтип 2, *д* — венчики III типа)

Таким образом, истоки венчиков I типа следует искать в приказанской среде. Они могут считаться общеананьинской формой, но в целом более характерны для западноволжского варианта ананьинской культуры. На площади Старшего Ахмыловского могильника они размещались довольно равномерно (рис. 6) и чаще всего встречены в одиночных погребениях в сопровождении ножа (13), шила (10), украшений (37), бытовых предметов (9).

Истоки налобных венчиков II типа, кроме отмеченного отдаленного сходства их элементов с балановскими трубчатыми пронизками и формами отдельных частей абашевских венчиков, проследить довольно трудно. Несомненно одно: они оформлялись в той среде, которая определила основные особенности западноволжского варианта ананьинской культуры,— у населения с псевдосетчатой керамикой. Подобные венчики встречены лишь на ананьинских могильниках Поволжья. Единичные находки трубчатых пронизок на прикамских памятниках ни в одном случае не могут быть достоверно отнесены к налобным повязкам [29]. Характерно, что указанные украшения не встречены с общеананьинскими височными спиралями и неоднократно сопровождались височными пластинчатыми кольцами, не известными на прикамских памятниках.

Следует отметить еще одну интересную деталь: часть венчиков II типа (второй подтип) обнаружена только в частичных погребениях головы и в одном случае в могиле с вторичным захоронением. В публикациях материалов Старшего Ахмыловского могильника частичные погребения определены как девичьи [30]. Также с девичьими захоронениями связывается обычай надземных погребений в марийской этнографии [31, с. 150] и мордовском фольклоре [32, с. 170, 171]. Как известно, с подобным обычаем связано появление вторичных захоронений [33, с. 57].

Таким образом, венчики первого и второго подтипов II типа выделяются не только по внешнему облику и различному сочетанию элементов, но и по назначению.

Некоторые предварительные наблюдения можно сделать относительно многосоставных венчиков первых двух типов. Большое количество деталей само по себе подчеркивает их роскошь. Кроме того, они обычно сопровождались другими богатыми украшениями. Близкий обычай прослежен у марийцев. По свидетельству К. И. Козловой, наиболее богатый праздничный наряд с «нашмаком» [5] носили по строго соблюдаемому обычаю «молодушки» в течение года после свадьбы [34, с. 283].

---

[5] Нашмак представлял собой «неширокую полосу холста (3—4 см) длиной около 40 см, сплошь вышитую разнообразными узорами как геометрического, так и зооморфного и растительного характера» [34, с. 279].

Характеристика погребений с налобными венчиками Старшего Ахмыловского могильника *

Венчик				№ погребения	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Сопровождающий инвентарь		Дата погребения (вв. до н. э.)
тип	подтип	разновидность	вариант				орудия труда, оружие	украшения, бытовые предметы	
		А	1	182	о, вт	ЮВ		нв	VII – 1 п. VI
			2	5	ч			з	к. VIII–VI
			3	123	о	С		вк	VII–VI
				322	о	ВСВ	ш		2 п. VII–VI
				101	о	С		б	VII
				137	в				VIII–VI
				158	о	З	н		к. VII – н. VI
			4	189	о	СЗ		вк	VII–VI
				224	о	ССЗ	ш	вк	2 п. VII – 1 п. VI
I				355	ч, дм			г, б, вс	2 п. VII – 1 п. VI
				432	к	СЗ		вк	VII
				640	к	ЗЮЗ			1 п. VI
			5	907	кн		ш		VII–VI
				626	о	С			VII–VI
		Б	1	8	о	С		с	VII – 1 п. VI
				170	в			вк	VII – 1 п. VI
				174	к	ВСВ		о, вс, вк	VII
				188	о	С		вк, т, с	VII – 1 п. VI
				193	о	Не опр.			VII – 1 п. VI
				201	в			вк	VII–VI
				209	ч		н, ш	г, б	2 п. VII
				292	о	ЮЗ			VII – 1 п. VI
				305	к	СВ		нв, с, кп	VII – 1 п. VI
				305	к	ЮЗ		нв, с, кп	VII – 1 п. VI
				418	о	ССВ	н	вк, ог	VII – 1 п. VI
			2	239	о	С	к, н	вс, б	VII – 1 п. VI
				741	о	З			VII–VI
			3	139			н	н, б	VIII – н. VI
				523	ч		ш	г, б	2 п. VII–VI
			4	281	в			б, вк	VII – 1 п. VI
				203	в				VII–VI
			5	311	о	ССЗ			VII – 1 п. VI
				314	к	ЗЮЗ		вс, о	VII – 1 п. VI
		В	1	73	кн			вк	VII–VI
			2	445	о	ЗЮЗ	н, ш	пв	VII – 1 п. VI
			3	225	о	ССВ	ш	вк, с	1 п. VII
			4	492	ч				VII – 1 п. VI
				283	ч				VII – 1 п. VI
			5	991	о	З		т	2 п. VII–VI
		Б	1	1	ч			вк	VIII–VI
				182	о	З		нв	VII – 1п. VI
				341	о	С		вк	VII – 1п. VI
				398	о, дм	В	ш		VII–VI
	1			кв. ч/7 1965					
			2	295	к	ЮЮВ		с	VII
			3	66	кн			вк	VIII–VI
				361	ч, дм		н, ш	г, вк	VII – 1 п. VI
		В	1	67	к	С		вк, с	2 п. VII – 1 п. VI
				69	в			б, вк	VII – 1 п. VI
II				204	ч		ш		VII
			2	481	кн		ш	вк	VII–VI
			3	182	о	З		мв	VII – 1 п. VI
			4	272	к	Не опр.		б, бр	VII – 1 п. VI
				362	ч, дм		н, ш	о	VII
			5	455	о	СВ	ш		VII – 1 п. VI
		Б	1	800	в				VII–VI
			1	658	о	З		з	2 п. VII – 1 п. VI
			2	218	ч				VII–VI
	2	В		357	к, дм	З	ш	вс	VII – 1 п. VI
				419	о	З		г	VII

Продолжение

Венчик				№ погребения	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Сопровождающий инвентарь		Дата погребения (вв. до н. э.)
тип	подтип	разновидность	вариант				орудия труда, оружие	украшения, бытовые предметы	
				663	ч		ш, пр	б, вс, пв, о, г	VII
				840	о	ЗСЗ	н, ш	сн	VII–VI
II			3	150	ч				VIII–VII
				357	к, дм	З		г, о, вк	VII – 1 п. VI
			4	149	ч		н	о	2 п. VII – 1 п. VI
			5	200	ч		н, ш	г	VII–VI
III			1	837	о	ЗЮЗ	н	сн, пр	VI
				968	о	ЗСЗ	н, ш	вс, б	VII – 1 п. VI
		А	2	335	в		н		VIII–VI
			3	608	о	ССЗ			VII
		Б	1	121	о	В		б	2 п. VII
				194	о	С	к, ш	и, з, гр, с	2 п. VII – 1 п. VI
				493	о	ЗЮЗ	н, ос	б	VII
			2	871	ч, дм				VII–VI
			3	114	к	Ю		вк, б, п	к. VII – н. VI
				229	к	ССВ			VII – 1 п. VI
				426	ч			г	1 п. VII
			4	597	о	ВСВ			VII–VI
				675	о	ЮЮВ	н, ш	о	VII–VI
Инд.		А	1	37	о	С		вк	2 п. VII–VI
				55	к	С	нс	вк	VIII – н. VII
		Б	2	762	о	ЗСЗ	ш	б, гр	2 п. VII – 1 п. VI
			3	449	ч		ш	б	VII – 1 п. VI
			4	756	к, дм	ЗСЗ			VII – 1 п. VI
		В	5	57	о	ССЗ		п	VIII – н. VI
			6	151	о	С	ш	с, вк	к. VII – н. VI
			7	260	ч			вк, о, пр	VII–VI

В таблице приняты сокращения: 6-я графа — погребальный обряд: о — одиночное трупоположение, к — коллективное захоронение, ч — частичное захоронение головы, в — вещевое погребение, вт — вторичное захоронение, ки — кенотаф, дм — дом мертвых; 8-я графа — орудия труда, оружие, конская сбруя: н — нож, ш — шило, пр — пряслице, к — кельт, ос — оселок, нк — наконечник копья, нс — наконечник стрелы, кн — кинжал; 9-я графа — украшения, бытовые и культовые предметы: вс — височная спираль вк — височное кольцо, г — гривна, б — бляха, о — ожерелье, бр — браслет, пр — перстень, б — булавка, т — теменные, п — поясные, сн — составные нагрудные, пв — подвеска, н — накладка, нв — другой налобный венчик, с — сосуд, з — зеркало, ог — огниво, гр — гребень, кп — культовые предметы, и — идольчики; 10-я графа — дата погребений: н. — начало, п. — половина, к. — конец

Налобные венчики III типа, очевидно, появляются несколько позже. Судя по размерам могильных ям, это украшения девочек-подростков. Об этом же свидетельствует бедность сопровождающих комплексов. Лишь в одном случае в могиле найден небольшой браслет. Подросткам могли принадлежать и некоторые изделия I и II типов (разновидности А и Б отличающиеся небольшими размерами).

Таким образом, представленное на Старшем Ахмыловском могильнике население характеризуется особым этнографическим обликом. Собственно ананьинские одинарные женские налобные украшения здесь известны лишь в девяти случаях (рис. 5, *12–20*). Очевидно, в контактной зоне между восточными ананьинскими и западными городецко-дьяковскими племенами на территории Марийского Поволжья с прилегающими районами формируется особая этническая группа, сыгравшая значительную роль в энтической истории позднейших времен вплоть до сложения современных финно-угорских народов. Одним из доказательств этого является широкое распространение налобных венчиков у пьяноборско-азелинских племен, древних мурома, меря, мордва, марийцев и удмуртов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
2. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
3. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского Края в эпоху железа.— Тр. МАЭ, 1962, т. II.
4. *Граков Б. Н., Треножкин А. И.* Субботовское городище (раскопки 1955 г.).— СА, 1958, № 2.
5. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
6. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
7. *Трапш М. М.*— В кн.: Древний Сухуми. Труды. Т. 2. Сухуми: Мецниереба, 1969.
8. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII.
9. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
10. *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1.
11. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
12. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, вып. В 2—5, М., 1977.
13. *Hančar F.* Kaukasus — Luristan.— ESA, 1934, B. IX.
14. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака.— ТХАЭЭ, 1973, т. VIII.
15. *Крушельницька А. І.* Племена культури фракійського гальштату.— В кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ: Наукова думка, 1974.
16. *Іллінська В. А.* Золоті прикрасі скифского архаічного убору.— Археологія, 1971, № 4.
17. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, вып. Д 1-31. М., 1965.
18. *Козенкова В. И.* Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 123.
19. *Godard A.* L'art de l'Iran. P., 1962.
20. *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата.— Вестн. Гос. музея Грузии. Т. XIII-B, Тбилиси, 1943.
21. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Т. I. Ереван: АН АрмССР, 1950.
22. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Т. II. Ереван: АН АрмССР, 1952.
23. *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— МИА, 1961, № 97.
24. *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимов М. М.* Пепкинский курган.— Тр. МАЭ, 1966, т. III.
25. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
26. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
27. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры.— САИ, 1976, вып. В 1-25.
28. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
29. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
30. *Архипов Г. А., Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Марийская археологическая экспедиция в 1966—1968 гг.— Тр. МарНИИЯЛЭ, вып. XXIII, 1971.
31. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1899.
32. *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
33. *Гольмстен В. В.* Наземные погребения в Среднем Поволжье.— КСИИМК, 1940, вып. V.
34. *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978.
35. *Щукин М. Б.* об «узких» и «широких» датировках.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л.: ЛГУ, 1978.

V. S. Patrushev

FOREHEAD ORNAMENTS FROM THE OLDER AKHMYLOVO BURIAL GROUND

Summary

The Older Akhmylovo burial ground dated to the 8th-6th centuries B. C. (Akhmylovo village, Gorno-Mariisky District, the Mari ASSR) situated on the left bank of the Volga yielded rich collection of grave goods. Women's decorations were represented by sectional leather or woolen forehead ornaments with metal plates, or, more seldom, paste beads attached to them (87 items).

There are three types of ornaments differing in number and composition of their components, and three varieties shown in Fig. 1 differing in the number of elements of each component.

Many details have close analogies in the regions to the west and to the south of the middle reaches of the Volga (Vysotskaya, Cherniy les, Cimmerian, Scythian, Sauromatan, Koban, Colchis, Saki cultures and in Luristan). Among the imported artifacts of interest are plates with zoomorphic subjects (Fig. 4).

These analogies and other data making the dating of the burial ground more precise testify to the fact that this type of ornament, as a part of women's headgear, was used, with slight alterations, through the whole period of the existence of the burial ground. Its sources lie in the Kazan Bronze Age Culture and vaguely resemble those of the Abashevo and Balashovo cultures.

The ornaments make it possible to conclude that the population comprised an individual ethnic group which played a significant role in the history of the peoples of the Volga region.

ПАНЬКОВ С. В.

О РАЗВИТИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Изучение древней черной металлургии, интенсивно развивавшейся на территории Украины с начала I тысячелетия до н. э., охватывает широкий круг проблем, к решению которых обращались многие исследователи. Среди работ, посвященных истории черной металлургии, большой интерес представляют исследования, касающиеся вопросов реконструкции древнего металлургического процесса, совершенствования железоплавильной техники, исторических и социально-экономических условий возникновения и дальнейшего развития железоделательного ремесла. В то же время недостаточная фактологическая база долгое время не позволяла решить эти вопросы в сколько-нибудь полном объеме. Следует также отметить, что различные этапы в развитии железодобывающего производства на территории Восточной Европы и Украины, в частности, исследованы неравномерно. Лучше изученными оказались черная металлургия Скифии и периода Древней Руси, тогда как этап, охватывающий рубеж нашей эры — первую половину I тысячелетия н. э., несмотря на существование крупных железодобывающих комплексов этого времени, изучен недостаточно, и это долгое время не позволяло даже в наиболее общих чертах проследить историческую линию развития железодобывающего производства на Украине.

За последние десятилетия добыт значительный по объему новый материал, открыты и исследованы уникальные комплексы черной металлургии, которые делают возможным в настоящее время заполнить этот пробел и поставить ряд новых задач, таких, как типология сыродутных горнов, принципы функционирования и производственной организации тех или иных железодобывающих центров.

Начало производства сыродутного железа на территории лесостепной Украины в данный момент связывается с деятельностью племен белогрудовской культуры, а в степной полосе — с белозерским этапом срубной культуры позднего периода бронзового века. Так, во время раскопок поселения белогрудовской культуры у г. Умань Черкасской обл. найден кусок шлачной оболочки крицы, содержащей 58% железа [1, с. 180]. Количество невосстановленного железа в шлаке в общем соответствует условиям древнего металлургического производства. То, что кусок шлака отвалился или был отколот от крицы, исключает случайный характер его образования[1].

На развитие черной металлургии племен срубной культуры белозерского этапа указывают находки железных изделий в памятниках этой культуры [2, с. 199].

Увеличение количества железных предметов в культурах киммерийского времени [3] свидетельствует о поступательном развитии местной

[1] Кусок шлака, обнаруженный на поселении белогрудовской культуры у г. Умань, уже давно признается в историографии одним из древнейших свидетельств развития железодобычи на Украине, однако разведки, проведенные в этом районе историко-технической экспедицией Института археологии АН УССР в 1979 г., показали, что рядом с поселением белогрудовской культуры находится поселение черняховской культуры, культурный слой которого содержит большое количество шлаков. В связи с этим принадлежность куска шлачной оболочки крицы белогрудовскому поселению не может быть абсолютно достоверна и требует уточнения.

металлургии железа, которое привело к возникновению крупных ремесленных центров в скифском обществе. Однако в решении задач, связанных с черной металлургией Скифии, имеются некоторые сложности. С одной стороны, следы добычи железа в виде шлаков, ошлакованных стенок горнов, кусков руды и угля отмечаются на многих поселениях, а с другой — материалы раскопок предоставляют крайне скудные источники для реконструкции скифской металлургической печи. В поисках надежного источника некоторые исследователи привлекли к скифской металлургии объекты, не имеющие твердого хронологического и культурного обоснования. К ним относятся сыродутые печи из с. Новая Покровка Харьковской обл. и с. Городище Ворошиловградской обл.

Горн из Новой Покровки исследовался в 1936 г. И. Ф. Левицким. Основание горна в плане было овальным. Наружный его размер составлял 0,75×0,36 м, внутренний — 0,44×0,24 м. Первоначальная высота шахты, имеющей конусовидную форму, достигала 1 м. В нижней части горна находились два отверстия для сопл [4, с. 64] (рис. 1, *1*). Подобные типы горнов были распространены на широкой территории в течение всего I тысячелетия н. э. и позже. Так как во время раскопок непосредственно рядом с горном не обнаружено никаких датирующих материалов, а позднейшие разведки также не дали материалов, прямо связанных с горном, то, безусловно, относить его к скифскому времени нет оснований. По форме и техническим характеристикам данный тип горна может быть отнесен скорее к I тысячелетию н. э.

Горны из с. Городище располагались на краю балки и имели углубленную в землю часть. Один из горнов исследован полностью. Его котлован диаметром 1,45 м имел цилиндрическую форму с конусовидным окончанием и был углублен в землю на 1,6 м. Заполнение горна составляли земля с обломками камней и шлаков, камни с глиной, железный шлак. Шлаки из горна выпускались через отверстие у основания в балку [6, с. 72—74]. Б. А. Шрамко определил городищенский горн как горн «очень древнего ямного типа» [5, с. 170], верх которого имел перекрытие, выполненное из глины. На наш взгляд, куски обмазки, песчаника, известняка, заполнявшие котлован, происходят от разрушенной наземной шахты печи, в конструкции которой вместе с глиной использовался камень, и не имеют отношения к перекрытию котлована горна. Таким образом, огромный рабочий объем углубленной части горна, что вовсе не присуще общеевропейской металлургии того времени, дополнялся объемом наземной части печи. Неясно также и то, как связана с горном присутствующая в описании скифская и амфорная керамика. По всей видимости, в с. Городище мы имеем дело с остатками металлургии очень позднего времени (на подобные размышления наводит и само название населенного пункта).

Некоторое представление об устройстве скифской сыродутной печи может дать сохранившееся основание металлургического горна на Шарповском городище VI—V вв. до н. э. Широкая, овальная в плане печь, покоившаяся на фундаменте из глины, сохранила стенки высотой 0,2—0,25 м и была заполнена кусками железной руды и шлаков [10, с. 90—91]. По характеру этих остатков можно сделать вывод, что шарповская печь была наземной, стационарной.

Таким образом, немногочисленные материалы, которые представлены в памятниках скифской культуры, все же позволяют считать, что в скифской черной металлургии развивался стационарный тип сыродутного горна с наземной глиняной шахтой. Косвенным подтверждением этого могут служить куски небольших по размерам железных шлаков, встречающиеся в большом количестве на многих скифских поселениях.

Дальнейшее применение и развитие способа получения железа, основанного на многократном использовании металлургического горна, что достигалось освобождением его рабочего объема от шлаков, мы наблюдаем в материалах зарубинецкой, липицкой и черняховской культур.

Для зарубинецкой культуры территории УССР в настоящее время известно около 15 пунктов (расположенных в основном в Киевской и Чер-

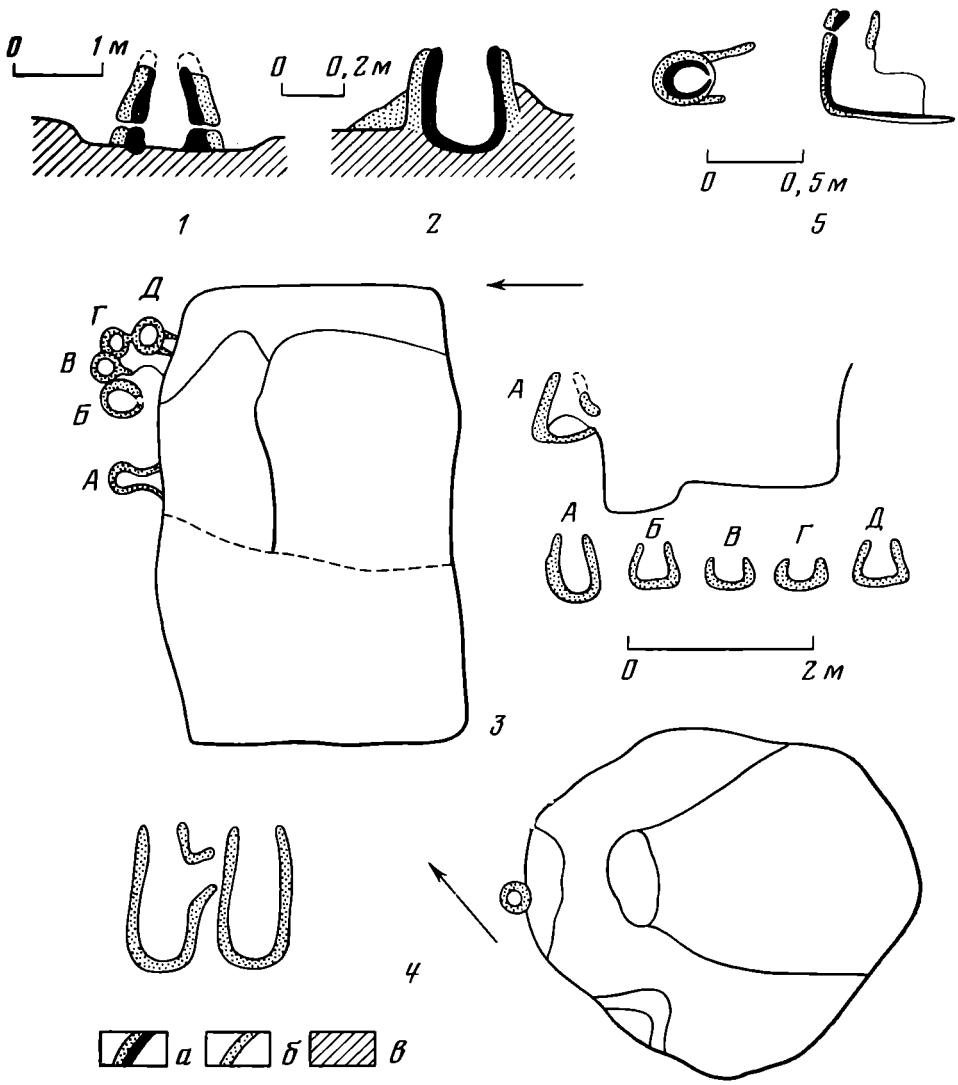


Рис. 1. *1* — Новая Покровка, сыродутный горн; *2* — Лютеж, сыродутный горн № 4; *3* — Ремезовцы, сооружение № 2; *4* — Ремезовцы, сооружение № 12; *5* — Гайворон, сыродутный горн № 2. *а* — ошлакованная стенка горна; *б* — стенка горна, *в* — материк

касской областях, где производилось железо) [8, с. 63—65]. Особого внимания среди них заслуживает Лютежский центр, активно действовавший в первой четверти I тысячелетия н. э.

Лютежское поселение занимало площадь около 1,5 га и располагалось на правом берегу устья р. Ирпень, на небольшом песчаном возвышении. Заболоченная местность, содержащая большие запасы болотной руды, а также крупные лесные массивы создали благоприятные условия для развития железодобычи в этом районе. У с. Лютеж Киевской обл. выявлено 15 металлургических горнов, более 400 ям бытового (хозяйственные ямы) и производственного (ямы для обжига древесного угля) назначения, остатки трех жилищ позднезарубинецкого времени. Культурный слой памятника содержал железные шлаки (несколько тонн), куски сыродутного железа, керамику, кости животных, металлические изделия и украшения (в небольшом количестве). Сыродутные горны представляли собой стационарные сооружения с наземными глиняными шахтами, высота которых достигала 70—80 см. Шахты имели цилиндрическую форму с диаметром нижнего основания до 0,5 м. Некоторые горны были несколько углублены в землю и снабжены предгорновой ямой (горн № 4) [8, с. 76] (рис. 1, *2*).

Железоделательное производство липицких племен представлено двумя мастерскими по добыче железа, обнаруженными на поселении у

с. Ремезовцы Золочевского р-на Львовской обл. Культурный слой поселения содержал материалы первых столетий нашей эры, а также керамику черняховской культуры и славянскую керамику VIII в. Большой интерес представляют остатки производственных сооружений II и XII, свидетельствующие о развитии железоплавильного дела на поселении.

Сооружение II площадью около 6,3 м^2 имело четырехугольную форму и было углублено в землю на 0,96 м от современной поверхности. В северной стенке мастерской, ближе к восточному углу, было устроено пять сыродутных горнов конической формы, немного расширяющейся книзу. Диаметр верхних частей горнов составлял 0,21—0,23 м, нижних — 0,28—0,4 м, глубина достигала 1 м. Местами стенки горнов подмазывались глиной. На дне горнов зафиксированы прослойки древесного угля и куски железного шлака (рис. 1, *3*).

Сооружение XII размером 5×5,3 м имело овальную форму. Глубина дна от современной поверхности составляла 1,8 м. В юго-восточной стенке сооружения был устроен сыродутный горн округлой в плане формы, с почти вертикальными стенками. Диаметр его верхней части составлял 0,21 м, диаметр нижней — 0,22 м, глубина 0,9 м. В стенке горна на высоте 0,45 м от дна выявлен выходящий на материковую площадку в юго-восточной части мастерской продух диаметром 0,18 м. Стенки горна, как и в сооружении II, подмазывались глиной [9] (рис. 1, 4).

Несколько сложнее обстоит дело с изучением металлургии железа черняховских племен. Из всех материалов, относимых исследователями к черняховской культуре, единственными несомненными остатками металлургического производства, позволяющими судить об устройстве железоделательных горнов, до настоящего времени являются материалы из с. Иванковцы Новоушицкого р-на Хмельницкой обл. [10, с. 251]. Остатки печи характеризуют ее как стационарную, с наземной глиняной шахтой. Подобная печь, шахта которой была выполнена не из глины, а из плиток известняка (глина играла роль связывающего элемента), известна в черняховской культуре Молдавии (Лопатна) [11, с. 109]. Остатки же печи неясного назначения из с. Лука Врублевецкая Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. [12, с. 16], на наш взгляд, вовсе не имеют отношения к металлургии, так как ни в самой печи, ни рядом с ней не было обнаружено никаких признаков, свидетельствующих о металлургическом производстве (наличие шлаков, ошлакованности стенок печи и др.), а железоделательные горны из с. Синицы Христиновского р-на Черкасской обл. привлекаются к черняховскому времени лишь на основании того, что на противоположном берегу реки находилось поселение черняховской культуры [13, с. 324].

Таким образом, краткий обзор вышеприведенных источников показывает, что достигнутый к первой половине I тысячелетия н. э. уровень развития железоделательного ремесла на территории Украины явился результатом более чем тысячелетнего опыта в области черной металлургии сменявших друг друга в ходе истории разнокультурных племен.

Итогом этого процесса явился выработанный устойчивый местный тип металлургии железа, основанный на использовании стационарных сыродутных печей двух принципиально различающихся конструкций. Первая из них представлена стоящими свободно или в мастерских печами с наземными глиняными шахтами (иногда с несколько углубленным в землю основанием). Горны этого типа функционировали на лютежском поселении, к нему относятся сыродутные печи из Иванковец и Новой Покровки. Второй тип горна является ямным со шлаковыпуском. Горны подобной конструкции должны были устраиваться либо в стенках мастерских, как это было сделано на поселении липицкой культуры у с. Ремезовцы, либо помещаться на краю оврагов и обрывов, либо иметь предгорновую яму, служащую для выпуска шлака. В противном случае извлечение застывшего шлака создало бы трудности, способные привести к разрушению горна.

Однако археологические изыскания последнего двадцатилетия показывают, что процесс развития металлургии железа на территории Украины

не был однозначным. В конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. здесь получил довольно широкое распространение и экстенсивный (по определению Р. Плейнера [14]) способ производства сыродутного железа, истоки которого связаны, по всей видимости, с техническими достижениями среднеевропейской латенской культуры.

Сущность этого способа заключается в том, что металлургический горн, основной частью которого служил выкопанный в земле котлован, использовался лишь один раз. С окончанием металлургического процесса шлаки, заполнявшие котлован горна, застывали, образуя так называемые «козлы» или чушки, и делали дальнейшую работу с горном невозможной. Для получения следующего количества железа рядом со старым устраивался новый горн, и таким образом возникали участки (получившие название рабочих площадок), занятые более или менее плотно размещенными горнами с застывшими шлачными конгломератами — «козлами».

В настоящее время на территории Украины известны три довольно удаленных в географическом отношении друг от друга пункта, где зафиксированы остатки черной металлургии экстенсивного типа. Первая рабочая площадка была обнаружена и частично вскрыта в 1956 г. во время разведочных работ в Житомирской обл. Исследованный участок площадки состоял из шести углубленных горнов, содержавших застывшие шлачные конгломераты округлой формы. Рабочая площадка располагалась на левом берегу р. Тни (приток р. Случь), на юго-западной околице с. Курганы, на территории селища, в культурном слое которого присутствовала керамика корчакского типа[2] [15, с. 4]. В западной части селища был заложен шурф площадью 3×3 м. На глубине 0,25 м в нескольких местах зафиксированы шлаки, а на глубине 0,4 м от современной поверхности «выявлены скопления отходов железоделательного производства и куски кричного железа» [15, с. 4]. Отсутствие известных и опубликованных аналогичных памятников (исследования в Свентокшицких горах в Польше только начинались) не позволило в то время правильно интерпретировать находку и понять ее важность. Судя по фотографии, помещенной в отчете, в с. Курганы исследователи, несомненно, столкнулись с остатками металлургии экстенсивного типа, представленными шестью шлачными конгломератами, расположенными на небольшом удалении друг от друга.

В начале 60-х годов рабочие площадки были обнаружены в Закарпатье у с. Новоклиново Виноградовского р-на Закарпатской обл. Их происхождение связывается с деятельностью закарпатской группы племен латенской культуры. В результате полевых исследований было выяснено, что Закарпатский металлургический центр насчитывает 13 производственных пунктов, расположенных недалеко друг от друга и занимающих площадь около 25 км². Каждый производственный пункт включал в себя несколько рабочих площадок — мест сосредоточения остатков сыродутных горнов.

Металлургические горны у с. Новоклиново были обнаружены на вершине небольшого горного останца, в пойме р. Ботар, где было вскрыто две рабочих площадки (третья на берегу р. Ботар).

Рабочая площадка № 1 содержала 59 металлургических конгломератов, заполнявших котлованы горнов, которые располагались в 8 рядов по линии В-З. Горны вплотную примыкали друг к другу и соединялись сероглиняной обмазкой. Диаметр конгломератов составлял 40—50 см, высота — 30—35 см. Верхний край шлачных «чушек» имел небольшой «бортик», выступающий на 1,5—2 см. Примерно такая же картина наблюдалась и на других рабочих площадках, разница отмечается лишь в количестве металлургических горнов и рядов, в которых они размещались (рис. 2, *1*). Фрагменты керамики, найденные на площадках, датируют Закарпатский центр последней четвертью I тысячелетия до н. э. [16, с. 34—41].

---

[2] Приносим благодарность И. С. Винокуру за любезное указание и разрешение воспользоваться материалом.

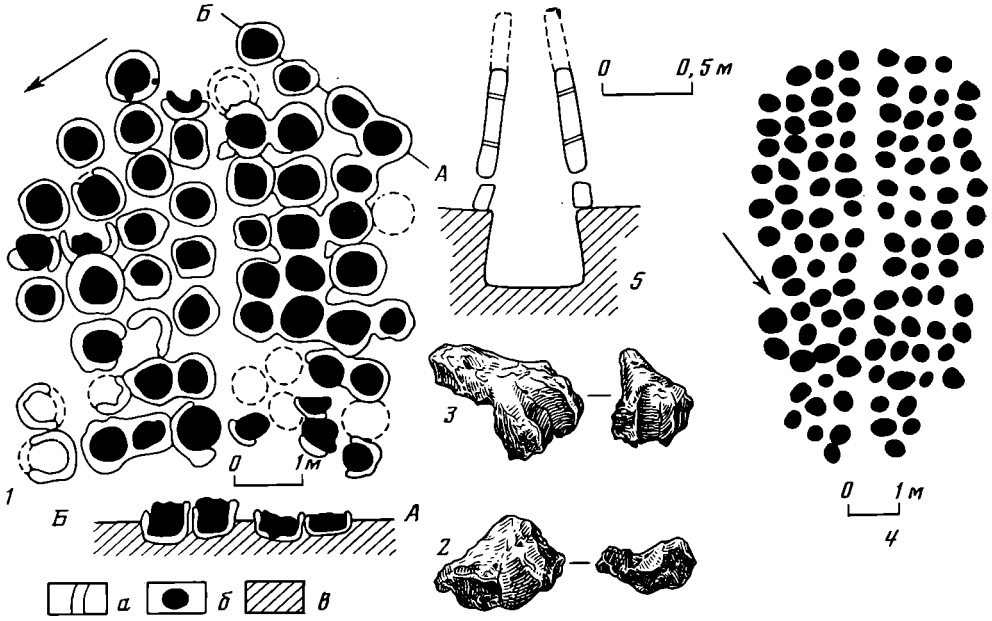


Рис. 2. *1* — Новоклиново, площадка № 1; *2* — Умань II, фрагмент стенки горна с воздуходувным отверстием; *3* — Умань II, фрагмент стенки горна с воздуходувным отверстием; *4* — Свентокшицкие горы, Келецкий р-н, Слупя Новая, пл. № 6; *5* — реконструкция сыродутного горна, применявшегося при экстенсивной железодобыче (по К. Беленину). *а* — стенка горна; *б* — шлачный конгломерат, *в* — материк

Большой интерес представляет открытие металлургии железа типа новоклиновской в Центральной Украине у г. Умань Черкасской обл.[3] В данный момент здесь полностью исследовано две рабочих площадки, на описании которых придется остановиться более подробно, так как они дают важные материалы к реконструкции горна, использовавшегося при экстенсивном способе получения железа.

Железодобывающий центр обнаружен на южной окраине г. Умань пока в двух пунктах — Умань I (восточнее автострады Киев — Одесса) и Умань II (западнее нее).

Рабочая площадка пункта Умань I располагалась на левом берегу р. Котломойки, примерно в 5 км к югу от с. Пиковец. Размеры площадки составляли 4×5 м. Она была вытянута вдоль старого русла реки и включала остатки 36 углубленных горнов, вплотную примыкавших друг к другу. Металлургические конгломераты, залегающие непосредственно под дерновым слоем, в плане овальной формы, размером 35×45 см при высоте до 50 см. Верхняя часть их довольно ровная, из железистого шлака, тогда как нижняя представляет собой более чистые шлачные образования с вкраплениями древесного угля, свисающие неравномерными потеками. Большинство «чушек» сохранило рыхлую сероглиняную обмазку по внешней стороне толщиной 4—5 см. Строгой системы в их расположении зафиксировать не удалось. Горны находились в хаотичном состоянии, с наибольшим уплотнением в северной части площадки. В одном из котлованов, наполовину свободном от шлачного конгломерата, обнаружены фрагменты толстостенных лепных горшков с высокими, отогнутыми наружу и украшенными пальцевыми вдавлениями по срезу венчиками. Сосуды плохо обожжены, в тесте имеется примесь крупнотолченого кварцита. Керамика подобного типа отмечена в позднезарубинецких древностях. Капли шлака, прикипевшие к некоторым стенкам сосудов, позволяют считать последние датирующим основанием для всего комплекса [17, с. 10, 11].

[3] Стационарные раскопки Уманского центра черной металлургии производились историко-технической экспедицией ИА АН УССР в 1978—1979 гг. под руководством В. И. Бидзили при участии автора.

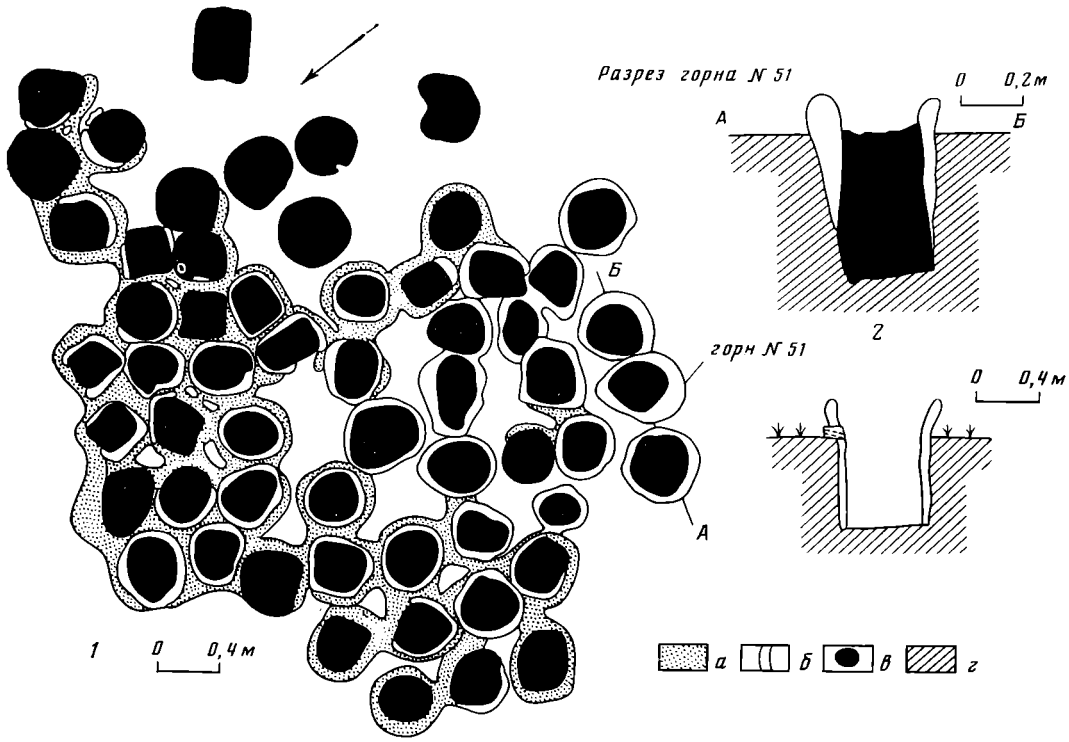


Рис. 3. *1* — Умань II, площадка № 3; *2* — Умань II, площадка № 3. Разрез горна № 51 и реконструкция сыродутного горна, применявшегося при экстенсивной железодобыче (по материалам Уманского центра). *а* — обмазка, соединяющая горны; *б* — стенки сыродутных горнов; *в* — шлачные конгломераты; *г* — материк

Пункт Умань II находится примерно в 800 м к югу от пересечения дороги Умань — Кочержинцы с границами лесного обхода № 9. На пункте одна площадка исследована полностью, а две других зафиксированы визуальной и магнитной разведкой. Исследованная площадка располагалась на левом высоком обрывистом берегу безымянного ручья, представляющего собой остатки реки, основная часть древнего русла которой в настоящее время покрыта лиственным лесом. Площадь участка, занятого 58 горнами, составляла 20 м². Они также располагались бессистемно и очень плотно примыкали друг к другу (рис. 3, *1*). Если первая площадка была обнаружена и пострадала в результате бульдозерных работ, то вторая была прикрыта более чем метровым слоем наносной почвы с возвышающейся в северо-западном направлении пашни и, за исключением одного шлачного конгломерата, выпавшего из обрыва, сохранилась полностью [18, с. 3—12].

Материалы этой площадки дали возможность реконструировать горн, применявшийся при экстенсивном способе производства железа. Он представлял собой котлован цилиндрической формы, углубленный в землю примерно на 60 см. Диаметр котлована составлял около 50 см. Стенки углубленной части горна обмазывались слоем глины толщиной 5—10 см. Над котлованом возводились стенки наземной части высотой до 30 и толщиной до 10 см. Диаметр наружной части горна примерно соответствовал диаметру углубленной части, причем стенки не сужались, а стояли вертикально или даже расширялись подобно венчикам сосудов (рис. 3, *2*). Наряду с почти полностью сохранившимися горнами над некоторыми конгломератами обнаружены развалы наземных частей горнов, из которых представляют большой интерес два обломка с отверстиями для воздухоподачи. Первый фрагмент найден над горном № 13. Он изготовлен из серой глины с большой примесью кварцита. Нижняя часть его ошлакована полукругом. Она уплотнена так, будто бы была установлена на чем-то плоском и твердом. Боковая часть с выступающим на 2 см полукружием воздуходувного отверстия покрыта шлаками. Диаметр канала, сохранившегося на длину 4 см, составляет 2,5 см. С внутренней стороны канал

на длину 3 см также ошлакован. Воздуходувное отверстие находится под небольшим углом к нижней плоскости фрагмента. Свободные от шлаков участки глины имеют светло-розовый цвет, что свидетельствует об их сильной обожженности (рис. 2, *2*). Второй фрагмент обнаружен над горном № 17. Он также изготовлен из глины с большой примесью кварцита. Нижняя часть фрагмента уплотнена и ошлакована полукругом. Ошлакована и боковая часть с устьем воздуходувного отверстия. Диаметр отверстия 3 см, сохранившаяся длина канала 5,5 см. Канал наклонен к нижней плоскости под углом в 45° (рис. 2, *3*). Несмотря на то что фрагменты найдены в разных местах, морфологически они очень близки друг другу. По всей видимости, эти приспособления для подачи воздуха в горн (непосредственно соплами их назвать нельзя) использовались неоднократно, что подтверждается составом глины, из которой их изготовили. Примесь кварцита в глине настолько велика, что одно из приспособлений можно было спутать с камнем. Эта примесь придала приспособлениям очень большую прочность, позволяющую извлекать их из стенок отработавших горнов для устройства в новых.

Обе исследованные под г. Умань площадки по классификации, принятой в польской археологической литературе, относятся к разряду неупорядоченных. Кроме фрагментов керамики позднезарубинецкого типа на пункте Умань I, кусков железистого кварцита и отдельных костей домашних животных, культурный слой площадок не содержал более никаких материалов. Следует отметить, что подобная слабая насыщенность культурного слоя характерна для всех комплексов металлургии типа Новоклиново.

Распространение экстенсивного способа получения железа на территории Украины в позднелатенское и римское время не явилось результатом местного развития техники железодобычи и связано с влияниями достижений западноевропейской черной металлургии, интенсивно совершенствовавшейся прежде всего в среде кельтских племен. Следует отметить, что кельтская металлургия основывалась не только на горнах одноразового использования. По устройству сыродутных печей исследователями выделяются три кельтских области черной металлургии:

1. Западнокельтская и британская, где сооружались горны разных типов — от плавильных ям до шахтных печей;

2. Среднекельтская, включающая Рейнскую область с Руром и Южную Германию, где строились наземные печи с мощной сферической шахтой и шлаковыпуском;

3. Северо-восточная кельтская область, включающая богемо-моравские и южнопольские районы, где преобладали углубленные в землю горны без шлаковыпуска [19, с. 16—17].

После упадка кельтской цивилизации последний тип горна широко распространился на территории расселения германских племен [19, с. 28], однако представление о высшей форме развития экстенсивного способа железодобычи дали исследования центра черной металлургии римского времени в Свентокшицких горах. В результате этих исследований было выяснено, что железодобыча в Свентокшиских горах велась на огромной площади — около 800 км². Остатки более чем 5000 сыродутных горнов размещались на рабочих площадках двух типов — упорядоченных, где выстраивались ряды из трех-пяти горнов, и неупорядоченных, где горны располагались бессистемно [20, с. 78] (рис. 2, *4*).

На основании изучения археологических и экспериментальных данных польскими археологами был реконструирован сыродутный горн, применявшийся при экстенсивной добыче железа. Он представлял собой сооружение, состоящее из наземной шахты, высота которой достигала 1 м и углубленного в землю котлована-шлакосборника [20, с. 65] (рис. 2, *5*). (Материалы, полученные в результате исследования Уманского и Новоклиновского центров, убеждают нас в ошибочности подобной реконструкции. По-видимому, основной рабочий объем горна заключался в его углубленной части, тогда как высота наземной шахты составляла не более 30 см.)

Объем производства сыродутного железа в Свентокшицких горах свидетельствует о решающей роли экстенсивного способа железодобычи в черной металлургии Средней Европы римского времени.

В проникновении экстенсивного способа железодобычи на территорию Украины можно наметить два этапа. Первый этап связывается с общим влиянием латенской культуры на население восточноевропейской части континента. Особенно ярко это влияние проявилось в Украинском Закарпатье, где оформилась закарпатская группа племен латенской культуры, оставившая после себя выразительные памятники, состоящие из поселений, погребений и крупных производственных центров. В последней работе, посвященной проблемам этой группы племен, В. И. Бидзиля, основываясь на тщательном изучении археологических и письменных источников, приходит к следующим интересующим нас выводам.

1. В последней трети I тысячелетия до н. э. в среде обитателей Украинского Закарпатья происходит существенная переориентация в хозяйственной деятельности, важными статьями которой явились масштабная добыча железа и производство железных орудий и крупные торговые операции с земледельческими племенами Подунавья;

2. Носителями латенской культуры в Закарпатье было местное население, которое существовало тут с VI—V вв. до н. э., но не исключено и проникновение определенных групп ремесленников кельтской этнической принадлежности [21, с. 177—178].

Последние, вероятно, и принесли на территорию Закарпатья технику экстенсивной добычи железа.

С общим крахом кельтской цивилизации и нарушением торгово-экономических связей, на рубеже нашей эры приходит в упадок и прекращает свою деятельность Закарпатский центр черной металлургии и металлообработки. Возрождению его, по-видимому, препятствовала масштабная добыча железа, особенно усилившаяся в римское время в Свентокшицких горах.

Таким образом, распространению экстенсивного способа железодобычи в глубинные районы Восточной Европы в последней четверти I тысячелетия до н. э. скорее всего помешала торговая ориентация населения Закарпатья на запад, в придунайские области, а также отсутствие продвижения кельтов за линию Карпатских гор.

Второй этап в организации экстенсивного способа железодобычи на территории Украины связан с изменениями в социально-экономической структуре европейского общества, которые явились результатом разгрома кельтских племен и распространения римского политического влияния.

Археологические исследования Уманского центра черной металлургии и остатков металлургии экстенсивного типа в Житомирской области далеки от завершения (в последнем случае не понятна ни культурная принадлежность, ни хронология памятника), и поэтому делать какие-либо окончательные выводы о причинах их возникновения рано. Вполне вероятно, что их появление в Центральной Украине каким-либо образом связано с продвижением племен пшеворской культуры.

При изучении Свентокшицкого и Новоклиновского центров наблюдается ряд закономерностей, которые, с одной стороны, обеспечивали нормальное функционирование этих комплексов, а с другой — привели к прекращению их деятельности. Прежде всего и Новоклиновский, и Свентокшицкий центры организовывались на границах крупных политических объединений, основанных на классовой дифференциации общества. Масштабы производства железа на этих центрах свидетельствуют о его рыночном характере. Последнее в свою очередь предполагает наличие стабильных торговых путей и рынков сбыта. Собственно, прослеживается выразительная структурная линия производства и сбыта металлургической продукции — металлург—кузнец—торговец—потребитель. С изменениями политической обстановки, с переходом от мирного существования разнокультурных племен к конфронтации и открытым военным действиям, с дестабилизацией торговых путей и связей спрос на металлургическую продукцию падает или сокращается до минимума и в свою оче-

редь отпадает необходимость в существовании крупных ремесленных центров. Для Новоклиновского комплекса губительным фактором оказалась борьба между Римом и кельтами. Свентокшицкий комплекс прекратил свое существование после разгрома Римской империи германскими племенами. Что явилось причиной ликвидации Уманского центра, позволят уточнить будущие исследования. Совершенно определенно можно сказать, что секреты экстенсивного способа добычи железа к середине I тысячелетия н. э. на Украине забываются, и он не находит своего дальнейшего продолжения. (Один шлачный конгломерат был выявлен на многослойном поселении у с. Завадовка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл., где отмечен мощный слой черняховской культуры [22, с. 54]. Однако широкие археологические исследования, проведенные на поселении в 1978 г., не дали повторных находок [17].) Какие факторы лежали в основе этого процесса, на наш взгляд, можно выяснить при сравнительной характеристике экономичности и социальной организации производства железа, основанного на экстенсивном способе и способе, базирующемся на использовании стационарных сыродутных печей. Следует отметить, что во многих работах, касающихся изучения древней металлургии железа, делаются попытки определить объем производства того или иного железодобывающего центра, однако полученные данные не имеют под собой достаточных оснований, а поэтому выглядят не убедительно. С другой стороны, этим определениям мешает недостаточность в археологическом исследовании ряда памятников. Нельзя также забывать, что, обращая внимание на продуктивные способности тех или иных центров, следует учитывать разницу между возможным объемом и действительным производством сыродутного железа. Установить эту разницу трудно, так как если максимально возможный объем производства зависит от технических характеристик металлургической печи, то действительный объем изготавливаемого железа диктуется потребностями общества, в котором функционирует определенный центр.

Для выяснения продуктивности известных нам по археологическим данным сыродутных печей прежде всего требуется определить их рабочие объемы. Это может быть сделано по формуле, позволяющей определить объем усеченного конуса $\pi h/3(R^2+r^2+Rr)$, где h — высота, R — радиус окружности, лежащей в основании печи, r — радиус окружности колошниковой части горна. Подставляя известные нам данные в формулу, мы получим, что рабочий объем лютежской печи составлял около 0,1 м^3. Рабочие объемы новопокровского, ремезовских и ямных горнов из комплексов типа Новоклиново — Свентокшицы соответственно будут составлять: печь из с. Новая Покровка — до 0,15 м^3, ремезовские горны из сооружения II — до 0,05 м^3 каждый, из сооружения XII — до 0,033 м^3, ямный горн из центров типа Новоклиново — Свентокшицы — до 0,15 м^3. Следующим необходимым условием является установление весового количества материалов, загружаемых в сыродутную печь известного нам объема. При этом следует учитывать, что между кусками руды и древесного угля, помещенных в печь, имеется определенное пространство, т. е. загруженные в горн руда и уголь представляют собой пористую структуру. Расчет весового количества материалов с учетом пористости можно произвести опытным путем. Для этого в ящик объемом 0,01 м^3 поочередно загрузим руду и уголь, что даст их вес для определенного объема. Взвешивание показало, что объем в 0,01 м^3 помещает либо около 2 кг древесного угля, либо около 20 кг руды. Рабочий объем лютежского горна составляет примерно 0,1 м^3. Следовательно, он может вместить либо 20 кг угля, либо 200 кг руды.

Исторические и экспериментальные данные показывают, что для нормального восстановления железа в процессе должно участвовать около 55% угля и 45% руды от общего веса загружаемых материалов. В 20 кг общего веса загружаемых материалов 55% угля будут составлять 11 кг, а 45% руды — 9 кг. Нам известно, что лютежский горн объемом 0,1 м^3 вмещает 20 кг угля, что соответствует 0,2 г на 1 см^3 рабочего объема, или 200 кг руды (соответственно 2 г/см^3). Таким образом, 11 кг угля

будут занимать 0,055 м³ объема, а 9 кг руды — 0,0045 м³. Следовательно, 20 кг руды и угля вместе займут приблизительно 0,06 м³ рабочего объема печи, или на 1 см³ будет приходиться до 0,35 г руды и угля вместе. Этот вес включает в себя 0,1925 г угля (55%) и 0,1575 г руды (45%). Исходя из этого, полная загрузка лютежского горна при данной пропорции будет составлять соответственно 19,25 кг угля и 15,75 кг руды. Путем таких расчетов полная загрузка печи из Новой Покровки (v — 0,15 м³) определяется в 28,87 кг угля и 23,02 кг руды. Для ремезовских горнов (v — 0,05 м³) полная загрузка будет составлять 9,62 кг угля и 7,87 кг руды на каждый горн сооружения II и 5,77 кг угля и 4,72 кг руды для горна из сооружения XII. В горны ямной конструкции с комплексов типа Новоклиново — Свентокшицы загружалось примерно 28,87 кг угля и 23,02 кг руды. Таким образом, приблизительная, пропорциональная по весовому составу компонентов загрузка сыродутных печей с известным нам рабочим объемом установлена. Однако исторические и этнографические данные свидетельствуют, что в ходе процесса восстановления железа через определенные промежутки времени в горн загружались добавочные порции руды и угля. Существование последнего приема в древней металлургической технике доказывается условиями работы горнов с комплексов типа Новоклиново — Свентокшицы. Польские археологи подсчитали, что для образования шлачного конгломерата весом до 100 кг необходимо переработать около 200 кг руды [20, с. 190]. Нам известно, что горны ямной конструкции с указанных центров в среднем имели рабочий объем до 0,15 м³ и в первую загрузку вмещали приблизительно 28,9 кг угля и 23 кг руды. Следовательно, для того чтобы получился шлачный конгломерат весом в 100 кг, таких добавочных загрузок рудой должно было быть не менее восьми (данные с учетом 10%-ного выхода железа). Время, необходимое на переработку такого количества исходных материалов, составляло около 20 ч.

В настоящий момент мы не знаем и не видим возможности определить сколько дополнительных загрузок производилось в горны Лютежского, Ремезовского и Новопокровского поселений. Поэтому полученные результаты являются минимальными. Для лютежского горна производительность с учетом 30%-ного выхода железа будет составлять не менее 4,2 кг кричного железа за одну плавку в день (плавок за рабочий день могло быть произведено несколько). Новопокровский горн за день мог дать не менее 6,9 кг железа. Ремезовские горны из сооружений II и XII давали соответственно не менее 2,3 кг для каждого из горнов сооружения II и 1,4 кг железа для горна из сооружения XII. Экспериментальными разработками установлено, что производительность печей, применявшихся при экстенсивном способе железодобычи, составляла до 20 кг кричного железа с каждого горна рабочей площадки [20, с. 192].

Несмотря на то что каждый горн при экстенсивном способе давал железа больше, чем стационарная печь, работа с таким горном была трудоемкой и требовала значительных коллективных затрат труда. Рабочие площадки Новоклинова, Свентокшиц и Умани обслуживались общинами металлургов, коллективная работа которых предусматривала и коллективное распределение продуктов, полученных в результате реализации изготовленного железа. Способ железодобычи, основанный на использовании стационарных печей, не требовал коллективных затрат энергии и соответственно коллективного распределения. Стационарная печь могла обслуживаться 2—3 работниками, являющимися членами одной семьи. Следует также учитывать и то, что к середине I тысячелетия н. э. процесс имущественного расслоения общества усиливается, а это в свою очередь не могло служить фактором, способствующим объединению в ремесленном производстве. Гайворонский центр раннеславянской металлургии является ярким примером развития последнего способа железодобычи на территории Украины во второй половине I тысячелетия н. э.

Металлургический комплекс располагался на безымянном острове р. Южный Буг между с. Солгутов и г. Гайворон Кировоградской обл. Во время раскопок здесь было открыто 4 агломерационных и 21 сыро-

дутная печь. Металлургические печи представляли собой наземные шахтные сооружения, круглые или слегка овальные в плане, с внешним диаметром до 40—45 см.

В нижней части горна устраивалось отверстие, через которое вынималась крица. В шести горнах с противоположной отверстию для выемки крицы стороны были зафиксированы отверстия для воздухоподачи. Для примера приведем описания горна № 2. Колошник его имел цилиндрическую форму (внешний диаметр 30—32 см). Основание печи на 18—20 см было углублено в землю. Стенки горна сохранились на высоту 62 см. В нижней части печи зафиксировано отверстие для выемки крицы. В противоположной стенке на высоте 45 см от древнего горизонта размещалось отверстие для воздухоподачи (рис. 1).

На основании раннеславянской керамики и других предметов, содержавшихся в культурном слое, Гайворонский центр датируется VI—VII вв. н. э. [23, с. 125—135].

Таким образом, процесс развития черной металлургии на Украине в конце I тысячелетия до н. э.— середине I тысячелетия н. э. шел по нескольким направлениям. В рассматриваемый период здесь совершенствовались экстенсивный способ железодобычи, появление которого связано с влияниями достижений западноевропейской техники, и способ, который в противоположность первому можно определить как интенсивный, основанный на использовании стационарных сыродутных печей и сложившийся в условиях исторического развития местного населения. Экстенсивный способ в силу ряда причин социально-экономического характера на общем фоне совершенствования восточноевропейской металлургии носил локальный характер и не нашел своего дальнейшего применения. Со второй половины I тысячелетия н. э. в Восточной Европе и на Украине, в частности, окончательно утверждается интенсивный способ железодобычи, который и сохранился вплоть до позднейших исторических времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкін О. І.* Поселения білогрудівського типу біля Умані.— Археологія, 1951, т. V.
2. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова дука, 1976.
4. *Брайчевская А. Т.* Железоплавильный горн в Новой Покровке (по материалам раскопок И. Ф. Левицкого).— КСИА АН УССР, 1956, № 6.
5. *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Докт. дис.: ИА АН УССР, 1965.— Архив ИА АН УССР, ф-12.
6. *Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии.— КСИА АН СССР, 1961, № 91.
7. *Фабриціус І.* Тясминська експедиція.— АП, 1949, т. II.
8. *Пачкова С. П.* Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ: Наукова думка, 1974.
9. *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наукова думка, 1975.
10. *Брайчевський М. Ю., Довженок В. И.* Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье.— МИА, 1967, № 139.
11. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья.— МИА, 1960, № 89.
12. *Тиханова М. А.* К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре.— КСИА АН СССР. 1974, № 140.
13. *Кропоткин В. В., Нахапетян В. Е.* Новый центр железоделательного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга.— СА, 1976, № 3.
14. *Pleiner R.* Exstensive eisenverhuttungsgebite im freien Germanien.— Im: Symposium ausklang der latenezivilisation und anfange der germanischen besiedlung im mittleren donaugebiet. Bratislawa, 1976.
15. *Винокур И. С.* Краткий отчет об археологической разведке на р. Тне (правом притоке р. Случь) и о раскопках на раннеславянском поселении у с. Пряжев Житомирской области в 1956 г.— Архив ИА АН УССР, 1956/22.
16. *Бідзіля В. І.* З історії чорної металургії Карпатського узгір'я рубежу нашої ери.— Археологія, 1970, т. XXIV.
17. *Бидзиля В. И., Недопако Д. П., Воляник В. К.* Отчет о работе историко-технической экспедиции за 1978 г. Архив ИА АН УССР, 1978/22.
18. *Бидзиля В. И., Недопако Д. П., Паньков С. В.* Отчет о работе историко-технической экспедиции за 1979 г. Архив ИА АН УССР, 1979/23.

19. *Pleiner R.* Die eisenverhuttung in der «Germania Magna» zur romischen Kaiserzeit. Berlin, 1965.
20. *Bielenin K.* Starozytne gornictwo i hutnictwo zelaza w Gorach Swietokrzyskich. Warszawa, Krakow, 1974.
21. *Відзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ: Наукова думка, 1971.
22. *Відзіля В. І.* Чорна металургія стародавніх східних слов'ян.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ: Наукова думка, 1969.
23. *Відзіля В. І.* Залізоплавильні горни середини I тыс. н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. XV.

S. V. Pankov

ON THE DEVELOPMENT OF FERROUS METALLURGY IN THE UKRAINE AT THE END OF THE 1st MILLENNIUM B. C.-FIRST HALF OF THE A. D. 1st MILLENNIUM

Summary

Recent archaeological investigations have revealed the fact that in the period under review the process of the development of ferrous metallurgy in the Ukraine was not homogeneous. Since the end of the 1st millennium B. C. two trends in the production of puddling iron had been developing and improving. The first trend consisted in the use of fixed bloomery furnaces which were regularly freed of slags. This method was based on more than a millennial experience in the ferrous metallurgy of the successive local tribes. It is vividly illustrated by the remains of iron production on the Sharpovo fortified settlement, the Lyutezh, Novopokrovsk and Remezovo settlements.

The last quarter of the 1st millennium B. C. saw the development of the extensive (as R. Pleiner put it) iron production method which consisted in using each furnace only once. Traces of pit furnaces filled with slag conglomerates are found in the Ukrainian part of the Carpathians, in the Zhitomir and Cherkassy regions.

The emergence of this method is connected by archaeologists with technological achievements of mid-European tribes. Due to the historical and socio-economic reasons the extensive method of iron production was spatially limited and by the A. D. mid-1st millennium it ceased to exist. In the later periods, up to the historic times, the local type of the iron production in fixed bloomery furnaces was constantly improved.

Заметки

МОРОЗОВ Ю. А.

КЛАД КАМЕННЫХ ОРУДИЙ НА р. УРШАК

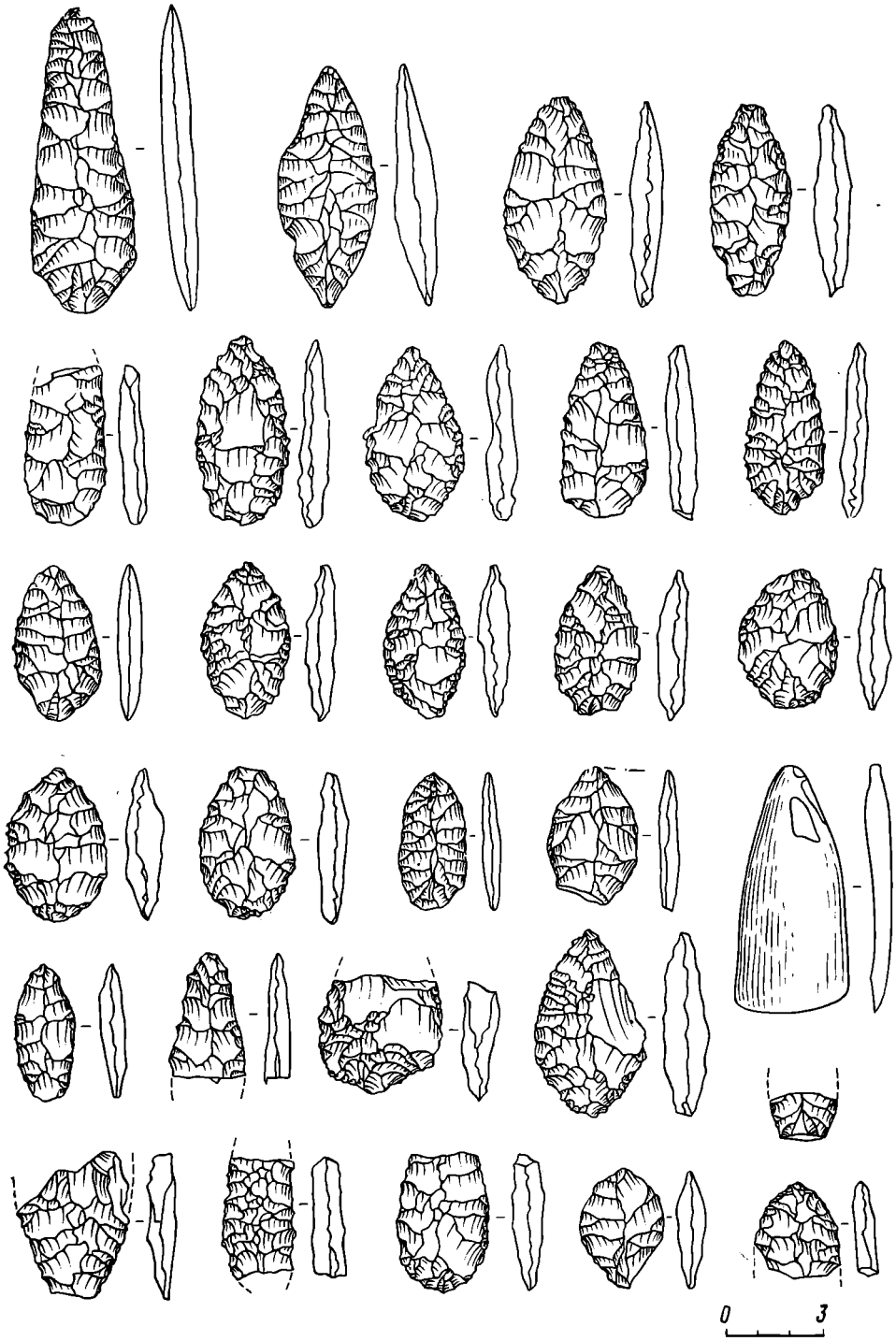
Во время раскопок поселения и могильника срубной культуры у дер. Чишма Кармаскалинского р-на Башкирской АССР учащиеся близлежащей Субханкуловской школы передали экспедиции два кремневых наконечника стрел без точного местонахождения. Было проведено обследование р. Уршак между названными населенными пунктами, расположенными друг от друга на расстоянии 3—4 км.

В 1,5 км к югу от дер. Чишма на невысоком останце, несколько выделяющемся над поймой и ограниченном старицей р. Уршак и глубокими промоинами, было обнаружено еще несколько кремневых наконечников стрел. В месте сосредоточения находок проведена зачистка обнажения и заложена контрольная траншея 10×2 м, которая имела следующую стратиграфию: под слоем дерна мощностью 7—10 см залегал чернозем, который на глубине 50—60 см подстилался материковой глиной. При раскопках установлено, что находки залегали компактным скоплением на глубине 35—40 см от поверхности. Всего обнаружено 20 целых и 13 фрагментированных наконечника, одно тесло, обломок песта и 10 сколов. Материалом для изготовления наконечников служила яшма зеленого, красного, серого и черного цветов и темный кремень зауральского происхождения. Основная форма наконечников листовидная, с округлым и приостренным основанием; три наконечника имеют намечающийся черешок. Обработаны орудия сплошной двусторонней ретушью (см. рисунок).

Тесло изготовлено из темно-зеленого сланца. Высота его 8 см, ширина лезвия 3,5 см, на внутренней стороне имеется желобок. Рабочая часть тесла и его поверхность тщательно зашлифованы.

Подобная коллекция наконечников (свыше 40 экз.) идентичной формы собрана в 1957—1958 гг. с поверхности Затонского селища, расположенного близ г. Уфы [1, с. 59—61, рис. 1, *3*]. Культурная принадлежность в связи с характером находок точно не установлена. Материалом для изготовления Затонской коллекции, так же как и Чишминской, служил темный кремень и яшма.

На памятниках Башкирского Предуралья, относящихся к эпохе камня,— Романовка II, Романовка III, Казангулово, Давлеканово, Какрыбашево, Кара-Якупово, Ильмурзино и др. кремневый инвентарь представлен изделиями из светло-серого окремненного известняка, морфологически отличающегося от зауральского. Ближайшей аналогией Чишминской коллекции являются наконечники стоянок Башкирского Зауралья — Ташбулатово I, Сабакты III [2, с. 15, рис. 4, с. 25, рис. 9, *3*, *5*, *9*; 3, с. 41, рис. 5, *11—14*, *19*], Мысовая, Суртанды III, Мурат [4, с. 111, рис. 15, *24—27*, *29*, *30 33*] и др., относящиеся к финальному неолиту.



Чишминская находка каменных орудий

На наш взгляд, Чишминскую находку следует считать кладом, зарытым в силу каких-то обстоятельств на останце в пойме р. Уршак пришлым зауральским населением.

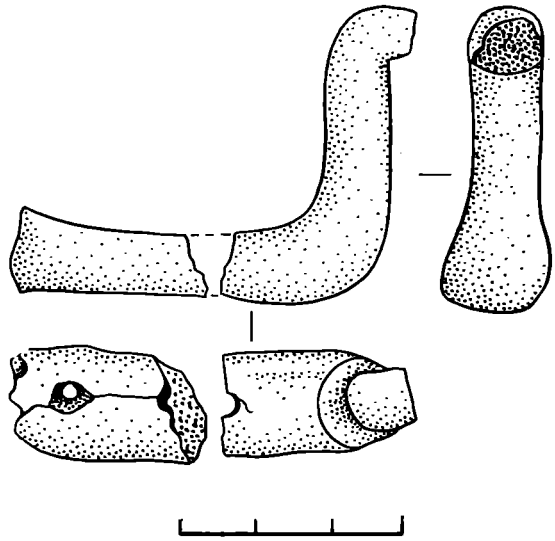
ЛИТЕРАТУРА

1. *Збруева А. В.* Затонское селище.— АЭБ, 1962, т. I.
2. *Матюшин Г. Н.* Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье.— В кн.: Древности Башкирии. М.: Наука, 1970.
3. *Матюшин Г. Н.* К изучению мезолита и неолита в Башкирии.— АЭБ, 1964, т. II.
4. *Матюшин Г. Н.* Некоторые итоги изучения каменного века на Урале.— В кн.: К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1978.

ЖУРАВЛЕВ А. П.

ГЛИНЯНАЯ ФИГУРКА ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ НА СТОЯНКЕ ИЛЕКСА I

При исследовании энеолитической стоянки Илекса I[1] у юго-западного угла жилища были обнаружены два фрагмента от глиняной фигурки, при склеивании которых получено скульптурное изображение водоплавающей птицы, напоминающей в общих чертах лебедя (см. рисунок). Фигурка изготовлена из валика диаметром 1 см, имеет хороший обжиг, светло-коричневый цвет и незначительную примесь мелкозернистого



песка к глиняному тесту. Длина ее 5,5 см, шея длинная (4 см), головка небольшая, обозначена плавным загибом (частично обломлена). Туловище слегка приплюснуто, посередине сделано два сквозных отверстия, назначение которых не вполне ясно. Возможно, они использовались для подвешивания. Задняя часть фигурки не сохранилась.

Находка является единственной в своем роде в этом ареале. Она дополняет известные изображения птиц эпохи неолита и энеолита на Европейском Севере.

---

[1] Стоянка расположена на правом берегу р. Илексы в 2 км к северу от оз. Водлозера (раскопки автора, 1975 г.).

КИЯШКО А. В., МАМОНТОВ В. И.

ПОГРЕБЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕРЕЗОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

В 1968 и 1975 гг. Приволжский отряд ЛОИА АН СССР произвел раскопки Березовского курганного могильника. Курганы располагались на первой террасе р. Бузулук в 2 км к северо-западу от г. Новоаннинска (ж. д. станция Филоново) Волгоградской обл. В могильнике было 28 курганов, в которых встречены погребения эпохи бронзы и раннего железного века.

Среди 14 могил катакомбного времени по инвентарю выделяется погребение из кург. 10 (рис. 1, *1*). Оно было единственным под пологой силь-

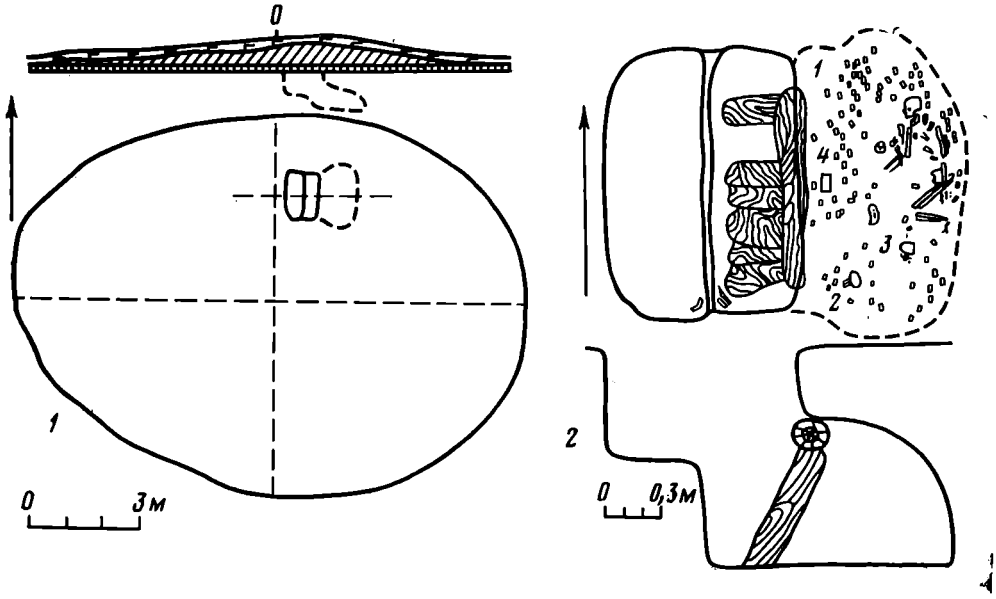


Рис. 1. Березовский курганный могильник. *1* — план кург. 10; *2* — план погр. 1 из кург. 10

но распаханной насыпью (высота 0,6, диаметр 13 м). Прямоугольный входной колодец ориентирован длинной осью по линии север— юг. У основания его восточной стенки находился ступенчатый вход в подбой (рис. 1, *2*). На ступеньке были зафиксированы кусочки древесного угля, в ее южной части, а также на дне могилы у основания ступеньки, расчищены фрагменты коровьей челюсти.

Вход в подбой заслонял ряд наклоненных полуобожженных плах. Нижними концами плахи упирались в дно ямы, недалеко от основания, а верхними — в толстую слегу, расположенную горизонтально под краем сводчатого потолка камеры. Длина подбоя 1,7, ширина 0,9, высота 0,86 м. В заполнении подбоя (песок, частички супеси) встречены следы мелких угольков. Дно могилы посыпано мелом, устлано тонким слоем древесного тлена (волокна шли перпендикулярно оси подбоя), густым слоем красной охры. Общая глубина ямы от входа до дна 1,12 м.

Скелет молодой женщины лежал в подбое в скорченном положении на правом боку, лицом ко входу, головой на север. Кости левой полусогнутой руки перекрывали грудную клетку. Кости правой руки, согнутой в локте, располагались перед грудной клеткой. Поверх костей правой руки покоился скелет младенца, лежавшего в скорченном положении на левом боку, лицом к матери, головой на север. Кости погребенных не окрашены.

В подбое вокруг костяков были разбросаны 118 бараньих астрагалов. В южной части подбоя у входа лежала курильница (рис. 2, *1*). Она представляет собой конусовидную чашу (диаметр 17 см) с внутренним отделением для угольков, на четырех длинных ножках, основания которых переходят в четырехлистник. Высота курильницы 12,5 см. Все ее тулово орнаментировано рядами углублений, сделанных палочкой, которые составляли углы, разделенные линиями двойной тесьмы. На ножках имелись следы потеков коричневой краски. Подобные натеки не раз отмечались на керамике катакомбного времени [1, с. 128].

Несколько ниже колен погребенной стояла жаровня, сделанная из стенки большого лепного сосуда (рис. 2, *2*). Глина хорошо отмучена, с небольшой примесью песка. На сохранившейся части фрагмента (размеры 6,5×4,8 см), идущего к венчику, имеется четыре ряда углублений, сделанных концом палочки. Переход в тулово выделен валиком, покрытым углублениями, сделанными тем же штампом. Два аналогичных валика проходят по тулову. Внутренняя сторона фрагмента имеет следы сглаживания и нагара. На обломке от горшка лежали мелкие древесные угольки.

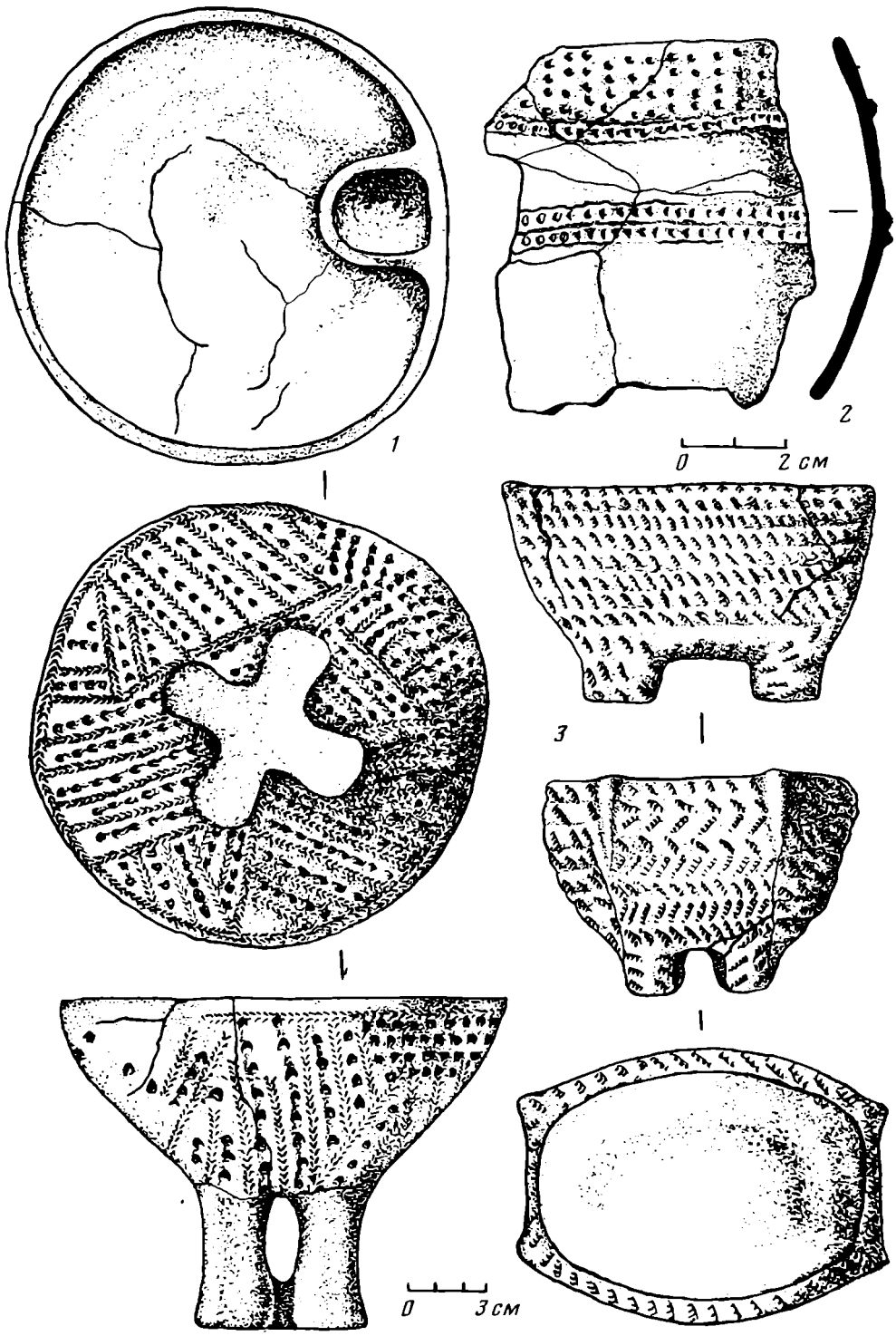


Рис. 2. Березовский курганный могильник. Вещи из погребения кург. 10: *1* — курильница, *2* — жаровня, *3* — «жертвенник»

Перед входом в подбой стоял «жертвенник»[1] из глины (рис. 2, *3*). Он представляет собой овальную чашу на четырех коротких ножках. Размеры чаши по венчику 10,4×14 см. Край венчика загнут вовнутрь и образует сверху широкую площадку. По узким сторонам венчик оканчивается небольшими выступами. По длинным сторонам тулова проходят горизонтальные валики треугольного сечения. «Жертвенник» орнаментирован штампом типа «личинка». Высота его 8 см.

[1] Термин «жертвенник» применяется условно.

Рассмотренный погребальный комплекс выделяется среди известных захоронений катакомбного времени Среднего Подонья, большинство которых совершено в обычных ямах или ямах с небольшим подбоем [2, с. 75—76]. Классическая форма подбоя, мощный и конструктивно сложный заклад входа, своеобразный могильный инвентарь — все это производит впечатление особого, хорошо продуманного ритуала.

Находка астрагалов — не редкость для катакомбных памятников. Однако такое количество, по имеющимся данным, обнаружено впервые. Интересно отметить, что в большинстве случаев большие наборы астрагалов происходят из могил, где имеется захоронение ребенка [3, с. 40, кург. 1, погр. 4; 4, с. 67, Архаринский могильник, кург. 9, погр. 3; 5, с. 222, Иловатка, кург. 4, погр. 1; 6, с. 211, Быково 1, кург. 15, погр. 1; 7, с. 79, Бережновка II, кург. 80, погр. 2]. Этот факт согласуется с назначением астрагалов как принадлежности какой-то детской игры [8, с. 63].

Оригинальной находкой является «жертвенник». Среди керамики культур катакомбного круга аналогичные изделия нам неизвестны.

Вполне возможно, что его изготовили и поместили в могилу в связи с захоронением ребенка. Ритуальное назначение чаши подтверждается асимметричностью орнаментации, часто встречающейся на катакомбных курильницах. Однако при сопоставлении с курильницами на четырех отдельных ножках выясняется, что «жертвенник» по ряду особенностей от них отличен. Он имеет вытянутую, почти прямоугольную форму, пары ножек далеко отстоят друг от друга, оригинально оформлен венчик. Даже тот факт, что он обнаружен в комплексе с курильницей, является противопоставлением «жертвенника» этой категории ритуальных сосудов, свидетельствует о какой-то иной функции.

Дату Березовского погребения, учитывая поздний тип найденной курильницы, можно определить, вероятно, в пределах второй четверти II тысячелетия до н. э. [9, с. 160].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейн Л. С.* К определению места курильниц в катакомбной культуре. В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского ун-та, 1962.
2. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
3. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.) — Тр. Калм. НИИЯЛИ, 1971, вып. 3.
4. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) Тр. Калмыцкого республиканского краеведческого музея, 1966, вып. 2.
5. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, № 60.
6. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
7. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1960, № 78.
8. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
9. *Егоров В. Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.

СЕМЕНОВ Вл. А.

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В САЯНАХ

Афанасьевская культура была выделена С. А. Теплоуховым и достаточно четко локализована им в долине Енисея от Красноярска до Означенного [1, с. 76—77]. Правда, при этом были учтены и находки афанасьевской по облику керамики в районе Бийска, Барнаула, Семипалатинска. Впоследствии могильники, принадлежащие к афанасьевской культуре, были исследованы на Алтае в бассейне р. Катуни [2, с. 304—305; 3, с. 272; 4, с. 261—262] и в Хакассии на левобережных притоках

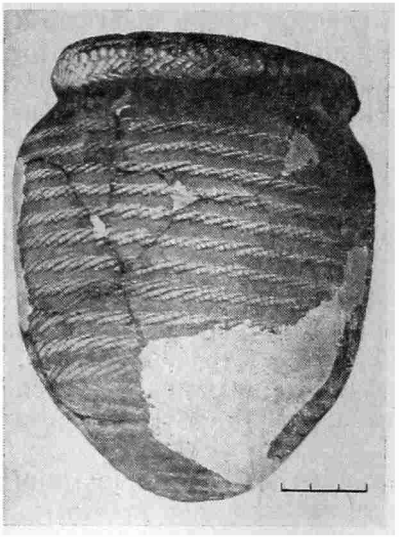


Рис. 1. Афанасьевский сосуд со стоянки Тоора-Даш

Абакана [5, с. 114—117; 6, с. 68—73; 7, с. 72]. Несмотря на эти значительные новые открытия, они были сделаны все же в традиционно принятом для афанасьевских племен регионе.

В последние годы в результате работ, проводимых Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР в Саянском каньоне Енисея, памятники афанасьевского времени были открыты на северо-западной периферии Тувинской АССР. Один из них — стоянка Тоора-Даш — расположен на правом берегу Енисея в 5 км ниже устья р. Хемчик, другой — стоянка Хадынных 1 — в 27 км ниже Хемчика, также на правом берегу реки.

На стоянке Тоора-Даш слой афанасьевской культуры залегает над четырьмя неолитическими слоями и перекрыт сверху двумя культурными слоями окуневского времени. Таким образом, отнесение данного слоя к афанасьевскому времени подтверждается стратиграфически. В настоящее время этот слой вскрыт на трех участках стоянки площадью около 100 м². В нем обнаружено значительное количество костей животных, керамика, а также галечные и кремневые отщепы со следами использования. Один из сосудов удалось реставрировать полностью (рис. 1). Он типично афанасьевской формы, с округлым дном и хорошо выраженной шейкой, венчик отогнут наружу, высота сосуда 16 см, диаметр по венчику 10 см. Орнамент выполнен оттисками короткого гребенчатого штампа, сплошь покрывающими все орнаментальное поле, разделенное с помощью вариаций композиций на четыре горизонтальные зоны: венчик, шейка, тулово и дно сосуда. Кроме того, на шейке имеются два круглых отверстия на расстоянии 3 см друг от друга. Вокруг отверстий керамика сохранила красный цвет, тогда как остальная часть сосуда серая или черная. Вероятно, здесь находилась заплата, скреплявшая треснувший венчик.

Другие сосуды представлены фрагментарно: один — обломком стенки с оттисками гладкого штампа, образующими редкий ёлочный узор; другой — придонной частью, причем в данном случае дно покрыто горизонтальными рядами наколов, нанесенных острым концом орнаментира, а тулово — оттисками зубчатого штампа (рис. 2, *6*). Фрагменты третьего сосуда (венчик, стенка и придонная часть) орнаментированы тем же штампом, что и сосуд на рис. 1, но оттиски его образуют не горизонтальные, а вертикальные ряды.

Небольшое количество афанасьевской керамики найдено также на склоне террасы и в пойме Енисея (рис. 2, *3—5*). Это не удивительно, так как стоянка размывается во время паводков и культурный слой подвергается разрушениям.

Керамика, подобная найденной на Тоора-Даш, имеется и на стоянке Хадынных 1. Здесь она залегала в слое № 3 со смешанным материалом, среди которого встречаются фрагменты окуневских, а возможно, и неолитических сосудов. Этот слой был отделен стерильной прослойкой от слоя гунно-сарматского времени и подстилался более ранним слоем с незначительным количеством находок. Смешение материалов третьего культурного слоя произошло в результате менее интенсивного по сравнению с урочищем Тоора-Даш накопления здесь осадочных пород.

Более 80 фрагментов одного из сосудов имеют орнаментальную композицию, сходную с орнаментацией сосуда с Тоора-Даш. Такие же оттиски короткого гребенчатого штампа опоясывают все тулово сосуда, завершаясь на дне спиральным завитком. Венчик отогнут наружу, по шейке проходит ряд неглубоких вдавлений (рис. 2, 1). Помимо большого сходства в орнаментации, у этого сосуда имеются и другие признаки, типич-

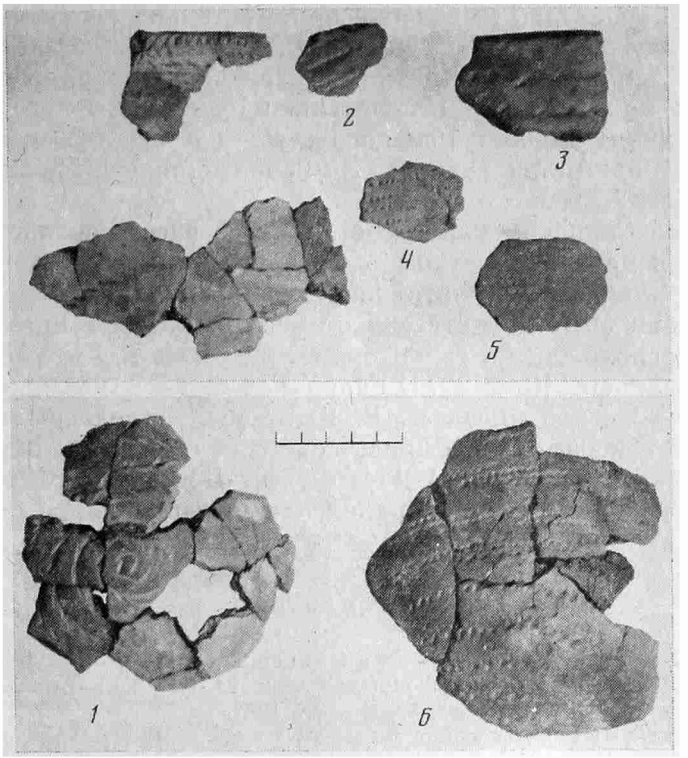


Рис. 2. Афанасьевская керамика: *1*, *2* — стоянка Хадынных 1; *3—6* — стоянка Тоора-Даш (*3—5* — подъемный материал, *6* — культурный слой)

ные для афанасьевской керамики и связанные с керамическими традициями. Он был слеплен из нешироких лент, соединенных встык таким образом, что нижний край верхней ленты охватывал верхний край нижней ленты. Прослеживаются вмятины от пальцев на лентах и имеется разлом по спаю дна с туловом. Все эти признаки, по мнению Л. А. Ивановой, характерны для афанасьевской керамики Минусинских степей [8, с. 251—253]. Орнаментация другого фрагмента (рис. 2, 2) сопоставима с декором одного из упоминавшихся фрагментов с Тоора-Даша (рис. 2, 6). Учитывая, что расстояние между обоими памятниками составляет 22 км, можно допустить, что обитатели Тоора-Даша могли останавливаться и на Хадынныхе 1.

Бросается в глаза характерная экологическая привязка памятников. Они расположены на правом берегу Енисея у подножия южных склонов гор, большую часть светового дня освещенных солнцем, что немаловажно в условиях глубокой теснины Енисея. Со стороны преобладающих ветров, дующих в каньоне «снизу вверх» относительно течения реки, обе стоянки прикрыты скалами. Кроме того, прилегающие безлесые склоны гор являются средой обитания сибирского козерога — одного из основных промысловых животных древнего населения Саян [9, с. 79]. Для раннескотоводческих коллективов, когда роль производящего хозяйства была еще незначительной, это обстоятельство могло оказаться чрезвычайно важным, так как горно-лесостепные ландшафты южной части каньона сочетают склоновые пастбища и охотничьи угодья, расположенные в непосредственной близости друг от друга. В силу этих причин неолитическое и энеолитическое население каньона зачастую последовательно селилось на одних и тех же местах. На стоянке Тоора-Даш, например, зафиксировано семь культурных слоев, причем удалось выделить доафанасьевский пласт, относящийся, по всей вероятности, к неолиту. Материалы, происходящие из него, представляют определенный интерес для решения вопроса о сложении самой афанасьевской культуры, так как указывают на возможные связи ее с предшествующим ей неолитом. В частности, в ряде афанасьевских орнаментальных приемов прослеживаются

неолитические традиции: выделение орнаментальных поясов, проходящих по венчику, шейке, тулову и дну сосуда; оттиски шагающей гребенки; расположение орнамента не только горизонтальными или вертикальными рядами, но и по диагонали относительно орнаментального поля сосуда. С другой стороны, можно предположить, что афанасьевская культура могла явиться одним из важных компонентов в формировании окуневской культуры в Туве.

Открытые в Саянском каньоне стоянки со слоем афанасьевской культуры являются на данном этапе исследований оторванными от ее основного ареала. Ближайший к стоянке Хадынных 1 афанасьевский памятник — могильник Летник — отстоит от него на 260 км ниже по течению Енисея. Он расположен на территории Хакасской АО в 2—3 км севернее поселка Означенное [10, с. 237]. Ранее о наличии памятников афанасьевской культуры в Туве писал Л. Р. Кызласов, исследовавший поминальные выкладки с керамикой афанасьевского облика на р. Шурмак (северный склон хребта Танну-Ола) [11, с. 74]. По-видимому, афанасьевская культура в Туве была распространена значительно шире, чем это представляется в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае.— МЭ, 1927, т. III, вып. 2.
2. *Сосновский Г. П.* Ойротская автономная область.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941.
3. *Посредников В. А.* Работы Горно-Алтайской экспедиции Алтайского университета.— АО — 1977. М., 1978.
4. *Окладников А. П., Погожева А. П., Молодин В. И.* Работы в Горном Алтае.— АО — 1978. М., 1979.
5. *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь.— СА, 1962, № 2.
6. *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в Хакассии.— КСИИМК, 1952, вып. XLVII.
7. *Липский А. Н.* Раскопки 1953 года в Хакассии.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
8. *Иванова Л. А.* О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культуры.— СА, 1968, № 2.
9. *Астахов С. Н.* Освоение территории Тувы в каменном веке.— Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)». Тезисы докладов. М., 1973.
10. *Трифонов Ю. И.* Работы в Туве и Хакассии.— АО — 1974. М., 1975.
11. *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы.— Вестн. МГУ, 1958, № 4.

ГРИШИН Ю. С.

ДУРОЙСКАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

В 1973 г. была опубликована небольшая заметка об открытии на р. Аргунь в юго-восточном Забайкалье Дуройской стоянки, характеризующейся значительными чертами своеобразия среди других забайкальских памятников неолитического типа [1, с. 81, 82]. Ее характеристика основывалась на небольшом подъемном материале. Гораздо более многочисленные материалы, полученные в результате произведенных раскопок, позволяют дать более полную характеристику этого интересного памятника, а вместе с тем внести и некоторые важные уточнения, в том числе существенное изменение датировки.

Стоянка расположена несколько южнее пос. Дурой, в западной части обширного и высокого мыса, вдающегося в долину р. Аргунь, у одной из ее небольших проток, в летнее время обычно превращающейся в небольшое озеро. В результате произведенных раскопок здесь были обнаружены отдельные плохо сохранившиеся выложенные из камня очаги (иногда сохраняющие округло-овальную форму), а также получено большое количество каменных изделий, керамики и др. Характерной особенностью данной стоянки является широкое использование в изготовлении

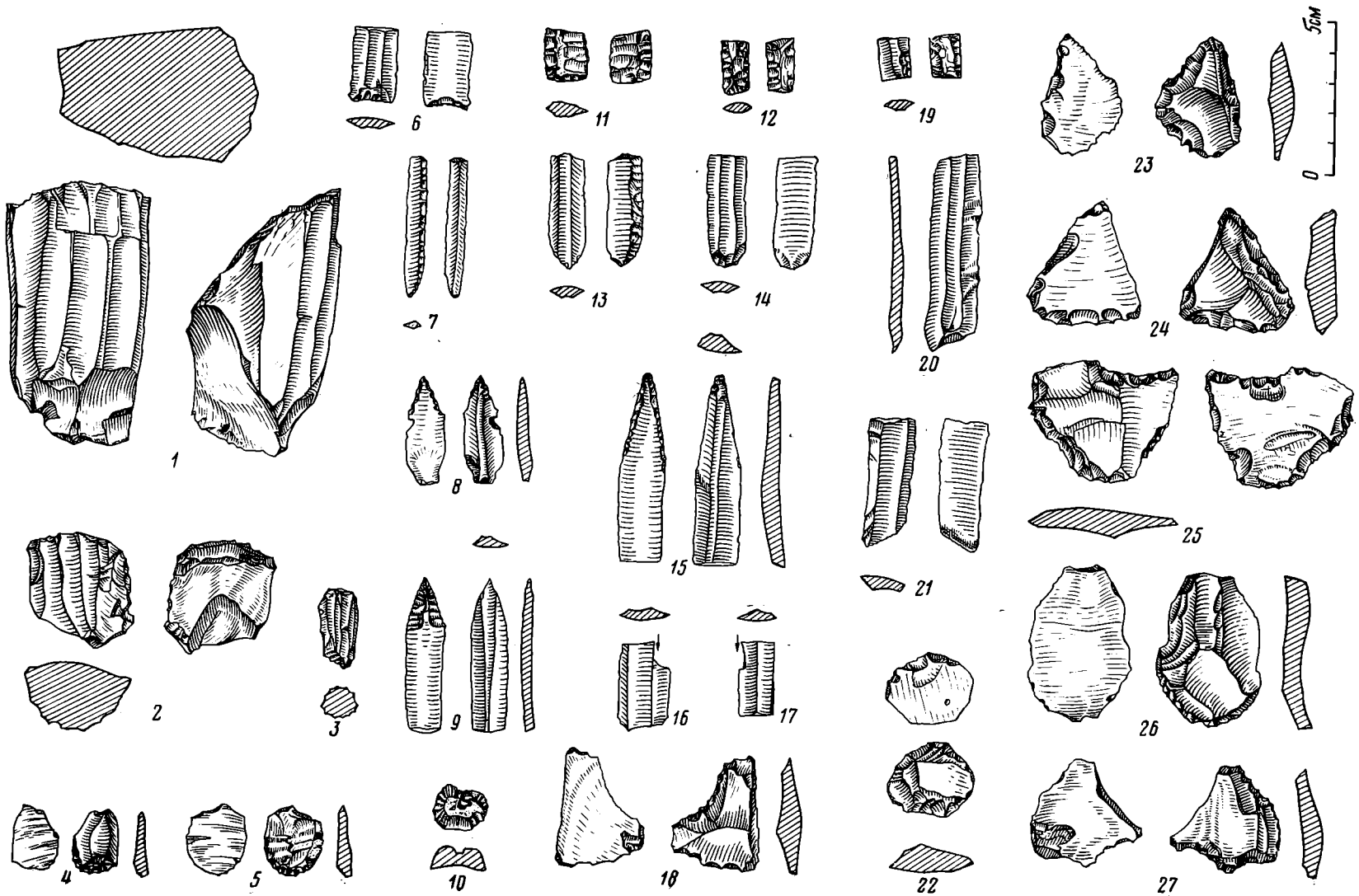


Рис. 1. Каменные изделия стоянки у пос. Дурой

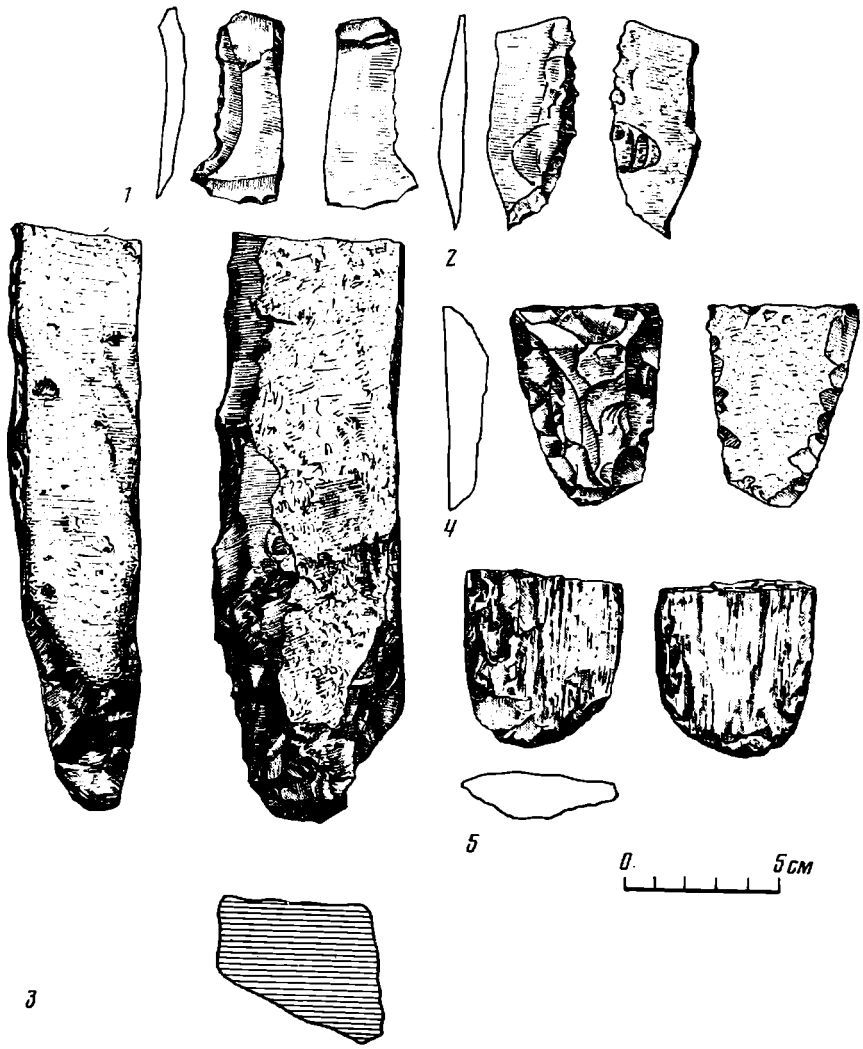


Рис. 2. Каменные изделия стоянки у пос. Дурой

каменных изделий материала, добывавшегося из коренных месторождений. При этом источники сырья, по-видимому, в значительной мере были не местные. На это обстоятельство, в частности, указывает широкое использование таких пород, как яшмовидный кремень зеленоватого цвета. Такой кремень является типичным для южных (монгольских) и более восточных районов и нигде больше не встречается [2, с. 89]. Об этом же свидетельствуют и изредка встречаемые изделия из черного обсидиана, который широко применялся в неолите Приморья, но иногда фиксируется также в каменном инвентаре неолитических памятников ближайших к Забайкалью районов Среднего Амура, в частности на стоянках громатухинской культуры [3, с. 198]. Само использование этих материалов уже указывает на значительную роль южных и восточных связей населения Дуройской стоянки.

В каменном инвентаре стоянки наблюдается сочетание мелких и крупных изделий, причем преобладающая часть первых была изготовлена из пластин и отщепов (рис. 1; 2). Сами пластины и отщепы имели различные размеры, но в отличие от материала с забайкальских неолитических стоянок многие из них были сравнительно крупными. Подсчет количества пластин и изделий из них показал, что они составляют менее одной трети, а отщепы и каменные изделия из них — более двух третей всего каменного инвентаря стоянки. Среди изделий, изготовленных из пластин, следует отметить острия и проколки «даурского» типа, выполненные с

ограниченным применением ретуши, преимущественно с брюшка, около самого острия; некоторые ретушированные и без ретуши (со следами работы) вкладыши или, судя по значительным размерам, самостоятельные ножички; отдельные угловые резцы и скребки; единичные наконечники стрел и их фрагменты, как ограниченно ретушированные по краям брюшка, так и тщательно ретушированные по всей поверхности, но также со стороны брюшка. Встречаются ножевидные пластины со скошенным подработанным краем (рис. 1, *6—9*, *11—17*, *19—21*). Нуклеусы, с которых снимались пластины, близки к призматическим, часто из сравнительно крупных кусков камня (рис. 1, *1—3*). Пластины, как правило, снимались с одной стороны. Некоторые из нуклеусов имеют скошенные площадки. По внешнему облику и сравнительно крупным размерам нуклеусы (так же как и снятые с них пластины) напоминают находки с неолитических поселений новопетровской культуры Среднего Амура. Это обстоятельство как будто подкрепляется частым использованием для изготовления пластин и отщепов одинаковой светло-серой породы камня [1]. Близки наши находки к отмеченной А. П. Окладниковым специфической группе нуклеусов стоянки Тамцаг-Булак в Восточной Монголии [4, с. 11—12, рис. 5, *1—4*] (со скошенными ударными площадками и углублениями в центре их). Встречаются также и небольшие нуклеусы подконической формы и галечные. Из отщепов же изготовлялись с помощью ретуши скребки (преимущественно концевые), орудия с боковыми выемками, скобели (рис. 1, *4—5*, *10*, *18*, *22—27*). Многие из них, особенно изделия с боковыми выемками, оформленными ретушью, близки к тамцаг-булакским [4, с. 15, 16, рис. 6, *2*; 7, *15*]. Были также обнаружены ножички со сравнительно крупной ретушью по краю (рис. 2, *1—2*). Из крупных каменных орудий отметим типичный тесловидный инструмент «громатухинского» типа, топоровидное массивное грубо оббитое орудие, крупный обломок терки, из мелкозернистой породы камня как в Тамцаг-Булаке [4, с. 16] и обломок песта из глинистого сланца (рис. 2, *3—5*), а также гальку с характерным опоясывающим ее желобком, скорее всего использовавшуюся в качестве грузила для сетей. Почти полное отсутствие предметов рыболовства при обилии рыбьих костей на стоянке, возможно, указывает на применение такого способа рыбной ловли, который широко использовался здесь современным населением пос. Дурой: в остающихся после весенних разливов Аргуни и почти полностью пересыхающих летом маленьких водоемах в ее широкой пойме рыба ловится руками.

Керамика стоянки в основном представлена фрагментами венчиков, стенок и крупных донышек сосудов темно-серого, темно- и светло-коричневого цвета, несколько более толстостенных по сравнению с обычной забайкальской керамикой неолитического и энеолитического типа (рис. 3, *1—4*). Эти сосуды либо гладкостенны, либо их поверхность покрыта штриховкой, оттисками шнура или ткани, отчасти напоминающей мелкую сетку-плетенку, доживающую, как теперь установлено, в ближайших районах на Байкале до энеолитического времени включительно [5, с. 53—55]. Венчики сосудов прямые (иногда слегка отогнутые), с округлыми или плоскими окончаниями; с внутреннего края их иногда окаймляет горизонтальный ряд оттисков гребенчатого штампа. На других местах сосудов орнамента нет. На некоторых фрагментах имеются просверленные отверстия. Помимо обычной характерной для забайкальской керамики неолитического типа примеси песка и иногда мелкого дробленого камня, в глиняной массе сосудов часто очень хорошо замечается примесь толченой раковины. Последняя, видимо, в значительной мере характерна для неолитической посуды Восточной Монголии (в частности, и керамических изделий упоминавшегося поселения Тамцаг-Булак) [6, с. 50].

На стоянке обнаружен также ряд пряслиц, изготовленных из черепков разбитых сосудов с просверленным отверстием в центре. Такие изде-

[1] Каменные изделия новопетровской культуры просмотрены мною в музее Института истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР.

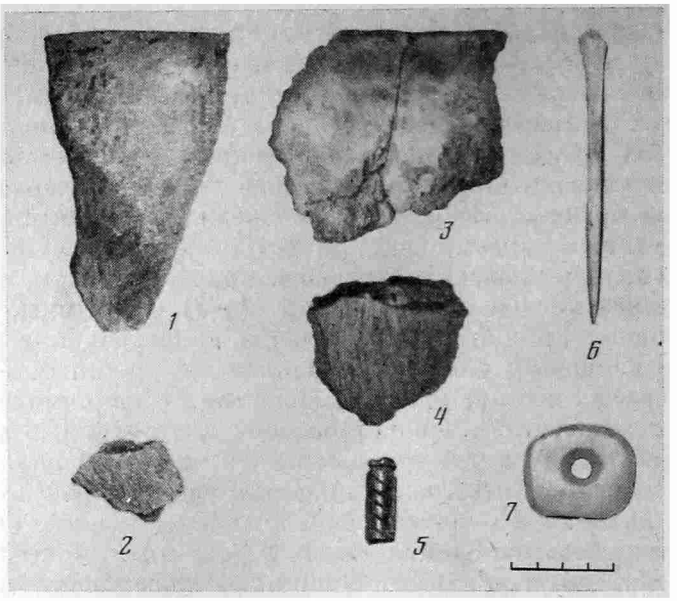


Рис. 3. Керамика, каменные и костяные изделия со стоянки (*1—6*) и погребения (*7*) у пос. Дурой

лия появляются в ближайших областях Юго-Восточной Азии в конце неолита и ранней бронзы, т. е. примерно в первой половине II тысячелетия до н. э.

Кроме описанной керамики в культурном слое стоянки были встречены единичные очень мелкие фрагменты тонкостенных сосудов, украшенные тонкими валиками, оттисками горизонтальных рядов гребенчатого штампа и штампа-лопаточки. Тонкостенная керамика явно отличается от основной массы керамики памятника. Керамика того же типа нередко обнаруживалась при закладке шурфов и небольших раскопов на многих других участках обширного Дуройского мыса. Она принадлежит к обычным малонасыщенным находками забайкальским стоянкам времени неолита и ранней бронзы.

Кроме описанных, на Дуройской стоянке встречены и отдельные другие изделия. Среди множества расколотых костей, некоторые из которых с острыми концами и без специальной обработки могли использоваться в качестве шильев или проколок, в одном из раскопанных каменных очагов было найдено и явно подработанное шлифовкой по граням четырехгранное шило из тонкого стерженька расколотой кости (рис. 3, *6*). Оно совершенно аналогично шлифованному костяному шилу, также с сохранившейся естественной головкой эпифиза с поселения Тамцаг-Булак [4, с. 7]. Здесь же была обнаружена и частично сломанная удлиненная цилиндрическая бусина или подвеска из мягкого серовато-красного камня с нарезным линейным спирально-витым орнаментом и глубоко врезанным горизонтальным желобком в верхней части, как бы выделяющим маленькую головку (рис. 3, *5*). Наиболее близкой ей аналогией является бусина из сборов, произведенных А. С. Лукашиным на неолитических поселениях бассейна Верхнего Амура, в районе Ананци [2, с. 108, рис. 17]. Наконец, на одном из участков раскопа был обнаружен мелкий металлический пластинчатый фрагмент, судя по всему — обломок рукояточной части бронзового ножа с округлым отверстием. Подобные простейшие пластинчатые ножи вполне могли появиться в местных условиях, учитывая данные ближайших соседних областей Прибайкалья и более восточных районов, уже с начала эпохи бронзы, т. е. с первой половины или середины II тысячелетия до н. э.

Остатки костей животных, обнаруженные на стоянке, принадлежат, по определению В. П. Данильченко, лошади или кулану, быку, косуле, собаке и какой-то птице. Если собака являлась домашним животным, то относительно лошади и быка определенно говорить об этом не представ-

ляется возможным, хотя А. П. Окладников и допускает наличие у жителей Тамцаг-Булакского поселения скотоводства [4, с. 20]. Тем не менее часть костных материалов определенно указывает на охоту и рыболовство, а немалое количество расколотых речных раковин — на сбор моллюсков.

При раскопках на территории стоянки было обнаружено разрушенное и полностью разграбленное погребение в виде могильной ямы, заваленной камнями, с выбросом камня и вокруг нее. Помимо извлеченных из ямы отдельных мелких костей человека вместе с остатками типичного инвентаря стоянки, среди камней выброса было найдено белое нефритовое тонкое плоское кольцо округленно-подквадратной формы (рис. 3, *7*). Аналогичные кольца известны из глазковских погребений Прибайкалья [7, рис. 79, *2*]. Не исключено, что в могиле был погребен один из жителей стоянки: такие факты отмечаются исследователями, в частности на упоминавшемся поселении Тамцаг-Булак [4, с. 2]. Но, учитывая отдельные находки инородной для стоянки керамики, обнаруженные и на месте выброса камней из могильной ямы, допустимо предположение, что именно они принадлежали погребению.

Небольшая часть подъемных изделий Дуройской стоянки, как указывалось выше, еще до проведения здесь раскопочных работ была опубликована в литературе, но из-за ограниченности имеющихся материалов датирована она была временем раннего неолита [1, с. 81—82]. В свете новых материалов эту датировку следует пересмотреть. Керамические пряслица, а также появление бронзовых изделий датируются не ранее первой половины — середины II тысячелетия до н. э. На возможность датировки Дуройской стоянки именно этим временем указывает также материал стоянки Тамцаг-Булак, близкий материалу Дуройской стоянки. А. П. Окладников датировал стоянку Тамцаг-Булак второй половиной III тысячелетия до н. э. Хронологически она должна была предшествовать Дуройской стоянке: основная масса орудий стоянки Тамцаг-Булак изготовлена из пластин, и, кроме того, здесь встречены лишь отдельные фрагменты керамических плиток, принадлежность которых к глиняной посуде не доказана [4, с. 18—20], в то время как на Дуройской стоянке найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов.

Любопытно, что на Тамцаг-Булакской стоянке были зафиксированы остатки углубленных в землю жилищ. Не исключена возможность, что такие же жилища при производстве новых больших раскопочных работ могут быть обнаружены и на Дуройской стоянке. Судя по насыщенности находками и сравнительной мощности культурного слоя — до 30—35 см, она, по всей видимости, относилась к долговременным поселениям.

Отмеченные черты своеобразия как в каменном инвентаре (широкое использование сырья южного и восточного происхождения, наличие значительного количества по сравнению с другими забайкальскими стоянками времени неолита и ранней бронзы изделий «даурского» типа на пластинах, своеобразных форм нуклеусов, орудий с боковыми выемками), так и в керамике (сравнительно толстостенная посуда с примесью толченой раковины, крайне бедно орнаментированная, иногда лишь с внутренней стороны вдоль венчика) Дуройской стоянки вместе с отдельными другими формами ее изделий (цилиндрическая каменная бусина или подвеска, находящая восточные аналогии) заставляют предполагать, что она является памятником иной культуры, нежели известные в настоящее время забайкальские памятники периода неолита и ранней бронзы. Вероятно ее отнесение к тамцаг-булакской культуре, недавно выделенной А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко для Восточной Монголии. Исходя из хронологических данных, Дуройскую стоянку следует относить к более позднему периоду культуры, чем сама стоянка Тамцаг-Булак.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гришин Ю. С.* Неолитическая стоянка на р. Аргунь.— КСИА АН СССР, 1973, № 136.
2. *Ларичев В. Е.* Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура.— МИА, 1960, № 86.

3. *Деревянко А. П.* Громатухинская культура.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970.
4. *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Тамцаг-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии.— Тр. Бурятского ин-та обществ. наук, 1970, вып. 13.
5. *Свинин В. В.* Энеолитический памятник на Шаманском мысу (Южный Байкал).— В кн.: Вопросы истории Сибири: Уч. зап. Географич. о-ва СССР. Восточно-Сибирский отдел. Вып. 4. Ч. I. Иркутск, 1971.
6. *Дорж Д.* Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор, 1971.
7. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III.— МИА, 1955, № 43.

ГЕРШКОВИЧ Я. П., ЕВДОКИМОВ Г. Л.

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Некоторые категории костяных изделий срубной культуры из-за малочисленности или отсутствия сведений о включающих их комплексах еще недостаточно полно используются в хронологических построениях и при выяснении направлений историко-культурных связей населения различных территорий. Среди сравнительно редких находок— небольших размеров изделия катушковидной формы. Новый и весьма выразительный экземпляр подобного типа был обнаружен в 1980 г. в курганном могильнике у с. Юбилейное, Цюрупинского р-на Херсонской обл.

В состав могильника, расположенного в открытой степи в 40 км от Днепра, входит 10 курганов. Исследованный курган (№ 1) имел высоту около 1,4 м от уровня древнего горизонта, насыпь овальной формы длиной около 40 м. Несмотря на хорошую сохранность погребенной почвы с четко выраженной линией древнего горизонта, никаких признаков или остатков основных погребений не выявлено.

Всего в кургане обнаружено 15 погребений: 10 срубных, опущенных с поверхности первой насыпи, 3 — неопределимых и 2 — позднекочевнических. Срубные погребения могут быть разделены на две группы (таблица).

Погребения группы I находятся в юго-западном секторе кургана. Их отличают несколько большие размеры могильных ям, в двух из которых обнаружены деревянные конструкции типа срубов. Положение костяков — скорченное на левом боку, головой на ЮВ или СВВ, в одном случае костяк расчленен. Установленная локализация захоронений этой группы и вполне определенные имущественные отличия (отметим еще, что только в них найдены кости животных) сопоставимы с полученными половозрастными определениями: все умершие— мужчины в возрасте от 45 до 65 лет [1].

Погребения группы II (детские, женское и мужское) находятся в северо-восточном секторе. Погребальные сооружения — обычные грунтовые ямы, положение костяков скорченное на левом боку, головой на В или СВ, в одном погребении — на ЮЗ.

В погр. 11 [2] возле рук обнаружен глиняный сосуд горшковидной формы с интересным принципом построения и репертуаром знаков орнамента (рис. 1). Врезными линиями переданы зигзаг, ромбы, углы. Внутри каждого ромба имеются дополнительные изображения в виде крестов, ромбов меньших размеров, направленных в разные стороны линий, свастики. Налицо смысловое, возможно, календарное содержание всей композиции, подобно отмеченной на сосуде из кург. 1 у с. Владимировки на Среднем Дону [1, рис. 17, *3*; 2, с. 70]. У правого колена погребенного найдено костяное изделие из трубчатой кости с продольным круглым сквозным отверстием диаметром от 0,9 до 1 см (рис. 2). Снаружи, в центре, вырезан

[1] Определения антропологов С. И. Круц, И. Д. Телегиной, П. М. Покаса.
[2] Это погребение как будто перерезает погр. 10, но полной уверенности в этом у авторов раскопок, Г. Л. Евдокимова и О. В. Витковского, нет, т. е. возможна и обратная стратиграфия.

Общая характеристика срубных погребений кургана 1 у с. Юбилейное

№ погребения	Место в кургане от Р			Погребальное сооружение		Костяк					Инвентарь				
	расстояние, м	угол	глубина, м	яма, м	сруб, м	ориентация	корпус	ноги *	пол	возраст	кости животных	сосуды	костяные изделия	охра	бусы
1	5	195°	2,16	1,86×1,60	1,75×1,40	СВВ	ЛБ	60° : 40°	Мужчина	55–65	+	+	–	–	–
7	11	200°	2,20	2,10×1,60	–	ЮВ	Расчленен		»	40–55	–	+	–	–	–
16	3,20	180°	2,30	1,41×1,10	1,36×1,03	ЮВ	ЛБ	60° : 30°	»	45–55	+	+	–	+	–
6	3,20	20°	1,60	1,27×0,95	–	В	ЛБ	90° : ?	Женщина	30–40	–	++	–	–	–
						В	ЛБ	?	?	Ребенок					
8	3,20	60°	2,20	1,15×0,88	–	СВ	ЛБ	50° : 30°	?	»	–	+	–	–	+
10	5,50	30°	1,80	1,45×1,25	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
11	5,0	30°	2,30	1,25×0,90	–	СВ	ЛБ	90° : 30°	Мужчина	40–50	–	+	+	–	–
13	3,0	90°	2,03	0,84×0,48	–	ЮЗ	ЛБ	?	?	Ребенок	–	+	–	+	–
15	0,50	0°	2,12	1,60×1,10	–	?	?	?	?	55	–	–	–	–	–
17	2,80	85°	1,72	1,25×0,90	–	В	ЛБ	50° : 20°	?	10–15	–	+	–	–	–

* Угол скорченности в тазобедренном и коленном суставе; ЛБ — на левом боку.

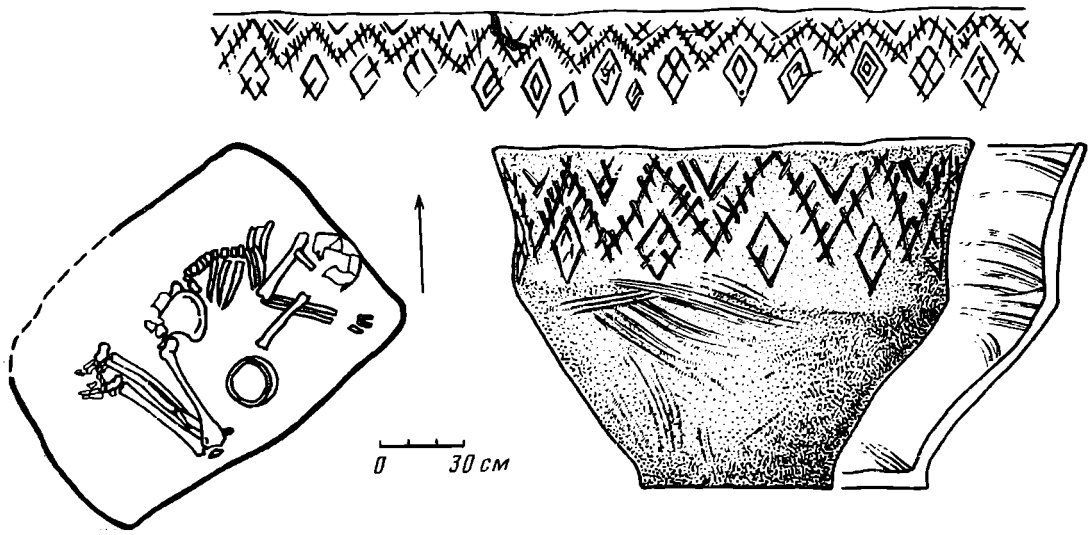


Рис. 1. Общий план и сосуд из погр. 11 кург. 1 у с. Юбилейное

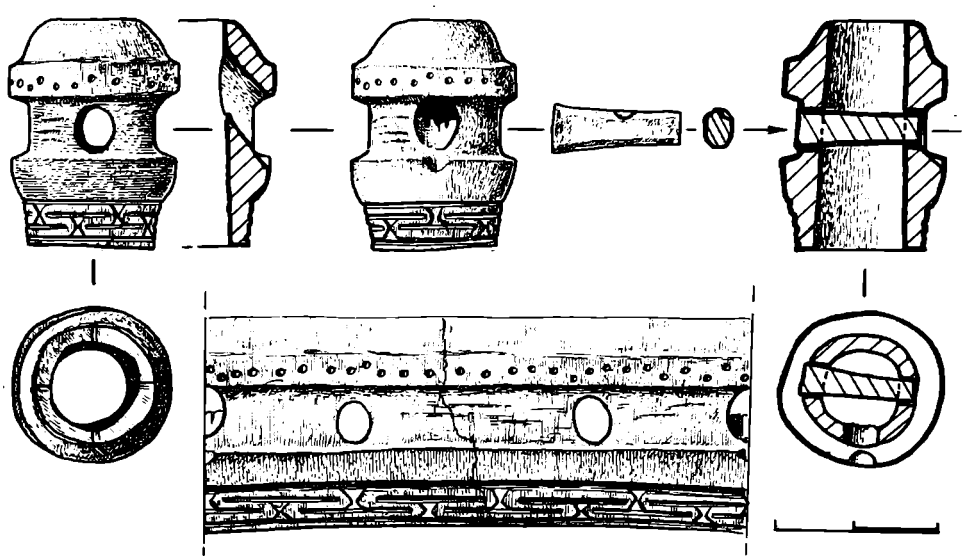


Рис. 2. Костяное изделие из погр. 11 кург. 1 у с. Юбилейное

желобок шириной 0,7 см с двумя круглыми отверстиями: одним поперечным с сохранившимся небольшим костяным стерженьком, другим — сбоку, направленным под углом снизу вверх. Между желобком и закругленной верхней частью выступает ободок шириной 0,4 см, украшенный небольшими точечными углублениями. Такой же ободок, но шириной 0,6 см, внизу, верхний его край задет при сверлении бокового отверстия. По нижней цилиндрической части нанесен врезной орнамент в виде четырех соединенных друг с другом меандровидных фигур, а по основанию — насечки.

Вопрос о функциональном назначении изделия неясен. Можно лишь предполагать, что в продольное отверстие вставлялась деревянная втулка, крепившаяся костяным стерженьком. Также в качестве конструктивного, т. е. функционально мотивированного элемента [3, с. 79], может быть понято боковое отверстие, через которое могла продеваться веревка и т. п. Нет никаких оснований видеть в описываемом предмете основную, а не дополнительную декоративную или составную часть какого-то инструмента или украшения из несохранившегося органического материала. Заметим, что морфологически близкие поделки предскифского времени считают горловинами от бурдюков [4, с. 192—193].

Находки подобных вещей в срубных погребениях Северного Причерноморья ранее не были известны. Аналогии происходят из более восточных областей — Донетчины [3], Нижнего Подонья [5, табл. VI, *5*], Поволжья [6, с. 376—377, рис. 44, *21*; 7, рис. 5, *3*, *4*]. Обращает на себя внимание довольно ранний в пределах эпохи поздней бронзы возраст этих изделий, о чем свидетельствуют хотя бы находки их в комплексе с бронзовыми ножами еще без выделенного перекрестия [7, рис. 5, *1*]. На раннесрубную принадлежность поделки из кург. 1 у с. Юбилейное указывает орнаментация, имеющая хорошо известные аналогии на изделиях конца раннего бронзового века Центральной Европы ($BA_1 - BA_2$, по П. Рейнеке), в частности на костяных цилиндрах [4] из Венгрии, Румынии, Сербии, Южной Моравии и Юго-Западной Словакии с эгейскими параллелями в шахтовых гробницах круга А конца среднеэлладского периода [9, с. 252, 253, рис. 5, 9, 18 (по Р. Гахману)], а также на памятниках Восточной Европы — от Северо-Западного Причерноморья до Южного Урала [10, с. 46—50].

В настоящее время выделение раннесрубных комплексов осуществляется в основном по данным курганной стратиграфии [11]. Такой подход обусловлен ломкой прежних устаревших представлений, построенных исключительно на основании типологии, и поэтому возражений не вызывает. Между тем некоторые типы и категории погребального инвентаря, особенно в том случае, когда стратиграфическая ситуация неясна, предоставляют не менее ценные данные для решения этого вопроса. К числу датирующих предметов, вероятно, могут быть отнесены и рассмотренные костяные изделия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
2. *Андриенко В. П.* О семантике орнамента сосуда из Владимировки.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
3. *Лебедев Г. С.* Археологический тип как система признаков.— В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
4. *Шаповалов Т. А.* Погребение предскифского времени в кургане Стрижена могила.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
5. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М.: Наука, 1974.
6. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
7. *Пестрикова В. И.* I курганный могильник у совхоза «Солнечный».— В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научн. тр. Куйбышевск. гос. пед. ин-та. Т. 220, Куйбышев, 1977.
8. *Bona I.* Die mittlere Bronzezeit Ungarn und ihre südostlichen Beziehungen. Budapest: Akademia Kiado, 1975.
9. *Bouzek I.* The Aegean and Central Europe. An introduction to the study of cultural interrelations.— PA, 1966, v. LVII.
10. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
11. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья — СА, 1978, № 3.

[3] Новые неопубликованные материалы Донецкой и Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР.

[4] Их функциональное назначение также не выяснено. Л. Мартон и И. Бона видят в них навершия кинжалов [8, с. 161].

БАБАЕВ А. Д.

КОРОПЛАСТИКА ЧИМ-КУРГАНА

(Северный Таджикистан)

На территории Северной Бактрии имеется ряд больших городищ кушанского времени. Одним из наиболее крупных является городище у пос. Шахринау, расположенное в Гиссарской долине (ТаджССР). Впервые оно было обследовано в 1947 г. М. М. Дьяконовым [1], а в 1955 г.— Е. А. Давидович [2]. Затем работы на городище проводились Э. Гулямовой [3]. А. М. Мухтаров опубликовал найденные на этом городище интереснейшие каменные капители [4].

Все эти работы показали перспективность раскопок на Шахринауском городище и в его округе.

На основании проведения тщательной археологической разведки были уточнены детали и размеры огромного городища —протяженность всех четырех стен равнялась 7 км, а внутренняя площадь равнялась приблизительно 350 га. Обилие находок — монет, керамики и других предметов, а также размеры строительного кирпича и других элементов строительства позволили заключить, что здесь находился крупный древний город. Каждая часть городища у современного населения имеет свое индивидуальное наименование. Так, например, две высоты в ее юго-западной части называются «Куш-тепе», группа возвышений в его северо-восточной части — «Катор-тепе». Объект, на котором в течение семи полевых сезонов начиная с 1971 г. проводили свои работы археологи Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина, находился в юго-восточной части Шахринауского городища и носит название «Чим-Курган», «Чим-Курган» расположен в 1,5 км северо-восточнее железнодорожной станции Чиптура. Чим-Курган состоит из четырех холмов, расположенных подковообразно, концы которых обращены на юго-восток.

Была раскопана группа помещений со своеобразным водоснабжением, извлечено большое количество керамики разнообразных форм, свыше десятка бронзовых монет, большая серия украшений, архитектурные детали (антефиксы с растительным орнаментом и человеческими изображениями), предметы, связанные с идеологией (многочисленные терракотовые статуэтки, изображающие женщин, мужчин и животных) [5].

Здесь мы позволим себе остановиться подробно лишь на одной категории находок, а именно на уникальных памятниках мелкой пластики, попутно привлекая другие археологические материалы как вспомогательные.

Терракотовые фигуры животных в большинстве представлены лошадьми. Это не случайно, так как в рассматриваемую эпоху на территории Средней Азии сильно был развит культ коня, связанный, очевидно, с вторжением на территорию древней Бактрии северных кочевых среднеазиатских народов — сначала саков, а вслед за тем юэджей.

Особый интерес представляют терракоты, изображающие женщину с ребенком. Первая фигурка (рис. 1) представляет собой стоящую женщину в богатом одеянии в широком платье (скорее халате), борта которого орнаментированы зигзагообразными линиями. На шее видны следы ожерелья, ниже которых два миндалевидных бантика. Отчетливо видны груди в виде двух шишкоподобных выступов. Левая рука поднесена к левой груди, правая опущена на голову стоящего впереди ребенка. Рукава оканчиваются ромбовидным силуэтом. Пальцы руки разведены. Сосок груди находится между указательным и большим пальцами. Ребенок стоит на полусогнутых ногах, руки согнуты, подведены под пах, ноги напоминают лягушачьи, отчетливо видны пальцы. Голова непропорционально велика, видны большие миндалевидные глаза, оттопыренные уши.

У женской фигуры голова отсутствует. Размеры статуэтки в целом— 6 см, ребенка — 3 см. Статуэтка изготовлена из теста хорошей отмучки, обжиг хороший, изготовлена матрицей, тыльная сторона подправлена ножом.

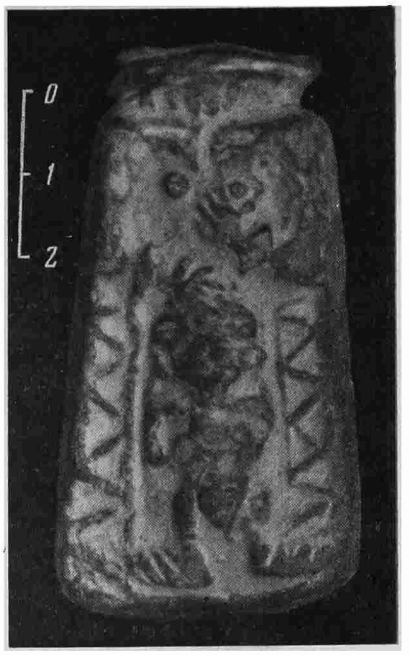


Рис. 1. Глиняная статуэтка женщины с ребенком

Вторая скульптура представляет сидящую женскую фигуру с выставленными вперед коленями. Ниже колен идет горизонтальная линия, по-видимому, подол платья. В верхней части также горизонтальная линия — ворот. На коленях лежит ребенок с высоко приподнятой головой. Ноги согнуты, руки небольшие по размерам, растопырены. Голова ребенка покоится на левой груди женщины. Правую грудь на уровне лица ребенка заменяет амфоровидный сосуд, нижняя часть его грушевидной формы, от верхней части сосуда отходит постепенно расширяющаяся горловина. Голова отсутствует. Размеры: длина 9, ширина 6 см. Статуэтка изготовлена матрицей, покрыта красным ангобом, тыльная сторона подправлена острым предметом. Данной статуэтке имеются некоторые аналогии, в частности, очень интересная находка сделана Л. И. Альбаумом в помещении 4 Балалык-Тепа. Это грушевидной формы стеклянный медальон, где изображена женская сидящая фигура, кормящая грудью ребенка. Ребенок изображен в полулежащем положении на ногах матери [6, с. 76—77, рис. 53]. Если сравнить нашу находку с находкой из Балалык-тепе, то можно заметить много общего, особенно в позе ребенка. Есть и отличительные черты — такие, как положение ног женщины. У чим-курганской фигуры ноги прямые, женщина как бы сидит на возвышении и свесила ноги, в то время как балалык-тепинская сидит на полу по-восточному, скрестив ноги. У балалык-тепинской фигуры правая грудь видна отчетливо, у чим-курганской правую грудь заменяет сосуд амфоровидной формы. И та и другая статуэтки являются воплощением культа богини-матери, богини плодородия, распространенного в древней Бактрии, как и во многих странах Востока.

Аналогичное явление отметила В. А. Мешкерис для Хорезма I—III вв. В этот период, как отмечает исследователь, в Хорезме появляются довольно крупные статуэтки сидящих женщин, часто с приподнятым коленом, иногда держащих на руках ребенка [7, с. 41]. Для Согда выявлен единственный иконографический тип, когда богиня изображается с ребенком [7, с. 25]. Образ богини с ребенком восходит к древнейшим прообразам женского божества, широко почитаемого на всем Востоке. Наиболее интересной иконографической чертой чим-курганской статуэтки является замена правой груди амфоровидным сосудом. Аналогичное, наиболее близкое иконографическое явление мы видим на изготовленной из светлой глины фигурке, обнаруженной в 1949—1953 гг. при раскопках Хорезмской экспедиции на Кой-Крылган-Калы. Статуэтка изображает женщину в плаще, украшенном каймой из кружков, с тонкой моделировкой складок широкого платья. В правой руке изображена миниатюрная амфора, в левой — чаша [8, с. 189, рис. 84/1]. С. П. Толстов, анализируя данное явление, отмечает: «Атрибуты статуэтки позволяют думать, что перед нами, по всей вероятности, изображение богини, связанной с вакхическим культом» [8, с. 188].

Фигуры мужчин представлены тремя разновидностями. 1. Небольшая глиняная статуэтка с протянутыми вперед и немного вверх руками, голова плоская, нос прямой, глаза и рот прочерчены острым предметом. Ноги отсутствуют. Персонаж одет в широкополый короткий кафтан. Над головой плоский оттиснутый диск, опускающийся к ушам. Создается впечатление, что на голове венец. Изготовлена от руки, тесто чистое, обжиг хороший, розовый. Высота фигурки 6 см.

2. Вторая представлена сидящей фигурой старца в остроконечном

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 2. Глиняная фигурка мужчины в остроконечном колпаке

Рис. 3. Каменная фигурка старца

колпаке, наушники опускаются на плечи. Обе руки подведены к животу и держат непонятный предмет, напоминающий рукоять короткого кинжала-акинака (рис. 2). На правой руке изображен браслет. Фигурка изображена одетой в простое, без орнамента, доходящее до колен платье, поверх которого накинут халат, видны отвороты, доходящие до пола. Обувь непонятна, но отчетливо видно, что изготовлена она из мягкой кожи, заметны широкие носки, которые загнуты вверх.

Тыльная сторона подправлена ножом. Основание неровное, неустойчивое — по всей вероятности, фигура прислонялась к стенке. Изготовлена из хорошего качества глины, обжиг отличный, покрыта темно-розовым ангобом. Высота статуэтки 11 см.

3. Третья фигура представлена каменной статуэткой и изображает старца с пышной длинной бородой (рис. 3). Отчетливо видны брови, застывшие глаза, приоткрытый рот. Рукава одежды довольно широкие, вследствие чего рук не видно. Руки согнуты и подведены под бороду к груди и опираются на посох, спина слегка сгорблена. Кое-где в нижней части сохранились подол одежды, заканчивающийся орнаментом в виде выступающих квадратиков. Затылочная нижняя часть фигуры отколота. Основание плоское, в центре процарапан знак «h». Высота фигурки 8 см.

Что касается первой терракотовой фигуры, то прямых аналогий нам найти не удалось. Единственно, что может помочь в датировке данной скульптуры, это нижняя часть одежды, которая напоминает подол кафтана того типа, что носили кушанские правители, особенно Канишка (если судить по монетам).

Особый интерес представляет вторая фигура, в частности головной убор — остроконечная кожаная шапка. По-видимому, здесь мы имеем образ одного из правителей кочевых племен. Об этом свидетельствует его гордая осанка, положение рук. Властитель прям, неподвижен. Это — исполненное достоинства, бесстрастное величие вождя или царя. Особый интерес представляет его головной убор — это типичный головной убор сакского типа, который хорошо известен по сообщениям древних авторов (В частности, Геродот, VII, 64.) и иконографическим источникам [9, с. 80—81], например по изображениям саков на персепольских рельефах. Для Средней Азии очень характерен в этом плане комплекс терракотовых статуэток из Самарканда, изображающих юношей в мягких заостре-

ных колпачках. Хорезмский воин III—II вв. до н. э. из Кой-Крылган-Калы носит на голове остроконечную шапку с развевающимися завязками [10, рис. 65/е]. Немало подобно одетых фигур найдено в самой Бактрии. Так, среди терракотовых фигур из Халчаяна (II—I вв. до н. э.) довольно много одетых в остроконечные шапки [11, с. 228]. Важными для нас в этом плане являются изображения на монетах поздних греко-бактрийских царей Аминтоса (около 100 г. до н. э.) и Гермея (I в. до н. э.), носящих заостренные, видимо, присущие локальной среде клобуки [12, p. 11, pl. XIV]. Очень интересно изображение, оттиснутое на терракотовом медальоне, найденном в культурных слоях I в. до н. э. в Халчаяне. На медальоне представлен царь — бородатый, в заостренной шапке с рельефной строчкой по краю. Лицо с недлинной, заостренной бородой [13]. В эпоху Великих Кушан подобное одеяние встречается и в скульптурах из Северной Индии. Так, на скульптурах из деревни Мат, вблизи Матхуры, зафиксированы типичные «скифские головные уборы» [13, с. 90].

Характерной чертой этой эпохи является одновременное использование в пластике различных материалов: в Бактрии наряду с глиной играет большую роль камень. Это видно по материалам раскопок главного династического храма в Сурх-Котале и в расположенном неподалеку небольшом буддийском святилище, где широко использовали глину и камень [14]. Это же мы видим на Чим-Кургане.

Таким образом, иконографический анализ позволяет отнести вышеописанные произведения малой пластики к кушанскому периоду, подтверждая тем самым датировку всего археологического комплекса из Чим-Кургана, сделанную на основании изучения археологических серий и нумизматических находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда.— МИА, 1950, № 15.
2. *Давидович Е. А.* О работах Гиссарского отряда в 1955 г.— Тр. АН ТаджССР, 1956, т. XII.
3. *Литвинский Б. А., Гулямова Э., Зеймаль Т. И.* Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.).— В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. Вып. IV. Сталинабад: Дониш, 1959.
4. *Мухтаров А. М.* Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау.— Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1966, № 3 (53).
5. *Бабаев А. Д.* Уникальные находки из Чим-Кургана.— АО — 1977. М., 1978.
6. *Альбаум Л. И.* Балалык-Тепе. Ташкент: Фан, 1960.
7. *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977.
8. *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, 1958, т. II.
9. *Мирошина Т. В.* Об одном типе скифских головных уборов.— СА, 1977, № 3.
10. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
11. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
12. *Gardner P.* The coins of the Greek and Scythic kings in Bactria and India. L. 1866.
13. *Пугаченкова Г. А.* Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна.— ВДИ, 1962, № 2.
14. *Schlumberger D.* The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India.— Proc. Brit. Acad., v. 47. L. 1962.

ОХОНЬКО Н. А., ОТЮЦКИЙ И. В.

БОГАТОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ У г. ЗЕЛЕНОКУМСКА

Эпоха так называемого «великого переселения народов»— сложный и малоизученный период. Его исследование затрудняет отсутствие достаточного количества археологического материала. И. П. Засецкой удалось выделить всего 65 памятников этого времени на территории Восточной Европы [1, с. 94]. Поэтому каждая новая находка представляет большой интерес, особенно если она найдена на территории слабо исследованной в археологическом отношении. К таким районам относится степное Ставро-

полье. Отсюда известно всего три пункта со случайными находками гуннского времени.

В 1924 г. директор Ставропольского краеведческого музея Г. Н. Прозрителев собрал следующие предметы, происходящие из Каряжского городища близ Ставрополя [2, с. 141—142]: 1) золотая фигурка дракона [3, с. 40]; 2) янтарные бусы (одна из бусин плоская, одна шаровидная, другие в обломках); 3) бронзовая миниатюрная пряжка; 4) серебряная пряжка с прямоугольным кольцом и неподвижным основанием, оканчивающимся стилизованными головками птиц; 5) золотая серьга «калачиком»; 6) круглая бронзовая бляха, обтянутая золотым листом и украшенная сердоликовыми и гранатовыми вставками [4, с. 236, табл. CI, *4, 5*; 5, табл. V, рис. на с. 52]; 7) два обломка подобных же блях; 8) обрывки золотой фольги.

При вторичном осмотре этого места Т. М. Минаевой были обнаружены человеческие зубы и кости, лошадиные зубы и два бронзовых колечка от седельной подпруги. Видимо, здесь находилось погребение с конем, в котором и были найдены перечисленные выше предметы.

Второй пункт находок гуннского времени отмечен у с. Воздвиженского Апанасенковского р-на Ставропольского края [6, с. 121—123, рис. 82—87]. Вещи обнаружены случайно. Это: 1) золотой колт, получивший в свое время широкую известность [6, рис. 87, рис. 99—100]; 2) крестообразная пластина с золотой накладкой, декорированной вставками и зернью; 3) три прямоугольные пластины, также украшенные вставками и зернью; 4) лунница. Обстоятельства находки в отчете не указаны.

Третий пункт с находками гуннского времени, сделанными в пределах Ставропольского края, точно не установлен [8, с. 148, рис. 177—178]. Из него происходят два золотых украшения с вставками из альмандинов и с зернью.

Этим исчерпываются уже известные находки гуннского времени с территории Ставрополья. На их фоне большое значение приобретает комплекс из погребения у г. Зеленокумска.

Весной 1980 г. в Ставропольский краеведческий музей поступило сообщение, что в окрестностях г. Зеленокумска при проведении планировочных работ в пойме р. Кумы рабочие наткнулись на древнее захоронение. По словам очевидцев, курганного возвышения на месте могилы не было. В могиле находились кости человека и лошади. Скелет погребенного лежал на спине, головой на восток. Лошадь располагалась несколько выше и правее. При погребенном рабочие нашли комплекс золотых и бронзовых предметов. В музей поступил ряд находок. Прежде всего это два крупных золотых украшения, декорированные по всей поверхности альмандинами (рис. 1, *1*). В литературе подобный тип украшений принято называть «кулонами», хотя назначение их до сих пор оставалось неясным. Каждый «кулон» состоит из двух частей. Нижняя часть, согнутая из золотого листа, образует полый квадрат. С лицевой стороны квадрат украшен пятью вставками из альмандинов овальной формы, а с оборотной — одной вставкой. По краям квадрата расположены бронзовые прутики (по три с каждой стороны), обмотанные золотой проволокой. Размеры нижней части 1,7×2,4 см. Сверху к квадрату припаяна роговидная фигура. Один конец «рога» заканчивается втулкой, а другой, закругленный, увенчан пирамидкой из зерни, которая соединяет конец «рога» с его внутренним краем. Вся фигура, так же как и нижняя часть, изготовлена из золотого листа и внутри полая. Поверхность украшена рядами вставок из альмандинов. Первый ряд проходит по всей длине «рога» и насчитывает 10 камней. Второй ряд заключен внутри первого и составлен из пяти более мелких альмандинов. Такое же расположение вставок наблюдается и на обратной стороне. Все пространство между вставками заполнено треугольниками из зерни. По внешнему краю «рога» припаяны лучи, состоящие из ребристых цилиндрических трубок с круглыми шаровидными головками. Головки сверху и с лицевой стороны увенчаны пирамидками из зерни. Количество лучей 20. С внешней стороны к 10 из них к боковым поверхностям шаровидных головок припаяны круглые петельки. На одной из

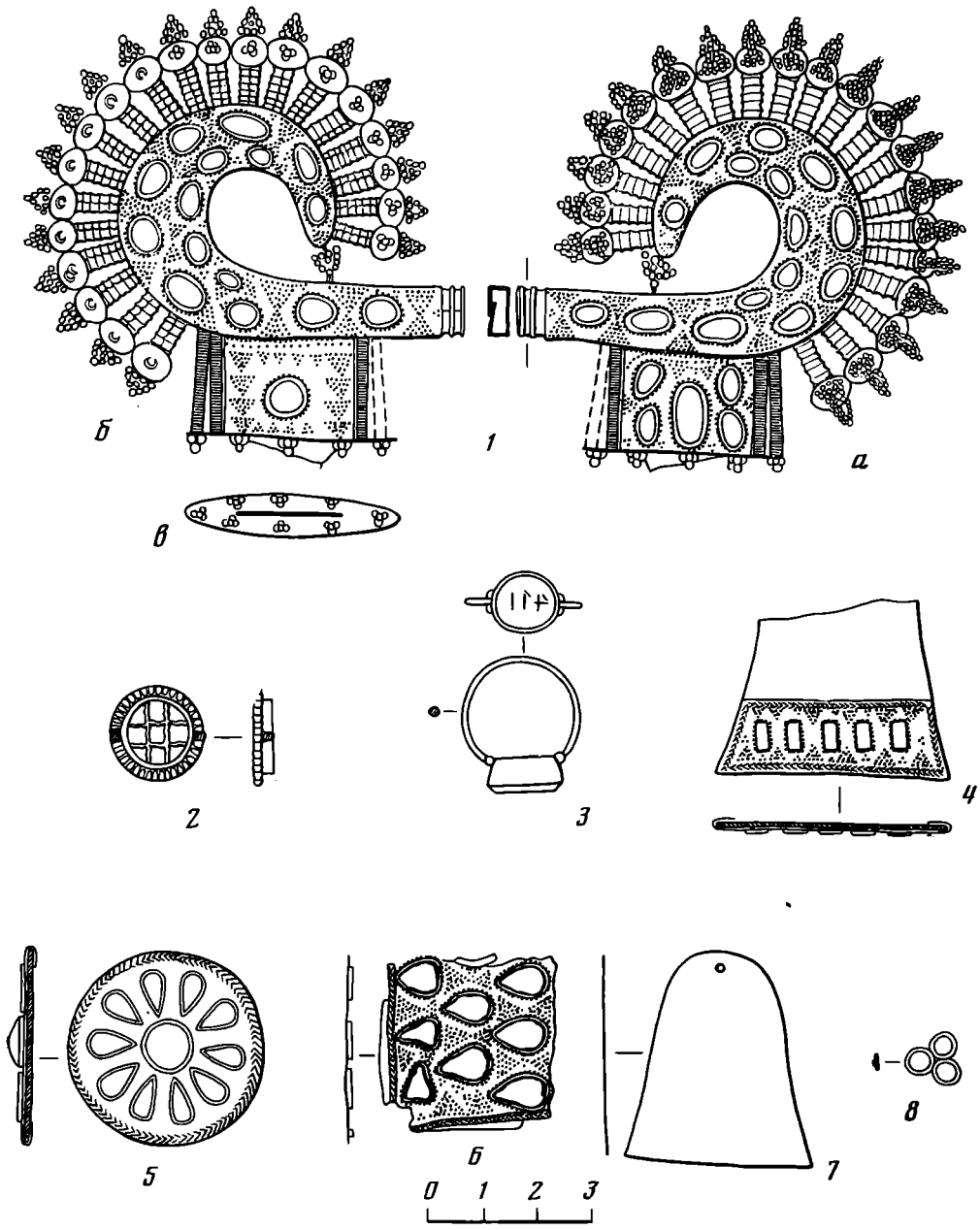


Рис. 1. Украшения из погребения у г. Зеленокумска: *1* — золотые колты с альмандиновыми вставками; *2* — золотая бляшка; *3* — золотой перстень с лазуритовой вставкой; *4* — бронзовая пластинка с золотой накладкой и лазуритовыми вставками, вставлявшаяся в прорезь торца квадратной части колта (1 в); *5* — бронзовая бляшка, обтянутая золотой накладкой, со вставками из альмандинов; *6* — фрагмент золотой накладки с альмандинами; *7* — подвеска из листового золота; *8* — золотая нашивная бляшка

петелек сохранилось звено тонкой золотой цепочки. К нижнему торцу квадрата припаяна овальная пластинка с прорезью, в которую вставлялась бронзовая трапециевидная пластинка с золотой накладкой. Поверхность накладки украшена альмандиновыми вставками. Сохранилось лишь основание одной из пластинок (рис. 1, *4*).

Описанным предметам можно найти аналогии. Наиболее близки кулоны из каменной гробницы у дер. Марфовки близ Керчи [9, рис. 25, 10, рис. 8, *1*, *3*; 5, рис. 4]. Одно подобного типа украшение известно из погребения у г. Ленинска Волгоградской обл. [10, рис. 11, *4*, *5*]. Еще одна пара кулонов с близким декором приобретена в Варне (Болгария) коллекционером И. Диргардтом в 1910 г. и находится сейчас в Кёльне

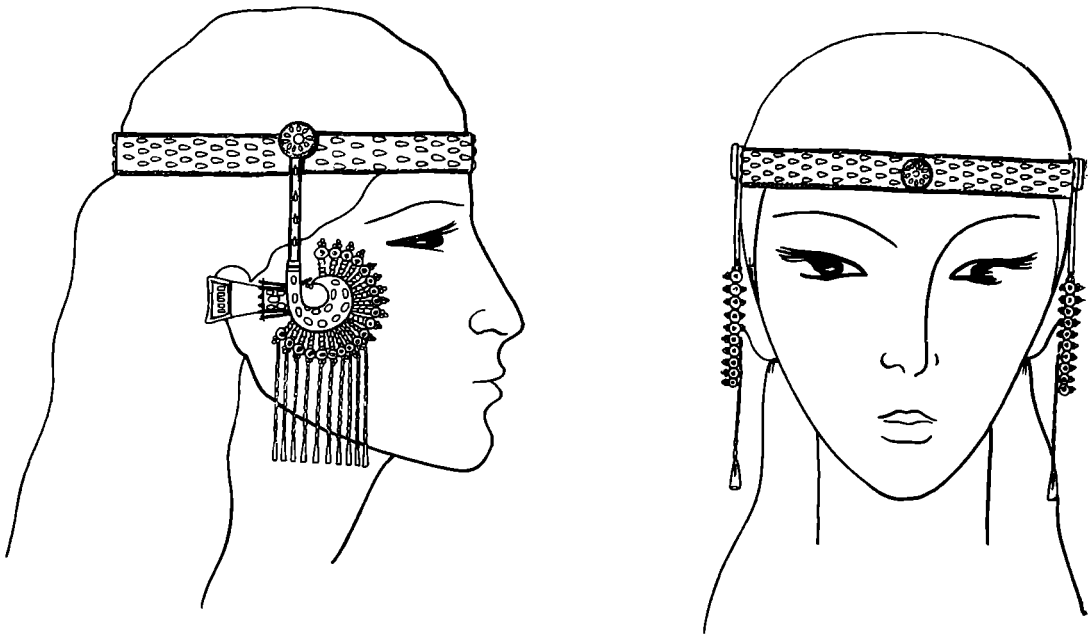


Рис. 2. Реконструкция золотого убора из зеленокумского погребения

[10, рис. 8, *1*]. Обломок нижней части аналогичного кулона обнаружен в случайно открытом погребении у дер. Балтени в Румынии [10, рис. 10, *2*]. Этот тип украшений всеми исследователями датируется концом IV — первой половиной V в. [11, табл. на с. 56; 12, табл. I, *19—20*].

Исследователями отмечалось, что «кулоны» являются специфическими женскими украшениями и способ ношения их неизвестен. Нами предпринята попытка реконструкции способа ношения этих «кулонов». Обычно их размещают вертикально так, чтобы квадрат с трапециевидным основанием был внизу. Но, учитывая тот факт, что на 10 лучах с одной стороны имеются петли с остатками цепочки, логично предполагать, что на этих цепочках крепились подвески. При этом подвески должны свисать вниз, продолжая направление лучей. Вспомним о наличии колокольчиков на аналогичных «кулонах» из коллекции Диргардта. Отсюда вывод, что располагать «кулоны» следует горизонтально.

Другой интересной особенностью «кулонов» является то, что обе их стороны украшены одинаково пышно (рис. 1, *1*). Разница лишь в том, что одна из сторон имеет меньшее количество вставок на квадратной части и с этой же стороны припаяны петли для подвесок. Таким образом, украшение подвергалось обзору со всех сторон, но одна сторона тем не менее была внутренней, а другая внешней. Следовательно, «кулоны» носились в подвешенном состоянии.

Найдены они в районе плеч. Разместив их горизонтально, трапециевидной частью назад, мы можем найти объяснение и тому, как украшения подвешивались. При предложенном размещении нижний конец «рога изобилия» (единственная незаконченная деталь предмета) оказывается повернутым вверх. Конструкция и оформление этого конца предполагают, что в него можно что-то вставить. Видимо, с помощью каких-то дополнительных приспособлений украшение крепилось к головному убору или диадеме (находят их чаще с диадемами) по обеим сторонам головы (рис. 2).

Нечто подобное можно видеть на женском изображении из тюркского кочевнического могильника Кудыргэ [13, рис. 18; 14, рис. 4]. Могильник датируется временем, близким к гуннскому,— V—VI вв. [14, с. 48]. Женщина здесь роскошно одета и имеет тиару на голове. По обеим сторонам

лица висят массивные украшения, изображенные очень схематично. Видимо, так одевались женщины тюркской знати и гуннские царицы.

Несмотря на массивность, украшения полые внутри и довольно легкие. Их вполне можно было носить как колты. Этот тип украшений следует считать колтами усложненной конструкции. Если отбросить от него квадрат с трапециевидным продолжением, то получится округлой формы колт. Подобные колты с многолучевым обрамлением хорошо известны среди древностей гуннского времени [6, рис. 87; 12, рис. 1, *18б*, *19в*, *21*].

Находки у дер. Марфовки показывают, что кулоны входили в один комплекс украшений с диадемой и парой колтов. В связи с этим обращает на себя внимание фрагмент золотой накладки из зеленокумского комплекса, который имеет прямоугольную форму и украшен по поверхности альмандинами подтреугольной и миндалевидной формы. Судя по сохранившимся краям, накладка обтягивала бронзовую основу прямоугольной формы. Гнезда вставок обрамлены полосками из зерни. Между вставками напаяны треугольники из зерни. По краям накладка украшена орнаментом в виде елочки (рис. 1, *6*). Аналогией могут служить накладки прямоугольной формы из Казахстана [15, с. 218, рис. 2; с. 219, рис. 3], Керчи [9, с. 48], Крыма [16, рис. 2, *1*, *2*]. И. П. Засецкая считает, что назначение подобных пластин может быть понято при сличении их с золотыми диадемами из женских погребений гуннского времени. Это обстоятельство позволяет предполагать, что у погребенной у г. Зеленокумска была золотая диадема. Такие диадемы в богатых женских погребениях гуннского времени находят на обширной территории от Казахстана до Венгрии [10, с. 38].

К кругу полихромных украшений гуннского времени относится круглая бляшка диаметром 3,5 см, представляющая собой бронзовый диск, обтянутый золотой накладкой (рис. 1, *5*). Накладка украшена вставками из альмандинов. Вокруг центрального альмандина круглой формы расположены десять миндалевидных. Гнезда вставок образованы узкой напаянной ребром золотой полоской с заходящими концами. Края обрамлены орнаментом в виде елочки. Близкой аналогией данному предмету могут служить бляшки из собрания П. С. Уваровой, найденные у с. Верхняя Рутха в Северной Осетии [4, с. *236*, табл. CI, *5*, *4*], и бляшки с Каряжского городища около Ставрополя [2, с. 141—142; 5, табл. V, рис. на с. 52]. Датируются эти украшения временем не ранее конца IV—V вв.

В иной технике — перегородчатой инкрустации — исполнена небольшая бляшка из золота (рис. 1, *2*). Перегородки расположены крестообразно. Гнезда довольно глубокие. Сначала они заполнялись белой скрепляющей пастой, а потом в них вставлялись плоские стеклышки красного цвета. Под стеклянными вставками подкладывалась золотая фольга. На обратной стороне у бляшки было приспособление для крепления, которое оказалось сточенным. Если судить по аналогиям, то такие бляшки украшали рукоятки мечей гуннского времени [12, табл. I, 1].

Среди золотых украшений было семь подвесок из тонкого листового золота (рис. 1, *7*). Подвески имеют трапециевидную форму со скругленным верхом. Высота их 3,9 см, ширина в средней части 2,7 см. В верхней части имеется отверстие. Подобные подвески найдены в погребениях гуннского времени на обширной территории [10, с. 37, рис. 2, *3*, с. 47, рис. 2, *1*]. Все они изготовлены из тонких золотых или бронзовых листов и имеют самую разную форму: трапециевидную, прямоугольную, овальную. В верхней части, как правило, проделаны отверстия для крепления. Практическое применение подвесок пока неясно.

У правой руки погребенной найден золотой перстень с вставкой из лазурита (рис. 1, *3*). На ее поверхности процарапаны знаки. Перстень сделан из круглой в сечении золотой проволоки. Возле присоединения колечка к гнезду имеется крупная зернь.

В районе шейных позвонков обнаружено десять золотых нашивок в виде фигуры, спаянной из трех колечек. Колечки в сечении сегментовидные, со слабо выделенным рубчиком по внешнему краю (рис. 1, *8*). Этими украшениями мог быть обшит ворот рубахи.

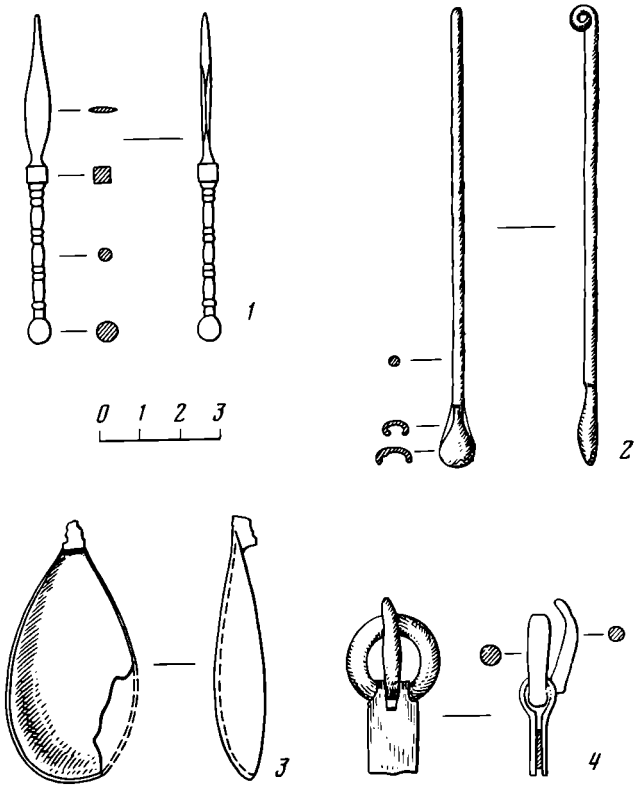


Рис. 3. Бронзовые предметы, найденные у пояса погребенного: *1* — ногтечистка; *2* — копоушка; *3* — фрагмент ложечки; *4* — пряжка

К серии украшений относятся 10 бусин из альмандина и жемчужный бисер. Бусы круглые, слегка приплюснутые, диаметром 0,9 и высотой 0,5 см. Бисер имеет разную форму — от шаровидной до овальной.

Комплекс включает в себя ряд предметов из бронзы. У пояса найдены бронзовая ложечка с отломанной ручкой, копоушка и ногтечистка. Они, по-видимому, располагались в футляре или на какой-либо подвеске на поясе (рис. 3, *1—4*).

Наиболее точную аналогию мы находим в ложечке (рис. 3, *3*). Такая же ложечка, но изготовленная из серебра, была обнаружена в Керченской катакомбе № 145 в 1904 г. [6, с. 72—73; 17, с. 33, рис. 9]. Автор раскопок отмечает, что вместе с ложечкой находились «уховертка и ногтечистка», к сожалению, не опубликованные. Инвентарь катакомбы № 145 датируется второй половиной IV в. на основании найденного здесь серебряного блюда с изображением императора Константина II (324—361 гг.).

Подобная ложечка вместе с другим блюдом и также с изображением императора Константина II найдена в 1891 г. в усадьбе Гордиковой в Керчи [18, рис. 4]. Л. А. Мацулевич дает широкую сводку аналогий этим ложечкам, датируя их концом IV — началом V в. [18, с. 18].

В погребении у г. Зеленокумска представлены две бронзовые пряжки с хоботковидными язычками (рис. 3, *4*; 4, *5*). Одна из них сохранилась полностью, от другой остались рамка и язычок. Рамка круглая, с утолщением в передней части. Язычок хоботковидной формы, с загнутым утолщающимся концом. Щиток согнут из бронзовой пластины прямоугольной формы. Пряжки имеют широкие аналогии по всей Евразии и датируются концом IV—V в. [19—22].

В ногах погребенного, справа, стоял бронзовый литой котел, один бок которого деформирован (рис. 5). Котел грушевидной формы, края сильно отогнуты наружу. С двух сторон на краях видны остатки оснований железной ручки. Высота котла 14,5 см, диаметр максимального расширения тулова 15, диаметр устья 14 см.

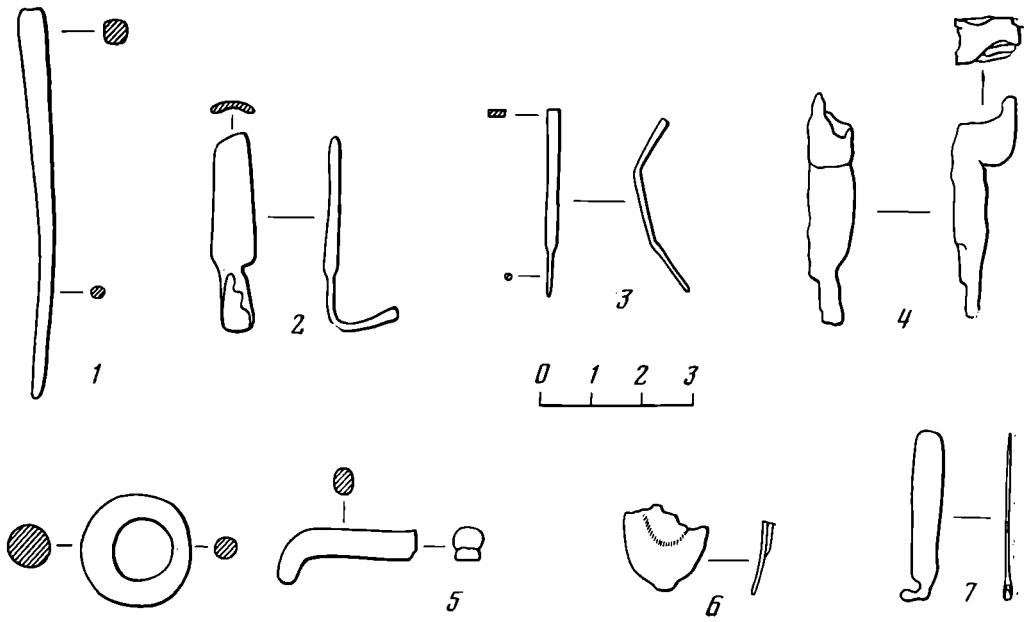


Рис. 4. Бронзовые предметы из погребения

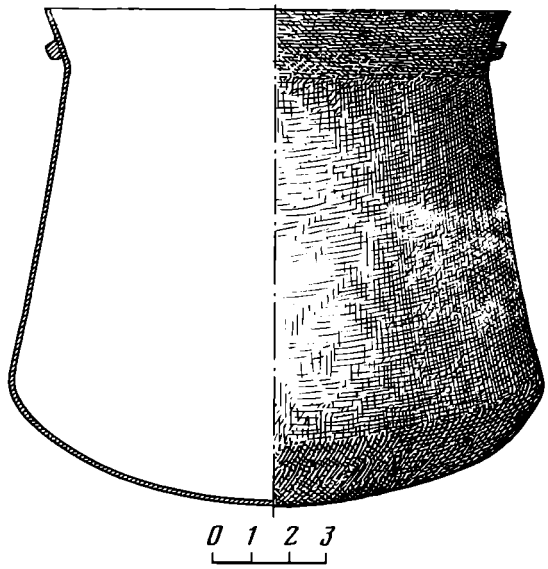


Рис. 5. Бронзовый литой котел

Литые бронзовые котлы характерны для гуннов. Они хорошо изучены и считаются одним из ярких признаков их культуры. Форма нашего котла не совсем обычная для гуннских котлов, и пока не удалось найти ей близких аналогий. В погребении 500 могильника эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ г. Новороссийска котел также стоял у правой ноги погребенного. У него такие же сильно отогнутые края и аналогичный способ крепления ручки. Разница лишь в форме тулова [23, с. 226, рис. 9].

В погребении у г. Зеленокумска найдены обрывки золотой фольги с тиснением. А. П. Смирнов отмечал, что в Европе гуннские памятники ввиду значительной ассимиляции гуннов почти не выделяются среди других одновременных им. К наиболее характерным для гуннов предметам он относит деревянные украшения, покрытые золотой фольгой [24, с. 325]. Другой характерной чертой гуннов является украшение золотой фольгой деревянных седел [23, рис. 4, 5]. Седла обычно украшались фольгой с чешуйчатой поверхностью. Можно предположить, что на лошади в описываемом погребении было седло, украшенное золотой фольгой. Обрывки

этой фольги найдены в большом количестве. Поверхность фольги неровная, покрытая регулярно расположенными бугорками и вдавлениями, не похожими на чешуйчатый орнамент, но нанесенным с определенной целью.

Вместе с описанными предметами обнаружено несколько фрагментов других изделий из бронзы: шиловидной формы бронзовый прут, круглый в сечении, расширяющийся конец обломан, в сечении квадратный (рис. 4, *1*); бронзовая скобка с обломанным концом, изготовлена из плоской пластины, округлой в сечении (рис. 4, *2*); обломок изогнутого прута, прямоугольного в сечении; один конец обломан, другой, в сечении круглый, заострен (рис. 4, *3*); сильно окислившийся, расслаивающийся бронзовый фрагмент с изгибом (рис. 4, *4*); половина овальной пластинки, имевшей бугорок на слегка выпуклой внешней поверхности (рис. 4, *6*); плоская пластина прямоугольной формы, с обломанным крючком на одном конце (рис. 4, *7*).

Трудно говорить об этнической принадлежности погребенного. Совершение погребального ритуала в пойме реки и наличие специфического комплекса предметов позволяют предположить, что это может быть чисто гуннское погребение.

Согласно сведениям позднеантичных авторов, в 70-е годы IV в. гунны разгромили алан, господствовавших в это время в степи. Часть алан была увлечена вместе с завоевателями в Европу, а часть оттеснена в предгорья Северного Кавказа. Казалось бы, что на этом заканчивается присутствие гуннов в степном Предкавказье. Но римские и греческие историки рубежа IV—V вв. различали гуннов Скифии и гуннов Предкавказья [25, с. 18]. Исхдя из этого, уместно говорить о наличии чисто гуннских погребений на Северном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Засецкая И. П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV—V века н. э.— АСб. ГЭ, 1977, вып. 18.
2. *Минаева Т. М.* Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности.— МИСК, 1949, вып. 1.
3. *Скалон К.* Изображение дракона в искусстве IV—V веков.— СГЭ, 1962, вып. XXII.
4. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII.
5. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам особой кладовой Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1975.
6. ОАК за 1890 г. Сб., 1893.
7. *Кондаков Н.* Византийские эмали. Спб., 1892.
8. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Спб., 1890, вып. III.
9. *Марти Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
10. *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— Асб. ГЭ, 1968, вып. 19.
11. *Засецкая И. П.* О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2.
12. *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1.
13. *Руденко С. Н. и Глухов А. Н.* Могильник Кудыргэ на Алтае.— МЭ, 1927, т. III, вып. 2.
14. *Кызласов Л. Р.* К истории шаманских верований на Алтае.— КСИИМК, 1949, вып. XXIX.
15. *Бернштам Л. Н.* Находки у озера Борового в Казахстане.— СМАЭ, 1951, т. 13.
16. *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3.
17. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г.— ИАК, 1907, вып. 29.
18. *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1926.
19. *Werner J.* Beitrage zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
20. *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, 1969, № 169.
21. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв.— САИ, вып. Е1—2, М., 1979.
22. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан.— МИСК, 1950, вып. 2—3.
23. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильниках эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.— СА, 1979, № 4.
24. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах / Под ред. Понамарева Б. Н. / Т. I. М.: Наука, 1966.
25. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа, IV—X вв. Л.: Наука, 1979.

ФЕХНЕР М. В.

НАКОНЕЧНИК НОЖЕН МЕЧА ИЗ КУРГАНА БЛИЗ КОРОСТЕНЯ

В 1980 г. фонды отдела Археологических памятников Государственного Исторического музея пополнились исключительно интересным экспонатом — бронзовым наконечником ножен меча прекрасной сохранности (см. рисунок) [1].

Наконечник украшен одинаковым с обеих сторон орнаментом в виде ленточного плетения и человеческих масок, выполненным с большим мастерством. Его завершает схематизированная голова животного, а в нижней части, по всей видимости, изображена хищная птица с большими глазами и изогнутым клювом.

По классификации Г. Ф. Корхузиной подобные ажурные наконечники ножен с так называемым северным орнаментом скандинавского стиля датируются X в., скорее всего второй его половиной [1, с. 65, 66]. В это время подобные наконечники распространены были широко в скандинавских странах [2, с. 31—34, табл. XXVI; 3, табл. 5, 8], в Восточной же Европе число находок их невелико [2].

На территории древней Руси до настоящего времени было известно только 13 экз. ажурных наконечников с плетеным орнаментом, со звериными и птичьими головками. Они найдены в Гульбище близ Чернигова, в курганах Приладожья, Тимерева, Гнездова, Шестовиц, в культурных слоях Новгорода, Гнездовского поселения и поселения близ дер. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл., а также в числе случайных находок в бассейне Оки, в Поволжье и в Херсонесе [1; 4; 5; 6, рис. 30]. Самой близкой аналогией публикуемого экземпляра является бронзовый наконечник ножен меча из Херсонеса, который с обеих сторон украшен в окружении плетеного орнамента человеческими масками, звериными и птичьими головками. По своим размерам эти наконечники также идентичны: высота их 7, ширина 4 см.

На территории средневекового Херсонеса найдены еще два наконечника ножен меча X в., а в античной могиле обнаружено впускное захоронение воина с древнерусским боевым ножом. Эти находки дали основание предположить, что, находясь на вооружении русских воинов, они оказались в Херсонесе в связи с походом киевского князя Владимира Святославича, 988 г. на Корсунь [7, с. 59, рис. 44; 8, с. 138; 9, с. 266, 267, рис. 2].

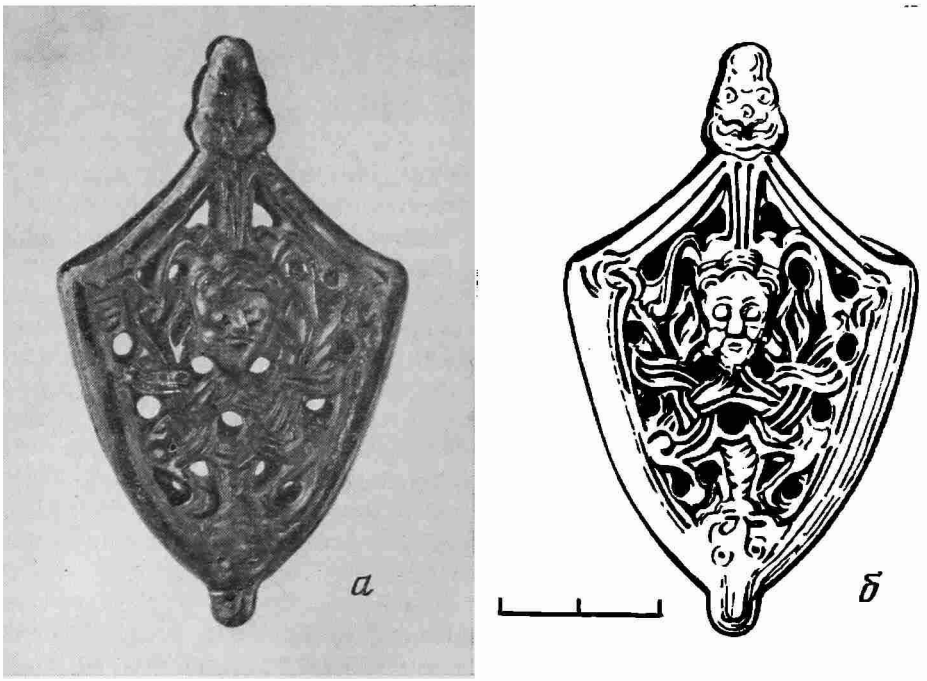
Наконечник, принесенный в дар П. Д. Барановским, попал к нему при следующих обстоятельствах. Во время первой мировой войны на фронте П. Д. Барановскому приходилось постоянно работать с 10-верстной картой. Он заметил, что рядом с г. Коростень мелким шрифтом отмечено место под названием «Могила князя Игоря». Это его заинтересовало, и он стал искать случая побывать в этих местах. Вскоре такая возможность представилась. В урочище под названием «Игорева могила», расположенном в 7—8 км к северо-востоку от Коростеня (летописного Искоростеня) в верховьях р. Ушицки — притока р. Уж, за околицей дер. Сынгай, он увидел курган высотой около 3 м, разрезанный широкой траншеей пополам. Своей величиной этот курган поразил еще В. Н. Татищева, когда он во время Северной войны в 1710 г. во главе отряда шел из Киева в Коростень. По словам Татищева, курган этот настолько высок, что подобному ему величиною нигде, кроме как в низовьях Волги, он не видал [10, с. 749—750].

По рассказам местных жителей, за несколько дней до приезда П. Д. Барановского курган был раскопан стоящими у дер. Сынгай солда-

---

[1] ГИМ, инв. № 105009, оп. 2575/1; передан музею заслуженным деятелем искусств РСФСР, архитектором Петром Дмитриевичем Барановским.

[2] Следует иметь в виду, что наконечники не являлись необходимой принадлежностью ножен меча; изготовленные из дерева, кожи или ткани ножны чаще всего не имели металлических наконечников.



тами накануне их перевода в другое место. В нем обнаружен скелет, рядом с которым лежал меч. Офицер, руководивший этими любительскими раскопками, меч взял с собой, а скелет приказал отнести в деревенскую часовню, где Барановский его осмотрел. При попытке поправить кости земля с них осыпалась и на пол упал роскошно орнаментированный наконечник ножен меча [3].

В летописи под 945 г. описывается, как при попытке киевского князя Игоря собрать с древлян дополнительную дань «древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и **есть могила его у Искоростеня в деревской земле и до сего времени».** Далее летописец сообщает, что Ольга «взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакивала его. **И повеле людям своим насыпать великую могилу, и когда насыпали приказала совершать тризну»** (выделено мной.—*М. Ф.*) [11 с. 237, 239].

Сопоставляя летописные сведения с обстоятельствами находки интересующего нас наконечника и с археологическим материалом из Херсонеса, приходим к заключению, что, по всей видимости, курган в окрестностях Коростеня был насыпан над захоронением киевского князя Игоря и обнаруженный здесь наконечник прикреплен к ножнам его меча. Тем самым дар П. Д. Барановского вызывает к себе повышенный интерес и является уникальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века.— СА, 1950, т. XIII.
2. *Grieg S.* Gjermundbufunnet Norske Oldfunn. VIII. Oslo, 1947.
3. *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
4. *Пушкина Т. А.* Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения.— СА, 1981, № 3.
5. *Голубева Л. А.* Новые скандинавские находки в Белозерье.— СА, 1982, № 3.
6. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: ГИМ, 1963.
7. *Arne T. Y.* La Suède et l'Orient.— Etudes archéologiques sur les relations de la Suéde et de l'Orient pendant l'age de vikings. Upsala, 1914.
8. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.— ИАК, 1907, № 25.
9. *Колесникова Л. Г.* Погребение воина на некрополе Херсонеса.— СА, 1975, № 4.
10. Словарь географический Российского государства. Ч. III. М., 1804.
11. Повесть Временных лет. Подгот. текста Д. С. Лихачева. Пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова / Под ред. Адриановой-Перетц В. П. Ч. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

[3] Архив Отдела археологических памятников, д. 368.

КОВАЛЕНКО В. П.

НОВЫЙ ВАРИАНТ ПЕЧАТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧА

Весной 1979 г. во время наблюдения за ходом земляных работ на Третьяке древнего Чернигова найдена свинцовая вислая печать с греческой пятистрочной благопожелательной надписью [1]. Печать обнаружена в отвале теплотрассы в юго-восточной части Третьяка около Екатерининской церкви XVIII в. Каких-либо стратиграфических данных об условиях ее залегания получить не удалось. Культурные напластования в этой части Третьяка достигают 2—2,5 м и относятся к X—XX в.

Булла представляет собой свинцовый неправильный диск диаметром 29—32 мм, с выемками в верхней и нижней частях, образовавшимися в результате сплющивания канала для шнура. Изображения на обеих сторонах заключены в точечный ободок. В нижней части оборотной стороны, справа от святого, прослеживается второй ряд точек, образовавшийся, видимо, в результате сдвига штемпелей.

На лицевой стороне печати располагается греческая пятистрочная надпись: «Господи, помози рабу своему Андрею Свладу» (рис. 1, *а*). На оборотной стороне помещено погрудное изображение апостола Андрея в точечном нимбе с кудрявыми волосами и небольшой бородкой. Справа от изображения — остатки колончатой надписи. Правая рука Андрея сложена в благословляющем жесте, в левой прослеживается древко креста (рис. 1, *б*).

Сохранность печати хорошая, лишь некоторые буквы лицевой стороны слегка сплющены, а оборотная сторона в верхней части повреждена трещиной.

Кроме публикуемой печати известны еще девять экземпляров этого типа от восьми пар матриц [1, с. 15, 250, 251]. Их атрибуция была осуществлена еще Н. П. Лихачевым, который истолковал второе имя легенды как эллинизированную форму русского имени Всеволод — мирское имя владельца печати и, таким образом, установил, что владелец ее, при крещении названный Андреем, в быту носил имя Всеволод. Это позволило Н. П. Лихачеву связать всю группу таких печатей с князем Всеволодом Ярославичем [2, с. 152—154].

По мнению В. Л. Янина, продолжительность активной деятельности Всеволода и время вероятного употребления рассматриваемых вариантов его буллы достигает 40 лет (1054—1093 гг.). Сравнение между собой всех экземпляров печати позволило исследователю установить, что все они близки друг другу и что «различные варианты этого типа представляют собой различные этапы копирования, в основе которого лежит один образец» [1, с. 15]. Этот безупречный поначалу образец (№ 15, по своду В. Л. Янина), выполненный греческим мастером, подвергался все новым и новым искажениям. По особенностям написания легенды (конечная омега второй строки не перенесена еще в начало третьей, как в № 18, но последняя буква последней строки по размерам уже меньше остальных) публикуемая печать в схеме В. Л. Янина может быть размещена между № 16 и 17. Изображение на оборотной стороне также ближе всего к изображению на печати № 16 (точечный ободок, в то время как на № 15 и 16 он полностью или частично линейный; тип прически и т. д.), но колончатая надпись около изображения сделана несколько иначе: «О» и «С» даны в строку, а не колонкой.

В. Л. Янин считает, что образцовый экземпляр печати (№ 15) тяготеет к 1050-м годам. Это подтверждается его чрезвычайной близостью к булле Вячеслава-Меркурия, датируемой 1054—1057 гг. [1, с. 16]. В то же время наиболее искаженные варианты могут быть связаны с киевским периодом княжения Всеволода (1078—1093 гг.) [1].

---

[1] Печать найдена и передана в Черниговский исторический музей шофером Передвижной механизированной колонны Укрсельхозремстрой И. И. Герасименко.

Рис. 1. Печать Всеволода Ярославича из Чернигова. *1* — прорисовка; *2* — фото; *а*, *в* — лицевая сторона; *б*, *г* — оборотная сторона

Таким образом, рассматриваемая печать, возможно, относится к черниговскому периоду княжения Всеволода Ярославича (1076—1078 гг.). В пользу этой датировки свидетельствует и место находки буллы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
2. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1.— Тр. Музея палеографии. Т. I. Л., 1928.

ЛЕВУШКИНА С. В.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУВШИН ДЛЯ НЕФТИ С ГОРОДИЩА БУДРАЧ

При раскопках крепостной стены Дуньё-Тепе — цитадели городища Будрач, столицы средневекового Чаганиана,— в слоях X—XI вв. был обнаружен керамический кувшин, доверху наполненный веществом черно-коричневого цвета, имеющим стойкий резкий запах[1]. При непродолжительном стоянии на воздухе вещество приобрело некоторую текучесть.

Первичные испытания показали, что вещество хорошо горит коптящим пламенем с образованием минерального остатка, в воде не растворяется, а после незначительного подогрева легко растекается и при последующем выливании в холодную воду образует на поверхности застывшую пластиночку, по внешнему виду напоминающую парафин, только черного цвета. Все это натолкнуло на мысль, что мы имеем дело с нефтепродуктом.

[1] Благодарю Э. В. Ртвеладзе, предоставившего находку для изучения и публикации.

Для проверки предположения была проведена тонкослойная хроматография, которая является хорошо зарекомендовавшим себя эффективным методом анализа сложных смесей и основана на различной сорбции растворенных веществ поверхностью твердой фазы. Обычно анализ проводится следующим образом: на пластинку с нанесенным слоем сорбента при помощи капилляра помещается проба анализируемого вещества и проба известного вещества— «свидетеля». Все это высушивается и помещается в камеру, край пластинки ниже стартовой линии опускается в смесь растворителей. По мере продвижения жидкости по пластинке происходит разделение смеси веществ, а при помощи нанесенных рядом «свидетелей» состав смеси идентифицируются.

В данном случае часть исследуемого неизвестного вещества и «свидетеля» — дегтя были нанесены на линию старта силуфоловой пластинки. Разделение смеси проводили в системе растворителей: хлороформ — петролейный эфир — уксусная кислота в соотношении 7 : 3 : 0,4 соответственно. После проявления в УФ-лучах в обоих случаях выявились пятна, имеющие различную длину пробега, различного цвета: голубого, зеленого, коричневого и оранжевого. Следовательно, взятая смесь растворителей позволила разделить исходную смесь на четыре составные части. Некоторые пятна изучаемого продукта и «свидетеля» совпали по длине пробега и цвету. Следовательно, в состав изучаемой смеси входит и деготь.

Дополнительно для установления вида неизвестного нефтепродукта был проведен люминесцентный анализ [2].

Анализировали идентичные пятна изучаемого вещества и «свидетеля». После записи кривых спектров и последующего вычерчивания зависимости длины волны от интенсивности стало ясно, что длины волн неизвестного вещества и дегтя совпадают и имеют соответственно величины, равные 493 и 499 нм для неизвестного продукта и 493 и 500 нм для дегтя.

Затем изучаемая смесь была сожжена, а остаток озолен в муфельной печи (t 500—600°С) в течение 2 ч и после этого подвергнут спектральному анализу. Выявилось значительное количество алюминия, магния, кальция, кремния, натрия, следы железа, меди, титана, хрома, т. е. те химические элементы, окислы которых входят в состав глины и песка. Все это свидетельствовало о сильной загрязненности изучаемого вещества минеральными примесями. По-видимому, в свое время продукт был плохо очищен или даже совсем не очищался.

Исследованное вещество было также подвергнуто разделению на фракции путем перегонки. Всего получено пять фракций: 1) $t_{кип}$ 85—105°; с примесью воды, в количестве 9,5%; 2) $t_{кип}$ 88—96°/6 мм, в количестве 4%; 3) $t_{кип}$ 122—160°/6 мм, в количестве 13,5%; 4) $t_{кип}$ 165—190°/6 мм, в количестве 16,5%; 5) неперегоняющийся остаток черно-коричневого цвета в количестве 56,5%.

Подводя итоги проделанному исследованию, можно прийти к заключению, что в кувшине была нефть. Учитывая тот факт, что кувшин обнаружен у стены цитадели, а рядом с ним находился человеческий скелет, можно предположить, что в X—XI вв. его содержимое использовалось в качестве зажигательной смеси и служило одним из средств обороны при защите города. Такая находка на территории Средней Азии сделана впервые. Она позволяет судить об оборонной технике того времени и тем более интересна, что в течение тысячи лет пролежала неизменной в земле и сохранила свой изначальный химический состав, несколько перераспределив соотношение легких и тяжелых фракций. Время сделало то, что сейчас достигается искусственной переработкой нефти. Произошел процесс, обратный крекингу нефти: в природных условиях за тысячу лет из низкомолекулярных соединений образовались высокомолекулярные, и поэтому в настоящее время в продукте преобладают высококипящие тяжелые смолистые вещества. Иными словами, продукт за истекшее время «утяжелился».

[2] Эти виды анализов проведены в лаборатории аналитической химии Института судебной экспертизы Министерства юстиции УзССР химиком-экспертом А. Н. Куманикиной.

Критика и библиография

ОНАЙКО Н. А.

О НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ АНТИЧНОЙ ТОРЕВТИКИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ ПРИДНЕПРОВЬЯ

Среди различных предметов быта, дошедших до нас от античного периода в Северном Причерноморье, особое внимание исследователей всегда привлекают художественные изделия из золота, серебра и бронзы. Они заняли свое почетное место в витринах различных выставок и фондах музеев давно, еще со времен первых раскопок богатых южнорусских курганов во второй половине XVIII в. В 1925 г. многие из них составили основу пользующейся в настоящее время мировой славой Особой кладовой в Государственном Эрмитаже. В 1969 г. открылся музей исторических драгоценностей — филиал Государственного исторического музея УССР, расположенный на территории заповедника Киево-Печорской лавры.

К сожалению, ни одно из этих крупных собраний до сих пор не имеет каталогов [1]. Имеются лишь научно-популярные издания. Наиболее полным из них является публикация «Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа» (текст М. И. Артамонова) [1]. В ней дана краткая характеристика важнейших погребальных комплексов с воспроизведениями найденных в них отдельных художественных изделий.

Некоторые вещи из собрания Музея исторических драгоценностей в Киеве в последние годы опубликованы в нескольких работах. Две из них представляют альбомы: 1) «Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР», автор вступительной статьи и составитель альбома И. В. Бондарь (М.: Искусство, 1975); 2) «Київський музей історичних коштовностей», автор вступительной статьи и составитель альбома О. Д. Ганина (Київ: Мистецтво, 1974, на укр. яз.). А. М. Лесков опубликовал три научно-популярные книги типа альбомов: 1) A. Leskov «Treasures from the Ukranian Barrows» (Л.: Аврора, 1972, на англ. и русск. яз.); 2) «Скарби курганів Херсонщини» (Київ: Мистецтво, 1974, на укр. яз.) [2]. В эти издания вошли материалы из старых раскопок курганов Херсонщины, а также находки последних лет из раскопок автора в этом районе. И наконец, только что вышла монография Б. Н. Мозолевского «Товста Могила» (Київ: Наукова думка, 1979, на укр. яз.). Несмотря на то, что этот курган был раскопан экспедицией Института археологии АН УССР совсем недавно, в 1971 г., начальник этой экспедиции и автор монографии Б. Н. Мозолевский смог за короткий срок подготовить и выпустить в свет публикацию добытых им материалов. Такой, к сожалению, редкий случай заслуживает похвалы в адрес и Б. Н. Мозолевского, и руководства Института археологии АН УССР [3].

Все украинские публикации, которым посвящена настоящая статья, хорошо оформлены: они снабжены твердыми обложками, содержат большое количество цветных иллюстраций. Однако последние лучше всего выполнены издательствами

[1] За исключением иностранных каталогов тех вещей, которые вывозились в последние годы на выставки в другие страны.

[2] С книгой А. М. Лескова «Die skythischen Kurgan» (Antike Welt, 1974, Sondernummer), к сожалению, не смогла познакомиться.

[3] Большие возможности ГЭ в этом отношении пока мало использованы. Поэтому приятным сюрпризом явилось посмертное издание работы М. И. Максимовой «Артюховский курган» (Л.: Искусство, 1979), а также Л. К. Галаниной «Курджипский курган» (Л.: Искусство, 1980), А. И. Мелюковой «Краснокутский курган» (Наука, 1981).

«Аврора» и «Искусство». Вместе с тем следует отметить, что для изучения художественного достоинства золотых изделий лучше черно-белые иллюстрации в натуральную величину. О. Д. Ганина — автор и составитель альбома «Київський музей історичних коштовностей» — и особенно А. М. Лесков в своих публикациях упускают к тому же такую важную деталь к иллюстрациям, как масштаб. Одним из серьезных недостатков в оформлении иллюстраций в монографии Б. Н. Мозолевского является замена фотографий довольно большого количества вещей рисунками. В рисунке могут теряться мелкие детали, рисунок не передает особенностей фактуры золотого оттиска и, наконец, он всегда в той или иной мере субъективен. Что касается оценки текстов к альбомам, то у А. М. Лескова они более удачны, чем у О. Д. Ганиной и И. В. Бондаря. Можно также сожалеть о том, что монография Б. Н. Мозолевского издана на украинском языке; это, безусловно, сужает круг ее читателей.

Обращает на себя внимание неточная, а порой и неправильная атрибуция сюжетов. Так, в альбоме О. Д. Ганиной «Київський музей історичних коштовностей» под рис. 12, подпись: «Золотая бляшка в виде спаренного сфинкса с человеческой головой. Село Пастырское». А с какой головой еще мог быть сфинкс? Сфинкс — это крылатое чудовище с львиным туловом и головой женщины — порождение Пифона и Ехидны. На бляшках из с. Пастырского изображен сидящий сфинкс с двойным туловом и одной головой впрямь — схема, хорошо известная в торевтике Северного Причерноморья [2, табл. XLII, 816б]. Рисунок 23 из альбома снабжен подписью: «Золотая бляшка из Мелитопольского кургана с изображением головы царя в тиаре». Но это ведь хорошо известное по пантикапейским монетам изображение сатира в венке из плюща влево [2, табл. XLI, 494ж]; рисунок 33 из альбома имеет подпись: «Золотая бляшка в виде головы юноши в шлеме с маскою льва». Это также хорошо известный тип бляшек с изображением Афины в λεοντῆ [2, табл. XLI, 491д]; к рис. 55 подпись следующая: «Золотые бляшки в виде Менады и Эринии». Почему и Эринии? Эринии — это богини мщения, они изображались в виде безобразных старух со змеями в волосах, с бичами или факелами в руках. На рис. же 55 изображены неистовствующие Менады — мотив хорошо известный в украшениях головных уборов знатных скифянок и варваризованных боспорянок [2, с. 40, рис. 7]. Менада — образ молодой женщины, спутницы Диониса, с тирсом или мечом в руках, а также с головой или ногой барана — жертвенного животного, что и показано в изображенных на рис. 55 бляшках из Гайматовой могилы.

На иллюстрациях 21 и 22 из того же альбома остановимся подробнее. Это фрагменты бронзовых сосудов (ситулы и гидрии), происходящих из с. Песчаного Черкасской обл. Открытие и приобретение Государственным историческим музеем в Киеве в начале 60-х годов большого набора античных бронзовых сосудов, в том числе и этих, было большим событием. Они обнаружены рабочими Песчанского торфяника (древнее русло левого притока Днепра — р. Супой) с челном и останками человеческого скелета. Среди этих сосудов три амфоры, пять гидрий, две ситулы, три лутерия, два кратера (один в форме стамноса). Полная их публикация имеется в книге О. Д. Ганиной «Античні брози з Піщаного» [3], а одна амфора, одна гидрия, одна ситула и аппликации с последних двух помещены в рассматриваемом альбоме того же автора на рис. 19—22.

По художественному замыслу эти аппликации не представляют собой чего-то исключительного в изобразительном искусстве греков. Их широко применяли в украшениях бронзовых сосудов. Особенно это относится к изображению сирены. Сирена украшает различные памятники [4, с. 92, рис. 2], в том числе и бронзовые гидрии [2, табл. XV; 6, с. 304; 7, с. 67; 8, табл. X; IV, 3, 7], найденные и в других районах Северного Причерноморья. Ссылаясь на пантикапейскую, нимфейскую, мастюгинскую и некоторые болгарские (варненская, из могилы Сез-Севмен, юруклерская) аналогии, О. Д. Ганина пришла к выводу, что гидрия из с. Песчаного относится к началу V в. [3, рис. 1, *42*, *44*]. Однако ни одна из сирен, украсивших эти гидрии, не представляется мне более близкой к изображению песчанской сирены, чем сирена у основания ручки такой же гидрии из Руец (Болгария) [9; 10, рис. 102, 104]. Это один и тот же тип сирены и схема ее изображения; различия имеются лишь в качестве изготовления и в наличии мелких деталей оформления, нанесенных на изображение после отливки в форме. Гидрия из Руец датируется второй половиной V в. до н. э., этим же временем, как мне кажется, следует датировать и гидрию из с. Песчаного. Что касается центра, в котором

находилась мастерская, изготовившая ее, то им был скорее всего один из городов Фракии. На это указывает манера изображения сирены, а также другие данные (о них ниже).

К рис. 21 — аппликации к песчановской ситуле — я предложила бы тоже бесспорно очень близкие болгарские аналогии из Славяни и Руец [11, рис. 213; 10, рис. 109, 110]. Это точно такая же голова Афины (в болгарском издании Афина ошибочно принята за Париса) в коринфском шлеме; в отличие от песчановских, она по своему внешнему оформлению значительно более скромная и строгая. Как и отмеченное выше изображение сирены, эти изображения не получили дальнейшей обработки после их отливки в форме. Обе болгарские аппликации, как и сами ситулы, датируются второй половиной IV в. до н. э. Поэтому и аналогичная им ситула из с. Песчаное тоже должна датироваться этим временем, а не V в. до н. э. Что касается центра производства, то сравнение с этрусскими бронзами и предположение О. Д. Ганиной об изготовлении этой ситулы в одной из греческих италийских колоний не имеет серьезных оснований. Эта ситула, как и упомянутая выше гидрия, судя по болгарским аналогиям, вышла из греческой мастерской Фракии. На это указывают и другие данные. Так, из 10 песчановских сосудов, с которых были взяты пробы для анализа, только три (гидрия II, ситула I и амфора I) [3, рис. 4, 5, 11, 18] изготовлены из смешанных сплавов различного сырья. Металл остальных сосудов, в том числе упомянутых мною гидрий с сиреной (гидрия I) и ситулы с головой Афины (ситула II), характеризуется содержанием кобальта и никеля. На этом основании их можно связывать с балкано-карпатскими рудными месторождениями [4].

Предположение о фракийском производстве определенной части сосудов из с. Песчаное может быть подкреплено и другими примерами. Так, в коллекцию различных предметов, изготовленных на таком же сырье, что и сосуды из с. Песчаное, попадает неоднократно публиковавшееся бронзовое зеркало из кургана 4 у с. Волковцы Роменского р-на, ручка которого украшена рельефным изображением Афродиты и сфинкса [5, табл. XIX, 6] [5]. Известные в настоящее время аналогии к нему зеркал распределяются так: одно (ручка) найдено в Ольвии [13, табл. X, 3], что давало повод некоторым исследователям относить его к изделиям этого центра; другое хранится в Лейпциге [14, с. 3, рис. 1]; третье найдено в Болгарии, в одной из фракийских гробниц близ Пловдива [15, с. 190, рис. 3]. На территории самой Греции такие зеркала неизвестны. Таким образом, в данном случае (как и с сосудами из с. Песчаное) и рецептура сплава, и хорошо засвидетельствованная находка в фракийской гробнице подобного зеркала могут указывать на западное происхождение этих предметов.

Носику ситулы II в виде головки льва с раскрытой пастью имеется близкая аналогия на другой болгарской ситуле второй половины IV в. до н. э. [3, рис. 21; 10, рис. 111]; маска льва у основания ручек амфоры I живо напоминает художественную манеру исполнения этого мотива фракийскими или греко-фракийскими мастерами [3, рис. 4 и 33; 10, рис. 227]. Наконец, сцена терзания орлиноголовым грифом оленя на лутерии II [3, рис. 3] никак не вписывается по своему художественному оформлению в обычные для Северного Причерноморья приемы изображения подобных животных вообще и в часности в сценах терзания. Бросается в глаза также трактовка почвы под животными. В аналогичных северочерноморских сценах мы этого не найдем, а в изделиях, вышедших из мастерских Фракии, это частое явление [10, рис. 175]. Следует также заметить, что рассматриваемая сцена на лутерии — произведение греческого мастера. Подобные сюжеты фракийских мастеров отличаются самобытностью, хотя и исполнялись по греческим схемам [16, рис. 242].

Несколько слов по поводу атрибуции некоторых сюжетов в альбоме «Древнее золото». Но прежде сделаем упрек составителю альбома И. В. Бондарю в том, что иллюстрации в этом альбоме не имеют нумерации, а листы — нумерации страниц, что затрудняет оформление ссылок на них. В связи с этим мы вынуждены вести свой отсчет соответствующих листов. Итак, на 2-м листе изображены бляшки в виде лежащего горного козла с повернутой назад головой, а не лошади; на 15-м

[4] Благодарю С. Я. Ольговского за эту и другие справки по анализам бронз. Предположение о западных мастерских сосудов из этого клада высказывает Т. Б. Барцева [12, с. 89].

[5] Определение С. Я. Ольговского.

листе приведены изображения не львов в геральдической позе, а львиноголовых грифов; на 24-м листе на пластине — конском налобнике не голова бородатого мужчины, а маска льва (подробнее см. ниже); на 31-м листе бляшки с изображением женской головы, но не Афины; на 32-м листе Кибела, но без тимпана; на 48-м листе серьга с изображением женской головы впрямь, она же — Афина Парфенос.

Как уже говорилось, монография Б. Н. Мозолевского «Товста Могила» представляет научное исследование результатов изучения материалов, добытых при раскопках этого кургана. Она состоит из введения и двух частей, в которых исследуется конструкция кургана (насыпь и ров, конские могилы и погребения «конюхов», центральная и боковые гробницы) и дается сравнительная характеристика материалов (погребальный обряд и материальная культура). Затем следуют выводы и приложения (кратная характеристика палеоантропологического материала, перечень и основные измерения золотых находок из кургана). В конце книги имеются резюме на русском и английском языках, библиография и указатель археологических памятников. Не считая себя вправе заниматься анализом научной интерпретации всех положений, характеризующих Толстую могилу как памятник скифской культуры периода ее расцвета, я остановлюсь лишь на некоторых античных сюжетах, которые, с моей точки зрения, не получили достаточно полного освещения в работе Б. Н. Мозолевского или вообще оставлены без внимания.

Начнем с золотых четырехугольных бляшек с изображением сцены терзания: лев нападает на лань (с. 130—131, рис. 113, *10*; с. 132—133, рис. 116). Эти бляшки украшали женский головной убор. Ссылаясь на мой Свод [2], Б. Н. Мозолевский пишет о том, что на табл. XL (тип. 496п) изображена подобная бляшка из Чмыревой могилы и Верхнего Рогачика. Это неверно: под этим номером в каталоге того же Свода значатся бляшки в виде розетки из Чмыревой могилы, а вот под № 496 и на табл. XL, действительно, изображена бляшка со сценой терзания из Чмыревой могилы. Такие же бляшки (тип 493л) найдены и в кургане Верхний Рогачик. Но на этих бляшках — сцена, подобная изображению на бляшках из Толстой могилы, а не идентичная, как отмечает и Б. Н. Мозолевский. Наиболее близкая аналогия, как он справедливо заметил, происходит из Чертомлыцкого кургана (табл. XL, тип 491л). Такие же бляшки, по сообщению Б. Н. Мозолевского, найдены в Златопольских и Носаковских курганах (раскопки В. И. Бидзили) [6].

Размеры всех этих бляшек и изображенные на них сцены совпадают до мелочей, что, естественно, дает право считать их оттисками одного штампа. Б. Н. Мозолевского смущает только отсутствие рогов у оленя на бляшках из Толстой могилы, в то время как на остальных бляшках они имеются. Но отсутствие деталей в изображениях — довольно частое явление. Дело в том, что, хотя серийное производство золотых украшений и являлось одной из отличительных черт боспорской торевтики, греческим художникам были в общем чужды трафареты, поэтому они прибегали к различному внешнему оформлению одних и тех же изображений. Чаще всего это осуществлялось дополнительной обработкой золотого оттиска. Иногда мелкие детали терялись из-за небрежного отношения к процессу штамповки. Но в данном случае рога у оленя отсутствуют на всех 33 бляшках. Это, как мне кажется, следует объяснить или отсутствием их и на штампе, что могло явиться результатом последующей его подправки [17, с. 78], или, как справедливо предполагает Б. Н. Мозолевский, тем, что мы имеем дело с другим штампом с аналогичным рисунком.

Кроме уже отмеченных сюжетов близкая сцена терзания оленя львом имеется на солохинской фиале, где она повторяется много раз в рельефе чаши, на внешней ее стороне [1, табл. 157—159]. Перстень из Семибратнего кургана 4 украшен такой же сценой, но в несколько иной композиции [1, табл. 132]. Есть еще очень близкая северочерноморская аналогия к рассматриваемой схеме на бляшках из Толстой могилы, не замеченная Б. Н. Мозолевским. Это сцены терзания на керкинитидских и херсонесских монетах, только на них вместо оленя — бык, а оба животных — и нападающее и жертва — изображены вправо, а не влево. Сходство этой композиции со сценами на кизикинской монете и на чертомлыцких бляшках отметил еще А. Н. Зограф [18, с. 148, табл. XXXV, 11; 19 с. 379] Херсонесские монеты [7], как

---

[6] Не опубликованы. Мне известны такие бляшки из раскопок В. И. Бидзили в 1972 г.

[7] С. А. Булатович, ссылаясь на эти работы А. Н. Зографа, ошибочно сравнивает упомянутые чертомлыцкие бляшки и херсонесские монеты с другими кизи-

и керкинитидские, связанные, как полагают, с праздничным выпуском, А. Н. Зограф датирует 350—330 гг. до н. э. Мотив этот восточный, а тип льва — иранский. Подобная композиция сцены терзания живет долго, она встречается практически без изменения еще на персидских коврах сасанидского времени [21, табл. 99]. Но для украшения бляшек этот мотив был заимствован скорее всего с кизикинских монет, получивших в свое время широкое распространение в Северном Причерноморье. На это указывает компактность и статичность схемы, особенно свойственная монетным типам.

На боспорских монетах сцены терзания животных не изображались, но среди них есть весьма любопытный в этом отношении образец 340—330 гг. до н. э. с надписью ΠΑΝΤΙ (на левой стороне — голова бородатого сатира в венке из плюща в три четверти влево) [19, табл. XL, 24; 22, табл. IV, 46]. Особенность композиции состоит в том, что оба животных расположены в одной плоскости: маленький олень стоит под напавшим на него львом, который теребит рога своей жертвы, придерживая ее передней лапой. В фигурах животных нет динамики, экспрессии, они кажутся застывшими в своих позах. Это единственное в боспорской нумизматике варваризованное по композиции изображение сцены терзания, его можно сравнить с изображением сцены нападения грифа на оленя в бронзовых навершиях из кургана Слоновская Близница [23, с. 154, рис. 1]. Не отличается совершенством исполнения и изображение на этой монете головы сатира по сравнению с другими подобными изображениями, среди которых имеются подлинные шедевры боспорского искусства.

Интересно еще и другое наблюдение. Животным-жертвой в рассматриваемых сценах выступает на персидских, кизикинских и боспорских монетах олень, на херсонесских и керкинитидских монетах — бык. Как и следовало ожидать, в художественном ремесле Херсонеса изображение оленя (лани) связано с образом Геракла. Это чисто греческий сюжет, в то время как популярность оленя и других животных в боспорской торевтике, предназначенной для варварского окружения, объясняется иными побуждениями ее мастеров. Особенно это касается таких сюжетов, как сцены терзания, нападения хищников на травоядных животных. Для себя боспорские греки так широко не использовали этот сюжет ни на монетах, ни на художественных изделиях. Если обратиться к Средиземноморью, то в собственно Греции на монетах — официальных государственных знаках — сцены терзания вообще не получили признания. Охотнее их использовали в эмблемах своих монет города южной Италии, которые, как и Кипр, подверглись более глубокому влиянию восточных традиций.

Одной из интересных находок в Толстой могиле является золотая обивка ножен меча. На ней, кроме обычных для боспорской торевтики сцен терзания животных и основных персонажей этих сцен — львов, грифов и оленей, появляется, как и на пекторали из той же могилы, лошадь в роли жертвы, а также противостоящие петухи. И совсем необычна одна из сцен на рукоятке меча: сидящий Пан и лежащие по обе стороны от него козлы. Относительно датировки самого меча Б. Н. Мозолевский (с. 68—71, рис. 52—56; с. 178—179) излагает основные положения Е. В. Черненко [24, с. 152—173], который отметил, что мечи подобной формы появляются в конце V в. до н. э., но особенно широко распространяются в IV в. до н. э.

Касаясь центров производства таких мечей, Б. Н. Мозолевский пишет, что А. И. Мелюкова и Н. А. Онайко вслед за М. И. Ростовцевым относят их к Боспору. Однако это неполные и к тому же неточные сведения. В моей статье [25, с. 159—176] основное внимание уделяется золотым обкладкам мечей VI—V вв. до н. э., происходящим из курганов близ хут. Шумайко и Томаковской могилы [8]. Эти обивки, вопреки существовавшим тогда мнениям [26, с. 180; 27, с. 54; 28, с. 74; 29, с. 61], я отнесла к Боспору. Вместе с тем я высказала предположение, что золотые обивки мечей последующих веков скорее всего выходили из тех же мастерских Боспора, который был одним из значительных центров оружейного дела в Северном Причерноморье.

кинскими монетами, на которых передана совершенно иная композиция сцены терзания [20, с. 79, табл. II, 32].

[8] На эту тему мною был сделан доклад в Секторе античной археологии АН СССР в октябре 1963 г. Точку зрения об ольвийском происхождении этих обивок отстаивал Д. Б. Шелов, к нему присоединились А. И. Мелюкова и И. В. Яценко, но в вышедшем в 1964 г. Своде «Вооружение скифов» А. И. Мелюкова неожиданно высказалась и за Боспор, ничем, к сожалению, не обосновывая эту мысль.

В этой же статье, а еще раньше в докладе была впервые высказана мысль о боспорском производстве обивок мечей. Что касается М. И. Ростовцева, то он об этом ничего не говорит. Во всяком случае, мне об этом неизвестно. Поэтому Б. Н. Мозолевскому следовало бы сослаться на соответствующую работу М. И. Ростовцева. Но мне кажется, что этого и не могло быть у М. И. Ростовцева, так как для VI—V вв. до н. э. он придавал исключительно большое значение Ольвии как единственному культурному центру, связывающему Скифию с греками. Однако анализ обивок ножен мечей из Приднепровья, как и другие данные, показал, что художественный стиль этих рельефов близок именно кругу аналогичных изображений, связанных с находками на Боспоре и в ближайших к нему районах Северного Причерноморья. Другие данные также свидетельствуют о большой роли Боспора и в это время [2, с. 78; 5, с. 48].

Б. Н. Мозолевский, высказываясь как будто за боспорское производство и ножен из Толстой могилы, не оставляет без внимания и ничем не подкрепленную мысль Е. В. Черненко, полагавшего, что они могли быть изготовлены и в каком-нибудь другом центре Северного Причерноморья. Конечно, наряду с крупными производственными центрами, каким был Боспор, какая-то часть подобной продукции могла выходить и из других северочерноморских городов. Верно и то, что в поисках центра производства большое значение имеет анализ сюжетов в рельефах ножен меча с Толстой могилы, как и на всякой другой подобной вещи. Но в таком случае, где же этот анализ? Из всего набора интереснейших сюжетов, украсивших эти ножны, Б. Н. Мозолевский, повторяя Е. В. Черненко [24, с. 161], упоминает только об изображении на них Пана и петухов, подчеркивая появление этих сюжетов в северочерноморской торевтике как исключительное, по его мнению, явление.

И образ Пана, и изображение петухов, однако, были известны в торевтике Северного Причерноморья и до раскопок Толстой могилы. Отдельные фигурки петухов переданы на золотых бляшках из Нимфея [1, табл. 106], головки Пана украшают серебряную фиалу из Чмыревой могилы [2, табл. XIV, 39в] и шлем из Олонештского клада [30, с. 140, рис. 11а]. Что касается композиции этих сюжетов на ножнах из Толстой могилы, то противостоящие петухи, действительно, новинка, а вот такой же сидящий Пан со скрещенными ногами уже был известен ранее, правда, не в торевтике, а на известковой надгробной плите из Фанагории первой половины I в. н. э. [31, с. 174, рис. 1]. М. М. Кобылина, издавшая надгробие, приводит ряд аналогий к изображению Пана и отмечает популярность его культа в Северном Причерноморье. Надгробие из Фанагории позволяет также сделать вывод о том, что подобная композиция изображения Пана повторялась художниками на протяжении многих веков.

Ссылаясь на отмеченное в античной литературе традиционное мнение о связи образа Пана с военным делом и ассоциации его с событиями Марафонской битвы, Б. Н. Мозолевский склонен связывать происхождение этого мотива с Афинами. Но это, как мне кажется, необязательно. Несмотря на то что афиняне в благодарность за победоносный исход битвы с персами, к которой якобы имел отношение Пан, посвятили ему грот в скале под акрополем и ежегодно совершали жертвоприношения и бег с факелами в его честь, не следует забывать, что это божество почиталось и в других городах. Во многих областях Греции стояли статуи и имелись святилища Пана — одного из древнейших и популярнейших богов Греции. К тому же родина этого бога лесов и рощ, жизнерадостного спутника Диониса и в то же время вызывавшего панических страх,— Аркадия.

Как уже отмечалось, изображение противостоящих («affrontes») петухов на обивке меча из Толстой могилы уникальное для Северного Причерноморья. Сообщение Б. Н. Мозолевского о находке перстня с изображением петухов экспедицией В. В. Отрощенко [9] вроде бы подало надежду на новые подобные находки, однако, как оказалось, на перстне иной сюжет: два петуха стоят на черепах типа конских, между ними мышь, над ними орел. Все это вырезано на камне от перстня-печатки, который может быть и средиземноморского происхождения. Б. Н. Мозолевский считает, что изображение дерущихся петухов, как и сцена с изображением Пана, происходит из Афин. Это вполне возможно, тем более что Афины оказали большое влияние на художественную культуру Северного Причерноморья, но необязательно. Петушиные бои были любимой забавой не только афинян, они пришли в Грецию

[9] Отчет о работе Запорожской постоянно действующей экспедиции ИА АН УССР (Архив ИА № 1970, 72/36, дневник, с. 62).

из Персии еще в VI в. до н. э. В классический период, с принятием общественных идеалов старой аристократии, они получили еще большее распространение и стали излюбленным сюжетом в изобразительном искусстве греков, особенно в вазовой живописи. Петух символизировал чаще всего воинственность, боевитость и в то же время пример мужественной добродетельности в борьбе [10]. В росписях ваз присутствие дерущихся петухов напоминало об этих качествах различных персонажей, на боевых доспехах (мечи, кнемиды, щиты, шлемы) эти сцены воодушевляли воинов к храбрости и стойкости. Образу петуха в этом отношении посвящено немало хвалебных слов у древних авторов. Известный афинский финансист Ликург, преследовавший тех, кто не показался ему в войне храбрым, был, как полагают, инициатором нового оформления театра Диониса в Афинах, в котором на троне жреца появилось изображение петушиной борьбы.

Петушиная борьба, как известно, имела социальные рамки и общественные функции. Примером последней может служить и упомянутое Б. Н. Мозолевским изображение петушиной борьбы на фризе надгробного памятника из Ксанфа (на ликийском акрополе) [32]. Некоторые исследователи видят в этих сценах символ победы покойных над врагом. Однако привлечение Б. Н. Мозолевским изображения петухов на этом памятнике как близкой аналогии к петухам на обивке меча из Толстой могилы нам представляется спорным. Возбужденные, готовые сцепиться друг с другом петухи на ликийском фризе переданы весьма реалистично, на обивках же меча петухи стоят неподвижно, у них иная форма крыльев, хвоста и головы. Единственное, что может выдавать боевое настроение последних,— это глаза, круглые, нарочито крупные. Так изображались глаза в северочерноморских орлиных головках [11], а также у некоторых животных, выполненных в зверином стиле. Петухи на обивках меча, хотя и реалистичнее тех, что изображены на нимфейских бляшках, но все же в них тоже многое настолько переработано в местных условиях, что поиски аналогий на средиземноморских памятниках оказываются безуспешными. Что касается композиции дерущихся петухов, то она живет долго. В связи с этим нельзя ориентироваться на ликийский фриз и в датировке меча из Толстой могилы. Это значительно более древний памятник, даже если принять датировку его второй четвертью V в. до н. э. (наиболее позднюю из существующих).

Б. Н. Мозолевский полагает, что стиль изображений на обивке меча и рукоятке из Толстой могилы разный, может быть даже, как считает он, здесь налицо разные мастера и разное время. Мне кажется, что вопрос о мастерах в изучении северочерноморской торевтики настолько важен, что не следует ограничиваться вскользь брошенной мыслью — это ничего не дает. Непонятно также, почему автор так уверенно говорит о разновременности обивок меча и рукоятки. Мысль Е. В. Черненко, на которую ссылается Б. Н. Мозолевский,— об изготовлении этих обивок посредством бронзовой матрицы-штампа — правдоподобна, но не нова. Следовало бы напомнить читателю, что вопрос о технике изготовления золотых художественных пластин, например обивок горитов, был поставлен еще Б. В. Фармаковским и с тех пор неоднократно затрагивался в нашей литературе [34, с. 45; 2, с. 73; 35, с. 161].

Для четырехугольных бляшек с изображением львиноголового грифа влево, как справедливо отметил Б. Н. Мозолевский, ближайшая аналогия — бляшки из кургана Огуз (с. 131, рис. 113. 8; 115). Но это к тому же еще и упрощенное, грубоватое повторение боспорского монетного типа. Лучшим образцом подобного повторения являются пока огузские бляшки, ближе всего к ним гриф на монетах 340—330 гг. Подобная схема изображения такого же грифа влево (но с головой в профиль) украшает электровый перстень из Каховского кургана на Херсонщине [36, рис. 28]. Этот гриф изображен в силуэтной манере, без детализации тела, но с четким контуром фигуры. Несколько дальше от этих изображений стоят подобные грифы на серебряных с позолотой четырехугольных бляшках из с. Будки, Полтавской обл. [37, табл. XXIV, рис. 414].

---

[10] Кроме того, петух — символ судьбы; в петухе — темная сила таинственного рока и смерти; он символ семейной жизни и любви, подарок от благородного мужчины мальчику. В последнем случае они оба выступают в аспекте петушиной символики — храбрости и эротики. Предполагают, что с вульгаризацией петушиной борьбы интерес к керамике с подобными сюжетами со временем терялся.

[11] Интересно отметить, что на одном, возможно пантикапейском, перстне IV в. до н. э. имеется изображение петуха-грифа [33, № 36].

Относительно прямоугольных бляшек с изображением сидящего сфинкса вправо (с. 131, рис. 113, 9; с. 133, рис. 116; с. 209) Б. Н. Мозолевский пишет, что они не имеют аналогий, хотя образ этого чудовища был популярен в торевтике Северного Причерноморья. К сожалению, эти бляшки не в первоклассном исполнении. И если допустить, что оригинал отштампован неаккуратно и в оттиске не обозначились все детали фигуры сфинкса, то можно предположить, что у него передняя лапа поднята вверх, перед собой. Тогда найти аналогию, причем очень близкую, нетрудно. Это сфинкс, украсивший звенья налобного украшения из Ольвии,— рис. 1, *а*, *б* [12]. Они такой же формы и высоты, только у́же, чем бляшки из Толстой могилы (2,7—2,9 × 1,7—1,8 см). Звенья ольвийского украшения отличаются также более четким и богатым исполнением. К каждому из них подвешено по две амфоровидных подвески. Подобное изображение сфинкса характерно для клейм хиосских амфор и эмблем монет того же центра.

По мнению Б. Н. Мозолевского, на золотых обивках ритона из Толстой могилы (с. 57, рис. 39; с. 194) изображены «гиппокампы». В. А. Ильинская назвала этот сюжет «петушком» [38, с. 133]. Но почему «гиппокамп» или «петушок» — ни один из этих авторов не объясняет. А между тем это очень важно. Северочерноморский звериный стиль, как и другие его локальные варианты, имеет свои особенности. Нетрудно убедиться в том, что в искусстве звериного стиля Северного Причерноморья образ петуха никогда не встречается. Более того, изображение на обивках горита, как и многочисленные аналогичные ему изображения на бронзовых бляхах от конской узды из скифских курганов Приднепровья, ничего общего не имеют с петухом. Образ гиппокампа встречается в греческих произведениях. Но его иконография хорошо известна и также ничего общего не имеет с петухом. Мне представляется, что это смешанное и к тому же сугубо символическое изображение,

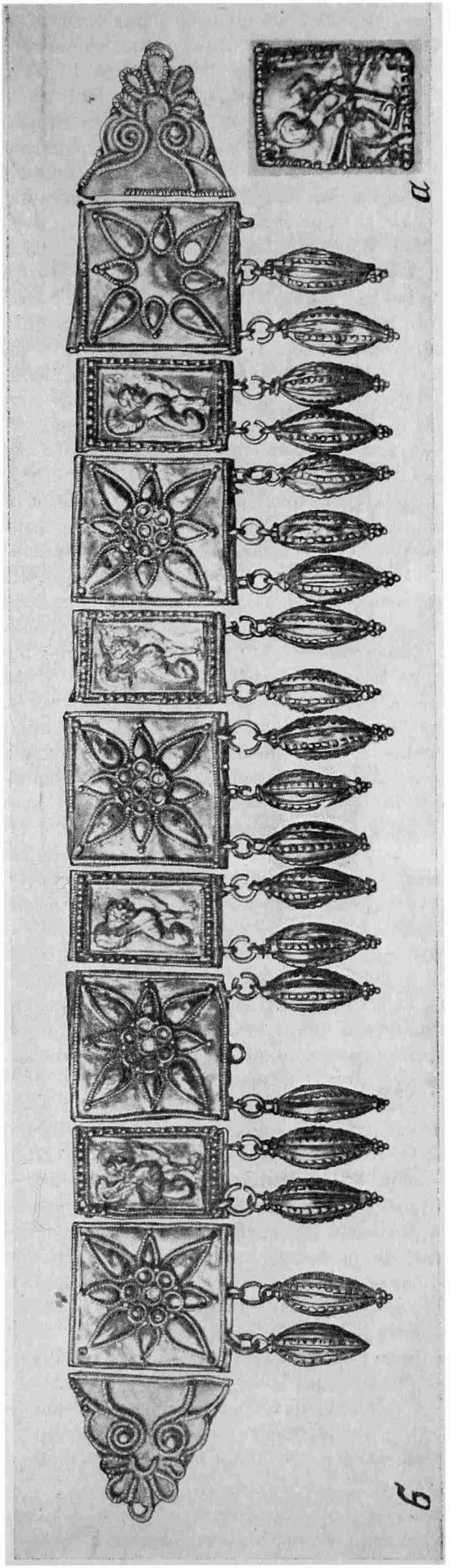


Рис. 1. *а* — золотая бляшка из Толстой могилы, II в.; *б* — налобное украшение из Ольвии. Золото, II в.

[12] Фотоархив ЛОИА, инв. № III—3112/6250.

которое передает не полный образ животного, а лишь сочетание отдельных его элементов. Скорее всего отмеченные элементы могут быть связаны с образом грифа.

На *с.* 64, рис. 47, 4—6 (см. также с. 177), изображены золотые ажурные пластины в виде маски зверя, как определяет Б. Н. Мозолевский. В отличие от Е. В. Черненко, который считает, что эти пластины украшали горит, Б. Н. Мозолевский высказывает предположение об их принадлежности к колчану. Он называет также ряд аналогичных по технике изготовления пластин из Северного Причерноморья. От определения животного, изображенного на масках из Толстой могилы, Б. Н. Мозолевский воздержался. Но это ведь лев. Его маски хорошо известны среди других находок бронзовых и золотых украшений из скифских курганов. Есть подобные золотые маски и греческой работы [2, табл. XLI, 494к]. Одновременно с ними бытовали сильно стилизованные маски льва. К ним относятся львиные маски (а не бородатой мужской головы, как полагает С. С. Бессонова [39, с. 14], а вслед за ней составитель альбома «Древнее золото» И. В. Бондарь) на золотой обивке ножен меча из Куль-Обы [1, табл. 208], на золотой пластине из кург. 1 у Дорт-Оба [1, табл. 194] и др. К V в. до н. э. относятся бронзовые маски льва из кург. 4 у с. Берестняги [40, с. 96, рис. 45]. В отличие от масок из золота эти маски близки по манере художественного оформления к маскам из Толстой могилы: грива — в виде рельефных прямых линий; уши — в форме листа с острыми концами, моделированного косыми рельефными полосками; также обозначены и щеки льва. Подобная моделировка, а также форма этих масок выделяют их в особую разновидность изделий северочерноморской торевтики, для которой характерны стилистические особенности фракийского искусства. Небезынтересно также отметить, что бляшки из с. Берестняги изготовлены из западного сырья[13], близкого к рецептам бронзовых сосудов из с. Песчаного и др.

Удивительно мало внимания уделено в монографии Б. Н. Мозолевского сюжетам на золотой пекторали, пополнившей коллекцию высокохудожественных произведений боспорской торевтики со сценами из жизни северочерноморских скифов. Единственной и прямой аналогией в целом для пекторали, конечно, является аналогичное украшение из Большой Близницы [41, с. 60, рис. 81]. Но выбранный для доказательства северочерноморского происхождения и датировки пекторали пример — нимфейский скарабеоид с изображением коровы с теленком [42, с. 56, рис. 24, 2] — крайне не удачен (с. 218): 1) скарабеоид скорее всего привозной; 2) он мог служить украшением довольно длительное время; 3) переданный на нем сюжет не слишком распространен в Северном Причерноморье. И если говорить о местной северочерноморской традиции, то именно пектораль подарила нам это единственное и первое подобное изображение. Вообще же этот сюжет очень древний и долго пользовался популярностью в искусстве разных народов, в том числе и у древних греков. На пекторали есть еще близкий по содержанию сюжет: лошадь с сосущим ее жеребенком. Этот мотив встречается значительно реже. В этой связи можно упомянуть и бляху из Семибратнего кургана с изображением оленихи (рога — плод фантазии художника) с олененком — сюжет, также хорошо известный в искусстве древнего мира.

Анализируя центральную сцену на верхнем фризе пекторали с изображением двух скифов, держащих меховую рубашку, Б. Н. Мозолевский возражает В. А. Ильинской в том, что это ремесленники (с. 219—220). Не вдаваясь в суть смыслового значения этой сцены, коснемся попутно тех сюжетов, в которых, по мнению В. А. Ильинской, изображены ремесленники и с которыми она сравнивает сцену на пекторали. Это клеймо на амфорной ручке из с. Каменка-Днепровская и изображение на ручке бронзовой патеры из Новочеркасского музея. Но ведь это разновременные источники, а главное, и амфора, к которой принадлежала ручка[14], и патера импортные. Поэтому нет оснований говорить о «традиционности подобных композиций и обычности изображений людей в процессе труда, интересе к этой теме в искусстве населения Северного Причерноморья» (с. 36) [43, с. 31]. Для этого пока нет никаких данных.

В Толстой могиле среди предметов конской сбруи найдены серебряные, а также золотые и бронзовые фигурные нащечники (с. 37, рис. 21, 5—6; с. 42, рис. 25, 7—8; с. 43, рис. 26). Одни из них завершаются гравированным изображением головы

[13] Определение С. Я. Ольговского. См. также [12, с. 52].

[14] Предположение В. А. Ильинской о том, что изображение на ручке вырезано в условиях Северного Причерноморья, спорно.

птицы, другие — полной фигурой птицы (с ногами или без них), третьи — такой же птицей, но с хвостом дракона. На тех нащечниках, где изображена полная фигура птицы и птицы-дракона, под ними помещена орнаментальная полоса в виде ветки плюща, колокольчиков или просто растительных побегов. На двух нащечниках с головой птицы (рис. 21, 5—6) они выгравированы в беглом стиле: своеобразная схема оперения (?) птицы, которую Б. Н. Мозолевский сравнивает с изображением оленьих рогов; спиралевидный орнамент, а под ним «Staborname nt» с мелкими кружочками у основания. В нижней части этих нащечников переданы гребни волн, а под ними маленькие фигурки дельфинов.

Кроме описанных в той же могиле найдены приблизительно такие же по форме нащечники, но с еще более схематичным и грубоватым изображением гравированного орнамента в виде поперечных зигзагообразных линий, причудливых полос, напоминающих тамгообразные знаки, лепестки пальмет и рубчатый контурный орнамент (с. 115, рис. 99). Б. Н. Мозолевский напоминает читателю уже высказанное в литературе мнение о том, что все эти нащечники происходят от фигурных блях V в. до н. э. с изображением бедра хищника или животного со стилизованными ногами. Солохинские [44, рис. 208, 210, 211, 216] и Чмыревские [45, рис. 62, 68] находки, а также предметы из Толстой могилы (рис. 25, 7 и 8) он относит к первой половине IV в. до н. э.— периоду «становления», по его мнению, таких нащечников. С середины этого столетия в степной Скифии появляются и быстро распространяются нащечники другого подтипа, которые варьируют в деталях. Сопровождаются они, как отмечает Б. Н. Мозолевский, исключительно львиноголовыми литыми наносниками. Кроме Толстой могилы такие нащечники найдены в Чертомлыке, Чмыревой могиле, Огузе, Лемешовом и Мелитопольском курганах, Страшной могиле, а за пределами степи — в Волковцах (1897 г.).

Касаясь генезиса формы пластин последнего подтипа, Б. Н. Мозолевский сопоставляет их с большой серией литых блях — стилизованных бедер животных типа чертомлыцкой (рис. 132, 1), назвав ее «прототипом». За ней следуют самые схематичные («примитивные») и по форме, и по орнаменту нащечники типа тех, что найдены в Толстой могиле (рис. 132, 2). Затем, судя по этому рисунку, появились нащечники с менее и более четко обозначенными головой, протомой и целой фигурой птицы. У меня нет возражений по поводу общей схемы развития рассматриваемых мотивов. Подобные им были проанализированы К. Малкиной еще в 1926 г. [46, с. 176], и ее типологическая таблица не потеряла своего значения по сей день. Некоторые дополнения, касающиеся главным образом датировок рассматриваемого круга вещей, сделал К. Шефольд [47]. Все, что предложено по этому поводу позднее — будь то таблицы или конкретные выводы о развитии мотивов,— не дает ничего нового, если не считать дополнительные публикации новых находок. К сожалению, у Б. Н. Мозолевского, как и у многих других исследователей, на которых он ссылается, отсутствуют ссылки на К. Малкину. То ли эта работа забыта [15], то ли незаслуженно игнорируется. Поэтому мы считаем своим долгом напомнить читателям о ее существовании.

Кстати сказать, в работе К. Малкиной приведены более удачные примеры так называемого прототипа (Beibl. 2, 8) ко второму подтипу нащечников по Б. Н. Мозолевскому. Заслуга К. Малкиной также в том, что она убедительно показала греческое производство нащечников с изображением птицы. Находки подобных нащечников из Толстой могилы подкрепляют этот вывод наличием на них других мотивов чисто греческого орнамента (побеги плюща, колокольчики, «Staborname nt»), который украшает также скифские ритуальные сосуды греческого производства и другие предметы.

Очень жаль, что Б. Н. Мозолевский не обосновал намеченные им хронологические периоды бытования нащечников, так как без этого все рассуждения о развитии во времени неубедительны. Кстати, схематическое и грубое исполнение не всегда является показателем начальной стадии развития мотива.

Небольшие бляшки с изображением летящей на птице женской фигуры из Толстой могилы впервые найдены в Приднепровье и в Северном Причерноморье вообще, насколько мне известно. Б. Н. Мозолевский полагает, что это Афродита Урания

[15] С другой стороны, те исследователи, которые обращались к этому мотиву, знают работу К. Шефольда. А К. Шефольд в разделе «Ноги животных» своей работы отмечает, что историю этого мотива набросала К. Малкина, поэтому он коснется только точных датировок и принципов «скифского стиля».

(с. 131, рис. 113, 5—7; с. 133, рис. 115; с. 209). Скорее всего это так и есть, но следует сделать несколько оговорок. У птицы короткая, не характерная для лебедя шея и веерообразный хвост. Она напоминает голубя, но подобные неточности в изображении хорошо известны даже в высокохудожественных произведениях. Они объясняются тем, что художники, выпускавшие мелкие украшения, нередко заимствовали сюжеты из произведений монументального искусства и поэтому вынуждены были иногда прибегать к различного рода упрощениям и сокращениям. Композиция рисунка на бляшках из Толстой могилы как раз находит близкие в этом плане аналогии [48, с. 209, рис. 1]. Изображенная на вазах и других памятниках греческого искусства IV в. до н. э. богиня в этой позе обычно придерживает над плечом хитон или покрывало [48, рис. 2, 3, 6, 7, 11, 12]. На бляшках же из Толстой могилы у нее высоко поднятые руки как будто держат над головой шарф, что характерно для изображений Нереид, Менад и Нимф, например Нимфы Камарины (монеты Сицилии). Надо сказать, что последняя также изображалась на лебеде, несущемся по морским волнам.

Таким образом, если в оригинале рассматриваемого сюжета Афродита была изображена с обычным для нее положением рук, то приднепровские бляшки представляют свободное творчество художника. Они свидетельствуют также о почитании культа этой богини в Северном Причерноморье, и в частности на Боспоре [49, с. 137; 50, с. 104; 51, с. 121]. Боспорское происхождение этих бляшек может быть подтверждено наличием близких аналогий на боспорских памятниках [52: с. 246; 48, рис. 4].

Б. Н. Мозолевский уверенно, как он подчеркивает, датирует Толстую могилу серединой IV в. до н. э. [с. 237] и уверенно ставит Толстую могилу между Солохой и Чертомлыком [16]. Конечно, Толстая могила позднее Солохи, но скорее всего одновременна или почти одновременна Чертомлыку. В свете сказанного предложенная И. Б. Брашинским дата Толстой могилы по амфорам (третья четверть IV в. до н. э.) заслуживает внимания [53, с. 67]. Это подтверждается и золотыми бляшками со сценой терзания из Толстой могилы и Чертомлыка. Как уже отмечалось, по композиции они аналогичны сцене терзания, переданной на херсонесских и керкинитидских монетах 350—330 гг. до н. э. [54, с. 137, табл. IV, 57—59]. В связи с этим необходимо отметить еще один факт. В Толстой могиле и в Курджипском кургане найдены сходные по форме и декору стеклянные фиалы. А поскольку подобной посудой из-за ее хрупкости не могли пользоваться долго, то, возможно, и время бытования этих фиал близкое. Тогда дата Толстой могилы может быть ближе к концу третьей четверти IV в. до н. э., так как Курджипский курган датируется последней четвертью этого столетия [55].

Не могу согласиться с тем, что «постепенный переход монополии на изготовление парадных украшений знати к античным мастерам приводит к деградации скифского звериного стиля» (с. 238), что по существу ведет к признанию отрицания собственных внутренних процессов развития этого стиля [56, 57]. Это так же неверно, как неверно объяснение, например, гибели античной культуры нашествием варваров или победой христианства.

Заканчивая краткий обзор предметов торевтики из раскопок скифских курганов последних лет, подчеркнем еще раз большое значение выхода в свет этого материала и поздравим украинских археологов с новыми открытиями. Особенно большой материал дала Толстая могила. Над ним будет работать не одно поколение, а отдельные вещи могут быть предметом специального исследования. Вместе с тем хочется выразить сожаление о том, что в монографическом исследовании, посвященном Толстой могиле, не чувствуется стремления к полноте анализа художественных изделий из металла и использования его для характеристики этого памятника скифской культуры, а также греческих центров, снабжавших Приднепровье своей продукцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия — Ленинград: Советский художник, 1966.

[16] Б. Н. Мозолевский неправ в том, что, если гривна Чертомлыцкого кургана кажется сильно изношенной, то и все содержимое в этом кургане следует датировать более ранним временем, чем это принято (с. 212).

2. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-27. М., 1970.
3. *Ганіна О. Д.* Античні бронзи з Піщаного. Київ: Мистецтво, 1970.
4. *Сорокина Н. П.* Навершие боспорского надгробья с фигуркой сирены из собрания Государственного исторического музея.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
5. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв.— САИ, вып. Д1-27. М., 1966.
6. *Башилов В. А.* Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино.— СА, 1966, № 2.
7. *Кругликова И. Т.* Бронзовая гидрия из Анапы.— КСИА АН СССР, 1975, вып. 143.
8. Древности Боспора Киммерийского. Спб., 1854.
9. *Велков Ив.* Нови могилни находки.— ИБАИ, V, 1928/1929.
10. *Венедиков Ив., Герасимов Т.* Тракийското изкуство. София, 1973.
11. *Велков Ив.* Антични паметници из България.— ГНМ, III, 1921.
12. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981.
13. *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России.— МАР, 1914, № 34.
14. *Studniczka F.* Ein altgriechischer Spiegel.— AA, 1919, H. 1—2.
15. *Дяковичъ Б.* Тракийска гробница при с. Опълченец.— Годишникъ на народнате библиотека и Музей въ Пловдивъ, 1930. София, 1932.
16. Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974.
17. *Онайко Н. А.* Заметки о технике боспорской торевтики.— СА, 1974, № 3.
18. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 6.
19. *Зограф А. Н.* Две группы херсонесских монет с заимствованными типами.— ИГАИМК, 1927, вып. V.
20. *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки.— ВДИ, 1970, № 2.
21. *Sarre F.* Die Kunst des altes Persien. Berlin, 1923.
22. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора. М.: Наука, 1956.
23. *Онайко Н. А.* Аполлон Гиперборейский.— В кн.: История и культура античного мира.— М.: Наука, 1977.
24. *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
25. *Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
26. *Копошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 1956, № 50.
27. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.
28. *Манцевич А. П.* Золотой венец из кургана на р. Калитва.— ИБАИ, XXII. София, 1959.
29. *Манцевич А. П.* Серьги из станицы Крымской.— АСб. ГЭ, 1961, № 2.
30. *Сергеев Г. П.* Олонештский клад.— ВДИ, 1966, № 2.
31. *Кобылина М. М.* Пан на надгробной плите из Фанагории.— СА, 1973, № 3.
32. *Coupel P., Metzger H.* La frise de «coqs et poules» de l'Acropole de Xanthos. Essai de restitution et d'interprétation.— RA, 1976, № 2.
33. *Неверов О. Я.* Античные перстни. Каталог временной выставки. Л., 1978.
34. *Фармаковский Б. В.* Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах.— В кн.: Сборник археологических статей, поднесенных А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
35. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1961, № 1.
36. *Leskov A.* Treasures from the Ukrainian Barrows. Л.: Аврора, 1972.
37. *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Вып. II. Киев, 1899.
38. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
39. *Бессонова С. С.* Золотой налобник из Волковецкого кургана.— Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Ч. 2. Киев, 1975.
40. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. Спб., 1901.
41. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Т. I. Спб., 1889.
42. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69.
43. *Іллінська В. А.* Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я.— Археологія, 1976, № 20.
44. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
45. ИАК, вып. 19, 1906.
46. *Malkina K.* Ein Motiv aus dem skythischen Tierstil.— JDAI, t. XLI, 1926, H. 3/4.
47. *Schefold K.* Der Skythische Tierstil in Sudrussland.— ESA, XII. Helsinki, 1938.
48. *Вальдгауэр О. Ф.* Афродита Урания и Афродита Пандемос.— ИРАИМК, т. II. Пг., 1922.
49. *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском.— КСИИМК, 1946, вып. 43.
50. *Иванова А. П.* К вопросу о культе Афродиты на Боспоре.— ВДИ, 1950, № 3.
51. *Марченко И. Д.* О культе Афродиты на Тамани.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
52. ОАК за 1877 г. Спб., 1880.
53. *Брашинский И. Б.* К вопросу о датировке кургана Толстая могила.— Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.
54. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977.
55. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.

56. *Онайко Н. А.* Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
57. *Онайко Н. А.* О воздействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль.— СА, 1976, № 3.

О некоторых неточностях в изложении истории исследований Ярополча Залесского (Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978)

Крупные раскопки летописного Ярополча, предпринятые В. В. и М. В. Седовыми, привлекли внимание читателей как к истории древнего города, так и к истории изучения ярополческого городища. Обзор «История изучения Ярополча Залесского» приведен в книге М. В. Седовой [1], одобрительно встреченной читателями [2]. Однако этот раздел исследования М. В. Седовой уязвим для критики.

При рассмотрении истории изучения археологического памятника естественны вопросы: кто первым ввел его в научную литературу, кто первым осуществил осмотр памятника, провел первые раскопки. М. В. Седова сообщает, что шурфовку городища первым произвел П. И. Попов в 1909 г., а первые пробные раскопки — владимирский краевед А. И. Иванов в 1926 г. М. В. Седова не обратила внимания на публикацию А. А. Спицина о раскопках 1907 г. [3, с. 100]. «Интересные раскопки,— писал А. А. Спицын,— были проведены в 1907 году в Пировых Городищах на Клязьме Вязниковского у(езда). Вал городища здесь довольно высок, имеет по верху правильную ровную площадку и часть его обожжена. Находки немногочисленны, но характерны и состоят из вещей курганных типов XII в.: два медные фигурные крестика, финская бляшка с двумя головками с привесками в виде лапок, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица... шлак и пр.». Таким образом, ряд выводов, сделанных М. В. Седовой (о том, что «одна сторона вала» была «подвергнута прокаливанию» [1, с. 18], о датировке находок на городище XII в. [1, с. 126]) восходит еще к А. А. Спицыну.

Не ясно, почему М. В. Седова относит шурфовку городища, произведенную П. И. Поповым, к 1909 г. Петр Ильич Попов, смотритель вязниковского участка Московско-Нижегородского шоссе, живший в этот период в Вязниках, мог, конечно, бывать на городище и в 1909 г. Однако документы из архива ЛОИА, на которые ссылается М. В. Седова, относятся к 1910 г.: самый ранний из этих документов — прошение П. И. Попова вести раскопки Пирова городища — датирован 14 мая 1910 г. [4, л. 32]. Работы на городище П. И. Попов производил после получения указанного разрешения.

Согласно сведениям М. В. Седовой, в период с 1869 по 1909 г. (от посещения городища К. А. Веселовским до шурфовки городища П. И. Поповым) работ, относящихся к истории летописного Ярополча, не было. Однако именно к этому периоду относится выпавшая из поля зрения М. В. Седовой публикация Д. Ф. Щеглова, в которой впервые был поставлен вопрос о цели строительства древнего Ярополча на Клязьме: контроль над речными торговыми путями [5, с. 61] [1].

Из раскопок послевоенного периода М. В. Седова не отметила раскопки 1947 г., проводившиеся О. Н. Бадером, в то время доцентом Пермского университета. О планах этих раскопок сообщал Н. П. Рождественский [7] [2].

М. В. Седова сообщает, что в начале XIX в. городище «посетил» З. Я. Доленга-Ходаковский. Сведения эти не подкреплены какой-либо ссылкой на первоисточник и представляются спорными. План «ученого путешествия» Ходаковского остался, по существу, не реализованным. Не имея никаких средств на полевые изыскания, Ходаковский получал основные сведения о городищах путем расспросов приезжих крестьян на московском Сенном рынке. Только один раз, получив небольшую правительственную субсидию, Ходаковский предпринял поездку с научными целями по маршруту, охватывавшему в основном северо-западную часть России [8, с. 77].

[1] Отметим, что В. А. Кучкин, посвятивший цели строительства Ярополча раздел своей статьи [6, с. 34], данный источник, в котором поставленный вопрос затронут впервые, также не приводит.

[2] При ссылке на другую публикацию Н. П. Рождественского [1, с. 13] М. В. Седова приводит фамилию Рождественского без инициалов. Это — Николай Петрович Рождественский, в 1940-е годы — директор Вязниковского музея.

Ходаковский действительно отметил «городище... на Клязьме, ниже Вязников» в своем плане «ученого путешествия» и тем самым ввел сведения о городище в научную литературу. Позднее были опубликованы некоторые его соображения о древности приклязьминских селений в окрестности отмеченного им городища: «Станки на Клязьме в Вязниковском уезде» [9, с. 48], деревня с корнем «брага» в названии, «2 в(ерсты) от Городища Пирова», точное название которой Ходаковский, видимо, сразу не записал, а потом запамятовал и оставил для него отточие в тексте (имелась в виду деревня Брагино). Он далее собирался посетить область «старой Мерии» [10, с. CXXXVIII]. Известно также следующее: «Ходаковский сказывал Киреевскому, что в Нижегородской губернии он слышал от крестьян слово «митра» в значении «солнце» [8, с. 82]. Возможно, он побывал когда-то в Нижегородской губернии. Но почтовой дороги на Нижний Новгород через Вязники в начале XIX в. не было — почтовым ведомством не обслуживался участок от Гороховца до Горбатова, путь шел через Муром по правому берегу Оки [11, с. 14, 29, 32]. Исходя из вышеизложенного, представляется, что отмеченных фактов недостаточно для утверждения о посещении Ходаковским городища на Клязьме. Он мог побывать на нем. Но «мог побывать» и утвердительное «посетил» — не одно и то же.

Вместе с тем М. В. Седова не указывает другого путешественника, посетившего Пирово Городище,— И. М. Долгорукого, поэта и владимирского губернатора, «стихоплета великородного», как называл его А. С. Пушкин [12, с. 478]. И. М. Долгорукий первым из просвещенных деятелей начала XIX в. записал предание о происхождении названия города Ярополча: «Говорят, что Ярополк дал сим холмам имя свое», и тут же отметил недостаточность имевшихся на сей счет сведений: «... чем это доказать? Это так далеко от нас...» [13, с. 204]. И. М. Долгорукий видел валы Ярополча лично: в Пировых Городищах он побывал по меньшей мере дважды, причем первый раз в самом начале века, в 1802—1803 гг.

Обосновывая место поисков летописного Ярополча, М. В. Седова привлекает данные топонимики, названия местных населенных пунктов и урочищ, отмечая, что «огромный лесной массив на левом берегу Клязьмы до сих пор называется Ярополчьим бором» [1, с. 12]. Однако название «Ярополческий бор» — книжное; местное население в устной речи им практически не пользуется. В литературе это название проникло также не ранее второй половины XIX в.— еще в 60-х годах прошлого века заклязьминский бор называли «Общим» или «Красным» [14, с. IX]. К этому времени, как известно [4, л. 100], местное население историю основания древнего города и даже его название полностью забыло: земляные валы назывались просто «городок», а создание его приписывалось великанам — «волотам». Память о летописном Ярополче изгладилась, видимо, даже ранее и уж никак не сохранялась в названии заклязьминского бора. Имеется большое количество документов XVII в., связанных с событиями, которые происходили как раз в этом лесном массиве: розыски «лесных старцев» — капитоновцев, возводивших «хулу на державу», строительство лесных монастырей и т. д. Ни в одном из этих документов, включая и составленные местными жителями, (напр. старцем Серапионом, автором известного «извета»), лесной заклязьминский массив «Ярополческим бором» не назывался. Авторы сохранившихся документов использовали менее определенные названия: «за рекою де за Клязьмою в бору» [15, с. 78, 329], «за рекою Клязьмою лес велик простреся яко за семьдесят поприщ и дальше» [16, с. 7]. Вероятно, название «Ярополческий бор» возникло в память о новом Ярополче — Ярополче времен Алексея Михайловича. В равной степени это относится и к селениям Яропольские выселки и Ярополческий Оселок: доказательств древности этих селений нет[3]. Но существует термин, безусловно, более древний, чем перечисленные,— церковная «Ярополческая десятина», М. В. Седовой не отмеченный.

При описании поисков городища летописного Ярополча М. В. Седова приводит и некоторые сведения об упомянутом выше Ярополче времен Алексея Михайловича: «В 1657 г. по указу царя Алексея Михайловича на Мининой горе был поставлен земляной город четырехугольной формы с каменными башнями по углам. С тех пор село Минино было переименовано в Ярополческий Городок» [1, с. 12]. Источник,

[3] М. В. Седова в качестве источника использует публикацию 1863 г. [14, с. 46]. Следует отметить, что вопреки указанию М. В. Седовой «Яропольские выселки» в этом источнике не упомянуты вообще; упомянут только Ярополческий (а не «Ярополченский» [1, с. 12]) Оселок.

на который опирается М. В. Седова [17][4], не является первичным, и содержание указа Алексея Михайловича о начале строительства нового города [18, 19] в нем передано не точно. В указе приведено не описание построенного города, а своего рода план его строительства. Согласно царскому указу предполагалось «зделать земляной город, а башни каменные». Однако первоначальный план пришлось изменить, и это сказалось на облике построенного города. Замечания к процитированному отрывку книги М. В. Седовой следующие.

1. Город был не «земляной», а деревянный: «А тот город построен деревянной», [20]. Сохранилось, кроме того, малоизвестное описание построенного города: «...город Ярополч деревянной сосновой на дубовом режу, рублено в две стены через чюлан, а те чюланы прорублены, где людям ходить, изнутри города, а другой пролаз без дверей, и в них из чюлана в чюлан во все двери есть, и покрытый весь ровен в два теса, и катки положены под кровлею» [21, с. 201]. «Валовые писцы» того времени тип города — земляной, деревянный, каменный — различали очень четко. Во время пожара 1703 г. город сгорел «без остатку». Все это определенно говорит о том, что построенный город был деревянным, а не земляным, как указывает М. В. Седова.

2. Город не был «поставлен» в 1657 г. В это время было только начато его строительство, которое продолжалось не менее 3—5 лет [22, с. 67].

3. Город не был «четырехугольной формы»: контур городской стены был треугольным или скорее сердцевидным [22, с. 69; 23].

4. Городские башни были не только «по углам»: согласно указанному выше описанию Ярополча городская стена имела не менее 16—17 башен, расположенных над проезжими воротами, стоком вешних вод и т. д.

5. Не имеет доказательств утверждение М. В. Седовой о том, что башни Ярополча были «каменными». Доказательств того, что царский указ сделать «башни каменные» был выполнен, не найдено. Имеется упоминание о том, что камень, предназначенный для строительства ярополческих башен, не был использован: у деревни Лужек (Лужки) лежал заготовленный «камень в Ярополч на городовое строение, а тот город построен деревянной, а камень, который иман на городовое строение, и доныне лежит, а иной развезен» [20]. В дальнейшем этот камень был использован при строительстве монастырских сооружений Фролищевой пустыни. Правда, о каменных башнях Ярополча упоминает вязниковский краевед К. А. Веселовский, писавший, что город имел на всех углах каменные башни, из которых одна сохранялась до проведения Вязниками шоссе [24, с. 7]. Сам К. А. Веселовский этих башен, однако, не застал и сожалел о том, что не осталось никаких зарисовок этого памятника старины. Из ученых, видевших остатки ярополческих укреплений, краткие записи сделал только К. М. Бэр [25, с. 91]. На основании рассказов попутчиков он считал, что Вязники были когда-то «татарским городом» и что именно его остатки были видны при выезде из Вязников. К. М. Бэр ничего не говорит о материале этих «остатков». Его сообщение свидетельствует только о том, что в 1837 г. какие-то остатки сгоревшего города, например фундаменты башен, еще сохранялись.

Одновременно целый ряд фактов свидетельствует против того, что башни Ярополча были каменными. В писцовых книгах 1678 г. городские башни Ярополча описаны с многочисленными подробностями. Писцы различали «шестероугольные надвратные» башни, «шестероугольные же глухие», четырехугольные, «полубашни», описывают вид этих башен, «сторожки» на крышах, кровли и т. п. и нигде не упоминали о том, что хотя бы одна из башен являлась каменной. В описании башен писцы используют термины, применяемые в основном для деревянных сооружений, например, «прорублены» двери. В том, что все 16—17 ярополческих башен не могли быть каменными, исследователи Ярополча не сомневаются. Но если бы каменными были хотя бы некоторые башни, это отличие едва ли ускользнуло бы от внимания писцов. Каменные башни в городах средней и северной России в это время вообще были редкостью. Согласно «воловой описи» [21, с. 401], в городах и острогах, находящихся в ведении Приказа Большого дворца, в период, непосредственно предшествующий строительству Ярополча на Мининой горе, каменных башен было всего две во всех городах и острогах, вместе взятых. Увеличение количества каменных башен за счет ярополческого строительства должно было бы привлечь внимание

[4] Год выпуска [17] (1893) у М. В. Седовой указан ошибочно.

писцов и отразиться в описи. Этого не случилось. Таким образом, существование в Ярополче «каменных башен по углам» сомнительно.

6. Село Минино не было «переименовано в Ярополчский Городок». Оно прекратило свое существование. Крестьяне села с их дворами были переселены в дер. Новое Толмачево; в последней стало 35 дворов крестьян, «вышедших из села Мининского» [23]. Город Ярополч был, по существу, новым, независимым от села Минина, населенным пунктом, с существенно большей площадью.

7. Построенный город названия «Ярополчский Городок» не имел. В зависимости от стиля писцов использовались названия Ярополч, град Ярополч, государев град Ерополч, город Иерополч.

М. В. Седова связывает сообщение договорной грамоты 1389 г. московского князя Василия Дмитриевича с серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем [26, с. 38] и находку на городище монеты сына последнего, боровского князя Семена Владимировича, и делает следующий вывод: «Видимо, в конце XIV – начала XV в. Ярополчской волостью какое-то время владели боровские князья, находившиеся на службе великих князей московских» [1, с. 127]. Достаточных оснований для такого вывода нет. В упомянутой грамоте, действительно, предусматривалась возможность передачи Ярополча Владимиру Андреевичу в случае утраты последним Ржева: «А ци какимь деломъ отоимется от тобе Ржева, и дати ми тобе (у М. В. Седовой неверно «им тобе»), во Ржевы место, Ярополч да Медуши». В дальнейшем, однако, великий князь обменял князю Владимиру Ржев не на Ярополч, а на Углич [26, с. 43]: «А противу Ржевы отступился есмь князю Володимеру и его детем в удел и в вотчину Оуглича с пути и с пошлинами и с селом Золоторусским».

Нельзя согласиться с новой датировкой грамоты «ярополческим рыболовам» [1, с. 101]. В грамоте, как известно, содержится запрет ярополческим рыболовам «бить ез» на реке Лух ниже еза монастырского. (М. В. Седова называет ез «рыболовной снастью». Это не совсем точно — ез не снасть, а стационарная загородка из кольев, оплетенных ветвями, в проеме которой ставились сети. Опорные колья еза прочно забивались в землю — отсюда и термин «бить ез»). М. В. Седова датирует грамоту 1438—1439 гг., не приводя, впрочем, никакой аргументации для такой датировки. Датировка М. В. Седовой расходится с датировкой, принятой при первых публикациях этой грамоты,— 1467—1474 гг. [27, с. 132; 28, с. 104]. Между тем отнесение данной грамоты к великому князю Ивану Васильевичу, чего не оспаривает и М. В. Седова, позволяет считать установившуюся датировку (1467—1474 гг.) более правильной, нежели предложенная М. В. Седовой.

Можно сделать ряд замечаний и по чисто археологическим аспектам данного исследования. Так, приведенная реконструкция деревянной стены Ярополча Залесского [1, с. 19, рис. 5] не имеет «горизонтально лежавших бревен», о которых говорится в тексте. Вызывает сомнение показанный на иллюстрации способ взаимного крепления бревен тына — через отверстия в верхушках бревен: никаких археологических находок, подтверждающих действительное использование такого метода при строительстве Ярополча, М. В. Седова не приводит. Указывая на наличие прослеживающихся «в верхней части вала» ям от вертикально врытых столбов тына, М. В. Седова почему-то указывает только диаметр этих ям (0,3 м), не указывая глубины. Знание глубины ям было бы полезно для определения первоначальной высоты вала, к настоящему времени уменьшившейся вследствие осыпей. Если рисунок [1, рис. 5] выполнен с соблюдением масштаба, то к настоящему времени глубина ям составляет 250—300 мм. Этого явно недостаточно для закрепления в грунте опорных столбов тына. Следовательно, вал городища ополз не менее чем на 1 м по высоте.

Однако эти и подобные им замечания уже выходят за пределы нашей темы. Рассмотрение же историографического раздела в работе М. В. Седовой показывает наличие ряда спорных мест и неточностей, которые несколько снижают качество этой полезной книги.

Ерофеев Ю. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
2. *Сыров Л.* Ярополч Залесский.— Газ. «Маяк»; г. Вязники Владимирской обл., 27 января 1979 г.
3. *Спицын А. А.* Древности Иваново-Вознесенской губернии.— Тр. Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. 1924, вып. I.

4. Архив ЛОИА АН СССР, № 89/1909.
5. *Щеглов Д. Ф.* Первые страницы русской истории.— ЖМНП, 1876, ч. 185.
6. *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских болгар в XII — первой трети XIII в.— В кн.: Историческая география России XII — начала XX в. М.: Наука, 1975.
7. *Рождественский Н. П.* Археологические раскопки.— Газ. «Пролетарий», г. Вязники Владимирской обл., 19 апреля 1947 г.
8. *Ровнякова Л. И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив.— В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX века. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. *Ходаковский З. Я.* Пути сообщения в древней России.— В кн.: Русский исторический сборник. Т. 1. М., 1832.
10. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.
11. *Савинков Г.* Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи. Спб., 1836.
12. *Пушкин А. С.* Собр. соч. Т. 4. М.: Худож. литература, 1975.
13. *Долгорукий И. М.* Изборник 1764—1823 гг. М., 1919.
14. Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1863.
15. *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. Спб., 1912.
16. *Денисов С.* Виноград российский, или описание пострадавших в России за древнецерковное благочестие. М., 1906.
17. *Добронравов В., Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898.
18. Владимирские губернские ведомости, 1856, № 32.
19. Труды Владимирского губернского статистического комитета, 1871, вып. IX.
20. *Смирнов А. В.* Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир, 1901.
21. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872.
22. *Маштафаров В. Н.* Дворцовый город Ярополч.— В кн.: Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976.
23. *Маштафаров В. Н.* Новое о городе Ярополче на Мининой горе.— Газ. «Маяк», г. Вязники Владимирской обл., 9 июня 1967 г.
24. *Веселовский К. А.* Город Вязники. История его, древности и статистика. Владимир, 1871.
25. *Бэр К. М.* Дневник.— В кн.: Научное наследство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
26. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
27. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. Т. I. М.: Центрархив, 1929.
28. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

СЕРДИТЫХ З. В., КОШЕЛЕНКО Г. А.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ПО ИСКУССТВУ ГАНДХАРЫ

В последние годы появился ряд работ, посвященных различным проблемам истории искусства Гандхары. В настоящем обзоре мы коснемся только тех из них, которые носят публикационный характер.

Большой интерес вызывает книга А.-П. Франкфорта, посвященная одной из интересных категорий памятников прикладного искусства Гандхары — так называемым «палеткам» [1]. Гандхарские «палетки» представляют собой каменные диски, вогнутые с одной стороны и выпуклые с другой. С выпуклой стороны они иногда снабжены ножками. Вогнутая поверхность часто разделена бороздками на несколько частей и имеет рельефные изображения. В рассматриваемой монографии опубликовано 97 «палеток», хранящихся в различных музеях Пакистана, Европы и Северной Америки. Учтены также некоторые «палетки» из частных собраний. Вместе с тем А.-П. Франкфорт подчеркивает, что его публикация не представляет собой исчерпывающего «Корпуса».

Книга состоит из трех частей. В первой (вводной) части формулируются принципы исследования, сообщаются основные сведения о характере этих произведений прикладного искусства, об их назначении, местах находок, хронологии и проч. Вторая часть представляет собой собственно каталог. Третья часть посвящена выявлению различий внутри этой категории произведений искусства Гандхары, изучению техники, иконографии, стиля, происхождению «палеток» и их месту в общей эволюции искусства эллинистического Востока.

«Палетки» в основном происходят с территории древней Гандхары, хотя некоторое количество их обнаружено и вне ее пределов (в частности, в Северной Бактрии). Они, по справедливому мнению автора, представляют собой один из видов женских туалетных принадлежностей. Это подтверждается изображением на одном из рельефов (из Свата), на котором представлена женщина, держащая в руке «палетку». Время бытования «палеток» достаточно ограничено: середина II в. до н. э.— вторая половина I в. н. э. Такие хронологические рамки, как полагает А.-П. Франкфорт, дают материалы Таксилы — места, откуда происходит наибольшее количество документированных и стратифицированных находок. Они были встречены только при раскопках Сиркапа. Ни в слоях более раннего (маурийского) Бхир Маунда, ни более позднего (кушанского) Сирсукха они не зафиксированы. Таким образом, «палетки» представляют собой специфическую форму произведений прикладного искусства, характерную только для индо-греческого, сакского и парфянского периодов, исчезающую с началом кушанской эпохи. Тем самым, подчеркивает автор, «палетки» представляют собой важнейший источник для исследования путей перехода от восточно-эллинистического искусства к кушанскому.

Касаясь вопроса о происхождении «палеток», А.-П. Франкфорт (вслед за Д. Маршаллом) считает их специфической формой восточноэллинистического искусства. Впервые их стали производить в Гандхаре, моделями же для рельефных изображений на «палетках» послужили металлические emblemata. Торевтика была истоком для каменных пальметок.

Важнейшим элементом исследовательской части работы является выделение трех групп «палеток», различающихся по технике изготовления, материалу, тематике изображений и стилю: групп А, В и С. Вместе с тем автор отмечает существование промежуточных групп (которые определяются, например, как АС) и некоторого количества «палеток», которые нельзя отнести к какой-либо определенной группе. Проведя разделение на группы первоначально на основе особенностей техники исполнения и материала, автор затем проводит сравнение с помощью исследования различий в репертуаре изображений и, наконец, с помощью стилистического анализа. Особое внимание А.-П. Франкфорт уделяет двум темам: теме «банкета» и «морского чудовища», выясняя особенности передачи этих двух сюжетов в различных группах. Данный метод позволяет ему не только достаточно надежно определить особенности каждой из выделенных им групп, но и установить относительную хронологию их и степень зависимости более поздних групп от более ранних.

Группа А (№ 1—18 каталога). Все «палетки» этой группы изготовлены на токарном станке из стеатита бежевого, зелено-оливкового или серого цвета. Имеются следующие сюжеты: Аполлон и Дафна; Парис и Афродита (?); Нимфа и сатир; Артемида и Актеон; Афродита, наказывающая Эрота; пьяный Дионис, поддерживаемый менадами; Дионис и Ариадна; Геракл и Омфала; Нереида на гиппокампе; эротические сцены и сцены пира и т. п. Определяя основной репертуар изображений на «палетках» группы А, автор, несколько утрируя, называет его «мифологическим будуаром». По репертуару и стилистике группа А бесспорно принадлежит к эллинистическому искусству, хотя часто и несколько огрубленному. Прототипами для изображений, имеющихся на «палетках» данной группы, послужили произведения живописи, мозаики и особенно торевтики. Автор считает группу А индо-греческой, созданной греками, пришедшими в Гандахару из Бактрии, или художниками, работавшими в духе, отвечающем эстетическим потребностям этих пришельцев.

Группа А — наиболее ранняя, первые ее произведения появились еще во второй половине II в. до н. э. Остальные две группы возникли позднее, и на их характер определенное воздействие оказала именно эта, самая ранняя группа «палеток».

Группа В (№ 21—45 каталога). «Палетки» этой группы часто (но не всегда) выполнены на токарном станке из сланца (чаще всего серого). Как правило, рельефные изображения занимают верхнюю часть вогнутой поверхности, в нижней находится изображение стилизованных пальметки или листа. Репертуар сюжетов, присутствующих на «палетках» группы В, следующий: сцены жертвоприношения; различные персонажи (в том числе изредка и Нереиды) верхом на морских чудовищах (иногда гиппокампах); грифоны, сцены банкета; пьяный Дионис; Афродита и т. п. А.-П. Франкфорт подчеркивает, что в этих изображениях преобладают мотивы, связанные с религиозной и мифологической тематикой, причем к мифологическим сюжетам более «серьезное» отношение (по сравнению с «палетками» первой груп-

пы). Для стиля характерны жесткость, иератизм, очень широкое использование схемы фронтальности. Особенно заметны эти новые черты в передаче сцен банкета или в изображениях Нереиды на морском чудовище. Последний сюжет очень популярен, но имеется важное отличие от подобных изображений группы А: на «палетках» группы В Нереида передается сидящей не в три четверти, а строго фронтально. Еще ярче эти новые черты предстают на «палетках», воспроизводящих сцену пира. Здесь обычно изображаются: возлежащий мужчина, переданный строго фронтально, женщины же — сидящими и также фронтально. Сцена построена таким образом, что разрываются естественные композиционные связи между участниками действия. В изображениях на этих «палетках» выявляется стремление передать формальными средствами ранг человека в обществе. Эту группу А.-П. Франкфорт считает парфянской, он полагает, что появление ее порождено приходом парфян в Гандхару. Соответственно, она может быть датирована I в. н. э. Прототипами для изображений этой группы, по его мнению, служили чаще всего произведения монументального искусства, в первую очередь рельефы.

Группа С (№ 58—89 каталога). «Палетки» этой группы выполнены вручную, без использования токарного станка. В их декоре очень часто используется мотив лотоса. Вогнутая поверхность, на которой помещены изображения, часто разделена перегородками на несколько частей (обычно три или девять). Сюжеты, представленные на «палетках» этой группы, следующие: бюсты мужчины и женщины, поднимающих чаши к губам; макара; два персонажа в колеснице; животные, изображенные стоящими друг против друга (львы, бык и лев); сражение человека с животными; сцена ритуального пиршества; бог Сурья в колеснице и т. п. А.-П. Франкфорт в качестве одной из основных особенностей этой группы называет отсутствие единства стиля и соответственно выделяет три стилистических подгруппы. Определяя сущность характера изображений на «палетках» группы С, автор прибегает к понятию «мифологический универсум». Эту группу он считает связанной с искусством саков, сокрушивших Греко-Бактрию и несколько позднее проникших в Гандхару. Свидетельствами сакских культурных влияний служат, в частности, изображения животных в геральдических позах и изображения, отражающие митраистскую идеологию саков, некоторые особенности в одежде. Индийскими художественными традициями объясняется не только частое употребление мотива лотоса в декоре, но и трактовка морского чудовища, превращающегося на «палетках» группы С в чисто индийскую макару, а также ясно проглядывающая сквозь художественную ткань произведений стоящая за ними сложная теология. Особенно показательным, с точки зрения автора, является мотив пьющей пары. С одной стороны, это свойственный греческому искусству принцип укрупнения деталей большой композиции, превращение их в самостоятельные сюжеты; с другой стороны, здесь сказывается следование обычному в искусстве Матхуры приему: изображение человека или группы людей как бы в амбразуре окна. В целом же А.-П. Франкфорт определяет эту группу как индо-сакскую и полагает, что время возникновения ее относится к I в. до н. э.

Сравнение различных групп «палеток» между собой приводит автора к ряду интересных выводов. В частности, очень важен вывод о том, что генетически группы В и С никак не связаны друг с другом. Имеются «палетки», которые являются как бы переходными звеньями между группами А и В и между А и С, но нет никаких свидетельств о взаимовлияниях групп В и С. Все это приводит А.-П. Франкфорта к совершенно справедливому выводу о том, что родившиеся из эллинистического искусства Гандхары два стилистических потока — индо-сакский и парфянский — существовали как две раздельные ветви, не взаимодействующие друг с другом. При всей неожиданности этого вывода, противоречащего всем предшествующим концепциям, он представляется очень хорошо обоснованным. Автор считает, что продолжала существовать и бывшая их истоком ветвь эллинистического (индогреческого) искусства. Слияние воедино этих трех направлений искусства произошло позднее, уже в период существования Кушанского царства. Свойственные кушанскому государству и обществу тенденции к единству нашли свое отражение и в искусстве. В Гандхаре, в частности, в результате слияния этих трех различных направлений родилось единое греко-буддийское искусство, которое часто называют гандхарским.

Рассматриваемая работа в целом представляется нам чрезвычайно важной, методы исследования автора не вызывают сомнений, убедительными представляются

и основные выводы, позволяющие ярко и конкретно представить общий ход эволюции искусства в Гандхаре от прихода греков до формирования Кушанского царства.

Вместе с тем при чтении монографии возникают некоторые вопросы и сомнения. Первый из этих вопросов: в какой мере выводы, построенные на базе исследования одной отрасли искусства, могут быть распространены на искусство в целом? Отражает ли прикладное искусство тенденции, свойственные монументальному искусству? Одним словом, в какой мере выводы, полученные при исследовании одной категории материала (в данном случае палеток), могут помочь при решении более общей (и чрезвычайно сложной) проблемы становления гандхарского искусства вообще?

К сожалению, эта сторона вопроса осталась в тени. А.-П. Франкфорт обращается к проблеме соотношения монументального и прикладного искусства практически только при разработке проблемы генезиса самой исследуемой формы и генезиса различных направлений ее. На более поздних этапах существования их этот вопрос практически не ставится.

Конечно, нельзя упрекать автора за отсутствие постановки проблемы. Это и не входило в задачу исследования. Если мы говорим здесь об этом, то только потому, что чрезвычайно интересные выводы А.-П. Франкфорта невольно заставляют обдумывать проблему в целом.

Вызывает некоторые сомнения вывод А.-П. Франкфорта о хронологических границах бытования гандхарских «палеток». Можно, видимо, полностью согласиться с его предположением о нижней хронологической грани, однако вопрос о верхней дате, очевидно, более сложен, чем это представляется автору. Трудно допустить, чтобы возникновение Кушанского царства оказало быстрое и решительное влияние на женские моды, приведя к полному исчезновению привычных туалетных принадлежностей. Рельеф из Свата [2, рис. CLXVIII], на который ссылается А.-П. Франкфорт для определения функции «палеток», относится уже ко времени развитого греко-буддийского искусства Гандхары. Кроме того, уже упомянутые находки «палеток» в Северной Бактрии, видимо, относятся к кушанскому времени (Яван) [3, с. 165, рис. 4; 4, рис. 3]; Дальверзин [5, с. 139, рис. 99] [1]. Правда, А.-П. Франкфорт предполагает, что бактрийские палетки — это образцы «провинциального» искусства, появившиеся тогда, когда в основном центре производства мода на них уже прошла. Однако трудно допустить, чтобы источником для появления какой либо формы «провинциального» искусства послужила уже отжившая форма искусства «метрополии». Более вероятной представляется иная ситуация: какой-то период одновременного существования двух форм. Наконец, нельзя забывать ограниченные масштабы раскопок на Сирсукхе (на что, кстати, указывает и сам автор), что делает проблематичными все выводы, основанные на материалах Сирсукха.

Все эти соображения заставляют нас думать, что «палетки» в Гандхаре продолжали изготовляться и в кушанское время, т. е. отмирание этой формы было более медленным, чем предполагал автор. Не исключено, что какая-то часть их могла быть изготовлена и в начале II в. н. э. Во всяком случае, «палетки» № 96 и 97 каталога (с изображениями Будды) относятся уже к числу произведений сформировавшегося греко-буддийского искусства. Буддийские сюжеты (за исключением этих двух) на «палетках» неизвестны. В силу этого более вероятным представляется отнесение данных «палеток» № 96 и 97 к более позднему времени, нежели основная масса их, т. е. ко II в. н. э.

Отметим также, что вызывает некоторые сомнения конкретная характеристика выделенных автором групп «палеток» и тот историко-художественный контекст, в который он их помещает. В частности, определенные возражения порождают его интерпретации сакского искусства Средней Азии и соответственно характера сакского компонента в том индо-сакском синтезе, который предстает перед нами в «палетках» группы С. А.-П. Франкфорт полагает, что саки до прихода в Гандхару не имели своего искусства, за исключением нескольких тем, порожденных звери-

[1] Датировка ее временем не позднее I в. до н. э. не вытекает из стратиграфического контекста, а определяется только на том основании, что профиль мужчины, изображенного на этой палетке, «весьма напоминает профиль „Варварского Гелиокла“ в монетном чекане, столь распространенном на территории Северной Бактрии в I в. до н. э.» [5, с. 140], что, конечно, не может служить серьезным датирующим признаком.

ным стилем. Эта точка зрения нам не представляется убедительной. Исследования кургана Иссык показали, что в применении к сакскому искусству можно говорить и о существовании других важных сюжетов [6]. Упомянем мотив «древа жизни» (эти представления играли важную роль, поскольку сюжет был представлен на короне сакского вождя, похороненного в кургане), наличие представлений о боге-всаднике (об этом свидетельствуют пластины из кургана Тенлик III—II вв. до н. э.) [6, табл. 40] и др. Еще более сложную картину представляет собой искусство саков, осевших на территории Бактрии, как оно теперь нам известно на основании материалов из некрополя Тилля-Тепе [7, с. 76—88; 8]. Саки уже в Бактрии начали осваивать как искусство исконного населения этой области, так и греков, создавших Греко-Бактрийское царство. Таким образом, они прибыли в Гандхару уже обогащенными контактами с искусством и бактрийцев и греков. В связи с этим встает вопрос о митраистских сюжетах на «палетках». Как показал Э. Бивар, культ Митры существовал в Бактрии (и имел свою выработанную иконографическую форму) по крайней мере в эпоху греческого владычества [9, с. 741—749]. Не исключено, что митраистские изображения, присутствующие на «палетках» группы С, — результат сакско-бактрийского культурного синтеза, предшествующего проникновению саков в Гандхару.

Некоторые соображения могут быть высказаны и по поводу «палеток» группы В, т. е. «палеток», связанных с индо-парфянской струей искусства докушанской Гандхары. Особого внимания требует вопрос о фронтальности как специфической черте парфянского искусства. Возникновению и развитию схемы фронтальности посвящена многочисленная литература [2]. Если справедливы выводы автора о датировке «палеток» группы В, то окончательно должны быть отброшены все «западные» концепции возникновения схемы фронтальности, поскольку в Гандхаре данный художественный прием появляется по меньшей мере на полстолетия раньше, чем в живописи Дура-Европос.

В целом можно высоко оценить работу А.-П. Франкфорта. Она способствует более отчетливому пониманию ряда важнейших проблем истории эллинистического искусства Востока в наиболее «темный» период его существования.

Несколько иной характер имеет другая монография, посвященная искусству Гандхары,— каталог «повествовательных» рельефов из Музея Виктории и Альберта в Лондоне [13]. Значительная часть этих рельефов происходит из Свата (Пакистан) и получена при раскопках Э. Барджера и Ф. Райта [14]. Подобно первой из рецензируемых нами в данном обзоре книг монография Х. Аккермана представляет собой соединение собственно каталога и исследования. Каталогу (110 предметов) предшествует значительный по объему исследовательский раздел книги. В нем автор объясняет свое понимание стилистического развития искусства Гандхары и пытается его обосновать, предлагает свою хронологическую схему развития «повествовательных» каменных рельефов Гандхары (помимо «Введения» в эту часть работу включены еще две главы: «Семь примеров стилистического сравнения между гандхарскими и римскими рельефами соответствующей фазы» и «Попытка установить стилистическую историю повествовательных каменных рельефов Гандхары»).

Одной из важных особенностей работы Х. Аккермана является сознательное ограничение исследовательской задачи. Прежде всего, исследователь указывает, что объектом его исследования являются только каменные рельефы. Собственно скульптура и рельефы, выполненные из штука, им не изучаются. В издании типа каталога подобный подход выглядит вполне естественным. Однако в исследовательской работе, особенно в работе, посвященной истории стиля, такое ограничение не кажется удачным. Трудно вычленить из общего потока эволюции стиля скульптуры одну струю — развитие «повествовательных» рельефов. В таком подходе заложены, с нашей точки зрения, возможности определенных аберраций. Настораживает и другая исходная позиция автора: сознавая сложность, многосоставность искусства Гандхары, огромную роль негандхарских элементов в его сложении и эволюции, Х. Аккерман все же исключает из своего исследования анализ элементов, пришедших из Матхуры, Ирана, Средней Азии.

Подобные ограничения являются результатом стремления построить историю стиля гандхарского искусства исключительно на базе сравнения с эволюцией стиля

---

[2] Обзор существующих точек зрения см. [10, с. 135 сл.]. Более поздние материалы см. [11] и рецензию на эту книгу [12, с. 211 сл.].

искусства Рима. Этот подход определяется основной идеей, высказанной ранее Б. Роулэндом [15, с. 387; 16, с. 223; 17, с. 445; 18; 19; 22] и неоднократно повторенной другими авторами [21, с. 21; 22, с. 181; 23, с. 137; 24; 25, с. 252, 314; 26, с. 301; 27, с. 4; 28]. Исследователи полагают что на развитие искусства Гандхары определяющее воздействие оказало влияние римского искусства. Сторонники этой точки зрения даже считают, что искусство Гандхары можно назвать римско-буддийским.

Как не оригинален Х. Аккерман в своих исходных принципах, так не оригинален он и в теоретическом обосновании возможностей столь сильного влияния со стороны одного искусства на другое. Здесь он следует концепции Д. Секеля: от времени Адриана и вплоть до конца IV — начала V в. н. э. каждая стадия в эволюции римского искусства, в частности римского провинциального искусства, находит свое немедленное отражение в искусстве Гандхары. Это единство развития, строгое следование гандхарского искусства за римским объясняется однотипным идейным климатом, в котором развиваются и то и другое искусство. Первоначально оба искусства находились в тесной связи с политической властью, служа ей, они ориентировались на воспроизведение «естественных форм» (иногда трактованных реалистично, а иногда поднятых до «идеального» уровня). Основой для искусства служил миф. Позднее искусство трансформируется. В Риме это связано с развитием христианства, в Гандхаре — с развитием Махаяны, приходящей на смену Хинаяне. Искусство в это время переходит от прямой службы политической власти к обслуживанию новой идеологии и сконцентрировано главным образом на проблемах «спасения». Искусство отбросило свою традиционную мифологическую базу и вместе с ней как реалистическую, так и идеальную трактовку образов и обратилось к спиритуалистическим идеям. В силу всего этого близость между римским и гандхарским искусством проявляется не столько в аналогичной трактовке складок одежды или в других деталях, сколько в аналогичной идейной основе искусства, в общей тенденции к спиритуализации и абстракции форм. Без этой идейной близости римское искусство никогда не смогло бы оказать столь сильного влияния на искусство Гандхары [29].

Для доказательства своих позиций Х. Аккерман проводит стилистическое сравнение ряда гандхарских рельефов из Музея Виктории и Альберта с известными римскими рельефами. Каждое из таких сравнений должно, по замыслу автора, охарактеризовать взаимозависимость между развитием римского искусства и искусства Гандхары на определенном хронологическом этапе. В качестве римских «эталонных» памятников избраны следующие: рельеф с изображением апофеоза Августа (из Равенны); рельефы на колонне Траяна, на колонне Марка Аврелия; сцена битвы на «саркофаге Людовизи»; рельефы на арке Галерия в Фессалониках, на арке Константина в Риме; рельеф на базе обелиска Феодосия в Константинополе.

В качестве итога этих сравнений перед читателем предстает история стиля повествовательных рельефов Гандхары, являющаяся в значительной мере и историей стиля гандхарского искусства вообще. Автор выделяет несколько стилистических (которые одновременно являются и хронологическими) групп этих рельефов.

Произведений ранней группы, отражающих процесс сложения гандхарского искусства, в Музее Виктории и Альберта нет. Для характеристики этого этапа (и этой стилистической группы) Х. Аккерман привлекает материалы из раскопок Дж. Маршалла в Таксиле, в частности некоторые рельефы из сакских и парфянских слоев. Отметим, что в качестве основных объектов его анализа служат «палетки» из Сиркапа, а также некоторые из образцов круглой скульптуры. Включаются в эту группу также и некоторые произведения, происходящие из буддийских культовых памятников (например, консоли с рельефными изображениями), хотя, как считает автор, в это время буддизм еще не стал основой идейного содержания искусства Гандхары. Им отмечается, в частности, наличие некоторых эллинистических влияний на характер рельефов.

Следующая группа (к которой автор относит 12 рельефов из Музея Виктории и Альберта — рис. I—VIв.) определяется как «ранняя эллинистическая». Это в основном достаточно длинные и узкие фризы. Для них характерна «живость», несколько «эскизная» манера, отсутствие подлинного технического совершенства. Изображения человеческих лиц на рельефах этой группы, согласно Х. Аккерману, следуют ранним прототипам, наиболее ярким образцом которых, по его мнению, является Айртамский фриз. Все относящиеся к этой категории рельефы из Музея Виктории и Альбер-

та получены при раскопках Барджера и Райта в различных районах долины Свата. По мнению Х. Аккермана, в таких отдаленных местах, как эта долина, подобный стиль мог продолжать существовать вплоть до II в. н. э., но в основных художественных центрах римское влияние должно было сказываться раньше.

Стилистическая группа, в которой автор отмечает самое раннее римское влияние, охватывает несколько рельефов, древнейшие из которых датируются второй половиной I в. н. э. (рис. VIc — Xa). Х. Аккерман полагает, что они относятся к эпохе Флавиев.

Следующая группа названа автором «поздней эллинистической» и датирована временем «до начала II в. н. э.» (рис. Xв — XIIIa). Он особо подчеркивает единство стиля у рельефов этой группы. Значительная «романизация» эллинистических элементов отмечается Х. Аккерманом в следующей стилистическо-хронологической группе (рис. XIIIв — XVIc). Для группы рельефов, датированных автором началом II в. н. э. (рис. XVII—XIX в.), характерен строгий классицизм. В них также отмечаются черты, которые в Риме присутствуют на памятниках эпохи Траяна (обратная перспектива, т. е. такой метод изображения, при котором фигуры, расположенные во втором ряду, имеют более крупные размеры, чем фигуры первого плана).

Следующая группа (рис. XX—XXX) гандхарских рельефов отнесена автором ко времени Адриана. Характерными особенностями этой группы, как и искусства Рима эпохи Адриана, Х. Аккерман считает мягкость в трактовке фигур и высокий рельеф. Иногда проявляется достаточно заметное стремление к портретности в изображении отдельных лиц. Группа, датируемая второй половиной II в. н. э. (рис. XXI—XLI), связывается автором с тенденциями «антониновского барокко»: типичная вытянутость форм фигур, свободная передача движения. Следом за этими рельефами рассмотрена группа первой половины III в. н. э. (рис. XLII—LIII), которая характеризуется чертами, типичными для римского искусства этого времени. Наиболее характерной особенностью является наличие нескольких художественных течений. Это, по мнению автора, порождено сложной политической обстановкой, сложившейся в Римской империи. Только начиная с 70-х годов III в. н. э. можно говорить о воссоздании определенного единства в искусстве. К первой половине III в. н. э. относится значительное число гандхарских рельефов, но в Музее Виктории и Альберта их немного, хотя некоторые из них можно считать вообще лучшими образцами искусства Гандхары.

Следующая группа относится к середине III в. н. э. (рис. LIV—LVIIa) и характеризуется, по мнению автора, растущей экспрессивностью, проявляющейся в яркой выразительности поз и стремлении подчеркнуть движение, хотя при этом часто заметна большая доля условности, особенно в трактовке складок одежды. В целом это стилистическое направление Х. Аккерман характеризует как элегантно-усложненное. На смену этой группе приходит группа (рис. LVIIв—LX), относимая автором к концу III в. н. э., типичными чертами стиля которой являются некоторое «окостенение» композиции и «кубистическая» трактовка фигур. Композиция упрощается, персонажи располагаются строго в ряд, происходит утрата движения. С течением времени фигуры становятся все более приземистыми и угловатыми. Вместе с тем в рельефах этой группы все сильнее проявляются тенденции к спиритуализации.

Группа (рис. LXI—LXVIII), относимая (по аналогии с римским искусством) ко времени Константина, представляет собой, по заключению Х. Аккермана, логическое завершение процессов, зафиксированных предшествующей группой. При всей выразительности рельефов все же в целом можно говорить о значительном упадке искусства. Фигуры на рельефах становятся плоскими, слишком широкими, складки одежды изображаются как глубокие борозды и располагаются теснымн рядами. Движение почти отсутствует, а фигуры столь тесно заполняют пространство, что почти не остается места для фона.

Начало своего рода Ренессанса в гандхарском искусстве относится к середине IV в. н. э. Это явление иллюстрируется несколькими рельефами из Музея Виктории и Альберта (рис. LXIX—LXXIII). В них снова чувствуется сила и стремление передать движение, хотя сохраняется иератическая строгость композиции. Для IV в. н. э. характерна также еще одна группа рельефов (рис. LXIV—LXXIIIa), основу композиции которых составляет ряд практически абсолютно одинаковых фигур, например очень часто изображаются восемь Будд (семь прошлых и будущий — Бодхисаттва Майтрейя). Эта чрезвычайно популярная композиция выполнялась скульпторами

самого различного уровня дарования и мастерства. Наконец, вторая половина IV в. н. э. характеризуется полным развитием этого «Ренессанса» (отвечающего Ренессансу эпохи Феодосия в Риме). Для него типичны фигуры несколько вытянутых пропорций. В то же время в рельефах (рис. LXXVIII—LXXXI) видно уже новое отношение к пространству и масштабам фигур. Они изображаются безотносительно к реальной перспективе, а их размеры диктуются только рангом изображенного персонажа. При растущей спиритуализации искусства одновременно отмечается также и некоторое возрождение «дворцового» начала. Х. Аккерман также отмечает, что в IV в. н. э. все большее значение приобретают рельефы из штука, а влияние Запада (т. е. Римской империи) все слабеет и заменяется влиянием искусства Центральной и Восточной Азии. Своего рода дополнением к этому очерку истории развития стиля каменных повествовательных рельефов является небольшой раздел, посвященный проблеме изображения эротов в искусстве Гандхары.

Оценивая в целом работу Х. Аккермана, подчеркнем, что она представляет собой весьма примечательное явление. Вполне вероятно, что именно на ней закончится развитие еще недавно столь популярной «римско-буддийской» концепции истории искусства Гандхары. Рождение этой концепции, как известно, было своеобразной реакцией на результаты археологических работ 20—30-х годов в Северном Афганистане (территории древней Бактрии). Французские археологи, первыми начавшие здесь настоящие археологические исследования, стремились найти материальные следы существования Греко-Бактрийского царства. Однако их ждало полное разочарование. Никаких видимых свидетельств его, никаких памятников греческой культуры и искусства не было найдено.

Именно после этих неудач и написал замечательный ученый, первый руководитель Французской археологической делегации в Афганистане А. Фуше свои знаменитые слова о «бактрийском мираже».

Данные обстоятельства имели далеко идущие последствия в трактовке целого ряда важных вопросов истории эллинистической и постэллинистической культуры в этом регионе. Как известно, завоевание Александра Македонского не оставило по-настоящему глубокого следа на территории древней Индии, и поэтому античные компоненты в характере искусства Гандхары считались до этого результатом контактов между индийцами и греками в период существования индо-греческих государств, когда бактрийские греки завоевали основную часть территории индийского субконтинента. Однако неудача в поисках следов греческой культуры и искусства на почве Бактрии, казалось, выбивала краеугольный камень из этой конструкции: если греческие элементы отсутствовали на почве самой Бактрии, то еще менее можно было их искать в Индии, и проблема античного компонента в искусстве Гандхары представала как явно неразрешимая.

Ответом на эту сложную коллизию было создание двух концепций. Одна из них — это уже отмеченная выше концепция римского влияния, пришедшего благодаря активным торговым связям (особенно морским) между римским Египтом и Индией. Подтверждением этой концепции многие исследователи считали гипсовые модели явно александрийского происхождения, обнаруженные при раскопках Беграма [30; 31].

Вторая концепция явилась своего рода реакцией на недостатки первой. Идея об определящем римском влиянии на развитие искусства Гандхары многим исследователям казалась слишком искусственной. Необходимо допустить массовую миграцию скульпторов из пределов Римской империи на тысячи километров на Восток, причем эта миграция должна стать явлением, периодически повторяющимся, поскольку, по мнению сторонников концепции, воздействие было постоянным и повторение на почве Гандхары римских инноваций в рельефе было практически синхронным. Либо же надо было допустить массовый импорт римских «образцов» и жадное желание местных скульпторов их копировать и приспосабливать к буддийским концепциям. Против этого, однако, говорит чрезвычайная редкость находок собственно римских произведений искусства в этом регионе. Кроме того, можно думать, что и беграмские «модели» не могут служить здесь аргументом, ибо неизвестно никаких сколько-нибудь близких им произведений местного искусства.

Именно поэтому наиболее осторожные исследователи отказывались видеть в античных компонентах искусства Гандхары результат римского влияния. Появление их иногда стали объяснять присутствием парфян. Так, Дж. Маршалл полагал, что уже во II в. до н. э. на северо-западе Индии существовала монументальная камен-

ная скульптура, чисто местная по своим истокам и характеру. Он считал эту скульптуру принадлежащей «ранней индийской школе» и полагал, что греческое завоевание не привело к сколько-нибудь заметным изменениям в искусстве, особенно в скульптуре, так как греков было мало и их владычество было непродолжительным. Исследователь утверждал, что настоящее глубокое воздействие со стороны античных художественных концепций происходит только после сакского и особенно парфянского завоеваний. По его мнению, для парфян были характерны «филэллинские» устремления, и поэтому именно благодаря парфянам эллинистические влияния впервые широко хлынули в Гандхару [32].

Однако теперь проблема формирования и развития искусства Гандхары уже не может решаться, как прежде [3]. Более отчетливо выявлены особенности искусства Парфии, и в результате парфян считать «переносчиками» эллинистических художественных влияний невозможно. Собственно парфянское искусство формировалось в значительной мере на базе полной переработки эллинистического искусства и сознательного противостояния ему [11; 12, с. 211—217; 34 с. 24—29; 35]. Яркий пример этого уже на почве Гандхары дали палетки парфянского стиля, как убедительно показал в разобранной выше работе А.-П. Франкфорт. Однако гораздо большее значение имело то обстоятельство, что за последние годы были сделаны важнейшие археологические открытия, уничтожившие «бактрийский мираж» и поставившие на его место точное знание. На территории древней Бактрии было обнаружено и исследовано городище Ай-Ханум [36]. Раскопки показали, что в Бактрии имелись греческие города с греческим искусством и греческой культурой. Тем самым была уничтожена та основа, на которой возводились «римские» и «парфянская» концепции происхождения искусства Гандхары. Важную роль сыграли также раскопки ряда городищ на территории Южного Узбекистана, Афганистана и Пакистана, на которых обнаруживаются или слои греческого времени, или памятники искусства, принадлежащие эпохе, переходной от греков к кушанам, и несущие явные следы воздействий эллинистических художественных традиций (скульптура Халчаяна [37; ср.: 38], некоторые из глиняных скульптур Сурх Котала [39, с. 90, 142—153; 40, с. 63—66; 41], ранние слои в Шайхан Дери [42], скульптура из ранних слоев в Тапа Сардар возле Газни [43, с. 549—561; 44, с. 278, 279], раскопки в Чарсаде [45] и др.) Эти раскопки, с одной стороны, показали, что греки Бактрии действительно осваивали территорию северо-запада индийского субконтинента (и прилегающие районы) и создавали здесь свои города. С другой стороны, исследования наметили путь, каким шло искусство от эллинизма Греко-Бактрии к «греко-буддийской» пластике Гандхары.

И хотя Х. Аккерману известна часть этих важнейших открытий, тем не менее это никак не влияет на его концепцию. Он продолжает упорно следовать тем путем, который заводит в тупик. Именно поэтому серьезные возражения вызывает и сама хронологическая схема развития стиля гандхарских повествовательных рельефов. Автор отмечает, что метод, принятый и столь последовательно проводимый им,— вынужденный, порожденный крайним недостатком сколько-нибудь точно датированных памятников, в частности памятников, найденных в надежно датированных археологических слоях. Если и раньше метод стилистического сравнения памятников римского искусства и искусства Гандхары вызывал возражения, теперь, когда выяснено, что античные компоненты в искусстве Гандхары имеют отнюдь не римское происхождение, этот метод кажется особенно несостоятельным.

Не имея возможности в журнальном обзоре рассмотреть все сопоставления, которые делает автор, остановимся только на самом первом из них, чтобы показать, насколько в общем слабы позиции Х. Аккермана. Отметим прежде всего, что определение господствующих стилистических тенденций в римском искусстве эпохи Августа субъективно. В современной литературе имеются и более обоснованные концепции, которые совсем по-иному определяют эти тенденции, делая основной упор на «классицизм» римского официального искусства времени Августа [46, с. 326; 47, с. 489—497]. Х. Аккерман относит Айртамский фриз к эллинистическому вре-

[3] Видимо, первой попыткой решить эту проблему на базе новых, среднеазиатских материалов стала работа Г. А. Пугаченковой [33, с. 47—74]. Однако, ее нельзя считать полностью успешной, так как в этой работе еще не учитывались результаты тогда только что начавшихся раскопок в Ай-Ханум. Кроме того, автор чрезмерно сближала пост-эллинистическое искусство Бактрии и Парфии, не учитывая, что развитие искусства этих областей в это время шло различными путями.

мени, хотя давно доказано, что этот фриз должен датироваться первыми веками нашей эры [48, с. 144 сл.; 49, с. 88 сл.]. Наконец, остановимся на ключевом пункте сопоставления Х. Аккермана: сравнении одного из ранних гандхарских рельефов, хранящихся в Музее Виктории и Альберта[4] и рельефа с изображением апофеоза Августа из Равенны. На гандхарском рельефе изображено пять человек, видимо, участники процессии (сохранилась только часть композиции), двигающейся медленно вправо. Все пять фигур одинакового размера изображены в свободных позах, причем один из персонажей (даже со спины) показан остановившимся и смотрящим назад. Не подлежит сомнению большое мастерство автора рельефа, сумевшего передать и движение, и ритм его, и разнообразие свободных поз участников процессии. На рельефе из Равенны также изображено пять фигур, они также очень свободно размещены в пространстве. Однако по существу на этом сходство и кончается. Прежде всего динамике движения противостоит здесь статика. Композиция равеннского рельефа статична, ни одна из фигур здесь никуда не движется, скульптор как бы любуется красотой застывших поз. Одна из фигур вообще изображена сидящей. Ни о какой исокефалии не может быть и речи. Очень упрощенной, суммарной трактовке тел и одежд на гандхарском рельефе противостоит очень детальная, изощренная, выявляющая нюансы проработка равеннского рельефа. Бросается в глаза и еще одно различие: низкий рельеф на фризе из Гандхары и очень высокий — на сцене апофеоза Августа. Даже короткое сравнение показывает, сколь различны по стилю эти два рельефа. Их соотнесение между собой и стремление на базе таких сопоставлений строить концепции стилистического развития гандхарской скульптуры, с нашей точки зрения, не вполне корректно. Не более доказательны и другие сравнения. Отметим также, что Х. Аккерман в связи с попыткой доказать определяющее влияние римского рельефа времени Августа на рождение гандхарской скульптуры (в применении к данной конкретной паре рельефов) использует утверждения, которые нельзя принять всерьез. В частности, он утверждает, что «греческое искусство не знало подобных церемониальных фризов, фигуры на которых свободно движутся в пространстве» (с. 9). Но фриз Парфенона опровергает это утверждение.

Подведя итоги, мы, видимо, имеем право сказать следующее: две разобранные публикации, посвященные искусству Гандхары, представляют собой два разных вида научных трудов. Книга А.-П. Франкфорта — глубокое исследование, в котором автор объективно оценивает материал и в результате приходит к очень интересным и доказательным выводам. Монография Х. Аккермана демонстрирует иной подход. Автор приступает к работе с заранее заданной схемой, которая не согласуется с изучаемым им материалом. Грубое насилие над материалом в конечном счете имеет своим результатом полную неубедительность выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Francfort H. P.* Les palettes du Gandhara. Paris, 1979 (MDAFA, t. XXIII).
2. *Faccena D.* Sculptures from the sacred area of Butkara I (Swat, Pakistan). Rome, 1962, v. 2, fasc. 2.
3. *Юркевич Э. А.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА, 1965, № 4.
4. *Litvinsky B.* Archaeology in Tadzhikistan under soviet rule.— East and West, 1968, № 18.
5. *Дальверзин-Тепе.* Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
6. *Акишев А. К.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
7. *Сарианиди В. И.* Царский некрополь в Северном Афганистане.— Вестн. АН СССР, 1979, № 7.
8. *Sarianidi V.* The Treasure of the Golden Mound.— Archaeology, 1980, v. 33, № 3.
9. *Bivar A. D. H.* Mithraic Images of Bactria: are they related to Roman Mithraism.— In: Mysteria Mithrae. Leiden, 1979.
10. *Кошеленко Г. А.* О фронтальности в парфянском искусстве.— В кн.: Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1962.
11. *Ghirshman R.* Terrasses sacreés de Bard-é Nechande et Masdjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e. s. av. n. ère au V-e s. n. ére. Paris — Leiden, 1976.
12. *Акопян А. М., Кошеленко Г. А.*— ВДИ, 1980, № 1.— Рец. на кн.: Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-é Nechande et Masdjid-i Solaiman. L'Iran de Sud-Ouest du VIII c. s. av. n. ére au V-e s. n. ère. Paris — Leiden, 1976.
13. *Ackermann H. Ch.* Narrative Stone Reliefs from Gandhara in the Victoria and Albert Museum in London: Catalogue and Attempt of a stylistic History. Rome, 1975.

[4] Он воспроизведен дважды — р. A_1 и IIIа.

14. *Barger E., Wright Ph.* Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. A Detailed Report of the 1938 Expedition. Delhi — Calcutta, 1941.
15 *Rowland B.* A revised chronology of Gandhara Sculpture.— The Art Bulletin, 1936, t. XVIII.
16. *Rowland B.* Gandhara and the Late Antique Art: the Buddha Image.— AJA, 1942, v. XLXI.
17. *Rowland B.* Gandhara and the Early Christian Art: Buddha Palliatus.— AJA, 1954, v. XLIX.
18. *Rowland B.* Gandhara Sculpture from Pakistan Museums. N. Y., 1960.
19. *Rowland B.* The Evolution of the Buddha Image. N. Y., 1963.
20. *Rowland B.* Ancient Art from Afghanistan. N. Y., 1966.
21. *Buchthal H.* Foundation for a Chronology of Gandhara Sculpture.— Transactions of the Oriental Ceramic Society, 1942—1943, t. XIX.
22. *Buchthal H.* The Western Aspects of Gandhara Sculpture.— Proc. Brit. Acad., 1945, t. XXXI.
23. *Buchthal H.* The Common Classical Sources of Buddhist and Christian Narrative Art.— JRAS, 1943.
24. *Ingholt H., Lyons Y.* Gandhara Art in Pakistan. New York, 1957.
25. *Soper A. C.* Aspects of Light Symbolism in Gandhara Sculpture.— Artibus Asiae, 1949, t. XII.
26. *Soper A. C.* The Roman Style in Gandhara.— AJA, 1951, v. LV.
27. *Wheeler M.* Romano-Buddhist Art: an Old Problem restated.— Antiquity, 1949, XXIII.
28. *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1954.
29. *Seckel D.* Kunst des Buddhismus. Werden, Wanderung und Wandelung. Baden-Baden, 1962.
30. *Hackin J.* Recherches archéologique à Begram. Paris, 1939, v. 1—2 (MDAFA, t. IX).
31. *Hackin J.* Nouvelles recherches archéologique à Begram. Paris, 1954, v. 1—2 (MDAFA, t. XI).
32. *Marshall J.* The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960.
33. *Пугаченкова Г. А.* Бактрийский и парфянский вклад в формирование гандхарской школы.— В кн.: Искусство Индии. М.: Наука, 1969.
34. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. Автореф. докт. дисс. М.: ИА АН СССР, 1977.
35. *Кошеленко Г. А.* Родина парфян. М.: Советский художник, 1977.
36. Fouilles d'Ai-Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris, 1973 (MDAFA, t. XXI).
37. *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971.
38. *Кошеленко Г. А.* СА, 1971, № 2.— Рец. на кн.: Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971.
39. *Schlumberger D.* The Excavations at Surkh-Kotal and the Problem of Hellenism in Bacteria and India.— Proceedings of the British Academy, 1961, v. 47.
40. *Schlumberger D.* L'Orient hellénisé. Paris, 1970.
41. *Schlumberger D.* Descendants non-méditerranées de l'art grec.— Syria, 1960, v. 37.
42. *Dani A.* Shaikhan Dheri excavations: 1963 and 1964 seasons. In: Ancient Pakistan. V. 2. Peshawar, 1964—1965.
43. *Taddei M.* Problemi di storia dell'arte e ricerca archeologica in Afghanistan.— Il Veltro, 1972, v. 16.
44. The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid Period / Ed. Allchin F. R. and Hammond N.— London — New York — San Francisco, 1978.
45. *Wheeler M.* Charsada. A Metropolis of the North-West Frontiers. L., 1962.
46. *Вощинина А. И.* Античное искусство. Исторический очерк. М.: Искусство, 1968.
47. *Kunze M.* Ideologische und Künstlerische Voraussetzungen des frühkaiserzeitlichen Klassizismus — Anfänge der klassizistischen Reliefkunst in Rome.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Raihe, 1976, N 4.
48. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979.
49. *Стависский Б. Я.* Искусство Средней Азии. Древний период. VI в. до н. э.— VIII в. н. э. М.: Искусство, 1974.

Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, вып. 63). Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1979, 172 с. с илл.

Вышел в свет очередной выпуск «Трудов Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», посвященный вопросам археологии Западного Поволжья. В центре внимания сборника памятники I тысячелетия н. э., сложного и важного периода, когда происходило формирование основных этнических черт мордовского народа. За последние годы археологами Саранска и Пензы в результате полевых исследований был получен большой археологический материал этого времени. Поэтому вполне оправдано, что

бо́льшая часть рецензируемого сборника отведена работам публикационного характера.

Сборник открывается большой статьей М. Р. Полесских «Армиевский могильник» (с. 5—56), в которой приведены сведения о новых раскопках памятника, проведенных в 1960, 1961 и 1969 гг. под руководством автора статьи (исследовано 110 погребений). Армиевский могильник, материалы которого были впервые введены в научный оборот еще в 30-х годах П. С. Рыковым [1], давно стал эталонным для археологии мордвы середины I тысячелетия н. э. Новые исследования не только почти вдвое увеличили объем имеющегося в распоряжении археологов материала, но и позволили в ряде случаев по-новому рассматривать некоторые вопросы истории южной группы мордвы в середине и начале второй половины I тысячелетия н. э.: впервые на этом памятнике исследована серия могил с погребениями по обряду трупосожжения, вторичные захоронения, а также кенотафы; уточнены вопросы ориентировки захоронений, форма и размеры могильных ям и др. Материалы ряда погребений из новых раскопок (погр. 191, 215, 226 и др.) позволили расширить верхнюю дату могильника (конец VII — первая половина VIII в.). В статье даны характеристика погребального обряда с необходимыми цифровыми данными, общая характеристика керамики и вещевых комплексов. Подробно, с планами погребений и воспроизведением находок охарактеризованы 17 наиболее интересных захоронений. Прилагается план могильника с обозначением мест новых раскопов, к сожалению, не увязанный с планами раскопов П. С. Рыкова. К сожалению, объем статьи не позволил полностью опубликовать весь новый материал.

В конце статьи приведены некоторые общие выводы о месте Армиевского могильника среди более ранних и синхронных памятников пензенской (присурской) мордвы, в которой автор видит мордву-мокшу. М. Р. Полесских несколько изменяет датировку предшествовавших Армиевскому могильнику памятников селиксенского типа, относя их начало ко времени не ранее середины III в. н. э. Дата Армиевского могильника ограничивается им VI—VII вв., а более позднего Младшего Селиксенского — VII — началом VIII в. Если с последними датировками можно в целом согласиться, то нижняя дата могильников селиксенского типа требует более серьезного обоснования.

В рецензируемой статье М. Р. Полесских вновь возвращается к предположению о том, что височная привеска с грузиком является этническим признаком женского наряда только мордвы-мокши (с. 53), хотя сравнительно недавно автор совершенно справедливо отказался от этой точки зрения [2, с. 145].

В статье И. М. Петербургского (с. 57—102) публикуются материалы 2-го Журавкинского могильника (48 погребений), открытого и раскопанного в последние годы в Зубово-Полянском р-не Мордовской АССР. Могильник датирован второй половиной VIII — началом XI в. и отнесен к мордве-мокше. Возможно, более тщательный анализ материала позволит сузить дату могильника до X — начала XI в.

Весь материал из исследованных могил представлен на многочисленных таблицах иллюстраций, публикуются планы всех погребений, в приложении дано описание каждого комплекса (правда, иногда излишне лаконичное). Вещевые находки подробно описаны и классифицированы. К сожалению, на плане могильника не указаны номера погребений. Вряд ли можно считать оправданной методику раскопок памятника: на площади 2-го Журавкинского могильника было заложено пять раскопов и траншей в разных частях памятника, не связанных друг с другом.

Материалы раскопок Федоровского городища конца I — начала II тысячелетия н. э. в Шатковском р-не Горьковской обл. публикуются в статье В. Н. Мартьянова (с. 148—157). Памятники этого типа изучены недостаточно, поэтому публикация имеет важное значение. К сожалению, в статье не приведены планы раскопов с обозначением объектов, которые автор рассматривает как «остатки наземных жилищ, площадки для изготовления керамики» и др. Это досадное обстоятельство лишает читателя возможности проверить соображения автора. Сомнительна интерпретация обнаруженных в материке углублений с глиной и камнями как оснований столбовых конструкций (с. 150 и рис. 3): против этого говорит их продольное сечение. Нельзя не обратить внимание также на то, что площадка городища изучалась семью раскопами, не связанными друг с другом и по-разному ориентированными (не считая разрезов валов): методически это неправомерно.

Две небольшие публикации характеризуют памятники, хронология которых выходит за пределы, обозначенные в заглавии книги. В статье А. Ф. Богачева «Тотор-

шевский могильник» (с. 163—170) приводятся материалы небольших раскопок могильника XVI—XVII вв. в г. Ардатове Горьковской обл. (11 могил). Этот памятник еще в 20-е годы изучался экспедицией МГУ под руководством А. Е. Алиховой. Новые материалы, несмотря на их ограниченность, оказались важны для характеристики материальной и духовной культуры позднесредневековой мордвы-эрзи.

В заметке В. Д. Артемовой «Находки каменных орудий на западных окраинах Приволжской возвышенности» (с. 158—162) кратко изложены результаты поисков палеолитических памятников в бассейнах рек Суры и Цны в пределах Мордовской АССР и Сасовского р-на Рязанской обл.; публикуются несколько местонахождений, предположительно отнесенных к древнекаменному веку.

Рассмотренные публикации нового материала представляют безусловный интерес. Хотелось пожелать, чтобы и в дальнейшем в серии таких же сборников широко публиковались результаты полевых исследований мордовских археологов, еще не введенные в научный оборот.

В двух работах обсуждаются спорные вопросы этногенеза мордовского народа. В. И. Вихляев в статье «О генезисе культуры южномордовских племен» (с. 140—147) критически рассматривает распространившуюся в последние годы гипотезу о прикамском происхождении ядра населения, оставившего древнейшие могильники Западного Поволжья — кошибеевские, рязано-окские и пензенские [3, с. 290—293; 4; 5]. Автором проведен сравнительный анализ вещевого материала, керамики и погребального обряда могильников селиксенского типа, с одной стороны, и прикамских памятников пьяноборского времени — с другой. Удалось выявить существенные различия погребальной обрядности западноповолжских и прикамских могильников, резкое различие в керамике (которая в Западном Поволжье безусловно генетически связана с керамикой городецкой культуры), сравнительную малочисленность аналогий в украшениях, оружии, предметах конского снаряжения, орудиях труда. Последнее обстоятельство, по мнению автора, вполне может быть объяснено распространением вещей путем заимствования, торговых связей и другими явлениями, не связанными с перемещением населения. Многие из таких предметов имеют более широкий ареал, чем только Прикамье и Западное Поволжье. Правильно отмечено, что часто называемое в качестве прототипа мордовской височной подвески с грузиком украшение, опубликованное А.-М. Тальгреном, известно в Прикамье лишь в единственном экземпляре. По-видимому, аналогичные предметы не были там широко распространы, и выводить это наиболее характерное для мордвы височное украшение из Прикамья нет достаточных оснований. В. И. Вихляев приходит к совершенно правильному, на наш взгляд, выводу, что «гипотеза о прикамских истоках древнемордовской культуры на современном историческом материале не подтверждается», а старая концепция о непосредственной генетической связи городецкой культуры и населения, оставившего ранние могильники Западного Поволжья, остается наиболее перспективной для исследования, хотя и нуждается в дальнейшей разработке в ряде деталей (с. 145—146).

Аргументация В. И. Вихляева значительно выиграла бы, если бы сравнительный анализ прикамского и западноповолжского материалов проводился не суммарно, а с конкретными количественными показателями, характеризующими распространение тех или иных предметов и элементов погребальной обрядности в сравниваемых регионах.

Проблемам этнической истории населения, оставившего рязано-окские и муромские могильники, посвящена статья В. Н. Мартьянова и Д. Т. Надькина «Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья в I тысячелетии н. э.» (с. 103—133). На основе анализа изоглосс говоров русского населения рязанского и муромского течения Оки, особенности которых авторы связывают с влиянием финно-угорского субстрата, делаются далеко идущие выводы: сплошная ассимиляция финно-угорского населения славянами происходила лишь в рязанском течении р. Оки, часть населения под давлением славян отошла на северо-восток и юго-восток, а «в муромском Поочье финноязычное население, видимо, никогда не вступало в тесные контакты с кривичами» и «мурома, встретившись с кривичами, отступила в пределы Окско-Сурского междуречья» (с. 120—121).

Представляется, однако, что приводимый в обоснование указанных тезисов поздний материал об особенностях русских говоров вряд ли может рассматриваться так однозначно, как полагают авторы. Во всяком случае, выводы, которые сделаны на

этом материале, должны быть тщательно проверены иными источниками, прежде всего археологическими.

Вызывают возражения выводы авторов в пользу «идентичности (генетического родства) рязано-окского и муромского населения» и того, что это население «явилось определяющим компонентом мордвы-эрзи» (с. 121—122), основанные на гидронимических материалах. Так, крайне сомнительна попытка связать с мордвой-эрзей многочисленные в рязанском и особенно муромском течении р. Оки гидронимы на *-ур*. Такие гидронимы распространены на огромной территории, далеко уходящей от границ былого расселения мордвы, а на собственно мордовской территории практически отсутствуют.

В дополнение к сомнительным аргументам этнографического и археологического порядка в пользу отождествления населения рязанского и муромского течения р. Оки с мордвой-эрзей, которые в свое время приводил П. Д. Степанов [6, 7], авторы приводят еще один. По их мнению, эрзянские пулагаи (специфические по устройству поясные или набедренные украшения) генетически связаны с муромскими поясными украшениями (с. 123—130). Рассматривая этот тезис, следует учитывать следующее: имеющиеся в настоящее время археологические данные о такого рода украшениях ограничиваются очень небольшими деталями (застежки-сюльгамы, отдельные бронзовые детали, фрагменты ремешков и т. д.), их детальная реконструкция из-за скудости остатков невозможна. Поэтому какое-либо сравнение этих украшений из могильников с известными по этнографическим данным частями костюма эрзянских женщин не может быть обоснованным; кроме того, поясные и набедренные украшения были известны не только у мордвы-эрзи, но и у ряда других финно-угорских народов Восточной Европы [8, с. 102]. Поэтому наличие в рязано-окских и муромских могильниках остатков таких украшений, которые не могут быть реконструированы в деталях и поэтому точно сопоставляться с эрзянскими, вряд ли можно рассматривать как достаточное основание для отнесения указанных могильников к мордве-эрзе или ее непосредственным предкам.

На наш взгляд, любые попытки приписать рязано-окские и муромские могильники мордве-эрзе малоперспективны. Против этого говорят упоминания в русских летописях муромы как особого племени, отличного от мордвы, и существенные различия вещевого материала и деталей погребального обряда рязано-окских, муромских и мордовских могильников, прослеживающиеся и в важных для определения этнокультурной принадлежности признаках.

Недостаточная изученность топонимики Поочья и сопредельных районов Западного Поволжья не позволяет пока достаточно аргументированно подойти к решению вопроса о языковой принадлежности населения, оставившего рязано-окские и муромские могильники I тысячелетия н. э. Тем не менее рецензируемая статья интересна, как опыт привлечения к решению спорных вопросов этногенеза новых материалов различных дисциплин.

В небольшой статье Ю. А. Зеленеева и В. Н. Шитова (с. 134—139) проведен анализ планировки Старокадомского могильника, датированного авторами концом V — началом VII в. Однако памятник раскопан лишь частично (52 погребения), поэтому далеко не все выводы авторов представляются убедительными (например, о закономерностях в расположении богатых и бедных захоронений, о группах могил, оставленных брачными парами, входившими в состав большой патриархальной семьи, и их детьми и др.). Четко прослеживается лишь направление, в котором рос могильник, и изменение со временем ориентировки погребенных.

Подводя итог, следует отметить, что рецензируемый сборник содержит новые ценные материалы по древней и средневековой истории Западного Поволжья и будет с интересом встречен всеми исследователями, занимающимися историей, археологией и этнографией финно-угорских народов. Приходится только пожалеть, что издан он слишком малым тиражом — всего 500 экземпляров.

Краснов Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыков П. С.* Культура древних финнов в долине р. Узы. Саратов: Нижне-Волжский ин-т краеведения им. М. Горького при Саратовском гос. ун-те, 1930.
2. *Полесских М. Р.* К вопросу о субстрате селиксенской культуры.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1976, вып. 52.
3. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л.: Наука, 1966.

4. *Полесских М. Р.* Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий.— Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, вып. 5.
5. *Халиков А. Х.* Этническая принадлежность племен ананьинской общности.— Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970.
6. *Степанов П. Д.* Древнейшая история мордвы-эрзи. Очерк первый.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1968, вып. 34.
7. *Степанов П. Д.* Древнейшая история мордвы-эрзи. Очерк второй.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1970, вып. 39.
8. *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960.

Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества (Сост. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1979, с. 3—93, 33 табл. илл.)

В издательской деятельности краеведческих музеев предпочтение отдано проспектам, путеводителям, сборникам статей. Редкость каталогов археологических коллекций, являвшихся в прошлом веке основной формой музейных публикаций, сравнима только с их необходимостью.

	1850—1860 гг.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910—1916 гг.	1917—1955 гг.	1956—1966 гг.
Число каталогов	5	4	16	17	17	10	–	7

Наметившееся с 1950-х годов в выпуске каталогов изменение к лучшему позволило М. Х. Алешковскому (из статьи которого взята приведенная таблица) обобщить накопленный опыт и сформулировать основные требования к публикациям археологических собраний: 1) каталог — источниковедческое издание, рассчитанное на длинную жизнь и обращение в научной практике, 2) создание каталогов требует широкой эрудиции и значительных усилий целого отряда высококвалифицированных специалистов [1, с. 60]. С этим нельзя не согласиться, как нельзя и не отметить опыт подготовки одного из лучших каталогов последнего периода в одиночку. Следует лишь оговорить, что в этом случае работа потребовала 10 лет напряженного труда, которым предшествовало многолетнее изучение архивов [2, с. 12, 13, 57].

Можно было предполагать, что каталогизация коллекции Новочеркасского музея, содержащей депаспортизованные вещи еще из дореволюционных поступлений [3, с. 11], пострадавшей в гражданскую войну (с. 4), находившейся в «беспорядочном состоянии» в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне [4, с. 14], и понесшей новые потери во время войны (с. 5), потребует не меньших усилий. Удивление, вызываемое признанием составителя в быстротечности работы (проведена в 1977—1978 гг., с. 5), проходит при обращении к ее результатам: из 919 основных номеров каталога более 600 лишены сведений об обстоятельствах находки, более 500 — об источнике поступления в музей, свыше 450 — о месте находки. Степень реальной депаспортизованности еще выше, так как основные номера, имеющие какие-либо паспортные данные, содержат, как правило, один или несколько предметов, а лишенные сведений включают часто десятки однотипных вещей (I-70, 72-75; II-134 и др.).

Прежде чем задаться вопросом, насколько правомерно издание каталога в таком виде, и указать многочисленные неиспользованные возможности паспортизации коллекции, следует посмотреть, как определял задачи своей работы составитель. Согласно Б. А. Раеву (с. 5), переинвентаризация заключалась в сопоставлении старых материалов коллекции с увидевшей свет частью подготавливавшегося к печати каталога Х. И. Попова [5]. Результаты переинвентаризации, дополненные позднейшими поступлениями в музей, представлены в каталоге в трех отделах: 1) каменный и бронзовый века, 2) ранний железный век, 3) средневековье. Даже эти весьма ограниченные задачи выполнены очень небрежно. Б. А. Раеву не удалось опознать в подобных описаниях Х. И. Попова, сопровождаемых указаниями размеров и материала, значительное количество предметов, потерявших таким образом в новом каталоге свои паспорта. Среди неузнанных вещей оказались бронзовый литой астрагал, найденный «неподалеку от холма Саур-могила в 1904 г.» (II-213 — ср.: [5, 1752]), «бронзовый литой наносник» из кургана в юрте ст. Усть-Хоперской (II-214 — ср.: [5, 599]), «поясной крючок бронзовый» из урочища «Глушица» в юрте ст. Кумыл-

женской (II-215 — ср.: [5, 1908]) и многие другие. Упоминания заслуживает случай, когда Б. А. Раев, опознав изображения антропоморфных подвесок, правда, в одной фотографии сразу двух (II-217, 221 — ср.: [5, табл. 12, 3]), не отметил наличие описаний с паспортами у Х. И. Попова [5, 1586, 1926—1931]. Утратили свой паспорт и фрагменты костяных накладок колчана, найденные в юрте ст. Усть-Быстрянской, на кургане меж хуторами Кременским и Базками, и переданные в музей в 1904 г. (III-326 — ср.: [5, 2935—2943]). Эти вещи потеряли не только паспорт, но и музейный номер, поскольку в экспозиции музея под приведенным в каталоге номером (3667) выставлены фрагменты другого колчана (III-318). Ошибка тем более досадна, что «беспаспортный» колчан не только неоднократно публиковался [6, с. 181, рис. 17, 2, 7; с. 201, рис. 4, 2] и имеет в литературе, знакомой составителю по его ссылкам, паспорт [8, с. 256, № 430], но и реконструировался [9, с. 156, рис. 37], что обесценивает рисунок разрозненных фрагментов, приведенный в каталоге.

Паспорта предметов, опознанных по изданию Х. И. Попова, во многих случаях приведены «в урезанном виде». Если исчезновение размеров отчасти компенсируется выполненными с масштабной линейкой рисунками, то утрата обстоятельств находки (I-250 — ср.: [5, 592, 593]) и дат (КР, I-124, 133 — ср.: [5, 12, 19]) вряд ли объяснимы. В десятках случаев опущены такие детали обстоятельств находки, как «в песках», «в кургане», «в кучугурах». Не оправдана замена в паспортах более широкого у Х. И. Попова места находки «юрт станицы» менее точным названием соответствующей станицы. Многократно утрачены ссылки на опубликованные аналогии, сопровождающие в каталоге Х. И. Попова неиллюстрированные предметы (III-125 — ср.: [5, 1934]). Для ряда вещей указаны ошибочные паспорта, в действительности относящиеся к другим предметам (III-152, 153 — ср.: [5, 2928]).

Упрек составителю в недостаточно дробном хронологическом членении материала был бы несправедлив: и в рамках трех выделенных отделов допущены ошибки. Из «бронзового века» в «ранний железный» попали клепаный бронзовый котел (II-176), обломки клинков бронзовых ножей (КР, II-86, 129), приведенный с неверным паспортом наконечник копья из хут. Трактирного близ ст. Чернышевской (II-95); [10, рис. 24, 3] [1]. Оказались в «раннем железном веке» и средневековые вещи: кувшины салтовского облика (II-15, 18), красноглиняная амфора (II-48), подвеска в виде кисти человека (II-96), бронзовое навершие булавы (II-156 — ср.: [11, табл. XXVI]). Средневековью принадлежат и антропоморфные подвески, хотя бы те из них, что опознаются в фотографиях старого каталога [5, табл. 12]. Названные примеры, список которых может быть расширен, говорят о несовершенстве нового каталога даже с точки зрения скромных задач, выдвинутых его составителем.

Описанию коллекции предшествует краткое изложение истории ее формирования (с. 3—6). Часть предисловия дана по музейному путеводителю [12, с. 7] и не вызывает возражений, вклад же Б. А. Раева требует комментария. В намечаемой периодизации роста музейных фондов для демонстрации «качественного отличия» периода «с 20-х годов и до настоящего времени» указано пополнение фондов в основном материалами крупных экспедиций: Волго-Донской, Кобяковской и Раздорской. Нижнюю границу выделяемого по этому признаку периода следует отнести к послевоенному времени, так как две последние экспедиции до войны не существовали. Волго-Донская экспедиция упомянута по недоразумению: никаких находок в Новочеркасск она не передавала. Очевидно, недоразумение вызвано широким использованием материалов Новочеркасского музея начальником экспедиции М. И. Артамоновым. Вместо Кобяковской экспедиции, передавшей музею 11 предметов из двух курганов (с. 17, 58), вернее было бы отразить в предисловии более полно собственные работы музея. Но результаты раскопок под руководством Е. И. Савченко (исследовано около 150 погребений из 11 курганов), известных и в литературе [13, с. 51; 14, с. 126], не нашли места ни в предисловии, ни в основной части каталога. Равным образом нигде не упомянуты профильные для музея исследования казачьих поселений под руководством З. А. Виткова, Л. А. Новак, Е. И. Савченко [15, с. 27—50; 16, с. 37] и полученные при раскопках коллекции. Краткостью предисловия нельзя оправдать отсутствие в нем сведений об эпиграфическом и нумизматическом собраниях музея.

---

[1] Благодарю В. С. Бочкарева, сообщившего мне о предметах коллекции Новочеркасского музея в публикациях А. Д. Пряхина и Е. Н. Черныха.

Предисловие содержит и неверные положения. Так, в описании дореволюционных поступлений неудачен пример с Цимлянским городищем, о местонахождении которого якобы впервые сигнализировали поступившие в музей находки (с. 3). Известное с середины XVIII в. левобережное Цимлянское городище впервые было подвергнуто научным раскопкам в 1820-х годах. Еще до открытия Донского музея исследования несколько раз возобновлялись столичными и местными раскопщиками [4, с. 8—11; 3, с. 5]. Оценке Б. А. Раевым характера дореволюционных поступлений следует противопоставить мнение С. Н. Братченко о «высокой организации сбора случайных находок, недосягаемой (лучше сказать, недостигнутой.— *А. С.*) и в наше время» [17, с. 6].

Наиболее слабой позицией нового каталога является отказ от паспортизации коллекции за пределами издания Х. И. Попова.

В рамках рецензии можно назвать лишь основные из неиспользованных возможностей [2]. Главная из них — архивные материалы. Не привлечен личный архив Х. И. Попова, содержащий 1453 единицы хранения [18], значительная часть которых посвящена археологии. Здесь и очерк по истории Донского музея (д. 29), и археологические карты Области Войска Донского (д. 76). Есть дела, рассматривающие разные категории находок: д. 77 — панцири и кольчуги, д. 78 и 468 — старинные монеты, д. 594 — древнее оружие; есть общие обзоры поступлений за большие отрезки времени: д. 456 — 1892—1913 гг., д. 502 — 1899—1904 гг., д. 640 — 1909—1914 гг. Дело 891 сообщает паспорта антропоморфным подвескам (II-218, 222), найденным «между речками Нагольной и Мечеткой» Донецкого округа.

Не использованы материалы рукописного и фотоархивов Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Только в одном из дел Археологической комиссии приведены рисунки около 200 предметов, большая часть которых числится сейчас в музее и каталоге Б. А. Раева среди депаспортизованных. В деле хранится рисунок широко известного в литературе остродонного энеолитического сосуда (III-143), подписанного рукой сотрудника Донского музея В. В. Часовникова: «найден в русле р. Дон близ Раздорской станицы» [19, л. 4]. Там же под № 27к дано изображение зеркала, найденного «в кургане х. Небыкова 2-го Донского округа», отождествляемого по рисунку Б. А. Раева (III-143, табл. 30, 9). Некоторые рисунки не только дают паспорта отдельным вещам, как это показано выше, но и восстанавливают состав целых погребальных комплексов. Отмеченные в каталоге как отдельные депаспортизованные находки серебряные позолоченные бляшки (III-279, 283, 300) принадлежат открытому в кургане «Мечеть» близ ст. Нагавской погребению. Хранящийся в деле рисунок [19, л. 11, 22, № 30] дополняет описание Х. И. Попова [5, 2592]. В литературе комплекс отнесен к позднекочевническим [8, с. 256, № 372а]. Две поясные бляхи салтовского типа среди деталей уздечного набора позднекочевнического облика придают своеобразие инвентарю. По-видимому, погребение принадлежит растущей в последние годы группе подкурганных захоронений с салтовскими элементами. Как выясняется, подкурганный обряд был присущ и раннехазарскому периоду [20, с. 180—183] и времени финала салтово-маяцкой культуры [21]. Нагавский комплекс следует отнести к подкурганным погребениям позднехазарского времени, которые потребуют в скором будущем нового обращения к вопросу о традициях населения Хазарского каганата в позднекочевнической культуре [6, с. 184; 8, с. 163—165].

В другом деле Археологической комиссии подробно изложены обстоятельства и состав находки в ст. Великокняжеской: две баклаги, 15 салтовских амфор (III-372), квадратной формы кирпичи [22]. Приложены акварельные рисунки сосудов, план местности и заключение профессора Н. А. Меншуткина о содержащейся в амфорах нефти (ср.: [23, с. 291—293]). Еще одно дело сообщает обстоятельства находки горла фигурного сосуда [24, с. 69; 25] (II-118): «Кувшин вымыт водой в кургане близ х. Большинского на р. Цуцкан». В письме 1896 г. Х. И. Попова к А. А. Бобринскому уточнен год находки в Танаисе известной ручки бронзовой патеры [26; 27, № 793] (II-104): «доставленной прошлою зимой».

Очень слабо использована для паспортизации литература, список которой (с. 7) включает 19 названий. Три работы приведены только как содержащие аналогии новочеркасским вещам [28, № 551; 29, с. 3; 30, тип 154—155]. Ссылка на тип пред

[2] В настоящее время я располагаю паспортами более чем 600 предметов, приведенных Б. А. Раевым как беспаспортные или с неполными, неточными или неверными паспортами.

мета по Г. Эггерсу излишня, так как сопровождается указанием на публикацию предмета у В. В. Кропоткина [27, № 793]. Вместе с тем не нашли отражения многие работы исследователей, непосредственно знакомых с коллекцией. Вне поля зрения составителя остались труды М. И. Артамонова, А. А. Иессена [31], А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, С. А. Плетневой, А. Л. Якобсона [32, с. 325—344, рис. 3, 13, рис. 4, 18, 20, рис. 11, 39] и др. Необъяснено отсутствие паспорта у известной более чем по десятку публикаций баклажки из ст. Кривянской. Незамеченными остались как публикации, так и надписи на этой и другой, действительно лишенной паспорта баклаге (III-344, 345) [33, с. 263—268; 34, с. 279; 35, с. 247; 36, с. 130, рис. 33; 37, с. 32, рис. 14; 38; 39, с. 75; 40; 41, с. 386; 42, с. 76—82]. В единственной привлеченной книге М. И. Артамонова пропущены сведения об амулете, найденном в юрте ст. Цимлянской [4, с. 79]; (II-217), плоскодонной амфоре из х. Крымского [4, с. 113]; (III-363). По данным М. И. Артамонова, с Саркелом может быть связана бронзовая цедилка — единственный предмет, сопоставимый с происходящей оттуда «большой медной ложкой» [4, с. 17] (III-236). К работе А. К. Амброза неверно указаны соответствующие рисунки фибул (вместо II-109 следует II-107) и не отмечен материал: II-106 — железо, II-107 — бронза, починенная железной проволокой [43, с. 250, табл. II, 2, 3]. В широко используемой книге С. Н. Братченко пропущены восстанавливаемый автором комплекс находок из кургана «Батырь» [17, с. 242, прим. 28, рис. 75] и принятое им отождествление А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого вещей из ст. Нижнекундрюченской— бронзовых ножа и серпа (I-250) [17, с. 149; 44, с. 80, рис. 9]. Не указано место находки другого серпа — ст. Нижнекурмоярская [45, № 5072, с. 93]. Остались неопознанными приведенные С. Н. Братченко находки из ст. Арчадинской и хут. Хрящевского. Вещи из последнего, по заверению С. Н. Братченко, находятся в музее [17, с. 234, прим. 7, с. 47, рис. 22, 1, 2]. Неполно соотнесены с конкретными плитами (II-182—185) изданные В. С. Драчуком тамгообразные знаки и не прокомментирована причисленная им к собранию Новочеркасского музея свинцовая гиря из Танаиса, отсутствующая в каталоге [46, с. 142]. Без обстоятельств находки указан каменный жертвенник из хут. Краснодворского (II-32), тогда как К. Ф. Смирнов отметил, что находка сделана в 1908 г. в погребении [47, с. 336, рис. 74, 8]. Пропущено описание каменного блюда из ст. Елизаветинской (II-31), содержащее обстоятельства находки — «в песчаных буграх» [47, с. 166]. В книге А. И. Тереножкина остался незамеченным бронзовый псалий из ст. Нижнекурмоярской и возможность паспортизовать другие вещи этого комплекса [48, с. 53, рис. 24, 17] (II-142, 147). По работе Г. А. Федорова-Давыдова не отождествлены бляхи из ст. Нагавской [8, с. 256, № 372а, с. 49, рис. 8, КХХ] и пропущено указание на погребение половецкого времени из ст. Усть-Быстрянской [8, с. 256, № 430] (III-326). Совсем не использована дореволюционная литература: не учтены труды VI и VIII Археологических Съездов, где приведены многочисленные предметы, ставшие позднее экспонатами музея [49, с. 279; 50, таблицы]; не проработана донская краеведческая литература — даже известная по ссылкам Х. И. Попова. Среди последней важное место занимает журнал «Дон», печатавший материалы «археологического путешествия» В. В. Часовникова. Материалы содержат описания и изображения десятков вещей, хорошо определимых в составе музейной коллекции. По ним восстанавливается место находки железных удил — у хут. Колотаева ст. Слящевской (III-92) [51, с. 20, рис. 43]. Рисунки найденных там же кремневых наконечников стрел позволяют провести их отождествление с неиллюстрированными в каталоге вещами (I-72-75). Предположительно определяется место находки бронзового стремени как единственного, изготовленного из довольно редкого для стремян материала предмета коллекции. Такое стремя найдено в захоронении с костями лошади в кургане «Шпиль» у ст. Новогригорьевской, «в камере, укрепленной дубовым частоколом», в комплексе с «остатками вооружения, монистом и бляхой от чепрака» [51, с. 24, рис. 41] (III-64). Журнал сообщает и подлинную дату находки на Цимлянском городище фрагментов мраморных колонн и капители — 1887 г. [52, с. 15; ср. 4, с. 12] (III-377).

Несколько слов к рисункам и описаниям в которых допущены терминологические неточности и ошибки: крюк колчана назван «поясным крючком» (II-146), черешок ножа— «рукоятью» (I-239). Устойчиво именуются «лезвиями» клинки ножей и лишь по рисунку устанавливается, что под «верхней частью лезвия» следует понимать спинку клинка (II-129, 208, I-249, табл. 16, 9). Неоправданно лаконичны описания, не сопровождаемые иллюстрациями. Невозможно составить сколько-нибудь

определенные представления о медных кольцах (III-243, 244), бронзовой скобе (III-254), железном обруче (III-271), бронзовой бляшке (III-284) и др. Часто не указаны размеры и материал, есть его ошибочные определения: представленные в экспозиции амфоры красной глины, названные сероглиняными (III-374, 375), в действительности патинизированы. Рисунками сопровождено свыше 900 предметов из более чем 2800, отраженных в описательной части каталога. При таком соотношении необходимы какие-либо критерии избирательности. Единственный оговоренный составителем критерий — отказ от воспроизведения вещей, опубликованных в монографии С. Н. Братченко (с. 13). Однако легко устанавливается другое основание для отбора: в таблицах отсутствуют тяжелые для иллюстрирования вещи, например свыше 30 зеркал со сложными изображениями и надписями. С одной стороны, даны рисунки неоднократно изданных вещей: ставшие хрестоматийными антропоморфная стела (I-295), каменные булавы (I-137, 144, 145), бронзовые топоры и ножи (табл. 13, 16). С другой стороны, в рисунках плохо представлены поступления послевоенных лет, почти не известные в литературе. Даны зачастую неполные комплексы: из погребения сарматского времени (II-208) приведены лишь фрагменты золотой диадемы и железного ножа, но опущены изображения бляшек в виде масок Медузы и др. и наиболее интересные элементы самой диадемы; нет рисунка керамики из интереснейшего захоронения раннехазарского времени в ст. Грушевской (III-1/1) — первого из раскопанных на Дону курганов с квадратными ровиками вокруг насыпи, датируемых VIII в. Отрывочно представлены рисунками вещи из погребения у ст. Красюковской (III-327) — одного из редких еще на Дону захоронений предсалтовского периода. Зато в рисунках дано много невыразительных предметов, лишенных паспортов. Многие вещи, заслуживающие большего внимания и прежде не издававшиеся, остались известными лишь по названиям: гипсовые аппликации (II-114-117), известняковая статуэтка (II-140), литейная форма из Азова (III-337), зеркала (III-144—154 и др.), сабли (III-111—117).

Необходимо отметить, что проблема избирательной публикации рисунков носит искусственный характер. При лучшей компоновке материала и введении в текст принятых в такого рода изданиях сокращений можно было бы поместить рисунки всех или почти всех предметов: оказались неиспользованными оборотные стороны 33 таблиц, занятые лишь в нижней части подписями к рисункам и вполне пригодные для дополнительных изображений; десятки новых страниц могло освободить введение шифров для многократно повторенных штампов типа «место находки, обстоятельства находки и источник поступления неизвестны». Шифровые обозначения следовало ввести также и для использованной литературы и для обозначения постоянно повторяющихся мест находок. Достаточно свободно размещены и сами рисунки, во всяком случае можно было бы дать сечения предметов часто пропущенные.

Качество работы в целом подчеркивает и отсутствие в ней нескольких вещей, опубликованных в недавние времена и несомненно хранящихся в музее. И если в отношении средневековой глиняной статуэтки из окрестностей ст. Нижнекундрюченской [53, с. 41—44] можно предположить, что она просто не опознана и ошибочно отнесена в другой отдел (например, II-105 — нет ни описания, ни размеров), то в отношении котлов половецкого времени [53, с. 201, № 3876, 3890, рис. 1, 5; рис. 2, 5] вопрос должен остаться открытым.

Традиционная оценка «положительные стороны — отрицательные стороны» для рецензируемой работы неприемлема. Завершая рецензию, с сожалением приходится констатировать следующее: одно из богатейших археологических собраний степной зоны европейской части СССР продолжает оставаться в неразобранном, депаспартизованном и малопригодном к научному пользованию виде. Вывод достаточно очевидный и не заслуживающий затраченных составителем усилий, впрочем — весьма незначительных.

Семенов А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешковский М. Х.* Очерк истории музейной каталогизации археологических источников (в связи с вопросом эволюции форм научного описания музейных предметов.— В кн.: Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры. М., 1971.
2. Свердловский областной краеведческий музей. Каталог археологических коллекций. Составитель Е. М. Берс. Свердловск, 1959.

3. *Лунин Б. В.* Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1962.
4. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— ИГАИМК, 1935, вып. 131.
5. *Попов Х. И.* Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск (б. г.).
6. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
7. *Алексеев Л. В.* Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
9. *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
10. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.
11. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, вып. Е1 — 36, т. 2. М.— Л., 1966.
12. Музей истории Донского казачества. Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1969.
13. *Савченко Е. И.* Курганы у станицы Богоявленской.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, Ростовск. ун-т, Ростовск. музей краеведения. 1973.
14. *Савченко Е. И.* Курганы у станицы Богоявленской.— АО — 1971, М., 1972.
15. *Витков З. А.* Кагальницкий казачий городок.— В кн.: Из истории Дона. Ростов-на-Дону, 1956.
16. *Марков С. М.* Археологические раскопки на Дону в послевоенный период.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1962.
17. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
18. Архив Х. И. Попова. Ростовский областной Госархив, ф. 55.
19. О присылке в Комиссию на рассмотрение древностей, принадлежащих учреждаемому в Новочеркасске Донскому музею. Архив ЛОИА АН СССР, ДАК № 65/1886 г.
20. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
21. *Красильников К. И.* Раннепеченежское погребение в с. Горшкове.— СА, 1978, № 4.
22. О глиняных сосудах, случайно найденных в ст. Великокняжеской. Архив ЛОИА АН СССР, ДАК № 255/1895 г.
23. *Кострин К. В.* Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ ст. Пролетарской.— СА, 1965, № 1.
24. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
25. О раскопках В. И. Ястребова в Донской области. Архив ЛОИА АН СССР, ДАК № 9а/1890 г.
26. О поручении Х. И. Попову произвести раскопки в Донской области. Архив ЛОИА АН СССР, ДАК № 76/1896 г.
27. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. М.: Наука, 1970.
28. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. М.: Сов. художник, 1977.
29. *Савельев Е.* Археологические очерки Дона. Вып. 1. Новочеркасск: Изд-во Новочеркасской Деткомиссии, 1930.
30. *Eggers H. J.* Der romische Import im freien Germanien. B. 1. Hamburg, 1951.
31. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, т. XVIII.
32. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья.— СА, 1951, т. XV.
33. *Артамонов М. И.* Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.— СА, 1954, т. XIX.
34. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
35. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
36. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
37. *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976.
38. *Турчанинов Г. Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея.— СА, 1964, № 1.
39. *Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.
40. *Щербак А. М.* Несколько слов о происхождении рунических надписей, найденных на Дону.— СА, 1954, т. XIX.
41. *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
42. *Щербак А. М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе.— СТ, 1971, № 4.
43. *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса.— МИА, 1969, № 154.
44. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы.— ИГАИМК, 1935, № 119.
45. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.

46. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
47. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
48. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
49. Труды VI АС, 1887, т. IV.
50. Труды VIII АС, 1890, т. IV.
51. *Часовников В. В.* Донская археология и этнография.— Дон, 1887, № 3.
52. *Часовников В. В.* Донская археология и этнография.— Дон, 1888, № 11.
53. *Гадло А. В.* Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 104.
54. *Швецов М. Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников.— СА, 1980, № 2.

О КАТАЛОГЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(письмо в редакцию)

В 1979 г. был опубликован каталог археологических коллекций Новочеркасского музея истории Донского казачества (составитель Б. А. Раев). Работа по составлению каталога была проведена в ходе Всесоюзной инвентаризации фондов музеев и является опытом не только публикации музейного собрания, но и систематизации хранения археологических коллекций. Для донских музеев это всего второе подобное издание, вышедшее из печати.

К сожалению, каталог является ненадежным источником по археологии Дона.

Описывая музейное собрание, автор не выполнил требований действующей Инструкции по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных) 1968 г. Не приведены инвентарные номера Главной инвентарной книги музея, по которым предметы зарегистрированы. Это осложняет последующее нахождение предмета для работы. Присвоение предметам новых инвентарных номеров, как это сделано автором, можно было бы признать целесообразным лишь в том случае, если это номера научной инвентаризации, предполагающей классификацию и научное определение с подробной фиксацией в книгах учета. Эта работа автором проведена не была.

Распределение материала по хронологическим отделам мы считаем правильным, но следовало бы отделить материалы каменного и бронзового веков в самостоятельные отделы. Внутри хронологического отдела материал должен быть четко изложен по территориальному признаку, тогда материалы одного памятника не были бы разбросаны по разным местам, как это получилось с материалами Ракушечного Яра.

Ряд предметов получил в каталоге ошибочную атрибуцию: кувшин № 11—18 (табл. 15—1) и бронзовая булава № 11—156 (табл. 22—6) отнесены к раннему железному веку, но кувшин типично салтовский, а булавы такого типа хорошо известны по древнерусским памятникам.

Небрежно подана и без того скудная информация о предмете. Например, в первом отделе № 132, 133 и 136, 138—143 записаны как навершия булав, но дальше читаем: «№ 144, 145 — булавы каменные». Какие же были предыдущие? Загадкой остаются предметы, к которым сам автор ставит знак вопроса, но не помещает их рисунков: № III-347 шлем?, № III-348 шлем бронзовый?

Неточно и небрежно выполнены рисунки. Особенно это относится к изображениям кремневого инвентаря, сложнопрофилированных керамических изделий, металла.

Досадно, что издание каталога, которое дается местным музеям с большим трудом, не стало полноценным источником.

Ларенок П. А.

ОТВЕТ Д. Л. БРОДЯНСКОМУ

В журнале «Советская археология» (1981, № 2) опубликована рецензия Д. Л. Бродянского на мою монографию «Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век». В любой рецензии читатель вправе ожидать анализа рецензируемой работы в свете разработки проблем, с которыми связана тема исследования. Моя монография [1] посвящена железному веку Приморья, периоду, который предшествовал крупным феодальным государствам, сложившимся в этой части Восточной Азии в конце I тысячелетия н. э. Поэтому не могут не представлять интереса по-

становка и показ уровня решения проблем в процессе изучения путей, ведших к сложению государственных образований, их динамики, особенностей, закономерностей. Подхода к анализу монографии в этом плане читатель не найдет в рецензии Д. Л. Бродянского.

Одним из проблемных и дискуссионных для южной части Дальнего Востока СССР является вопрос о наличии или отсутствии там бронзового века. Разработка и решение его имеет важное значение для определения базы, на которой формировались культуры железного века. В решении этого вопроса большое значение имеют находки каменных литейных форм и бронзовых предметов, отливавшихся в этих формах, на поселении Синие Скалы. В книге изданы первые находки литейных форм, а в настоящее время их более 30. Все эти формы представляют собой комплекс одновременных предметов (в основном для отливки наконечников копий и бляшек). Нельзя не учитывать особенности знакомства с бронзой, как это определяется по материалам поселений II тысячелетия до н. э. на юге Дальнего Востока СССР, где присутствуют каменные наконечники копий и кинжалы, имитирующие литые бронзовые. Упоминания об этих находках неоднократно встречаются в различных публикациях [2, с. 12, 13; 3]. Эти каменные имитации сопоставляются с сейминско-турбинскими образцами. Матрицы наконечников копий литейных форм поселения Синие Скалы аналогичны каменным репликам, найденным как на поселении Синие Скалы, так и в других одновременных памятниках Приморья. Очень коротко это изложено в монографии [1, с. 46—49]. На поселениях раннего железного века янковской культуры имеются серии каменных кинжалов и наконечников копий, но уже совсем иного типа. В памятниках кроуновской культуры раннего железного века в Приморье каменные шлифованные кинжалы и наконечники копий, имитирующие бронзовые, уже неизвестны. Каким образом удалось Д. Л. Бродянскому сопоставить узкие длинные втульчатые наконечники копий из поселения Синие Скалы с поздними кинжалами с фигурным лезвием и с цельнолитой цилиндрической центральной частью из случайного погребения на Известковой сопке и найти между ними тождество — остается неясным (рец., с. 312, 313).

Через всю рецензию Д. Л. Бродянского идет мотив о методе научного исследования. Это настолько важно, что и на этой стороне вопроса необходимо остановиться. Д. Л. Бродянский констатирует, что я признаю фактор появления земледелия до железного века и ничего не сообщаю о системе земледелия у янковцев (рец., с. 313). В том, что это не соответствует действительности, легко убедиться [1, с. 72—75]. Дело не в признании или непризнании факта раннего появления земледелия, а в том, как, на какой основе разрабатывается и решается этот вопрос при реконструкции исторического процесса. В моей книге на основании комплексного анализа находок, сгруппированных по назначению, показана динамика и пути развития хозяйства, в том числе земледелия, уровень земледелия и его характер на различных этапах железного века. В решении этого вопроса я фактически дискутирую и с рецензентом — сторонником концепции появления пашенного земледелия в Приморье в неолите [4], когда еще не было известно скотоводства. В моей книге доказывается появление пашенного земледелия в I тысячелетии н. э. одновременно с появлением в стаде домашних животных крупного рогатого скота и лошади [1, с. 182—184]. Таким образом, автор рецензии искажает разработку проблемных вопросов путем умолчания или необъективного освещения положения моей книги.

В сложении и развитии предпосылок для формирования классового общества, в выявлении этих предпосылок большую роль играет изучение ремесленных промыслов. Показу зарождения, развития, особенностей ремесленных промыслов и их роли в историческом процессе в моей книге уделено большое внимание [1, с. 122—123, 189—193 и др.] Однако эта важнейшая проблема прошла мимо внимания рецензента.

Одним из важнейших моментов в археологическом исследовании является четкое определение той или иной археологической культуры. Быстрое накапливание археологических источников вызывает к жизни новые гипотезы, новые проблемы. Одна из таких гипотез появилась в связи с изучением урильской культуры на Амуре. Это гипотеза о происхождении янковской культуры раннего железного Приморья из бассейна Амура [5, с. 264, 265]. Мною выделены и сопоставлены ведущие признаки янковской и урильской культур и показаны принципиальные различия между ними, доказывается происхождение янковской культуры от более ранней зайсановской культуры, что совпадает с ранее высказанным мнением А. П. Оклад-

никова. Материалы из могильников янковской культуры, учитывая и обряд захоронения, позволили определить янковскую культуру как самобытную, отличную от культур сопредельных областей (разбору этой проблемы посвящена большая часть четвертой главы второй части монографии). Об этой серьезной и принципиальной дискуссии, имеющейся в книге, в рецензии читатель упоминания не найдет, но зато прочитает заключение рецензента: «Никаких позитивных решений проблем генезиса... взаимосвязи культур Ж. В. Андреева не предлагает» (рец., с. 314).

Сложность и уровень разработанности этногенетических проблем показаны мною на примере другой культуры раннего железного века — кроуновской: свою концепцию предлагает А. П. Деревянко, свою — Д. Л. Бродянский. Мое мнение по этому вопросу ближе всего к мнению А. П. Окладникова [1, с. 109—111]. Поэтому остается неясным, кого имеет в виду рецензент, когда пишет о противоречии моей работы с мнением всех советских авторов. Если себя, то почему во множественном числе?

Метод рецензирования Д. Л. Бродянского наиболее отчетливо проявился в вопросе об ольгинской культуре (рец., с. 315). Здесь читатель найдет все: и выделение культуры по одному памятнику [ср.: 1, часть 3, гл. 1], и несходство приморского материала с амурским материалом (именно благодаря «несходству» была выделена ольгинская культура Приморья) и многое другое. Весь «корень зла» Д. Л. Бродянский видит в методике раскопок, которая привела к механическому смешению разновременного материала. Качество раскопок легко проверить по подробным отчетам, хранящимся в архиве Института археологии; на них имеются ссылки и в книге. Но хотелось бы обратить внимание на то, что претензии к методике раскопок предъявляет человек, не написавший сам ни одного отчета, хотя раскопки вел очень широко (в качестве примера назову раскопки на поселении Олений 2 [6], на о. Петрова [7], на кроуновском поселении [8] и др.).

На этом можно завершить ответ рецензенту. Рецензия Д. Л. Бродянского, к сожалению, написана в одном ключе: она необъективна, не содержит серьезного анализа монографии, искажает сущность проблемы.

Андреева Ж. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э.— VIII в. н. э.). М.: Наука, 1977.
2. *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н. э.). Автореф. канд. дис. Новосибирск: Новосибирск. ун-т, 1969.
3. *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Приморье и Приамурье во II тыс. до н. э.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 1971.
4. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия.— СЭ, 1969, № 2.
5. *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973.
6. *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа.— Изв. СО АН СССР, 1968, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.
7. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Древние поселения на острове Петрова.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово: Госуниверситет, 1979.
8. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновки в Приморье.— АО — 1968. М., 1969.

Хроника

X КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Москва, 1980 г.)

17—18 марта 1980 г. археологи-кавказоведы собрались в 10-й раз, чтобы почтить память замечательного исследователя древностей Северного Кавказа, лауреата Ленинской премии Е. И. Крупнова. В работе конференции приняли участие археологи и краеведы из Москвы, Ленинграда, Ростова, Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Дагестанской и Калмыцкой АССР, Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. На заседаниях, проходивших в Институте археологии АН СССР, заслушано 27 докладов по различным вопросам археологии Северного Кавказа и сопредельных областей [1].

Открывая конференцию, директор Института археологии акад. Б. А. Рыбаков отметил в своем вступительном слове важность и значение для археологической науки Крупновских чтений и большой интерес и сложность обсуждаемых на этих конференциях тем.

Подавляющее число докладов было посвящено основной теме конференции — проблемам идеологии древних и средневековых обществ северокавказского региона. В первый день заседаний заслушано 14 докладов.

Доклад И. М. Чеченова (Нальчик) «К вопросу о религиозных верованиях племен Центрального Кавказа в эпоху ранней бронзы» посвящен ряду погребальных памятников второй половины III тысячелетия до н. э., обнаруженных на территории Кабардино-Балкарии. На основе изучения погребального обряда, особенностей конструкции могильных сооружений, качественного состава погребального инвентаря докладчик предполагает существование у позднемайкопских племен особой группы религиозных священнослужителей и наличие лунного и солярного культов. В докладе С. Л. Дударева (Грозный) «К вопросу о функциях железных предметов в эпоху поздней бронзы — раннего железа (Центральный и Северо-Восточный Кавказ)» предпринята попытка анализа сакральной атрибуции и назначения некоторых железных предметов у племен кобанской культуры и населения Дагестана в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Вслед за Г. Е. Арешяном докладчик указал на две первоначальные функции железных предметов на изучаемой территории — культово-магическую и материально-ценностную. Докладчик считает возможным говорить об определенном сходстве некоторых религиозных представлений населения Северного Кавказа, Закавказья и Переднего Востока.

Доклад О. М. Давудова (Махачкала) «Хосрехское святилище в высокогорном Дагестане» ознакомил участников конференции с каменным святилищем VIII — начала VII в. до н. э., связанным с культом огня. Появление такого святилища у оседлого кавказского населения докладчик ставит в связь с передвижениями степных ираноязычных групп населения, скорее всего киммерийцев. Сообщение В. А. Петренко (Грозный) «Бронзовые барельефные бляхи скифского времени из Ичкерии» посвящено поясным пряжкам VI—III вв. до н. э. из юго-восточной Чечни. Специально докладчик остановился на атрибуции блях. Он согласился с высказанным до него мнением о специфически локальном характере этого типа парадного украшения. Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «Культовые сосуды в меотской керамике» остановился на характеристике серии культовых сосудов оригинальных форм в виде двойных и тройных сосудиков, ритонов, курильниц, сосудов с солярными знаками и сосудов на ножках. По мнению докладчика, все эти сосуды служили для отправления церемоний, связанных с аграрными культами почитания Великой матери — богини плодородия, а также с почитанием предков-родоначальников. Специфике религиозных представлений древней Хазарии был посвящен доклад М. Г. Магомедова (Махачкала) «К вопросу о „веротерпимости" Хазарского каганата». По мнению докладчика, эта специфика состояла в веротерпимости господствующей верхушки к элементам ряда религий (язычеству, христианству, иудаизму), исповедуемых разными этническими и социальными группами, входившими в состав каганата. Но в то же время, по мнению М. Г. Магомедова, ни одна из мировых религий в Хазарии не вытеснила язычества и не стала фактором социального объединения на-

[1] Общее количество заявленных для конференции докладов см. в кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.

родов. В докладе А. А. Кудрявцева (Махачкала) «О христианстве в Дербенте» дан исчерпывающий анализ археологических и письменных свидетельств о раннем (первая половина IV в.) проникновении христианства в район Дербента. К памятникам христианства V—VI вв. докладчик отнес два сооружения в городе: Джума-мечеть и крестово-купольное здание в цитадели. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) в докладе «Аланский культ солнца и огня» попытался воссоздать историческую ретроспективу древнего и длительного существования культа солнца и огня у алан. По мнению докладчика, культ солнца и огня, характерный для древних ираноязычных народов, в условиях Кавказа встречался с развитым местным солнечным культом, что вызвало к жизни солнечно-огневой культ алан (уголь в погребениях, святилища с курильницами, солярные амулеты и т. п.). Доклад А. А. Иерусалимской (Ленинград) «Особенности погребального культа и некоторых верований адыго-аланских племен (по материалам могильника Мощевая балка VIII—IX вв.)» посвящен анализу некоторых черт погребального обряда, не восстанавливаемых обычно в других адыго-аланских могильниках (процесс символизации погребального инвентаря, замена целого частью или имитация предмета, предметы, связанные с апотропической магией и почитанием домашнего божества). Подобная реконструкция оказалась возможной благодаря редкой сохранности изделий из органических материалов в могильнике Мощевая балка. Тематически с докладом А. А. Иерусалимской связано сообщение А. И. Семенова (Ленинград) «Ксилотомическое свидетельство культа таволги на средневековом Кавказе». Более 1000 определений пород древесины деревянных изделий из могильника Мощевая балка позволили докладчику установить наличие зависимости между породами древесины и определенными типами изделий. А. И. Семенов особо подчеркнул культовый характер привесок из древовидной таволги (спиреи), атрибутируя их как вместилища для духов-посредников, призванных охранять владельца. По мнению докладчика, культ таволги не свойствен древним народам Кавказа и проник сюда с раннесредневековыми тюркоязычными племенами из Центральной Азии. М. Б. Мужухоев (Грозный) в докладе «Эволюция верований чеченцев и ингушей в период средневековья» подробно остановился на исторических этапах развития религии у вайнахов. По мнению докладчика, последовательность этих этапов такова: язычество, язычество и христианство (XII—XIII вв.), язычество с пережитками христианства (до XVIII—XIX вв.), ислам с заметными следами язычества (XVI—XIX вв.).

Сообщение Е. П. Алексеевой (Черкесск) «Об орнаменте на глиняных изделиях кобанского времени из Карачаево-Черкесии» содержало анализ орнаментации на керамике VIII—IV вв. до н. э. из памятников с верховий Кубани. Прослежен генезис основных узоров и их эстетический и религиозно-магический смысл. Доклад Р. А. Даутовой (Грозный) «К вопросу о так называемых склепах с поминальными камерами» посвящен одному из типов наземных могильных сооружений XIII—XVIII вв. на территории Чечено-Ингушетии. Предпринята попытка проследить истоки таких сооружений на основе местной склепной традиции. Заслушано также сообщение М. А. Романовской (Москва) «О новейших находках повозок из курганов эпохи бронзы из Ставропольского края». Доклад знакомит с новыми памятниками катакомбной культуры, исследованными в 1979 г. при раскопках могильника «Веселая роща». Особенно интересны комплексы с деревянными повозками рубежа III—II тысячелетий до н. э.

В дискуссии по докладам первого дня приняли участие Г. Е. Афанасьев, А. В. Гадло, С. Л. Дударев, А. А. Иерусалимская, В. А. Кузнецов, Х. М. Мамаев, В. И. Марковин, В. Г. Петренко, Ю. Ю. Пиотровский, И. М. Чеченов, У. Э. Эрдниев. Оживленное обсуждение вызвал доклад И. М. Чеченова. Отмечая оригинальность постановки вопроса, выступавшие указали вместе с тем на недостаточную обоснованность хронологии рассмотренных в докладе каменных стел (Ю. Ю. Пиотровский, В. Г. Петренко) и на отсутствие всесторонних аналогий, в частности средиземноморских (В. И. Марковин). В выступлении В. И. Марковина по докладу С. Л. Дударева прозвучало сомнение относительно выводов, касающихся истолкования метеоритного железа. Отмечена также условность разделения докладчиком культово-магической и образно-метафорической функций железных предметов.

Выступая по докладу О. М. Давудова, В. Г. Петренко и В. И. Марковин указали на неясность методики раскопок и на отсутствие четких данных о стратиграфии, что не позволяет точно представить конструкции Хосрехского святилища. Выступавшим показалось неубедительной и слишком широкая дата существования святилища, предложенная докладчиком. Ряд соображений по докладу М. Г. Магомедова был высказан Г. Е. Афанасьевым, А. А. Иерусалимской и А. В. Гадло. Основываясь на известных исторических свидетельствах о существовании религиозной борьбы в Хазарском каганате, А. В. Гадло не согласился с основным тезисом М. Г. Магомедова о веротерпимости. Напротив, А. А. Иерусалимская поддержала мнение М. Г. Магомедова, приведя новые данные по могильнику Мощевая балка (находка стеклянного сосуда с иудейской надписью). Большой интерес доклада А. А. Кудрявцева, особенно идеи о первоначальной христианской принадлежности некоторых архитектурных памятников Дербента, отметили В. А. Кузнецов и А. В. Гадло. Некоторое сомнение прозвучало только в отношении Джума-мечети. Положительную оценку получил доклад В. А. Кузнецова. Г. Е. Афанасьев, В. И. Марковин и Х. М. Мамаев привели в своих выступлениях новейшие сведения, подтверждающие наличие культа солнца и огня у алан.

Выступая по докладам А. А. Иерусалимской и А. И. Семенова, В. А. Кузнецов подчеркнул огромный интерес представленных в них данных для воссоздания

исторической ретроспекции. А. А. Иерусалимская, отмечая хороший научный уровень доклада А. И. Семенова и оригинальность его выводов, тем не менее призвала докладчика к большей осторожности и меньшей категоричности при оценке амулетов — веточек таволги, отражающих якобы идею «троечастности» в шаманском культе. Дело в том, что в некоторых погребениях Мощевой балки имелись такие подвески и с пятью отростками.

Во второй день заседания было прослушано 13 докладов. М. Г. Гаджиев (Махачкала) в докладе «К периодизации куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе» на основе новых стратиграфических данных, полученных при раскопках на поселениях Геме-тюбе I и Великент, совершенно по-новому ставит вопрос о генезисе культуры V—III тысячелетий до н. э. на Северо-Восточном Кавказе. Доклад Е. Н. Черныха (Москва) «Клад из Констанцы (Румыния) и вопросы нижней даты бронз прикубанского очага» посвящен анализу одного из румынских кладов эпохи поздней бронзы. Сделаны важные выводы по соотношению хронологических систем Балкано-Карпатья и Северного Кавказа. В докладе Ю. Ю. Пиотровского (Ленинград) «К вопросу о погребальном комплексе так называемой северокавказской культуры» обстоятельно разобраны погребальные комплексы ряда памятников II тысячелетия до н. э. Доклад содержит пересмотр некоторых точек зрения на северокавказскую культуру; автор дает собственное понимание этой группы древностей Северного Кавказа. По мнению Ю. Ю. Пиотровского, культура эпохи бронзы западной, центральной и восточной областей Северного Кавказа развивалась особо. Элементы же сходства в синхронных культурах этих частей Кавказа объясняются докладчиком культурными взаимоотношениями населения. Доклад В. М. Батчаева (Нальчик) «Кобанские кинжаловидные подвески» посвящен характеристике одной из категорий украшений кобанской культуры, миниатюрным подвескам — моделям кинжалов. Докладчик предложил новую гипотезу о назначении подвесок. Он считает возможным на основе этнографических параллелей относить их к категории «первобытных денег», т. е. к ранней форме эквивалента стоимости. Сообщение о находках новых антропоморфных стел VI—V вв. до н. э. из Чечено-Ингушетии сделал М. Х. Багаев (Грозный). Плиты были вторично использованы при сооружении каменных ящиков Галайтинского могильника. Доклад Л. Г. Нечаевой (Ленинград) «О переселении кочевников из Азии в Юго-Восточную Европу» посвящен ряду общих проблем, связанных с передвижениями кочевых племен во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры. Высказаны точки зрения на ряд спорных вопросов относительно происхождения некоторых форм погребальных сооружений на Северном Кавказе. А. В. Дмитриев (Новороссийск) в докладе «Пастушеские захоронения из Широкой балки близ Новороссийска» остановился на одной группе своеобразных погребений первых веков нашей эры могильника Широкая балка. Особенность обряда этих погребений — класть с покойником домашних животных — телят, овец и даже собак. По мнению докладчика, погребения принадлежали скотоводам, возможно, самим пастухам. В. Б. Ковалевская (Москва) в докладе «Некоторые методические вопросы подхода к абсолютному и относительному датированию» на основе материалов древних и средневековых могильников Северного Кавказа остановилась на возможностях использования тех или иных групп вещей, обработанных по определенному принципу, для уточнения датировки памятников. Доклад А. В. Гадло (Ленинград) «Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополья» познакомил участников конференции с результатами археологических разведок последних лет экспедиции Ленинградского университета на Ставропольской возвышенности. Подъемный материал, особенно керамика селищ по бассейнам рек Сухой и Мокрой Буйволы, Томузлавке и Егорлыку, по мнению докладчика, близка керамике нижнедонской и крымской групп салтово-маяцкой культуры. А. В. Гадло полагает, что имеется достаточно оснований для вывода о том, что вся Ставропольская возвышенность от Егорлыка до Кумы была в VIII—X вв. заселена протоболгарскими группами — носителями салтово-маяцкой культуры. Салтово-маяцкой тематике был посвящен и доклад Г. Е. Афанасьева (Москва) «Некоторые предварительные итоги изучения Маяцкой крепости». Внимание докладчика было сосредоточено на фортификационных особенностях одного из известнейших городищ Подонья. Изучение крепости свидетельствует о глубоком знании алано-болгарским населением наиболее передовых приемов фортификации, применявшихся при строительстве крепостей на Северном Кавказе, в Крыму и на Балканах. Доклад Г. Е. Афанасьева сопровождался демонстрацией кинофильма о раскопках на Маяцком городище, проводимых Советско-Болгарской экспедицией. Типологии и хронологии средневековых поселений Карачаево-Черкесии посвятил свой доклад Х. Х. Биджиев (Черкесск). Докладчик выделил четыре группы поселений, наиболее ранние из которых датируются IV—VII вв., а наиболее поздние доживают до XIII в. О двух хронологически разных группах курганов шла речь в докладе У. Э. Эрдниева (Элиста) «Поздние кочевники Калмыкии». Первая группа была оставлена кочевниками-скотоводами в XI—XIII вв., вторая датируется золотоордынским временем. Докладчик отметил многие общие черты в погребальном обряде и идеологических представлениях населения, оставившего обе группы курганов. Доклад Х. М. Мамаева (Грозный) «Поздние кочевники в бассейне среднего течения реки Терек» был посвящен памятникам поздних кочевников восточной части Предкавказья. Наиболее ранние из них датируются IX—X вв., наиболее поздние — XIV в. По мнению докладчика, изучение всех материалов такого рода позволит уточнить этнокультурную ситуацию в равнинной части бассейна Терека в эпоху позднего средневековья.

В прениях по докладам второго дня конференции выступили Н. В. Анфимов, В. М. Батчаев, Х. Х. Биджиев, А. В. Дмитриев, С. Л. Дударев, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, С. Н. Кореневский, М. Г. Магомедов, Ю. Ю. Пиотровский, В. А. Сафронов, Е. Н. Черных, И. М. Чеченов.

Большую важность материалов, представленных в докладе М. Г. Гаджиева, отметили в своих выступлениях С. Н. Кореневский и Е. Н. Черных. Как они считают, систематика этих материалов, предпринятая докладчиком, немаловажна для создания единой кавказской периодизации памятников эпохи ранней бронзы. Ряд выступлений касался доклада Е. Н. Черныха. Не согласился с предложенной докладчиком датой клада из Констанцы В. А. Сафронов, считая ее заниженной и очень расширенной.

Большой интерес и важность выводов Е. Н. Черныха для уточнения хронологии поздней бронзы Северного Кавказа отметила и В. И. Козенкова, выразив при этом сомнение относительно нижнего предела даты, предложенной докладчиком для древностей типа клада из Констанцы, применительно к древностям Кавказа.

Касаясь доклада Ю. Ю. Пиотровского, С. Н. Кореневский, В. Б. Ковалевская и В. А. Сафронов отметили актуальность поднятой докладчиком темы относительно содержания и сущности «северокавказской культуры», но в то же время указали на полемичность и дискуссионность тезисов самого Ю. Ю. Пиотровского. По мнению С. Н. Кореневского, докладчику необходимо было бы столь же детально, как погребальный обряд, разобрать керамику и украшения. За более конкретное рассмотрение отдельных памятников и выяснение их специфики высказалась В. Б. Ковалевская. Отвечая оппонентам, Ю. Ю. Пиотровский подчеркнул необходимость поисков новой методики подхода к материалам средней бронзы Северного Кавказа. Оригинальность постановки вопроса в докладе В. М. Батчаева отметил в своем выступлении С. Л. Дударев. Сомнение относительно атрибуции кинжаловидных подвесок как «первобытных денег» высказала В. И. Козенкова. По ее мнению, ареал таких находок для этого слишком узок. Кроме того, подвески эти разнотипны. Возражения прозвучали и в отношении узкой датировки кинжаловидных подвесок только VII—VI вв. до н. э. В. И. Козенкова указала ряд памятников X—VIII вв. до н. э., свидетельствующих о более раннем бытовании таких привесок (Терезе, Рутха, Тхмори). В выступлении по докладу М. Х. Багаева С. Л. Дударев отметил несомненный интерес находок антропоморфных стел в Галайтинском могильнике, но упрекнул докладчика в малой мобилизации таких материалов, которые бы помогли их более обстоятельной интерпретации. Доклад Л. Г. Нечаевой нашел отклик в выступлении М. Г. Магомедова. Он поддержал ее мнение относительно связи подбойных погребений Северного Кавказа с тюркским миром, но предостерег автора доклада относительно абсолютизации этого тезиса.

Н. В. Анфимов в выступлении по докладу А. В. Дмитриева обратил внимание на главное, по его мнению, в материалах могильника Широкая балка, а именно их меотскую основу в сочетании с чертами степной культуры.

Оживленное обсуждение вызвал доклад А. В. Гадло. Все выступившие (Н. В. Анфимов, М. Г. Магомедов, В. Б. Ковалевская, Х. Х. Биджиев, И. М. Чеченов) отметили большую важность новых археологических материалов для уточнения и разработки вопроса об алано-болгарских взаимоотношениях на Северном Кавказе. Касаясь доклада Г. Е. Афанасьева, М. Г. Магомедов указал на ключевой характер также материалов Маяцкой крепости для решения этих вопросов. Отдельные замечания, касающиеся хронологии, были высказаны В. Б. Ковалевской и И. М. Чеченовым по поводу доклада Х. Х. Биджиева.

На заключительном заседании была принята резолюция, в которой подведены итоги работы конференции и выражена благодарность организатору X Крупновских чтений — Институту археологии АН СССР. Конференция постановила провести XI Крупновские чтения осенью 1981 г. в Новороссийске, посвятив их изучению проблемы экономических, культурных и этнических связей Северного Кавказа в древности и средневековье.

Козенкова В. И.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА БЛАВАТСКОГО

18 февраля 1981 г. в Институте археологии АН СССР проводились «Чтения памяти профессора, доктора искусствоведения В. Д. Блаватского» (12.IX.1899—10.XI.1980 гг.). В чтениях приняли участие сотрудники Института археологии и ЛОИА, кафедр истории древнего мира, археологии и классической филологии МГУ, сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, Института философии АН СССР, Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного Исторического музея, Московского государственного и Московского областного пединститутов. Содержание докладов было связано с тематикой исследований В. Д. Блаватского; ряд выступлений были посвящены деятельности Владимира Дмитриевича и его вкладу в отечественное антиковедение.

Чтения открыл заместитель директора ИА АН СССР Ю. Н. Захарук, отметивший огромный вклад В. Д. Блаватского в развитие советского антиковедения.

С большим вниманием была заслушана неопубликованная статья В. Д. Блаватского «Античная археологическая архитектура». По его мнению, «античная археологическая архитектура отличается от обычного античного зодчества прежде всего отсутствием наружного объема и обладает только внутренним пространством. Исключением являются только различного рода насыпи: валы и курганы, которые могут быть не только на нынешней поверхности, но случаются и под культурным слоем». Другими словами, археологическая архитектура представляет собой только ямы (хозяйственные, зерновые, колодези, траншеи выборки камня стен построек, грунтовые могилы различной конструкции), выявляемые посредством раскопок.

В. Д. Блаватский подробно останавливается на методике раскопок этих групп памятников, особенностях их изучения. Хотя статья не была завершена, автором она, как и все его работы, аргументирована огромным материалом, опытом раскопок самого В. Д. Блаватского и бесспорно важна для всех археологов и историков.

В докладе Г. А. Кошеленко «В. Д. Блаватский как исследователь культуры античного мира» отмечены основные этапы научного пути ученого, ставшего одним из создателей советского антиковедения. Становление В. Д. Блаватского как ученого проходило в 20-е годы. Большое значение для формирования его мировоззрения и научных интересов имела работа в ГМИИ и участие в Ольвийской экспедиции под руководством Б. В. Фармаковского.

В 30-е годы В. Д. Блаватский проводит самостоятельные раскопки в Хараксе и Фанагории, начинает преподавательскую деятельность, пишет первые монографии. В 1943 г. он защитил докторскую диссертацию, а с 1944 г. становится руководителем созданного им сектора античной археологии. 40—60-е годы — период наиболее активной работы В. Д. Блаватского. В это время выходят его наиболее известные книги и статьи, проводятся большие экспедиции в Керчи, на Таманском полуострове, в Албании, организуется подводная экспедиция; В. Д. Блаватский участвует в работе ряда крупнейших научных конгрессов у нас в стране и за рубежом, ведет большую преподавательскую работу. Именно в эти годы В. Д. Блаватский становится общепризнанным руководителем советских антиковедов.

Научный путь Владимира Дмитриевича Блаватского — искусствоведа, археолога, историка — путь к историзму в исследованиях. Для него всегда был характерен всесторонний подход к изучению античного общества. В. Д. Блаватский обладал редким даром открывать новые проблемы и направления исследований. Будучи выдающимся

специалистом, требовательным и чутким учителем, Владимир Дмитриевич Блаватский являл собой образец ученого-гуманиста.

В. И. Кузищин в докладе «Социально-экономическая история античности в трудах В. Д. Блаватского» показал, что социально-экономические проблемы античности разрабатывались В. Д. Блаватским в трех основных направлениях: изучение экономики и социальных отношений на Боспоре, выявление основных линий социально-экономического развития всего Северного Причерноморья и создание общей концепции, характеризующей развитие всего античного мира.

Для всестороннего комплексного решения этого круга проблем требовалась большая эрудиция, исключительная работоспособность и увлеченность исследователя, т. е. те качества, которыми в полной мере обладал В. Д. Блаватский. Именно ему принадлежит обоснование положений о ведущей роли земледелия в боспорской экономике, о характере экономических перемен на Боспоре в III—II вв. до н. э., о разной организации хозяйства в двух частях этого государства, о хозяйстве Боспора в первых веках нашей эры и др. В. Д. Блаватский предложил новую периодизацию истории Боспора, изучил его ремесло и торговлю. До сих пор не утратила своего значения книга «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М.: Изд-во АН СССР, 1953), сводная работа, подобных которой немного в мировом антиковедении. Подчеркивая связь Северного Причерноморья со всем античным миром, В. Д. Блаватский посвятил ряд статей вопросу о хлебной торговле Боспора и вывозе из Причерноморья рабов.

Чрезвычайно интересной и плодотворной явилась мысль В. Д. Блаватского об особом протоэллинистическом периоде в Боспорской истории.

Тонкий знаток античной культуры, В. Д. Блаватский разрабатывал проблемы возникновения развития и специфики античного города, взаимодействия природы и античного общества, а также вопрос об историческом месте античного и восточного обществ в рамках одной социально-экономической формации.

Роль традиции в греческом искусстве была освещена в докладе М. М. Кобылиной. Период архаики был временем создания первых воплощений мифологических представлений. На чернофигурных вазах VII—VI вв. до н. э. схематические плоскостные изображения богов и героев связаны в целостные композиции линейным ритмом.

В период расцвета полиса создаются классические образы богов и героев, исполненные глубокого общественного содержания. В связи с религиозными традициями и политическим консерватизмом в V—IV вв. до н. э. в произведениях искусства заметно стремление сохранить архаические черты образа божеств и элементы стиля.

Лучшие произведения этого стиля были созданы в IV—III вв. до н. э. В позднеэллинистический период религиозные традиции забывались. В вотивных приношениях большого числа полуремесленных изделий наблюдается эклектизм. Он связан с живым общением городов между собой, проникновением иноземных культов. В эллинистических центрах, Пергаме, Александрии и др., в связи с пробуждением интереса к прошлому создаются копии в подражании архаике.

В докладе Н. А. Онайко «Боспорская торевтика и ее место в искусстве Северного Причерноморья» анализировались предметы художественного ремесла Боспора. Докладчица отметила, что города Северного Причерноморья являлись центрами производства изделий торевтики, среди которых выделяются бронзовые зеркала и различные золотые предметы.

Наряду с чисто греческими в их сюжетах есть мотивы, выработанные северопричерноморскими торевтами: изображения различных культов, варварских обрядов и мифологических и эпических преданий, связанных с варварами.

Автор придерживается точки зрения о Боспорском происхождении этих золотых изделий. Основная масса их найдена на Боспоре и в Приднепровье, тесно экономически связанным с Боспором. Ольвия и тем более Херсонес не составили в области торевтики серьезной конкуренции Боспору.

Большая популярность изделий боспорской торевтики у варваров объясняется тесными греко-варварскими контактами, близостью мировоззрения греков и ведущих северопричерноморских племен, тем обстоятельством, что греки легко воспринимали чужие религиозные верования.

Огромный масштаб производства боспорской торевтики определялся не столько

потребностями жителей греческих городов, сколько запросами варварского окружения.

Понятию «теория» в древнегреческой философии был в основном посвящен доклад Ф. Х. Кессиди. Он дал обоснованную критику мнению ряда исследователей об отсутствии исторического мышления у древних греков, в понимании которых теория есть сочетание абстрактного мышления и чувственного восприятия. Мир эллинов был единством духовного и материального, и чистого «духа» они не знали. Однако древнегреческая «теория» не была направлена на овладение силами природы и на овеществление знаний. В их философских учениях синтез преобладал над анализом.

Величайшей заслугой древнегреческой философии было само теоретическое мышление, создание всего аппарата терминов и понятий, которыми мы пользуемся и до сих пор.

Созерцательный подход, изучение жизни как бы со стороны, подчеркнуто отрицательное отношение к славе, наживе вовсе не свидетельствуют об отсутствии связи философов с политической деятельностью, реальной жизнью. Принцип — знания должны быть совмещены с добродетелью — один из основных в античной философии, а стремление реализовать свои взгляды вообще характерно для древнегреческих философов.

Н. А. Сидорова в докладе, посвященном атрибуции чернофигурных ваз из собрания ГМИИ, отметила, что очень многие из античных расписных ваз были очищены и определены еще в 20—30-х годах В. Д. Блаватским. Дальнейшие исследования, как правило, подтверждали сделанные им выводы. Затем Н. А. Сидорова на нескольких конкретных примерах рассказала о новых исследованиях в области античной вазописи: определение стиля, мастеров и центров производства.

Основное внимание в докладе И. Г. Шургая было уделено определению характера власти ранних Спартокидов. Главные положения автора сводятся к следующему: греческое полисное право рассматривало первых Спартокидов как тиранов и их власть осуществлялась в насильственной форме в борьбе с противниками — полисной аристократией. Социальной базой власти боспорских тиранов были, вероятно, торгово-ремесленные слои городского населения. Как отмечал В. Д. Блаватский, начиная со Спартока III правящая власть превращается в монархию эллинистического типа. Долговременность и устойчивость правления династии Спартокидов объясняется И. Г. Шургая самой спецификой Боспорского государства, соединявшего греческие полисы с обширной варварской хорой. Земельные владения Спартокидов позволяли им содержать верных слуг и чиновников, а доходы от хлебной торговли были источниками обогащения, оплаты наемников и престижа власти.

В заключительном слове Г. А. Кошеленко было еще раз подчеркнуто значение научной деятельности В. Д. Блаватского в различных областях антиковедения. Решено проводить «Чтения памяти В. Д. Блаватского» регулярно, раз в два года, приурочивая их к дате основания сектора античной археологии, привлекая к ним широкий круг специалистов-антиковедов из различных учреждений страны.

Масленников А. А.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРЮНОВА

На сорок втором году жизни скончался Евгений Алексеевич Горюнов (1940—1981), талантливый ученый, человек щедрой доброжелательности, неутомимой творческой энергии, автор более 30 печатных работ, снискавших ему авторитет вдумчивого и серьезного исследователя. В секторе славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР он возглавлял творческое направление, связанное с изучением ранней истории славян,— направление, стремящееся заполнить ту историческую брешь, которая все еще существует в наших знаниях о ранних этапах достоверной славянорусской истории и археологии. Хотя он сам был еще сравнительно молод, вокруг него уже группировалась молодежь, у него уже были ученики. Прошло бы еще несколько лет и можно было бы говорить о горюновской школе в славянской археологии.

Родился Е. А. Горюнов в 1940 г. в Ленинграде. После окончания в 1967 г. кафедры археологии исторического факультета ЛГУ он был принят стажером-исследователем в ЛОИА АН СССР. Дальнейший путь молодого ученого отмечен упорными исканиями в области славянской археологии под руководством таких строгих и требовательных учителей, как П. Н. Третьяков и И. И. Ляпушкин.

Вместе с П. Н. Третьяковым Е. А. Горюнов искал и исследовал те деснинские постзарубинецкие памятники, обнаружение которых направило изучение проблемы генезиса раннеславянской культуры в новое русло и явилось, после выявления древностей корчакской, пеньковской и колочинской культур, крупнейшим открытием славянской археологии за последнее сорокалетие. Одновременно молодой стажер-исследователь осваивал широкий круг проблем славянской археологии. В результате этой работы появился обстоятельный обзор «Раннеславянские древности в чешской, немецкой и польской литературе» (СА, 1970, № 4).

Дело, начатое вместе с П. Н. Третьяковым, Е. А. Горюнов продолжил самостоятельно. Опыт, приобретенный в Среднем Подесенье помогал в разведках на украинском днепровском Левобережье, и по его маршрутам потянулись цепочки новооткрытых памятников, сходных с деснинскими. В том преобразовании археологической карты Левобережья, которое произошло за последнее десятилетие, существенная роль принадлежит Е. А. Горюнову (Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII в.— СА, 1973, № 4).

Исследователь обладал удивительно тонким чутьем аналитика. Во внешне скупой археологической культуре он замечал мельчайшие вариации форм керамики, по их сочетаемости в комплексах умел выявить относительную хронологию памятников, казавшихся неискушенному глазу весьма однообразными. Блестящий пример такой методики дает его статья «О периодизации деснинских древностей второй и третьей четверти I тысячелетия н. э.» (Археологія, 1975, № 18). Разновременность комплексов была им выявлена и на поселении Хитцы на р. Удай близ г. Лубны — одном из наиболее исследованных в настоящее время памятников пеньковской культуры, раскапывавшемся Е. А. Горюновым в течение ряда лет.

Все сделанное до 1977 г. было обобщено Е. А. Горюновым в кандидатской диссертации «К истории днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия— I в. н. э.». В ней был выдвинут и поставлен на реальную фактологическую основу целый ряд принципиально новых положений. Параллельно с В. Н. Даниленко он пришел к выводу о необходимости рассматривать ряд казавшихся разрозненными постзарубинецких групп как единую «Киевскую» культуру. Убедительно было продемонстрировано перерастание ее в колочинскую культуру. Оригинальные идеи выдвигались и относительно происхождения волынцевской и роменско-боршевской культур.

Основным качеством работ Е. А. Горюнова была их основательность, строгость и чистота метода. Он никогда не спешил с выводами, скрупулезно отбирал, искал, накапливал материалы, пока они не начинали говорить сами за себя. Методично, шаг за шагом, он обследовал верховья р. Псла, намеревался продвигаться все далее к югу, с тем чтобы выяснить соотношение памятников киевской культуры с синхронными черняховскими древностями, чтобы прояснить вопрос о взаимосвязи пеньковской и киевской культур. И уже удалось расчленить пеньковскую культуру. (КСИА АН СССР, 1981, № 164), уже назрела необходимость хронологического членения киевской культуры, подбирались материалы своеобразного ее горизонта II в. н. э. (типа поселения Вовки). Он еще успел прочитать корректуру своей кни-

ги «Ранние этапы истории славян днепровского Левобережья», но, к сожалению, она остается последней работой Евгения Алексеевича.

Е. А. Горюнов чтил память своих наставников. Он (совместно с Л. М. Всевиновым) — автор биобиблиографии о П. Н. Третьякове, приложил немало усилий для издания посмертной книги своего учителя о ранней истории славян.

Многое успел сделать Е. А. Горюнов за короткое время. В значительной мере благодаря его усилиям изучение генезиса раннеславянской культуры поднялось на качественно новую ступень. Но еще больше он не успел.

Е. А. Горюнова всегда отмечали честность, принципиальность, самодисциплина, человечность, беспредельная преданность избранному делу. Он по праву заслужил общую любовь всех, кто его знал. Вот поэтому всем нам так дорога память об этом человеке.

Кирпичников А. Н., Щукин М. Б.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АИУ — Археологические исследования на Украине
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БГУ — Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина. Минск
БФ АН СССР — Башкирский филиал АН СССР
ВА — Вопросы антропологии
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ВИ — Вопросы истории
ГИМ — Гос. Исторический музей. М.
ГНМ — Годишник на Народния археологически музей. София
ГПНТБ — Гос. публичная научно-техническая библиотека
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Спб.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Български археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МарНИИЯЛЭ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и экономики при Совете Министров Марийской АССР
МАУ — Матеріали з автропології України. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
МЭ — Материалы по этнографии (Географическое общество СССР). Л.
ОАК — Отчет Археологической комиссии
Працы — Працы секцыі археалогіі. Мінск
РОКМ — Ростовский областной краеведческий музей
РФ ИИЯЛ ДФАН СССР — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР
СТ — Советская тюркология. М.
СЭ — Советская этнография
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
ТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества

Тр. МНИИЯЛИЭ — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
Уч. зап. МОПИ — Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
Am. A — Amerikan Antiquity. Menasha — Solt Lake City
AAC — Acta archaeologica Carpathica. Kraków
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American Journal of Archaeology. Institute of America
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
ESA — Eurasia Septentrionalis Antigua. Helsinki
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Francaise et Afganistan. Paris
PAr — Památky Archeologické. Praha
RA — Revue archéologique. Paris
SM — Schweizer Münzblätter. Bern

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1982 год

	№	стр.
Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики КПСС (Мунчаев Р. М.)	4	5
Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа	2	135
Айбабин А. И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне	3	190
Александренков Э. Г., Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка в Смоленском Поднепровье	1	207
Алексеев В. П. Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина	1	44
Алексеев В. П. Jayaswal V. Palaeohistory of India (A Study of the Prepared core technique). Adam Kala Prakashan, Delhi, 1978	2	260
Андреева Ж. В. Ответ Д. Л. Бродянскому	4	284
Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобяковской культуры	3	139
Арсеньева Т. М., Казакова Л. М. Двадцать лет работы музея-заповедника «Танаис»	2	292
Артемова В. Д. Микролитический инвентарь 2-го слоя Костенок VIII (Тельманская стоянка)	1	21
Астахов С. Н. Голубая I — позднепалеолитическая стоянка на Енисее	4	119
Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сыродутного горна	2	168
Бабаев А. Д. Коропластика Чим-кургана (Северный Таджикистан)	4	232
Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г. Срубные погребения I Осинковского могильника	1	219
Башилов В. А. Trigger B. Time and Traditions. Essays in archaeological interpretation. Edinburgh, 1978	1	279
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.) Минск, 1978	3	243
Белый А. В., Манучарян А. А. Печать-перстень с армянской надписью из Крыма	3	229
Беляев С. А. Fülep F. Roman Cemeteries on the territory of Pécs (Sopianae). Budapest, 1977	2	267
Борисов С. Б. [Рец.] Lashkari-Bazar. Une résidence royale ghaznevide et ghoride. Paris, 1978	2	269
Буров В. А. Вечевая площадь Неревского конца древнего Новгорода	3	181
Винников А. З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э.	3	165
Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Могильник XIV—XVI вв. в окрестностях Сухуми	2	254
Габуев Т. А. Костяные наконечники стрел с городища Джеты-асар 2	2	235
Гайдуков П. Г., Сергина Т. В. Монетный штемпель первой трети XVI в. из Пскова	1	255
Гайдуков П. Г., Завьялов В. И. I Всесоюзная методологическая школа молодых археологов	3	282
Гамзатов Г. Г. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII—XVII вв.)	1	71
Гамзатов Г. Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья	3	231
Генинг В. Ф. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981	1	284
Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л. Об одной категории костяных изделий срубной культуры	4	228
Голенцов А. С. Драчук В. С., Кара Я. Б., Челышев Ю. В. Керкинитида — Гёзлёв — Евпатория (серия «Археологические памятники Крыма»). Симферополь, 1977	1	262
Голубева Л. А. Новые скандинавские находки в Белозерье	3	227
Горончаровский В. А. Свинцовая гиря из Илурата	1	236
Гришин Ю. С. К вопросу о датировке забайкальско-монгольских писаниц	1	224
Гришин Ю. С. Дуройская стоянка эпохи раннего металла в юго-восточном Забайкалье	4	222
Давыдова А. В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника	1	132
Данилов С. В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье	1	229
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.)	2	196

	№	стр.
Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии	1	95
Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке	1	54
Ерофеев Ю. Н. О некоторых неточностях в изложении истории исследований Ярополча Залесского (Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978)	4	260
Жилин М. Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I	3	219
Журавлев А. П. Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера	1	204
Журавлев А. П. Глиняная фигурка водоплавающей птицы на стоянке Илекса I	4	216
Иванов В. А. Городище Петер-тау (Юлдашевское)	3	199
Ильюков Л. С., Ларенок П. А. Сухо-Чалтырские курганы бронзового века	4	157
Исланова И. В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого	2	185
Кавельмахер В. В. О времени построения Пятницкой церкви на подоле в г. Загорске	2	245
Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований)	3	47
Кияшко А. В., Мамонтов В. И. Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника	4	216
Коваленко В. П. Новый вариант печати Великого князя Всеволода Ярославича	4	245
Козенкова В. И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа	3	14
Козенкова В. И. X Крупновские чтения (Москва, 1980 г.)	4	287
Колотухин В. А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму	1	105
Коль Филип Л., Гескель Денис Л. Археологические памятники равнины Дарре Газ (распространение системы хронологии Намазга на материалы Иранского Хорасана)	4	33
Кононенко Н. А. К вопросу о назначении терочников (по материалам памятников Приморья III—I тысячелетий до н. э.)	2	214
Кореневский С. Н., Петренко В. Г. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево	2	96
Кореняко В. А. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче	2	223
Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона	3	149
Кошеленко Г. А. Petsas Ph. Pella: Alexander the Greats' Capital. Thessaloniki, 1978	2	263
Кошеленко Г. А., Сарианиди В. И. [Рец.] The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period. London — New-York — San Francisko, 1978	3	260
Крамаровский М. Г., Полубояринова М. Д. К характеристике ювелирного дела Золотой Орды	3	96
Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы	3	63
Краснов Ю. А. [Рец.] Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры (Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, вып. 63, Саранск, 1979)	4	274
Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки	1	238
Кудрявцев А. А. О новой хронологии древнего Дербента	4	165
Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978	2	277
Кузьменко Ю. К. Надпись-граффити на подвеске со знаком Рюриковичей	1	247
Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса	1	155
Кушнир И. И. К топографии Неревского конца Новгорода в XVI веке	1	62
Кызласов И. Л., Могильников В. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий»	1	294
Ларенок П. А. О Каталоге археологических коллекций музея истории Донского казачества (письмо в редакцию)	4	284
Лебедев Ю. С., Самохина Т. М. Использование трансформируемых сооружений для защиты и экспозиции археологических памятников	3	278
Левушкина С. В. Средневековый кувшин для нефти с городища Будрач	4	246
Леньков В. Д., Щека С. А. Опыт выявления сырьевой базы чжурчжэньской металлургии по данным физико-химических анализов	1	195
Лисицына Г. Н. V Международный симпозиум по палеоэтноботанике	2	300
Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи	4	91
Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Шлем из селения Ярышмарды (Чечено-Ингушетия)	2	250
Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю. Караван-сараи Центрального Устюрта	1	170
Масленников А. А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры	1	33
Масленников А. А. Чтения памяти Владимира Дмитриевича Блаватского	4	291

	№	стр.
Матюхин А. С. Girard C. Les industries maustériennes de la grotte de l'Hyène à Arcy-sur-Cure. Paris, 1978	3	254
Мачинский Д. А., Шаскольский И. П. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978	2	288
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Первый советско-американский симпозиум по археологии	3	284
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Поселение убейдской культуры Ярымтепе III в Северной Месопотамии	4	133
Михайлов Б. Д. Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы	4	150
Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша	2	156
Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г.	2	113
Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега — Михаила Святославича	1	251
Молчанов А. А. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате»	3	223
Моргунов Ю. Ю. Летописный город Вьяхань	2	237
Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на р. Уршак	4	214
Моруженко А. А. Всесоюзная конференция «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы»	2	298
Нгуен Кхак Ши. Культура Шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии	**3**	**5**
Николаева Т. В. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980	1	275
Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве	3	210
Окладников А. П., **Худяков Ю. С.** Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980	3	264
Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время	4	61
Оманжулов Т. Новые находки эпохи раннего мезолита в районе Нуратинских гор (Уз.ССР)	2	210
Онайко Н. А. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом	1	233
Онайко Н. А. [Рец.] О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья	4	248
Охонько Н. А., Отюцкий И. В. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска	4	235
Ошибкина С. В. Мезолитический могильник «Попово» на р. Кинеме	3	122
Паньков С. В. О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.	4	201
Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника	4	186
Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы	3	35
Плетнева С. А. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979	1	271
Пуцко В. Г. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1979	3	248
Рахматуллаев И. Жилой квартал древнего городища Пенджикент	1	143
Риер Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X—XII вв.	4	107
Рындина Н. В., Конькова Л. В. О происхождении больших усатовских кинжалов	2	30
Сагдуллаев А. С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии	2	229
Сапрыкин С. Ю. [Рец.] Новые книги о древней Колхиде	1	265
Седов В. В. Weithmann Michael W. Die Slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978	2	274
Семенов А. И. [Рец.] Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества. Новочеркасск, 1979	4	278
Семенов Вл. А. Памятники афанасьевской культуры в Саянах	4	219
Сергин В. Я. О происхождении и развитии палеолитических поселений	2	5
Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. О некоторых новых публикациях по искусству Гандхары	4	264
Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования)	2	43
Смирнов А. С. Новые неолитические памятники Брянского Подесенья	2	71
Смирнов А. С. Неолитические стоянки Жеренских озер	3	103
Смирнов К. Ф., «Амазонка» IV века до н. э. на Дону	1	120
Сулейман А. Цивилизация Эбла и культура сирийских кубков	4	48
Татаринов С. И. Раннескифское погребение из Приазовья	1	227
Телегин Д. Я. Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области	1	222
Телегин Д. Я., Филенко О. С. Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье	1	80
Тереножкин А. И. Ягорлыцкий котел	2	218
Тереножкин А. И. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980	3	267

	№	стр.
Третьяков В. П. К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита)	2	14
Третьяков В. П. О неолите Верхнего Подонья	4	21
Уманский А. П., Неверов С. В. Находки из погребений IX—X вв. в долине р. Алея на Алтае	2	176
Фам Ли Хыонг. Состав глины расписной керамики ранних земледельцев Южного Туркменистана	1	88
Федоров-Давыдов Г. А. Из истории русской археологии и нумизматики (Х. М. Френ, 1782—1851)	3	289
Федорова Н. В. Два серебряных сосуда из района г. Сургута	1	183
Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе	2	57
Фехнер М. В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня	4	243
Формозов А. А. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура)	1	5
Формозов А. А. Новая книга о пещере Ласко (Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. XII Suppléments à «Gallia Préhistoire». Paris, 1979	3	250
Цветкова И. К., Кравцов А. Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I	2	82
Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян	4	82
Черных Е. Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы)	4	8
Чижова Л. В. Об одном сюжете культовых пластин Прикамья	1	260
Чижова Л. В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья)	3	81
Шилов В. П. Топор майкопской культуры в Калмыкии	1	215
Шишкин К. В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей	3	235
Штейн Е. Э. Clavel-Leveque M. Marseille grecque. Marseille, 1977	3	270
Эрдниев У. Э. Курган древнеямной культуры в Калмыкии	1	213
Памяти Григория Дмитриевича Белова	1	299
Памяти Ираиды Борисовны Зеест	1	301
Памяти Ванды Иосифовны Мошинской	1	300
Алексей Павлович Окладников	3	291
Алексей Иванович Тереножкин	3	297
Марта Хансовна Шмидехельм	3	299
Памяти Евгения Алексеевича Горюнова	4	294

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В этом номере журнала печатаются Правила приема статей с изменением требований к оформлению библиографии в связи с Правилами, принятыми ГОСТом.

Новый порядок оформления библиографии введен с № 3 — 1981 года.

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. В тексте указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80].

Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются **на русском языке: т., рис., табл., с.**

Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой (^{1}, ^{2}, ...).

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и **в список цитированной литературы не вносятся.** Если используются переводные источники, тогда они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

6. **В журнале принят следующий порядок оформления списка литературы:**

Книги, сборники

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Для литературы на иностранных языках вместо — В кн.: писать In:

Журналы и продолжающиеся издания

(Труды, Ученые Записки, Сообщения, а также сборники типа МИА, КСИА, КСИИМК)

3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2.
4. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
5. Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

7. Фамилия автора. Название статьи.— АО — 1969. М., 1970.
8. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

9. Черных Е. Н.— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.— EW, v. 23, N 1—2.

Авторефераты диссертаций

11. Арутюнян Н. В. Бнайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1968.
12. Аскаров А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1962.

13. Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис.: ИА АН СССР, 1966. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1959.
14. Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4876.

7. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

8. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10; для раздела «Заметки» — не более 3. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

9. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16.07.82. Подписано к печати 30.09.82 Т-10592 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 87,6 тыс. Уч.-изд. л. 30,1 Бум. л. 9,5
Тираж 3272 экз. Зак. 1872

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10